Власть истории – История власти

Том 12. Часть 5. (№71)

The Power Of History – The History Of Power

Volume 12. Issue 5. (№71)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481 от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482 от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень **ВАК** (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015
8 номеров в год
E-mail: etnosocium@mail.ru
Сайт: http://etnosocium.ru/vi
Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500
Усл. п. л. 29,375

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум», 105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2026

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481 Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482 Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

"The Power Of History" aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of **HAC** (№ 694)

We express our gratitude of the outstanding scientists and public figures, who made a financial contribution to the project.

ISSN 2415-7015
8 issues per year
E-mail: etnosocium@mail.ru
Website: http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv
Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.
Corrector: Belousova E.A.
Paper: offset
Types: Minion Pro
Format: 60x90
Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»
Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»
105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарные науки» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

Ашрапов Б.П., кандидат филологических наук. Доцент кафедры английского языка, ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова».

Степанов С.А., доктор исторических наук, профессор. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Юридический институт, кафедра публичной политики и истории государства и права.

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, Associate Professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Psychological Institute of the Russian Academy of Education".

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the "Academy of Ecology and Law".

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

Ashrapov B.P., Candidate of Philological Sciences. Associate Professor, Department of English, Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov.

Stepanov S.A., Doctor of Historical Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute, Department of Public Policy and History of State and Law.

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Ян Минтянь Символическая система русской исторической песни как код национального духа.....14

Ашрапов (Ашрафзода) Б.П. Морфологических особенностей и словообразовательного потенциала таджикского наречного префикса no- и его английских эквивалентов.....27

Ли Цзяси Механизмы метафоризации в конструкции глаголов-сложений.....38

Басте З.Ю., Батурьян М.А. Идентификация и категоризация метафор на основе их когнитивных структур.....45

Губин А.Ю. «Новая женщина» в литературе и жизни: гендерный экспериментФедора Гладкова и женское самосознание эпохи.....50

Девидовская П.А., Танчук А.С. Функционально-прагматические особенности коммуникативных стратегий в жанре англоязычного делового медиа интервью.....60

Зайцева Е.А., Жарова Э.М., Гинзбург О.В., Новикова И.В. Оценка освоенности английской лексики у младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности как условие формирования лексических навыков....72

Золотарёв Я.А. Название статьи: проект создания литературной нормы для старосибирского старожильческого диалекта.....80

Козлова Г.В. Особенности вариативности грамматической нормы (на материале английского языка).....88

Кунгурова И.М., Залевская В.Ю., Колесова Я.А., Лоншакова Д.Д., Червова А.А. Формирование языковой креативности: интеграция креативного письма в программу изучения английского языка.....95

Резник В.А. Эволютивный и социальный контекст становления лингвокультурного типажа «British Lord».....111

Содикова Р.А. Некоторые проблемы, связанные с эквивалентностью и синтаксическими преобразованиями при переводе сложных предложений на английский и таджикский языки...116

Нораева Е.М., Чубарова Ю.Е., Орлова Т.А., Резепова Н.В. Зооморфная метафора как когнитивный механизм терминообразования в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе.....129

Уральский К.Ю. Роль окказиональных фразеологизмов в создании художественного образа в английской литературе.....143

Ли Цзяси Особенности словообразовательных моделей глаголов-сложений в современном русском языке.....150

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Рябова Е.Л., Терновая Л.О. «Управляемая фрагментация»: макрорегионы и новые правила мировой игры.....158

Шумский М.Р. Французская знать в эпоху гугенотских войн: конфессиональная идентичность, восприятие конфликта и политический выбор.....167

Абзианидзе Г.В. Двусторонние отношения КНДР и Республики Беларусь в новом тысячелетии: ретроспектива и современное состояние.....176

Иванов М.А. Политика сдерживания Египта как инструмент обеспечения британских интересов в средиземноморье в конце 1820-х гг.....191

Мусаева Г.Ф. Развитие древних культурных туристических ресурсов в Азербайджане и их сохранение в рамках ЮНЕСКО.....202

Каун С.Б., Набока Д.Ю. Пражский и франкфуртский мирные договоры в контексте венской системы международных отношений....216

Назин В.Ю. От Шлахтерс-Нека до Манифеста Ретифа (1815–1837): системные противоречия британской колониальной политики и формирование бурской идентичности отказа.....230

Петрова С.И., Жидяева Е.С. Культура и мораль: диалектика взаимосвязи и взаимообусловленности.....242

Савинов А.Л., Фадеев Ю.Е., Купцов М.А., Чернов А.М. От доходных катеров к береговой охране: институциональное становление морской правоохранительной службы США (1790–1915)...250

Самойленко И.С. Экономическое взаимодействие России и Канады в период с 2003 по 2006 гг.....259

Суворов Л.П., Дирекджи А.В. Проблема афганских беженцев в Иране после прихода к власти в Афганистане движения Талибан в 2021 году.....269

Зайцев А.И., Вартумян А.А. Партийно-идеологические программные установки политических партий Сербии на рубеже XX - начала XXI века.....281

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Миркин В.В., Левченко С.Е. Трансформация полиграфических и коммуникационных технологий советской военной печати в 1941–1945 годах.....288

Магсумов Т.А. Становление Набережночелнинского государственного педагогического университета (1980–2002 годы).....295

Неумоин А.М. Роль «второстепенных» интервентов
и их взаимодействие с белым движением в 1918-1920 гг.....309
Шанихина Н.Н., Нечаева П.П., Земцова Ю.В. «Русская правда»
как памятник права: отражение социальной иерархии древней Руси.....320
Никитина И.Ю. Камчатская переселенческая экспедиция
1908-1909 гг.: цели, результаты, административные преобразования.....326
Тимербулатов Т.А. Исторический опыт развития
системы обеспечения информационной
безопасности в РСФСР в 1929–1941 годах.
Часть 3. Защита информации техническими средствами.....334
Антипов А.А. К вопросу
об общественно-политическом положении академического
сообщества Московского университета в 1917 году.....348
Батура А.А. Механизмы формирования
идентичности в большевистской пропаганде
(на материалах енисейской губернии, 1918–1920 гг.).....358
Важенин Д.А. Советская и постсоветская
историография о топливной промышленности при временном
правительстве: смена парадигм и переоценка фактов.....369
Гетьман Д.И. Городская больница
в системе санитарного контроля: сравнительный анализ
лечебных заведений Санкт-Петербурга и крупных городов
Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX веков.....379
Ермолаев А.Н., Ермолаева Ю.Н. Оцифровка якутской
деревянной посуды «кытах», «кытыйа», «эт хоторор иһит»
методом фотограмметрии: процесс и перспективы.....388
Иванов С.Е. Профсоюзная документация
как источник региональной школьной
повседневности: иркутский учитель 1960-1970-х гг.....401
Игнатенко С.В. Состояние судоремонтной промышленности
на северо-западе СССР накануне великой отечественной войны
и ее преобразование с началом военных действий.....410
Корогодина Е.А. Летописание как инструмент политической
борьбы в правление Ивана III: рецепция образа Дмитрия Донского
и риторики «задонщины» в контексте Шелонской битвы.....418
Кузнецов Д.А. «Учебники истории» 1920-х гг.
как средство государственно-партийной пропаганды.....427

Аннотации.....438
Авторы.....464

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Yang Mingtian The symbolic system
of the Russian historical song as a code of the national spirit.....14
Ashrapov (Ashrafzoda) B.P. Morphological
peculiarities and word-building potential
of Tajik adverbial prefix no- and its English equivalents.....27
Li Jiaxi Mechanisms
of metaphorization in the construction of verb-additions.....38
Baste Z.Yu., Baturyan M.A. Identification
and categorization of metaphors based on their cognitive structures.....45
Gubin A.Yu. The "new woman" in literature and life:
Fyodor Gladkov's gender experiment and female self-awareness of the era.....50
Devidovskaya P.A., Tanchuk A.S.
Functional and pragmatic features of communication
strategies in the English-language business media interview genre.....60
Zaitseva E.A., Zharova E.M., Ginzburg O.V., Novikova I.V.
Assessment of English vocabulary acquisition
in primary school children with attention-deficit/hyperactivity
disorder as a condition for developing lexical skills.....72
Yaroslav A.Z. Article title: a project to create
a literary norm for the Old Siberian Old-Timers dialect.....80
Kozlova G.V. The peculiarities
of grammar-norms` variation (with regard to English content).....88
Kungurova I.M., Zalevskaya V.Yu., Kolesova Ya.A.,
Lonshakova D.D., Chervova A.A. Development of linguistic creativity:
integrating creative writing into the English language curriculum.....95
Reznik V.A. Evolutive and social context
of the development of lingua-cultural type "British Lord".....111
Sodiqova R.A. Some issues beset
with equivalence and syntactic transformations
in the translation of complex sentences in English and Tajik.....116
Norayeva E.M., Chubarova Yu.E., Orlova T.A., Rezepova N.V.
Zoomorphic metaphor as a cognitive mechanism
of term formation in English economic publicistic discourse.....129
Uralskiy K.Y. The role of occasional phraseological
units in the creation of artistic images in English literature.....143
Li Jiaxi Features of word-formation
models of verb-additions in modern Russian.....150

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Ryabova E.L., Ternovaya L.O. "Managed Fragmentation": macroregions and the new rules of the global game.....158

Shumsky M.R. The French nobility in the era of the Huguenot wars: confessional identity, perception of the conflict and political choice....167

Abzianidze G.V. Bilateral relations between the DPRK and the Republic of Belarus in the new millennium: retrospective and current state.....176

Ivanov M.A. Egyptian containment policy as an instrument for securing British interests in the mediterranean in the late 1820s.....191

Musayeva G.F. The development of ancient cultural tourism resources in Azerbaijan and preservation in UNESCO.....202

Kaun S.B., Naboka D.Y. The Prague and Frankfurt peace treaties in the context of the Vienna system of international relations.....216

Nazin V.Y. From Slachter's Nek to Retief's manifesto (1815–1837): systemic contradictions of British colonial policy and the formation of Boer "Identity of Refusal".....230

Petrova S.I., Zhidyaeva E.S. Culture and morality: the dialectics of interconnection and interdependence.....242

Savinov A.L., Fadeev Yu.E., Kuptsov M.A., Chernov A.M. From revenue cutters to the coast guard: the institutional formation of the US maritime law enforcement service (1790–1915).....250

Samoylenko I.S. Economic cooperation between Russia and Canada in the period from 2003 to 2006.....259

Suvorov L.P., Direkji A.V. The issue of afghan refugees in Iran after the Taliban's rise to power in Afghanistan in 2021.....269

Zaitsev A.I., Vartumyan A.A. Party-ideological program guidelines of political parties of Serbia at the turn of the 20th and beginning of the 21st centuries.....281

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Mirkin V.V., Levchenko S.E. Transformation of printing and communication technologies in Soviet military printing in 1941–1945...288

Magsumov T.A. The formation of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University (1980–2002).....295

Neumoin A.M. Russian the role of the «secondary» interventors and their interaction with the white movement in 1918-1920.....309
Shanikhina N.N., Nechayeva P.P., Zemtsova Yu.V. «Russkaya pravda» as a legal monument: reflection of the social hierarchy of ancient Rus.....320
Nikitina I.Yu. Kamchatka resettlement expedition 1908-1909: goals, results, administrative changes.....326
Timerbulatov T.A. Historical experience of the development of the information security system in the RSFSR in 1929–1941. Part 3. Information protection by technical means.....334
Antipov A.A. On the socio-political situation of the academic community of Moscow University in 1917.....348
Batura A.A. Mechanisms of identity formation in Bolshevik propaganda (based on materials from the Yenisei province, 1918–1920).....358
Vazhenin D.A. Soviet and post-Soviet historiography on the fuel industry under the provisional government: a paradigm shift and a reassessment of the facts.....369
Getman D.I. The city hospital in the sanitary control system: a comparative analysis of medical institutions in St. Petersburg and major cities of western Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries.....379
Ermolaev A.N., Ermolaeva Yu.N. Digitization of Yakut wooden utensils "kytakh", "kytyya", "et khotoror ihit" by photogrammetry: process and prospects.....388
Ivanov S.E. Trade union documentation as a source of regional school routine: Irkutsk teacher of the 1960s-1970s.....401
Ignatenko S.V. The state of the ship repair industry in the northwest of the USSR on the eve of the Great Patriotic War and its transformation with the outbreak of hostilities.....410
Korogodina E.A. Chronicle as a tool of political struggle during the reign of Ivan III: reception of the image of Dmitry Donskoy and the rhetoric of "zadonshchina" in the context of the Battle of Shelona....418
Kuznetsov D.A. «History textbooks» of the 1920s as a means of state and party propaganda.....427

Abstracts.....452
Authors.....467

Ян Минтянь

Доктор филологических наук. Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай. ORCID: 0000-0001-2345-6789

Символическая система русской исторической песни как код национального духа*

Аннотация. Русская историческая песня, в отличие от былин и лирических песен, фиксирует реальные исторические события. Исследование показывает, что её ландшафтные образы (реки, степи, леса), пространственные структуры (города, дороги) и ключевые символы (солнце, орлы, вороны) образуют целостную художественно-семиотическую систему. Эта система служит не фоном, а активным механизмом осмысления истории. Через неё кодируются и передаются базовые черты русского национального самосознания: глубокое переживание страдания и трагизма, дух сопротивления и борьбы, фаталистическое принятие судьбы, устойчивая идентичность, основанная на сакральных понятиях «Русь» и «земля», а также неугасимая жажда свободы. Таким образом, историческая песня выступает важнейшим носителем коллективной памяти и инструментом формирования национального духа.

Ключевые слова: историческая песня, русский национальный дух, символика ландшафта, коллективная память, народное сознание, пространственные структуры, образная система, страдание и сопротивление, фатализм, национальная идентичность.

Yang Mingtian

Doctor of Philological Sciences. Shanghai International Studies University, Shanghai, China. ORCID: 0000-0001-2345-6789

The symbolic system of the Russian historical song as a code of the national spirit

* © Ян Минтянь, 2026.

Abstract. The Russian historical song, distinct from epics and lyrical songs, documents real historical events. This study reveals that its landscape imagery (rivers, steppes, forests), spatial structures (cities, roads) and core symbols (sun, eagles, ravens) form an integrated artistic-semiotic system. This system functions not as mere background but as an active mechanism for interpreting history. It encodes and transmits fundamental traits of the Russian national consciousness: a profound experience of suffering and tragedy, a spirit of resistance and struggle, a fatalistic acceptance of fate, a stable identity based on sacred concepts like "Rus" and "the land," and an unquenchable thirst for freedom. Therefore, the historical song serves as a crucial carrier of collective memory and an instrument for shaping the national spirit.

Key words: historical song, Russian national spirit, landscape symbolism, collective memory, national consciousness, spatial structures, imagery system, suffering and resistance, fatalism, national identity.

Введение

Русская историческая песня как жанр устного народного творчества представляет собой уникальный феномен культурной памяти. В отличие от эпической условности былин и субъективизма лирической песни, она ориентирована на осмысление ключевых событий национальной истории – от ордынского ига и становления Московского государства до имперских войн и народных движений. Историческая песня не просто фиксирует прошлое, через специфическую поэтическую систему она конструирует нарратив, формирующий коллективное историческое сознание [11, с. 311].

В последние десятилетия в фольклористике и лингвокультурологии актуализировался подход, рассматривающий художественные тексты как сложные семиотические системы, кодирующие ценностные и мировоззренческие константы этноса [1]. В рамках данного подхода настоящая статья фокусируется на анализе ландшафтно-пространственной символики и ядровой образной системы русской исторической песни. Мы исходим из гипотезы, что природные образы (реки, степи, леса), пространственные структуры (город, дорога, пустыня) и устойчивые символические комплексы (солнце/тьма, орёл/ворон) образуют целостный символический код. Этот код, функционируя в рамках «семиосферы» культуры [8, с. 162], выполняет функцию культурного шифра, переводящего конкретные исторические события в план универсальных смыслов и транслирующего базовые параметры русского национального духа – такие как глубинное переживание страдания, дух сопротивления, фатализм, сакрализованная идентичность и тоска по свободе.

Цель исследования – посредством системного анализа корпуса текстов [5] раскрыть механизм работы этого кода и доказать его ключевую роль в формировании и передаче исторической наррации и коллективной иден-

тичности. Теоретическая значимость работы заключается в интеграции методов классической фольклористики, семиотики и исследований национального менталитета. Практическая ценность – в предложении инструментария для декодирования культурных смыслов, заложенных в фольклорных текстах.

Обзор литературы

Настоящее исследование опирается на три взаимосвязанных блока научной литературы: фундаментальные труды по русской исторической песне, работы по поэтике и семиотике культуры, а также исследования, посвящённые русскому национальному характеру и исторической памяти.

1. Классические и современные исследования исторической песни. Фундамент заложен трудами Ю.М. Соколова, предложившего схему комплексного анализа фольклорной песни [11], и Б.Н. Путилова, детально исследовавшего её социальную функцию и межжанровые связи [10, с. 150-155]. Систематизация материала осуществлена в работах А.М. Астаховой [3] и структурный анализ Н.А. Криничной [6]. В современной российской фольклористике наметился поворот к культурно-антропологическим и семиотическим интерпретациям. Исследования, например, в периодике «Живая старина» (см., напр., работы последнего десятилетия по проблемам фольклора и памяти), всё чаще рассматривают песенный нарратив как форму культурной памяти, акцентируя роль топосов и символов в конструировании прошлого. Настоящая работа вступает в диалог именно с этим актуальным трендом.

2. Теоретический базис: от поэтики к семиосфере. Работа Д.С. Лихачёва о поэтике древнерусской литературы, её историзме и средствах эмоциональной выразительности, остаётся методологической опорой [7, с. 89-94]. Семиотический подход задан трудами Ю.М. Лотмана, в частности, концепцией семиосферы как пространства, где генерируются и обмениваются смыслы [8, с. 162-165]. Теория символа в фольклоре, разработанная С.Б. Адоньевой, предоставляет инструментарий для анализа глубинного культурного кодирования образов [1]. Важным дополнением являются современные работы по пространственной семиотике, исследующие, как пространственные категории становятся носителями ценностных оппозиций.

3. Контекст исследований национального духа и идентичности. Интерпретация символов опирается на классические труды, такие как работа Э. Уорнер, анализирующая мифологические представления, обычаи и верования, которые формировали русскую культуру [14]. Анализ духовных доминант (страдание, иррациональность, бунт) учитывает выводы Э.М. Томпсон [13]. Критически важным для данной статьи является корпус современных российских исследований национальной идентичности и исто-

рической памяти [4, с. 6, 14-33, 107-193, 209-235, 314-417, 437], где обсуждаются механизмы консолидации коллективного «мы» через нарративы о прошлом.

4. Научная ниша и цель данной работы. Несмотря на обширную историографию, интегративный анализ, рассматривающий ландшафтно-образную систему исторической песни как единый семиотический код, непосредственно связанный с ядерными структурами национального самосознания, остается недостаточно разработанным [6, с. 5-7]. Данное исследование призвано восполнить эту лакуну, предложив системную модель, в которой поэтика, семиотика и культурология взаимодействуют для декодирования историко-культурного содержания фольклорного текста.

Аргументация

I. Природные ландшафты: свидетели истории и носители эмоционального единения

В русской исторической песне описания ландшафтов отличаются динамичностью и насыщенностью символического содержания. Природные явления регулярно наделяются персонифицированными чертами, выступая синхронными реакторами на исторические катаклизмы и усилителями эмоционального фона.

1. «Отрицательная аналогия и намёк» как предзнаменование или отражение исторических событий

В ряде исторических песен используется характерная конструкция «отрицательная аналогия и намёк» типа:

«*А не сильная туча затучилася,/А не сильные громы грянули…*» («Набег крымского хана») [5, с. 71].

После подобных зачинов раскрывается суть реальных, зачастую конфликтных исторических событий. Примеры: «Смерть царевича Димитрия» [5, с. 123], «Песни о Пугачёве» [5, с. 294].

Функциональная нагрузка данного приёма: создание напряжённой атмосферы ожидания; контрастирование относительно стабильного природного порядка с непредсказуемой, угрожающей исторической бурей; подчёркивание внезапности, разрушительности и антропогенной природы исторических событий. Природа становится инструментом острого восприятия исторических перемен.

2. «Эмпатическая» реакция ландшафтов при исторических трагедиях

Показательный пример – фрагмент из песни «Смерть царицы»:

«*Приутихло, приуныло море синее, / Приутихли, приуныли реки быстрые, / Приутихли, приуныли облака ходячие…*» [5, с. 87]

«Печаль» природных элементов здесь – не простая антропоморфизация, а художественное воплощение коллективной скорби народа. Данный

приём придаёт историческим событиям космический эмоциональный резонанс, усиливает их шокирующую силу и трагическое звучание.

3. Силы природы как активные участники исторического процесса

В текстах природные объекты выходят за рамки пассивного фона действия, например: «Песни о Ермаке» [5, с. 95], «Песни о Разине» [5, с. 162], «Песни о Северной войне» [5, с. 193], «Песни об Отечественной войне 1812 года» [5, с. 317]. Такие элементы ландшафта, как Волга («матушка-река»), голубое море, пустыни, леса, не просто обозначают место событий, но и влияют на судьбы героев. Их характеристики (бурливость, широта, трудности прохода) символизируют суровость военного похода, призыв к свободе, неотвратимость рока. Природные силы становятся полноправными участниками исторического нарратива, формируя смысловые пласты текста и усиливая его эмоциональное воздействие.

II. Пространственные структуры: символические поля власти, конфликта и идентичности

В русской исторической песне пространственная организация текста несёт отчётливую семиотическую нагрузку. Она отражает народное осмысление механизмов власти, природы социальных конфликтов и основ национальной идентичности.

1. Городское пространство как локус власти и завоеваний

Ключевые города – «древний, богатый Тверь», «Казань», «Псков», «Смоленск», «Москва», «Петербург», «Берлин», «Париж» – выступают центральными локусами борьбы за власть. Вокруг них разворачиваются ключевые исторические действия: завоевание («Взятие Казани») [5, с. 48], оборона («Оборона Пскова от Стефана Батория») [5, с. 75], акты управления («Щелкан») [5, с. 43], предательство («Генерал продал Москву») [5, с. 328], сожжение («Француз зажигает Москву») [5, с. 327].

Семантика городского пространства: символ порядка и цивилизованности, воплощение богатства и процветания, центр властной вертикали. Потеря или обретение города напрямую коррелирует с подъёмом или падением династий, честью или позором государства.

Противопоставление русских городов (Тверь, Москва и др.) и «чужих» (Казань, Рига и др.) актуализирует темы национальной идентичности, территориальной экспансии и оборонительной стратегии.

2. Пустыня/равнина как пространство свободы, походов и страданий

Этот пространственный образ – один из наиболее устойчивых в русской исторической песне. Он функционирует как поле сбора войск и ведения боёв («Сражение двух армий» [5, с. 345], «Русские войска разбивают французов» [5, с. 334]), территория свободного передвижения казаков, место бегства, ссылки и погребения («Поход разинцев на Яик» [5, с. 164]).

Символический потенциал пустыни/равнины: отражение географи-

ческих особенностей России; пространство, рождающее воинскую силу (казаки, армия); локус перенесения страданий; место судьбоносных противостояний. Семантика «пустоты» включает ощущение одиночества и отчуждённости, мотив странствия и поиска, монументальную эпичность исторического процесса.

3. Дорога/поход как метафора траектории судьбы

Повторяющиеся в текстах описания – «*Идтить, не идтить нам / На Иртыш реку великую, на сибирскую*»[5, с. 96]; «*Во поход идти / Да Сибирь покорять*» («Песни о Ермаке») [5, с. 98]; «*На работушку государеву*» («Молодцев отправляют на Ладожский канал») [5, с. 218]; «*Российская армия вышла в поход*» («Песни о Семилетней войне») [5, с. 258] – несут следующую смысловую нагрузку: символизируют необратимость исторического процесса, обозначают вектор судьбы личности и коллектива, актуализируют темы военных походов и принудительных повинностей.

Образ дороги в «Песнях о Северной войне» («*…Во чистом поле, под ясным небом; / Ночь коротати во тёмном лесу, / во тёмном лесу, во сыром бору*») [5, с. 196] метафоризирует трудности исторического пути народа; испытания, выпадающие на долю сообщества; протяжённость и тягостность исторического процесса.

III. Ядровая образная система: символическое выражение национального духа

В русской исторической песне устойчивые образные комплексы формируют целостную символическую систему, которая передаёт коллективные представления и духовно-нравственные константы народа.

1. Солнце, звёзды, рассвет

Эта группа образов относится к наивысшей символической сфере и ассоциируется с монархами (царями, царевичами, царицами), национальными героями (Скопин-Шуйский, Пожарский), Русью/Россией в целом.

Ключевые семантические оппозиции: «восход», «вспышка» солнца/звёзд – расцвет государства, легитимация власти; «потемнение», «угасание» – кризис династии, утрата лидера.

Примеры текстовой реализации:

«*Померкло наше красно солнышко, / Потухла звезда подвосточная!*» («Гнев Ивана Грозного на сына») [5, с. 80] – метафора смерти царевича и государственного кризиса. Особая роль «восточной звезды» как знака избранности и судьбы.

«*Когда воссияло на небе красное солнышко, / Когда становилася звезда подвосточная, / Тогда воцарился Грозный царь Иван Васильевич*» («Гнев Ивана Грозного на сына») [5, с. 77] – соотнесение восхода солнца с воцарением.

«*Закатилась то звезда, / Поднебесна моя светла звездонька – / Не стало*

млад царевича» («Иван Грозный молится по сыне») [5, с. 90] – звезда как символ царственного отпрыска.

2. Хищные птицы (орёл/сокол) и вороны: оппозиция «свой – чужой»

Орёл/сокол – символы созидательной силы, олицетворяют русских воинов и героев, царскую власть, справедливость, свободную душу.

Текстовые примеры:

«*Уж как тот орёл Димитрий царевич*» («Смерть царевича Димитрия») [5, с. 123].

«*Вождь Степан… его лодка впереди, / Вперёд он бежит, как сокол летит*» («Поход Разинцев на Яик») [5, с. 164].

Полёт птицы символизирует силу и высоту духа, свободу, воинскую доблесть.

Вороны – символы деструктивного начала, ассоциируются с смертью, злом, захватчиками, предателями и враждебными силами.

Текстовые примеры:

«*Не серые гуси там возгоковали, возгоковали, / Возгоковали, не чёрные там, / Чёрны там три ворона возлетывали, возлетывали – / Из устьица там выбегали три стружка*» («Песни о Разине») [5, с. 164].

«*Как не из за лесов то дремучих стая воронов слеталася, / Сходился весь московский народ на площадь Красную…*» («Василий Шуйский») [5, с. 135].

Семантика символа вороны строится на чёрном цвете, крике как знаке беды, падальщицкой природе – всё это кодирует враждебное, низменное начало.

Оппозиция «орёл/сокол – вороны» отражает фольклорное противопоставление «своего» (героического, благородного) и «чужого» (злого, низменного).

3. Тучи, гром, буря: символы исторических потрясений

Эти образы передают вспышку войны, масштабную катастрофу, гнев правителя и неумолимый ход истории. Текстовые примеры:

«*Из гор из высоких, / Не чёрные они тучи / Из гор подымались; / Не грозные ли громы / Они из туч они приударили, / Что не князь Воронцов по своей армеюшке / Да он разъезжает…*» («Песни о Семилетней войне») [5, с. 277].

«*Сильно буря прошумела, / Взволновалася в море вода, / Меж народу пролетело: / Нам весной идти скоро в поход*» («Песни о восточной войне 1812 года») [5, с. 381].

Природные стихии выступают точными метафорами резких социально-исторических переломов, неконтролируемой мощи исторических событий.

4. Деревья (дуб, ива) и лес: пространственно-символические образы

«Сырой дуб» часто выступает как фон сцены действия или метафора

стойкости. «Верба кудреватая» в «Смерти царицы» [5, с. 87] – метафора двух молодых царевичей; семантика гибкости, уязвимости, возможного унижения. Лес – пространство укрытия войск, зона деятельности казаков, локус неопределённой угрозы. Например: «*Мимо лесику, мимо бору сырого / Пролегала путь дороженька…*» («Песни о событиях в Средней Азии») [5, с. 375].

Лес в исторической песне маркирует пограничные, неосвоенные территории, создаёт атмосферу неизвестности и испытания, служит фоном для героических и трагических событий.

IV. Выражение концепций: национальная идентичность в страданиях, борьбе и фатализме

Русская историческая песня посредством развёрнутой символической системы ландшафтов и образов транслирует фундаментальные национальные концепции, устойчиво воспроизводимые в фольклорном сознании.

1. Глубокое чувство страданий

Поэтические тексты не смягчают, а напротив – предельно обнажают жестокость исторического процесса. Лексический строй насыщен глаголами со значением насильственного действия: «*рвать*», «*убивать*», «*забирать*», «*ругать*», «*казнить*», «*вешать*» (6.15%от общего объема лексики). Визуальные образы доводят до предельной конкретности переживаемое страдание:

«*Ты молчи, моя родимая матушка! /Ничего ты не знаешь, не ведаешь. / Что не сам-то я напиваюся – / Напоил меня злой пруцкой король, / Напоил меня он свинцом, порохом, / Опохмелел он из медной пушечки*» («Возвращение Суворова») [5, с. 290].

Пространственные маркеры усиливают ощущение тотальности бедствия: природные ландшафты – степь, мокрый и холодный лес, земля, покрытая полынью; социально-исторические локусы – поле боя, дорога в ссылку.

Совокупность этих элементов формирует целостный образ колоссальных страданий, выпавших на долю народа в ходе исторического развития.

Истоки страданий многообразны: внешние вторжения (татары, турки, шведы, французы); внутренняя тирания (гнев Ивана Грозного, интриги Годунова, суровые цари); социальные потрясения (восстания Разина и Пугачёва); системная несправедливость (тяжёлые повинности, угнетение низших сословий).

Таким образом, страдание в исторической песне предстаёт не как эпизодический мотив, а как сущностная черта коллективного опыта, закреплённая в культурной памяти.

2. Непокорный дух борьбы

На фоне переживаемых страданий в текстах неизменно проявляется

мощная воля к сопротивлению. Эта концепция раскрывается в трёх ключевых аспектах.

2.1. Защита веры и земли

Центральным становится мотив священной обороны, где борьба осмысляется как защита сакральных ценностей и территориальной целостности. Характерные примеры:

«*За православную Русь*» («Смерть царевича Димитрия») [5, с. 124], «Оборона Пскова от Стефана Батория» [5, с. 74].

Здесь актуализируется дихотомия «свой – чужой», где «свой» определяется через религиозную и этническую принадлежность, а защита земли приобретает сакральный смысл.

2.2. Противостояние тирании и несправедливости

Песня фиксирует конфликты между властью и обществом, подчёркивая нравственный аспект сопротивления: карательное возмездие за злоупотребления (гибель Щелкана); восстания как форма коллективного протеста (Разин, Пугачёв); повседневное неприятие угнетения, выраженное в жалобах солдат и казаков: «*Что тяжка, тяжка служба царская, / Тягчей в свете нет*» («Взят Берлин») [5, с. 273].

Борьба против несправедливости предстаёт не просто как политический акт, а как исполнение нравственного долга, легитимируемого через апелляцию к «правде» и «Божьему суду».

2.3. Военные завоевания и Отечественная война

Эпические победы осмысляются как проявление народной доблести и жертвенности. В круг значимых событий входят: Взятие Казани; Северная война Петра Великого; Отечественная война 1812 года.

Песня акцентирует личную смелость воинов, готовность к самопожертвованию ради страны и монарха (который зачастую выступает как символ государства). Показательный пример – решимость солдат в «Песнях о Северной войне»:

«*Мы не будем ли от города отступати, / А будем мы его белою грудью брати…*» [5, с. 198]

В этом контексте борьба предстаёт не только как физическое противостояние, но и как утверждение коллективной идентичности через испытание. Победа интерпретируется как восстановление «правильного порядка», а поражение – как временное отклонение от него.

3. Фатализм и трагичность

В русской исторической песне исторический процесс зачастую предстаёт как мощная, почти неотвратимая сила, превосходящая возможности индивидуального сопротивления. Эта установка порождает глубокий фатализм текстов, который проявляется в следующих аспектах:

Падение героев. Трагическая участь ключевых фигур – царевича Дими-

трия, Пожарского, Белякова, Разина – подчёркивает неумолимость исторического рока. Поражение восстаний. Неудачи народных движений (в том числе восстаний Разина и Пугачёва) усиливают ощущение предопределённости. Безысходность индивида. В масштабных войнах отдельный человек предстаёт незначительным и беспомощным перед лицом истории (особенно ярко это показано в «Песнях о Северной войне»).

Ключевыми символами предопределённости выступают мотивы «потемнения» и «угасания» солнца и звёзд. Они кодируют конец эпохи, гибель лидера, надвигающуюся катастрофу.

Даже победы нередко окрашены трагизмом. Показательный фрагмент из «Песен об Отечественной войне 1812 года»:

«Много раненых, убитых / По колен в крови стоят, / Уходила вся баталия, / Стали тела разбирать, / Не нашли таких генералов ровно трёх, / Полковников до пяти, / Как солдатов, пехоты / Сметы дати не могли» [5, с. 341].

Сочетание фатализма с глубоким чувством страданий формирует уникальную трагическую основу русского национального самосознания, где героизм не отменяет неизбежности утраты, а победа не исключает скорби.

4. Верность и идентичность по отношению к «Руси/России»

Несмотря на обилие страданий и внутренних конфликтов, в исторической песне устойчиво воспроизводятся сакральные категории, выступающие ядром национальной сплочённости: «Православная Русь», «русская земля», «русская армия», «русский царь» (даже в образе тирана, как Иван Грозный). Эти концепты функционируют как целостные и священные символы, объединяющие сообщество. Их устойчивость проявляется в следующих мотивах:

Тоска по дому. Солдаты на чужой земле вспоминают «родителей», «женщину», родной край, что подчёркивает силу привязанности к земле и роду. Ландшафтная символика. Образы Волги как «матушки реки» и обширной русской пустыни усиливают чувство принадлежности к пространству и сообществу. Сакрализация власти. Царь, даже будучи жестоким правителем, остаётся символом государства и фокусом сплочённости. Пример – фрагмент из «Терских казаков и Ивана Грозного»:

«Расплакались гребенские наши казаки, / Ой перед белыим царём стоючи» [5, с. 93].

Таким образом, песня фиксирует парадоксальную устойчивость идентичности: она сохраняется даже в условиях внутренних расколов и внешних угроз, опираясь на сакрализованные образы земли, веры и власти.

5. Жажда свободы

Стремление к свободе наиболее ярко выражено в казачьем фольклоре: «Песни о Разине» [5, с. 162], «Вести о восстании на Дону» [5, с. 249], «Песни

о волнениях уральских казаков» [5, с. 312].

Символическими пространствами свободного духа выступают пустыни, реки, море. Эти локусы противопоставлены замкнутости и угнетению, становясь метафорами вольного бытия. Жажда свободы проявляется и в мотивах бегства и сопротивления: В песне «Два невольничка» рабы просят «*камыш-траву*» для ночлега [5, с. 301], что символизирует минимальное, но принципиальное стремление к автономности. Образ Разина как «свободного человека» и его флот, «*как орёл летящий*», воплощают народный идеал непринуждённой жизни.

При этом свобода в поэтическом осмыслении нередко носит трагический оттенок: стремление к ней сопряжено с риском гибели, а её обретение оказывается кратковременным. Однако сама настойчивость этого мотива свидетельствует о глубинной потребности сообщества в автономии и самоутверждении.

Русская историческая песня через систему образов и мотивов транслирует сложный комплекс национальных концепций:

Фатализм – признание неотвратимости исторического рока, выраженное в символах угасания и гибели. Идентичность – устойчивость сакральных категорий («Русь», «земля», «царь»), объединяющих сообщество даже в условиях кризиса. Свобода – неугасимое стремление к автономии, воплощённое в казачьем фольклоре и мотивах бегства.

Эти концепты взаимосвязаны: фатализм не уничтожает волю к борьбе; идентичность не исключает жажды свободы; трагедия не отменяет героизма. Именно в этом диалектическом напряжении формируется уникальное ядро русского национального самосознания.

Обобщение результатов и теоретические выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что ландшафтно-образная система русской исторической песни функционирует как высокоорганизованный механизм смыслопорождения и культурной трансляции. Его работа раскрывается в нескольких взаимосвязанных аспектах, имеющих значение для теории фольклора и исследований национальной идентичности.

1. Семиотическая система как «живой организм» памяти. Выявленные элементы образуют сеть устойчивых корреляций, что соответствует лотмановской идее о культуре как тексте и генераторе новых текстов [8, с. 168]. Этот код является мнемотехническим: он позволяет сжимать сложные исторические ситуации в легко запоминающиеся формулы, обеспечивая трансгенерационную передачу опыта. Таким образом, песня выступает активным организатором коллективной памяти, осуществляющим селекцию и символическую «упаковку» событий, что перекликается с современными подходами к изучению культурной памяти [4, с. 6; 14-33].

2. Диалектика национального духа: от переживания к трансценденции. Система символов материализует ключевые парадоксы русского самосознания:

Страдание, будучи фиксируемым через телесную и пространственную метафоры, не приводит к картине абсолютной безысходности. Через «эмпатию природы» оно трансцендируется, становясь основой коллективной солидарности.

Фатализм находится в диалектическом единстве с героическим сопротивлением. Действие, обреченное на поражение, тем не менее, кодируется образом «летящего орла» – архетипического символа свободы и высоты духа, утверждая ценность борьбы.

Идентичность, кристаллизованная вокруг сакральных концептов «Русь» и «царь», демонстрирует удивительную устойчивость, что свидетельствует о её глубоко мифологическом, а не политическом характере.

Жажда свободы, наиболее ярко выраженная в казачьем топосе, представляет собой имманентный и вечный вызов жесткому порядку. Это противоречие является созидательным напряжением, питающим культурное творчество, что отмечалось ещё в исследованиях народного бунтарского сознания [13].

3. Историческая песня в контексте русской культурной традиции. Обнаруженные механизмы позволяют рассматривать историческую песню как важнейшее звено в цепи русской историософской мысли. В её поэтике, описанной Лихачёвым как «эмоционально-образное осмысление истории» [7], предвосхищаются мотивы, позднее развитые в классической литературе – внимание к «маленькому человеку» в жерновах истории, поиск высшего смысла в страдании. Народная песенная наррация выступает как глубинный, дорефлексивный пласт того исторического сознания, которое позже стало предметом интеллектуальной рефлексии.

4. Теоретическая импликация и перспективы. Данное исследование демонстрирует эвристическую силу интегративного семиотико-культурологического подхода к фольклорному тексту, где системный анализ конкретных образов [1] помещается в макроконтекст семиосферы [8]. В перспективе предложенная модель может быть применена для сравнительного анализа, что позволит вычленить как универсальные, так и уникальные механизмы конструирования национальной идентичности через художественные образы.

Библиографический список:

1. Адоньева С.Б. Символический порядок. – Санкт-Петербург: Амфора, 2011. 167 с.
2. Азблев С.Н. Исторические песни русских солдат // Русская речь. 2000. № 1. С. 95-104.
3. Астахова А.М. Исторические песни XVII века. – Москва; Ленинград: Наука, 1966. 385 с.
4. Дробижева Л.М. (ред.). Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегод-

ня, завтра. Москва: РОССПЭН, 2013. 485 с.
5. Емельянов Л.И. Русская историческая песня: сборник. – Ленинград: Советский писатель, 1990. 464 с.
6. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. – Петрозаводск, 1991. 46 с.
7. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Москва: Наука, 1979. 360 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. – Москва: Языки русской культуры, 1996. 447 с.
9. Попов А.В. Отражение реальности в народных исторических песнях // Русская речь. 2006. № 6 (31 декабря). С. 101-106.
10. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. 240 с.
11. Соколов Ю.М. Русский фольклор. – Москва: Издательство Московского университета, 2007. 544 с.
12. Тяжелникова В.С. Советская песня и формирование новой идентичности // Российская история. 2002. № 1. С. 174-181.
13. Thompson E.M. Understanding Russia: The Holy Fool in Russian Culture. Lanham: University Press of America, 1987. 229 p.
14. Warner E. Russian Myths. Austin: University of Texas Press, 2002. 80 p.
15. Узденова Б.Х., Семенова А.Н., Казиева М.Х. Реализация информационно-коммуникационных технологий в сфере предоставления электронных государственных услуг // Альманах Казачество. 2020. № 44. С. 21-25.

Reference

1. Adoneva S.B. Symbolic Order. – St. Petersburg: Amphora, 2011. 167 p.
2. Azblev S.N. Historical Songs of Russian Soldiers // Russkaya Rech. 2000. № 1. P. 95-104.
3. Astakhova A.M. Historical Songs of the 17th Century. – Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 385 p.
4. Drobizheva L.M. (ed.). Civic, Ethnic, and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow. Moscow: ROSSPEN, 2013. 485 p.
5. Emelianov L.I. Russian Historical Song: Collection. – Leningrad: Sovetsky Pisatel, 1990. 464 p.
6. Krinichnaya N.A. Russian Folk Historical Prose: Questions of Genesis and Structure. – Petrozavodsk, 1991. 46 p.
7. Likhachev D.S. The Poetics of Old Russian Literature. – Moscow: Nauka, 1979. 360 p.
8. Lotman Yu.M. Inside Thinking Worlds: Man – Text – Semiosphere – History. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 447 p.
9. Popov A.V. Reflection of Reality in Historical Folk Songs // Russkaya Rech (Russian Speech). 2006. № 6 (December 31). P. 101-106.
10. Putilov B.N. Folklore and Popular Culture. – St. Petersburg: Nauka, 1994. 240 p.
11. Sokolov Yu.M. Russian Folklore. – Moscow: Moscow University Publishing House, 2007. 544 p.
12. Tyazhenikova V.S. Soviet song and the formation of a new identity // Russian history. 2002. № 1. P. 174-181.
13. Thompson E.M. Understanding Russia: The Holy Fool in Russian Culture. Lanham: University Press of America, 1987. 229 p.
14. Warner E. Russian Myths. Austin: University of Texas Press, 2002. 80 p.
15. Uzdenova B.Kh., Semenova A.N., Kazieva M.Kh. Implementation of information and communication technologies in the field of provision of electronic public services // Almanac Cossacks. 2020. № 39. P. 21-25.

Ашрапов (Ашрафзода) Б.П.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Морфологических особенностей и словообразовательного потенциала таджикского наречного префикса no- и его английских эквивалентов*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные со сравнительным анализом словообразования таджикского наречного префикса no- и его английских эквивалентов. Отмечается, что наречие признается самостоятельной частью речи в сравнительно изучаемых языках. Однако его классификация как особой категории в этих языках неопределенна, их лексические границы широки, а функциональные типы разнообразны.

Основываясь на анализе соответствующих работ, таких как «Англо-таджикский словарь» А. Мамадназарова (2021), «Краткий словарь словарей таджикской литературы» (1983), «Темур Малик – герой таджикского народа. Восстание Муканны» (2022), «Гуломон» С. Айни (2019) и «Книга золотых дел» Джима Маниса (2004), автор статьи рассматривает словарный потенциал таджикских наречных приставок «но-» и их английских эквивалентов.

Приводя результаты анализа исследуемой темы, можно прийти к выводу, что словарный потенциал рассматриваемой приставки, образующей таджикские наречия, имеет много сходств и различий в отдельных случаях. Исходя из приведенной выше диаграммы, можно подчеркнуть, что большинство английских эквивалентов таджикских производных наречий, образованных с помощью рассматриваемого префикса, являются смешанными по структуре (64%) и производными (17%). При этом мы можем остановиться на тех английских эквивалентах таджикских производных слов, образованных с помощью префикса no-, которые не идентичны, и некоторые из них используются и переводятся как простые, производные, сложные, смешанные по структуре и составные.

Ключевые слова: наречия, префикс, производные наречия, сравнительный анализ, морфологические особенности, английские эквиваленты, словообразующий потенциал.

Ashrapov (Ashrafzoda) B.P.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand-city.

* © Ашрапов (Ашрафзода) Б.П., 2026.

Morphological peculiarities and word-building potential of Tajik adverbial prefix *no-* and its English equivalents

Abstract. The article dwells on the issues beset with the comparative analysis of word-building potential of Tajik adverbial prefix *no-* and its English equivalents. It is noted that adverb is recognized as an independent part of speech in the comparative languages. However, its classification as a special category in these languages is uncertain, their lexical boundaries are wide, and their functional types are diverse.

Designing on the premise of the relevant traces entitled as "English-Tajik Dictionary" by A.Mamadnazarov (2021), "A Brief Word-Building Dictionary of Tajik Literary Language" (1983), "Temur Malik – Tajik People`s Hero. Muqanna`s Rebellion" (2022), "Ghulomon" by S.Aini (2019) and "A Book of Golden Deeds" by Jim Manis (2004) the author of the article considers word-building potential of Tajik adverbial prefixes *no-* and its English equivalents properly.

Adducing the results of the analysis of the theme explored one can come to the conclusion that word-building potential of the prefix in question forming Tajik adverbs is of many similarities and differences in certain cases. Designing on the premise of the above-adduced diagram we can emphasize that the majority of English equivalents of Tajik derivative adverbs formed by the prefix in question are mix structural (64%) and derivative ones (17%) ones. Hereby, we can dwell on those English equivalents of Tajik derivative words formed by *no-* that are not identical and some of them are used and translated as simple, derivative, compound & mix structural and composite ones.

Key words: adverbs, prefix, derivative adverbs, comparative analysis, morphological peculiarities, English equivalents, word-building potential.

1. Introduction

It is common-knowledge that "each part of speech gained a wide position in the system of morphology of the comparative languages, and has its own research method. One of the issues that should not be overlooked by linguists today is the analysis and comparison of separated categories of Tajik and English instruction in the aspect of comparison. Parts of speech are studied and verified within the scope of morphology, and adverb is one of the independent parts of speech, some of its undiscovered aspects need to be studied and researched from a comparative point of view. Adverb is recognized as an independent part of speech in the comparative languages. However, its classification as a special category in these languages is uncertain, their lexical boundaries are wide, and their functional types are diverse. In terms of syntactic and semantic relations, the relevant part of speech often act as an adverbal modifer, which in turn is divided into subgroups: *sign, quantity, place, time,* etc." [1, P. 81-89].

In modern Tajik literary language, the adverb is explained as follows: "adverb is an independent part of speech, which explains the state, manner, time, place,

reason, purpose and movement" [2; 3].

It should be emphasized that one of the issues dealing with grammatical and morphological categories of adverb in both Tajik and English languages is the key one in today`s linguistics studies under the angle of comparative aspect. Hence, adverb is considered to be one of the independent parts of speech, which the relevant linguistic unit is backgrounded later than other parts of speech in the languages under comparison. As well as, the part of speech in question is introduced in details and is included into the program targeted at higher educational establishments.

Literature Review

While conducting the contrastive analysis, we have resorted to the following works, literary productions and bilingual dictionary as reliable sources, including: "English-Tajik Dictionary" by A.Mamadnazarov (2021) [4] and "Brief Dictionary of Word-Building Tajik Literary Language" ("in English" (1983) [5],"Temur Malik – Tajik People`s Hero. Muqanna`s Rebellion" translated into English and introduced by Prof. A.Mamadnazarov (2022) [6]. We adduced the appropriate examples out of the above-mentioned source in order to bring certain thoughts and proofs. We have also used facts and examples from "Ghulomon" by S.Aini (2019) [7] and "A Book of Golden Deeds" by Jim Manis [8] in some cases. These sources are of great importance and contribute the key role in the development of comparative linguistics studies.

The objectives of the article under consideration are:

- to carry out distinctive peculiarities this prefix morphologically;
- to reveal the significance of the above-mentioned reliable sources theoretically and scientifically;
- to compare the relevant prefix with its English equivalents.

2. Methodological framework:

While canvassing the distinctive peculiarities and the level of usage of the prefix under study, we have resorted the following visual methods, such as: comparative-historical, synchronic-diachronic ones.

Abbreviations

CEAs - compound English adverbs; ***CLs*** - comparative languages; ***ComEAs*** - composite English adverbs; ***DA*** – derivative adverbs; ***DEAs*** - derivative English adverbs; ***EEs*** - English equivalents; ***MTLL*** - modern Tajik literary language; ***MSM*** – mix-structural model; ***SEAs*** - simple English adverbs; ***TAP*** – Tajik adverbal prefix; ***TDAs*** - Tajik derivative adverbs; ***TL*** – Tajik language; ***TT*** - Tajik translation.

3. Results and discussion

It is known that "word-building is considered to be one of the ways of word

stock enrichment and plays a key role in the development and evaluation of languages of the world and the former in question occupies a prominent position. The essence of word-building and its distinguishing peculiarities in terms of structure and have not lost their importance under the angle of the level of usage as well. Although some basic types of compound words were identified and described by ancient English grammarians. In reference to it, separate models of derivative words in different languages are being canvassed and discussed scientifically" [9, P. 5; 10, P. 90].

Every language has its own particular characteristics that make up various aspects, such as grammatical structure, word-stock composition and phonetic system. Each of the relevant aspects of language needs independent theoretical research. Mostly the grammatical aspect of the language was dwelt, but over time, other its aspects including lexicons and the special system of sounds are studied as well.

In the languages of the world, word-building plays a big role and has a special place among other means of word-stock enrichment. The essence of the word and its distinctive peculiarities in terms of structure and productivity have not lost their importance. Although the principal types of derivative words were identified and described by ancient Indian grammarians, however, separate models of derivative words in different languages are being canvassed and discussed, and scientific literature on the relevant topic is also increasing gradually.

Basically, the term of word-building indicates the process of original words derivation based on words or phrases according to the existing ways and patterns of the language, or otherwise, the process of new linguistic units' formation possessing a direct semantic link with the initial one. From this point of view, the relevant direct contextual connection is the ground aimed at the emergence of new units as synonyms [11, P. 89].

In MTLL, the adverb is explained as follows: "adverb is an independent part of speech, which explains state, manner, time, place, reason, purpose and movement" [2, P. 344]. Tajik original adverbs: *soz, sahl, aknun, fardo, peš, der, por, di, dūš, edar, edūš, hameša, hanūz, bisyor, allakay* [1] and English ones: *too – xele, fast – tez, here – injo, why – baro-i či, always – hameša* [8]. For instance: Komandir durbinaš-ro peš-i čašm burda, ba har taraf čašm andoxt va did, ki az se taraf-i zavod, kaltakdoron *savora va piyoda* ba šakl-i nimdavra šuda omada istodaand [7, p.210] / - The commander put his binoculars in front of his eyes and looked in all directions and saw that from three sides of the factory, thugs *riding* and *on foot* were coming in a circle [translated by the author], Pas az on *ohista* va *malulona* az joyaš xesta ba mehmonon ki *hanūz* dar peš-i dar rost istoda budand, anbūh-i xud-ro čun va čašmon-i xud-ro *nimpūš* namuda nigoh karda: [7, P. 5] / - After that, he *slowly* and *unhurriedly* got up and looked at the guests, who were still standing in front of the door... *yet* [translated by the author].

Based on the adduced examples we can assert the fact that TDAs *savora va piyoda* are translated into English as ***participle I*** *riding* and ***composite adverb*** *on foot*. The following several types of TAs out of the last sentence, including *ohista va malulona* and *hanūz* are used and resorted to as *slowly and unhurriedly* ***adjective+suffix-ly*** (*derivative adverb*) & ***prefix+participle II +suffix-ly*** (*mix structural form*) and ***original adverb*** *yet*. Hereby, these statements beset with the theme explored are testimony of the relevant part of speech comparatively.

As a rule, **the prefix *no-*** derives a large considerable number of TAs of manner from nouns, adjectives and verb bases which express the sudden, unexpected occurrence of an action *(31 TDAs of manner totally and quantality term in TL)* and its English equivalent is common as the adverbial suffix-*ly* and the prefixes *un-; im; non-* form a series of adverbs of manner with several parts of speech.

Hence, we will pay particular attention to TAP *no-* in the term of morphology and the frequency of usage in the comparative languages, (including its EEs) based on:

a) ***the model of the prefix no-+noun:*** *noguzir* - inevitably, necessary, *nomuvoso/muroso* – unreconciledly, *nosazo* - unworthily, worthlessly, meanly: ***the prefix no- + noun+-vor:*** *nosazovor* - unworthily, worthlessly, meanly: Dirūz hama-i onho *nomuvosovu nomuroso* raftor namuda, az hamdigar kasosho-i derina-i xud-ro giriftand - Yesterday, they all behaved *inconsistently and unreconciledly* and took revenge from each other [translated by the author].

Designing on the premise of the adduced examples, we can assert that the relevant prefix participates to form a number of derivative adverbs, but in MTLL, this word-building element is recognized as an adjective and adverb forming prefix, namely, it is considered to be one of the multifunctional and more productive word-forming elements.

The above-adduced examples are taken from "English-Tajik Dictionary" and "Brief Dictionary of Word-Building Tajik Literary Language" and we did not find any appropriate examples out of "Temur Malik – Tajik People`s Hero. Muqanna`s Rebellion" and "Ghulomon", therefore we decided to translate the Tajik sentence into English. While translating TDAs of *nomuvosovu nomuroso,* it became clear that the formers in question`s EEs - *inconsistently and unreconciledly* which are based on mix-structural model and it is considered to be one of the distinctive peculiarities of the theme explored.

d) ***the model of the prefix no-+adjective:*** *noayon* - imperceptibly, *novobasta* - independently, *nodurust* - untrue, wrong, *nokifoya* - enough, little, *noqulay* - awkwardly, uncomfortably, *noma`qul* - rash, reckless, imprudent, foolhardy, rashly, recklessly, *noma`lum* - imperceptibly, insensibly, *nomuayan* - indefinitely, uncertainly, obscurely, vaguely, *nomukammal* - imperfectly, incompletely, not full, unrestrictedly, *nomumkin* - impossibly, intolerably, *nomurattab* - in disorder, unsystematic, *nomunosib* - incongruously, unworthily, worthlessly, *nonamoy-*

on - imperceptibly, unostentatiously, *nopaivasta* - incoherent, inconsequential, *nopurra* - incompletely, not fully, imperfectly, insufficiently, *noravšan* - vaguely, obscurely, illegibly, indecipherably, *norohat* - awkwardly, uncomfortably, anxiously, *nosaheh* - inaccurately, inexactly, doubtfully, *nosoz* - inharmoniously, inconveniently, uncomfortably, unsuitably, inappropriately, awkwardly, *notinj* - uneasily, anxiously: Vai *nodurust* gap mezanad – He speaks *wrong* [translated by the author], ...ya`ne, Otsiz dar pay-i manfiat-i nasiya-i ba dast daromadanaš *noma`lum* manfiat-i naqd-i dastdošta-i xud-ro barbod medod - This means that Atsiz, while seeking the benefit of the independence, *gradually and unknowingly* lost that benefit [6, P. 21].

In the last sentence, the English equivalents of derivative adverbs *noma`lum* are translated and used as *gradually and unknowingly* denoting the shade of resemblance meanings. Seemingly, its English equivalents are resorted to adverbs those ones are based on mix-structural model as well.

c) ***the model of no-+ compound adjective:*** *nobarobar* – unequally: Lekin quvva-i vai nisbat ba quvva-i čingiziyon xele kam buda, hameša *jangho-i nobarobar* meburd. Čingiziyon bošand, payopay quvvaho-i nav girifta ba muqobil-i Jaloliddin hujumho-i puršiddat mekardand - But his strength in contrast to the forces of the armies of Čingiz Khan was quite weak and he always fought *at a disadvantage*. As for the Mongols, from time to time, they received new forces and attacked Jaloliddin with a greater number of forces [6, P. 67].

While adducing the appropriate examples we found only the derivative adjective *jangho-i nobarobar* which means *unsuccessful wars* in English. However, while translating Prof. A.Mamadnazarov resorted to its English equivalent as a composite adverb of manner *at a disadvantage*.

d) ***the model of no-+ number:*** *nočor* - willy-nilly: Oqibat sarlaškaron-i arab *nočor* mondand va baro-i giriftan-i qal`a dar pay-i čorajui aftodand va Molik ibn-i Hozim nom az sarhangon-i laškar-i Jabrail guft, ki čora-i in kor-ro man meyobam – The commanders of Arab army *did not know what to do*. They searched for another way to capture the castle. A commander from Jabrail's army, named Malik ibn Hazim said that he knew what to do [6, P. 127].

It is worth mentioning that the prefix *no-* forms a DA of manner from the cardinal number *čor – four*. While translating Prof. A. Mamadnazarov resorted to its EE as a simple sentence *did not know what to do* logically. It refers to the translator`s higher mastership and in the course of the translation of this book he followed to all rules of translational science of the comparative languages.

e) ***the model of no- + verb base:*** apparently, the relevant prefix comes with the verbs *xos* and *ist* forms the adverbs of manner in some cases: *noxost* – unintentionally, *noist:* After having once parted with him, she *suddenly* turned back again, ran to him, and, clinging round his neck, kissed him over and over

again a sight at which the guards themselves wept [8, P. 174]; - Avval in ki, -guft Normurod xašmginona, - man *noxost* ba čuquri naaftidam, balki baro-i ba dast darovardan-i xallojiho va čarxu dukho, ki sabab-i nobudi-i paxtaand, xudam ba čuquri daromadam [7, P. 416] / - First of all, - said Normurad angrily, - I didn't *accidentally* fall into the hole, but I went into the hole myself to get hold of the spindles and wheels, which are the reason for the destruction of cotton [translated by the author].

In the last translated sentence, the adverb of manner *noxost* is translated as the derivative adverb *accidently* into English.

Adducing the results of the conducted analysis beset with the theme explored, it became clear that the English preposition - *without* is used as the equivalent of the prefix be in many cases**:** …though such of them as fell into the hands of the Republicans were shot *without pity*, yet their prisoners were instantly set at liberty after being made to promise not to serve against them again [8, P. 248].

f) ***the model of no-+ participle II:*** *noozmuda* – inexperienced; ***the prefix no-+ modal verbs:*** *noxoham* - unwillingly, *bo dil-i noxoham* - half – heartedly, reluctantly, *xohamnoxoham* – willy: Ghulomon *bo dil-i noxoham* az jo xesta ba dastaho-i kaland va tabar dast zadand [7, P. 76] / - The slaves - *half – heartedly* got up and grabbed the big handles and the ax [translated by the author], Sag *bo dil-i noxoham* saraš-ro az miyona-i pohoyaš barovarda ba taraf-i jeğzananda yak nigoh kard va boz dar vaz`iyat-i peštaraaš xobid – [7, P. 103] / - The dog *reluctantly* took his head out from between his legs and looked at the barker and lay down again in his previous position [translated by the author].

In the course of finding appropriate examples it became clear that the prefix *no-* participated to form TDAs of manner in the corpus of our study. It should be underscored that we did not find their EEs of the translated source, but we found the composite adverbs of manner *bo dil-i noxoham* which is derived by means of *no-*.

g) ***the model of the prefix no-+simple adverb:*** *nogoh/nogah* - suddenly, unexpectedly, *nogahon* - suddenly, all of a sudden, unexpectedly, *nopurra* - incompletely, not fully, imperfectly, insufficiently, *noravšan* - vaguely, obscurely, illegibly, indecipherably: Čašmon-i daridajomagon ba dasta-i musallahe, ki *nogoh* omada ba idora-i ozuqa daromad, aftod va suhbat burida šud [7, P. 266]; *Suddenly*, however, there was an interruption [8, P. 89]; Nazar ba andeša-i wai ajab nabud, ki ğoratgaron az yak guša-i biyobon *ba nogoh* baromada oyand [7, P. 41]. / According to his opinion, it was not surprising that the robbers *chanced* from a corner of the desert [translated by the author].

The role of the prefix *no-* is fully evident the derivation of the above-adduced adverb of manner in the Tajik version of the given examples, however in the second sentence of the English version, the adverb *ba nogoh* is translated as *chanced*,

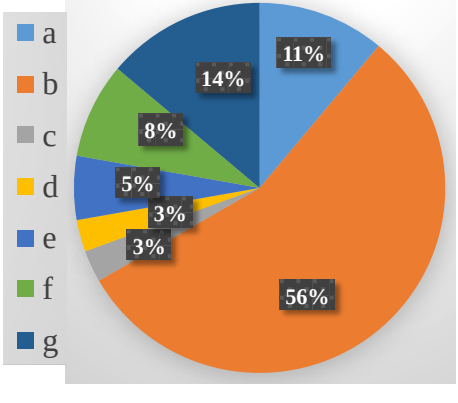
and in the second sentence, the adverb *suddenly* is not translated at all. So, it turns out that the Tajik prefix does not always find its correct equivalent in the English language.

Based on the above-adduced examples one can assert that EEs of TDAs of manner formed by means of the prefix in question are not identical and the same-formed ones, namely most of them are resorted to and translated as simple, derivative and compound ones in English, hereby we are going to reveal their generalities and differences in the table below:

Table 1. Frequency of the usage of Tajik derivative adverbs of manner based on the above-mentioned models.

Model	Times used	Percentage	English equivalents
A	4 instances	11%	(adv.) inevitably, necessary, unreconciledly, unworthily, worthlessly, meanly etc.
B	20 instances	56%	(adv.) imperceptibly, independently, untrue, wrong etc.
C	once	3%	(adv.) unequally
D	once	3%	(adv.) willy-nilly
E	twice	5%	(adv.) unintentionally, suddenly etc.
F	3 instances	8%	(adv.) unwillingly, half – heartedly, reluctantly etc.
G	5 instances	14%	(adv.) suddenly, unexpectedly, suddenly, all of a sudden, incompletely, not fully, imperfectly, insufficiently etc.
Results	36 times used		

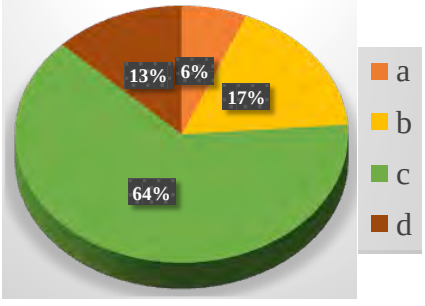
Based on the results of the above-estimated diagram, it is clear that the potential of word-building of the relevant suffix is more frequent which equals 56% in the term of quantity. It mostly forms TDAs of manner from adjectives.



According to the above-presented diagram we can lay an emphasis upon the idea that the majority of EEs of Tajik derivations by means of the appropriate prefix are

Table 2. Word-building potential of the prefix no- and its English equivalents.

a) SEAs/TTs	b) DEAs/TTs	c) MSM/TTs	d) C& ComEAs/TTs
Frequency: 4 times	11 times	40 times	8 times
Percentage: 6%	17%	64%	13%



mix structural (64%) and derivative ones (17%) in the corpus of our study. Hereby, we can dwell on those EEs of TDAs formed by *no-* that are not identical and some of them are used and translated as simple, derivative, compound & mix structural and composite ones.

Into the bargain, a considerable number of Tajik adverbs formed based on mix-structural model, namely they are derived by:

1) ***the prefix no + noun + the suffix -ona:*** *nobovarona* - distrust-fully, *nopisandona* - badly, disrespectful, *noumedona* - hopelessly, pessimistically;

2) ***the prefix no + Arabic borrowed words + the suffix -ona:*** *noinsofona* - unfairly, dishonestly, impudently, *noittifoqona* - separately, discordantly, un-friendly, disjointly, uncoordinated, *nomutašakkilona* - not organized, *nomuvofiqona* - unevenly, irregularly, *nomurodona* – undesirably, *nomuttahidona* – separately**;**

3) ***the prefix no + adjective + the suffix -ona:*** *nomehrubonona* - cold, ungracious, disobligingly, unfriendly, *noogohona* - unapprised, *noodilona* - wrongly, *noxušnudona* - with displeasure, *nomunosibona* - incongruously, unworthily, worthlessly;

4) ***the prefix no + adjective + the suffix -iza:*** *nopokiza* - uncleanly, untidily, carelessly;

5) ***the prefix no + adverb + the suffix -ona:*** *noustuvorona* - instability;

6) ***the prefix no + compound word + the suffix -ona:*** *nojavonmardona* - ignobly, basely.

All the above-mentioned examples formed based on mix-structural model are adduced from English-Tajik Dictionary" by A.Mamadnazarov (2021) and "Lughat-i muxtasri kalimasozii zaboni adabii tojik" (1983).

4. Conclusion

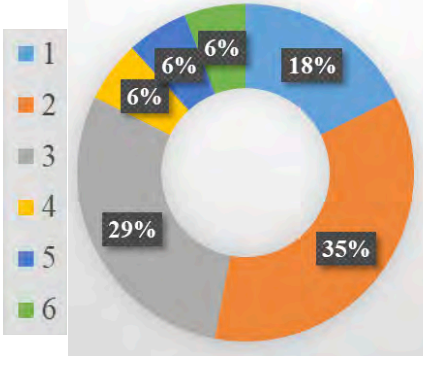
Adducing the results of the comparative analysis of the theme explored we can come to the conclusion that the prefix *no-* is considered to be one of the most productive word-building elements and the relevant prefix is a multifunctional

Table 3. Frequency of the usage of Tajik adverbs of based on the above-mentioned mix-structural models.

Models	Times used	Percentage	English equivalents
1 - no + noun + -ona:	3		(adv.) distrust-fully, badly, disrespectful, hopelessly, pessimistically etc.
2 - no + Arabic borrowed words +-ona	6		(adv.) unfairly, dishonestly, disjointly, unevenly, irregularly, separately etc.
3 - no + adjective + -ona	5		(adv.) cold, ungracious, disobligingly, unfriendly, worthlessly etc.
4 - no + adjective +-iza	once		(adv.) uncleanly, untidily, carelessly
5 - no + adverb + -ona	once		(adv.) instability
6 - no + compound word + -ona	once		(adv.) ignobly, basely.
Results:	times used		

one, because it participates to derive both adjectives and adverbs in MTLL.

While considering morphological peculiarities and word-building potential of the Tajik adverbial prefix *no-* it became clear that those English equivalents of Tajik derivative adverbs formed by *no-* that are not identical and some of them are used and translated as simple, derivative, compound & mix structural and composite ones. In CLs, prefixes occupy an important role in the formation of new derivative words.



Библиографический список:

1. Ashrapov B.P. Comparative analysis of word-building potential of Tajik adverbial prefixes bar-, dar- and to- and their English equivalents // Stephanos. 2023. № 6 (62). P. 81-89. DOI: 10.24249/2309-9917-2023-62-6-81-89.
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми I: Фонетика. Морфология. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с.
3. Исмоилов И. Зарф дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Ирфон, 1971. 86 с.
4. Мамадназаров А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣА. Душанбе: Эр-граф, 2021. 1016 с.

5. Бобомуродов Ш. Луғати мухтасари калимасозии забонии адабии тоҷик. Дастури таълим. Душанбе: Маориф, 1983. 120 с.
6. Aini Sadriddin. Temur Malik – Tajik People`s Hero. Muqanna`s Rebellion. Translation into English and introduction by Professor Abdusalom Mamadnazarov. – Dushanbe: R-graph, 2022. 156 p.
7. Айнӣ С. Ғуломон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. 488 с.
8. Jim, Manis. A Book of Golden Deeds / Ed.: Hazleton. The Pennsylvania State University. 2004. 260 p.
9. Ashrapov B.P. Some considerations beset with English word-building rules // Образование от "А" до "Я". 2021. № 4. P. 5-6.
10. Беляева М.А. Грамматика английского языкаю – М.: 1973. 375 с.
11. Рустамов Ш. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик. Душанбе: Дониш, 1972. 120 с.
12. Терновая Л.О. Политический непотизм в национальном и глобальном измерениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 9 (135). С. 107-116.

Reference

1. Ashrapov B.P. Comparative analysis of word-building potential of Tajik adverbial prefixes bar-, dar- and to- and their English equivalents // Stephanos. 2023. № 6 (62). P. 81-89. DOI: 10.24249/2309-9917-2023-62-6-81-89.
2. Grammarikai zaboni adabii khozirai tohik. Qismi I: Phonetics. Morphology. Dushanbe: Donish, 1985. 356 p.
3. Ismoilov I. Zarf dar zaboni adabii khozirai toqik. Dushanbe: Irfon, 1971. 86 p.
4. Mamadnazarov A. Farhangi English-toҷikiA. Dushanbe: Er-graf, 2021. 1016 p.
5. Bobomurodov Sh. Lugati mukhtasari kalimasozii zabonii adabii tojik. Dasturi talim. Dushanbe: Maorif, 1983. 120 p.
6. Aini Sadriddin. Temur Malik – Tajik People's Hero. Muqanna`s Rebellion. Translation into English and introduction by Professor Abdusalom Mamadnazarov. – Dushanbe: R-graph, 2022. 156 p.
7. Aini S. Gulomon. Novel. Dushanbe: Adabiyoti bachagona, 2019. 488 p.
8. Jim, Manis. A Book of Golden Deeds / Ed.: Hazleton. The Pennsylvania State University. 2004. 260 p.
9. Ashrapov B.P. Some considerations beset with English word-building rules // Education from "A" to "Z". 2021. № 4. P. 5-6.
10. Belyaeva M.A. English Grammar – Moscow: 1973. 375 p.
11. Rustamov Sh. Kalimasozii ism dar zaboni adabii toҷik. Dushanbe: Donish, 1972. 120 p.
12. Ternovaya L.O. Political nepotism in the national and global dimensions // Etnosotsium and international culture. 2019. № 9 (135). P. 107-116.

Ли Цзяси
Аспирант. Московский педагогический государственный университет.

Механизмы метафоризации в конструкции глаголов-сложений*

Аннотация. В статье подробно рассматриваются механизмы метафоризации в конструкции глаголов-сложений современного русского языка. Цель исследования – выявление системных моделей метафорического переосмысления и определение роли метафоры как когнитивного и словообразовательного инструмента в развитии глагольной лексики. Методология базируется на теоретическом анализе когнитивных концепций, включая концептуальную метафору, слияние фреймов и образные схемы, а также на типологическом моделировании и структурно-семантическом анализе современных текстов публицистического, художественного и интернет-дискурса. Результаты исследования позволили выделить четыре основные модели метафоризации в глаголах-сложениях: перенос характеристик «действие – действие», «действие – состояние», метафору через образ субъекта или объекта действия, а также пространственно-временные ассоциации. Описаны ключевые когнитивные механизмы семантического переосмысления, среди которых концепты «мышление – движение», «эмоция – огонь» и образные схемы «путь», «баланс», «контакт». Установлены экспрессивные и прагматические функции метафорических глаголов-сложений, такие как языковая игра, усиление образности и стилистические приёмы в авторской и медийной речи. Делается итоговый вывод, что метафоризация выступает ключевым фактором обновления словообразовательной системы русского языка, обеспечивая динамику лексики, расширение полисемии и формирование новых смыслов.

Ключевые слова: метафоризация, глаголы-сложения, словообразование, когнитивные механизмы, семантический анализ, языковая экспрессия, русский язык.

Li Jiaxi
Postgraduate student. Moscow State Pedagogical University.

Mechanisms of metaphorization in the construction of verb-additions

Abstract. The article examines in detail the mechanisms of metaphorization in the construction of verb-additions of the modern Russian language. The purpose of the study

* © Ли Цзяси, 2026.

is to identify systemic models of metaphorical reinterpretation and to determine the role of metaphor as a cognitive and word–formation tool in the development of verbal vocabulary. The methodology is based on the theoretical analysis of cognitive concepts, including conceptual metaphor, the fusion of frames and figurative schemes, as well as on typological modeling and structural and semantic analysis of modern texts of journalistic, artistic and online discourse. The results of the study allowed us to identify four main models of metaphorization in verb-additions: the transfer of the characteristics "action – action", "action – state", metaphor through the image of the subject or object of action, as well as spatial and temporal associations. The key cognitive mechanisms of semantic rethinking are described, including the concepts "thinking – movement", "emotion – fire" and the figurative schemes "path", "balance", "contact". Expressive and pragmatic functions of metaphorical verb-additions are established, such as language play, image enhancement and stylistic techniques in author's and media speech. The final conclusion is that metaphorization is a key factor in updating the word-formation system of the Russian language, ensuring the dynamics of vocabulary, the expansion of polysemy and the formation of new meanings.

Key words: metaphorization, compound verbs, word formation, cognitive mechanisms, semantic analysis, linguistic expression, Russian language.

Актуальность метафорических процессов в словообразовании определяется прежде всего тем, что метафора – это не стилистический приём, а когнитивный механизм, через который человек осваивает и категоризирует новый опыт. Метафоризация лежит в основе смыслообразования: она позволяет формировать новые слова и значения, опираясь на уже существующие семантические структуры, и тем самым расширять лексическую систему языка изнутри. В деривационном акте компоненты исходных слов переосмысляются, и на этой основе возникают словообразовательные модели, выходящие за пределы прямого значения. Существенно, что этот процесс не нейтрален: в него встроен человеческий фактор с его этно-, социо- и психолингвистическими измерениями, что и делает метафору механизмом синтеза конкретного и абстрактного, реального и гипотетического [1].

Метафорическое переосмысление – один из главных источников полисемии и лексического роста. В контексте словообразования это означает, что ассоциативные связи между компонентами сложных слов, а также между новыми и исходными лексемами, не просто обогащают язык образностью – они структурируют его семантическое пространство, создавая систему метафорических связей с долгосрочным влиянием на лексико-семантическое строение.

Понятие метафоры разрабатывалось в разных традициях. В когнитивной лингвистике Лакоффа и Джонсона метафора перестаёт быть фигурой речи и становится способом мышления: концептуальные модели вроде «время – деньги» показывают, что абстрактное осмысляется через конкрет-

ное не только в языке, но и в самой структуре понятий. Кубрякова и Караулов работают иначе – их интересует метафора как системное явление, через которое просвечивают ментальные модели и культурные ценности носителей языка. Расхождение в подходах не отменяет общего: метафора удерживает исходное и переносное значения одновременно, и это двуплановое свойство превращает её в механизм порождения новых смыслов [2].

В словообразовании этот механизм действует вполне конкретно. Переносное значение возникает внутри словообразовательной структуры – в этом суть словообразовательной метафоры: производящая основа меняет значение в ходе деривации, и на выходе слово несёт образный смысл. Язык при этом не просто фиксирует новые понятия, а встраивает их в уже существующие ассоциативные связи, питая полисемию и расширяя лексическую систему изнутри.

Словообразовательное сложение глаголов – объединение двух или более корней, при котором семантика целого не сводится к сумме частей. Структура таких глаголов, как правило, поликорневая: каждая составляющая отражает отдельное действие или качественную характеристику, а их соединение порождает значение, несводимое к простой сумме компонентов. Сложные глаголы могут образовываться как от устойчивых словосочетаний, так и от семантически новых комбинаций, грамматически возможных, но прежде не закреплённых. Характерная особенность этого типа – способность усиливать экспрессивность и наглядность значения через вовлечение метафорических механизмов.

Словообразовательные и семантические процессы в глаголах-сложениях тесно взаимосвязаны. Метафорические переносы влияют на типы и модели деривации, порождая как прозрачные по значению производные, так и единицы с существенно удалённой от исходной семантикой. Метафоризация при этом не только формирует новые дериваты – она меняет стилистическую окраску слов, стимулирует развитие полисемии и синонимии, выстраивая разветвлённую сеть структурно-семантических связей между исходными и производными лексемами.

Внутри метафорических процессов, характерных для глагольных сложений, выделяется несколько типов. При метафоре действия через действие признаки одного действия переносятся на другое: *таять-улыбаться*, *гореть-работать* – здесь семантика одного глагола окрашивает другой, делая описание действия образным и экспрессивным. При метафоре действия через состояние вторая основа задаёт метафорическое состояние, через которое интерпретируется действие: в *замирать-смотреть* или *плыть-мечтать* внутреннее состояние становится образом внешнего действия, что расширяет субъективно-перцептивный потенциал глагола. Наконец, метафора через образ субъекта или объекта строится на ассоци-

ативных представлениях о том, кто или что совершает действие: *рвать-звонить*, *бить-светить* содержат образные коннотации, превращающие действие в символ качеств субъекта или объекта и порождая многозначные лексемы с устойчивой переносной семантикой.

Метафоризация на основе пространственно-временных ассоциаций - этот тип основан на ассоциациях, которые возникают между действиями через пространственные или временные характеристики. В глаголах-сложениях типа *плыть-думать, лететь-говорить, идти-мыслить* процессы движения связываются с когнитивными или речевыми действиями, что образует новые смысловые сочетания, усиливающие образность и выразительность языка. Пространственно-временные ассоциации служат важным ресурсом для когнитивной метафоризации в глагольном словообразовании.

Таким образом, перечисленные типы метафоризации отражают разнообразные способы семантического переосмысления в конструкции глаголов-сложений, где метафора выступает как центральный механизм формирования новых смыслов и образов, объединяющих действие, состояние, субъекта и пространственно-временные параметры [3].

В основе глагольных сложений часто лежат концептуальные метафоры, которые связывают разные аспекты опыта и восприятия. Классическими примерами являются метафоры «*мышление – движение*», «*эмоция – огонь*», «*время – пространство*». Подобные метафоры укоренены в когнитивных структурах, через которые человек осмысляет абстрактное – мышление, эмоции, время – посредством конкретных чувственных концептов: движения, огня, пространства. Язык в этом отношении функционирует не просто как коммуникативный инструмент, но и как система символизации сложных ментальных состояний, и сложные глагольные конструкции – один из наиболее наглядных способов такой символизации.

Когнитивный механизм слияния фреймов состоит в интеграции нескольких ментальных структур, каждая из которых содержит знание об определённом аспекте действительности. В глаголах-сложениях этот механизм проявляется отчётливо: объединение фрейма движения и фрейма эмоции, например, порождает глагол с образными свойствами, не присущими ни одному из исходных компонентов по отдельности. Семантическая новизна здесь – прямое следствие интеграции, а не простого суммирования.

Образные схемы – универсальные паттерны восприятия, структурирующие понимание пространства, времени, движения, силы и других базовых категорий опыта. В глаголах-сложениях они задают когнитивную основу метафорических значений, обеспечивая их внутреннюю связность. Схемы «путь», «баланс», «контакт» регулярно воспроизводятся в сложных

глагольных конструкциях, организуя образный смысл и делая его доступным для понимания.

Метафоризация как когнитивный процесс предполагает переосмысление исходного буквального значения через его сопоставление с другим действием или состоянием и перенос релевантных признаков. В результате формируется новое значение глагола с расширенным семантическим полем и функциональными возможностями. Именно этот процесс лежит в основе творческого словообразования и свидетельствует о принципиальной динамичности языкового мышления [4].

Таким образом, когнитивные механизмы метафоризации в глаголах-сложениях – концептуальные метафоры, слияние фреймов, образные схемы, переосмысление – действуют не изолированно, а в системе, порождая многоплановые смысловые структуры, в которых словообразование и познание оказываются неотделимы друг от друга.

Материалом для анализа служат тексты разных жанров – публицистика, художественная литература, интернет-коммуникация. Такой корпус позволяет фиксировать живые, актуальные примеры глаголов-сложений с метафорическим компонентом, отражающие реальное употребление, а не искусственно сконструированные иллюстрации.

Среди наблюдаемых примеров выделяются *горит-живёт*, *плывёт-размышляет*, *светит-улыбается*. В каждом из них метафорическая составляющая усиливает экспрессивность: *горит* в переносном значении указывает не на физический огонь, а на страсть, интенсивность, внутреннюю активность субъекта. *Плывёт-размышляет* передаёт состояние погружённости, замедленного, почти медитативного хода мысли – эффект, недостижимый простым глаголом.

В художественной литературе и публицистике метафорические компоненты глаголов-сложений работают на создание образа, а не просто на передачу информации. В интернет-коммуникации та же функция реализуется иначе – быстрее, ярче, с установкой на немедленный эмоциональный отклик.

Анализ текстов позволяет выделить несколько устойчивых моделей. Во-первых, перенос характеристик одного действия на другое, при котором образ конкретного процесса структурирует понимание абстрактного. Во-вторых, использование образных схем, связанных с природными явлениями и пространственно-временными представлениями. В-третьих, преобладание метафор эмоционального и чувственного регистра, усиливающих экспрессивную нагрузку высказывания. Все три модели воспроизводятся регулярно – это свидетельствует об их системном, а не случайном характере [5].

Метафорические глаголы-сложения функционируют и как инструмент

языковой игры, где творческий потенциал языка проявляется особенно последовательно. Структурно-семантический анализ современных текстов в целом это подтверждает: вариативность метафорических моделей в данном типе глаголов высока, их участие в образном и эмотивном насыщении текста существенно, а механизмы построения поддаются систематическому описанию. Через экспрессивную функцию говорящий передаёт эмоциональную окраску и субъективное отношение к описываемому – языковая игра при этом открывает пространство для индивидуальной интонации, не разрушая общей структуры высказывания.

В авторской речи метафорические глаголы-сложения нередко оказываются узловыми точками стилистической организации текста: через них выстраиваются характерные образы и устанавливается эмоциональный контакт с читателем. В медийном дискурсе такие конструкции используются для привлечения внимания, создания выразительных заголовков и облегчения восприятия сложной информации за счет образности и метафоричности.

Восприятие метафорических глаголов-сложений у носителей языка связано с процессами когнитивной реконструкции, в ходе которой происходит активация связанных семантических полей и образных схем. Интерпретация таких сложений базируется на способности распознавать метафорические связи, переносы и ассоциации, что требует от реципиента определенного когнитивного и культурного контекста. Эти механизмы обеспечивают понимание метафорических выражений как расширение и усложнение стандартного значения слов, способствуя более глубокому осмыслению высказываний в контексте коммуникации [6].

Метафорические глаголы-сложения – это не просто стилистический резерв языка, но и когнитивный инструмент: они требуют от носителя языка одновременной активации нескольких смысловых планов и интерпретации их взаимодействия. Именно эта двойственность – экспрессивная и когнитивная – определяет их место в разных сферах речи.

Анализ показывает, что основными механизмами метафоризации в глаголах-сложениях служат перенос признаков действия через действие и состояние, образ субъекта или объекта, а также пространственно-временные ассоциации. В когнитивном отношении ключевую роль играют концептуальные метафоры, слияние фреймов и активация образных схем: именно через их взаимодействие формируются новые сложные смыслы. Результат – семантическое расширение глагола и его словообразовательное переосмысление, дающее лексические единицы, отвечающие актуальным коммуникативным потребностям.

Метафора при этом оказывается не периферийным, а системообразующим фактором развития словообразования. Через метафоризацию

язык адаптируется к меняющейся социальной и культурной среде, наращивает выразительные средства и углубляет семантическую структуру. Метафорические глаголы-сложения в этом процессе выступают одновременно как средство речевой экспрессии и как инструмент когнитивного моделирования [7].

В итоге исследование механизмов метафоризации в глаголах-сложениях выходит за рамки собственно словообразовательной проблематики: оно располагается на пересечении лингвистики, когнитивной науки и культурологии – там, где создание нового слова и порождение нового смысла оказываются неразличимы.

Библиографический список:

1. Давиденко Н.С., Шиманович А.Н. Метафора и метонимия как когнитивные механизмы номинаций статусной лексики современного английского языка // Наука через призму времени. 2018. С. 19.
2. Козинец С.Б. Словообразовательная метафора в русском языке. 2009. 404 с.
3. Рахилина Е. В. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // ТА Майсак, ЕВ Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М.: Индрик. 2007. С. 76-105.
4. Каримова Л.Н. Когнитивная метафора как основа формирования глагольных фразеологических единиц английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 15 (370). С. 32-39.
5. Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017. 516 с.
6. Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры: монография [Текст] / С.А. Хахалова. - 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. 292 с.
7. Юйхай П. Интегральное описание метафорических семем русских глаголов // Российско-китайские исследования. 2021. Т. 5. № 1. С. 62-72.
8. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаетов И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.

Reference

1. Davidenko N.S., Shimanovich A.N. Metaphor and Metonymy as Cognitive Mechanisms of Nominations of Status Vocabulary in Modern English // Science Through the Prism of Time. 2018. P. 19.
2. Kozinets S.B. Word-Formation Metaphor in Russian. 2009. 404 p.
3. Rakhilina E.V. Types of Metaphorical Uses of Swimming Verbs // T.A. Maisak, E.V. Rakhilina (eds.). Verbs of Movement in Water: Lexical Typology. Moscow: Indrik. 2007. P. 76-105.
4. Karimova L.N. Cognitive Metaphor as the Basis for the Formation of Verbal Phraseological Units in the English Language // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 15 (370). P. 32-39.
5. Uloukhan I.S. Verbal word formation of the modern Russian language. Vol. 2: Verbs motivated by verbs. – M.: Publishing center "Azbukovnik", 2017. 516 p.
6. Khakhalova S.A. Metaphor in aspects of language, thinking and culture: monograph [Text] / S.A. Khakhalova. - 2nd ed., rev. and additional – Irkutsk: IGLU, 2011. 292 p.
7. Yuhai P. Integral description of metaphorical semes of Russian verbs // Russian-Chinese studies. 2021. Vol. 5. № 1. P. 62-72.
8. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 54-62.

Басте З.Ю.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар. SPIN-код: 7401-6601

Батурьян М.А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар. SPIN-код: 8262-0135

Идентификация и категоризация метафор на основе их когнитивных структур*

Аннотация. В статье описывается как устойчивое развитие часто концептуализируется с помощью метафор, т.е. мощных когнитивных инструментов, которые формируют то, как люди воспринимают сложные проблемы и сообщают о них. Метафоры связывают абстрактные понятия со знакомым опытом, делая их более доступными, также как люди концептуализируют устойчивое развитие с помощью метафор, опираясь на неформальные беседы со студентами. В ходе открытых дискуссий были выявлены устойчивость языковых структур и более глубокие когнитивные закономерности, лежащие в основе этих выражений. Для анализа этих метафор использовалась методология иерархии типов с помощью искусственного интеллекта, классифицируя их на основе их когнитивных структур.

Ключевые слова: когнитивные закономерности, искусственный интеллект, метафоры, устойчивое развитие, когнитивно-лингвистический подход, исследования, дискуссия, мысли.

Baste Z.Yu.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages. I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar. SPIN-code: 7401-6601

Baturyan M.A.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages. I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar. SPIN-code: 8262-0135

* © Басте З.Ю., Батурьян М.А., 2026.

Identification and categorization of metaphors based on their cognitive structures

Abstract. The article describes how sustainable development is often conceptualized using metaphors, i.e. powerful cognitive tools that shape how people perceive and communicate complex problems. Metaphors connect abstract concepts with familiar experiences, making them more accessible. This study examines how people conceptualize sustainable development through metaphors based on informal conversations with students. During the open discussions, the stability of language structures and deeper cognitive patterns underlying these expressions were revealed. To analyze these metaphors, we used the methodology of type hierarchy using artificial intelligence, classifying them based on their cognitive structures.

Key words: cognitive patterns, artificial intelligence, metaphors, sustainable development, cognitive-linguistic approach, research, discussion, thoughts.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена множеством факторов, связанных с интерпретацией метафор, т.е. не только как результат классификации, но и свидетельством наличия различных механизмов обработки метафор с предсказуемыми коммуникативными эффектами, в своей статье И.С. Криворучко и З.Ю. Басте утверждают, что «лингвоаксиологическое исследование помогает понять, какие ценности и установки закрепляются в обществе через язык» [1].

Метафоры, которые использовали студенты при исследовании, служат не только лингвистическими выражениями, но и когнитивными структурами или же способами осмысления сложности, преодоления неопределенности и выражения ценностей, страхов и надежд на будущее.

Основная часть

Одной из наиболее убедительных и часто повторяющихся метафор была *(sustainable development as a love story),* которая описывала экологическую ответственность в отношениях, относительных терминах. Такие слова, как *dedication, trust, caring and gap*, отражают сильную эмоциональную связь с окружающей средой, позиционируя природу не как объект, которым нужно управлять, а как партнера, которого нужно беречь и защищать. Эта метафора имеет особую ценность в экологическом образовании и коммуникации, поскольку она побуждает к более чуткому и эмоционально окрашенному отношению к устойчивому развитию. Другим часто цитируемым изображением было, например, *'sustainability is a tree'*– метафора, которая изящно отражает двойственную реальность глобальных принципов

(*roots*) и местных вариаций (*branches*). В этой работе, основанной на теории когнитивной метафоры, мы объединяем идеи когнитивной лингвистики, экопсихологии и эколингвистики, развивая междисциплинарную перспективу, которая рассматривает устойчивость как когнитивный конструкт и культурно опосредованный опыт. Метафоры не просто декоративные речевые средства, они функционируют как когнитивные структуры, которые могут влиять на то, как люди концептуализируют устойчивое развитие, общаются с ним и эмоционально взаимодействуют с ним.

В основе этого исследования лежит теория когнитивной метафоры (CMT), основополагающая теория когнитивной лингвистики, сформулированная Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном в их знаковой работе 1980 года "Метафоры, которыми мы живем" [2]. CMT предполагает, что метафоры – это не просто фигуры речи, а фундаментальные структуры человеческого мышления, с помощью которых люди обычно используют конкретные и знакомые понятия для понимания абстрактных, сложных областей. Классический пример показывает, что такие метафоры, как *'life is a journey' or 'time is money'*, демонстрируют, и как метафорические структуры формируют мышление, память и эмоциональный опыт. Например, если объединить понятия между двумя структурами *(vacation and life, in the example*), индивид будет использовать то, что он знает о более точной или знакомой из них (*travel are full of challenges and surprises*) в качестве основы для понимания другого (*life is a process with uncertainties*).

Воздействие различных типов метафор на общественное понимание экологических понятий явились результатом, того что метафоры улучшают восприятие, но не понимание, что отражает критичный и основанный на существующих данных подход к оценке педагогической силы метафоры. Т. Миронюк [3] отмечает эту дискуссию как социально-политическую сферу, исследуя и анализируя, как климатические метафоры, такие как '*war on climate change' or 'planet as patient'*, определяют общественные представления и политические ограничения иллюстрируют, как метафоры могут аккумулировать коллективные эмоции и характеризовать идеологическое позиционирование только климатического дискурса. С. ДЖ. Флусберг и Ф. Тибодо предлагают когнитивно-научную основу для этого направления, описывая основные метафорические системы, используемые в языке окружающей среды, и разъясняя, как они влияют на логику мышления и моральные установки [4]. Их работа поддерживает идею коммуникации в области устойчивого развития, которая глубоко укоренилась в метафорическом мышлении. Но также наблюдаем обсуждение систем и информатики, тем самым предполагая, что концептуализация основанная на метафорах может усилиться, например, *'collective intelligence'* (коллективное решение) в управлении данными об устойчивом развитии, иллюстрируя

как метафора теперь пересекается с цифровыми, организационными и эпистемологическими аспектами устойчивого развития.

Исследования в области воплощенного познания утверждают, что абстрактное мышление основано на сенсорном и моторном опыте. Согласно этой точке зрения, когнитивные процессы глубоко укоренены в сенсорных, моторных и перцептивных системах организма, а не происходят исключительно в абстрактных амодальных представлениях разума. Некоторые результаты также предполагают, что понимание, рассуждения и даже использование метафор возникают благодаря воплощенному моделированию, то есть реактивации телесных переживаний, которые основывают мысль и язык на физических действиях и восприятии [5].

Ключевой вклад заключается в использовании метода анализа иерархии типов усовершенствованного с помощью концептуального картографирования с помощью искусственного интеллекта, который обеспечивает систематический и менее субъективный подход к идентификации и категоризации метафор на основе их когнитивных структур. Это методологическое достижение обогащает теоретические дебаты о том, как метафора работает на стыке мышления, эмоций и культуры. Наше исследование вносит дополнительный вклад в формирующуюся теорию познания окружающей среды, показывая, как метафорические структуры влияют на восприятие, эмоции и, возможно, на поведенческую ориентацию в отношении экологических проблем.

Вывод

Систематизируя и интерпретируя эти метафоры выявили не только лингвистическую креативность, но и психологические и культурные подводные течения, формирующие экологическое сознание молодежи. Эти идеи лежат в основе не только теоретических разработок в области когнитивной лингвистики и экологической психологии, но и практических применений в образовании, коммуникации и разработке политики, особенно в тех контекстах, где эмоциональная вовлеченность и культурная значимость имеют решающее значение для мотивации устойчивого поведения.

Эмпирические исследования показали, что метафорическое обрамление может влиять на политические предпочтения, восприятие риска и даже на моральные оценки [7]. Однако Басте З.Ю. и Батурьян М.А. отмечают: «в социолингвистике и прикладной лингвистике в более широком смысле хорошо известно, что сложные социальные сети и мобильность в глобализированном мире могут привести к непредсказуемым языковым изменениям» [8].

Библиографический список:

1. Криворучко И.С. Ценностные ориентиры англоязычного санкционного дискурса через призму новых языковых единиц / И. С. Криворучко, З. Ю. Басте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 7. С. 2348-2353. – DOI: 10.30853/phil20240334.
2. Лакофф Г., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Лондон: Чикагский университет Издательство, 1980.
3. Миронюк Т. Изменение климата и использование метафор в публичных повествованиях. Международный научно–образовательный центр лингвистики. 2025. С. 62-70.
4. Флусберг С. Дж., Тибодо Ф. Почему мать-земля нуждается в жизнеобеспечении? Метафоры в экологическом дискурсе. Top Cognition Sci. 2023. С. 522-545.
5. Гиббс У. Интерпретация метафоры как воплощенная симуляция. Mind Lang. 2006. С. 434-458.
6. Копнина Х. Метафоры природы и экономического развития: важнейшее образование для устойчивого бизнеса. Устойчивое развитие. 2014. № 6 (11). С. 496-513.
7. Тибодо П.Ф., Бородицкий Л. Метафоры, с помощью которых мы мыслим: роль метафоры в рассуждении. PLoS ONE. 2011. № 6 (2). С.16782.
8. Басте З.Ю. «EMI» как способ обучения контенту на английском языке в рамках многоязычия / З.Ю. Басте, М.А. Батурьян // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 5-2. С. 50-53. – DOI: 10.37882/2223-2982.2024.5-2.04.
9. Медведева О.А. Использование искусственного интеллекта в сферах учебного процесса // Культура Мира. 2026. Том 14. Вып. 1. (№ 52). С. 311-314.

Reference

1. Krivoruchko I.S. Value Orientations of the English-Language Sanctions Discourse through the Prism of New Linguistic Units / I.S. Krivoruchko, Z.Yu. Baste // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17. № 7. P. 2348-2353. – DOI: 10.30853/phil20240334.
2. Lakoff G., Johnson, M. Metaphors We Live By. London: University of Chicago Press, 1980.
3. Mironiuk T. Climate Change and the Use of Metaphors in Public Narratives. International Research and Educational Center for Linguistics. 2025. P. 62-70.
4. Flusberg S.J., Thibodeau F. Why Does Mother Earth Need Life Support? Metaphors in Environmental Discourse. Top Cognition Sci. 2023. P. 522-545.
5. Gibbs W. Metaphor Interpretation as Embodied Simulation. Mind Lang. 2006. P. 434-458.
6. Kopnina H. Metaphors of Nature and Economic Development: Essential Education for Sustainable Business. Sustainable Development. 2014. № 6 (11), P. 496-513.
7. Thibodeau P.F., Boroditsky L. Metaphors with Which We Think: The Role of Metaphor in Reasoning. PLoS ONE. 2011. № 6 (2). P. 167-82.
8. Baste Z.Yu. “EMI” as a Method of Teaching Content in English within a Multilingual Framework / Z.Yu. Baste, M.A. Baturyan // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2024. № 5-2. P. 50-53. – DOI: 10.37882/2223-2982.2024.5-2.04.
9. Medvedeva O.A. Use of artificial intelligence in the field of educational process // Culture of World. 2026. Vol. 14. Issue 1. (№ 52). P. 311-314.

Губин А.Ю.
Аспирант Литературного института имени А.М. Горького.

«Новая женщина» в литературе и жизни: гендерный эксперимент Федора Гладкова и женское самосознание эпохи*

Аннотация. В статье рассматривается образ Дарьи Чумаловой из романа Ф. Гладкова «Цемент» не только как литературный тип, но и как смысловой узел, в котором пересекаются гендерная политика молодого Советского государства, художественное конструирование «новой женщины» и процессы формирования женского самосознания. Автор предлагает интерпретировать литературный женский образ как «гендерную конструкцию», одновременно отражающую и формирующую социальные представления о женском предназначении. На материале романа «Цемент» и его позднейших рецепций в критике показывается, как художественный текст участвует в выработке гендерной повестки дня, предлагает читательницам модели идентификации, но при этом вскрывает внутренние противоречия эмансипационного проекта. Особое внимание уделяется эпизоду с помещением дочери главной героини в детский дом и ее гибелью. Этот сюжетный ход рассматривается как художественное предвестие краха радикального «обобществления» материнства и как симптом перехода к консервативной гендерной политике 1930-х гг. Статья вносит вклад не только в литературоведческое, но и в историко-социологическое изучение советской литературы и может быть полезна для исследователей гендерных аспектов русской прозы XX в.

Ключевые слова: Ф. Гладков, «Цемент», Дарья Чумалова, гендерная повестка, женское самосознание, эмансипация, советская литература, детский дом, гендерные исследования, литературный канон.

Gubin A.Yu.
Graduate student of the Literary Institute named after A.M. Gorky.

The “new woman” in literature and life: Fyodor Gladkov’s gender experiment and female self-awareness of the era

Abstract. This article examines the character of Darya Chumalova from F. Gladkov’s novel Cement not only as a literary type but also as a semantic node intersecting the gen-

* © Губин А.Ю., 2026.

der policy of the young Soviet state, the artistic construction of the "new woman," and the processes of shaping female self-awareness. The author proposes interpreting the literary female character as a "gender construct" that simultaneously reflects and shapes social notions of women's destiny. Using the novel Cement and its later critical receptions, the article demonstrates how the literary text contributes to the development of a gender agenda, offering readers models of identification while simultaneously revealing the internal contradictions of the emancipatory project. Particular attention is paid to the episode involving the placement of the protagonist's daughter in an orphanage and her death. This plot device is viewed as an artistic harbinger of the collapse of the radical "socialization" of motherhood and as a symptom of the transition to the conservative gender policy of the 1930s. This article contributes not only to literary studies but also to the historical and sociological study of Soviet literature and may be useful for researchers studying the gender aspects of 20th-century Russian prose.

Key words: F. Gladkov, "Cement," Daria Chumalova, gender agenda, female self-awareness, emancipation, Soviet literature, orphanage, gender studies, literary canon.

Русская и советская литература создали уникальную галерею женских образов, которая принципиально отличается как от западноевропейской, так и от восточной традиций. Эти различия лежат не столько в плоскости художественных приемов, сколько в фундаментальных расхождениях социокультурного контекста, исторической динамики и идеологической нагрузки, возложенной на женский образ. Отечественная литература занимает особое срединное положение, впитав западный психологизм, но придав ему уникальное идеологическое измерение, в котором отчетливо выделяются три модели:

– «Святая грешница» и долг: в классической русской литературе XIX столетия женский образ (Татьяна Ларина, Соня Мармеладова) был нравственным камертоном. Женщина здесь часто жертвует личным во имя долга, но этот долг не сводится к семье. Это служение высшей правде, что роднит ее с восточным коллективизмом, но наполняет западным психологическим напряжением.

– Революционный перелом и утопия: Советская литература совершает радикальный поворот. Вместо «тургеневской девушки» появляется Дарья Чумалова Федора Гладкова – женщина, которая реализует себя через общественное строительство. Это уже не пассивный символ Востока и не бунтарь-индивидуалист Запада. Это сознательный строитель новой реальности, где личное, прежде всего, семья и материнство приносится в жертву коллективному.

– Двойная нагрузка: советский канон порождает уникальный тип – «женщина-боец» или «женщина-мать-героиня», который совмещает маскулинные черты (воин, стахановка) с патриархальным долгом. Это

приводит к драматической амбивалентности: женщина одновременно и освобождена (от старого быта), и подчинена новому (партийному) долгу.

Женский вопрос в советской литературе 1920-х гг. традиционно рассматривается в рамках истории социалистического реализма: исследователи выделяют галерею «новых женщин» – работниц, активисток, партийных функционеров, – которые приходят на смену тургеневским девушкам и чеховским героиням конца XIX – начала XX столетия. Однако за этим литературным процессом стоит более глубокая проблема: литература не просто пассивно фиксирует изменение женской судьбы, она сама становится инструментом конструирования гендерной повестки и одновременно пространством, где это конструирование подвергается испытанию – в том числе художественному сомнению.

Роман Ф. Гладкова «Цемент» (1925) представляет собой уникальный материал для такого анализа. Он создан в момент наивысшего подъема революционного гендерного эксперимента, когда большевистское государство провозглашало полное равноправие, отказ от «буржуазной семьи» и передачу воспитания детей общественным институтам. В центре романа – Дарья Чумалова, жена красноармейца, которая за время отсутствия мужа прошла путь от домашней хозяйки до партийного организатора, отдав дочь в детский дом и полностью посвятив себя строительству нового общества. Этот образ многократно цитировался в советской критике как эталонный[1]. Но за пределами идеологических похвал остается вопрос: как именно художественное слово Гладкова формирует не только литературный канон, но и гендерное самосознание читательниц, и в какой мере сам текст содержит внутреннюю критику эмансипационной утопии?

Цель настоящей статьи – выйти за рамки традиционного литературоведческого анализа и рассмотреть образ Дарьи Чумаловой в трех взаимосвязанных плоскостях, как, во-первых, художественное воплощение официальной гендерной повестки 1920-х гг.; во-вторых, потенциальную модель для женской самоидентификации (то есть как инструмент формирования женского «я»); в-третьих, поле напряженности, где авторская интуиция фиксирует трагические издержки радикальной эмансипации – в первую очередь через мотив гибели ребенка.

В качестве теоретической рамки были использованы подходы гендерной критики (С. де Бовуар, Дж. Батлер[2]), исторической социологии литературы

1 *Брайнина Б.Я.* Глаголом жги сердца людей // Воспоминания о Ф. Гладкове. – М.: Советский писатель, 1978. С. 238-239; *Брайнина Б.Я.* Жемчужное зерно жизни // Что такое современность? Сборник статей. – М.: Правда, 1960. С. 69.

2 *Батлер Дж.* Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности: 18+ / пер. с англ. К. Саркисов. – М.: V-A-C Press, 2022; *Бовуар С. де*. Второй пол. В 2-х тт. / Пер. с фр. С.Г. Айвазовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.

(М. Чудакова[3]) и гендерной социологии (Л. Терновая[4]), рассматривая художественный текст как «социальный документ», кодирующий нормативные представления о поле и одновременно допускающий их деконструкцию.

Советская власть с первых лет своего существования осознавала литературу как мощнейший агитационный ресурс. М. Чудакова в своем подчеркивала, что писатели первого послереволюционного поколения решали задачу создания «новой социальной идентичности» – и это в полной мере относилось к гендерной идентичности[5]. Женские образы в прозе 1920-х годов должны были не просто изображать «новую женщину», но и создавать образец для подражания, внедряя в массовое сознание идею о том, что женщина может и должна участвовать в производстве, политике, общественной жизни наравне с мужчиной.

Русская революционерка, советская государственная деятельница и дипломат, первая в истории женщина-министр и первая в мире женщина-посол Александра Коллонтай в своих теоретических статьях и художественных текстах сформулировала программу «освобождения женщины от быта»[6]. Эти установки включали: обобществление домашнего труда (фабрики-кухни, прачечные); передачу воспитания детей государству (детские сады, ясли, детские дома); отказ от «мещанской» моногамной семьи как экономической ячейки, что отвечало не только духу эпохи, который ярко выражали активисты Лиги «Время» и многочисленных женсоветов, но политике молодого Советского государства, которая и литературные образы могла превращать в инструмент гендерной политики[7].

Эта программа нашла свое художественное воплощение в судьбе Дарьи Чумаловой. Гладков не просто рисует женщину-активистку – он строит сюжет таким образом, чтобы читатель увидел, как революционная действительность буквально «вырывает» героиню из привычной роли матери

3 *Чудакова М.О.* Опыт историко-социологического анализа художественных текстов: На материале литературной позиции писателей прозаиков первых революционных лет // Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. – М.: Языки русской культуры, 2001. С. 291-308.

4 *Терновая Л.О.* Гендерная социология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2024; *Терновая Л.О.* Гендерная социология: женское движение в ответах на «женский вопрос»: онография. – М.: ИНФРА-М, 2023; *Терновая Л.О.* Гендерное измерение международных отношений и внешней политики // Мир и политика. 2008. № 11. С. 79-88; *Терновая Л.О.* Леди, дама, сеньора, фемина… Женское лицо мировой политики // Государственная служба. 2011. № 1. С. 91-94.

5 *Чудакова М.О.* Указ. соч.

6 *Коллонтай А.М.* Хочу быть свободной: [к 150-летию Александры Михайловны Коллонтай] / Редактор-составитель: М. Нестеренко. – М.: V A C Press, 2022.

7 *Вознесенский И.С.* Лига «Время»: из прошлого в будущее // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 2 (104). С. 37-44; *Вознесенский И.С.* Первая лига «Время»: российский опыт учета фактора времени в научной организации труда // Вестник Башкирского института социальных технологии (БИСТ). 2017. № 4 (37), декабрь 2017. С. 76-82.

и жены. Возвращение Глеба Чумалова с фронта становится точкой столкновения старого и нового патриархального сознания: муж не узнает жену, жена не узнает мужа. Эпизод, где Дарья, спеша на партсобрание, не может сразу ответить мужу, где их дочь, – это сценический узел, в котором гендерный конфликт обнажается с предельной остротой.

Примечательно, что сам Гладков в беседе с Б.Я. Брайниной противопоставлял «зрячее сердце» революционерок, цитируя индийскую пословицу, патриархальной ограниченности. Для него Дарья – это «нутряная пролетарка», человек, который интуитивно, «сердцем» воспринял новые социальные отношения. Таким образом, автор легитимирует эмансипацию не через рациональный расчет, а через нравственное превосходство новой женщины. Этот риторический ход усиливает агитационный потенциал образа.

При этом задача литературного конструирования не сводится к созданию «положительного героя». Важнее другое: образ Дарьи предлагает читательницам определенную структуру идентификации. Советская читательница 1920-х гг., обнаруживая себя в монологах и поступках героини Гладкова, получала не просто пример для подражания, она обретала язык для описания собственного опыта. Литература становилась зеркалом, в котором женщина могла увидеть себя или освобожденной, или, напротив, ощутить разрыв между идеалом и реальностью. Этот аспект редко становился предметом анализа в советском литературоведении, однако, он критически важен для понимания роли художественной прозы в формировании гендерного самосознания.

Действие романа «Цемент» разворачивается вскоре после Гражданской войны. Строительство цементного завода становится метафорой восстановления страны, а Дарья выступает главной созидательницей на этом фронте. Гладков подчеркивает, что ее организаторская работа не является вынужденной заменой домашнего хозяйства. Женщина реализует свой собственный сознательный выбор, основанный на новой коллективистской этике.

Причины, по которым Дарья отдает дочь Нюрку в детский дом, в тексте не объясняются подробно, но они реконструируются через контекст эпохи. В 1920-е гг. идея «передачи ребенка профессионалам» была широко распространена и теоретически обоснована. Антисобственнический пафос, свойственный произведениям Михаила Бакунина, а также практика первых советских коммун предполагали, что ребенок принадлежит не родителям, а обществу, и его воспитание должно быть доверено специально подготовленным педагогам[8]. В этом смысле поступок Дарьи следует оценивать не как проявление жестокости, а, напротив, как акт социального доверия и партийной сознательности. Однако Гладков вводит в повествование

8 *Бакунин М.А.* Анархия и порядок. – М.: Эксмо пресс, 2000. С. 298-299.

мотив, который разрушает безоблачность этой утопии: Нюрка умирает в детском доме. Этот эпизод оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, он может быть истолкован как трагическая случайность, жертва во имя светлого будущего, но, с другой стороны, он невольно ставит под сомнение саму идею общественного воспитания.

Здесь уместно сопоставление с «Котлованом» Андрея Платонова, где гибель девочки Насти также символизирует крушение утопического проекта[9]. Если у Платонова смерть ребенка выступает знаком бессмысленности строительства, его внутренней несостоятельности, то у Гладкова, наоборот, завод запускают, и общая линия изложения оптимистична. А смерть дочери героя романа остается неоплаченным долгом. Именно эта недосказанность делает образ Дарьи более сложным, чем канонический соцреалистический персонаж.

Еще пронзительнее эта недосказанность становится в сравнении с чеховской «Невестой», позволяя увидеть историческую эволюцию женского характера[10]. Чеховская Надя Шумина мечтает о побеге из мещанского быта, но ее будущее неопределенно, ибо она находится только на пороге новой жизни. Дарья же эту новую жизнь уже строит, она стала ее агентом. Если Чехов оставляет героине возможность выбора, то Гладков помещает Дарью в жесткие рамки коллективной необходимости. В этом смысле «освобождение» Дарьи оказывается парадоксальным. Она освобождена от старого гнета, но подчинена новому – диктату партии и идеи.

Центральный гендерный конфликт романа Гладкова «Цемент» разворачивается вокруг материнства. Дарья сознательно делегирует воспитание дочери государству, тем самым разрывая традиционную связь «мать – дитя». Это действие, с точки зрения гендерной повестки первых лет Советской власти, было актом прогрессивным, поскольку освобождало женщину для «творческого» труда. Однако Гладков показывает и оборотную сторону, которую обнажает муж Дарьи Глеб. Вернувшись в Уютную колонию, он воспринимает этот поступок как измену семейным ценностям. Его патриархальное изумление, передаваемое автором, следует оценивать не не просто как бытовую деталь, а как репрезентацию столкновения двух систем ценностей. Писатель почти физически чувствует это противостояние, поскольку он в то время тоже находился в Новороссийске и жил почти рядом со своими героями, в помещении школы для детей рабочих цементного завода, построенного в самом начале XX столетия.

Интересно, что в художественном мире романа сама Дарья почти не

9 *Платонов А.П.* Чевенгур: Роман и повести / Андрей Платонов; Послесл. С. 612-641, и коммент. Чалмаева В. А. – М.: Советский писатель Сов. писатель, 1989.

10 *Чехов А.П.* Невеста // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 9. – М.: Правда, 1978. С. 410-411.

рефлексирует о своей дочери. Читатель не видит ее сомнений, тоски, переживаний. Такое отсутствие психологической глубины может быть истолковано двояко. Возможно, как идеологическая заданность, поскольку советская героиня должна быть монолитной. Эта монолитность подтверждается появлением в те годы в новом именослове иной трактовка женских имен: Гертруда расшифровывается как «Героиня Труда», а Изольда – в буквальном смысле «Изо льда», как состоящая из льда глыба, прозрачная и целостная. Но, также вероятно, что это – художественный прием, подчеркивающий, что в новой системе ценностей личное эмоциональное начало вытесняется общественным долгом. Однако гибель Нюрки, о которой сообщается вскользь, нарушает эту гладкую поверхность. Читатель не может не задаться вопросом: стоила ли жертва? Гладков не дает ответа, но сам факт такого сюжетного хода говорит о том, что автор, возможно, бессознательно фиксирует кризис радикальной эмансипации.

Важнейшая тема, поднимаемая Гладковым, касается влияния литературного образа на самосознание реальных женщин. Ее сложность заключается в отсутствии эмпирической проверки. Можно утверждать, что в условиях тотальной идеологизации культуры литературные герои выполняли функцию «фигур идентификации». Для женщины 1920-х гг., только что получившей право голоса, доступ к образованию и работе, чтение романов было одним из немногих способов осмыслить свое новое положение[11]. Образ Дарьи Чумаловой предлагал модель, в которой сочетались черты воительницы, строительницы и, парадоксальным образом, жертвы.

Сам Гладков, как мужчина, создавал этот образ, опираясь на свои наблюдения за реальными революционерками. В его беседах с Брайниной упоминаются: сестра Ленина Мария Ильинична, Роза Люксембург, Долорес Ибаррури, Цола Драгойчева. Таким образом, образ имеет документальную основу, но одновременно он мифологизирован: реальная Драгойчева, болгарский государственный и политический деятель, учительница, коммунист и антифашист, сидевшая в тюрьме, становится символом несгибаемой воли, а ее женственность подчеркивается как особая форма мужества. Художественный прием наделения женщины «зрячим сердцем» делает эмансипацию не просто политической, но и эмоционально привлекательной.

Тем не менее, для самих женщин этот образ мог нести и травматический потенциал, ибо, требуя от них полной самоотдачи, он обесценивал личные привязанности, материнское чувство, бытовые радости. Многие ли реальные

11 *Вознесенский И.С., Вражнова М.Н., Миронова Т.А., Терновая Л.О.* Гендерные проблемы кадрового менеджмента: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2024; Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Гендерный аспект образовательных прав // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева. 2024. № 4 (75). С. 8-14.

женщины могли соответствовать этому идеалу? В этом смысле литература не только освобождала, но и создавала новую форму нормативного давления.

Показательно, что в более позднем творчестве Гладкова: в романе «Энергия» (1932 – 1938) и в автобиографической «Повести о детстве» (1949), – обнаруживается эволюция гендерного дискурса, когда мы уже не находим героинь, равных Дарье по силе и общественной активности. Появляются другие типы. В «Повести о детстве» представлена мать-страдалица, защищающая ребенка от самодурства свекра. Этот образ более традиционный и близкий к дореволюционной литературе. В повести «Пьяное солнце» (1927) встречается эмансипированная героиня, однако, ее политическое сознание несравнимо слабее, чем у Дарьи Чумаловой.

Исчезновение «новой женщины» из прозы Гладкова симптоматично. 1930-е гг. принесли Советской стране свертывание гендерного эксперимента. В 1936 г. был принят закон, запрещающий аборты. Пропаганда материнства и семьи стала официальной линией. Женщине отводилась роль «хранительницы очага», но из-за того, что от нее требовалось также работать на производстве, возникла модель «двойной нагрузки», которая сохранилась на десятилетия.

Образ Дарьи остался художественным документом эпохи, когда радикальная эмансипация казалась возможной. Но внутренняя напряженность романа уже предвещала поворот к традиционным ценностям. «Цемент» Гладкова следует считать не только произведением о строительстве социализма, но и пронзительной прозой о цене этого строительства, заплаченной женщинами.

Помещая Дарью Чумалову в широкую типологию женских образов русской литературы, можно проследить следующую эволюционную линию, всякий раз проявляющую новую амбивалентность:

– пушкинская Татьяна – нравственный идеал, но лишенный социальной активности.

– тургеневские девушки – стремление к деятельности, но в рамках дворянской культуры.

– чеховская Надя – порыв к новой жизни, но без определенности.

– Дарья Чумалова – полноценная реализация этого порыва, но в жестких рамках коллективизма.

После этой героини Гладкова в соцреалистической литературе появляются стахановки, летчицы, учительницы... Во всех их образах есть черты героизма, но, к сожалению, в них уже не видно той политической страстности и одновременно трагической двойственности, которую придал своему персонажу Гладков. Возможно, причина отсутствия состояла в том, что к концу 1920-х гг. литература стала более канонизированной, а внутренние противоречия эмансипации ушли в ее подтекст. Но есть и другая причина,

связанная с тем, что маятник эмансипации качнулся в другую сторону. Такая закономерность социальной психологии касается не только женского вопроса. Она столь же ярко проявляется в профсоюзном или молодежном движении и лежит в природе социального конфликта и ценностных противоречий поколений.

Образ Дарьи Чумаловой в романе Ф. Гладкова «Цемент» представляет собой уникальный художественный синтез. С одной стороны, он воплощает официальную гендерную повестку 1920-х гг., которой были присущи эмансипация через труд, коллективизм, отказ от патриархальной семьи. С другой стороны, благодаря трагическому мотиву гибели ребенка, Гладков, вероятно, против своей воли сумел обнажить издержки этой политики, ставя под вопрос сами ее гуманистические основания.

Для современного гендерного исследования важно, что литературный образ функционирует не только как эстетический объект, но и как смысловой ресурс для формирования женского самосознания. Дарья предлагала читательницам идентификационную модель, но эта модель была амбивалентной. Она обещала свободу, но требовала жертв, которые не всегда были оправданы. В более широком плане история образа Дарьи Чумаловой от его создания до почти полного исчезновения в поздней прозе Гладкова отражает драматическую эволюцию советской гендерной политики: от радикального эксперимента к возврату к традиционным ролям, увенчанному моделью «двойной нагрузки». Литература, таким образом, оказывается не только зеркалом, но и активным участником этого процесса, ибо она одновременно закрепляет и проблематизирует социальные нормы.

Дальнейшие исследования могут обратиться к сравнению «Цемента» с другими произведениями рубежа 1920-х – начала 1930-х гг., где возникает мотив гибели ребенка, а также к изучению реальных читательских откликов на образ Дарьи, что позволило бы эмпирически подтвердить гипотезу о влиянии литературы на женское самосознание того времени, но еще более полезно, найти те его корни, которые несмотря на все непогоды сохранились и предопределяют образ женщины в мировой и русской литературе, которая отказывается быть «зеркалом» героя, неся в себе внутренний конфликт между долгом и чувством, разумом и стихией, главная драма которой состоит в поиске собственного «я» в мире, созданном по мужским правилам.

Библиографический список:

1. Бакунин М.А. Анархия и порядок. – М.: Эксмо пресс, 2000. 701 с.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности : 18+ / пер. с англ. К. Саркисов. – М.: V-A-C Press, 2022. 269 с.
3. Бовуар С. де. Второй пол. В 2-х тт. / Пер. с фр. С.Г. Айвазовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
4. Брайнина Б.Я. Глаголом жги сердца людей // Воспоминания о Ф. Гладкове. – М.: Советский писатель, 1978. С. 238-239.

5. Вознесенский И.С. Лига «Время»: из прошлого в будущее // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 2 (104). С. 37-44.
6. Вознесенский И.С. Первая лига «Время»: российский опыт учета фактора времени в научной организации труда // Вестник Башкирского института социальных технологии (БИСТ). 2017. № 4 (37. С. 76-82.
7. Вознесенский И.С., Вражнова М.Н., Миронова Т.А., Терновая Л.О. Гендерные проблемы кадрового менеджмента: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2024. 160 с.
8. Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Гендерный аспект образовательных прав // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева. 2024. № 4 (75). С. 8-14.
9. Коллонтай А.М. Хочу быть свободной: [к 150-летию Александры Михайловны Коллонтай] / Редактор-составитель: М. Нестеренко. – М.: V A C Press, 2022. 251 с.
10. Платонов А.П. Чевенгур: Роман и повести / Андрей Платонов; Послесл. С. 612-641, и коммент. Чалмаева В.А. – М.: Советский писатель Сов. писатель, 1989. 653 с.
11. Терновая Л.О. Гендерная социология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2024. 366 с.
12. Терновая Л.О. Гендерная социология: женское движение в ответах на «женский вопрос»: монография. – М.: ИНФРА-М, 2023. 198 с.
13. Терновая Л.О. Гендерное измерение международных отношений и внешней политики // Мир и политика. 2008. № 11. С. 79-88.
14. Терновая Л.О. Леди, дама, сеньора, фемина… Женское лицо мировой политики // Государственная служба. 2011. № 1. С. 91-94.
15. Чехов А.П. Невеста // Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 9. – М.: Правда, 1978. С. 410-411.
16. Что такое современность? [Текст]: Сборник статей / Редколлегия: Б. Я. Брайнина [и др.]. – М.: Правда, 1960. 383 с.
17. Чудакова М.О. Опыт историко-социологического анализа художественных текстов: На материале литературной позиции писателей прозаиков первых революционных лет // Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. – М.: Языки русской культуры, 2001. С. 291-308.

Reference

1. Bakunin M.A. Anarchy and Order. Moscow: Eksmo Press, 2000. 701 p.
2. Butler J. Gender Anxiety: Feminism and the Undermining of Identity: 18+ / Translated from English by K. Sarkisov. Moscow: V-A-C Press, 2022. 269 p.
3. Beauvoir S. de. The Second Sex. In 2 volumes. / Translated from French by S.G. Aivazova. Moscow: Progress; St. Petersburg: Aleteya, 1997. 832 p.
4. Braynina B.Ya. Burn the Hearts of People with the Verb // Memories of F. Gladkov. Moscow: Sovetsky Pisatel, 1978. P. 238-239.
5. Voznesensky I.S. The "Time" League: From the Past to the Future // Ethnosociety and Interethnic Culture. 2017. № 2 (104). P. 37-44.
6. Voznesensky I.S. The First "Time" League: Russian Experience of Accounting for the Time Factor in Scientific Labor Organization // Bulletin of the Bashkir Institute of Social Technologies (BIST). 2017. № 4 (37). P. 76-82.
7. Voznesensky I.S., Vrazhnova M.N., Mironova T.A., Ternovaya L.O. Gender Issues in HR Management: A Textbook. Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium", 2024. 160 p.
8. Goldin G.G., Ternovaya L.O. The Gender Aspect of Educational Rights // Scientific Works of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev. 2024. № 4 (75). P. 8-14.
9. Kollontai A.M. I Want to Be Free: [on the 150th Anniversary of Alexandra Mikhailovna Kollontai] / Editor-compiler: M. Nesterenko. Moscow: V A C Press, 2022. 251 p.
10. Platonov A.P. Chevengur: Novel and Stories / Andrei Platonov; Afterword. P. 612-641, and commentary by V.A. Chalmaev. – M.: Sovetsky pisatel Sov. pisatel, 1989. 653 p.
11. Ternovaya L.O. Gender Sociology: Textbook. – M.: INFRA-M, 2024. 366 p.
12. Ternovaya L.O. Gender Sociology: The Women's Movement in Responses to the "Women's Question": Monograph. – M.: INFRA-M, 2023. 198 p.
13. Ternovaya L.O. The Gender Dimension of International Relations and Foreign Policy // Mir i Politika. 2008. № 11. P. 79-88.
14. Ternovaya L.O. Lady, Dame, Señora, Feminine... The Feminine Face of World Politics // Public Service. 2011. № 1. P. 91-94.
15. Chekhov, A.P. The Bride. Collected Works in Twelve Volumes. Vol. 9. Moscow: Pravda, 1978. P. 410-411.
16. What is Modernity? [Text]: A Collection of Articles / Editorial Board: B. Ya. Braynina [et al.]. Moscow: Pravda, 1960. 383 p.
17. Chudakova M.O. An Attempt at Historical and Sociological Analysis of Fiction: Based on the Literary Position of Prose Writers of the First Revolutionary Years // Selected Works. Vol. 1. Literature of the Soviet Past. Moscow: Languages of Russian Culture, 2001. P. 291-308.

Девидовская П.А.
Магистрант 2 курса, Российский университет дружбы народов.

Танчук А.С.
Кандидат филологических наук, старший преподаватель.

Функционально-прагматические особенности коммуникативных стратегий в жанре англоязычного делового медиа интервью*

Аннотация. В статье рассматриваются функционально-прагматические особенности коммуникативных стратегий в жанре англоязычного делового медиа интервью. Цель исследования – выявить ведущие стратегии интервьюера и интервьюируемого, определить их прагматические функции и описать языковые средства реализации. Материалом послужили 120 англоязычных бизнес-интервью, опубликованных в 2019–2026 гг. на платформах Bloomberg, CNBC, Financial Times, BBC Business, Forbes и Harvard Business Review. На основе дискурсивного, прагмалингвистического, контент-аналитического и количественного анализа установлено, что интервьюер чаще использует проблематизацию, уточнение и провокацию институциональной ответственности, а интервьюируемый – репутационную самопрезентацию, контролируемую прозрачность, смягчение рисков и смену фокуса. Полученные результаты уточняют жанровую модель делового медиа интервью как гибридного формата институциональной коммуникации.

Ключевые слова: деловой дискурс, медиа интервью, прагматика, коммуникативная стратегия, англоязычная медиакоммуникация, институциональный дискурс, речевое воздействие.

Devidovskaya P.A.
Masters' degree student. Peoples' friendship university of Russia.

Tanchuk A.S.
Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer.

Functional and pragmatic features of communication strategies in the English-language business media interview genre

* © Девидовская П.А., Танчук А.С., 2026.

Abstract. This article examines the functional and pragmatic characteristics of communication strategies in the English-language business media interview genre. The study aims to identify the leading strategies of interviewers and interviewees, define their pragmatic functions, and describe the linguistic means of their implementation. The material is based on 120 English-language business interviews published between 2019 and 2026 on the platforms of Bloomberg, CNBC, Financial Times, BBC Business, Forbes, and Harvard Business Review. Based on discourse, pragmalinguistic, content-analytical, and quantitative analysis, it is established that interviewers more often use problematization, clarification, and provocation of institutional responsibility, while interviewees tend to use reputational self-presentation, controlled transparency, risk mitigation, and a shift in focus. The obtained results refine the genre model of the business media interview as a hybrid format of institutional communication.

Key words: business discourse, media interview, pragmatics, communication strategy, English-language media communication, institutional discourse, speech influence.

Introduction

Modern linguistics is increasingly turning to the study of institutional forms of communication, in which the speech behavior of participants is determined not only by the norms of language, but also by the parameters of social role, genre scenario, pragmatic attitude and communicative environment. A special place among such forms is occupied by business discourse, which, in the context of the mediatization of the economy and the publicity of corporate governance, is becoming increasingly differentiated by genre. One of the most revealing formats in this field is the English-language business media interview, which is a complex type of public professional communication where the interests of business, journalism, audience and reputation management intersect.

The relevance of the study is due to several factors. Firstly, the genre of business media interviews is a dynamically developing form of English-language institutional discourse, but its functional and pragmatic specifics in Russian linguistics are described in fragments. Secondly, in conditions of high competition in global markets, the public speech behavior of business representatives is becoming an important tool for building trust, managing investor expectations, legitimizing corporate decisions and minimizing reputational risks. Thirdly, the English-language business media interview demonstrates a high degree of strategy: each speech move in it is correlated with the tasks of positioning, controlling the agenda, interpreting events and influencing the addressee. Finally, the study of this genre is also important from an applied point of view, since the results can be used in teaching business English, media linguistics, pragmalinguistics, and professional communication theory.

The scientific significance of the work is determined by the need for a systematic description of the communicative strategies of participants in an En-

glish-language business media interview, taking into account their functional load, pragmatic goals and linguistic means of implementation. In this regard, the study makes it possible to clarify ideas about the nature of business discourse as a type of institutional communication and to specify the mechanisms of speech interaction in the public business media environment.

The purpose of the article is to identify the functional and pragmatic features of communication strategies in the genre of English-language business media interviews.

To achieve this goal, the following tasks were formulated:

1. to determine the genre characteristics of the English-language business media interview as a type of institutional discourse;

2. to systematize theoretical approaches to the study of discourse, pragmatics and communication strategies in business communication;

3. identify and classify the main strategies of the interviewer and the interviewee;

4. establish the frequency and functional load of the identified strategies;

5. describe the language tools that implement these strategies in the corpus of texts under study;

6. to determine the practical significance of the results obtained for the analysis and training of business communication.

Research material

The research material consisted of 120 English-language business media interviews published between January 2019 and March 2026 on the platforms Bloomberg, CNBC, Financial Times, BBC Business, Forbes and Harvard Business Review. The case includes interviews with CEOs, finance directors, founders of technology companies, investment analysts, representatives of international banks and heads of large corporations from the fields of finance, information technology, industry, logistics, retail and energy.

The criteria for selecting the material were:

1. the text belongs to the genre of media interviews;

2. professional and business status of the interviewee;

3. availability of public business topics;

4. Availability of full text transcription;

5. Pronounced dialogical structure;

6. Representativeness from the point of view of modern business communication practices.

The total volume of the analyzed corpus amounted to 742,000 word usage. The average length of an interview is 6,183 words. There were 8,460 replicas in the sample, of which 3,912 belonged to the interviewers and 4,548 belonged to the interviewees. The average length of the video versions of the interview was 18 minutes and 40 seconds. In 67% of cases, interviews were conducted in studio

format, in 21% – at business forums and conferences, in 12% – in remote format.

During the initial marking of the building, the following thematic blocks were highlighted: the company's financial results – 24%, business growth and transformation strategy – 19%, crisis management and risks – 17%, labor market and personnel policy – 11%, innovation and digitalization – 13%, ESG agenda and corporate responsibility – 9% leadership and management decisions – 7%.

For quantitative analysis, the unit "strategically marked communicative move" was used, which meant a remark or a fragment of a remark that implements a specific pragmatic attitude of the interview participant. A total of 5,286 such moves were identified in the case: 2,481 for the interviewers and 2,805 for the interviewees.

The research methodology included several stages. At the first stage, the corps was selected and structured. At the second stage, a discursive analysis of the genre organization of the interview was conducted. At the third stage, communicative strategies and tactics were identified based on pragmatic markers, speech intentions, the thematic function of the question or answer, as well as the position of the remark in the dialogical structure. At the fourth stage, methods of quantitative calculation, comparative analysis and interpretation of the results were applied.

The theoretical basis of the article consists of the works of domestic and foreign researchers devoted to the problems of discourse, institutional communication, pragmatics and strategic organization of business communication.

The understanding of discourse in the work correlates with the approach of N.D. Arutyunova, who considers discourse as a coherent text combined with extralinguistic, pragmatic, socio-cultural and psychological factors [1]. This approach makes it possible to analyze a business media interview not as a sum of individual lines, but as a holistic communicative event embedded in an institutional context and focused on multiple addressees.

To characterize the genre nature of the material, V.I. Karasik's concept of institutional discourse is essential, according to which the speech behavior of participants is determined by role parameters, status asymmetry, communication goals and normatively fixed models of interaction [4]. This model is particularly evident in the English-language business media interview.: The interviewer performs the function of mediator and agenda controller, while the interviewee acts as a representative of the institution, broadcasting the organizational position.

The study of business discourse is based on the provisions formulated by Fr. Bargiela-Chiappini, C. Nickerson and B. Planken, who consider business discourse as a specialized form of communication in which speech practices are correlated with business goals, professional norms and culturally determined models of interaction [3]. For this study, it is especially important to conclude that business discourse is not only informational, but also managerial, since through

it relationships are coordinated, interpretations are formed, and institutional positions are consolidated.

A significant role in the conceptualization of the work was played by the provisions of E.V. Ponomarenko on the linguosynergetics of business communication, emphasizing the multidimensional nature of business communication, where linguistic means, cognitive models and social goals form a single dynamic system [2]. This approach is useful for describing media interviews as a genre in which meaning is generated not only by the content of statements, but also by their coordination with audience expectations, media scenario logic, and corporate positioning objectives.

When describing communication strategies, the provisions of T.N. Astafurova on strategies of communicative behavior in professionally significant situations of intercultural communication were used [6]. In this paper, strategy is understood as a complex model of speech behavior aimed at achieving a global communicative goal, while tactics are interpreted as a particular way of implementing strategy in a specific speech situation. This distinction made it possible to describe the systematic organization of the interview, in which participants consistently alternate tactics of pressure, mitigation, clarification, repositioning and argumentation.

For the analysis of the effectiveness and cultural conditionality of business communication, the observations of T.S. Samokhina are also significant, focusing on the dependence of speech practices on the circumstances of communication, cultural code and pragmatic expectations of partners [7]. In the context of an English-language business media interview, this dependence is expressed in a combination of bluntness of business argumentation and polite mitigation, especially when discussing crises, losses, dismissals and controversial corporate decisions.

The study also took into account the provisions of Nazarova and Budanova on the semiotics of communicants in business communication in English [8]. Their ideas allow us to consider interviews not only as verbal interaction, but also as a space of status self-representation, where role indexes, institutional markers and symbolic construction of professional identity are significant.

In interpreting the strategies of coordination and guided interaction, the ideas of R. Fischer and W. Yuri is talking about the negotiation process, since many of the interviewees' remarks in business media interviews are of a negotiation nature: they are aimed at reducing the conflict of interpretations, transferring problematic issues to the zone of constructive discussion and defending a position without direct confrontation [9].

The pragmatic analysis of speech patterns was based on the cooperative principle of G.P. Grice [10] and the principles of politeness of G.N. Leech [11]. The Grice model allowed us to identify cases of strategic compliance and controlled violation of maxims of quantity, quality, attitude and method. For example, the

interviewee's evasive response often formally retains relevance, but limits information content, thereby implementing the tactic of selective transparency. The Leech principles proved to be productive in analyzing mitigating constructions, euphemizations, indirect disagreements, and reputationally sound formulations.

Thus, the theoretical basis of the research is interdisciplinary and combines discursive, pragmalinguistic, sociolinguistic and functional-communicative approaches. This allows us to consider the English-language business media interview as a genre in which speech strategies are formed at the intersection of institutional role, media logic, business goals and pragmatics of public impact [5].

The practical significance of the research is determined by the possibility of applying its results in several directions.

Firstly, the data obtained can be used in the development of courses in pragmalinguistics, media linguistics, discourse theory, business English and professional intercultural communication. The identified strategies and tactics allow students to develop skills in interpreting speech behavior in a public business environment.

Secondly, the research materials can serve as a basis for creating teaching aids for analyzing English-language business interviews, preparing speakers for media appearances, and developing corporate communication competencies. The developed classification of strategies can be used to train managers and PR specialists in techniques for answering inconvenient questions, managing the agenda and maintaining reputational balance.

Thirdly, the results of the work are significant for the practice of media training. The analysis of language markers of problematization, refinement, mitigation, and re-emphasis strategies makes it possible to model typical interview scenarios and predict communication risks.

Fourth, the findings of the study can be applied in automated discourse analysis of media texts, including in the tasks of annotating dialogue corpora, identifying reputational patterns and studying strategic communication in digital media.

Discussion and results

The analysis showed that the English-language business media interview is an institutionally organized genre with a stable set of pragmatic roles, in which the interviewer and the interviewee operate in an asymmetric but interdependent interaction. The interviewer controls the pace, thematic scope and direction of problematization, while the interviewee strives to maintain image stability, promote the desired interpretation and minimize the negative effects of potentially conflicting issues.

1. Functional model of the genre

Based on the analysis of the corpus, it is established that the genre of English-language business media interview implements four main functions: infor-

mative, reputational, regulatory and intrusive.

The informative function was recorded in 31% of strategically marked moves. It manifested itself in reporting income data, forecasts, investments, market trends, and management decisions.

The reputational function accounted for 28% of all moves and was expressed in the interviewees' desire to form the image of a competent, responsible and transparently acting leader.

The regulatory function noted in 22% of cases was to manage interpretation, direct discussion, limit the scope of the issue, or change the focus of the topic.

The invasive function was 19% and was focused on convincing the audience of the rationality of decisions, the sustainability of the company, the prospects of the strategy and the ethical acceptability of actions.

Thus, a business media interview is not limited to the exchange of information. It is a genre of strategic public positioning, where the information component is closely related to the tasks of influence.

2. Interviewer's communication strategies

The corpus identified six leading interviewer strategies.

2.1. Problematization strategy

This strategy accounted for 26.4% of all the interviewer's moves. It was aimed at identifying contradictions, risks, weaknesses in corporate policy, or discrepancies between public statements and actual results.

Typical markers were questions with the lexemes challenge, concern, pressure, slowdown, criticism, risk, decline, justify. For example: How do you justify the decision in light of declining margins?; Investors remain concerned about the pace of recovery. What is your response?

The pragmatic function of the strategy was to create an accountability area where the interviewee had to publicly respond to the problem. In 71% of cases, problematization was accompanied by reliance on external data: reports, analyst opinions, market statistics, or previous statements by the speaker.

2.2. Refinement Strategy

This strategy was 21.8%. It was implemented by requesting specific parameters, time frames, quantitative indicators, and cause-effect relationships. The frequency means were the constructions can you be more specific, what exactly, how much, when do you expect, are you saying that.

The clarification strategy served a dual function: on the one hand, it increased the information content of the interview, on the other, it limited the possibility of going into general formulations. In 58% of cases, clarifying questions followed an evasive or overly abstract response from the interviewee.

2.3. Strategy of provocation of institutional responsibility

The share of this strategy was 17.6%. It was especially typical for interviews

dealing with cuts, financial losses, supply delays, environmental claims, and ethically controversial decisions. The interviewer framed the question in such a way as to initiate a direct recognition of responsibility or a clear statement of position.

For example: Do you accept responsibility for the failure to meet your own guidance?; Was the company too slow to react?

This strategy had a high pragmatic potential, as it forced the interviewee to choose between recognition, partial consent, shifting responsibility to external factors, or softening interpretation.

2.4. Matching Strategy

This strategy accounted for 14.9% of the interviewer's moves. It was implemented through comparing current results with previous periods, competitor actions, industry norms, or the company's own promises. The comparison enhanced the objectifying effect of the question and formed the background for evaluating effectiveness.

2.5. Solution Personalization Strategy

The frequency of the strategy is 10.7%. The interviewer shifted the discussion from the abstract position of the company to the personal role of the head: What did you personally learn from this?; Why did you decide to move ahead despite opposition? The strategy enhanced the media appeal of the interview and shifted the corporate theme into the realm of leadership and personal responsibility.

2.6. Cooperative facilitation strategy

The least conflictual strategy of the interviewer was 8.6%. It manifested itself in supportive questions that allowed for a detailed expert explanation: Help us understand your long-term view; Walk us through the thinking behind that move. Such questions created conditions for the interviewee's expert self-presentation and were more often encountered in interviews with recognized market leaders or in thematic analytical programs.

3. Interviewee's communication strategies

Seven dominant strategies were identified in the responses of the interviewees.

3.1. Reputational self-presentation strategy

This is the most frequent strategy, accounting for 24.7% of the responses. It consisted in forming a positive image of the company and its management through the lexemes competence, resilience, discipline, responsibility, long-term value, customer focus. The interviewees emphasized the sustainability, strategic approach, professionalism of the team and commitment to the interests of customers and shareholders.

In 64% of cases, the strategy was accompanied by the use of the inclusive pronoun we, which reduced personal vulnerability and created the effect of collective responsibility and corporate cohesion.

3.2. The strategy of controlled transparency

The frequency was 19.3%. This strategy involved providing a limited amount of information, sufficient to maintain an image of openness, but insufficient to disclose sensitive details. Typical markers were the constructions what I can say is, at this stage, within the bounds of what we've disclosed, we are not in a position to comment on specifics.

The strategy was particularly actively used in 78% of interviews related to financial forecasts, M&A transactions, litigation risks or personnel decisions. From a pragmatic point of view, it demonstrates controlled compliance with the Grice quantity maxim.

3.3. Reinsertion strategy

The share of the strategy is 16.8%. Within the framework of this model, the interviewee shifted the focus from the problematic aspect to a more profitable thematic segment. For example, when asked about declining profits, the speaker focused on the growth of the customer base, investments in innovation, or long-term potential.

At the linguistic level, over-emphasis was often marked by the connectives what matters most, the bigger picture, the key point here, if you look at the longer horizon. In 61% of cases, this strategy was combined with argumentation through perspective.

3.4. Risk mitigation strategy

The frequency is 14.5%. It is aimed at neutralizing the disturbing effect of negative information. The interviewees used modal and evaluative tools: manageable, temporary, moderate, some pressure, short-term headwind, not unusual in the cycle. This strategy made it possible to interpret negative events as controlled and typical.

3.5. The strategy of reasoned legitimization

It accounted for 11.2% of the responses. Its function is to justify a controversial decision by referring to data, customer interests, market logic, regulatory requirements, or the company's long–term goals. The strategy was often based on the scheme "recognition of complexity – explanation of the reason – demonstration of rationality." For example: It was a difficult decision, but it was necessary to protect the long-term health of the business.

3.6. Partial recognition Strategy

The frequency was 8.9%. The interviewee accepted a limited amount of criticism, preventing a complete capitulation of the position: We could have moved faster; There are lessons to learn; In hindsight, some assumptions proved too optimistic. This strategy proved to be particularly effective in situations of high reputational burden, as it reduced tension and enhanced the impression of honesty.

3.7. Evasion strategy through procedural reference

The least frequent but significant strategy is 4.6%. It consisted in refusing

to give a direct answer based on legal, regulatory or corporate restrictions: We can't comment on ongoing discussions; That remains subject to board approval; For legal reasons, I can't go into that. Unlike controlled transparency, here the restriction was justified by external regulations, and not by the communicative choice of the speaker.

4. The ratio of strategies and thematic areas

The analysis showed that the choice of strategies is closely related to the topic of the interview. In interviews about financial results, clarification and comparison were the most frequent among the interviewers, while the interviewees had controlled transparency and reasoned legitimation. In crisis interviews, the proportion of problematization and provocation of institutional responsibility on the part of the journalist increased sharply, and on the part of the company representative, risk mitigation, partial recognition and over–emphasis.

In interviews about leadership, innovation, and long-term strategy, the share of cooperative facilitation and reputational self-presentation increased markedly. This indicates the genre flexibility of a business media interview: its pragmatic architecture varies depending on the subject of discussion and the level of reputational threat.

5. Language tools for strategy implementation

The functional and pragmatic specificity of strategies is clearly manifested in the system of linguistic means.

The interviewer is characterized by:

- interrogative constructions with a high degree of directivity;
- Access to data and citations;
- contrastive structures like yet, but, however;
- reformulation of the response in order to verify the position;
- the use of conditional evaluative vocabulary.

Typical for the interviewee are:

- inclusive pronouns;
- Modal verbs and de-intensifiers;
- temporal limits that limit the categoricality of the statement;
- Euphemization of negative phenomena;
- metadiscursive markers for managing the recipient's attention;
- Reasoning through the values of sustainability, responsibility, customers, and long-term growth.

Quantitative analysis showed that in the responses of the interviewees, the inclusive we occurred on average 18.4 times per 1,000 words, while the personal I occurred 6.1 times per 1,000 words. This indicates the dominance of the collective-institutional model of self-representation. Lexemes with positive business

evaluation (strong, disciplined, resilient, constructive, focused) were recorded in 43% of responses, and information restriction markers in 27%.

6. Pragmatic effects of strategic interaction

The study showed that the success of a business media interview is determined not by the degree of completeness of the response per se, but by the balance between informativeness, institutional security and persuasiveness. In 69% of interviews, responses that combined partial recognition of the problem, limited specification, and long-term focus proved to be the most effective in terms of maintaining a positive image.

The interviewer, in turn, achieved the greatest effect in cases where problematization was combined with clarification and reference to external data. Isolated provocative questions without factual support more often led to boilerplate answers and reduced informativeness.

It is noteworthy that in 54% of cases, the interviewees did not engage in direct confrontation with the question, but used the tactic of "conditional consent", formally accepting the framework of the discussion, but meaningfully changing the focus of the answer. This confirms that the key mechanism of the genre is not the rejection of interaction, but the strategic redistribution of the semantic center.

7. Genre specifics of the English-language business media interview

Based on the data obtained, the genre of the English-language business media interview can be characterized by the following features:

1. institutional asymmetry of roles with mutual dependence of participants;
2. a combination of informational and reputational goals;
3. High frequency of strategic topic control;
4. the normative desire for cooperativeness with hidden confrontationality;
5. hybridity, expressed in the combination of journalistic question-and-answer format, expert presentation and elements of negotiation interaction;
6. Expressed orientation towards a mass, professionally and financially interested addressee.

Conclusion

The conducted research made it possible to identify the functional and pragmatic features of communication strategies in the genre of English-language business media interviews and describe their systemic organization based on the material of a modern corpus of authentic texts.

It is established that the English-language business media interview is a hybrid institutional genre in which media logic, business rationality, pragmatics of public accountability and reputational positioning intersect. Its communicative

specificity is determined by the asymmetry of the roles of the interviewer and the interview, however, this asymmetry does not exclude mutual dependence: the former forms the problem field, the latter controls its interpretation.

The analysis showed that the interviewer's strategies of problematization, clarification, provocation of institutional responsibility, comparison, personalization of solutions and cooperative facilitation dominate. The interviewee's most frequent strategies are reputational self-presentation, controlled transparency, over-emphasis, risk mitigation, reasoned legitimization, partial recognition, and evasion through procedural reference.

It has been revealed that the pragmatic effectiveness of responses in a business media interview is ensured not by the maximum completeness of information, but by the ability to combine openness with institutional caution, recognize the problem without losing managerial legitimacy and translate the discussion into a framework of long-term rationality. This shows the specificity of the genre as a form of strategic speech management.

The results obtained expand the understanding of the nature of business discourse and contribute to the development of a functional and pragmatic model of an English-language business media interview. The prospects for further research are related to the comparative analysis of English-language and Russian-language business interviews, the study of the non-verbal component of strategic behavior, as well as the study of digital transformations of the genre in podcasts, streaming interviews and short video formats.

Библиографический список / Reference

1. Arutyunova N.D. Discourse // Large encyclopedic dictionary. Linguistics. Moscow, 1998. P. 136-137.
2. Ponomarenko E.V. Linguosynergetics of business communication from the perspective of a competence approach (based on the material of the English language). Moscow: MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2010. 151 p.
3. Bargiela-Chiappini Fr., Nickerson C., Planken B. Business Discourse. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 3.
4. Karasik V.I. Ethnocultural types of institutional discourse // Ethnocultural specificity of speech activity. Moscow: INION RAS, 2000. P. 37-64.
5. Bargiela-Chiappini Fr., Nickerson C., Planken B. Business Discourse. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 5.
6. Astafurova T.N. Strategies of communicative behavior in professionally significant situations of intercultural communication: linguistic and didactic aspects: dis. ... doctor of pedagogical Sciences: 13.00.02. Moscow, 1997. 324 p.
7. Samokhina T.S. Effective business communication in the context of different cultures and circumstances. Moscow: Publishing house «R.Valent», 2005. 215 p.
8. Nazarova T.B., Budanova B.V. Semiotics of communicants in business communication in English // Language, consciousness, communication. Moscow: MAKS Press, 2006. Issue 32. 108 p.
9. Fischer R., Yuri U. The path to agreement // Language and modeling of social interaction. Blagoveshchensk: BGK named after I.A. Baudouin de Courtenay, 1998. P. 174.
10. Grice G.P. Logic and speech communication // New in foreign linguistics. Moscow: Progress, 1985. Issue. 16. P. 217-283.
11. Leech G.N. Principles of Pragmatics. New York: Longman Group Limited, 1983. P. 97.

Зайцева Е.А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии, Тверской государственный университет, г. Тверь.

Жарова Э.М.
Учитель иностранного языка. Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа №16», г. Тверь.

Гинзбург О.В.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.

Новикова И.В.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии, Тверской государственный университет, г. Тверь.

Оценка освоенности английской лексики у младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности как условие формирования лексических навыков*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования лексических навыков английского языка у младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности. Помимо вопросов предъявления и закрепления новой лексики, особое внимание уделяется оценке степени её освоенности, поскольку именно диагностика уровня сформированности лексических единиц позволяет определить эффективность применяемых методических подходов и адаптировать процесс обучения к когнитивным особенностям данной категории учащихся.

Ключевые слова: английский язык, младший школьный возраст, СДВГ, лексический навык, лексическая единица, освоенность слова, степени освоенности слова, рабочая память, внимание, обучение лексике.

* © Зайцева Е.А., Жарова Э.М., Гинзбург О.В., Новикова И.В., 2026.

Zaitseva E.A.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Hermeneutic Linguodidactics and English Philology, Tver State University, Tver.

Zharova E.M.
Foreign Language Teacher, Municipal Secondary School No. 16, Tver.

Ginzburg O.V.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.

Novikova I.V.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Hermeneutic Linguodidactics and English Philology, Tver State University, Tver.

Assessment of English vocabulary acquisition in primary school children with attention-deficit/hyperactivity disorder as a condition for developing lexical skills

Abstract. The article addresses the issue of developing English lexical skills in primary school children with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD). In addition to the issues of presentation and consolidation of new vocabulary, particular attention is paid to the assessment of the degree of its mastery, since it is precisely the diagnosis of the level of lexical competence that allows determining the effectiveness of the teaching methods employed and adapting the learning process to the cognitive characteristics of this category of learners.

Key words: English as a second language, primary school children, ADHD, lexical skills, lexical units, vocabulary mastery, levels of vocabulary knowledge, working memory, attention, vocabulary instruction.

Вклад соавторов:

Зайцева Е.А. разработала общую концепцию и теоретическую платформу исследования на основе положений Тверской психолингвистической школы; определила критерии оценки лексической освоенности и методологическую логику работы; руководила всеми этапами подготовки рукописи – от постановки проблемы до формулировки выводов; подготовила

финальную редакцию текста.

Жарова Э.М. провела анализ теоретических источников по проблеме формирования лексических навыков у младших школьников с СДВГ; систематизировала современные подходы к оценке освоенности лексики (включая работы Нейшна, Шмиттов, Баркли, Тэна и других); разработала логическую схему поэтапной диагностики лексической освоенности; подготовила основной текст статьи, включая обоснование актуальности, обзор литературы и методические рекомендации; оформила ссылочный аппарат в соответствии с требованиями журнала.

Гинзбург О.В. и Новикова И.В. предложили исходную гипотезу о предиктивной роли характера освоенности лексики (прочность / хрупкость усвоения) для успешности формирования навыков у детей с СДВГ; провели экспертный анализ теоретических положений статьи, акцентируя речемыслительные механизмы детей с СДВГ (особенности опознания, удержания и актуализации слова); верифицировали выводы в контексте исследований Тверской психолингвистической школы; консультировали авторов на всех этапах обсуждения содержания и структуры рукописи.

Все соавторы обсуждали промежуточные и итоговые результаты; финальный вариант статьи одобрен коллективно.

В современной начальной школе обучение английскому языку всё чаще осуществляется в условиях неоднородного класса, где наряду с детьми с нормативным развитием обучаются младшие школьники с трудностями внимания, саморегуляции и контроля поведения. Особое место среди таких трудностей занимает синдром дефицита внимания и гиперактивности. Согласно современным клиническим представлениям, СДВГ проявляется устойчивыми трудностями внимания, гиперактивностью и импульсивностью, которые влияют на повседневное функционирование ребёнка, в том числе на учебную деятельность [3]. В методике обучения иностранному языку это требует не снижения требований к ребёнку, а более точной организации учебных действий.

Проблема формирования лексических навыков у младших школьников с СДВГ особенно значима, поскольку именно лексика составляет основу первичного речевого действия на иностранном языке. В статье [2] представлен анализ истории обучения лексике иностранного языка в России XX века, который показывает, что в отечественной методике долгое время лексика рассматривалась вторично по отношению к грамматике, хотя без владения словом невозможно практическое владение языком. Эта позиция особенно важна применительно к младшему школьному возрасту: ребёнок начинает говорить на английском языке не с абстрактных грамматических

схем, а с конкретных слов, связанных с предметами, действиями, эмоциями и ситуациями общения.

При этом следует различать понятия *знание слова* и *владение словом* (ср. англ. knowledge и proficiency). Необходимо различать разные степени освоенности слова [1]. Ситуация с младшими школьниками с СДВГ не является исключением: важно не ограничиваться проверкой по принципу «знает - не знает». Ребёнок может узнать слово при опоре на картинку, но не воспроизвести его самостоятельно; может повторить слово за учителем, но не использовать его в предложении; может правильно ответить сегодня, но утратить эту способность при следующем предъявлении.

Современные исследования в области обучения лексике также подтверждают многоуровневый характер лексического знания. Иэн Стивен Пол Нейшн рассматривает овладение словом как сложный процесс, включающий знание формы, значения и употребления слова [7]. Норберт и Диана Шмитт подчёркивают, что лексическое знание развивается постепенно: от узнавания слова к его свободному использованию в речи [9]. Следовательно, при обучении английской лексике младших школьников с СДВГ необходимо выстраивать не только систему упражнений, но и систему наблюдения за тем, на каком уровне освоенности находится каждая лексическая единица.

Когнитивные особенности детей с СДВГ усложняют этот процесс. Рассел А. Баркли связывает проявления СДВГ с дефицитом исполнительных функций, включая тормозной контроль, рабочую память, планирование и саморегуляцию [4, 5]. В ситуации урока английского языка это проявляется в том, что ребёнок может быстро включаться в задание, но так же быстро терять цель действия; может импульсивно назвать первое пришедшее в голову слово; может смешивать похожие по звучанию или значению лексические единицы. Поэтому ошибка при воспроизведении английского слова не всегда свидетельствует о полном незнании материала: иногда она показывает, что слово ещё не перешло на более устойчивый уровень владения.

Особенно уязвимым звеном становится рабочая память. Марк Фэн Тэн, исследуя влияние рабочей памяти на усвоение лексики второго языка, отмечает, что результаты выполнения лексических заданий связаны не только с уровнем владения языком, но и с индивидуальными когнитивными возможностями обучающихся [11]. Для младших школьников с СДВГ это означает, что трудность может возникать не только на этапе понимания значения слова, но и на этапе удержания инструкции, соотнесения слова с картинкой, выбора нужной единицы из нескольких вариантов и построения короткого высказывания.

В связи с этим оценка освоенности английской лексики у младших

школьников с СДВГ должна быть поэтапной. На первом уровне проверяется узнавание слова: ребёнок соотносит английское слово с картинкой, жестом или предметом. На втором уровне оценивается понимание значения: учащийся выбирает нужное слово из ограниченного набора или показывает действие, соответствующее слову. На третьем уровне проверяется воспроизведение: ребёнок называет слово самостоятельно. На четвёртом уровне оценивается употребление слова в речевом образце: например, *I can run*, *It is a ball*, *She is happy*. На пятом уровне можно говорить об относительной устойчивости навыка, если ребёнок использует слово не только сразу после объяснения, но и через некоторое время, в новой ситуации или в составе другого задания.

Такой подход позволяет избежать типичной методической ошибки, когда учитель считает лексику усвоенной после одного успешного ответа. Для ребёнка с СДВГ успешное выполнение задания может быть ситуативным: оно зависит от настроения, уровня утомления, количества отвлекающих стимулов, формы инструкции и эмоционального контакта с учителем. Поэтому целесообразно проверять слово в разных форматах: через картинку, движение, выбор, повторение, мини-диалог и самостоятельное употребление.

Разан Силави, Тамар Дегани и Анат Приор подчёркивают, что обучение дополнительному языку у обучающихся с СДВГ пока исследовано недостаточно, однако уже сейчас очевидна значимость устойчивого внимания и исполнительного контроля для успешного овладения языком [10]. Это положение имеет прямое отношение к обучению английской лексике в начальной школе. Если ребёнок не удерживает внимание на слове, он хуже замечает его форму; если не контролирует ответ, он чаще воспроизводит слово преждевременно; если не может переключиться, он застревает на предыдущей лексической единице.

Отсюда следует, что методическая работа должна быть направлена не только на расширение словаря, но и на поддержку регуляторных механизмов. Центры по контролю и профилактике заболеваний США в рекомендациях для школьной практики указывают на значимость учебных приспособлений и стратегий поддержки детей с СДВГ в классе, включая структурирование заданий и организацию образовательной среды [6]. Для урока английского языка это означает необходимость коротких инструкций, визуальных опор, ограниченного количества слов за один этап, предсказуемой структуры урока и регулярного возвращения к ранее изученной лексике.

Практически это может быть реализовано через систему лексических микрошагов. Например, при изучении темы *Actions* учитель сначала предъявляет три действия: *run, jump, swim*. Затем учащиеся соотносят слова с

картинками, после этого выполняют действие по команде, далее называют слово по картинке и только затем включают его в речевую модель: *I can run*. Для ребёнка с СДВГ такая последовательность важна потому, что она снижает нагрузку на рабочую память и уменьшает вероятность импульсивного ответа.

Особое значение имеет ограничение выбора. Если младшему школьнику с СДВГ предложить сразу десять новых слов, высока вероятность смешения лексических единиц. Если же выбор ограничен двумя-тремя словами, ребёнок получает возможность не угадывать, а соотносить форму и значение. В дальнейшем количество единиц можно увеличивать, но только после того, как слово прошло несколько уровней освоенности: узнавание, понимание, воспроизведение и употребление.

Мика Пааананен, Хенрик Хусберг, Хели Катаямяки и Туйя Аро в исследовании школьной групповой интервенции, направленной на развитие внимания и исполнительных функций, показывают, что поддержка когнитивного контроля может положительно влиять на учебное поведение детей [8]. Для методики обучения английскому языку это означает, что лексическое задание может одновременно решать две задачи: формировать словарь и тренировать саморегуляцию. Например, упражнение «слушай - жди сигнал - говори» помогает не только закреплять слово, но и формировать задержку импульсивной реакции.

Оценка освоенности лексической единицы у младших школьников с СДВГ должна учитывать и характер ошибок. Если ребёнок заменяет *cat* на *cap*, это может указывать на недостаточное различение звукового и графического образа слова. Если вместо *run* он говорит *jump*, возможно смешение слов одной тематической группы. Если ребёнок правильно повторяет слово, но не может использовать его в предложении, значит, лексическая единица ещё не стала частью речевого навыка. Поэтому ошибка должна рассматриваться не только как неправильный ответ, но и как диагностический показатель этапа освоения слова.

Наиболее продуктивной представляется следующая логика работы: сначала слово предъявляется в наглядной и двигательной форме, затем включается в короткие речевые образцы, после этого закрепляется через вариативные упражнения и только затем оценивается в самостоятельном употреблении. Такой подход соответствует нашей позиции о необходимости оценивать меру освоенности лексической единицы, а не только факт её предъявления на уроке [1].

Таким образом, формирование лексических навыков английского языка у младших школьников с СДВГ требует особой системы методической и диагностической работы. Лексическая единица должна рассматриваться не как слово, которое ребёнок «выучил» после повторения, а как элемент

речевой деятельности, постепенно переходящий от узнавания к осознанному употреблению. Учёт внимания, рабочей памяти, импульсивности и исполнительного контроля позволяет сделать обучение английской лексике более точным, доступным и результативным для детей с СДВГ.

Настоящая статья подготовлена по итогам выпускной квалификационной работы, выполненной Жаровой Э.М. под руководством Зайцевой Е.А. на факультете иностранных языков и международной коммуникации Тверского госуниверситета. Работа рекомендована к публикации Государственной аттестационной комиссией. Авторский коллектив представляет Тверскую психолингвистическую школу (основатель – профессор А.А. Залевская).

Концептуальная платформа исследования была разработана Зайцевой Е.А. на основе теоретических положений Тверской психолингвистической школы, что позволило обосновать необходимость диагностики освоенности английской лексики у младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности как ключевого условия для последующего формирования лексических навыков. Гинзбург О.В. и Новикова И.В. выдвинули идею о том, что характер освоенности лексики (прочность / хрупкость усвоения) выступает предиктором успешности формирования навыков у детей с СДВГ, а также осуществили экспертизу диагностических процедур и верификацию выводов.

Библиографический список:

1. Зайцева Е.А. Обучение лексике: проблемы оценки меры освоенности лексической единицы // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2013. № 20. С. 51-54.
2. Зайцева Е.А., Новикова И.В. Обучение лексике иностранного языка в России XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 2. С. 208-214.
3. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders: DSM-5-TR. 5th ed., text rev. Washington, DC: American Psychiatric Association Publishing, 2022. 1152 p.
4. Barkley R.A. Attention-Deficit Hyperactivity Disorder: A Handbook for Diagnosis and Treatment. New York: Guilford Press, 2021. 898 p.
5. Barkley R.A. Executive Functions: What They Are, How They Work, and Why They Evolved. New York: Guilford Press, 2021. 244 p.
6. Centers for Disease Control and Prevention. ADHD in the Classroom: Helping Children Succeed in School. 2024.
7. Nation I.S. P. Learning Vocabulary in Another Language. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. 650 p.
8. Paananen M., Husberg H., Katajamäki H., Aro T. School-based group intervention in attention and executive functions: Intervention response and moderators // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.975856.
9. Schmitt N., Schmitt D. Vocabulary in Language Teaching. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 286 p.
10. Silawi R., Degani T., Prior A. Additional language learning in ADHD: a call for research // Applied Psycholinguistics. 2025. Vol. 46. Article e47. – DOI: 10.1017/S0142716425100337.
11. Teng M.F. The Roles of Second-Language Proficiency Level and Working Memory on Vocabulary Learning from Word-Focused Exercises // RELC Journal. 2024.
12. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Цифровая идентичность и формирование новых социокультурных паттернов в условиях учхоза «Кубань» // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 103-110.

Reference

1. Zaitseva E.A. Vocabulary Teaching: Problems of Assessing the Level of Mastery of a Lexical Unit // Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects. 2013. № 20. P. 51-54.
2. Zaitseva E.A., Novikova I.V. Teaching Foreign Language Vocabulary in Twentieth-Century Russia // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2014. № 2. P. 208-214.
3. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders: DSM-5-TR. 5th ed., text rev. Washington, DC: American Psychiatric Association Publishing, 2022. 1152 p.
4. Barkley R.A. Attention-Deficit Hyperactivity Disorder: A Handbook for Diagnosis and Treatment. New York: Guilford Press, 2021. 898 p.
5. Barkley R.A. Executive Functions: What They Are, How They Work, and Why They Evolved. New York: Guilford Press, 2021. 244 p.
6. Centers for Disease Control and Prevention. ADHD in the Classroom: Helping Children Succeed in School. 2024.
7. Nation I.S. P. Learning Vocabulary in Another Language. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. 650 p.
8. Paananen M., Husberg H., Katajamäki H., Aro T. School-based group intervention in attention and executive functions: Intervention response and moderators // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.975856.
9. Schmitt N., Schmitt D. Vocabulary in Language Teaching. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 286 p.
10. Silawi R., Degani T., Prior A. Additional language learning in ADHD: a call for research // Applied Psycholinguistics. 2025. Vol. 46. Article e47. – DOI: 10.1017/S0142716425100337.
11. Teng M.F. The Roles of Second-Language Proficiency Level and Working Memory on Vocabulary Learning from Word-Focused Exercises // RELC Journal. 2024.
12. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // Almanac “Crimea”. 2025. № 49. P. 103-110.

Золотарёв Я.А.

Закончил филологический факультет ТГУ в 1999 году по специальности «Русский язык и литература», самозанятый.

Название статьи: проект создания литературной нормы для старосибирского старожильческого диалекта*

Аннотация. Статья посвящена проекту кодификации литературной нормы для сибирского старожильческого диалекта XVII-XIX веков. Актуальность данного исследования определяется необходимостью сохранения лингвистической культуры русского народа во всем ее многообразии.

Целью исследования является разработка литературного стандарта на основе реконструкции речи старожилов XVII–XIX веков. Практическим результатом является издание учебника двух уровней (A1 и A2), а также сводного словаря диалектного материала. Апробация проекта проходит в цифровой среде сети Интернет.

Ключевые слова: сибирский диалект, кодификация, литературная норма, лингвистическая реконструкция, старожильческие говоры, региональная идентичность, искусственный интеллект в лингвистике, культурное наследие, ревитализация, восточнославянские языки.

Yaroslav A.Z.

Graduated from the Faculty of Philology of TSU in 1999 with a degree in Russian Language and Literature, self-employed person.

Article title: a project to create a literary norm for the Old Siberian Old-Timers dialect

Abstract. The article is devoted to the project of codification of the literary norm for the Siberian old-timers dialect of the XVII-XIX centuries. The relevance of this research is determined by the need to preserve the linguistic culture of the Russian people in all its diversity.

The purpose of the research is to develop a literary standard based on the reconstruction of the speech of old–timers of the XVII-XIX centuries. The practical result is the publication of a textbook of two levels (A1 and A2), as well as a consolidated dictionary of dialect material. The project is being tested in the digital environment of the Internet.

Key words: Siberian dialect, codification, literary norm, linguistic reconstruction, old-fashioned dialects, regional identity, artificial intelligence in linguistics, cultural heritage, revitalization, East Slavic languages.

* © Золотарёв Я.А., 2026.

В современной геополитической реальности вопросы сохранения национальной идентичности и укрепления единого культурно-языкового пространства Российской Федерации являются, несомненно, актуальными. В частности, Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1] относит к числу основополагающих ценностей нашей страны историческую память и преемственность поколений. Сибирские старожильческие говоры являются историческим памятником великих свершений России по освоению Сибирского региона, важной частью культурного наследия русского языка, ныне незаслуженно забытой.

Президент В.В. Путин отмечал, что «при всём уникальном этнокультурном, религиозном разнообразии нашей страны именно русский язык во многом определяет нашу духовную и национальную идентичность»[2]. В этом контексте развитие литературного языка на основе народного диалекта является актом сбережения богатства русского языка, уважения к историческим корням русского народа. Распространение литературного языка на основе сибирских диалектов может стать источником вдохновения для использования народных слов журналистами, писателями и политическими деятелями.

На протяжении XX века сибирские диалекты были утрачены в процессе разрушения традиционного уклада жизни, однако использование технологий искусственного интеллекта, доступность диалектных словарей в сети Интернет и другие современные информационные технологии позволяют осуществить акт их символического возрождения в форме создания литературного языка на их основе, что будет способствовать также сохранению региональной идентичности сибирских старожилов как части российской нации.

Целью исследования является научная разработка и кодификация литературной нормы для сибирского старожильческого диалекта для сохранения традиционного наследия русской культуры.

В процессе исследования применялись следующие методы. Сравнительно-исторический метод применялся для анализа происхождения сибирских говоров на базе северорусских и южнорусских наречий в контексте развития восточнославянского языкового пространства в XVII-XIX веках. В ка-

1 Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

2 *Путин В.В.* Выступление на XI съезде Российского Союза ректоров, 26 апреля 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. // URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/75495 (Дата обращения: 21.05.2026)

честве основного выступил метод лингвистической реконструкции, так как целью проекта было восстановление состояния сибирского старожильческого диалекта в XVII–XIX веках. Реконструкция проводилась на лексическом (отбор наиболее архаичных форм), фонетическом (выбор окающего произношения) и морфологическом уровне (например, архаичные формы глагола, склоняемый артикль). Для реконструкции словаря применялся корпусный метод, анализ диалектных словарей проводился с помощью методов компьютерной лингвистики и искусственного интеллекта. В качестве экспериментальной апробации были переведены тексты различных стилей литературного языка и созданы оригинальные. Научная достоверность обеспечивается наличием ссылок на диалектные словари, использованием научных описаний грамматики диалекта.

Степень изученности сибирских старожильческих говоров в настоящее время хорошая. Можно упомянуть таких авторов советского периода, как О.И. Блинова («Полный словарь сибирского говора»)[3], А.Е. Аникин («Этимологический словарь русских диалектов Сибири»)[4]. Что касается создания литературных стандартов на основе диалектов, то определенная научная рефлексия на эту тему также имеется. В частности, доктор исторических наук М. В. Кирчанов[5] определяет подобные проекты как «скрипты», то есть диалекты в письменной форме, которые служат цели формирования региональной идентичности. Лингвист А. Пиперски называет это явление «артлангом» - языковой стандарт, конструируемый для определенной культурной цели[6].

Для России можно упомянуть проекты создания литературного стандарта для поморского диалекта («поморьска говоря»), а также возрождения древненовгородского диалекта на основе исследований А.А. Зализняка («новгородский язык»), которая осуществлялась М. Постумусом (*M.* Posthumus, «A Reference Grammar of the Novegradian Language»)[7]. В качестве зарубежных примеров можно привести широко известную кодификацию силезского диалекта (Мирослав Сынява (Mirosław Syniawa)

3 Полный словарь сибирского говора. Т. 1–4 / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992–1995.

4 *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – Новосибирск: Наука, 2000. 764 с.

5 *Кирчанов М.В.* «Сибирский» и «новгородский» языки в современной России как языки, скрипты или артланги // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы: Материалы II Международной научной конференции (Уфа, 11–12 декабря 2019 г.). – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2019. С. 187-189.

6 *Пиперски А.Ч.* Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 223 с.

7 *Posthumus M.* A Reference Grammar of the Novegradian Language. – 2010. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.veche.net/lexicon/novegradian (Дата обращения: 25.05.2026).

и Феликс Штойер (Feliks Steuer)[8], русинский язык (работы Павла Роберта Магочи)[9] и англо-шотландский диалект (скотс) в Великобритании (проект Джеймса Мюррея (James Murray)). Во всех этих случаях составляются стандартные нормы и создается определенный корпус текстов, что характерно и для проекта сибирского старожильческого языка.

Первый этап работы над сибирским стандартом рассматривается самим его создателем Ярославом Золотаревым как экспериментальный. Группа активистов в 2005–2008 годах осуществила выписки из небольшого количества доступных в г. Томске словарей старожильческого диалекта, предложила слова для книжной лексики, которая отсутствует в естественных формах диалекта. Создание текстов на данном лексическом наборе с использованием грамматики северного русского наречия осуществлялось на сайте «Вольгота» и в рамках раздела википедии на сибирском диалекте (rusib), который существовал в 2006–2007 годах.

На данном этапе был создан большой корпус текстов, кроме того, по сведениям автора статьи, это была первая попытка системной обработки лексического материала севернорусских говоров в целях формирования языкового стандарта. В то же время имелись серьезные недостатки проекта, которые критиковались в прессе. В проект входило только порядка 15 тысяч слов, при том, что полный словарь планировался на 50 тысяч. Так как в 2000-е годы большинство академических изданий не были оцифрованы, в качестве базы источников использовались только словарь В.И. Даля[10], небольшое количество словарей среднеобского[11] и поморского диалекта[12]. Лакуны восполнялись с помощью произвольного заимствования и калькирования, сноски не проставлялись, что снижало верифицируемость и научную достоверность. Все это привело к обвинениям инициаторов проекта в полном конструировании языка, хотя они не имели подобных намерений. Несмотря на то, что проект стал достаточно известным в интернете, проблемы с верификацией и обвинения в политической ангажированности в целом привели к его угасанию примерно к началу 2010-х годов[13].

8 *Syniawa M.* Ślabikŏrz prawidłowéj ślōnskiéj mŏwy. – Chorzów: Pro Loquela Silesiana, 2010. 100 p.

9 *Magocsi P.R.* With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. – Budapest; New York: Central European University Press, 2015. 600 p.

10 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. – М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863–1866.

11 Полный словарь сибирского говора. Т. 1–4 / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992–1995; Словарь народно-разговорной речи Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В.В. Палагиной. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 336 с.

12 *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 453 с.

13 Версии сибирского языка [Электронный ресурс] // Сибирьска википедья. // URL: https://sibwiki.org/index.php?title=Версии_сибирского_языка (Дата обращения: 29.05.2026).

В то же время в 2025 году была предпринята попытка ревитализация проекта, суть которой заключалась в переходе от лингвистического эксперимента к системной кодификации. Основной целью стало преодоление методологических проблем через расширение базы источников (которые к тому времени были оцифрованы и доступны в сети Интернет) и выпуск верифицируемого словаря. Ключевым количеством является используемый массив данных – корпус из более чем 100 томов словарей северорусских и сибирских говоров[14], с использованием ведущих академических источников, таких как многотомный «Словарь русских народных говоров»[15]. Привлечение большого объема данных позволило исключить необоснованные заимствования и обеспечить основной словарный состав проекта ссылками на первоисточники.

Стандарт в этой версии был апробирован практически:

1. Издан учебник в двух томах (уровни А1[16] и А2[17]). Он содержит систематическое описание всех уровней языка: фонетического, грамматического, синтаксического. Грамматическая система основана на реконструкции диалектов XVII–XIX веков, включая сохранение звательного падежа и сложной системы глагольных времен, склоняемого постпозитивного артикля. Представлена разработка лексических тем согласно требованиям уровней А1 и А2, приведено большое количество учебных текстов и упражнений.

2. Также издан сводный словарь сибирских диалектов, в который на начальном этапе входит около 13500 диалектных слов[18], планируется расширение до 50000 единиц, продолжаются выписки из академических словарей сибирских диалектов, к словарю прилагается библиография с упоминанием ведущих современных изданий. При выборе лексики из разных вариантов выбираются наиболее архаичные. Для реконструкции наиболее древних лексических форм также используются данные архан-

14 *Исламова Ю.В., Пыхтеева А.А., Белобородов В.К., Калемина Ю.В.* Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья). – Тюмень: ФОРМАТ, 2014. 290 с.; *Карнаухов А.Ф.* Краткий словарь Кежемского говора. – Красноярск: Амальгама, 2019. 152 с.; Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. В 5 т. / под ред. С.П. Васильевой. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010; и другие.

15 Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. – Л.; СПб.: Наука, 1965–2021.

16 Учебник сибирского языка: Начальный уровень (А1). Проект кодификации сибирского старожильческого диалекта. 2025. Том 1. 150 с. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.litres.ru/72247186 (Дата обращения: 25.05.2026).

17 Учебник сибирского языка: Уровень А2. Проект кодификации сибирского старожильческого диалекта. 2026. Том 2. 160 с. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.litres.ru/72879392/ (Дата обращения: 25.05.2026).

18 Словарь проекта кодификации сибирского старожильческого диалекта. 2026. 225 с. // URL: https://www.litres.ru/73457358/ (Дата обращения: 25.05.2026).

гельских и вятских диалектов, как более архаичных для северного русского наречия; кроме того, именно с этих территорий шло первоначальное заселение Сибири русскими и эти диалекты легли в основу сибирских старожильческих.

3. На основе словаря и грамматики принимаются меры по медийной апробации. На платформе YouTube функционирует новостной раздел «Сибирьска тесьма», где регулярно в аудиоформате ведутся обзоры международных и сибирских новостей. С использованием средств искусственного интеллекта создано несколько клипов с популярными песнями, переведенными на проект кодификации сибирского языка.

4. Фонд сибирской википедии 2000-х, хоть и содержит ряд ошибок, присутствует в сети Интернет. На его основе создана современная «Сибирьска википедья», которая работает в настоящее время на русском языке, описывая мифологию и социальные традиции как коренных народов Сибири, так и славянских старожилов (староверов, казаков и чалдонов). После окончания сбора диалектного материала из источников планируется перевод старых статей на верифицированный стандарт и написание новых.

Таким образом, экспериментальное использование второй версии проекта в информационном пространстве уже началось, окончательная разработка лексики с выпуском словаря на 50–70 тысяч единиц планируется к концу 2026 года. Проект в современной версии полностью лишен политического контекста и направлен на продвижение традиционных ценностей российского государства.

Итак, обновление проекта в 2025–2026 году позволило преодолеть недостатки первой версии и увеличить степень верифицируемости за счет опоры на академические исследования. Апробация его в цифровой среде демонстрирует жизнеспособность народного диалекта как средства коммуникации на современные темы.

С точки зрения государственной политики России, направленной на сохранение традиционных духовных ценностей, проект имеет огромное значение. Он обращает внимание молодежи и современных людей к лингвистическому наследию русского народа, традициям сибирского казачества, чалдонов и других русских старожилов. Кодификация этого наследия и продвижение современных текстов, песен и видео обогащает разнообразие русского языка, привлекает интерес к истории Сибири и России, способствует обеспечению культурного суверенитета нашей Родины.

Библиографический список:

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание

законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.
2. Magocsi P. R. With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. – Budapest; New York: Central European University Press, 2015. 600 p.
3. Posthumus M. A Reference Grammar of the Novegradian Language. 2010. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.veche.net/lexicon/novegradian (Дата обращения: 25.05.2026).
4. Syniawa M. Ślabikörz prawidłowéj ślönskiéj mŏwy. – Chorzów: Pro Loquela Silesiana, 2010. 100 p.
5. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – Новосибирск: Наука, 2000. 764 с.
6. Версии сибирского языка [Электронный ресурс] // Сибирьска википедья. // URL: https://sibwiki.org/index.php?title=Версии_сибирского_языка (Дата обращения: 29.05.2026).
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. – М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863-1866.
8. Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 453 с.
9. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
10. Исламова Ю.В., Пыхтеева А.А., Белобородов В.К., Калемина Ю.В. Русское слово на земле Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья). – Тюмень: ФОРМАТ, 2014. 290 с.
11. Карнаухов А.Ф. Краткий словарь Кежемского говора. – Красноярск: Амальгама, 2019. 152 с.
12. Кирчанов М.В. «Сибирский» и «новгородский» языки в современной России как языки, скрипты или артланги // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы: Материалы II Международной научной конференции (Уфа, 11–12 декабря 2019 г.). – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2019. С. 187-189.
13. Пиперски А.Ч. Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского. – М.: Альпина нонфикшн, 2017. 223 с.
14. Полный словарь сибирского говора. Т. 1-4 / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992–1995.
15. Путин В.В. Выступление на XI съезде Российского Союза ректоров, 26 апреля 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. // URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/75495 (Дата обращения: 21.05.2026).
16. Словарь народно-разговорной речи Томска XVII – начала XVIII века / под ред. В.В. Палагиной. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 336 с.
17. Словарь проекта кодификации сибирского старожильческого диалекта. 2026. 225 с. // URL: https://www.litres.ru/73457358/ (Дата обращения: 25.05.2026).
18. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. В 5 т. / под ред. С.П. Васильевой. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010.
19. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. – Л.; СПб.: Наука, 1965-2021.
20. Учебник сибирского языка: Начальный уровень (А1). Проект кодификации сибирского старожильческого диалекта. 2025. Том 1. 150 с. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.litres.ru/72247186 (Дата обращения: 25.05.2026).
21. Учебник сибирского языка: Уровень А2. Проект кодификации сибирского старожильческого диалекта. 2026. Том 2. 160 с. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.litres.ru/72879392/ (Дата обращения: 25.05.2026).
22. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

Reference

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, № 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. № 46. Article 7977.
2. Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. – Budapest; New York: Central European University Press, 2015. 600 p.
3. Posthumus M. A Reference Grammar of the Novegradian Language. 2010. // URL: https://www.veche.net/lexicon/novegradian (May 25, 2026).
4. Syniawa M. Ślabikörz prawidłowéj ślönskiéj mŏwy. – Chorzów: Pro Loquela Silesiana, 2010. 100 p.
5. Anikin A.E. Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altaic, and Paleo-Asiatic Languages. – Novosibirsk: Nauka, 2000. 764 p.
6. Versions of the Siberian Language // Siberian Wikipedia. // URL: https://sibwiki.org/index.php?ti-

tle=Версии_сибирского_языка (29.05.2026).
7. Dal, V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 parts. – Moscow: Publishing House of the Society of Lovers of Russian Literature, 1863-1866.
8. Durov I.M. Dictionary of the Living Pomor Language in Its Everyday and Ethnographic Application. – Petrozavodsk: Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. 453 p.
9. Zaliznyak A.A. The Old Novgorod Dialect. – 2nd ed. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 872 p.
10. Islamova Yu.V., Pykhteeva A.A., Beloborodov V.K., Kalemina Yu.V. The Russian Word on the Yugra Land (An Attempt at a Dictionary of Old-Timers' Dialects of the Ob-Irtysh Interfluve). – Tyumen: FORMAT, 2014. 290 p.
11. Karnaukhov A.F. A Brief Dictionary of the Kezhemsky Dialect. – Krasnoyarsk: Amalgama, 2019. 152 p.
12. Kirchanov M.V. "Siberian" and "Novgorod" Languages in Modern Russia as Languages, Scripts, or Artlangs // Electronic Writing of the Peoples of the Russian Federation: Experience, Problems, and Prospects: Proceedings of the II International Scientific Conference (Ufa, December 11–12, 2019). – Ufa: Bashkir Encyclopedia, 2019. P. 187-189.
13. Piperski, A.Ch. Language Construction. From Esperanto to Dothraki. – Moscow: Alpina Non-Fiction, 2017. 223 p.
14. Complete Dictionary of the Siberian Dialect. Vols. 1–4 / edited by O.I. Blinova. – Tomsk: Tomsk University Press, 1992–1995.
15. Putin, V.V. Speech at the XI Congress of the Russian Union of Rectors, April 26, 2018 // Official website of the President of Russia. // URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/75495 (May 21, 2026).
16. Dictionary of Colloquial Speech of Tomsk from the 17th to the Early 18th Centuries / edited by V.V. Palagina. – Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2001. 336 p.
17. Dictionary of the Project for Codification of the Siberian Old-Timer Dialect. 2026. 225 p. // URL: https://www.litres.ru/73457358/ (May 25, 2026).
18. Dictionary of Russian Dialects of the Central Districts of Krasnoyarsk Krai. In 5 volumes / edited by S.P. Vasilyeva. – Krasnoyarsk: KSPU im. V.P. Astafyev, 2010.
19. Dictionary of Russian Folk Dialects. Issues 1–52. – L.; St. Petersburg: Nauka, 1965–2021.
20. Siberian Language Textbook: Elementary Level (A1). Codification Project of the Siberian Old-Timer Dialect. 2025. Volume 1. 150 p. // URL: https://www.litres.ru/72247186 (25.05.2026).
21. Siberian Language Textbook: Level A2. Codification Project of the Siberian Old-Timer Dialect. 2026. Volume 2. 160 p. // URL: https://www.litres.ru/72879392/ (25.05.2026).
22. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Козлова Г.В.
Преподаватель. *Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск.*

Особенности вариативности грамматической нормы (на материале английского языка)*

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики явления грамматической вариативности, тесно связанным с понятием нормы. Общие и частные проблемы языковой вариантности исследуются продолжительное время, что позволило накопить и обобщить огромный практический языковой материал, предполагающий возможность по-новому взглянуть на традиционные вопросы языковой вариантности. Разное проявления одной и той же сущности понимается в противопоставлении инварианта (языка) и варианта (речи) и является одной из ключевых особенностей сосуществования множества грамматических субсистем, характеризующихся особыми лингвистическими признаками и коммуникативными функциями. Некоторые типы вариативной грамматической организации реализованны в речевых конструкциях, что является предпосылкой возникновения нового аспекта грамматических исследований, направленных на выявление уникальных особенностей коммуникативных норм, свойственных речевому этикету современного интернет-пространства, где приемлемость вариантов грамматического проявления определяется целями, ситуативностью и коммуникативной установкой.

Ключевые слова: норма, вариативность, грамматика, приемлемость, грамматические конструкции.

Kozlova G.V.
Lecturer. *Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation.*

The peculiarities of grammar-norms` variation (with regard to English content)

Abstract. The article deals with the features of grammatical variation, which is closely related to the linguistic norm concept. The fact that the notion of linguistic variation has been being studied for a long time, allows to accumulate a vast amount of practical issues, offering the opportunity to take a fresh look at its traditional views. The rendering

* © Козлова Г.В., 2026.

of one and the the same entity is understood in terms of the opposition between the invariant (language) and the variant (speech), that is one of the key peculiarities of the multiple grammatical subsystems` coexistence characterized by specific linguistic and communicative features. Some types of variable grammatical organization are found in speech constructions, which presupposes the new aspect of grammar research aimed at the identifying the unique features of communicative norms. Modern internet space speech manners embrace the grammatical variants acceptability that is determined by the purpose of utterance, situational context, and communicative intention.

Key words: norm, variation, grammar, acceptability, grammatical construction.

Языковая норма, распространяясь на все уровни языка, характеризуется, с одной стороны, - общими признаками нормообразующей традиции, с другой - специфическими проявлениями нормообразующих признаков, неодинаково представленных на всех уровнях.

Нет ни одного языкового уровня, который бы находился вне нормы. В данной работе предпринята попытка выявить особенности подобных проявлений при рассмотрении грамматических аспектов.

Характеризуя природу грамматических явлений, Р. Кверк подчеркивает ее всеобъемлющий характер, охватывающий всю область структуры языка («covering the whole field of language structure») [10, с. 12], представляя собой систему как совокупность правил не только для синтаксиса, но и для фонологической, лексической и семантической спецификации. [10, с. 13]. Грамматика, определенная таким образом, полагается не как имманентная языку, не как наблюдаемая модель использования языка (grammar' not as the observed patterns in the use), а как специфическая кодификация (codification of rules), варьирующаяся в зависимости от представлений авторов о природе грамматики и принятой ими лингвистической теории. Определенная таким образом грамматика представляет собой прескриптивную, кодифицированную норму, эксплицитная формулировка которой осуществляется в виде правил. Д. Нериус говорит о существовании «двойной кодификации» твердости языковой нормы посредством общих и единичных правил письменного языка» [9, с. 270].

П.Айзенберг подчеркивает, что приемлемость той или иной грамматической конструкции определяется ее коммуникативным преимуществом и на первый план выходит народно-лингвистическая концепция языка («volkslinguistischer Sprachbegriff»), где, с одной стороны, лингвистика, придерживаясь жесткого канона идентификаторов «хорошего» языка, требует богатства и разнообразия, а сдругой стороны,- существуют слова и конструкции в сложном высокоскоростном онлайн-балансировании, виртуальном объединении, («komplexen Highspeed-Online-Balanceakt Wörter

und Konstruktionen») [6, с. 58], соблюдение правил ведения которого поддерживается необходимостью быть понятым и принятым в своем сообществе, для которого типично особое нормообразование, не обращающееся к кругозору, начитанности, образованности, необходимому цивилизованному багажу реципиента. Рассуждая о вопросах «приемлемости», М. Хундт подчеркивает, что «языковые нормы возникают как подмножество языка грамматической и лексической системы (langue) и приемлемых конструкций», «соответствующих стандартам и характеризующихся относительно высокой частотой употребления» [8, с. 123].

Отражая «различные суждения о приемлемости и уместности», грамматика, по мнению Р.Кверка, без сомнения, отличаясь высокой степенью обязательств, «не характеризуется единым сводом правил, который можно было бы считать «авторитетным». Т.к. авторитеты норм , в основном занимающиеся вопросами «спорного употребления», часто расходятся во мнениях, «убеждая избегать определенных вариантов употребления, с точки зрения «нормативной традиции с некоторыми вариациями» [10, с. 18].

В рассуждениях о нормообразующих тенденциях и существующих нарушениях в грамматическом строе языка, особо выделяемая роль «суверена», обеспечивающего «установление существующих и возникающих» языковых норм» [8, с.132], лишена единого определения, и успешное объяснение тому «что такое хороший (правильный) или плохой язык», представится возможным лишь когда «лингвистика свяжет правильные вещи со стандартом и найдет способ эмпирически обосновать данное явление» [6, с. 63].

Говоря об общем смысле в отношении некоторых частных значений термина «языковая норма», сторонники «консервативного» подхода к нормообразующей типологии (так, например, М.Хундт), выделяют следующие критерии:

1) Обязательство, раскрывающее деонтический характер норм, который предполагает «запрещенность или дозволенность действия».

2) Значение требования (Geltungsanspruch), что предполагает, что соответствующая норма достигает фактической силы (значимости).

3) Санкции как часть норм, т.к «нарушения языковых норм в области орфографии, морфологии, синтаксиса, лексики и стиля в учебной деятельности наказываются баллами, в профессиональной жизни - успехами или неудачами».

4) Ценностное ориентирование. Языковые нормы всегда «вписаны в ценности», «представляют то, что можно выделить в качестве правил из частого словоупотребления, и «в них выражено одновременно то, что (системно) правильно, (ситуативно) уместно, и в этом смысле легитимно и законно».

5) Явная или неявная выраженность, «через притязание на фактическую достоверность стандартов».

Раскрывая вопросы грамматического строя английского языка, Р.Кверк выделяет один из его основных признаков, - вариативность грамматической нормы.

В лингвистике понятие «вариативности» используется двояко (Солнцев с 31): как «характеристика всякой языковой изменчивости, модификации, которая может быть результатом эволюции, использования разных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений, так и как характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии, где термину вариант сопутствует термин «инвариант» [4, с. 31]. Выступая, таким образом, как единство изменчивого и постоянного, вариативность несет в себе единство общего и отдельного, инвариантного и вариантного.

Проблема вариативности, по мнению В.М. Солнцева, проявляется в следующих случаях: 1) при изучении «устройства» языка, которое можно назвать вариантно-инвариантным; 2)при изучении функционирования языка и перехода от языка к речи; 3)при исследовании внутри-языковых факторов изменения и развития языка (варьирование и «превращение вариантов в новые сущности»; 4)при социолингвистическом изучении варьирования нормы и использования разных проявлений одних и тех же единиц в стилистических, экспрессивных и нормообразующих целях» [4, с. 32]. В соответствии с вариантно-инвариантым подходом, грамматическая норма - есть некая «абстракция», а каждая грамматическая конструкция - «вариант относительно данного варианта» (там же). Такого рода экземплярность грамматических единиц, а также существование одной и той же единицы в виде разных форм создают специфику грамматической вариативности, где в вариантности единиц языка проявляется вариантно-инвариантное устройство всей языковой системы. «Поэтому язык состоит из того же самого, что и речь, из конкретных экземпляров языковых единиц, но представленных в виде множеств» [4, с. 35]. При переходе к речи используется одна из этого множества единиц, изменяющаяся в зависимости от условий ее функционирования в речи.

Выявление вариантов одной и той же грамматической конструкции, «фактически есть выявление, с одной стороны, различий между инверсиями расположения компонентов и трансформациями (т.е таким перестройками, которые ведут к появлению нового типа» [4, с. 38] грамматической конструкции. Опираясь на положение, выдвинутое Р.Кверком о том, что «Любое использование языка обязательно подразумевает вариации в пределах пяти типов: 1) регион; 2) социальная группа; 3) сфера общения; 4) среда; 5) отношение» [10, с. 28], рассмотрим более подробно вопро-

сы языковой вариативности на примерах, найденных в глобальной сети Интернет, методом сплошной выборки.

Протвопоставленность нормообразующей грамматической традиции и ее стилистически - окрашенного инварианта наблюдается в следующих предложениях:

Y'kno I'm say? = Do you know what I'm saying?joisee: we done (ну, тут «да», мы сделали это). В подобных случаях создаются уникальные грамматические вариации, которые неприемлемы вне области виртуального общения, выступающие, как некий стилистический регистр, направленный на усиление эмоционального воздействия высказывания (выказывание определенного отношения, в данном случае, - некого пренебрежения, обусловленного взаимоотношениями участников в конкретной ситуации). 2) *Think lata – (later). Game ova. Nul two. (=over), eva know? = ever.* Преднамеренное использование орфографического и синтаксического эрратива в комментариях к спортивному матчу искажает грамматическую норму языка, создавая необходимый эмоциональный эффект, подчеркивая экспрессивный характер речи ее участников, характеризующейся скорописью при наборе текста, ожиданием незамедлительной реакции собеседника, что неизменно влечет за собой намеренное опущение определенных грамматических конструкций.

На современном этапе, в силу исторически обусловленного и возрастающего мирового британского и американского влияния, английский язык, соприкасаясь практически со всеми группами языков, может быть рассмотрен как "Englishes" [3, с. 32] - существительное во множественном числе, т.е., как проявление разнообразий вариантов английского языка. В настоящее время существует несколько моделей английского языка, «English as a World Language», предложенных такими исследователями, как: Р.Кверк, М. Горлах и Т.МакАртур, Б.Качру. Но каковы же грамматические разновидности английского языка, различные свойства которых реализуются в нескольких типах лингвистической организации и возможны ли они в фактически реализованных речевых конструкциях?

Отвечая на данный вопрос, обратимся к анализу следующих примеров, обнаруженных в филиппинском варианте английского языка:

На наш взгляд, наблюдаемые вариации грамматических проявлений характеризуют собой ситуацию конфликта в британском варианте английского языка («standard English») [10, с. 39] и его диалектном преломлении, представляющим собой нестандартную национальную «норморазвивающую» («norm-developing») [10, с. 39] разновидность. Опущение или неверное согласование грамматичеки значимых компонентов (*we isn`t afraid of you guys here! Russian people not likes communication*), отсутствие видо-временных форм (*Below thus come personal learn-first list of Filipino*), типах связи между

компонентами словосочетаний и употребление предлогов в случаях, нетипичных для британского варианта английского языка (*We should not make fun, neither laugh when others speaks in a crooked English*), отсутствие четкой границы в грамматической категории лица, не разграничение they\he (*He assured that in addition they is planning to send a set of moldings to inject.*), стяжение слов (*click the big button to startna!= start now*). Все это позволяет сделать вывод о проявлении языковой вариативности в ненативных вариантах английского языка и современных тенденциях языковой унификации.

Анализ примеров речевых проявлений коммуникантов, характризующихся разным социальным статусом, в данном случае: блога мигрантов (*If needed to I would not hesitate to consult with them again \ they have a platform where can upload the documents and monitor what needed*; речи Д.Трампа, опубликованной на одном из англоязычных новостных сайтов *(Tariffs -most beautiful word./ I mean it is the worst thing , worst since world war by far, nothing even close. /You played the role in all these, did not you? -Did.),* а также новостных заголовков CNN (*Wondered why there are so many pink cleats at the World Cup? You're not alone \Wondering which games to watch at the World Cup? These are the 10 best group stage matches \ McLaren's Lando Norris on the dream and dilemma fueling his F1 title ambitions*, позволяет сделать вывод об однотипности видов речевых редукций, которыми изобилует виртуальное пространство (опущение местоимений и неполнота аналитических глагольных форм, наличие эллиптических конструкций), независимо от уровня языкового окружения ее коммуникантов. Данное наблюдение, в свою очередь, говорит о необходимости возникновении нового аспекта грамматических исследований, направленных на выявление уникальных особенностей коммуникативных норм, свойственных речевому этикету современных социальных сетей, где выбор вариантов грамматического проявления исходит из целей, коммуникативной установки и ситуативной уместности речевого акта. Стоит особо подчеркнуть, что оказывается невозможным рассматривать в отдельности способы выражения каждого из грамматических инвариантов, так как в речевой цепи способы их выражения переплетаются и взаимообусловлены.

Подводя итог, отметим, что всякое изменение нормативной грамматической конструкции и возникновение ее инварианта происходит извне, в результате сознательной деятельности, оправдывая идеи ситуативности языковых норм, но вступая в противоречие с принципами ситемности грамматической структуры и отрицая любое проявление вариантно-инвариантного подхода, мы признаем факт существования вариативности грамматической нормы, считая ее уникальным свойством грамматической системы, носящей дескриптивный характер и, в большинстве случаев, не совпадающей с узусом.

Библиографический список:

1. Качанова А.А., Сабурова С.В. Речевая культура и этикет в сетевом общении – М.: Спб.: Нестор-История, 2021. 80 с.
2. Кочергина В.А. Введение в языкознание. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 272 с.
3. Кочетова М.Г. Вариативность в современном английском языке: единство и множественность форм.Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. № 4 (46). Ч. 2. С. 27-42.
4. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания, 1984. № 2. С. 31-51.
5. Ярцева В.Н. Проблема вариативности и взаимоотношение грамматической системы языка // Вопросы языкознания, 1983. № 5. С. 17-24.
6. Eisenberg P. Richtig gutes und richtig schlechtes Deutsch // Deutsche Grammatik: Regeln, Normen, Sprachgebrauch. – Copyright 2009 by Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-10785 Berlin. P. 53-70.
7. Galperin I.R. English Stylistics. M.: KD «LIBROCOM», 2010. 336 p.
8. Hundt, M. Normverletzungen und neue Normen // Deutsche Grammatik: Regeln, Normen, Sprachgebrauch. – Copyright 2009 by Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-10785 Berlin. P. 117-141.
9. Nerius D. Normierheit und Verandurung in der deutchen Orthograohie. Hrgs. V.P. Eisenberg und H. Gunther. Tubengen, 1989.
10. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language. Published in the United States of America by Longman Inc., New York, 1985. P. 15-62.
11. CNN – International Breaking news. // URL: https://edition.cnn.com. (Дата обращения: 10.05.2024)
12. https://yandex.ru/video/preview/4189720690819794230. (Дата обращения: 25.02.2026)
13. https://www.youtube.com/watch?v=LS6SWGcfFSY (Дата обращения: 18.09.2025)
14. https://www.ashoorilaw.com/blog/ (Дата обращения: 21.01.2025)

Reference

1. Kachanova A.A., Saburova S.V. Speech Culture and Etiquette in Online Communication – Moscow: St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 80 p.
2. Kochergina V.A. Introduction to Linguistics. – Moscow: Librokom Book House, 2012. 272 p.
3. Kochetova M.G. Variability in Modern English: Unity and Plurality of Forms. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 2015. № 4 (46). Part 2. P. 27-42.
4. Solntsev V.M. Variability as a General Property of the Language System // Issues of Linguistics, 1984. № 2. P. 31-51.
5. Yartseva V.N. The Problem of Variability and the Interrelationship of the Grammatical System of Language // Voprosy yazykoznaniya, 1983. № 5. P. 17-24.
6. Eisenberg P. Richtig gutes und richtig schlechtes Deutsch // Deutsche Grammatik: Regeln, Normen, Sprachgebrauch. – Copyright 2009 by Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-10785 Berlin. P. 53-70.
7. Galperin I.R. English Stylistics. Moscow: KD «LIBROCOM», 2010. 336 p.
8. Hundt, M. Normverletzungen und neue Normen // Deutsche Grammatik: Regeln, Normen, Sprachgebrauch. – Copyright 2009 by Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-10785 Berlin. P. 117-141.
9. Nerius D. Normierheit und Verandurung in der deutchen Orthograohie. Hrgs. V.P. Eisenberg and H. Gunther. Tubengen, 1989.
10. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language. Published in the United States of America by Longman Inc., New York, 1985. P. 15-62.
11. CNN – International Breaking news. // URL: https://edition.cnn.com. (05.10.2024)
12. https://yandex.ru/video/preview/4189720690819794230. (February 25, 2026)
13. https://www.youtube.com/watch?v=LS6SWGcfFSY (September 18, 2025)
14. https://www.ashoorilaw.com/blog/ (January 21, 2025)

Кунгурова И.М.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Залевская В.Ю.
Обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Колесова Я.А.
Обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Лоншакова Д.Д.
Обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Червова А.А.
Обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Формирование языковой креативности: интеграция креативного письма в программу изучения английского языка*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы формирования языковой креативности обучающихся в контексте изучения английского языка посредством имплементации креативного письма в образовательный процесс. Также в рамках исследования представлен анализ теоретических предпосылок креативного письма как педагогической технологии, выявлены его сущностные отличия от традиционного академического письма, разработана модель интеграции творческих письменных заданий в языковую учебную программу. Особое внимание уделяется конкретизации методических решений, включающих применение технологии перевода между семиотическими системами, использование современных цифровых инструментов и организацию рекурсивного процесса порождения речи. В заключительной части статьи рассматриваются вопросы оценивания креативных работ и

* © Кунгурова И.М., Залевская В.Ю., Колесова Я.А., Лоншакова Д.Д., Червова А.А., 2026.

предлагаются критерии, обеспечивающие сбалансированное развитие лингвистической компетенции и творческого потенциала учащихся.

Ключевые слова: языковая креативность, креативное письмо, обучение английскому языку, педагогическая технология, рекурсивная модель, семиотический перевод, критериальное оценивание.

Kungurova I.M.
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Teaching Methods, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Zalevskaya V.Yu.
Fourth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Kolesova Ya.A.
Fourth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Lonshakova D.D.
Fourth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Chervova A.A.
Fourth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University".

Development of linguistic creativity: integrating creative writing into the English language curriculum

Abstract. The article is devoted to the study of developing the students' language creativity in the context of learning English through the implementation of creative writing in the educational process. The study also analyzes the theoretical background of creative writing as a pedagogical technology, identifies its essential differences from traditional academic writing, and develops a model for integrating creative writing tasks into the language curriculum. Special attention is given to the specification of methodological solutions, including the use of translation technology between semiotic systems, the use of modern digital tools, and the organization of a recursive process of speech generation. The final

part of the article discusses the evaluation of creative works and proposes criteria that ensure the balanced development of students' linguistic competence and creative potential.

Key words: linguistic creativity, creative writing, English language teaching, pedagogical technology, recursive model, intersemiotic translation, criteria-based assessment.

Вклад авторов:

Кунгурова И.М. – общее научное руководство, определение концепции исследования, методологической базы, создание и редактирование рукописи.

Колесова Я.А. - обоснование важности развития креативного письма у учащихся средней школы, оценка существующих подходов к данной проблеме, создание и редактирование рукописи.

Залевская В.Ю. - разработка системы заданий, направленных на развитие креативного письма у учащихся средней школы, их апробация в учебном процессе.

Лоншакова Д.Д. - детализация и адаптация заданий, обработка данных.

Червова А.А. - непосредственное участие в тестировании разработанных заданий, предоставление обратной связи от учеников, внесение предложений по оптимизации, создание рукописи.

Современные образовательные стандарты требуют не просто усвоения знаний, а умения применять их в жизни. Это означает, что ученик должен не только знать правила, но и уметь творчески использовать язык. Однако на практике мы сталкиваемся с ситуацией, когда школьник владеет лексикой и грамматикой, но в речи ограничивается шаблонными фразами, лишенными индивидуальности и эмоций.Причина кроется в традиционной ориентации школьных программ на академическое письмо: личные письма, эссе, открытки оформляются по строгому шаблону. Эти навыки важны для подготовки к ОГЭ и ЕГЭ, но для формирования по-настоящему компетентного пользователя языка необходимо развивать языковую креативность – способность выходить за рамки стандартных формул и создавать выразительные тексты. Н.А. Фатеева определяет «языковую креативность» как систему знаний о языке, благодаря которой носитель языка создает новые слова, трансформирует уже существующие языковые средства с целью расширения их семантики, привлечения внимания, достижения определенного эффекта [31].

Эффективным инструментом решения задачи развития языковой креативности может стать креативное письмо, которое дает школьникам воз-

можность самовыражения и языкового эксперимента. Как вписать его в плотную школьную программу без ущерба для подготовки к экзаменам? Ответ кроется в интеграции академического и креативного подходов.

Когда мы говорим о развитии креативности у школьников на уроках английского языка, важно понимать, что это задача имеет серьезное научное обоснование. Исследования в разных областях науки подтверждают, что творческое начало не является дополнительным «бонусом» к изучению языка, а составляет его неотъемлемую часть [17].

Рассмотрим, как устроено наше мышление. Когда ребенок изучает иностранный язык, он не просто запоминает новые слова, он учится воспринимать и классифицировать окружающий мир. Как отмечает Н.Н. Болдырев, язык не просто отражает реальность, но и интерпретирует ее, а овладение иностранным языком требует выстраивания новой картины мира [15]. Например, осваивая систему английских времен, школьник открывает для себя, что время можно воспринимать иначе, чем в родном языке: не только как «прошлое – настоящее – будущее», но и с точки зрения завершенности действия, его длительности, наличия результата.

Не менее важен и психологический аспект. С позиций психолингвистики, порождение высказывания – это не механическое воспроизведение готовых форм, а творческий процесс, в котором выбираются наиболее подходящие языковые средства для воплощения замысла [21]. Когда мы говорим или пишем, мы не извлекаем из памяти готовые фразы целиком, а заново конструируем высказывания, комбинируя слова и грамматические структуры под конкретную ситуацию. Даже фраза «I like apples» в устах разных людей в разных контекстах имеет разные оттенки смысла. Значит, любой акт речи – это творчество.

С точки зрения целей школьного образования, развитие языковой креативности перекликается с требованиями ФГОС, который требует не просто формирования у ученика набора предметных навыков, а развитие его личности, способности к творческому самовыражению, готовности решать нестандартные задачи. Как подчеркивают Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез, цель обучения иностранному языку в школе – формирование языковых навыков, а также развитие личности, способной к творческому самовыражению [17]. Е.Н. Соловова указывает, что подлинная коммуникативная компетенция невозможна без творческого подхода к языку [30]. Это означает, что ученик должен не только правильно написать письмо по шаблону, а выразить свою индивидуальность, создать оригинальный текст, донести свою мысль до собеседника нестандартным способом. Без творческого подхода к языку коммуникация невозможна – она останется на уровне обмена заученными фразами.

Изучение иностранного языка развивает и общие творческие способно-

сти ребенка. А.В. Хархурин доказывает, что изучение иностранных языков развивает у детей когнитивную гибкость – способность видеть нестандартные решения. Это умение пригодится не только на уроке, но и в жизни [7]. Когда школьник сталкивается с необходимостью выразить мысль средствами другого языка, он учится искать обходные пути, подбирать аналоги, находить нестандартные решения. Когнитивная гибкость – умение видеть разные варианты и выбирать наиболее подходящий – необходима не только на уроках. Она важна и при решении математических задач, и в общении с одноклассниками, и в любой другой ситуации.

Таким образом, теоретически идея развития языковой креативности у школьников обоснована, но любой учитель задаст вопрос: Как реализовать ее на практике, в условиях реальной школы, где есть программа, учебник, подготовка к ОГЭ и ЕГЭ, а время ограничено? Ответ кроется в грамотной интеграции творческих заданий в существующую систему обучения. Если мы посмотрим на типичный урок английского языка в школе, то увидим, что обучение письменной речи строится в основном вокруг академических жанров. Ученики пишут личные письма, открытки, эссе, поздравления – и это правильно, так как эти форматы проверяются на ОГЭ и ЕГЭ. Основные требования к работам: четкое следование структуре, соответствие теме, правильное использование клише и речевых формул. Учителя тратят много времени, чтобы натренировать учеников писать строго по шаблону – ведь это гарантирует баллы на экзамене. Многое остается за рамками урока: стихи, рассказы, комиксы, посты для блогов, сценарии для видеороликов – все то, что называется креативным письмом. Обычно такие задания воспринимаются как факультативные, подходящие для внеурочной деятельности или олимпиад. Современные методисты пришли к выводу, что противопоставление академического и креативного письма искусственно и непродуктивно. Эффективнее интегрировать его в обычный урок.

Ценность креативного письма для школьной практики огромна. Е.В. Житкова доказала, что творческие задания не только повышают мотивацию, но и заставляют ученика осмысливать языковой материал [18]. Когда ребенок пишет по шаблону, он механически подставляет слова в готовую формулу, если он сочиняет историю или пишет пост для блога, он выбирает слова, конструирует предложения, думает о связи между частями текста. Лексика и грамматика - не абстрактные правила, а живые инструменты воплощения замысла, а значит, они усваиваются прочнее.

Существуют конкретные приемы креативного письма, которые можно адаптировать для школы, не ломая привычную структуру урока. О.Л. Заболотнева и И.В. Кожухова, описывая опыт работы со студентами языковых специальностей, предлагают целый арсенал техник, многие из которых

при соответствующей адаптации эффективны и в школьной практике [20]. Приведем следующие примеры:

1. Написание биографии неодушевленного предмета (ученик представляет себя игрушкой, вкусной едой, школьной доской и пишет историю их «жизни»).

2. Создание продолжений известных историй, сказок, фильмов (ученик пишет, что случилось с героями после того, как сказка закончилась).

3. Трансформация текстов (ученик пересказывает известную сказку от лица другого персонажа (например, «Колобок» от лица лисы) или в другом жанре (например, «Красная шапочка» в жанре детектива или репортажа).

4. Ведение личных дневников или блогов на английском (индивидуальная или коллективная работа).

Подобного рода задания не отнимают время от подготовки к экзаменам, они работают исключительно на них. Ученик, практикующийся в креативном письме, лучше владеет лексикой, увереннее строит предложения, легче находит интересные идеи. Его тексты живые и интересные. Творческие задания делают процесс изучения языка осмысленным, личностно значимым, а значит эффективным. Начинать можно с одного нестандартного задания в четверти, с творческой разминки в начале урока, с поощрения попытки ученика творчески выразить себя.

Разработка эффективной модели интеграции креативного письма в программу изучения английского языка требует учета как содержательных, так и процессуальных аспектов обучения. На основе анализа современных исследований и педагогической практики можно выделить три компонента модели: технологический (набор методик, инструментов и учебных ресурсов), процессуальный (последовательность педагогических действий и обучающих активностей) и оценочный (система формирующего и суммирующего оценивания, включающая критерии, рубрики и само/взаимную проверку учащихся).

Одна из стратегий обучения креативному письму имеет такую структуру, которую важно донести до учащихся. Это поможет им ясно видеть цели, задачи и, что более важно, способы их достижения. В первую очередь, следует рассказать ученикам об основных элементах повествования. Креативное письмо, как любой другой рассказ, должно иметь тему, являющуюся главной мыслью всего текста. Ученик должен четко обозначить место и время, в котором происходят действия его повествования. После этого необходимо подумать о сюжете: что будет происходить в рассказе, кто будет совершать действия и почему. Затем нужно создать образ главного героя, его характер, мотивы. Главная деталь - добавление конфликта: противоборство добра и зла, даже возможна драма. Эти пункты позволяют учащимся применить все ресурсы своей фантазии.

Далее учитель мотивирует учеников, чтобы они постарались увлечь читателя своей историей, ведь креативное письмо - их маленькая история полноценно-книжного содержания. Учитель объясняет ученикам, как они, будучи авторами, могут призвать читателей к человечности, доброте, состраданию. Важно обсуждать нюансы, которые могут заинтересовать читателя, что интересно «авторам» и их одноклассникам.

Не стоит забывать о важности атмосферы в повествовании, которая выражается особой категорией слов, в зависимости от выбранной темы. Для написания рассказа на английском языке более эффективно использовать активный залог. Он делает текст более живым, показывает действие, происходящее в сюжете, лаконично и понятно доносит мысль автора до читателя, помогает учащимся представлять причинно-следственные связи и сцены, что важно при формировании творческих навыков. Именно поэтому приемы обучения креативному письму, акцентирующие внимание на динамике действия и выборе выразительных средств, эффективны на уроках английского языка.

Рассмотрим применение семиотического перевода как творческого приема. Семиотика - наука о знаках: словах, жестах, картинках, символах и т.п., которые что-то обозначают. В переводе это значит, что важно не столько дословная точность, сколько то, как тот же смысл «работает» в другой знаковой системе. Семиотический перевод - это взгляд на перевод как на «перекодирование» знаков, а не на подмену слов из одного языка словами другого. Простыми словами это значит, что переводчик передает смысл, образ, эмоцию или идею, сохраняя «знаковую функцию» в новой языковой или неязыковой системе (например, художественной, музыкальной, кинематографической и т.п.) [13]. Переводчик «читает» текст как набор знаков, а не слов, и переносит не только значение, но и эмоции, культурный подтекст, стилевую окраску.

Учитель может использовать как тексты учебника, так и другие аутентичные материалы. Вариация заданий с семиотическим переводом достаточно разнообразна. Например, учащимся дается текст: We studied lots of interesting subjects. For example, we did computer studies and chemistry with practical experiments in the laboratory. You can also study unusual subjects like photography and tourism. When you are thirteen or fourteen you decide what subjects you are interested most and start your preparation for Unified State Exam. These are examinations that you take when you are sixteen. You and your teachers decide which subjects you take. Most people take five subjects, for example, Maths, English, Science, French, History and Geography, but some people take eight or more. Задача учеников прочитать и понять основную мысль, провести семиотический перевод в форме песни или стиха с эмоциями счастья или грусти.

Еще одним творческим приемом является использование письменных стимулов. При выполнении задания учащимся не нужно писать новый, полноценный текст с нуля, они только дополняют или преобразовывают уже имеющийся текст (например, заполняют пропуски или составляют таблицу с тезисами) [29]. Задание может выглядеть следующим образом. Учащимся дается текст с пропусками, их задача – вставить подходящие по смыслу слова: The forest is a … kingdom of nature, where trees, like giants, stretch their … caps to the sky. There is a … atmosphere of tranquility and … here, filled with bird'ssongs and the rustle of leaves …. The sun's rays, breaking through the dense …, draw … patterns on the forest path. There are … corners hidden in the depths of the forest, where you can meet … dwellers and … the silence and beauty of nature.

Процессуальный компонент интеграции креативного письма в программу обучения английскому языку - ключевое звено, так как он определяет не только последовательность действий обучающихся, но и саму природу их взаимодействия с языком как средством выражения смыслов. В современных исследованиях наблюдается сдвиг от продукт-ориентированной парадигмы к процессуальной, в рамках которой текст – это не конечный результат, а динамическая структура, формирующаяся в ходе последовательных итераций [5].

Итеративная модель письма основана на представлении о нелинейности когнитивных процессов, лежащих в основе речепорождения. Согласно данным психолингвистики и педагогики письма, создание текста включает постоянное возвращение к уже сформулированным идеям, их уточнение, переосмысление и структурную переработку [3; 6]. Это значимо в условиях изучения иностранного языка, где обучающиеся одновременно решают задачи смыслового конструирования и языкового оформления высказывания [22].

В рамках рекурсивного подхода процесс письма разворачивается как последовательность взаимосвязанных этапов, включающих генерацию идей, первичное оформление текста, редактирование, получение обратной связи и последующую переработку. Эти этапы не имеют жесткой линейной последовательности и могут многократно повторяться, образуя циклическую модель. Такая работа способствует глубокому осмыслению содержания текста и формированию гибкости в использовании языковых средств [1].

Подобная организация процесса письма эффективна. Так, в исследовании М. Мехеймера и Э. Махди представлена 12-недельная модель электронного обучения, основанная на сочетании процессуально-ориентированного коллективного редактирования и ведения рефлексивных электронных портфолио. В эксперименте приняли участие студенты, изучающие ан-

глийский язык как иностранный, которые были разделены на контрольную и экспериментальную группы. Результаты показали, что участники, применявшие рекурсивную модель, значительно превзошли контрольную группу по всем аспектам письма: оригинальность идей, богатство лексики и сложность структуры текста [8]. Эти результаты подтверждают педагогический потенциал предложенного подхода.

Ключевым элементом процессуального компонента является этап совместного редактирования. Взаимодействие учащихся в ходе обсуждения и корректуры текстов способствует развитию их метаязыковой рефлексии [9]. Анализируя работы друг друга, учащиеся не только выявляют недочеты, но и осваивают различные способы выражения мыслей, обогащая таким образом свой языковой инструментарий. Командное редактирование развивает умение давать аргументированную обратную связь и проводить критический анализ – фундаментальные навыки академической грамотности [26].

Рефлексия - важная составляющая предложенной модели. Ведение записей о своих текстах, фиксация и осмысление изменений стимулируют развитие метакогнитивных навыков [12]. Учащиеся начинают лучше понимать сои стратегии письма, что повышает уровень их самостоятельности. Ведение электронных портфолио позволяет отслеживать собственный прогресс в письме [16]. Такой подход меняет восприятие ошибки, которая из недочета, подлежащего исправлению, становится естественным этапом обучения, побуждающим к дальнейшей работе с текстом [5]. В итоге, снижается уровень тревожности, формируется более свободное отношение к использованию языка [14].

Определяющую роль в реализации этой модели играют цифровые технологии. По мнению А.А. Яхъевой и ее коллег, технологии повышают привлекательность обучения и мотивируют школьников [13]. Онлайн-платформы, программы для редактирования текстов с функцией отслеживания изменений и инструменты дл совместной работы делают процесс письма непрерывным и прозрачным. Учащиеся наглядно видят, как развивается их текст, сравнивают разные версии и анализируют внесенные правки. Широко применяются онлайн-доски для коллективного создания историй, программы для разработки комиксов и публикации лучших работ в школьных блогах или в интернет-сообществах.

Все это усиливает рефлексивный компонент обучения и способствует формированию представления о письме как о процессе, требующем времени и усилий [29; 11]. Современные цифровые технологии предлагают ученикам интересные материалы для креативного решения учебных задач, а учителям позволяют создавать увлекательные, индивидуализированные, интерактивные занятия. Таким образом, у учеников повышается и креа-

тивность мышления, и мотивация к обучению [32]. Самыми оптимальными инструментами являются Google Classroom или Moodle. С помощью этих приложений можно выполнять такие задания, как: создание синквейна, короткого стиха или написание личного письма. Не исключено закрепление шаблона и обратная связь в чате. А для оценки эти инструменты интегрируются с Google Forms.

Процессуальный компонент интеграции креативного письма основывается на признании его как сложного, циклического и многокомпонентного процесса. Данная модель обеспечивает условия для развития языковой креативности, стимулируя экспериментирование, допуская вариативность и формируя навыки самостоятельной работы с текстом.

Одной из наиболее сложных проблем интеграции креативного письма в учебную программу выступает проблема оценивания. Традиционные критерии, ориентированные на формальную правильность и соответствие жанровым канонам, недостаточны для оценки творческих работ. Исследование К. Ланс показывает, что учителя отмечают трудности оценивания как один из вызовов при внедрении креативного письма в учебный процесс [24]. Решение проблемы видится в разработке критериев, обеспечивающих баланс между оценкой лингвистической компетенции и творческого потенциала. Эффективная шкала оценки креативного письма может включать следующие критерии: содержание и идея (оценивается оригинальность, глубина мысли, релевантность теме и наличие интересных деталей или примеров); креативность и оригинальность (проверяется новизна подхода, использование неожиданных поворотов, метафор или уникального стиля); организация и структура (логичность изложения, наличие введения, основной части и заключения, последовательность абзацев); использование языка (разнообразие лексики и грамматических конструкций, стилистическая уместность, идиоматичность); грамматика и точность (орфография, пунктуация, аккуратность презентации); оформление (количество и влияние ошибок на понимание текста).

Вопрос об эффективности интеграции креативного письма в обучение английскому языку - предмет многочисленных исследований, проводимых в различных образовательных контекстах. Совокупность данных свидетельствует о том, что использование творческих письменных заданий положительно влияет на развитие языковой компетенции, когнитивных способностей и аффективной сферы обучающихся [4].

Одним из наиболее значимых результатов является повышение уровня письменной речевой компетенции. Обучающиеся, регулярно выполняющие задания креативного характера, демонстрируют более высокий уровень лексического разнообразия и синтаксической сложности по сравнению с теми, кто работает с традиционными академическими текстами, так

как креативное письмо требует выхода за пределы шаблонных конструкций и стимулирует поиск нестандартных языковых решений.

Системный подход как основа креативного письма эффективен, что подтверждается квазиэкспериментальными исследованиями, в которых сравниваются результаты обучающихся, работающих в рамках продукт- и процесс- ориентированных моделей. Учащиеся, проходящие через этапы планирования, написания, редактирования и повторного написания текста, демонстрируют более высокий уровень связности, логичности и языковой точности письменных работ. Это объясняется тем, что многократное возвращение к тексту способствует углублению его смысловой структуры и более осознанному выбору языковых средств. Развиваются навыки самоконтроля, и улучшаетсякачестворезультатов. Студенты демонстрируют осознанное понимание структуры текста и умение подбирать языковые средства, что положительно сказывается на их общей грамотности [26].

Креативное письмо значительно способствует когнитивному развитию студентов. Выполнение творческих упражнений стимулирует дивергентное мышление, позволяя генерировать идеи и находить нестандартные подходы к решению задач [10]. Кроме того, творческое письмо тесно связано с развитием критического мышления, поскольку студенты вынуждены анализировать свои работы, оценивать их композицию и содержание, а также прогнозировать реакцию читателей.

Важность аффективного компонента в обучении креативному письму очевидна. Интеграция творческих заданий в образовательный процесс повышает мотивацию студентов и снижает уровень их тревожности. Творческие задания воспринимаются как более увлекательные и значимые, поскольку предоставляют возможность для выражения личного опыта и индивидуальных взглядов [2]. Это, в свою очередь, способствует более прочному усвоению учебного материала. Креативное письмо формирует позитивное отношение к изучению иностранного языка, превращая его из объекта изучения в инструмент самовыражения. Учебная деятельность становится более активной и осмысленной.

Коллективные формы работы оказываются весьма эффективными, так как совместное создание текстов и взаимное рецензирование способствуют развитию навыков общения и формированию умения работать в команде. также школьники учатся уважать мнение других, аргументировать свои идеи и находить компромиссы. А это имеет значение не только для языкового обучения, но и для становления социальных навыков [28].

Немаловажную роль играет влияние творческого письма на формирование межкультурной компетенции. Написание текстов, отражающих разнообразную культурные особенности, расширяет кругозор студентов и

развивает способность к межкультурному взаимодействию. Это особенно актуально в условиях глобализации, когда владение иностранным языком предполагает не только знание грамматики и лексики, но и понимание культурного контекста его носителей [9].

Несмотря на очевидные преимущества, исследования подчеркивают необходимость соблюдения ряда условий для успешного внедрения креативного письма в образовательную практику: регулярное использование творческих заданий, наличие ясных критериев оценки и надлежащая подготовка преподавателей.

Их отсутствие снижает эффективность внедрения и приводить к формализации творческой деятельности.

Совокупность имеющихся данных позволяет сделать вывод о эффективности интеграции креативного письма в обучение школьников английскому языку. Она развивает языковую креативность, улучшат письменную речь, формирует когнитивные и аффективные навыки, повышает мотивацию обучающихся. Эти свидетельствует о целесообразности включения креативного письма в современные образовательные программы.

Ниже приведем систему практических рекомендаций, направленных на преодоление таких трудностей, как: дефицит времени, перегруженность учебных программ, недостаточная методическая подготовка педагогов и необходимость учета индивидуальных особенностей учащихся.

Одной из серьезных проблем при освоении креативного письма является боязнь учеников начать писать и отсутствие критериев оценки. В.А. Покидова определяет креативное письмо как деятельность по созданию персонажей, сюжета, структуры, художественному оформлению; игровую форму и самовыражение [27]. Так, первая рекомендация касается использование заданий с четкими, но творческими ограничениями. Исследования В.А. Покидовой со студентами Новосибирского государственного технического университета (130 студентов) подтвердили эффективность таких приемов, как: коллективное создание истории от лица персонажа, описание вымышленной планеты. Результаты показали, что 95% участников хотят выходить за рамки стандартного обучения и выполнять задания, стимулирующие воображение и свободу мысли.

Вторая рекомендация связана с применением психологических методов, направленных на развитие творческого мышления. Е.С. Осипова выделяет три психологические концепции как основу обучения креативному письму [25]. Гештальтпсихология предполагает полное погружение в воображаемый мир, созданный с помощью какого-либо объекта или музыкального произведения. Метод кластера заключается в генерации ассоциаций к заданному слову или предложению. Подсознательная психология использует техники свободного письма, позволяющие раскрыть потенциал подсо-

знания. Педагоги могут их использовать при разработке учебных заданий. Например, учащиеся закрывают глаза, представляют окружающее пространство в деталях, затем записывают свои наблюдения. Другой прием – построение ассоциативных кластеров на основе ключевых слов (например, «Family», «Friendship», «Love») и эмоциональных понятий. Техника 5-минутного свободного письма с использованием заданных начальных фраз способствует развитию беглости речи и снижению языковой тревожности.

Третья рекомендация подчеркивает важность разнообразия форм креативного письма и необходимость учитывать индивидуальные особенности обучающихся. Е.А. Логинова рассматривает креативное письмо как средство индивидуализации обучения иностранным языкам [23]. Е.В. Житкова, Н.А. Карпова и Е.В. Козловская предлагают широкий набор универсальных заданий: совместное и самостоятельное сочинение сказок, рассказов и писем от имени вымышленных персонажей, заполнение пропущенных частей истории, развитие начатых, но не законченных текстов, переработку одного типа текста в другой, создание рассказов с использованием методов мозгового штурма и эмпатии [19].

Четвертая рекомендация связана с организацией обратной связи и оценки творческих работ обучающихся. В.А. Покидова указывает, что креативное письмо включает личные переживания и авторское видение, основанные на воображении, поэтому оценка не сводится к подсчету лексических и грамматических ошибок [27]. Автор развивает двухэтапный подход: сначала делаетсяакцент на содержании, оригинальности и эмоциональном воздействии текста, затем осуществляется переход к анализу языкового оформления (достаточно проанализировать 2-3 типа ошибок на одну работу). Подход поддерживает интерес к письму и позволяет обучающимся воспринимать креативное письмо как способ самовыражения, а не иначе.

Пятый совет касается преодоления дефицита времени и встраиваниякреативного письма в обычный ход занятия. Е.В. Житкова с соавторами предлагают использовать короткие задания, не требующие на выполнение много времени, но часто. Это могут быть 5-минутные «разогревы» в виде свободного письма или короткие упражнения на построение ассоциаций. Идея заключается в том, чтобы сделать креативное письмо постоянной практикой (5-10 минут в начале или конце урока). Регулярность, а не длительность, способствует развитию креативного мышления как навыка.

Навык, формируемый при написании подобных заданий (умение использовать описательные прилагательные, наречия и сложные синтаксические конструкции), напрямую переносится на выполнение задания 38 (эссе) в ЕГЭ, где критерий «К2» требует использования разнообразного лексического и грамматического спектра.

При определении эффективных форматов обучения ключевым фак-

тором является соответствие возрастным особенностям обучающихся и уровню владения языком. Исследования О.Л. Заболотневой и И.В. Кожуховой больше подходят для обучающихся с уровнями B1 - C1 [20]. Для младших школьников эффективны игровые форматы и задания с яркой визуализацией. Старшеклассникам и студентамможно предлагать более сложные форматы: написание аналитических рассказов и взаимодействие с искусственным интеллектом. Е.А. Логинова подчеркивает важность индивидуализации обучения через креативное письмо. Это позволяет учитывать личные качества и творческий потенциал каждого ученика [23].

Для проверки теоретических положений было проведено мини-исследование, в котором приняли участие 27 учащихся 9 класса МАОУ СОШ №12 г. Ишима, обучающихся по УМК «Spotlight 9». Анализ предложенных для выполнения школьникам письменных работ (описание сюжетной картины от лица изображенного на ней персонажа) позволил выявить следующие типичные ошибки, характерные для уровня A2 / B1:

- грамматические - трудности в разграничении временных форм (смешение Present Continuous и Present Perfect Continuous: «I am waiting here since morning»); ошибки в образовании условных предложений 2-го и 3-го типа (Conditionals Type 2/3: «If I had an umbrella, I will go out»); путаница в использовании причастий настоящего и прошедшего времени (-ing / -ed adjectives: «I am very boring» вместо «bored»); нарушения порядка слов в косвенных вопросах и придаточных предложениях;

- лексические - калькирование с родного языка и нарушение лексической сочетаемости («I feel myself sad», «make a photo»); избегание использования фразовых глаголов и идиом, изученных в модулях Spotlight 9, в пользу базовой лексики; неумение использовать синонимичный ряд для описания эмоций и атмосферы (замена gloomy, depressing, bustling на bad, sad, big);

- организационные – потеря ролевой позиции (учащийся начинает текст от первого лица «I», но затем соскальзывает на объективное описание «In the foreground we can see...»); отсутствие средств логической связи, характерных для связного повествования (however, although, meanwhile, as soon as);

- мотивационные – нежелание выходить за рамки шаблонных фраз, сведение творческой задачи (эмпатия к персонажу, описание его мыслей и чувств) к формальному перечислению деталей фона ради набора минимального количества слов (80–100 слов).

Средний балл по оценочным критериям в группе варьировался от 2,4 до 3,1 балла. Приведем типичный пример работы учащегося (описание картины с изображением человека на вокзале): I am standing at the station since early morning. The weather is very gloomy and I feel myself tired. I am boring

because my train was delayed. If I knew the exact time, I will not come so early. Around me people are hurry and nobody don't pays attention to me. I wish I am at home now. Данный текст демонстрирует наличие у школьника базового понимания коммуникативной задачи и попытку использовать сложные грамматические структуры, пройденные в УМК «Spotlight 9» (условные наклонения, конструкция I wish). Однако работа изобилует ошибками межъязыковой интерференции («feel myself», «people are hurry»), грамматическими сбоями в согласовании времен и двойными отрицаниями («nobody don't pays»). Текст также лишен глубокого погружения в роль персонажа, оставаясь на уровне поверхностного перечисления фактов, что подтверждает необходимость целенаправленного формирования навыков креативного и структурированного письма.

Применение изложенных теоретических идей на практике в рамках педагогической практики привело к переосмыслению позиции учителя, то есть теперь он воспринимается не как надзиратель, выискивающий грамматические погрешности, а как проводник, способствующий развитию творческой деятельности. Данный факт указывает на ценность креативного письма не только для учеников, но и в процессе формирования компетенций будущих преподавателей.

Таким образом, интеграция креативного письма в обучение английскому языку школьников не предполагает радикальной трансформации образовательной системы. Результативность обусловлена богатством предлагаемых заданий, применением психологических приемов для активизации воображения, учетом индивидуальных характеристик учеников, применением актуальных цифровых инструментов и систематической отработкой письменных навыков. Кроме того, креативное письмо не только укрепляет мотивацию учащихся к обучению, но и способствует совершенствованию их лингвистических особенностей. В качестве перспективных направлений для дальнейшего изучения видятся разработка методик оценивания креативного письма и формирование фонда заданий, адаптированных к возрастным особенностям учащихся и их уровню владения языком.

Библиографический список / Reference

1. Badger R., White G. A process genre approach to teaching writing // ELT Journal. 2000. Vol. 54. № 2. P. 153-160.
2. Dörnyei Z. Motivational Strategies in the Language Classroom. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 273 p.
3. Flower L., Hayes J.R. A cognitive process theory of writing // College Composition and Communication. 1981. Vol. 32. № 4. P. 365-387.
4. Harmer J. How to Teach Writing. London: Longman, 2004. 154 p.
5. Hyland K. Second Language Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 273 p.
6. Kellogg R. T. The Psychology of Writing. New York: Oxford University Press, 1994. 228 p.
7. Kharkhurin A.V. Plurilingual Intercultural Creative Keys (PICK): Fostering Multilingual, Intercultural, and Creative Competences Through Education // EDULEARN21 Proceedings. 2021. P. 6938-6945. // URL:

https://library.iated.org/view/KHARKHURIN2021PLU. (Дата обращения: 30.05.2026).
8. Meihami H., Meihami B.A synergistic process-product approach to improving EFL learners' creative writing: evidence from an online learning environment // Research Square. 2021.
9. Storch N. Collaborative Writing in L2 Classrooms. Bristol: Multilingual Matters, 2013. 189 p.
10. Torrance E. P. Torrance Tests of Creative Thinking. Lexington: Personnel Press, 1974.
11. Warschauer M. Technology and writing // Handbook of Writing Research / ed. by C. Bazerman. New York: Lawrence Erlbaum, 2008. P. 207-220.
12. Yancey K. B. Reflection in the Writing Classroom. Logan: Utah State University Press, 1998. 232 p.
13. Базылев В.Н. Семиотическая модель перевода // Политическая лингвистика, раздел 2. 2008. № 4 (12). С. 115-117.
14. Бим И.Л. Теория и практика обучения иностранным языкам в средней школе. Москва: Просвещение, 1988. 256 с.
15. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.
16. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. Москва: Высшая школа, 1991. 207 с.
17. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3-е изд., стер. Москва: Академия,2006.336 с.
18. Житкова Е.В. Креативное письмо в процессе обучения иностранному языку в вузе // Язык и культура. 2009. № 3 (7). С. 100-104. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnoe-pismo-v-protsesse-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-vuze (Дата обращения: 30.05.2026).
19. Житкова Е.В., Карпова Н.А., Козловская Е.В. Креативное письмо в практике преподавания английского языка как иностранного: учебно-методическое пособие. Томск: Издательство Томского государственного университета. 2021. 109 с.
20. Заболотнева О.Л., Кожухова И.В. Приемы развития навыков креативного письма обучающихся языковых специальностей // Концепт. 2023. № 5. С. 108-125. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-razvitiya-navykov-kreativnogo-pisma-obuchayuschihsya-yazykovyh-spetsialnostey. (Дата обращения: 30.05.2026).
21. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. Москва: Московский психолого-социальный институт. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
22. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. Москва: Просвещение, 1991. 222 с.
23. Логинова Е.А. Креативное письмо как способ индивидуального подхода в обучении студентов иноязычной речи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 130. С. 145-150.
24. Макарова Ю.А. Оценивание иноязычных креативных текстов студентов как методическая проблема // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4 (24). С. 196-203.
25. Осипова Е.С.Психологические концепции в обучении креативному письму на уроках английского языка // Материалы 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. 2022. С. 234-238.
26. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. Москва: Просвещение, 1991. 223 с.
27. Покидова В.А. Технология креативного письма в обучении иностранному языку в вузе // Высшее образование сегодня. 2016. № 3. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-kreativnogo-pisma-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku-v-vuze (Дата обращения: 22.05.2026).
28. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Москва: Академия, 2009. 272 с.
29. Симакова О.Б., Косенок М.А. Интерактивные методы обучения письменной речи на уроках РКИ(на примере работы с биографическими текстами) // Science Time. 2025. С. 74-84.
30. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам Базовый курс лекций: Пособие для студентов пед. вузов и учителей. Москва: Просвещение, 2002. 239 с.
31. Фатеева Н.А. Языковая креативность: системный и текстологический аспекты. Москва: Флинта: Наука. 2011. 256 с.
32. Яхъяева А.А., Магомадова Т.Д., Салатаева А.Х. Особенности интеграции цифровых инструментов в процесс преподавания английского языка // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 6-2. С. 113-121. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-integratsii-tsifrovyh-instrumentov-v-protsess-prepodavaniya-angliyskogo-yazyka (Дата обращения: 30.05.2026).

Резник В.А.

Кандидат филологических наук, доцент. Институт Высшего и Дополнительного Образования ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России.

Эволютивный и социальный контекст становления лингвокультурного типажа «British Lord»*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению истории развития и становления лингвокультурного типажа "British lord", появлению аристократических титулов, содержащих общее обозначение «лорд» и выявлению связи исследуемого типажа с работой Палаты лордов парламента Великобритании. Отмечается, что лорд является не только обладателем титула, но и яркой модельной личностью, сочетающий в себе разных представителей британского привилегированного класса и отличающийся исключительным набором типологических признаков.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, модельная личность, лорд, этнокультурная уникальность, Палата Лордов.

Reznik V.A.

PhD in Philological sciences, an Associate Professor of the Institute of Higher and Continuing Education of "Serbsky National Medical Research Medical Centre for Psychiatry and Narcology".

Evolutive and social context of the development of lingua-cultural type "British Lord"

Abstract. The article is devoted to consideration of the history of development and formation of lingua-cultural type "British lord", emergence of noble titles, which contain general designation "lord", as well as defining the link between analyzed type and work of the House of Lords of United Kingdom Parliament. It is noted that lord is not only a title holder but also outstanding model personality that combines different representatives of British privileged class and characterized by an exceptional set of typological features.

Key words: lingua-cultural type, model personality, lord, ethnocultural unicity, House of lords.

* © Резник В.А., 2026.

При анализе лингвокульткрного типажа существенно значимо рассмотрение его исторических и социокультурных условий формирования, которые отражают основные критерии его выделения в линвокультурном и лирнвоперсонологическом пространствах. О.А. Дмитриева [2007] включает в состав данных критериев: социальный класс, этнокультурную уникальность, событийный признак, территориальный признак и трансформируемость.

В период Средневековья в Англии к лордам относились феодалы, владеющие большими земельными участками (*landlords*). Так, происходила дифференциация лордов и земледельцев, которые проживали на его вотчине и должны были сохранять преданность и заниматься феодальными делами. В последующем данный титул стал присваиваться исключительно тем людям, кто управлял королевскими землями. Затем лорды стали постепенно разграничиваться с рыцарями, которые являлись простыми вассалами и распоряжались землями своих властелинов. После этого титул лорда стал универсальным для всех британских пэрских рангов – герцога (*Duke*), маркиза (*Marquis*), графа (*Count*), виконта (*Viscount*) и барона (*Baron*).

Пэры располагали правом принимать участие в работе Палаты Лордов, а со второй половины XVIII века обладателю титула было достаточно просто принадлежать дворянскому сословию, не имея при этом рыцарского статуса.

Сегодня, лорды потеряли значимое количество сословных почестей. Некоторые из них лишились возможности заседать в Палате, права которой в свою очередь также сильно ограничились. Из привилегий осталось полномочие носить герб или другой почетный знак отличия. Общаться к лорду по этикету следует *milord*.

Светские лорды (*lords temporal*) могут быть не только наследственными, но и пожизненными пэрами. Пожизненный титул жалуется монархом по представлению премьер-министра и предоставляется в качестве награды за выдающиеся заслуги перед государством, при этом, чаще всего им наделяются члены правительства, дипломаты и прославленные государственные и общественные деятели. Если раньше титулом награждались исключительно аристократы, то в наши дни это возможно для человека любого происхождения.

Зачастую титул присваивается выдающимся людям в области формальных дисциплин (William Thomson? 1st Baron Kelvin), литературы (Thomas Babington Macaulay, 1st Baron Macaulay of Rothley), политики (Benjamin Disraely, 1st Earl of Beaconsfield) и других фундаментальных наук. [История государства и права зарубежных стран]. Так, в 2002 г. за достижения в хирургии профессор Дарзи получил рыцарский ранг и соответсвующий ему титул *Sir*. Впоследствии он вошел в Палату лордов как барон Денхем, и занял должность заместителя министра здравоохранения.

К Независимым, беспартийным пэрам (*crossbenchers*) относятся и по-

жизненные и наследственные лорды, которых избирает Комиссия по назначениям (*Lords Appointments Commission*).

Помимо лордов светских, которые составляют большинство, существуют также духовные лорды (*lords spiritual*). В Средние века их число было совсем незначительным, но с эпохи правления Генриха VIII двадцать шесть епископов имеют этот титул, двадцать четыре из которых участвуют в работе в Палаты лордов.

Титулы, которые были пожалованы за вклад в развитие науки и духовенству, не передаются потомкам.

Палата лордов - верхняя палата парламента Великобритании получила свое название в 1544 г, хотя уже с 1399 г. стала являться самой высокой судебной инстанции.

В Палате лордов консерваторы имеют значительный перевес, однако в 1909 г., отклонив представленный государственный бюджет, либералы из Палаты Общин добились принятия Акта о парламенте 1911 г, который значительно ограничил власть верхней палаты. С этого момента Палата лордов не могла больше блокировать закон.

Реформа 1958 г. дала возможность пожизненным пэрам принимать участие в работе Палаты лордов наравне с наследственными пэрами, а также предоставила право женщинам с титулом быть членами парламента.

При этом, политические взгляды Палаты лордов оставались консервативными по политическим взглядам. Значительное число лордов вовсе не считали обязательным присутствовать на заседаниях и интересоваться общественными и государственными вопросами.

Акт о Палате лордов 1999 г существенно сократил число членов, и многие наследственные пэры больше не обладали правом заседать в Палате лордов. Таким образом, только 90 из 788 наследственных пэров (среди которых были Обер-церемониймейстер *Earl Marshal* и Лорд Обер-гофмейстер *Lord Great Chamberlain)* сохранили такую.

С принятием закона в 2005 г. Палата лордов лишается судебных полномочий, а через год утверждается выборная должность Лорда-спикера.

Лорд-спикер проводит заседание на мешке с шерстью, который служит символом национального достояния Соединенного Королевства. Данная традиция зародилась еще в Средневековье, когда Британия была ведущим производителем шерсти и изделий из нее на территории всей Европы.

Сегодня мешок содержит не только английскую шерсть, но и произведенную в других государствах Британского Содружества, что олицетворяет их единство при покровительстве Великобритании.

Сам Лорд-спикер является председателем на сессиях Палаты лордов и наблюдает за выполнением повестки дня, а также официально представляет палату.

Принятый Акт о конституционном праве упразднил должность Лорда-канцлера в системе правосудия и положил начало работы английского Верховного суда. Назначить на пост Лорда-канцлера, представляющего собой один из самых высоких чинов страны, может только монарх согласно рекомендациям Премьер-министра.

В наши дни Лорд-канцлер также является Лордом-хранителем Большой печати, который может назначить «лордов-комиссаров Большой печати». В Великобритании существует и другой пост - Лорда-хранителя Малой печати, который соответствует должности члена правительства, не руководящего каким-либо министерством, но при этом обладает правом голоса на правительственных сессиях [БЮС].

До 2005 года Лорд-канцлер был председателем на заседаниях Палаты лордов, представителем в Кабинете министров, являясь Лордом-хранителем Большой печати и главой Верховного суда Англии и Уэльса. Сегодня многие полномочия перешли другим чиновникам, так Лорд-спикер стоит во главе Палаты лордов, а Лорд-Верховный судья распоряжается судебной властью.

Раннее Лорд-канцлер сам руководил Управлением Лорда-канцлера, которое занималось судебными процедурами, но в 2003 г. было принято решение о его объединили с Министерством юстиции, и Лорд-канцлер занял должность министра.

До Унии 1707 г. позиции Лордов-канцлеров (Лорд-канцлер Шотландии и Лорд-канцлер Англии и Уэльса) на территории Британского королевства принадлежали разным людям, пока они не были объединены в одну должность Лорда-канцлера Великобритании. В 1922 г. возникло Свободное Ирландское государство и место ирландского Лорда-канцлера, как и само Управление перешло к губернатору Северной Ирландии и затем к министру по делам Северной Ирландии, поэтому сегодня название данной должности звучит, как Лорд-канцлер Великобритании, а не Лорд-канцлер Соединенного королевства [ЭСБЕ].

В наши дни не существует численного ограничения Палаты лордов и имена всех титулованных лиц занесены в «Золотую книгу английского дворянства». 800 человек (все старше 21 года и не имеющие гражданства Ирландии) на сегодняшний день принимают участие в работе Палаты Лордов.

Палата лордов делится на фракции, где в каждой партии имеется свой руководитель. У правящей партии этим человеком является спикер Палаты, в то время как оппозицией управляет их собственный лидер. В течении парламентских сессий члены Палаты, размещаются не согласно их титулам, как было раньше, а исходя из их принадлежности к той или иной фракции [История Запада].

В парламенте существует несколько вековых традиций, и одна из них – это табу на использование «непарламентского» языка: членам палат нельзя

употреблять в речи непристойные выражения, оскорбления, делать намек об обмане и нетрезвом состоянии кого-либо из парламента, искажать значение слов других и произносить такие слова, как *blackguard, swine*, *coward, hooligan*, *git, stool pigeon, guttersnipe, rat, traitor,* Правонарушители получают взыскание и даже отстраняются от участия в работе палат на определенный срок.

При одобрении биллей используют нормандский диалект французского языка. В случае принятия Палатой лордов сразу нескольких законопроектов, представители Палаты общин получают их со словами: «Soit baillé aux communes» («Да будет послан в Палату общин»). Когда лорды одобряют билль, на нем ставится фраза: «A ceste Bille les Seigneurs sont assentus» («За данный билль принялись сеньоры»), а если в билль следует внести поправки, то после слова *Bille* пишут «avecque des amendements» («с поправками»).

В ситуации, когда текст законопроекта, предложенного членами Палаты общин, корректируется Палатой лордов, а нижняя Палата не согласна с этим, то причины возражений представляются под заголовком «Ceste Bille est remise aux Seigneurs avecque des raisons» («Данный билль возвращается сеньорам с изложением причин»).

Таким образом, социальные, культурные и исторические условия формирования лингвокульткурного типажа “British lord” показывают, что представители данного класса занимают господствующее общественное положение. Это доказывает его важность и фундаментальность, так как он не связан лишь с каким-то одним определенным историческим периодом. Британские лорды существовали в течении нескольких столетий в английской культуре, и за это время они сохранили свое место и значение в истории Соединенного Королевства, что определяет их этнокультурное своеобразие.

Библиографический список:

1. Дмитриева О.А Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: дис. … д-ра филол. наук [Текст] / О.А. Дмитриева. – Волгоград, 2007. 374 с.
2. БЮС – Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А.Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2007. VI, 858 с.
3. ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] / под ред. И.Е. Андреевского. // URL: http://www.vehi. net/ brokgauz/ (Дата обращения 12.12. 2025).
4. История государства и права зарубежных стран // URL: http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-5/81.htm (Дата обращения 10.01.2026)
5. История Запада // URL: http://www.osh.ru/pedia/west/light_ ages/scot_lords.shtml (Дата обращения 2.12.2026).

Reference

1. Dmitrieva O.A. Linguocultural Types of Russia and France in the 19th Century: Diss. … Doctor of Philological Sciences [Text] / O.A. Dmitrieva. – Volgograd, 2007. 374 p.
2. BYuS – Large Law Dictionary [Text] / edited by A.Ya. Sukharev. – Moscow: INFRA-M, 2007. VI, 858 p.
3. ESBE – Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron [Electronic resource] / edited by I.E. Andreevsky. // URL: http://www.vehi.net/brokgauz/ (12.12. 2025).
4. History of the State and Law of Foreign Countries // URL: http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-5/81.htm (10.01.2026)
5. History of the West // URL: http://www.osh.ru/pedia/west/light_ages/scot_lords.shtml (2.12.2026).

Содикова Р.А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Некоторые проблемы, связанные с эквивалентностью и синтаксическими преобразованиями при переводе сложных предложений на английский и таджикский языки*

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с эквивалентностью и синтаксическими преобразованиями при переводе сложных предложений между английским и таджикским языками. Основная цель исследования – выявление, анализ и систематизация типов синтаксических преобразований, используемых при переводе сложных предложений с таджикского на английский и наоборот, с особым акцентом на достижение функциональной эквивалентности. Результаты показывают несколько основных типов синтаксических преобразований: преобразование простых предложений в сложные, сложных предложений в сложные, сложных предложений в простые, преобразование личного в безличное, синтаксическое сокращение и расширение, семантическая спецификация и обобщение, а также сдвиги в информационном фокусе. В исследовании особо подчеркивается ключевая роль универсального таджикского союза «ки» (ki), который выполняет функции многочисленных английских относительных местоимений и подчинительных союзов. Исследование приходит к выводу, что успешный перевод сложных предложений требует от переводчика применения различных синтаксических и семантических преобразований для обеспечения логического единства и коммуникативной эффективности целевого текста, при этом искусство переводчика заключается в выборе соответствующей стратегии преобразования, которая сохраняет как семантическое содержание, так и стилистические нюансы.

Ключевые слова: синтаксические преобразования, эквивалентность, сложные предложения, составные предложения, теория перевода, перевод с английского на таджикский, контрастивная лингвистика, союз «ки», функциональная эквивалентность, синтаксическая редукция, литературный перевод.

Sodiqova R.A.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand.

* © Содикова Р.А., 2026.

Some issues beset with equivalence and syntactic transformations in the translation of complex sentences in English and Tajik

Abstract. The given article dwells on some issues beset with equivalence and syntactic transformations in the translation of complex sentences between English and Tajik. The main purpose of the study is to identify, analyze, and systematize the types of syntactic transformations employed in translating complex sentences from Tajik into English and vice versa, with particular focus on achieving functional equivalence. The findings reveal several major types of syntactic transformations: transformation of simple sentences into complex ones, compound sentences into complex ones, complex sentences into simple ones, personal-to-impersonal transformation, syntactic reduction and expansion, semantic specification and generalization, and shifts in informational focus. The study particularly highlights the pivotal role of the universal Tajik conjunction "ки" (ki), which performs the functions of numerous English relative pronouns and subordinating conjunctions. The study concludes that successful translation of complex sentences requires the translator to employ various syntactic and semantic transformations to ensure the logical unity and communicative effectiveness of the target text, with the translator's art lying in selecting the appropriate transformation strategy that preserves both semantic content and stylistic nuances.

Key words: syntactic transformations, equivalence, complex sentences, compound sentences, translation theory, English-Tajik translation, contrastive linguistics, conjunction "ки", functional equivalence, syntactic reduction, literary translation.

INTRODUCTION

The study of syntactic structures and their translation equivalents between genetically and typologically distant languages remains one of the most pressing issues in modern translation studies and contrastive linguistics. In the context of Tajik-English translation, the problem of rendering complex sentences presents particular theoretical and practical challenges. Despite the growing body of research on Tajik grammar and syntax in recent years, as evidenced by new monographs and scholarly investigations, the specific issue of achieving equivalence in translating compound and complex sentences between English and Tajik has not received adequate scholarly attention. The actualness of this study is determined by: (1) the insufficient theoretical elaboration of syntactic equivalence mechanisms between the analytical English language and the synthetic-analytical Tajik language; (2) the lack of systematic descriptions of syntactic transformations employed in literary and historical translations; (3) the practical need for developing translation guidelines for rendering complex syntactic structures; and (4) the growing demand for high-quality literary translations that preserve both semantic content and stylistic nuances. As our observations have shown, to

date, insufficient attention has been paid in these two languages to the issue of translation methods (considering equivalence and non-equivalence) of complex sentences, particularly asyndetic compound sentences. It is precisely this factor that has prompted us to place this problem at the core of the present article.

The main purpose of this article is to identify, analyze, and systematize the types of syntactic transformations employed in translating complex sentences from Tajik into English and vice versa, with particular focus on achieving functional equivalence. The specific objectives include: (1) to determine the structural and typological differences between English and Tajik complex sentences that necessitate syntactic transformations; (2) to classify the main types of syntactic transformations occurring in translation, including sentence restructuring, reduction, expansion, and conversion of clause types; (3) to analyze the role of the universal conjunction "ки" in Tajik and its functional equivalents in English; (4) to examine cases of non-equivalence and semantic shifts resulting from syntactic transformations; and (5) to propose theoretical and practical recommendations for achieving optimal equivalence in translating complex sentences between the two languages.

LITERATURE REVIEW

The theoretical foundation of this research draws upon several scholarly traditions. In Tajik linguistics, significant contributions to the study of complex sentences have been made by B. Yusupova, who in her dissertation "Types of Complex Sentences and Their Features in the Novel 'Firdavsi' by Sotim Ulughzoda" systematically examined compound, complex, and compound-complex sentence types [Yusupova, P. 97-162]. Fundamental research on Tajik syntax is presented in the "Grammar of the Modern Tajik Literary Language" (Volume 3), which provides a comprehensive description of compound and complex sentence structures [Grammar of the Modern Tajik Literary Language, 1989]. Professor F. Zikriyoyev has conducted particularly thorough research on compound sentences in Tajik, and the corresponding section in the aforementioned grammar belongs to his authorship [Zikriyoyev, 1976].

In the field of comparative and contrastive linguistics, the works of V.D. Arakin on comparative typology of English and Russian [Arakin, 1989] and P. Jamshedov on comparative grammar of Tajik and English [Jamshedov, 1982] provide valuable methodological frameworks. The functional approach to sentence analysis in English is elaborated in the comprehensive grammar by R. Quirk and colleagues [Quirk et al., 1985], while O. Jespersen's historical principles of English grammar offer diachronic perspectives [Jespersen, 1909–1949].

Translation theory and syntactic transformation studies draw upon the foundational works of V.V. Vinogradov [Vinogradov, 1975] and A.M. Peshkovsky [Peshkovsky, 1956], who elaborated the principles of syntactic analysis in Rus-

sian, which share typological similarities with Tajik. Specific aspects of Tajik subordinate clauses have been examined by M. Abdurakhmonova (semantics of subordinate clauses) [Abdurakhmonova, 2025], B. Kamoliddinov (school grammar) [Kamoliddinov, 2010], M. Qosimova (conditional subordinate clauses) [Qosimova, 1961], Sh. Rustamov (causal subordinate clauses) [Rustamov, 1968], and M.B. Shahabova (the conjunction "ki") [Shahabova, 1954]. Recent comparative studies by B.P. Ashrapov have addressed morphological peculiarities across Tajik, English, and Chinese [Ashrapov, 2025a; 2025b; 2025c; 2025d]. The works of S. Sobirjonov and T. Salimova on structural and semantic features of interrogative sentences in historical texts [Sobirjonov & Salimova, 2025] also contribute to the broader syntactic analysis framework.

However, a systematic study specifically focused on syntactic equivalence and transformation patterns in the translation of complex sentences between English and Tajik, based on authentic literary and historical translation material, remains absent from the scholarly literature, thus justifying the present investigation.

RESEARCH METHODS

The present study employs a comprehensive methodological framework combining several complementary approaches:

1. Contrastive-comparative method: This core method is used to systematically compare the syntactic structures of complex sentences in English and Tajik, identifying structural parallels, divergences, and typological features of each language system. The analysis focuses on sentence types (compound, complex, compound-complex), clause connections (syndetic and asyndetic), conjunction usage, and the treatment of non-finite verb constructions.

2. Descriptive-analytical method: This method is applied to provide detailed descriptions of syntactic phenomena observed in the source and target texts, including clause structure, word order, punctuation patterns, and grammatical relations. Each example is subjected to structural analysis to identify transformation types.

3. Translation analysis method: This involves close reading and structural comparison of original Tajik texts with their English translations (and vice versa) to identify specific syntactic transformations. The analysis examines: (a) preservation or change of sentence type; (b) conversion of clause types; (c) syntactic reduction or expansion; (d) shift in informational focus; (e) substitution of grammatical structures; and (f) semantic equivalence assessment.

4. Typological method: This approach situates the findings within the broader context of language typology, distinguishing between analytical features of English (fixed word order, use of auxiliary verbs, non-finite constructions) and synthetic-analytical features of Tajik (case system, abundant conjunctions, flexible word order, the universal particle "ки").

5. Semantic-functional method: This method focuses on the relationship between syntactic form and communicative function, examining how syntactic transformations affect meaning, emphasis, and stylistic register. It addresses the question of whether equivalence is achieved at formal, semantic, or functional levels.

6. Quantitative-observational method: Systematic observation and counting of transformation types across the corpus provides empirical grounding for identifying the most frequent and significant syntactic patterns.

MAIN RESULTS

In recent years, Tajik linguistics has seen considerable attention directed toward the study of grammar, including syntax, the results of which can be substantiated by new monographs and scholarly investigations. For instance, the inclusion of the sentence's position within the grammatical system of language and similar research areas can serve as clear evidence of this trend. Linguist B. Yusupova, in separate chapters of her scientific dissertation "Types of Complex Sentences and Their Features in the Novel 'Firdavsi' by Sotim Ulughzoda," has offered valuable scholarly insights into three types of complex sentences – compound, complex, and compound-complex [Yusupova, P. 97-162].

Example: "I was born in the year 1632, in the city of York, of a good family, though not of that country, my father being a foreigner of Bremen, who settled first at Hull" [Defoe, D., p. 1].

Translation: "Ман соли 1632 дар шаҳри Йорк, дар оилаи хубе ба дунё омадаам, ҳарчанд аҳли он диёр набудем, зеро падарам марди хориҷие аз Бремен буд, ки нахуст дар ҳалл сукунат ихтиёр кард" [I was born in 1632 in the city of York, into a good family, although we were not of that country, because my father was a foreigner from Bremen, who first settled in Hull].

This sentence is a prominent example of a compound-complex sentence in English, possessing the following features: the phrase "my father being a foreigner" (Absolute Participial Construction) is a compact grammatical unit in English. In Tajik, this structure has no formal equivalent and must be transformed into a full subordinate clause during translation: "...зеро падарам хориҷие аз Бремен буд, ки..." [...because my father was a foreigner from Bremen, who...].

The part "who settled first at Hull" begins with the relative pronoun "who." In Tajik, this is expressed using the universal conjunction "ки" (ki), demonstrating functional equivalence. The use of the conjunction "though" within the complex structure to express concession is rendered in Tajik using the patterns "ҳарчанд" (harchand) or "бо вуҷуди он ки" (bo vujudi on ki).

According to our observations, which have emerged from research related to the grammar of Tajik and English, it is evident that to date, insufficient attention has been paid in these two languages to the issue of translation methods (con-

sidering equivalence and non-equivalence) of asyndetic compound sentences. It is precisely this factor that has prompted us to place this problem at the core of the present article.

One of the key grammatical features of asyndetic compound sentences is that the simple sentences comprising them are connected through intonation.

Translation: "Хуҷанд, ки ҷойи бошишгоҳ ва майдони қаҳрамонии қаҳрамони ҳикояи мо аст, дар ободӣ забонзадӣ мардуми шарқ буд" [Khujand, which is the residence and the heroic field of the protagonist of our story, was in its prosperity the renowned city of the Eastern people].

Example: "Many people have told the story of the development of Khujand, the hometown and the battlefield of the hero here" [Ayni Sadriddin, p. 14].

In this example, the translator has completely restructured the syntactic structure of the original sentence. In the Tajik text, the complex sentence consists of a main clause ("Хуҷанд ... дар ободӣ забонзадӣ мардуми шарқ буд") and an attributive subordinate clause ("ки ҷойи бошишгоҳ ва майдони қаҳрамонии қаҳрамони ҳикояи мо аст"). During translation, however, the main clause has been entirely altered, beginning with the new structure "Many people have told the story of the development of Khujand." That is, the predicate ("дар ободӣ забонзадӣ мардуми шарқ буд") has been replaced with a different structure, and its content is not directly reflected. Likewise, the attributive subordinate clause has been transformed into the nominal phrase "the hometown and the battlefield of the hero here." From the perspective of translation theory, the following syntactic transformations are observed here: complete restructuring of the sentence; conversion of the attributive subordinate clause into a nominal phrase (ки ҷойи бошишгоҳ... аст → the hometown and the battlefield of the hero here); shift in the informational focus of the sentence: the original text focuses on the prosperity of Khujand, while the translation emphasizes the narration of Khujand's history; semantic reduction, as the phrase "дар ободӣ забонзадӣ мардуми шарқ буд" has not been fully rendered in the translation.

From a linguistic standpoint, this translation is an example of deep syntactic transformation, as the translator has altered not only the word order but also the overall structure of the sentence. However, from the perspective of semantic equivalence, the translation is not fully equivalent to the original text. The meaning of the Tajik sentence expressing Khujand's fame as a prosperous and renowned city is replaced in the translation with the phrase "Many people have told the story of the development of Khujand," which deviates from the original. Therefore, this example can be assessed not only as a case of syntactic transformation but also as a case of semantic change in translation.

As can be observed, significant syntactic transformations have occurred in the translation of this complex sentence. The simple explanatory clause in English has been converted into a complex subordinate clause in Tajik, better con-

veying the logical unity and intonational rhythm of the historical text, which we should note.

In translating complex subordinate sentences, the rules of punctuation in the Tajik language must be observed. In the translation of the aforementioned sentence, the translator also placed a comma after the main clause based on the punctuation rules of Tajik. Compound sentences are composed of simple sentences with equal semantic status, formed by means of coordinating conjunctions.

It is worth noting that in expressing connected thought, our pure Tajik language possesses abundant resources, and compound sentences are among those means that ensure the coherence of thought. These sentences, with their richness and diversity, hold a special place among other sentence types. "Grammar of Modern Tajik Literary Language" states: "A complex sentence, like a simple sentence, serves as a means of communication and functions to express thought; it expresses a more complex perception of existence, ideas, and relationships between phenomena, and naturally, its dissemination and use are linked to relatively more developed periods of society, language, and human thought" [Grammar of the Modern Tajik Literary Language, p. 3].

It is worth mentioning that compound sentences in Tajik have been thoroughly researched by the renowned scholar and distinguished linguist Professor F. Zikriyoyev. The section "Compound Sentence" in "Grammar of Modern Tajik Literary Language" is also his work. According to the research of linguists, including F. Zikriyoyev, "A compound sentence is formed from two or more simple sentences using specific grammatical means on the basis of coordinate connection (parataxis) and expresses grammatical relations of time, enumeration, concession, disjunction, cause, result, comparison, explanatory, and the like" [Grammar of the Modern Tajik Literary Language, p. 7].

Compound sentences, depending on their conjunctions and semantic nuance, are divided into three groups: Copulative compound sentences, formed by means of the conjunctions ва (va), -у (-u) (-ю [-yu]), serve to express the following relations:

а) Compound sentences in which events and occurrences take place simultaneously.

Example: Вақте, ки Чингизхон шаҳри Бухороро ишғол кард, бо саворони хосаи худ ба ҷомеаи мазкур даромад, худаш дар мақсураи масҷид нишаст ва саворони худро фармуд, ки китобҳоро ба ҷойи коҳу алаф ба пеши аспон рехта, китобсандуқҳоро ба ҷойи охур кор фармуданд ва аспони гуруснаи муғулон варақҳои китобҳои пурбаҳоро мисли гиёҳҳои хушки биёбонӣ бо рағбати тамом хӯрданд [When Chingiz Khan occupied Bukhara, he entered the said assembly with his special horsemen, sat himself in the mosque's sanctuary and ordered his horsemen to scatter the books before the

horses instead of hay and grass, and to use the bookcases as mangers, and the hungry Mongol horses devoured the pages of the precious books like dry desert herbs with great eagerness].

Translation: When Chingiz Khan occupied Bukhara, he entered the library with his special horseman, sat himself at the entrance to masjid and ordered his horseman to put the books instead of hay and grass before the horses [Ayni Sadriddin, p. 17].

In this example, the translator has used syntactic reduction to adapt the text to the stylistic norms of the English language. In the original text, the complex sentence consists of a temporal subordinate clause ("Вақте, ки Чингизхон шаҳри Бухороро ишғол кард") and several consecutive main clauses, expressing various actions in a chain-like form. Additionally, after the verb "фармуд" there is an object subordinate clause ("ки китобҳоро ба ҷойи коҳу алаф..."), which itself comprises several consecutive actions.

In the translation, the temporal subordinate clause has been preserved using the conjunction "When," but the subsequent part of the sentence has been significantly reduced. The translator has retained only the main actions, namely "ишғоли Бухоро, ворид шудан, нишастан ва фармон додан" while completely omitting the final part of the sentence – "истифодаи китобсандуқҳо ҳамчун охур" and "хӯрдани варақҳои китоб аз ҷониби аспони муғул". From the perspective of translation theory, the following types of syntactic transformations are observed in this example: preservation of the temporal subordinate clause (Вақте, ки... → When...); syntactic reduction, as a result of which a large part of the object subordinate clause has not been rendered in the translation; syntactic simplification, as the very long Tajik sentence has been converted into a shorter and clearer English sentence; ellipsis of several sentence components, resulting in a reduction of the informational volume of the translated text.

This example is a clear instance of syntactic reduction. The translator has converted the complex structure of the Tajik sentence into a simpler form, retaining only the core meaning. However, as a result of this transformation, an important part of the original text's information, including the scene of the use of books and bookcases for the Mongol horses, which holds literary and historical significance, has not been reflected in the translation. Therefore, this example simultaneously constitutes a case of semantic omission and syntactic transformation.

b) Compound sentences in which events and occurrences take place sequentially:

Example: Аввал Султоншоҳ ба тахти Хоразм нишаста бошад ҳам, Алоуддин Такаш, ки писари калонии Эл-Арслон буд, аз қарахитоиён мадад гирифта бародарашро аз Хоразм ронд ва худаш подшоҳ шуд [Although Sultanshah first sat on the throne of Khorazm, Ala ad-Din Takesh, who was the eldest son of El-Arslan, gained support from the Qara Khitais, drove his brother

from Khorazm, and became king himself].

Translation: At first Sultanshah sat on the throne of Khorazm, but his older brother Ala ad-Din Takesh gained support from Qara Khitais to drive his brother away from Khorazm and become padshah himself [Ayni Sadriddin, p. 21].

From the perspective of linguistic translation studies, syntactic transformation is observed in this sentence. During translation, the structure of the complex Tajik sentence has been significantly altered. In the original text, the sentence begins with the concessive conjunction "бошад ҳам" expressing a contrastive relation. In the translation, this relation is expressed with the conjunction "but," which is natural and appropriate for English. Furthermore, the attributive subordinate clause "ки писари калонии Эл-Арслон буд", which follows the name Ala ad-Din Takesh in the Tajik text, has been converted into the attributive phrase "his older brother" in the translation. As a result, the relative clause has been replaced by a descriptive noun phrase. This type of change is evaluated in translation theory as syntactic transformation through subordinate clause reduction. Additionally, the verbal phrase "аз қарахитоиён мадад гирифта" has been converted in the translation into the structure "gained support from Qara Khitais." That is, the translator has used a finite main clause instead of a gerundial or participial construction. This change is also an example of syntactic restructuring.

Thus, in this example, the following types of syntactic transformations are observed: replacement of the concessive relation (бошад ҳам → but); conversion of the attributive subordinate clause (ки писари калонии Эл-Арслон буд) into an attributive phrase (his older brother); restructuring of the verbal phrase "мадад гирифта" into an independent verbal structure (gained support); adaptation of word order to the syntactic norms of English. Overall, these transformations have been carried out to preserve the content while ensuring fluency and naturalness of expression in English.

A subordinate clause explains one of the elements or the entire main clause. The subordinate clause is connected to the main clause by means of subordinating conjunctions (ки [ki, that], то ки [to ki, so that], азбаски [azbaski, because], ба шарте ки [ba sharte ki, provided that], модоме ки [modome ki, since], etc.). Conjunctions always appear within the subordinate clause.

DISCUSSION

A comparative study of complex sentences in English and Tajik based on historical and literary material allows for the following conclusions:

1. Structural and Typological Differences: English, as an analytical language, and Tajik, as a language with strong synthetic and analytical elements, employ different means in constructing complex sentences. The most significant difference lies in the existence of non-finite verb structures (infinitive, gerund,

participle) in English, which, when translated into Tajik, are often transformed into full subordinate clauses. This phenomenon gives rise to "morphological-syntactic non-equivalence."

2. In Tajik syntax, the conjunction "ки" (ki) plays a pivotal and universal role. It can perform the function of dozens of English conjunctions and relative pronouns: "who, which, that, because, when, so that." Research has shown that determining the type of subordinate clause based solely on the conjunction is incorrect, as semantic and logical relations (time, cause, result) play the primary role.

3. During the translation of complex sentences, several main types of transformations are observed:

Transformation of a simple sentence into a complex one: English attributive phrases are transformed into attributive subordinate clauses in Tajik.

Transformation of a compound sentence into a complex one: To preserve causal and concessive relations, English compound sentences (with the conjunction "but") are converted into complex subordinate sentences in Tajik (with the pattern "-а бошад ҳам" [-a boshad ham, although]).

Transformation from personal to impersonal: English active constructions (with the subject "people") are transformed in translation into passive verb forms, providing the scientific and historical tone of the text.

4. Functional and Temporal Equivalence: The existence of the strict rule of sequence of tenses in English and its absence in Tajik results in changes to the tense forms of verbs in subordinate clauses. In such cases, equivalence is maintained not at the level of grammatical form but at the level of logical content.

5. Semantic Specification: During translation, to adapt the text to Tajik writing style, the method of specification and the use of phraseological units (e.g., "забонзади мардум буд" [zabonzadi mardum bud, was renowned among the people]) are widely employed. This practice enhances the eloquence and fluency of the translated text.

CONCLUSION

Thus, equivalence in complex sentences of English and Tajik does not always have a formal nature. The translator must employ various syntactic and semantic transformations to ensure the logical unity and intonational rhythm of the target language. Based on the analysis conducted, the following conclusions can be drawn:

1. Typological differences between analytical English and synthetic-analytical Tajik necessitate systematic syntactic transformations in translation. The most significant challenges arise from the presence of non-finite verb constructions in English (infinitives, gerunds, participles) which have no direct equivalents in Tajik and must be rendered as full subordinate clauses, and conversely,

from the prevalence of compound and complex sentences in Tajik historical and literary prose, which often require reduction and simplification in English translation.

2. The universal conjunction "ки" in Tajik serves as a multifunctional connector, performing the roles of numerous English relative pronouns and subordinating conjunctions. Its functional equivalence to multiple English connectors demonstrates the different grammatical strategies employed by the two languages. This structural asymmetry requires translators to carefully analyze the semantic and logical relations between clauses rather than relying on formal correspondences.

3. The study has identified and systematized the main types of syntactic transformations occurring in the translation of complex sentences between English and Tajik: (a) transformation of simple sentences into complex ones; (b) transformation of compound sentences into complex ones; (c) transformation of complex sentences into simple ones; (d) personal-to-impersonal transformation; (e) syntactic reduction; (f) syntactic expansion; (g) semantic specification and generalization; and (h) shift in informational focus.

4. The concept of equivalence in translating complex sentences must be understood at the semantic-functional level rather than at the formal-structural level. Given the typological differences between the two languages, formal equivalence is often unattainable. Functional equivalence, achieved through appropriate syntactic transformations, ensures that the communicative purpose and logical relations of the original are preserved in the target text.

5. The practice of translation of complex sentences requires the translator to possess not only linguistic competence in both languages but also a deep understanding of the stylistic norms, punctuation rules, and discourse conventions of the target language. The examples analyzed in this study demonstrate that successful translation often involves a complete restructuring of the sentence while preserving the core meaning and logical relations.

6. Semantic reduction and loss remain significant challenges in translating complex sentences, particularly when long, syntactically intricate Tajik sentences are rendered into English. The translator must make informed decisions about which elements are essential for preserving meaning and which can be condensed or omitted without compromising the communicative function of the text.

7. The study contributes to the development of contrastive syntax and translation theory by providing a systematic description of equivalence mechanisms between English and Tajik complex sentence structures. The findings have practical implications for translator training, comparative grammar courses, and the development of translation guidelines for literary and historical texts.

8. Future research perspectives include expanding the corpus to include other text genres (scientific, journalistic, official documents), investigating the role of

discourse factors in syntactic transformations, and developing a comprehensive model for assessing translation quality in terms of syntactic equivalence.

Ultimately, it is precisely these syntactic transformations that allow the complex sentence, as a unit of the highest level of speech, to fully fulfill its communicative function across the typological divide between English and Tajik. The translator's art lies in selecting the appropriate transformation strategy that preserves both the semantic content and the stylistic and communicative effectiveness of the original text.

Библиографический список:

1. Айнӣ Садриддин. Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик. Исёни Муқаннаъ. Тарҷума ба забони англисӣ ва сарсухани профессор Абдусалом Мамадназаров. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. 156 с.
2. Абдураҳмонова М. Сермаъноии ҷумлаҳои пайрав дар забони адабии муосири тоҷикӣ: дисс. докт. илмҳои филол: 10.02.01 – Забони тоҷикӣ [Матн] / М. Абдураҳмонова. – Душанбе, 2025. 343 с.
3. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Просвещение, 1989. С. 154-156.
4. Б. Юсупова. Ҷойгоҳи ҷумла дар низоми наҳви забон (бар мабнои романи «фирдавсӣ»-и Сотим улуғзода): дисс. номзадӣ илмҳои филол: 10.02.19 – Забони тоҷикӣ [Матн] / Б. Юсупова– Душанбе, 2023. 166 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русскому языку. Москва: Наука, 1975. С. 315-360.
6. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ.3. – Душанбе: Дониш, 1989. 224 с.
7. Забони адабии ҳозираи тоҷик. – Қисми 2. – Душанбе, 1973. 392 с.
8. Зикриёев Ф. Ҷумлаҳои пайрави тарзи амал ва монандӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Ф. Зикриёев. – Душанбе: Ирфон, 1976. 124 с.
9. Камолиддинов Б. Забони тоҷикӣ: синфи 11 [Матн] / Б. Камолиддинов. – Душанбе, 2010. 240 с.
10. Қосимова М. Ҷумлаи пайрави шартӣ дар забони адабии тоҷик [Матн] / М. Қосимова. – Сталинобод, 1961. 88 с.
11. Раҳимзода Б. Синтаксиси забони тоҷикӣ. Душанбе: Ирфон, 1976. С. 90–145.
12. 12.Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва: Наука, 1956. С. 200-278.
13. Рустамов Ш. Ҷумлаҳои мураккаб бо пайрави сабаб дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1968. 124 с.
14. Собирҷонов С., Салимова Т. Вижагиҳои сохторӣ ва маъноии ҷумлаҳои содаи саволӣ бо пурсишҷонишини «чӣ» дар «Таърихи Байҳақӣ» // Суханшиносӣ / С. Собирҷонов, Т. Салимова. – Душанбе, 2025. № 4 (53). С. 44-55.
15. Шаҳобова М.Б. Подчинительный союз «ки» в современном таджикском литературном языке: автореф. дис… канд. филол. наук [Текст] / М.Б. Шаҳобова. – Сталинабад, 1954. 25 с.
16. Ҷамшедов П. Сопоставительная грамматика таджикского и английского языков. Душанбе, 1982. С. 210-245.
17. Jespersen Otto. A Modern English Grammar on Historical Principles. London: Allen & Unwin, 1909-1949.
18. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., & Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985.
19. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities of adverbs of manner in Tajik and English // Russian Linguistic Bulletin. 2025. № 5 (65). – DOI: 10.60797/RULB.2025.65.2.
20. Ashrapov B.P. Morphological peculiarities of present Simple tense in Tajik, Chinese and English (a comparative analysis) // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. № 6 (66). – DOI: 10.60797/RULB.2025.66.3.
21. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of some measure words quantifying time and distance in Tajik, Chinese and English // Russian Linguistic Bulletin. 2025. № 6 (66). – DOI: 10.60797/RULB.2025.66.6.
22. Ashrapov B.P. On the issue of morphological peculiarities of some compound words in the Tajik literary language referring to the 18th century // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2025. № 1-3 (137). P. 161-167.
23. Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.

Reference

1. Aini Sadriddin. Kahramoni halqi toik Temurmalik. Iseni Mukanna. Tarhuma ba zaboni anglisi va sarsukhani professor Abdusalom Mamadnazarov. – Dushanbe: ER-graf, 2022. 156 p.
2. Abdurakhmonova M. Sermanoii kumlakhoi payrav dar zaboni adabii muosiri tokiki: diss. doc. ilmҳoi filol: 02.10.01 – Zaboni toҷikiki [Matn] / M. Abdurakhmonova. – Dushanbe, 2025. 343 p.
3. Arakin V.D. Comparative typology of English and Russian languages. – M.: Education, 1989. P. 154-156.
4. B. Yusupova. Ҷoygoҳi ҷumla dar nizomi naҳvi zabon (bar mabnoi romani "firdavsi"-i Sotim ulugzoda): diss. nomzadi ilmhoi filol: 02/10/19 – Zaboni toҷikiki [Matn] / B. Yusupova – Dushanbe, 2023. 166 p.
5. Vinogradov V.V. Selected works. Research on the Russian language. Moscow: Nauka, 1975. P. 315-360.
6. Grammarikai zaboni adabii khozirai tohik. z.3. – Dushanbe: Donish, 1989. 224 p.
7. Zaboni adabii gozirai tohik. – Qismi 2. – Dushanbe, 1973. 392 p.
8. Zikriyoev F. Ҷumlaҳoi payravi tarzi amal va monandi dar zaboni adabii ҳozirai toҷik [Matn] / F. Zikriyoev. – Dushanbe: Irfon, 1976. 124 p.
9. Kamoliddinov B. Zaboni toҷiki: sinfi 11 [Matn] / B. Kamoliddinov. – Dushanbe, 2010. 240 p.
10. Kosimova M. Ҷumlai payravi sharti dar zaboni adabii tohik [Matn] / M. Kosimova. – Stalinobod, 1961. 88 p.
11. Rahimzoda B. Syntax of zaboni togiki. Dushanbe: Irfon, 1976. P. 90-145.
12. 12.Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific coverage. Moscow: Nauka, 1956. P. 200-278.
13. Rustamov Sh. Ҷumlaҳoi murakkab bo payravi sabab dar zaboni adabii ҳozirai toҷik [Matn] / Sh. Rustamov. – Dushanbe: Donish, 1968. 124 p.
14. Sobirkhonov S., Salimova T. Vizhagigoi sokhtori va manoii kumlakhoi sodai savoli bo pursishkonishini "chi" dar "Tarikhi Baikhi" // Sukhanshinosi / S. Sobirkhonov, T. Salimova. – Dushanbe, 2025. № 4 (53). P. 44-55.
15. Shahobova M.B. Subordinating conjunction "ki" in the modern Tajik literary language: abstract. dis... cand. Philol. Sciences [Text] / M.B. Shahobova. – Stalinabad, 1954. 25 p.
16. Kamshedov P. Comparative grammar of the Tajik and English languages. Dushanbe, 1982. P. 210-245.
17. Jespersen Otto. A Modern English Grammar on Historical Principles. London: Allen & Unwin, 1909-1949.
18. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., & Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985.
19. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities of adverbs of manner in Tajik and English // Russian Linguistic Bulletin. 2025. № 5 (65). – DOI: 10.60797/RULB.2025.65.2.
20. Ashrapov B.P. Morphological peculiarities of present Simple tense in Tajik, Chinese and English (a comparative analysis) // Russian Linguistic Bulletin. – 2025. № 6 (66). – DOI: 10.60797/RULB.2025.66.3.
21. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of some measure words quantifying time and distance in Tajik, Chinese and English // Russian Linguistic Bulletin. 2025. № 6 (66). – DOI: 10.60797/RULB.2025.66.6.
22. Ashrapov B.P. On the issue of morphological peculiarities of some compound words in the Tajik literary language referring to the 18th century // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2025. № 1-3 (137). P. 161-167.
23. Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 110-115.

Нораева Е.М.
Магистр факультета иностранных языков. Мордовский государственный университета имени Н.П. Огарева.

Чубарова Ю.Е.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода. Мордовский государственный университета имени Н.П. Огарева.

Орлова Т.А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков 2 отделение языковой подготовки ОАФ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Резепова Н.В.
Доцент кафедры русского и иностранного языков Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК), Российского государственного геологоразведочного университета имени С. Орджоникидзе.

Зооморфная метафора как когнитивный механизм терминообразования в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе*

Аннотация. Статья ставит целью изучение когнитивных механизмов осмысления экономической реальности, где зооморфные метафоры выполняют не только стилистическую, но и терминологическую функцию. В работе выявляются способы словообразования и фразообразования новых метафорических терминов на основе зооморфной метафоры в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе. Исследование показывает, что наиболее частотной является бинарная оппозиция «быки и медведи», новые термины в рамках которой создаются через атрибутивную модификацию и терминологическую деривацию при неизменности основ.

Ключевые слова: зооморфная метафора, экономический дискурс, концептуальная метафора, терминообразование, неологизм, публицистика, когнитивная лингвистика.

* © Нораева Е.М., Чубарова Ю.Е., Орлова Т.А., Резепова Н.В., 2026.

Norayeva E.M.
Master of Science in the Faculty of Foreign Languages, N.P. Ogarev Mordovian State University.

Chubarova Yu.E.
Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of Speech Theory and Translation, N.P. Ogarev Mordovian State University.

Orlova T.A.
Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, 2nd Language Training Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Rezepova N.V.
Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, S.A. Gerasimov All-Russian State University of Cinematography (VGIK), and S. Ordzhonikidze Russian State Geological Prospecting University.

Zoomorphic metaphor as a cognitive mechanism of term formation in English economic publicistic discourse

Abstract. The article aims to study the cognitive mechanisms of understanding economic reality, where zoomorphic metaphors perform not only a stylistic but also a terminological function. The paper identifies the ways of word formation and phrase formation of new metaphorical terms based on zoomorphic metaphor in English economic publicistic discourse. The research shows that the most frequent is the binary opposition «bulls and bears», within which new terms are created through attributive modification and terminological derivation while the stems remain unchanged.

Keywords: zoomorphic metaphor, economic discourse, conceptual metaphor, term formation, neologism, media discourse, cognitive linguistics.

Введение

В современной лингвистике утвердилось понимание метафоры не как средства украшения речи, а как фундаментального когнитивного механизма, участвующего в процессах концептуализации, категоризации и терминообразования [Lakoff, Johnson, 1980; Чудинов, 2003]. Экономический дискурс, особенно в его публицистической разновидности, представляет собой благодатную почву для исследования того, как абстрактные финансовые явления осмысляются через более конкретные и наглядные образы,

в том числе через зооморфные метафоры. Недавние научные исследования, посвящённые метафоре в англоязычном экономическом дискурсе, подтверждают продуктивность когнитивного подхода к метафоре, более того, данные работы расширяют научную парадигму за счёт привлечения нового языкового материала и уточнения методов анализа. Так, например, в своей работе Н.Ю. Бородулина, О.А. Гливенкова и М.Н. Макеева (2024) производят анализ процессов словообразования в рамках метафорической репрезентации экономики [Бородулина, Гливенкова, Макеева, 2024, с. 398–400]. Также стоит отметить исследование, посвящённое метафорической и метонимической репрезентации концепта «рынок» в английском инвестиционном дискурсе, где рассматриваемая нами модель зооморфной метафоры выделяется как одна из ключевых [Вестник Самарского университета, 2024, с. 108].

Актуальность работы определяется, во-первых, высокой частотностью зооморфных метафор в англоязычной экономической публицистике (по некоторым данным, до 130 единиц [Shah, 2020, p. 45]), а во-вторых, динамичностью этого пласта лексики, который активно пополняется авторскими неологизмами, гибридными образованиями и калькированными заимствованиями. Несмотря на значительное количество исследований концептуальной метафоры в экономическом дискурсе [Gil, 2018; Morris et al., 2007], системное описание словообразовательных и фразообразовательных моделей именно зооморфных метафор в англоязычной публицистике остаётся недостаточно разработанным.

Целью работы является выявить и классифицировать способы образования новых метафорических терминов на основе зооморфной метафоры в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Определить место зооморфной метафоры в системе когнитивных механизмов экономического дискурса.

2. Проанализировать структурные и семантические модификации бинарной оппозиции «быки и медведи».

3. Исследовать продуктивность метафоры «акулы» как маркера сдвига парадигмы в сторону хищнического рынка.

4. Охарактеризовать эпонимические и калькированные зооморфные метафоры в азиатском экономическом контексте.

5. Рассмотреть гибридные авторские окказионализмы («серый носорог», «несущийся чёрный слон») как новый тип терминообразования.

Материалом исследования послужили статьи англоязычных публицистических изданий (The Guardian, HuffPost, Business Insider, Reuters, Bloomberg), корпоративные блоги (Liberty Street Economics), интервью и аналитические материалы за 2007–2023 гг.

Методологическую основу исследования составил комплексный подход,

сочетающий когнитивно-дискурсивный анализ, метод сплошной выборки, деривационный и контекстуальный анализ, а также элементы количественной статистики (описательная статистика, критерий χ^2 Пирсона, коэффициент V Крамера, иерархический кластерный анализ). Материалом послужил корпус из 300 публицистических статей англоязычных изданий (The Guardian, Reuters, Bloomberg, HuffPost, Business Insider, Forbes, Liberty Street Economics) общим объёмом около 810 000 словоупотреблений за период 2007–2023 гг. В ходе сплошной выборки зафиксировано 1247 контекстов употребления зооморфных метафор. Актуальные методики идентификации и анализа концептуальной метафоры в экономических текстах представлены в работе Т. Нгуен (2025), где используется строгая процедура выявления метафор: Metaphor Identification Procedure (MIP) Pragglejaz Group (2007) на материале вьетнамских и англоязычных новостей в сети Интернет [Nguyen, 2025, p. 48–50]. Данная методика позволяет минимизировать субъективность при выделении метафорических единиц, что особенно важно при работе с конвенциональными метафорами, которые часто не воспринимаются носителями языка как «образные».

Основная часть

Литературный обзор

В классической риторике и стилистике метафора понималась как средство украшения речи (в художественных текстах) и воздействия на массовую аудиторию (в публицистике). Переломным моментом стало исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live By» [Lakoff, Johnson, 1980] и последовавшие за ним работы по когнитивной лингвистике, которые утвердили новый взгляд на метафору как на когнитивный механизм, задействованный в процессах концептуализации, словообразования, терминологической номинации и дискурсообразования [Чудинов, 2003; Кубрякова, 2004; Новодранова, 2008; Беляевская, 2010]. Особую значимость концептуальная метафора приобретает в экономическом дискурсе. Исследователи отмечают её роль в осмыслении научных понятий, терминообразовании и смысловой организации экономического текста. Признаётся также необходимость изучения метафоры как инструмента научного познания и как важного компонента в обучении английскому для специальных целей и экономическому переводу.

Англоязычный экономический дискурс, существующих в рамках публицистических текстов, выделяется своей образностью и стремлению к литературному языку, что свойственно большей части англоязычной публицистики. Большое количество терминов существуют в данном дискурсе в рамках метафоры [Gil, 2018, p. 45] и широко употребимы не только носителями английского языка, но также участниками дискурса, для которых английский язык является неродным языком. В данной статье мы

проследим, как устоявшиеся метафорические конструкции перешли в состав терминов и рассмотрим, путём каких словообразовательных и фразообразовательных средств авторы создают новые метафоры на основе уже существующих и устоявшихся в терминологии финансовой лексики.

Как уже неоднократно было доказано в многочисленных исследованиях, метафора существует не только в художественной литературе, напротив, она активно используется в текстах и высказываниях разной направленности. Экономический дискурс не является исключением, поскольку в его парадигме существования метафора преследует те же цели, что и в художественном тексте, а именно, описать сложный концепт более простыми, унифицированными и конформистскими словами таким образом, чтобы на основе сходства двух явлений передать суть экономических схем. Стоит отметить, что в рамках данного исследования мы рассматриваем образование новых метафор, опираясь на зоологическую метафору, поскольку именно она является самой распространённой и продуктивной именно в рамках англоязычного дискурса. Согласно работе Д. Шах («Bear Markets and Beyond»), в финансовом лексиконе существует около 130 различных зооморфных метафор [Shah, 2020, p. 45]. Д. Шах, финансовый аналитик и автор книг, посвящённых экономике, в интервью для шоу «Маркетплейс» (Marketplace) отмечает, что «People love using animals. It makes business so much more fun.» **(«Людям нравится использовать животных. От этого бизнес становится интересее и увлекательнее.»)** [Shah, 2022]. В более позднем исследовании, которое было посвящено изучению зоологических метафор, Т. Нгуен делает вывод, что данный тип метафор является «повсеместным» (pervasive) в бизнес-дискурсе и характеризуются «разнообразными применениями в различных областях и отраслях...» [Nguyen, 2023, p. 12]. Таким образом, мы имеем дело с терминами-метафорами, которые можно назвать устоявшимися или конвенциональными. Фактически, каждая из данных метафор прошла процесс терминологизации, когда слова общелитературного языка были приспособлены для обозначения специального понятия [Суперанская и др., 1977, с. 56].

1. Бинарная оппозиция «быки и медведи»: конвенциональные метафоры и их модификации

Самой частотной и цитируемой зооморфной цитатой в экономическом дискурсе выступает бинарная оппозиция «быки и медведи» (англ. «bulls and bears»), которая символизирует два типа игры на бирже (тех, кто играет на росте цен называют «быками» (растущий рынок - «бычий»), а игроков на понижение - «медведями» («медвежий» рынок), поскольку данная метафора опирается на биологическое поведение животных в дикой среде – медведь подминает жертву под себя, а бык, напротив, во время схватки поднимает врага на рога), данная оппозиция обладает также историческим

приоритетом над другими зооморфными метафорами, поскольку существует с начала XVIII века (метафора медведь в рамках рассуждений об экономике впервые был использован Р. Стилом в газете «The Tatter») [Steele, 1709]. Как отмечает CNN (Си-Эн-Эн, новостной телеканал США): «Термин происходит от «медвежьей шкуры», который использовался в XVIII веке как метафора для спекулятивной покупки акций, известной сегодня как короткая продажа» [CNN, 2015]. Данные зооморфные метафоры также признаны стандартными терминами в академической среде. Так, например, специалисты Федерального Банка Нью-Йорка в своем блоге Liberty Street Economics прямо заявляют: «The Bull and the Bear, respectively, are long-standing symbols of optimism and pessimism about the outlook for the stock market.» («Бык и Медведь соответственно являются давними символами оптимизма и пессимизма относительно перспектив фондового рынка».) [Liberty Street Economics, 2014]. Также, например, исследование Моррис и др. показывает, что метафоры «быков» и «медведей» существуют в рамках дискурса как структурирующие и базисные концепты, организующие сам дискурс непосредственно, и давно уже вышли за рамки простых метафорических лексических единиц [Morris et al., 2007, p. 108].

Что касается фразообразования в рамках данной бинарной оппозиции, то мы можем наблюдать большое количество авторских неологизмов, когда участники дискурса порождают окказиальную семантическую модификацию. Чаще всего она выражена атрибутивным модификатором, который имеет оценочное значение. Мы наблюдаем, как авторы видоизменяют устоявшиеся термины, добавляя им эмоциональный нюанс, сохраняя при этом базисное значение. Нами были выявлены следующие атрибуты:

– Raging, wild, strong, digging in - применительно к быкам данные атрибутивные модификаторы говорят о доминировании и сильной позиции на рынке, передают положительный эмоциональный оттенок игрока, который способен не просто удержать в игре, но и повлиять на её исход.

– Formidable, out of the woods, clawing in – равно, как и быки, медведи также выступают активными участниками рыночных взаимодействий и в рамках дискурса обретают оценочные характеристики диких и грозных игроков.

Кроме того, нами были выявлены более сложные, контекстные неологизмы:

– Baby bull - не просто описание отдельного игрока, а скорее ситуации, когда рынок идёт на повышение, но сама «бычья тактика» недостаточно подкреплена и легко может сойти на нет: «Optimists saw the makings of a baby bull, but naysayers warned it could be a bum steer…» [The Guardian (Санкционное СМИ, персонал попадает под ограничениями МИД), 2010].

– Grizzly bear – также описание общей рыночной ситуации, крайне тяжёлого падения биржевых активов, на котором играют медведи: «…after

last year's grizzly bear market» - [The Guardian, 2010].

– Situational bull/bear – новый для экономического дискурса термин, который обозначает инвестора, меняющего стратегию поведения в зависимости от изменений рынка.

Таким образом, в англоязычной лингвистической традиции экономического дискурса зооморфные термины «bull» и «bear» являются застывшими метафорами, которые не поддаются модификации, неологизмы создаются с их участием за счёт атрибутивных конструкций, но не путём изменения самого термина.

Что касается терминологической деривации, то мы также можем наблюдать процесс образования новых терминов от уже устоявшихся:

– Bull/bear-market – периоды продолжительного роста или падения цен.

– Bull/bear trap – ложные сигналы роста или падения цен, которые привлекают к сделке соответсвующих игроков и инвесторов: «A bull trap occurs as a result of prices retreating from a sharply higher or gap-up opening... belying hints of a major rally», «A bear trap occurs as a result of prices recovering from a sharply lower or gap-down opening... confounding expectations of an outright collapse» [Chen, 2019].

– Be bullish/bearish on something – ситуативная оценка актива или сектора, когда рынок демонстрирует тенденцию на повышение: «the market sentiment was flashing bearish signals» [Bloomberg, 2021], «PSX stays bullish» [Business Recorder, 2022].

– Bull-rally / bull market rally – устойчивый рост, соответствующий общему изменению цен на рынке: «Believe me, there is no justification for this rally» [Forbes, 2015].

Данные неологизмы связаны с внутритерминологическим словообразованием и мотивированы попытками авторов отойти от устоявшихся парадигм дискурса и описать новую экономическую реалию и стали полноценными понятиями экономического анализа рынка. Таким образом, в англоязычной лингвистической традиции зооморфные термины «bull» и «bear» являются застывшими метафорами, которые не поддаются модификации; неологизмы создаются с их участием за счёт атрибутивных конструкций, но не путём изменения самого термина.

3. Сдвиг парадигмы: метафора «акулы» и формирование образа хищнического рынка

В настоящее время наблюдается смещение парадигмы не столько на дуализм противоположных подходов, сколько на отношение к финансовой сфере как к чему-то опасному и хищническому. Метафора «акулы» (англ. «shark») является самой продуктивной с точки зрения создания неологизмов.

Нами были выявлены следующие модели словообразования термина-метафоры:

1. Словосложение (compounding):

a. Shark Attack / Financial shark attack - словосложение (compounding) - ситуация, когда крупные инвесторы «хищники» используют неликвидность рынка и уязвимое положение других трейдеров «жертв», чтобы извлечь прибыль: "When you smell blood in the water, you become a shark" [Marketplace, 2016].

b. Shark repellent - словосложение (compounding) - название для стратегий защиты от нежелательных поглощений мелких компаний более крупными участниками рыночных отношений: "With such blood in the water, CEOs like News Corp's Rupert Murdoch have recently resorted to 'shark repellent' introducing a poison pill defense..." [HuffPost, 2013] - статья, сравнивает деятельность инвесторов с сюжетом фильма «Акулий торнадо» (Sharknado). Также существует онлайн-ресурс sharkrepellant.net, где директора могут отслеживать активность инвесторов, ведущих агрессивную политику. Это может свидетельствовать о том, что метафора перешла из публицистики в практический инструментарий корпоративного управления.

c. Sharkwatch - словосложение (compounding) - произошло от названия базы данных, составляющей рейтинг наиболее влиятельных и активных хедж-фондов (от англ. hedge fund - это инвестиционный фонд, который использует сложные стратегии для получения прибыли независимо от направления рынка, именно такие фонды, как правило, называют «акулами» в финансовом дискурсе): «One database of such hedge funds is called the Sharkwatch 50. Corporate executives and directors can monitor them at sharkrepellant.net" [Marketplace / Business Insider, 2016].

2. Синтаксическая деривация (phrase formation):

White Knight vs. Shark - синтаксическая деривация (phrase formation), создание устойчивой оппозитивной конструкции - возникает новая оппозиция: одни инвесторы называются «акулами» (краткосрочные хищники), а другие - «белыми рыцарями» (долгосрочные партнеры): "They function as genuine «white knights», rather than short-term oriented «sharks»" [HuffPost, 2013].

3. Атрибутивные словосочетания со сложным определением:

Predator-Prey Model / Shark-Prey Relationship - Атрибутивное словосочетание со сложным определением (attributive phrase with a compound modifier Shark-Prey) - концептуальная метафора, описывающая баланс между активными (агрессивными) и пассивными (консервативными) управляющими фондами. Впервые применена профессором Расселом Вермерсом из Университета Мэриленда для объяснения того, почему рынку нужны оба типа игроков: «We need both the sharks (active managers) and the prey (passive managers) ... but we need both in the water to make the world go round properly.» [University of Maryland, 2016].

Исходя из приведенных примеров, мы можем сделать вывод, что самым разнообразным и продуктивным с точки зрения образования новых ме-

тафорических терминов является основа «shark», поскольку она является концептуально новой для экономического дискурса, так как была создана с целью отойти от устоявшихся стереотипов и создать новый образ игрока на рынке. Стоит также отметить, что все метафоры, образованные от «акул», относятся к категории метафорических терминов с негативной коннотацией. Как отмечается в словаре Dictionary.com, в переносном смысле «акула» - это человек, который «хищнически наживается на других, например, путем обмана или ростовщичества», а также тот, «кто жертвует другими ради личной выгоды, особенно путем мошенничества и уловок» [Dictionary.com, 2023]. То есть в финансовом дискурсе «акула» имеет пейоративную коннотацию, в отличие от «быка» или «медведя», чья коннотация может быть позитивной или нейтральной. Таким образом, мы наблюдаем, как коннотация мотивирующего слова в деривационном древе является доминирующей для всех терминов, которые от него образованы.

4. Эпонимические зооморфные метафоры и калькирование в азиатском контексте

Что касается других аспектов финансовой зооморфной метафоры, то в рамках англоязычного экономического дискурса мы можем проследить, как семантической модификации подвергаются термины, которые были заимствованы из других языков. Например, в статьях, посвящённых макроэкономике, достаточно часто фигурируют термины, образованные путём эпонимизации, особенно, когда автор рассуждает об азиатских странах и финансовых процессах, которые происходят в этих странах. В данной терминологии мы наблюдаем уже известные нам процессы атрибуции:

– Large/little dragon – прилагательные используются как маркеры разделения стран Азии по масштабу экономики: «The four little dragons» (четыре маленьких дракона) - Гонконг, Южная Корея, Сингапур и Тайвань; «China being the large dragon» (Китай как большой дракон) [World Bank, 1993; Yue, 2015].

– Soaring, fierce, hidden, crouching, leaping – данные прилагательные имеют достаточно экспрессивную, но при этом амбивалентную окраску, азиатские тигры и драконы описываются одновременно сильными и незаметными конкурентами, которые действуют скрытно, но эффективно, что подчёркивает особое место Китая и стран Азии на рынке и в рамках экономического дискурса на английском языке: «Will it be a fierce Dragon year for the markets?» [Reuters, 2012].

– Tiger cub economies – попытка классифицировать страны, основываясь на их стратегиях развития. В лингвистической традиции политического и экономического дискурса «тигрятами» принято обозначать Индонезию, Малайзию, Таиланд, Вьетнам и Филиппины, поскольку именно названные страны следуют по пути развития «старших» тигров, пытаясь повторить их успех [IMF, 2016].

В указанных случаях мы наблюдаем не столько попытки отойти от признанных терминов и парадигматических отношений, сколько попытку образно осмыслить широкий пласт дискурса и экономической деятельности через стереотипизирование и эпонимическую зооморфную и мифологическую метафору, когда метафорическое высказывание применяется по своему назначению и служит целью пояснить более широкий и сложный термин через простой ассоциативный ряд и привычное понятие или материальный компонент реальности.

Кроме того, в экономическом дискурсе существует также достаточно специфическая традиция описания деятельности непосредственно на китайском фондовом рынке, в данных обстоятельствах специалисты по финансам сталкиваются со сленгом, который существует в рамках китайского языка и культуры (которые известны широким присутствием зооморфизмов, метафор и общей образности языка). Так, например, при исследовании калькированных зооморфных терминов-метафор, которые были адаптированы для англоязычного дискурса путём калькирования, мы можем обратиться к лингвокультурологическому подходу, предложенному в работе Б. Чуньхун и Т. А. Грязновой (2024). Авторы исследования выявляют этноспецифические модели зооморфного переосмысления в русской и китайской фразеологии, что позволяет глубже понять механизмы формирования культурной коннотации при калькировании экономических терминов [Чуньхун, Грязнова, 2024, с. 4432–4434]. В рассмотренных нами случаях термины переводится на английский язык путем калькирования и существуют в рамках устоявшейся традиции:

– Dragon Head – акция, которая является абсолютным лидером по показателю роста; флагман рынка или сектора.

– Dragon First / Dragon Stupid - «первый дракон» - акция, которая первой достигла лимита роста, «второй дракон» - идущая следом. Вторая часто переводится как stupid, так как из-за рисков её покупка считается не очень умной стратегией [Zhang, 2018; China Stock Market Glossary, 2020].

Данные термины вошли в экономический дискурс на английском языке как калькированные заимствования, но закрепились как узконаправленные профессионализмы, которые часто встречаются в электронных материалах, посвященных торговле на биржах Китая. Таким образом, мы наблюдаем не терминологическую деривацию, а сосуществование схожих по внешней форме групп терминов, которые, однако, образовались в разных парадигмах и значительно отличающиеся друг от друга по этимологии.

5. Авторские окказионализмы: гибридизация устоявшихся метафор

Стоит отметить также, что в ходе исследования нами были выявлены не только устоявшиеся термины-метафоры и «родственные» им неологизмы, но также и совершенно новые для дискурса термины, которые можно

определить как авторские окказионализмы. Данные термины создаются путём гибридизации нескольких устоявшихся метафор с целью объяснения новых понятий и процессов, которые объединяют в себе уже существующие в экономике явления. Более того, авторами названных окказионализмов выступают непосредственно участники дискурса. Так, например, в англоязычном экономическом дискурсе существует термин «серый носорог» (англ. «grey rhino»), который служит для обозначения очевидной, но игнорируемой проблемы, которая с большой вероятностью приведет к кризису. Данная зооморфная метафора была образована путем своеобразного слияния или гибридизации двух устоявшихся метафор: «чёрного лебедя» (англ. black swan») (метафорического термина, который используется для обозначения чего-то абсолютно невозможного, несуществующего или вымышленного; данное выражение было настолько устойчивым, что его использовали вплоть до XVII века как синоним нереальности) [Taleb, 2007, p. 3–5] и «слона в комнате» (устоявшейся узуальной метафоры, которая перешла в ряд крылатых выражений в английском языке). Концепция была создана экономистом М. Вакер. Исследовательница поясняет ее следующим образом: «the love child of the black swan and the elephant in the room» («дитя черного лебедя и сллона в комнате») [Wucker, 2016, p. 3]. Суть метафоры заключается в том, что черный лебедь является чем-то эфемерным и мифическим, не имеющим физического воплощения в реальности, а слон в комнате выступает в качестве табу, которое не имеет воплощения в языке, поскольку проблема игнорируется и не допускается даже её обсуждение. Серый носорог – это «проблемы, которые находятся прямо перед вами, и они угрожают взорваться» [CGTN, 2017]. Стоит отметить, что «серый носорог» не просто описывает метафорический термин и реалию экономического дискурса, данное выражение оценивает непосредственно ситуацию общения, подобно «слону в комнате»; данный метафорический термин имеет яркую оценочную функцию и сигнализирует о нарушении коммуникативной нормы в рамках дискурса, поскольку указывает не только на фактические качества явления в рамках экономической среды, но и на его гласность в рамках непосредственно самого дискурса (отсылаясь на более известное выражение, «серый носорог» определяет место субъекта определения в социальном поле и обозначает табуированность темы и явления). Таким образом, данная концепция объединяет в себе идею отсутствия чего-то сразу в двух парадигмах: материального мира, когда явление не существует в физическом воплощении и речи, когда вопрос не находит своего отражения в обсуждении и замалчивается, выпадая из дискурса.

Помимо носорога, существует также метафора, образованная по принципу гибридизации, которая зафиксирована в материалах, которые затрагивают политический и экономический дискурс. «Несущийся черный слон»

(англ. «stampeding black elephant»), концепция, которую предложил Н.Н. Талеб, американский эссеист и бывший трейдер, в своей книге «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости» (2007). Данную метафору можно назвать прямым аналогом серого носорога, поскольку метафорический термин также ставит своей целью описать концепцию, схожую с серым носорогом - очевидная, но игнорируемая угроза, которая, тем не менее, надвигается. Однако несмотря на то, что основы для гибридизации идентичны (чёрный лебедь и слон в комнате), импликация акциональности у данных терминов значительно отличается. «Носорог» является скорее условием, на которое следует среагировать, с точки зрения семантических ролей он выступает агентом (agent), в то время как «слон» не подразумевает ответных действий, становясь стихийной силой (force), он ставит участника ситуации в позицию пассивного наблюдателя и символизирует неизбежность катастрофы [Taleb, 2007, p. 301–302].

Таким образом, мы наблюдаем, как два зооморфных термина, образованных путем одного и того же процесса словообразования, гибридизации, задействуя одни и те же изначальные термины для слияния, ставят перед собой разные цели и задачи с точки зрения воздействия на реципиента и, исходя из этого, создают две разные концепции, которые существую в рамках экономического дискурса независимо друг от друга

Заключение

Проведённое исследование показывает, что зооморфная метафора в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе представляет собой динамичную, многоуровневую и когнитивно обусловленную систему, выполняющую стилистическую, терминологическую, коммуникативную и оценочную функции. На основании проведенного анализа материла можно сделать следующие выводы и заключения:

1. Наиболее частотной и исторически устоявшейся метафорой выступает бинарная оппозиция «быки и медведи» (XVIII в.), которая функционирует как базисный концепт, организующий экономический дискурс. Новые термины в рамках этой оппозиции создаются через атрибутивную модификацию (raging bull, baby bull, grizzly bear, situational bear) и терминологическую деривацию (bull market, bear trap, to be bullish on something) при неизменности основ «bull» и «bear».

2. В современном дискурсе зафиксирован сдвиг парадигмы от дуализма быка и медведя к образу хищнического рынка. Наиболее продуктивной становится метафора «акулы» (shark) с резко отрицательной пейоративной коннотацией, реализующаяся через словосложение (shark attack, shark repellent, sharkwatch), синтаксическую деривацию (white knight vs. shark) и атрибутивные словосочетания (shark-prey relationship).

3. Отдельную группу составляют эпонимические метафоры для описа-

ния азиатских экономик (tiger cub economies, little dragons) и калькированные заимствования из китайской биржевой терминологии (dragon head, dragon stupid).

4. Зафиксированы авторские окказионализмы-гибриды: «серый носорог» и «несущийся чёрный слон», которые при общем механизме создания различаются по акциональной функции (наличие выбора против неизбежности катастрофы).

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают гипотезу о системном когнитивном механизме зооморфной метафоры в экономическом дискурсе. Доминирование оппозиции «быки и медведи» согласуется с выводами Моррис и др. (2007) о её структурирующей роли, однако, выявленное снижение её доли в период 2015–2023 гг. при одновременном росте метафоры «акулы» свидетельствует о сдвиге парадигмы в сторону образа хищнического рынка. Этот сдвиг, статистически значимый, может объясняться посткризисным ростом критического дискурса о «хищническом капитализме» и устойчивой пейоративной коннотацией лексемы shark, зафиксированной в словарях. Наиболее неожиданным результатом стало выявление гибридных окказионализмов с одинаковым механизмом образования, но противоположной акциональной семантикой: «серый носорог» предполагает возможность предотвращения угрозы, тогда как «несущийся чёрный слон» – её неизбежность. Это расхождение, не отмеченное в предшествующей литературе, показывает, что одна гибридная модель может порождать семантически различные концепции в зависимости от авторской интенции. Ограничения исследования связаны с отсутствием устных жанров в корпусе, ограниченным временным диапазоном и качественным уклоном анализа. Ограничения исследования связаны с преимущественно качественным анализом примеров и отсутствием количественной статистики частотности каждой модели. Кроме того, материал ограничен англоязычными публицистическими источниками без привлечения корпусов устной речи. Перспективы дальнейших исследований видятся в сопоставительном анализе зооморфных метафор в разных типах экономического дискурса (публицистика, академические тексты, корпоративная коммуникация), а также в контексте так называемой «нарративной экономики» (narrative economics).

Автор информирует, что используемые в данной работе источники (CNN, The Guardian, Reuters) включены Минюстом РФ в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента или распространяются организациями, в отношении которых РФ введены санкционные ограничения / статус иноагента. Цитирование осуществляется в научных и информационных целях.

Библиографический список / Reference

1. Бе Чуньхун, Грязнова А.Т. Лингвокультурологический потенциал зооморфной метафоры в русской и китайской фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 12. С. 4428-4436. – DOI: 10.30853/phil20240578.
2. Беляевская Е.М. Когнитивные основания изучения метафоры в терминосистемах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 9 (588). С. 7-20.
3. Боднар О.Б., Дуда О.І., П'ятничка Т.В. Англо-український переклад зооморфних метафор в економічному тексті // Закарпатські філологічні студії. 2024. Т. 1. Вып. 34. С. 157161.
4. Бородулина Н.Ю., Гливенкова О.А., Макеева М.Н. Колоронимы в метафорической репрезентации языка экономики (на материале русского, английского и французского языков) // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Ч. 2. С. 394-405. – DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-394-405.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М.: Флинта; Наука, 2008. 248 с.
6. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / под ред. В.Г. Гака. – М.: Наука, 1988. С. 11-26.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём = Metaphors We Live By / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. (Оригинал: Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.)
9. Новодранова В.Ф. Когнитивные основания терминологической метафоры // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21. С. 110-115.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ; Восток–Запад, 2007. 314 с.
11. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. 243 с.
12. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.
13. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта; Наука, 2006. 256 с.
14. Чэн Вэй, Хуан Цзин. Зооморфная метафора в русской и китайской языковых картинах мира // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 59-64.
15. Chen J. Bull trap vs. bear trap: key differences // Investopedia. 2019. 28 June. // URL: https://www.investopedia.com (10.05.2025).
16. CGTN. 'Grey rhino' – the visible danger we ignore // CGTN. 2017. 3 July. // URL: https://news.cgtn.com (12.05.2025).
17. Flynn J., Sastry K. Animal spirits, narratives, and the macroeconomy // IMF F&D Magazine. 2025. March. // URL: https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2025/03/how-animal-spirits-affect-the-economy-karthik-sastry (20.05.2026).
18. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
19. Liberty Street Economics (Federal Reserve Bank of New York). The bull and the bear: symbols of optimism and pessimism. 2014. // URL: https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org (10.05.2026).
20. Marketplace / Business Insider. Sharkwatch 50: tracking activist hedge funds [Электронный ресурс]. 2016. URL: https://www.marketplace.org (Дата обращения: 11.05.2026).
21. Marketplace. When you smell blood in the water, you become a shark [Электронный ресурс]. 2016. // URL: https://www.marketplace.org (Дата обращения: 11.05.2026).
22. Morris M., Urbach J., Kimmel M. The bull and the bear: how animal metaphors structure financial discourse // Metaphor and Symbol. 2007. Vol. 22. № 2. P. 105-132.
23. Muelas Gil M. Metaphor, economy and persuasion: a socio-cognitive approach to metaphor in times of elections. – Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 2018. 210 p.
24. Nguyen T.T.H. An investigation into the use of animal metaphors in business English articles. – Da Nang: University of Foreign Language Studies, 2023. 85 p.
25. Reuters. Will it be a fierce Dragon year for the markets? [Электронный ресурс]. 2012. // URL: https://www.reuters.com (Дата обращения: 12.05.2026).
26. Shah D. Interview on animal metaphors in finance // Marketplace show [Электронный ресурс]. 2022. // URL: https://www.marketplace.org (Дата обращения: 10.05.2026).
27. Shah D. Bear Markets and Beyond: A Guide to Financial Zoology. – New York: Finance Press, 2020. 198 p.
28. Steele R. The Tatler. № 132. – London, 1709.
29. Taleb N.N. The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. – New York: Random House, 2007. 400 p.
30. Wucker M. The Gray Rhino: How to Recognize and Act on the Obvious Dangers We Ignore. – New York: St. Martin's Press, 2016. 304 p.
31. The Guardian. Baby bull or bum steer? 2010. // URL: https://www.theguardian.com (10.05.2026).
32. The Guardian. After last year's grizzly bear market. 2010. // URL: https://www.theguardian.com (10.05.2026)
33. Metaphorical and metonymical representation of the concept Market in the English investment discourse // Вестник Самарского университета: История, педагогика, филология. –2024. Vol. 30. № 2. С. 105-112. – DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-2-105-112.

Уральский К.Ю.
Аспирант кафедры лингвистики и перевода, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, г. Саранск.

Роль окказиональных фразеологизмов в создании художественного образа в английской литературе*

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли окказиональных фразеологизмов в создании художественного образа английской литературы. Рассматриваются особенности функционирования устойчивых выражений, их особенности передачи эмоциональной окраски, характерных черт персонажей и атмосферы произведения. Анализируются конкретные примеры из произведений известных английских писателей, демонстрируя значимость окказиональных фразеологизмов как средства художественной выразительности и усиления эстетической ценности литературного творчества. В результате исследования составлена авторская таблица с примерами окказиональных фразеологизмов из английской художественной литературы, определен контекст выделенных примеров и описано авторское понимание значения.

Ключевые слова: окказиональный фразеологизм, фразеологизм, художественный текст, художественный образ, английский текст.

Uralskiy K.Y.
Postgraduate student of the Department of Linguistics and Translation, Mordovian State Pedagogical University, Saransk.

The role of occasional phraseological units in the creation of artistic images in English literature

Abstract. The article examines the occasional phraseological unit, the processes of its formation, its place in the phraseological system of the language and its role in the context. The research material is modern English-language fiction. As a result of the study, the author's table with examples of occasional phraseological units from English fiction has been compiled, the context of the selected examples has been determined and the author's understanding of the meaning has been described. The table is a selection of occasional phraseological units from various works of English fiction. These phraseological units are unique and were invented by the authors to enhance the expressiveness and depth of their works. They often carry symbolic meaning, helping readers to more deeply understand the ideas and images of the text, and also leave an indelible mark on the literary tradition.

* © Уральский К.Ю., 2026.

Expanding the boundaries of the usual language through such expressions gives literary works a special brightness and versatility, allowing authors to push the boundaries of the narrative and influence the emotional perception of the reader.

Key words: historical thinking, historical consciousness, knowledge, historical source, historical problem, analytical thinking, university education.

Введение

Английские авторы обогащают свой литературный арсенал, максимально раскрывая потенциал родного языка. Они формируют уникальный стиль через создание экспрессивных образов и эмоциональных конструкций. Художественная речь постоянно требует свежих выразительных инструментов, что способствует появлению инновационных лексических единиц и фразеологизмов. В современных языковых тенденциях словотворчество занимает одну из ключевых позиций, непрерывно развивая и трансформируя английский язык. Термин «окказионализм» (от лат. occasio – случайность) имеет различные трактовки в научной литературе [3, с. 107].

Обзор литературы

В научном дискурсе принято считать, что именно работа 1957 года «Окказиональные слова и лексикография», автором которой является Н.И. Фельдман, впервые ввела в обиход термин «окказиональное слово». Рассмотрим понятие «окказионализм». По мнению учёных, окказионализм – это специфическое языковое образование, созданное по нетипичным или редко используемым моделям для конкретной коммуникативной ситуации или повседневного общения. Внедряя окказионализмы в литературные произведения, авторы стремятся привлечь внимание читателя, обеспечить необычную и более глубокую характеристику персонажей или описываемых явлений, усиливая тем самым языковую выразительность текста [4, с. 27].

Следует отметить, что противопоставленные окказионализмам узуальные лексемы функционируют по иным принципам. Создание окказиональных конструкций намеренно искажает языковые нормы, стремясь к выразительности высказывания. По мнению Н.М. Шанского, такие индивидуально-стилистические неологизмы нельзя считать традиционными языковыми единицами. Н.М. Шанский характеризует их как особые морфосочетания слов, лишенные способности к воспроизведению в речи других носителей языка [14].

Анализируя научную литературу, можно заметить множество интерпретаций понятия «окказионализм», происходящего от латинского «occasio» (случай). Основываясь на различных исследовательских подходах [1, 6, 9], нами используется следующая формулировка: это уникальное слово или выражение, созданное автором для конкретной ситуации и функциони-

рующее исключительно в специфическом контексте. Среди характерных черт таких лингвистических единиц особенно выделяются их отклонение от нормы и однократность использования.

Окказионализмы формируются различными путями, включая аффиксацию, словосложение, контаминацию, редупликацию и конверсию, как отмечается в научных исследованиях. Их характеризует индивидуальная принадлежность автору, контекстуальная обусловленность и выразительная функция в речи [3, с. 108].

Современные лингвистические исследования, включая труды Кунина А.В. (1996), Семушиной Е.Ю. (2015) и работы Миргалимовой Л.М. (2021) выявляют две основные формы функционирования фразеологизмов в языке: традиционную узуальную (core) и трансформированную окказиональную (instantial). Преднамеренная модификация фразеологических единиц в окказиональном использовании обусловливается различными факторами: контекстуальным окружением, сочетаемостью с другими лексическими элементами, а также внутренней целостностью самого фразеологизма и прочими аспектами [7, 11, 10].

В современном языкознании особое внимание уделяется нестандартным языковым конструкциям. Читательское восприятие неизбежно концентрируется на оригинальных языковых формах, выделяющихся своей новизной. Такие выражения формируют уникальный диалог между создателем произведения и его получателем. Креативное обращение с устойчивыми словосочетаниями превращается в эффективный механизм влияния на читателя, поскольку окказионализмы обладают способностью притягивать внимание благодаря своей неожиданности. Языковые выразительные средства получают значительное расширение благодаря нестандартному использованию устойчивых выражений, что одновременно придает произведению особую стилистическую ценность. Эти лингвистические инновации часто становятся маркерами индивидуального авторского стиля и отражают языковую эволюцию современности [5, 8].

Также особое внимание уделяется феномену индивидуально-авторского словотворчества. Окказиональные слова представляют собой уникальное явление, находящееся на пересечении языковой системы и творческой свободы автора.

Согласно концепции А.П. Сковородникова, окказионализмы являются неузуальными речевыми конструкциями, возникающими вне рамок общепринятого словоупотребления. Создатель таких лексических единиц – сам автор текста, стремящийся к точному выражению особого, индивидуального смысла, который невозможно передать стандартными языковыми средствами. Стилистическая нагрузка – одна из важнейших характеристик авторских окказионализмов. Эти лингвистические новообразования не

просто дополняют текст, но несут в себе концентрированную художественную информацию, раскрывающуюся именно в конкретном контекстном окружении. Важно подчеркнуть контекстуальную природу окказиональных слов: вне своего оригинального текстового пространства они часто утрачивают свою семантическую полноту и выразительность [12].

Таким образом, авторские окказионализмы можно рассматривать как своеобразный код к пониманию индивидуальной художественной картины мира творца, его уникального восприятия действительности и способа её вербализации.

Монография «Контекстуальное использование фразеологических единиц», опубликованная в 2009 году, предлагает комплексную классификацию окказиональных трансформаций фразеологизмов. Среди выделенных механизмов особый интерес представляют такие приемы как игра слов, эллипсис и контаминация, позволяющие авторам создавать уникальные стилистические эффекты. Исследователи выделяют целый спектр методов контекстуальной модификации: от субституции компонентов до создания расширенных метафор на основе фразеологизмов. Особенно эффективным считается прием фразеологического насыщения контекста, когда несколько трансформированных устойчивых выражений образуют сложную семантическую сеть. Разорванное использование фразеологизмов (вставка) и фразеологический повтор представляют собой особые стилистические инструменты, позволяющие усилить экспрессивность текста. При этом аллюзии и усечения (разновидности эллипсиса) создают дополнительный уровень интертекстуальности. Примечательно, что данные трансформационные механизмы редко встречаются в изолированном виде. Как правило, они взаимодействуют и комбинируются, образуя сложные стилистические конструкции. Такое взаимопроникновение различных способов окказиональной трансформации не только обогащает текст, но и создает многоуровневую систему смыслов, значительно повышая художественную ценность произведения [8, 2].

Материалы и методы

Для изучения особенностей исторического мышления было проведено исследование на базе произведений классической и современной английской литературы, таких как:

1. Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес».
2. Джордж Оруэлл «1984».
3. Харпер Ли «Убить пересмешника».
4. Дж. Р. Р. Толкин «Властелин колец».
5. Фрэнсис Скотт Фицджеральд «Великий Гэтсби»
6. Дж. Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи».
7. Шарлотта Бронте «Джейн Эйр».

Методы: Анализ, синтез, критическая оценка, сравнение, систематиза-

ция информации.

Результаты исследования

Индивидуально-авторские фразеологические единицы представляют собой особый пласт языковых конструкций, которые рождаются в творческой лаборатории писателя и существуют преимущественно в рамках конкретного текста. В отличие от традиционных идиом, эти выразительные средства не входят в общий лексикон, оставаясь характерной особенностью авторского стиля. Вникая в контекст и расшифровывая скрытые значения, анализ английской прозы выявил богатую коллекцию самобытных авторских фразеологизмов. Индивидуальные фразеологические конструкции представляют собой полноценный компонент литературной композиции, обогащая концептуальное содержание текста и углубляя возможности его интерпретации аудиторией. Благодаря разнообразию функций подобных окказионализмов появляется возможность выявить скрытые семантические оттенки литературного произведения и понять авторский художественный замысел. Нередко именно эти языковые средства оказываются ключевым механизмом для раскрытия психологического портрета персонажей и авторской позиции [13].

В рамках проведенного исследования составлена авторская таблица с примерами окказиональных фразеологизмов из английской художественной литературы, выявлен контекст употребления и их роль в создании художественного образа (таблица 1).

Обсуждение и заключение

Исследование выявило важные аспекты употребления окказиональных фразеологизмов. Как мы видим, окказиональный фразеологизм– промежуточная стадия становления узуального фразеологизма. Окказиональный фразеологизм является важным средством для построения произведения, поскольку позволяет более емко выразить мысль при экономии речевых средств, немногими словами обозначая уже известную ситуацию. Окказиональный фразеологизм порождается контекстом и зависит от него, но с каждым последующим использованием степень зависимости уменьшается, поэтому окказиональный фразеологизм принадлежит не только речи, но и потенциально вхож в систему языка. Индивидуально-авторские трансформации фразеологизмов – явление для языковой системы естественное и частотное, так как именно изменение формы и содержания языкового знака обеспечивает динамизм языковой системы, её существование. Анализ показал, что авторские языковые решения становятся инструментом для передачи художественного замысла, выделяя специфику мировоззрения персонажей, социальные противоречия и моральные дилеммы произведения. Наше исследование подтверждает, что писатели формируют оригинальные речевые образы, которые помогают выявить характерные черты героев и развить фабулу посредством формирования особой стилистической среды

Таблица 1. Анализ роли окказиональных фразеологизмов в создании художественного образа в английской литературе.

Произведение	Автор	Пример окказионального фразеологизма	Контекст и роль в создании художественного образа
«Алиса в стране чудес»	Льюис Кэрролл	«mad as a hatter»	Подчеркивает абсурдность и иррациональность мира Чудес.
«1984»	Джордж Оруэлл	«doublethink»	Описывает способность держать в уме две противоречащие идеи одновременно, размышляя о манипуляциях в тоталитарном обществе
«Убить пересмешника»	Харпер Ли	«a sin to kill a mockingbird»	Означает уничтожение чего-то беззащитного, как символ невинности.
«Властелин колец»	Дж. Р.Р. Толкин	«one ring to rule them all»	Образует центральный символ власти и соблазна в эпической борьбе добра против зла.
«Над пропастью во ржи»	Дж. Д. Сэлинджер	«catcher in the rye»	Символизирует стремление уберечь детей от потери невинности и взрослой жизни.
«Великий Гэтсби»	Фрэнсис Скотт Фицджеральд	«out of the corner of your eye»	Что-то было замечено неосознанно или краем глаза, что подчеркивает мимолетность и неуловимость. В контексте романа это может отражать темы иллюзий, которые являются центральными для сюжета.
«Джейн Эйр»	Шарлотта Бронте	«a ridge of lighted tenements»	Используется для описания внутреннего огня и волевого духа героини.

повествования. Подобная практика углубляет восприятие художественных произведений и авторского мастерства. Среди конкретных задач, которые решают авторы, можно выделить следующие: придание фразеологизму дополнительной выразительности и усиление эмоциональной насыщенности, уточнение и раскрытие смысла устойчивого словосочетания, модификация стилистической принадлежности или оценочного компонента фразеологической конструкции, преобразование образной составляющей идиомы – от незначительного до радикального. Помимо перечисленного, трансформация фразеологических оборотов может служить средством создания языковой игры, способом сделать высказывание более кратким, а также инструментом придания тексту поэтичности.

Библиографический список:

1. Антюфеева Ю.Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм: дис. … канд. филол. наук. – Тула: [б.и.]. 2004. 184 с.
2. Бакина А.Д., Федуленкова Т.Н. Простые и сложные окказиональные преобразования библейских фразеологизмов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Лингвистика. 2023. № 4.

3. Гафурова Ю.Р. Комплексные окказионализмы в современной британской литературе (на материале романов З. Смит «White Teeth», С. Ахерн «Where Rainbows End» и Дж. Ланчестера «Capital») / Ю.Р. Гафурова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: материалы VI Международной научной конференции молодых ученых (Екатеринбург, 10 февраля 2017 г.). Часть 1: Современные лингвистические исследования. – Екатеринбург: Издательство УМЦ-УПИ/ 2017. С. 107-113.

4. Гринько М.А. Окказиональные слова в поэзии и прозе (на примере русского и английского языков). Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 5-2 (104). С. 27-31. – DOI: 10.24412/2500-1000-2025-5-2-27-31.

5. Дегальцева А.В., Кормилицына М.А. Приемы трансформации фразеологизмов в современной прессе // Медиалингвистика. 2023. № 10 (3).

6. Дорофеева Е.Н. Окказиональное слово в современной русскоязычной газетножурнальной коммуникации (коммуникативно-прагматический и социокогнитивный аспекты): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Киев: [б.и.]. 2003. 21 с.

7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Изд-е 2-е, перераб. Дубна: Феникс, 1996.

8. Куранова Т.П. Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на материале печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда») // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33).

9. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д.: Феникс. 2010. 562 с.

10. Миргалимова Л.М. Трансформации английских и русских фразеологических единиц на основе нарушения уровней устойчивости, разработанных А. В. Куниным // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 6.

11. Семушина Е.Ю. Особенности передачи окказионально расширенной метафоры (на материале английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1 (51).

12. Сковородников А.П. Окказионализмы / Выразительные средства русского языка и речевые ошибки, недочеты // под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука. 2005. С. 193-194.

13. Уральский К.Ю. Язык и общество: формы взаимодействия / К. Ю. Уральский, Л. М. Бояркина // Перспективы развития высшей школы: материалы V Международной научно-практической конференции. В 3 томах. Т. 3 / отв. редактор Л.К. Иляшенко. – Тюмень: ТИУ, 2024. С. 195-200.

14. Шанский Н.М. Ленинские неологизмы // Русский язык в школе. 1970. № 2. С. 43-57.

Reference

1. Antyufeeva Yu.N. English neologisms in development: potential word, occasionalism, neologism: diss. … Cand. of Philological Sciences. – Tula: [b.i.]. 2004. 184 p.

2. Bakina A.D., Fedulenkova T.N. Simple and complex occasional transformations of biblical phraseological units // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Linguistics. 2023. № 4.

3. Gafurova Yu.R. Complex occasionalisms in modern British literature (based on the novels “White Teeth” by Z. Smith, “Where Rainbows End” by S. Ahern and “Capital” by J. Lanchester) / Yu.R. Gafurova // Actual issues of philological science of the 21st century: Proceedings of the VI International Scientific Conference of Young Scientists (Ekaterinburg, February 10, 2017). Part 1: Modern Linguistic Research. – Ekaterinburg: UMTS-UPI Publishing House/ 2017. P. 107-113.

4. Grinko M.A. Occasional Words in Poetry and Prose (Based on Russian and English). International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 5-2 (104). P. 27-31. – DOI: 10.24412/2500-1000-2025-5-2-27-31.

5. Degaltseva A.V., Kormilitsyna M.A. Techniques for Transforming Phraseologisms in the Modern Press // Medialinguistics. 2023. № 10 (3).

6. Dorofeeva E.N. Occasional Word in Contemporary Russian-Language Newspaper and Magazine Communication (Communicative-Pragmatic and Sociocognitive Aspects): Abstract of Cand. Sci. (Philological Sciences). – Kyiv: [biographical]. 2003. 21 p.

7. Kunin A.V. Course in Phraseology of the Modern English Language. 2nd ed., revised. Dubna: Phoenix, 1996.

8. Kuranova T.P. Methods of Transforming Phraseological Units in Contemporary Newspaper Headlines (Based on the Printed Publications “Arguments and Facts” and “Pravda”) // Upper Volga Philological Bulletin. 2023. № 2 (33).

9. Matveeva T.V. Complete Dictionary of Linguistic Terms. – Rostov n / D: Phoenix. 2010. 562 p.

10. Mirgalimova L.M. Transformations of English and Russian Phraseological Units Based on the Violation of Stability Levels Developed by A.V. Kunin // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2021. Vol. 14. Issue 6.

11. Semushina E.Yu. Features of the Conveyance of Occasionally Extended Metaphors (Based on English and Russian Languages) // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2015. № 9-1 (51).

12. Skovorodnikov A.P. Occasionalisms / Expressive Means of the Russian Language and Speech Errors, Shortcomings // edited by A. P. Skovorodnikov. – Moscow: Flinta: Science. 2005. P. 193-194.

13. Ural’skiy K.Yu. Language and Society: Forms of Interaction / K.Yu. Ural’skiy, L.M. Boyarkina // Prospects for the Development of Higher Education: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. In 3 volumes. Vol. 3 / hole. editor L.K. Ilyashenko. – Tyumen: TIU, 2024. P. 195-200.

14. Shansky N.M. Lenin’s neologisms // Russian language at school. 1970. № 2. P. 43-57.

Ли Цзяси
Аспирант. Московский педагогический государственный университет.

Особенности словообразовательных моделей глаголов-сложений в современном русском языке*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности словообразовательных моделей глаголов-сложений в современном русском языке. **Цель** исследования – выявление основных структурных типов сложных глаголов, их семантических особенностей, формальных признаков, включая ударение, морфемные границы и аффиксацию, а также определение продуктивности данных моделей в современной речи. **Методология** базируется на структурно-семантическом анализе, сопоставительном методе с привлечением данных других славянских языков, а также на анализе медиатекстов и интернет-коммуникации. **Результаты** позволили выделить три основных типа семантических отношений между компонентами сложных глаголов: равноправие действий, характеристика способа действия и причинно-следственная связь. Подробно раскрыта эмоционально-оценочная функция глаголов-сложений, которая делает речь более образной, выразительной и эмоционально насыщенной. Выявлены основные сферы употребления: разговорная речь, художественная литература, профессиональный жаргон и индивидуально-авторская речь. Установлена значительная роль медиатекстов и социальных сетей в формировании и популяризации новых глаголов-сложений. Описаны современные тенденции развития, включая активный рост неологизмов и гибридизацию с англицизмами в цифровой среде. Делается итоговый вывод о специфике и важном значении глаголов-сложений в развитии словообразовательной системы современного русского языка.

Ключевые слова: глаголы-сложения, словообразование, русский язык, семантика, морфология, неологизмы, языковая динамика, славянские языки, медиатексты, социальные сети.

Li Jiaxi
Postgraduate student. Moscow State Pedagogical University.

Features of word-formation models of verb-additions in modern Russian

Abstract. The article examines the features of word-formation models of verb-additions in modern Russian. The purpose of the study is to identify the main structural

* © Ли Цзяси , 2026.

types of complex verbs, their semantic features, formal features, including stress, morphemic boundaries and affixation, as well as to determine the productivity of these models in modern speech. The methodology is based on structural and semantic analysis, a comparative method involving data from other Slavic languages, as well as on the analysis of media texts and Internet communication. The results allowed us to identify three main types of semantic relations between the components of complex verbs: equality of actions, characterization of the mode of action and causality. The emotional-evaluative function of verb-additions, which makes speech more imaginative, expressive and emotionally intense, is revealed in detail. The main areas of use are revealed: colloquial speech, fiction, professional jargon and individual author's speech. The significant role of media texts and social networks in the formation and popularization of new verb-additions has been established. Current development trends are described, including the active growth of neologisms and hybridization with Anglicisms in the digital environment. The final conclusion is made about the specifics and important significance of verb-additions in the development of the word-formation system of the modern Russian language.

Key words: complex verbs, word formation, Russian language, semantics, morphology, neologisms, language dynamics, Slavic languages, media texts, social networks.

Актуальность изучения глаголов-сложений в современном русском языке обусловлена рядом лингвистических и методологических факторов. Во-первых, глаголы, являясь одной из наиболее сложных и емких грамматических категорий русского языка, характеризуются богатством семантических значений и морфологических формообразовательных моделей. И.С. Улуханов характеризует современное глагольное словообразование как организованную систему с разветвлённой подсистемной структурой [1]. Одну из таких подсистем образуют словообразовательно мотивированные глаголы, в частности сложения – единицы, формируемые посредством префиксации, суффиксации и их комбинаций. Анализ соответствующих моделей даёт возможность описать семантические и стилистические закономерности глагольной системы, выявить формальные средства и характер синтаксических связей между её элементами.

Необходимость системного описания продуктивных словообразовательных моделей глагола обусловлена как теоретическими, так и прикладными задачами. В теоретическом отношении такое описание позволяет точнее реконструировать механизмы порождения новых лексических единиц и установить их функциональные характеристики в языке. Изучение глаголов-сложений, в частности, открывает доступ к закономерностям взаимодействия формантов и мотивирующих слов, семантической структуре производных и диапазону их стилистического употребления. В прикладном отношении эти данные востребованы в лексикографии и в практике преподавания русского языка.

Исследование глаголов-сложений фиксирует не статичное состояние языковой системы, а её движение: через эти единицы прослеживаются процессы языковой инновации, вариативности и нормативного освоения новых форм. Именно поэтому данная область остаётся актуальной для лингвистического описания современного русского языка.

Глагол-сложение – это морфологический способ словообразования, при котором новое глагольное слово образуется путем соединения двух и более основ, корней или частей слов с сохранением их значений, иногда с добавлением соединительных гласных или аффиксов. В отличие от простого словообразования с помощью суффиксов или приставок, сложение создает сложное слово, состоящее из нескольких значимых частей, что часто отражает объединение двух действий или понятий. В русской системе сложение используется для образования новых глаголов с более точным или расширенным значением, а также для обозначения новых действий или процессов, объединяющих смысловые основы исходных слов Сложение – способ образования новых слов путём сложения двух (или нескольких) слов, основ производящих слов с соединительной гласной или без неё [2].

Глаголы-сложения сформировались на основе исторических процессов развития словообразовательной системы русского языка, тесно связанной с производством технических и социальных новшеств. Со временем потребность обозначать новые действия и процессы вызвала активное использование сложения основ как способа образования глаголов, особенно в научно-технической и профессиональной лексике. Исторически это способствовало развитию более сложной морфологической структуры, позволяющей создавать термины с точным смысловым наполнением и отражать динамику языкового развития и коммуникационных потребностей общества [3].

Основное отличие сложения от суффиксации и префиксации заключается в том, что сложение объединяет целые корни или основы слов в новое сложное слово, тогда как суффиксация и префиксация добавляют аффиксы к одной основе. Суффиксация изменяет или уточняет значение исходного слова, префиксация часто меняет значение и вид глагола, а конверсия предполагает переход слова из одной части речи в другую без изменения формы. Сложение же производит морфологически сложные и семантически емкие единицы, где каждая часть основы участвует в значении нового слова, что придает сложному глаголу комбинированный или расширенный смысл.

Современная лингвистика классифицирует сложные слова, в том числе глаголы-сложения, по нескольким признакам.

По структуре простое сложение основ (комбинация без аффиксов) и сложеноаффиксальные слова, где к сложению добавляются суффиксы или приставки.

По семантическому основанию глаголы-сложения делятся на два типа.

В сочинительных конструкциях обе части равноправны и отражают однотипные или взаимодополняющие действия – как в случае *умиротворить*, где компоненты *мир* и *твори* соотносятся как смысловые партнёры. В подчинительных конструкциях одна часть семантически доминирует, а вторая уточняет или конкретизирует значение первой.

По морфологическому типу выделяются сложения с соединительной гласной (*хлеборез*), без неё (*радиоузел*), а также образования с дополнительной суффиксальной или префиксальной аффиксацией. Последние представляют особый интерес, поскольку аффиксация меняет не только форму, но и семантический объём единицы.

Данная классификация позволяет описать словообразовательные модели не как инвентарный список, а как систему, в которой каждый тип занимает определённое место и выполняет определённую функцию в грамматике и лексике современного русского языка.

Одна из продуктивных структурных моделей – сложение двух глагольных основ. Здесь два глагола или основы глагольного происхождения объединяются в единое слово, фиксируя комбинацию действий или состояний, которую простой глагол передать не в состоянии. Семантический результат при этом не сводится к механической сумме компонентов: значение сложения, как правило, организуется по внутренней логике модели и может существенно отличаться от того, что дало бы простое перечисление исходных глаголов. Такие глаголы часто встречаются в разговорной или авторской речи и имеют ярко выраженный семантический комплекс, объединяющий значения исходных основ.

Примеры глаголов-сложений данного типа включают такие конструкции, как сидележать (образованное от глаголов сидеть и лежать) или житьбыть (от жить и быть). Эти слова обычно используются для обозначения длительного совмещения или чередования состояний или действий, проявляя при этом разговорный или стилистически своеобразный характер. Структурно они объединяют корни с сохранением их лексического значения, что создает новые семантические и стилистические оттенки в языке.

Таким образом, модель сложения двух глагольных основ является продуктивным и выразительным способом создания новых глаголов в русском языке, обеспечивающим расширение словарного запаса и точное передание сложных действий и состояний.

Вторая структурная модель глаголов-сложений характерна соединением основы глагола с основой имени – существительного или прилагательного.

Рассматриваемый способ словообразования наиболее последовательно реализуется в авторской и разговорной речи: глагольная основа соединяется с именным компонентом – существительным или прилагательным, – и образующийся глагол получает значение, которого ни одна из составляю-

щих по отдельности не содержит. *Босоходить*, *малоесть*, *тихоспать* – в каждом из этих примеров имя не уточняет действие, а переосмысляет его: сужает семантику, добавляет качественное измерение. Продуктивность модели объясняется именно этим: она заполняет лексические лакуны там, где ни отдельный глагол, ни описательная конструкция не передают нужного значения в одном слове.

Самостоятельного рассмотрения требуют случаи, когда второй компонент сложного глагола – служебное слово: предлог, частица или союз. Такие образования занимают промежуточное положение между сложением и приставочным способом. *Понаехать*, *разгуляться*: по структуре – сложные единицы, по семантической логике – близкие к приставочным глаголам, поскольку служебный элемент вносит значения интенсивности, направленности или глагольного вида. Именно эта переходность делает подобные формы показательными для описания словообразовательных процессов в современном русском языке.

В области фонетики глаголы-сложения не обнаруживают единой закономерности: ударение может фиксироваться на первом или втором корне либо варьироваться – в зависимости от конкретного слова и контекста употребления. Это явление отличает данные глаголы от одноосновных, где ударение более стабильно.

Во-вторых, морфемные границы в глаголах-сложениях четко разделяют входящие в состав основы. Часто между основами сохраняется соединительная гласная, которая выступает связующим элементом, например, в слове босоходить. При этом аффиксация (наложение суффиксов или приставок) может происходить на весь сложный глагол, либо на одну из его частей, что определяет дополнительные морфологические особенности и возможности словообразования.

Формальные признаки глаголов-сложений – специфические акцентные модели, морфемное членение основ, разнообразие аффиксальных средств – в совокупности обеспечивают продуктивность и выразительность этого словообразовательного типа.

Семантические отношения между компонентами сложного глагола неоднородны. В одних случаях обе части равноправны: *смеяться-плакать* фиксирует одновременное или поочерёдное проявление двух состояний, ни одно из которых не подчинено другому. В других первая часть характеризует способ осуществления действия, выраженного второй: в конструкции типа *летать-низко* наречный компонент определяет качество действия, не претендуя на самостоятельность. Третий тип отношений – причинно-следственный: один компонент называет причину, другой – её результат, и между ними устанавливается логическая зависимость, а не простое сложение смыслов. Примером являются глаголы с вложенным значением при-

чины, например заплакать-отчего-то, где «заплакать» – действие, а «отчего-то» является причиной данного действия [4].

Таким образом, семантические отношения в глаголах-сложениях обеспечивают их функциональную многозначность и гибкость, позволяя точно передавать сложную структуру действий и состояний в современном русском языке.

Значение целостного действия присуще глаголам совершенного вида, которые обозначают действие, доведенное до определенного предела, рассматриваемое как единый, неразложимый акт. В таком глаголе фазы действия (начало, середина, конец) не выделяются, они сливаются воедино, что отличает целостное действие от словосочетаний, в которых компоненты выражают отдельные этапы или характеристики действия. В отличие от словосочетаний, где два слова могут объединяться свободно и сохранять самостоятельность, глагол-сложение представляет собой целостную морфосемантическую единицу со свойством неделимости и устойчивого значения [5].

Глаголы-сложения обладают выраженной эмоционально-оценочной и экспрессивной функцией, которая достигается за счет объединения нескольких смысловых компонентов в одном слове. Это позволяет передать сложные чувства, отношения или оценочные оттенки действия, сделать высказывание более живым и образным. Наиболее отчётливо экспрессивная функция глаголов-сложений проявляется в разговорной речи и авторских неологизмах: здесь они служат инструментом создания оригинальных лексических единиц, способных передать индивидуальную позицию говорящего и усилить эмоциональный эффект высказывания.

Частотность употребления глаголов-сложений заметно варьируется в зависимости от стиля и жанра. В разговорной речи и публицистике они встречаются особенно часто – благодаря смысловой ёмкости и выразительности. В интернет-коммуникации их присутствие ещё значительнее: цифровая среда с её темпом и установкой на краткость создаёт благоприятные условия для появления и закрепления подобных форм [6].

Функциональный диапазон этих единиц широк. В разговорной речи они усиливают эмоциональную окраску высказывания. В художественной литературе работают на образность и стилистическую точность. В жаргоне выполняют функцию внутригрупповой маркировки. В авторской речи становятся средством индивидуализации стиля – способом сказать то, для чего в общем лексиконе нет готового слова.

Медиатексты – социальные сети, блоги, форумы – активно участвуют в формировании новых глаголов-сложений. *Постить-репостить*, *гуглить-перегуглить* фиксируют реалии цифрового общения и отражают процесс заимствования и адаптации иноязычных основ в русской словообразовательной системе. Продуктивность таких форм объясняется их структурной прозрач-

ностью и соответствием коммуникативным потребностям аудитории [1].

Среди актуальных тенденций выделяется нарастающая гибридизация: глаголы-сложения всё активнее включают англицизмы и другие заимствования. За этим стоят глобализация, расширение интернет-коммуникации и необходимость номинировать действия и процессы, для которых в русском языке пока нет устоявшихся обозначений.

Таким образом, глаголы-сложения представляют собой живой и продуктивный компонент современного русского язык, проявляющийся в разнообразных стилях, сферах и медийных форматах речи. Они активно развиваются и адаптируются к меняющимся коммуникационным требованиям общества.

Образование глаголов путем сложения двух основ в славянских языках встречается достаточно редко. В украинском, белорусском, болгарском и русском языках данный способ существует, однако он не является продуктивным и составляет небольшой класс слов. В основном славянские языки используют морфологические методы словообразования, унаследованные из праславянского языка, главным образом префиксацию и суффиксацию. Тем не менее, в каждом из этих языков имеются сложные глаголы, образованные сложением основ, где соединительная гласная (-о-, -а-) играет роль связующего элемента. Отличительной чертой является то, что такие глаголы, в отличие от существительных или прилагательных, объединение глагольных основ в одном слове происходит редко и является исключением.

Сходства между славянскими языками проявляются в преобладании аффиксации как основного способа образования глаголов, а также в использовании соединительных гласных при сложении основ. Различия же касаются продуктивности и частотности использования сложения глаголов, где в русском языке данный способ обозначен более широко, особенно в разговорной речи и авторских неологизмах. В других славянских языках префиксальный способ доминирует с большей явностью, иногда с использованием множественных приставок для передачи сложных значений. Таким образом, словообразовательные механизмы близки, но имеют языковые и стилистические вариации, отражающие специфику каждого славянского языка.

Подводя итог, глагольное сложение в славянских языках является сравнительно редкой, но существующей структурой, с общими морфологическими основами и различиями в степени использования и стилистическом применении.

В ходе исследования выявлены основные структурные и семантические модели глаголов-сложений в современном русском языке. Образование таких глаголов происходит преимущественно через сложение двух основ различных категорий – глагольных, существительных, прилагательных и

служебных слов. Морфологические признаки включают особенности ударения, морфемные границы и возможности аффиксации. Семантически компоненты сложного глагола могут находиться в отношениях равноправия, характеристики способа действия или причинно-следственной связи. Продуктивность глаголов-сложений заметна в разговорной, художественной, жаргонной и авторской речи, при этом активно развиваются под влиянием медиатекстов и соцсетей, что приводит к росту неологизмов и гибридизации с англицизмами. Сопоставительный анализ со славянскими языками выявляет общие морфологические принципы при очевидной языковой специфике каждого из них.

В итоге глаголы-сложения представляют собой структурно разнообразный и семантически гибкий тип, занимающий устойчивое место в словообразовательной системе русского языка. Их продуктивность определяется одновременно внутренними языковыми механизмами и внешними факторами – влиянием цифровой среды и межъязыкового взаимодействия. Именно это сочетание делает их надёжным индикатором живого состояния языка и перспективным объектом для дальнейших лингвистических исследований.

Библиографический список:

1. Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. I: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. 330 с.
2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. 528 с.
3. Минакова Л.Н. Сложение основ и слов как способ образования технической терминологии. 2019. 4 с.
4. Новиков А.Л., Рыбаков М.А. Семантические типы сложных слов в русском языке // Русистика. 2011. № 2. С. 25-30.
5. Мирахмадова Н.Н. Способы словообразования глаголов русском языкознание // Endless light in science. 2025. № 30 апрель ЭН2. С. 250-251.
6. Карпов А.К. Морфология современного русского языка: Учебное пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2019. 202 с.
7. Попов С.И. Магия чисел как важная ступень перехода от мифа к логосу в ранней античности // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 107-112.

Reference

1. Ulukhanov I.S. Verbal word formation of the modern Russian language. Vol. I: Verbs motivated by names and interjections. – M.: Publishing center “Azbukovnik”, 2015. 330 p.
2. Valgina N.S., Rosenthal D.E., Fomina M.I. Modern Russian language: Textbook / Edited by N.S. Valgina. - 6th ed., revised. and additional – M.: Logos, 2002. 528 p.
3. Minakova L.N. Addition of stems and words as a way of forming technical terminology. 2019. 4 p.
4. Novikov A.L., Rybakov M.A. Semantic types of compound words in the Russian language // Russian Studies. 2011. № 2. P. 25-30.
5. Mirakhmadova N.N. Methods of Word Formation of Verbs in Russian Linguistics // Endless Light in Science. 2025. № 30 April EN2. P. 250-251.
6. Karpov A.K. Morphology of the Modern Russian Language: A Study Guide. – 3rd ed., corrected and expanded. – Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State University, 2019. 202 p.
7. Popov S.I. The magic of numbers as an important step in the transition from myth to logos in early antiquity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 107-112.

История международных отношений и всеобщая история

History of international relations and general history

Рябова Е.Л.
Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.
Доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти».

«Управляемая фрагментация»: макрорегионы и новые правила мировой игры*

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена макрорегионализации как ключевого тренда трансформации международных отношений к 2026 г. Вводится концепция «управляемой фрагментации» – состояния, при котором глобальное единство уступает место сосуществованию устойчивых региональных блоков, зон турбулентности и «линий разлома». На основе теории региональных комплексов безопасности (Копенгагенская школа) рассматриваются четыре основных макрорегиона (Глобальный Запад, Глобальный Восток, Глобальный Юг, Большая Евразия), их институциональное оформление (БРИКС, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН и др.) и конкурентные взаимодействия. Особое внимание уделяется пяти особенностям современного этапа: деконцентрации силы, формированию «зон ответственности», конкуренции норм, «управляемой нестабильности» и пересборке понятия безопасности. Делается вывод, что ключевым вызовом 2026 г. является способность «мирового большинства» превратить количественную консолидацию в качественную стабильность, избежав перманентной турбулентности.

Ключевые слова: макрорегионализация, управляемая фрагментация, Глобальный Юг, Глобальный Восток, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, многополярность, региональные комплексы безопасности, международные отношения, институциональная конкуренция, Большая Евразия.

* © Рябова Е.Л., Терновая Л.О., 2026.

Ryabova E.L.
Doctor of Political Science, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Ternovaya L.O.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "The Power of History and History of Power".

"Managed Fragmentation": macroregions and the new rules of the global game

Abstract. This article analyzes the phenomenon of macroregionalization as a key trend in the transformation of international relations by 2026. It introduces the concept of "managed fragmentation" – a state in which global unity gives way to the coexistence of stable regional blocs, zones of turbulence, and "fault lines." Drawing on the theory of regional security complexes (the Copenhagen School), it examines four main macroregions (the Global West, the Global East, the Global South, and Greater Eurasia), their institutional structure (BRICS, SCO, EAEU, ASEAN, etc.), and competitive interactions. Particular attention is paid to five characteristics of the current stage: the deconcentration of power, the formation of "zones of responsibility," competition between norms, "managed instability," and the reassembling of the concept of security. It is concluded that the key challenge of 2026 is the ability of the "global majority" to transform quantitative consolidation into qualitative stability, avoiding permanent turbulence.

Key words: macroregionalization, managed fragmentation, Global South, Global East, BRICS, SCO, EAEU, multipolarity, regional security complexes, international relations, institutional competition, Greater Eurasia.

Если раньше макрорегионализацию рассматривали как процесс формирования новых центров силы, то сегодня основной вопрос заключается не в том, появятся ли эти центры, а в том, смогут ли они управлять собственной нестабильностью[1].

В современной геополитике понятие «макрорегион» выходит за рамки простого географического деления. Это скорее политические и экономические проекты, формирующиеся вокруг мощных центров силы и объ-

1 *Воскресенский А.Д.* «Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях» // Сравнительная политика. 2012. № 2. С. 30-58; *Воскресенский А.Д.* Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр : ИНФРА-М, 2025; *Рябова Е.Л., Терновая Л.О.* Пространственное лицо региона // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 12 (126). С. 79-87.

единенные общими интересами в области безопасности, торговли и ценностей[2]. К 2026 г. отчетливо выделились четыре основных макрорегиона, каждый со своей спецификой.

Глобальный Запад (англ. *Global West*) представляет собой «классический» Запад во главе с США, странами Европейского союза и их традиционными союзниками, такими как Япония, Канада и Австралия. Его отличает приверженность евроатлантическим ценностям, сложная сеть военно-политических союзов, прежде всего НАТО, и доминирование в глобальных финансовых институтах. Однако его доля в мировой экономике постепенно снижается: по прогнозам МВФ, в 2026 г. средний рост стран «Группы семи» (G7) составит всего 1,1%.

Глобальный Восток (англ. *Global East*) – новый, быстро консолидирующийся центр силы, ядром которого являются Китай и Россия. К этому макрорегиону также относят страны Центральной Азии, Ближнего Востока и некоторые государства постсоветского пространства. Но «Глобальный Восток» часто рассматривается не как четко определенный регион, а как пространство, находящееся «между» Севером и Югом, формирующее свою собственную геополитическую идентичность. Он стремится к технологическому суверенитету и предлагает альтернативные западным модели развития.

Глобальный Юг (англ. *Global South*) выглядит как огромный и разнородный макрорегион, включающий развивающиеся страны Африки, Латинской Америки, Азии, включая Индию, и Океании. В широком смысле его часто отождествляют со странами-членами «Группы 77». Этот макрорегион сейчас является главный «локомотивом» современного роста. В 2025 г. экономики Глобального Юга выросли в среднем на 4,2%, что более чем в три раза быстрее, чем в G7. На них уже приходится около 80% мирового экономического роста. Этот макрорегион стремится к переустройству глобального управления, которое, по их мнению, долгое время было несправедливым.

Большая Евразия (англ. *Greater Eurasia*) пока рассматривается скорее как интеграционный проект, чем четко очерченный регион, который формируется на базе Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Он объеди-

2 Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы: [тематический сборник] / Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации; под общ. ред. Ю.Н. Гаврилова, Л.О. Терновой. – М.: Изд-во РАГС, 2007; Регионализация в современном мире: теория, политика, практика: Коллективная монография / Под ред. Е.Л. Рябовой и Л.О. Терновой. – М. Международный издательский центр «Этносоциум, 2013; *Hettne B., Söderbaum F.* Theorizing the Rise of 'Regionness' // New Political Economy. 2000. Vol. 5. № 3. P. 457-473; *Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L.* (eds.) Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. – London: Pluto Books, 2005; *Fawcett L., Hurrell A. (*eds.) Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. – Oxford: Oxford University Press, 1995.

няет страны с общим экономическим пространством. Их рынок насчитывает около 190 млн человек. Большая Евразия и рассматривается как один из самых привлекательных и стабильных макрорегионов мира. Ключевая черта: Ядром этого макрорегиона является сотрудничество и диалог между ЕАЭС, Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и БРИКС, что создает платформу для формирования нового миропорядка.

Безусловно, АТР (Азиатско-Тихоокеанский регион) можно и нужно рассматривать как один из макрорегионов современного мира. Его значение выходит далеко за рамки географического понятия, превращаясь в главную арену, где формируется новый многополярный миропорядок. В отличие от более гомогенных макрорегионов, АТР – пространство с размытыми и подвижными границами. В самом широком смысле он включает десятки стран и территорий по периметру Тихого океана. Согласно некоторым оценкам, в него входит более 40 независимых государств.

Многокомпонентность и отсутствие жестких границ является одной из определяющих характеристик данного макрорегиона. Традиционно АТР делят на три основных субрегиона:

– Азиатская дуга: включает Китай, Японию, Республику Корея и страны Юго-Восточной Азии;

– Австралия и Океания;

– Американская дуга: страны Северной и Южной Америки с выходом к Тихому океану.

Главная характеристика АТР заключена в его колоссальной экономической роли, которая делает его центром мировой торговли и производства. Его часто называют «локомотивом» мировой экономики. Действительно, важнейшие показатели впечатляют:

– доля в мировом ВВП: По разным оценкам, составляет около 60%;

– доля в мировой торговле: около 50% мирового объема; в регионе самая высокая в мире плотность региональных торговых соглашений (РТС) – с 36 в 2000 г. их число выросло до 199 в 2023 г.;

– население и территория: здесь сосредоточено около 40% населения Земли на ~23% суши.

Даже в условиях глобальной неопределенности в 2025 г. регион продемонстрировалт устойчивый и более высокий, чем ожидалось, экономический рост. Он остается самым быстрорастущим регионом в мире. При этом АТР является ареной острейших геополитических противоречий, оставаясь «чемпионом» по количеству неразрешенных территориальных и морских споров, доставшихся в наследство от холодной войны. В этом макрорегионе сталкиваются интересы всех глобальных держав, что создает постоянную напряженность. США, стремясь сдержать влияние Китая, продвигают новую концепцию «Индо-Тихоокеанского региона», что явля-

ется попыткой переформатировать традиционный АТР под свои геополитические цели. Меры доверия в военной сфере в АТР напрямую связаны с экономическими и социальными факторами. Безопасность здесь – это комплексное понятие.

Отсюда можно заключить, что АТР – макрорегион-парадокс. С одной стороны, он является главным экономическим мотором мира, демонстрируя беспрецедентную динамику и интеграцию. С другой – он представляет собой зону высочайшей геополитической турбулентности, где сталкиваются интересы великих держав, что формирует его как ключевую площадку для отработки моделей будущего мироустройства. Именно этот синтез экономической мощи и политической сложности делает его уникальным и центральным макрорегионом современности. Такой парадоксальный статус придает мировой игре, в которой активно участвуют макрорегионы, дополнительной напряженности.

Для координации и реализации своих интересов макрорегионы создают сложные системы институтов, которые в настоящее время настолько глубоко погружены в собственную региональную специфику, что затрудняет выделить общие тенденции макрорегиональной институционализации.

Для Глобального Юга и Востока важнейшей структурой является БРИКС. К 2025 г. этот блок охватывал около 45% населения мира и 40% мирового ВВП. В нем действуют такие структуры, как Деловой совет БРИКС (*BBC*), Новый банк развития (*NDB*) и Центр промышленных компетенций БРИКС (*BCIC*). Эти институты занимаются совместным финансированием проектов, развитием торговли и промышленной кооперацией. В 2026 г. председательство в БРИКС перешло к Индии. Также в данном макрорегионе Шанхайская организация сотрудничества рассматривается как структура, способная формировать жизнеспособный макрорегион благодаря своему ресурсному, научно-техническому и производственному потенциалу. ШОС и БРИКС имеют пересекающееся ядро (Китай, Индия, Россия), что усиливает их взаимодействие. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) де-факто формирует экономический макрорегион и демонстрирует устойчивость к глобальным вызовам.

Для Европы несмотря на все очевидные проблемы Европейский союз (ЕС) достаточно последовательно реализует собственные макрорегиональные стратегии, охватывающие, например, Балтийский и Дунайский регионы. Координацией этих стратегий занимается специальная Группа высокого уровня (HLG) при Еврокомиссии.

Для Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в первую очередь значима Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая служит важным каналом для партнерства и сотрудничества в регионе. Также действуют Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС);

RCEP (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство) – крупнейшее в мире торговое соглашение, объединяющее 15 стран АТР; Совет Тихоокеанского экономического сотрудничества (СТЭС); Тихоокеанский экономический совет (ТЭС); Транстихоокеанское партнерство (CPTPP). Экономический вес АТР привел к созданию сложной и многослойной системы интеграционных институтов, однако, ведущей особенностью этого процесса остается конкуренция нескольких моделей региональной интеграции. Так, имеется соперничество проектов, представленное США и Китай, которые продвигают конкурирующие, а не взаимодополняющие проекты, что ведет не к объединению, а к умножению параллельных структур. Фактически экономическое пространство макрорегиона разграничивается на противоборствующие блоки.

Институциональный ландшафт макрорегионов отличается наличием многих уровней и фрагментацией. В частности, экономические институты варьируются от жестких наднациональных (ЕС) до мягких форумных (АТЭС). Политические платформы (БРИКС, G20) служат для координации позиций, но при этом не имеют обязательной силы. Институты безопасности существуют практически для каждого макрорегиона, однако, их архитектура не универсальна: на Западе доминирует НАТО с жесткими военными обязательствами, на Востоке – ОДКБ и ШОС с акцентом на антитеррор и «мягкую безопасность», на Юге – Африканский союз и АСЕАН с фокусом на конфликтное регулирование и нетрадиционные угрозы. В 2025 г. активизировался диалог между Региональными финансовыми механизмами (RFAs) и МВФ, что свидетельствует о поиске новых форм взаимодействия между региональными и глобальными институтами.

Ключевыми трендами 2025 – 2026 гг. следует назвать сопряжение таких институтов, как ОДКБ–СНГ–ШОС, БРИКС–ШОС, Россия–АСЕАН, и появление новых механизмов, например, быстрое реагирование БРИКС, резервные фонды. Это свидетельствует о переходе от декларативной солидарности к инструментальной кооперации в сфере безопасности.

Таким образом, макрорегионализация к 2026 г. превратилась не просто в географическое деление, а вылилась процесс формирования новых центров силы и зон влияния. «Глобальный Запад» постепенно уступает экономическую инициативу быстрорастущим «Глобальному Югу» и «Глобальному Востоку». Эти новые макрорегионы активно создают собственные институты (БРИКС, ШОС, ЕАЭС), чтобы отстаивать свои интересы и формировать более справедливую, с их точки зрения, многополярную систему международных отношений.

Одним из инструментов такого формирования становится «управляемая фрагментация» – политика, при которой глобальное единство уступает место сосуществованию устойчивых региональных блоков, зон турбулент-

ности и «линий разлома». Парадокс этой политики скрывается в том, что сами макрорегионы, будучи драйверами многополярности, одновременно порождают новые риски: внутренние противоречия, конкуренцию за лидерство и уязвимость на стыках. Главный вызов, следующий из геополитических реалий 2025 – 2026 гг., состоит в том, сможет ли «мировое большинство» превратить свою количественную консолидацию в качественную стабильность, или же фрагментация станет не инструментом переустройства, а источником перманентной турбулентности.

С точки зрения теории международных отношений, особенно в русле теории региональных комплексов безопасности (англ. *regional security complex theory; RSCT*) Копенгагенской школы исследований безопасности (англ. *Copenhagen School of security studies*), формирование таких макрорегионов, как Глобальный Юг и Глобальный Восток, отражает процесс структурной трансформации системы безопасности[3]. Однако события 2025 – 2026 гг. обостряют необходимость новой оптики: макрорегионализация перестала быть просто тенденцией – она обернулась жесткой политической реальностью, требующей анализа не только с точки зрения деконцентрации силы, но и с точки зрения управляемости этой фрагментацией.

Первая особенность – деконцентрация силы и эрозия универсализма – получила в 2025 г. количественное подтверждение. По данным Министерства экономического развития РФ, 14 из 25 крупнейших экономик мира по предпринимательской способности уже относятся к Глобальному Югу и Востоку, а темпы их роста в 2,5 – 3 раза выше, чем у экономик Запада. На долю этих стран приходится более 40% мировой торговли. Однако за этим стоит не просто экономический подъем, а смена модели легитимности: страны «мирового большинства» больше не хотят быть объектами политики безопасности, куда приходят с миротворческими миссиями или санкциями, – они становятся субъектами не только региональной, но и глобальной безопасности.

Вторая особенность – формирование «зон ответственности» – сегодня проявляется в создании параллельных институтов. БРИКС, пополнившийся в 2025 г. Индонезией в качестве полноправного члена и еще десятью государствами – в качестве стран-партнеров, уже составляет 40% мировой экономики, а его совокупный ВВП по ППС достиг 77 трлн долларов, существенно превосходя «Группу семи» с ее 57 трлн. Шанхайская организация сотрудничества на саммите в Тяньцзине 1 сентября 2025 г. подтвердила свою роль в формировании многополярного мироустройства. Однако параллельное строительство институтов ведет к фрагментации режимов безопасности: нормы международного права трактуются по-разному, а

3 *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

принцип невмешательства все чаще противопоставляется западным инициативам вроде *R2P* – (англ. *Responsibility to Protect* – обязанность защищать) – международной концепции, разработанной для предотвращения и прекращения массовых злодеяний, угрожающих человечеству[4].

Третья особенность – обострение конкуренции институтов и норм – в 2025 – 2026 гг. вышла на новый уровень. Впервые в итоговой декларации XVII саммита БРИКС (Рио-де-Жанейро, 6 – 7 июля 2025 г.) были осуждены атаки на Брянскую, Курскую и Воронежскую области Российской Федерации, а также критиковалось повышение торговых пошлин США как противоречащее международному праву. Более того, внеочередной онлайн-саммит БРИКС 8 сентября 2025 г. стал коллективным ответом на тарифное давление. Это показывает, что макрорегионы переходят от декларативной солидарности к выработке совместных ответов на внешние вызовы.

Четвертая особенность – состояние «управляемой нестабильности» – стала главным сюжетом 2026 г.. Генеральный секретарь СНГ Сергей Лебедев на XII Примаковских чтениях в июне 2026 г. заявил о необратимом смещении центров принятия решений, экономической мощи и политического влияния в сторону Большой Евразии и Глобального Юга. Однако доклад Валдайского клуба «За пределами схемы: мир реальной многополярности» (июнь 2026) фиксирует тревожный парадокс: страны Глобального Юга все чаще воспринимают Запад не как гаранта безопасности, но при этом конкурируют друг с другом за региональное лидерство. Вооруженный конфликт между Афганистаном и Пакистаном в марте 2026 г. стал наглядным подтверждением того, что внутренние противоречия макрорегионов могут подрывать усилия по формированию альтернативных Западу платформ.

Пятая особенность – пересборка понятия «безопасность» – в настоящее время требует включения в него не только военной, но и технологической, инфраструктурной и ценностной составляющих. Страны Глобального Юга и Востока видят в многополярности шанс на укрепление суверенного развития без неоколониализма со стороны Запада.Переформатирование безопасности не является новым явлением. Однако новая реальность 2025 – 2026 гг. состоит в том, что макрорегионализация перестала быть линейным процессом. Как отмечают эксперты Валдайского клуба, будущее – это не единый стабильный порядок, а скорее «управляемая фрагментация», где устойчивые субрегиональные блоки сосуществуют с зонами открытой конкуренции.

Главный вопрос, который ставит перед нами 2026 год: сможет ли «мировое большинство» – страны Глобального Юга и Востока – превратить свою

4 *Thakur R.* R2P: looking back to look ahead // Pathways to Peace and Security. 2018. № 1 (54) Special Issue. Humanitarian Challenges, Humanitarian Support and Human Protection in Armed Conflicts. P. 92-103.

количественную консолидацию в качественную стабильность? Или же внутренние противоречия, конкуренция за лидерство и уязвимость на стыках макрорегионов превратят фрагментацию из инструмента переустройства в источник перманентной турбулентности? Ответ на этот вопрос определит не только архитектуру будущего миропорядка, но и саму возможность его существования.

Библиографический список:

1. Воскресенский А.Д. «Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях» // Сравнительная политика. 2012. № 2. С. 30-58.
2. Воскресенский А.Д. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр : ИНФРА-М, 2025. 416 с.
3. Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы: [тематический сборник] / Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации; под общ. ред. Ю.Н. Гаврилова, Л.О. Терновой. – М.: Изд-во РАГС, 2007. 180 с.
4. Регионализация в современном мире: теория, политика, практика: Коллективная монография / Под ред. Е.Л. Рябовой и Л.О. Терновой. – М. Международный издательский центр «Этносоциум, 2013. 180 с.
5. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Пространственное лицо региона // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 12 (126). С. 79-87.
6. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
7. Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L. (eds.) Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. – London: Pluto Books, 2005. XIII. 321 p.
8. Fawcett L., Hurrell A. (eds.) Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. – Oxford: Oxford University Press, 1995. 342 p.
9. Hettne B., Söderbaum F. Theorizing the Rise of 'Regionness' // New Political Economy. 2000. Vol. 5. № 3. P. 457-473.
10. Thakur R. R2P: looking back to look ahead // Pathways to Peace and Security. 2018. № 1 (54) Special Issue. Humanitarian Challenges, Humanitarian Support and Human Protection in Armed Conflicts. P. 92-103.

Reference

1. Voskresensky, A.D. "Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes, and Regional Transformations in Contemporary International Relations" // Comparative Politics. 2012. № 2. P. 30-58.
2. Voskresensky, A.D. Global Complex Regional Studies: Textbook / edited by Prof. A.D. Voskresensky. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2025. 416 p.
3. Problems of Regional Integration: Political, Economic, and Cultural Processes: [thematic collection] / Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation; edited by Yu.N. Gavrilov, L.O. Ternova. – Moscow: RAGS Publishing House, 2007. 180 p.
4. Regionalization in the Modern World: Theory, Policy, Practice: Collective Monograph / Ed. by E.L. Ryabova and L.O. Ternovaya. – Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium, 2013. 180 p.
5. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Spatial Face of a Region // Ethnosocium and Interethnic Culture. 2018. № 12 (126). P. 79-87.
6. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
7. Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L. (eds.) Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. – London: Pluto Books, 2005. XIII. 321 p.
8. Fawcett L., Hurrell A. (eds.) Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. – Oxford: Oxford University Press, 1995. 342 p.
9. Hettne B., Söderbaum F. Theorizing the Rise of 'Regionness' // New Political Economy. 2000. Vol. 5. № 3. P. 457-473.
10. Thakur R. R2P: looking back to look ahead // Pathways to Peace and Security. 2018. № 1 (54) Special Issue. Humanitarian Challenges, Humanitarian Support and Human Protection in Armed Conflicts. P. 92-103.

Шумский М.Р.
Магистр. Санкт-Петербургский государственный университет.

Французская знать в эпоху гугенотских войн: конфессиональная идентичность, восприятие конфликта и политический выбор*

Аннотация. В статье рассматривается дискурс идентичностей французской знати второй половины XVI века. На основе историографии обобщается структура сословия, выделяются основные группы. С опорой на «Мемуары» Клода Атона и труды русских и французских историков исследуется влияние Итальянских войн и их последствий на политический и конфессиональный выбор. На основе эпистолярного материала из архива П.П. Дубровского прослеживаются личные и политические взаимосвязи между представителями различных групп знати. Применение просопографической методологии позволяет создать «оживлённую» картину идентитарных вопросов французской знати в эпоху религиозных войн.

Ключевые слова: гугенотские войны, конфессиональная идентичность, французская знать, «Мемуары» Клода Атона.

Shumsky M.R.
Master's degree. Saint Petersburg State University.

The French nobility in the era of the Huguenot wars: confessional identity, perception of the conflict and political choice

Abstract. The article examines the discourse of identities among the French nobility of the second half of the sixteenth century. Drawing on historiography, it outlines the structure of the estate and identifies its principal groups. Relying on the «Mémoires» of Claude Haton and the works of Russian and French historians, the article investigates the influence of the Italian Wars and their consequences on political and confessional choices. Using epistolary materials from the P.P. Dubrovsky archive, it traces the personal and political interconnections between representatives of various noble groups. The application of prosopographical methodology makes it possible to create a nuanced picture of the identitarian questions of the French nobility during the era of the Wars of Religion.

Key words: Huguenot Wars, confessional identity, French nobility, «Mémoires» of Claude Haton.

* © Шумский М.Р., 2026.

Религиозные войны – важный этап становления современной западной цивилизации. Начавшиеся в Высоком Средневековье они проводили Европу в Новое время. Важнейшие исторические процессы – формирование национальных государств, возникновение промышленности, великие географические открытия происходили параллельно с развитием христианской религии, как системы, с конфликтами внутри неё и построением новых форм веры, отвечающих духу времени. Проблема религиозных войн не утрачивает научной актуальности, так как она лежит в основании здания европейской цивилизации и без её понимания невозможно анализировать глобальные исторические процессы. Кроме того, столкновение, воспринимающееся как религиозное, вскрывает социальное устройство общества, позволяет наблюдать поведение разных групп в зависимости от их политических интересов и идентичности.

В этой работе мы рассмотрим одну из крупных составляющих общеевропейского конфликта – французские гугенотские войны. Основным объектом исследования будет знать (nobles). Она, как социальная группа, была далеко не обойдена событиями конфликта, к тому же оказывая на их ход существенное влияние. Важно сразу оговорится, что было бы большим упрощением воспринимать систему ценностей, поведение и развитие знати, как основные или, тем более, единственные показатели изменений общества под влиянием эпохальных процессов. В дальнейших исследованиях хотелось бы детальнее изучить политико-конфессиональную идентичность и реакцию на реформацию церкви и раскол государства других социальных групп: духовенства, городского населения, крестьян. Однако основной корпус источников сообщает нам всё-таки о жизни и деятельности высших сословий, поэтому начать с них кажется закономерным решением. Именно от знати сохранилось обширное письменное наследие в формах документов, публицистики, эпистолярных текстов и произведений поэтического творчества. В статье на основе этих данных выстраивается представление о конфессиональном разделении дворянства, его политических идеалах и приоритетах, видении религиозного конфликта. В выводе мы соберём и обобщим религиозные, идеологические и психологические факторы, определявшие идентичность и соответствующее поведение различных групп знати.

Проблема интересна и с точки зрения историографии. С одной стороны, французские религиозные войны – достаточно популярная тема исследования. Как нам кажется, благодаря яркости образов деятелей эпохи, накалу страстей и эмоционального шлейфа Варфоломеевской ночи. С другой стороны, зачастую конфликт изучается исключительно с политической стороны, внимание исследователей приковано к интригам королевского двора и хитросплетениям высокой политики. Также фокус часто устрем-

ляется в период завершения религиозных войн и формирования французского абсолютизма – первую половину XVII века. Поэтому существенные пласты социальной истории, истории ментальностей и, собственно, самого религиозно-конфессионального вопроса остаются достаточно свободными зонами для исследования. Большое внимание уделено теме гугенотских войн не только во французской, но и в советской, а дальше – российской историографии. Значительные исследования в этом направлении осуществляла Александра Дмитриевна Люблинская, в частности, именно ей принадлежит заслуга палеографического изучения, перевода, анализа и описания документов из архива П.П. Дубровского, составивших основу нашего исследования. К направлению исследования Люблинской присоединились её ученики. Владимир Николаевич Малов, специализирующийся на палеографии и истории французского языка, внёс значительный вклад в расшифровку и введение в научный оборот архива П.П. Дубровского. Николай Евгеньевич Копосов на основании уже не только многократно упомянутого архива, но и нотариальных источников составил общую картину устройства бюрократии во Франции XVII века, а также посвятил изрядное количество трудов эпистемологии и, в частности, особенностям изучения социальной истории. Далее изучение темы развили Павел Юрьевич Уваров, Владимир Владимирович Шишкин, Михаил Николаевич Артеменков, Наталья Ивановна Алтухова и другие. Изрядное внимание проблеме уделяется во французской историографии, с частью исследований (в первую очередь – опубликованных на русском языке) также удалось ознакомиться в ходе исследования. Во французской историографии после 1960-х годов как раз развивается интересующее нас направление социальной истории, так что изученная литература позволила более детально рассмотреть поставленные вопросы. В качестве источников привлечены материалы архива П.П. Дубровского, впервые опубликованные в журнале «Средние века» под редакцией А.Д. Люблинской на рубеже 1950-х – 1960-х гг., а в 2013 г. заново переизданные, с исправлениями и уточнениями, под редакцией В.В. Шишкина в приложении к журналу «Средние века». Также мы использовали еще несколько сборников документов, вышедших под редакцией В.В. Шишкина и П.Ю. Уварова.

Для начала нам нужно определить, кого мы имеем в виду под обобщённым названием «французская знать». В работе Павла Юрьевича Уварова знать делится на несколько групп по следующим показателям: «индексу престижа», форме собственности, титулам и месту в судебной системе[1]. Акцент Уваров делает на «благородном происхождении», разделяя землевладельцев на дворян и сеньоров, выстраивая далее имущественную иерархию внутри этих категорий. Юрий Павлович Малинин со ссылкой на Мезьера

1 *Уваров П.Ю.* Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. 136 с.

предлагает другую, трёхчастную классификацию, которую условно можно представить как высшую знать (король, князья и бароны), рыцарство (рыцари, оруженосцы, благородные господа) и служилых военных (капитаны и командиры отрядов)[2]. Однако далее он уточняет, что к XV - XVI векам мы сталкиваемся с интересным феноменом: из-за постепенного изменения структуры общества и общественных функций социальных групп (в силу Столетней войны, Возрождения и некоторых других глобальных процессов) с одной стороны функции сословий и классов оказались нарушены и смешаны, а с другой стороны на этом фоне некоторые социальные группы начали замыкаться в себе и искать способы подчёркивания идентичности (при функциональном отсутствии таковой). Тут в подтверждение можно привести многочисленные примеры покупки «неблагородными» буржуа земель и должностей, службу и карьеру простолюдинов в войске в виде наёмников и не только.

В нашем исследовании для удобства мы разделим знать на две большие группы: аристократию и дворянство. Мы тут прибегаем к широко используемым современным терминам несмотря на то, что они не использовались в исследуемый период, для построения ассоциаций. К первой мы отнесём всех экюйе (оруженосцев), шевалье (рыцарей), баронов и шевалье-баронов. Ко второй – крупных грантов: маркизов, графов, герцогов. За основное различие тут принимаем размер земельных владений и объём богатства, из чего выстраиваются отличающиеся интересы. Деление, разумеется, синтетическое, поэтому несёт в себе большую долю условности, однако для изучения структуры редукции не избежать. Внутри этих групп также считаем важным наметить функциональные различия страт. Среди аристократии можно выделить близкую дому Валуа высшую аристократию, придворную знать и провинциальных суверенов. Внутри дворянства же обратимся к классическому делению на дворянство мантии (noblesse de robe) и дворянство шпаги (noblesse d'epee). Опять же, оговоримся, что приобретение дворянского статуса на государственной службе стала возможно только в XVII веке, то есть термин нами взят для удобства обозначения людей благородного происхождения на бюрократических (исполнительных, судебных, фискальных) должностях.

Вопрос выбора конфессии нельзя рассматривать вне контекста исторических процессов исследуемой эпохи. В этом направлении мы предлагаем рассматривать гугенотские войны если ни как одно из последствий (для такого заявления нужно будет привлекать разветвлённую аргументацию, что мы предпримем, возможно, в дальнейшем исследовании), то как тесно связанный с Итальянскими войнами процесс.

2 *Малинин Ю.П.* Франция в эпоху Позднего Средневековья. 122 с.

Сначала рассмотрим социально-экономический фактор. Участие в Итальянских войнах обошлось Французскому королевству очень дорого. Кроме того, поражение не позволило окупить затраты на ведение военных кампаний за счёт доходов с присоединённых земель или солидной контрибуции. Из-за этого финансы государства находились в плачевном состоянии. Письма Жана IV де Бросса, герцога д'Этампа из Бретани[3] и консулата Марселя[4] к королю Франциску II и Шарлю де Гизу рисуют перед нами плачевную картину заброшенных и разваливающихся городских укреплений, бездействующие и разлагающиеся гарнизоны, многие месяцы не получающие жалования, безнаказанные разбойные действия иностранцев на побережьях.

В этом свете стоит рассмотреть положение воинской части знати. Множество тех, кого мы выше обозначили, как «дворяне», прошли через горнило того или иного фронта противостояния с Габсбургами. Из-за итогового поражения осчастливить себя экспроприациями движимого имущества у проигравших им, вероятно, не удалось. Что же их ждало на родине? Выдающимися заслугами на полях сражений можно было обеспечить стремительный карьерный рост, как, например, Антуан Эскален дез Эймар, барон де Ла Гард: будучи мелким дворянином стал губернатором Прованса. В подобном случае дворянин становился безоговорочно предан короне и святой католической церкви, так как эти понятия редко разделялись, что видно и из писем самого де Ла Гарда[5], и подтверждается исследователями, в частности Михаилом Владимировичем Дмитриевым[6]. П.Ю. Уваров и Н.Е. Копосов определяют их, как служилую королевскую знать (технически – бюрократию), зависимость благосостояния которой от короля становится гарантией лояльности. Одни из главных бенефициаров Итальянских войн, собственно говоря, дом де Гизов, принимали активное участие в военных действиях и сделали головокружительную карьеру именно в королевском войске, из-за чего старая аристократия воспринимала их, зачастую, выскочками. С другой же стороны, дворяне, не получившие по возвращении на родину должностей или места при дворе, а заодно и оставшиеся без жалования, стали представлять из себя достаточно взрывоопасный социальный элемент.

Помимо экономического фактора (обеднение) и социального (отсут-

3 Документы по истории Франции середины XVI в. Начало Религиозных войн (1559-1560) № 22 – дубль/bis. Письмо герцога д'Этампа к герцогу де Гизу. Ламбаль. 21 июня 1560 г. (Оригинал)

4 Там же - № 13. Письмо консулата г. Марселя к Франциску II. Марсель. 31 мая 1560 г. (Оригинал)

5 Документы по истории Франции середины XVI в. Начало Религиозных войн (1559-1560) - № 3. Письмо барона де Ла Гарда к Франциску II. Марсель. 25 июля 1559 г. (Оригинал)

6 *Дмитриев М.В.* Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. 262 с.

ствие занятости) важно рассмотреть ещё культурно-идеологический. Будучи в итальянских походах, французские дворяне насмотрелись на Рим, на Папство и на христианские ценности в их местном исполнении. Клод Атон в своих «Мемуарах» подчёркивал страшный репутационный ущерб Папству в глазах французов, который нанесли легализованные римские бордели, еврейские лавки и ростовщические агентства, повсеместное несоблюдение постов и христианских добродетелей[7]. Разумеется, в такую почву проповедь Кальвина сеяла сомнения с разительно большей эффективностью[8].

Далее было бы закономерно поговорить о проповеди. Проповедь вообще, как явление, обладало сложно представляемой в нашей современной действительности силой, о чём писал ещё Йохан Хёйзинга в контексте Позднего Средневековья[9]. Соответственно, важно не упускать из поля зрения деятельность проповедников и допущение или недопущение их проповеди в конкретных городах и местностях. И тут мы снова сталкиваемся с выбором знатью политической стороны. На территориях Гизов протестанты преследуются и сжигаются. В Париже монарх занимает умеренную позицию, так как среди кальвинистов обнаруживаются весьма почтенные персоны[10]. На юге же государства в ряду регионов власть не располагает ресурсами для борьбы, что мы можем видеть в многочисленных прошениях от Парламента Экса[11], графа де Тандта из Марселя[12], городских властей Нима[13], Антуана де Ноайя из Бордо[14]. А в некоторых областях правители, как кажется, и не стремятся к какой-то активной борьбе с распространением ереси. Антуан Бурбон, несмотря на активные письма с просьбами от короля и от Гизов в 1560-м[15], не торопился, судя по повторя-

7 «Mémoires de Claude Haton: contenant le récit des événements accomplis de 1553 à 1582, principalement dans la Champagne et la Brie» Tome I.

8 Французское общество в эпоху культурного перелома: от Франциска I до Людовика XIV. 109 с.

9 *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья. 15 с.

10 Французское общество в эпоху культурного перелома: от Франциска I до Людовика XIV. 113 с.

11 Документы по истории Франции середины XVI в. Начало Религиозных войн (1559-1560) - №36. Письмо генерального прокурора [по уголовным делам] Экского парламента Рабасса к Франциску II. Экс-[ан-Прованс]. 23 августа [1560 г.]. (Оригинал)

12 Документы по истории Франции середины XVI в. Начало Религиозных войн (1559-1560) - №38-39. Письмо графа де Танда к Франциску II. Марсель. 26 и 31 августа [1560 г.]. (Оригиналы)

13 Там же - №41. Выписка из протокола заседания городского совета г. Нима. 2 сентября 1560 г.

14 Там же - №49. Письмо сеньора де Ноайя к герцогу де Гизу. Бордо. 14 сентября 1560 г. (Оригинал)

15 Там же - №30. Письмо Франциска II к Антуану де Бурбону. Дампьер. 7 июля 1560 г. (Черновик) и №35. Письмо Франциска II Антуану де Бурбону. Фонтенбло. [22] августа 1560 г. (Черновик)

емости просьбы в письмах, пресекать проповедь в подконтрольных ему землях. То же самое мы можем наблюдать и в Нормандии, где у губернатора Анри-Робера де Ла Марка, герцога Буйонского, сохранялось напряжение в отношениях с короной, так как он был родственником Дианы де Пуатье. В Нормандии не только не предпринимались активные действия для подавления ереси, но и велась активная агитация против Гизов и их влияния на королей, что мы знаем из писем тайного агента Франсуа де Гиза – Андре де Сурдеваля[16].

Тут, перейдя уже в большей степени к тому слою знати, который мы обозначили «аристократией», мы сделаем акцент на ещё одном важном, с нашей точки зрения, факторе. Вообще, говоря о религиозной составляющей, важно, как мы считаем, не упускать фактор индивидуального восприятия религиозных систем. В дискурсе социальной и антропоцентричной трактовок религии[17] в нашей работе мы придержимся умеренной позиции, признавая и отражение в религиозной сфере социальной структуры общества, но и одновременно подчёркивая значимость личного выбора в этом вопросе. Мы хотим обратить внимание, что высшие слои знати были людьми своего времени: не имели комплексного образования, жили угасающими рыцарскими и христианскими идеалами, могли принимать нерациональные решения. А кроме того, всё ещё сохранялись активные вассально-сеньориальные отношения и поэтому конфессиональный выбор отдельного аристократа мог определить ориентацию гораздо более крупных сил. Важный фактор в этом вопросе: растущая зависимость даже крупной аристократии от королевских пожалований, что мы наглядно видим в бесчисленных жалобах на тяжёлую судьбу и просьбы о выделении денег в письмах того же герцога д'Этампа, губернатора Бретани[18]. Однако князья более богатых земель могли позволить себе относительно независимый выбор и повести за собой подчинённых. Здесь нельзя, конечно же, забывать и о переходе в протестантизм, как форме противопоставления текущей политической верхушке, то есть дому де Гизов. В этом формате Дени Крузе выделяет Бурбонов, Шатильонов и Роганов[19]. Таким образом личный выбор, будь он продиктован чувствами и интеллектуальными предпочтениями или же династическими мотивами, мог обосновывать конфессиональ-

16 Там же - №21. Письмо Андре де Сурдеваля к герцогу де Гизу. Кемпер-ле. 20 июня 1560 г. (Оригинал)

17 *Иванова Н.В.* О религии в религиозных войнах (обзор дискуссии в журнале «Французские исторические исследования»). 229 с.

18 Документы по истории Франции середины XVI в. Начало Религиозных войн (1559-1560) - №34. Письмо герцога д'Этампа к герцогу де Гизу. Ренн. 5 августа 1560 г. (Оригинал)

19 *Crouzet D.* Recherches sur la crise de l'aristocratie en France au XVIe siècle; les dettes de la Maison de Nevers. 431 c.

ную идентичность не только принимающих ориентационное решение, но и их дома и вассалов.

Подводя итоги, отметим, что одного, даже комплексного, ответа на поставленный вопрос найти, пожалуй, нельзя. Так что дилемма будет лежать в большем или меньшем обобщении имеющихся данных. Однако в данном труде мы постарались аргументировать значимость фактора Итальянских войн и личного выбора в вопросе конфессиональной и политической идентичности в период религиозных войн. На наш взгляд, традиционное рассмотрение этого выбора, как сугубо религиозного или сугубо политического, достаточно уязвимо к проверке фактическим материалом, даже если мы рассматриваем только знать (а ведь выбор делали и горожане, и купцы, и крестьяне, и даже духовенство). Выбор же мелкого дворянства, оставшегося после Итальянских войн либо не с чем, либо во властной иерархии обусловлен, в большей степени, социально-экономической мотивацией изменить или сохранить своё положение. При этом мы не отрицаем и вполне подтверждаем значимость личного религиозного или личного политического выбора в идентичности высших слоёв знати.

Автор выражает глубокую благодарность д. и. н. Мехамадиеву Е.А. за ценные замечания, сделанные при обсуждении чернового варианта данной статьи. Разумеется, все спорные гипотезы и неточности остаются на совести автора.

Библиографический список:

1. Алтухина Н.И. Французские чиновники в эпоху реформации: легко ли быть гугенотом?»: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2018. Т. 4. № 1. С. 84-100.,
2. Алтухина Н.И. Чиновники одного французского города (по “Мемуарам” Клода Атона): Средние века. 2014. Т. 75. № 1-2. С. 107-133.
3. Артеменков М.Н. Религиозная политика королевского двора накануне Религиозных войн во Франции (1561 – 1562). Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. 2005. № 1. С. 32-33.
4. Веремчук Людмила Павловна Алексис де Токвиль: концепция аристократии. Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 342.
5. Данн Р. Эпоха религиозных войн. – М.: Центрполиграф. 2011.
6. Дюсси Ю. Шишкин В. В. Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. – СПб.: ЕВРАЗИЯ; М: ИД Клио. 2015.
7. Иванова Н.В. О религии в религиозных войнах (обзор дискуссии в журнале «Французские исторические исследования») // Варфоломеевская ночь: события и споры. – М.: РГГУ. 2001. С. 226-238.
8. Ливе Ж. Религиозные войны. – М.: Издательство АСТ. 2004.
9. Малинин Ю.П. Франция в эпоху Позднего Средневековья. / Сост., отв. ред. М.В. Аникиев, А.Ю. Карачинский, В.В. Шишкин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.
10. Уваров П.Ю. Новые оценки старых версий // Варфоломеевская ночь: события и споры. – М.: РГГУ. 2001. С. 238-241
11. Уваров П.Ю. Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. – М.: Наука, 2004.
12. Хёйзинга Й. Осень Средневековья (пер. с нидерл. Д.В. Сильвесторова; коммент. Д.Э. Харитоновича). – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2018.
13. Эларже Ф. Резня в ночь на святого Варфоломея. Пер. Усовой Т.В., под редакцией Шишкина В.В. – СПб.: Издательская группа «Евразия». 2002.
14. Crouzet D. Recherches sur la crise de l’aristocratie en France au XVIe siècle; les dettes de la Maison de

Nevers. In: Histoire, économie et société, 1982. 1e année. № 1. P. 7-50.

15. Документы по истории гражданских войн во Франции. 1561-1563 гг: [Из Отд. рукописей Гос. публ. б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина / Под ред. и с предисл. проф. А.Д. Люблинской]; Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние]. 1962.

16. Документы по истории Франции середины XVI в. Начало Религиозных войн (1559-1560) / [Ин-т всеобщ. истории, Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка]; публ. Т.П. Вороновой и Е.Г. Гурари под ред. А.Д. Люблинской общ. ред., вступ. слово и примеч. В.В. Шишкина. – Москва: Институт всеобщей истории. 2013.

17. Французское общество в эпоху культурного перелома: от Франциска I до Людовика XIV. Приложение к ежегоднику «Средние века». Выпуск 3. – М.: Институт всеобщей истории РАН. 2008.

18. «Mémoires de Claude Haton: contenant le récit des événements accomplis de 1553 à 1582, principalement dans la Champagne et la Brie» Tome I – III / publes par M. Félix Bourqelot. Paris. Imprimerie de Jules Renouard. 1857.

19. Муталимов А.Э. Научно обоснованный образовательный потенциал России – показатель уровня культуры и суверенитета населения // Культура Мира. 2026. Том 14. Вып. 2. (№ 53). С. 226-233.

Reference

1. Altukhina N.I. “French Officials in the Reformation: Is It Easy to Be a Huguenot?”: Problems of Social History and Culture of the Middle Ages and Early Modern Times. 2018. Vol. 4. № 1. P. 84-100.

2. Altukhina N.I. “Officials of One French City (Based on Claude Aton’s “Memoirs”): The Middle Ages. 2014. Vol. 75. Nos. 1-2. P. 107-133.

3. Artemenkov M.N. “Religious Policy of the Royal Court on the Eve of the Religious Wars in France (1561–1562). Retrospective: World History Through the Eyes of Young Researchers. 2005. № 1. P. 32-33.

4. Veremchuk Lyudmila Pavlovna. Alexis de Tocqueville: The Concept of Aristocracy. Vestn. Tom. state University. 2011. № 342.

5. Dann R. The Age of Religious Wars. Moscow: Centerpoligraf. 2011.

6. Dyussi Yu. Shishkin V.V. Religious Wars in 16th-Century France. New Sources, New Research, New Periodization. St. Petersburg: EURASIA; Moscow: ID Klio. 2015.

7. Ivanova N.V. “On Religion in Religious Wars” (a review of the discussion in the journal “French Historical Studies”) // “The Massacre of St. Bartholomew: Events and Controversies.” Moscow: RSUH. 2001, P. 226-238.

8. Livet J. Religious Wars. Moscow: AST Publishing House, 2004.

9. Malinin Yu.P. “France in the Late Middle Ages.” Compiled and edited by M.V. Anikiev, A.Yu. Karachinsky, V.V. Shishkin. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2008.

10. Uvarov P.Yu. “New Assessments of Old Versions” // “The Massacre of St. Bartholomew: Events and Controversies.” Moscow: RSUH. 2001. P. 238-241.

11. Uvarov P.Yu. France in the 16th Century: An Attempt at Reconstruction Based on Notarial Acts. Moscow: Nauka, 2004.

12. Huizinga J. The Autumn of the Middle Ages (translated from Dutch by D.V. Silvestorov; commented by D.E. Kharitonovich). St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 2018.

13. Elarger F. The Massacre of St. Bartholomew’s Day. Translated by T.V. Usova, edited by V.V. Shishkin. St. Petersburg: Eurasia Publishing Group. 2002.

14. Crouzet D. Recherches sur la crise de l’aristocratie en France au XVIe siècle; les dettes de la Maison de Nevers. In: Histoire, économie et société, 1982. 1e année. № 1. P. 7-50.

15. Documents on the history of the civil wars in France. 1561-1563: [From the Manuscript Department of the M.E. Saltykov-Shchedrin State Public Library / Ed. and with a foreword by Prof. A.D. Lyublinskaya]; USSR Academy of Sciences. Leningrad Branch of the Institute of History. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. [Leningrad Branch]. 1962.

16. Documents on the history of France in the mid-16th century. The Beginning of the Religious Wars (1559-1560) / [Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Russian National Library]; published by T.P. Voronova and E.G. Gurari, edited by A.D. Lyublinskaya, general editor, introduction and notes by V.V. Shishkin. – Moscow: Institute of General History. 2013.

17. French Society in the Age of Cultural Transformation: From Francis I to Louis XIV. Supplement to the “Middle Ages” Yearbook. Issue 3. Moscow: Institute of General History, Russian Academy of Sciences. 2008.

18. «Mémoires de Claude Haton: contenant le récit des événements accomplis de 1553 à 1582, principalement dans la Champagne et la Brie» Tome I – III / publes par M. Félix Bourqelot. Paris. Imprimerie de Jules Renouard. 1857.

19. Mutalimov A.E. Russia’s scientifically based educational potential is an indicator of the level of culture and sovereignty of the population // Culture of World. 2026. Vol. 14. Issue 2. (№ 53). P. 226-233.

Абзианидзе Г.В.
Аспирант, Институт Китая и стран Азии Российской Академии наук. ORCID: 0009-0005-6855-2172

Двусторонние отношения КНДР и Республики Беларусь в новом тысячелетии: ретроспектива и современное состояние*

Аннотация. В данной статье анализируется история двустороннего взаимодействия Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Беларусь с начала 1990-х годов по нынешнее время.

Автор предпринимает попытку периодизации двусторонних отношений, разделяя их хронологически на три этапа, основываясь на интенсивности как политического, так и экономического взаимодействия. В силу скудности данных о двустороннем товарообороте и в целом недостатка количественной информации по теме, статья преимущественно фокусируется на отдельных сюжетах взаимодействия. В их числе – продажа в КНДР белорусских тягачей МАЗ и МЗКТ, возможное обслуживание белорусскими техниками северокорейских боевых истребителей.

Автор также анализирует доктринальную основу внешней политики двух стран – идеи чучхе как основу северокорейского внешнеполитического мышления и нормативно-правовую базу внешней политики Беларуси. Оценивается аспект «публичной дипломатии» в двусторонних отношениях, подсвечивается сюжет с межпартийным сотрудничеством и туризмом.

Статья завершается констатацией активизации двусторонних связей между КНДР и Беларусью в новом десятилетии. Отмечается повышенная частота визитов делегаций из Пхеньяна в Минск и перспективы двустороннего сотрудничества. Вместе с тем, автор приходит к выводу о том, что международный санкционный режим всё ещё выступает основным сдерживающим фактором для развития торговли между странами, равно как и слабая заинтересованность белорусского бизнеса в северокорейском рынке.

Ключевые слова: Беларусь, КНДР, Северная Корея, санкции, торговля оружием, СНГ, Александр Лукашенко.

Abzianidze G.V.
Postgraduate Student, Institute of China and Asian Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0005-6855-2172

* © Абзианидзе Г.В., 2026.

Bilateral relations between the DPRK and the Republic of Belarus in the new millennium: retrospective and current state

Abstract. This article analyzes the history of bilateral relations between the Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Belarus from the early 1990s to the present.

The author attempts to periodize these bilateral relations, dividing them chronologically into three stages based on the intensity of both political and economic interactions. Due to the paucity of data on bilateral trade and the general lack of quantitative information on the topic, the article focuses primarily on specific aspects of interaction. These include the sale of Belarusian MAZ and MZKT tractors to North Korea and the possible servicing of North Korean fighter jets by Belarusian equipment.

The author also analyzes the doctrinal basis of the two countries' foreign policies – the Juche idea as the foundation of North Korean foreign policy thinking – and the legal framework for Belarusian foreign policy. The "public diplomacy" aspect of bilateral relations is assessed, highlighting interparty cooperation and tourism.

The article concludes by noting the intensification of bilateral ties between the DPRK and Belarus in the new decade. The article notes the increased frequency of visits by Pyongyang delegations to Minsk and the prospects for bilateral cooperation. However, the author concludes that the international sanctions regime remains the main constraint on the development of trade between the countries, as does the low interest of Belarusian businesses in the North Korean market.

Key words: Belarus, DPRK, North Korea, sanctions, arms trade, CIS, Alexander Lukashenko.

Введение

В настоящее время внешняя политика КНДР переживает этап активизации и качественного скачка. В условиях международной турбулентности начиная с 2022 года отношения Северной Кореи и России переживают бурный рост, начавшийся с ярких дипломатических шагов[1] и приведший в 2024 году к заключению Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между двумя странами[2].

Налицо активизация Северной Кореи и в других регионах. В условиях закрытия целого ряда посольств КНДР в развивающихся странах и в ЕС[3] и высокой степени зависимости северокорейской экономики от КНР, Пхе-

1 https://www.rbc.ru/politics/13/07/2022/62cec7449a79479b8f41fea4

2 https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/

3 *Smith J., Choi S.* North Korea's closure of Africa embassies sign of economic hardships - South's ministry // Reuters. 2023. // URL: https://www.reuters.com/world/north-koreas-closure-africa-embassies-sign-economic-hardships-souths-ministry-2023-10-31. (Дата обращения: 09.12.2025)

ньян явно стремится к диверсификации своей внешней политики и торговли, в том числе – за счёт старых стран-партнёров и постсоветских стран.

Сюжет с взаимоотношениями КНДР и РБ интересен отнюдь не только потому, что в СМИ Беларусь и КНДР часто сравнивают в разных контекстах[4]. Беларусь – возможно, наиболее активный исторически партнёр КНДР на постсоветском пространстве после Российской Федерации. Сегодня отношения двух стран переживают определённый подъём. Северокорейские торговые компании регистрируются на отраслевых биржах Беларуси[5], активизируются контакты на высоком уровне. 25-26 марта 2026 года А.Г. Лукашенко стал первым лидером постсоветской страны за пределами России, нанесшим официальный визит в КНДР[6].

Эти обстоятельства ставят перед экспертным сообществом ряд вопросов. Чем были и как развивались отношения между Республикой Беларусь и КНДР ранее? Каким были основные направления и мотивация сотрудничества?

Степень изученности темы

Из белорусских специалистов, исследовавших текущее состояние и перспективы взаимоотношений КНДР и Беларуси, можно отметить С.Ю. Девятых – кандидата психологических наук из Витебска, исследовавшего в 2010-х годах структуру народного образования в КНДР, а также перспективы двусторонних отношений Северной Кореи и РБ на основании договорной базы. Им же была подготовлена работа «Массовые трудовые движения в КНДР: 1945-2020 гг.»[7] [8].

Что касается западной аналитики и монографий, тема отношений Пхеньяна и Минска, как правило, находится в них в тени более объёмных сюжетов – северокорейско-китайского, -российского, -сирийского, -иранского взаимодействия. КНДР и Беларусь упоминаются вместе в относительно свежем отчётном докладе Европейского центра исследований в области безопасности имени Джорджа К. Маршалла в контексте БРИНК (Беларусь, Россия, Иран, Северная Корея) – формирующегося антизападного блока государств, однако доклад не выходит за рамки выводов об общих целях «авторитарных» режимов [1], что звучало и в официальной риторике Гос-

4 Why Belarus is Becoming the North Korea of Europe // URL: https://www.youtube.com/watch?v=FBtwU4Ay4LY&t=3s [сайт]. 18.04.2025. (Дата обращения: 10.02.2026).

5 https://www.sb.by/articles/na-butb-akkreditovalas-pervaya-kompaniya-iz-severnoy-korei.html

6 https://www.ajupress.com/view/20260330100108929

7 *Сам С.Ю.* Девятых неоднократно участвовал в мероприятиях солидарности с КНДР, включая организацию совместных выставок, а также получил учёную степень доктора общественно-политических наук КНДР в 2024 году во время визита в Пхеньян. Для иностранца в последние два десятилетия это – явное достижение.

8 https://nashaniva.com/ru/340979/

департамента США ранее [2, 282]. Также есть упоминания КНДР в работах белорусских специалистов, посвящённых внешней торговле и политике РБ в целом, однако ни единого профильного исследования по двусторонним отношениям стран пока не публиковалось.

Что касается отслеживания реальных сделок и контрактов между странами и отдельными промышленными предприятиями, информация представлена лишь крупицами.

В 1990-е – 2000-е годы в КНДР было налажено производство тракторов «Чоллима-2000», визуально напоминающих трактор МТЗ-80 Минского тракторного завода[9]. Автору доводилось бывать на экскурсии на МТЗ, и на вопрос, поставлялись или поставляются ли белорусские трактора в КНДР, представитель завода ответил утвердительно, однако неясно, имела ли место «отвёрточная» сборка белорусских тракторов в самой КНДР, были ли они частью гуманитарных поставок[10].

На фоне почти полного отсутствия упоминаний белорусско-северокорейского сотрудничества в научной литературе, основой эмпирической базы работы выступят новостные материалы, заметки, аналитика, посвящённые конкретным эпизодам двустороннего взаимодействия. При этом для понимания контекста и особенностей внешней политики двух стран автор, несомненно, обратится к работам видных исследователей этой темы – А. Бергер, Ч. Армстронга, К.В. Асмолова, а также к работам белорусских экспертов. Так как в анализ будет включено и культурное сотрудничество, и публичная дипломатия, парадигму исследования, помимо реалистической, можно будет также определить как конструктивистскую, с опорой скорее на хронологический метод, чем на проблемный.

Внешняя политика Минска и Пхеньяна: доктринальные основы.

2 октября 1991 г. Верховный совет Республики Беларусь впервые провёл дебаты по вопросам внешней политики и принял заявление «О принципах внешнеполитической деятельности Республики Беларусь». В нем подтверждалась приверженность страны Уставу ООН, Всеобщей декларации прав человека, а также обязательствам по международным договорам [15, 14]. Отмечалась готовность Беларуси присоединиться к Заключительному акту СБСЕ, начать переговоры об уничтожении ядерного оружия, итогом чего Беларуспервой страной мира (не считая ЮАР), добровольно отказавшегося от ядерного оружия[11]. В 1994 году Беларусь присоединилась

9 Любопытная фотоподборка тракторов Северной Кореи // Яндекс.Дзен. 2025. // URL: https://dzen.ru/a/XmHbkw2mayqBOGOk. (Дата обращения: 11.12.2025)

10 https://www.youtube.com/watch?v=yUBtE_0jKkw

11 Заметим, добившись в обмен на это списание внешнего долга перед Российской Федерацией [15, 90]. // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060

к ДНЯО [15, 141] – иронично, что КНДР вышла из договора в тот же год.

В законе от 2005 года «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» постулируется «*приверженность политике последовательной демилитаризации международных отношений*». В 2010 году была принята обновлённая Концепция национальной безопасности, в преамбуле которой постулируется переход к многополярному миру. Диверсификация внешней торговли воспринимается как вопрос национальной безопасности[12].

Республика Беларусь активно наращивала связи со многими развивающимися странами. Известным сюжетом является взаимодействие, например, с Венесуэлой, в том числе – жилищное строительство в Каракасе и закупки нефти. Что касается, по выражению А.Г. Лукашенко, «новых Венесуэл», Минск во второй половине 2010-х нацеливался на крупные страны-экспортёры энергоносителей – ОАЭ, Нигерия, Иран, либо на крупных контракторов белорусских заводов– Пакистан, Турция. Ни в ту, ни в другую категорию КНДР на тот момент, впрочем, не входила, не имея ни запасов нефти, ни твёрдой валюты для покупки большого количества тех же тракторов МТЗ [5, 101-102].

На международной арене позиции Пхеньяна и Минска совпадают по ряду вопросов. Обе страны последовательно разделяют принцип «единого Китая», выступают за реформу ООН[13], в начале марта 2022 года вместе с Эритреей и Сирией проголосовали «против» резолюции Генассамблеи ООН, осуждающей действия России в Украине[14].

В свою очередь, идеологическим стержнем северокорейской внешней политики являются появившиеся в 1950-х годах и впоследствии эволюционировавшие идеи чучхе. С ними, также как с идеологическими конструктами, возникшими на их базе - «сонгун», «пёнчжин», так и практических внешнеполитических разворотов. многие исследователи связывают гибкость режима КНДР и его устойчивость к внешним угрозам [9, 32].

Служа исторически идеологическим барьером, призванным сдержать влияние СССР и КНР, идеи чучхе вместе с тем не исключали на каком-либо этапе своего становления международной солидарности. При попытке свести идеи чучхе к одному термину одним из лучших вариантов будет «суверенность» (в более редких случаях – «самоидентичность»).

12 Решение Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» // Всебелорусское народное собрание. С. 19-21. // URL: https://minprom.gov.by/wp-content/uploads/2024/07/P924v0005_1714078800.pdf. (Дата обращения: 27.11.2025)

13 FULL | Belarus Declares End of Western World Order at UN | Ryzhenkov's Explosive Speech at UNGA 80 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=AWWUbA_Cdks

14 https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/za-skoreyshiy-mir-ob-itogakh-golosovaniya-2026/

КНДР (с 1975г.) [12, 85] и Республика Беларусь (с 1998г.) [15, 17] входят[15] в Движение Неприсоединения, невзирая на членство РБ в ОДКБ. Как на площадках Движения, так и за их пределами страны высказываются за многополярность, выступают с осуждением неоёчколониализма и двойных стандартов в международных отношениях[16].

Очерк истории экономического взаимодействия: МАЗы, БелАзы, МиГи.

Историю взаимоотношений КНДР с независимой Беларусью можно разделить на три этапа:

Этап 1: 1991-2006 гг. – характеризовался установлением дипломатических отношений, активными попытками обеих сторон осваивать новые экспортные ниши.

Этап 2: 2006-2022 гг. – Характеризовался наращиванием политических контактов с одной стороны и постепенным «сжатием» торговли на фоне вводимых против КНДР санкций ООН, а потом – и всемирного кризиса здравоохранения.

Этап 3: 2022 г. – наше время – характеризуется активным обменом делегациями и перспективами роста двустороннего экономического взаимодействия на фоне изменившейся международной реальности и фактического прорыва КНДР санкционной блокады.

На фоне развала мировой социалистической системы КНДР в начале 1990-х годов сталкивалась с рядом вызовов. Растущее давление со стороны США и их сателлитов, разрыв торговых цепочек, девалютизированность северокорейской внешней торговли, поставили экономику КНДР на грань коллапса уже к 1995 году. Тем не менее, Пхеньян продолжал инвестировать всё больше в оборонные проекты. Это определило характер начального взаимодействия между КНДР и Республикой Беларусь.

КНДР в 1980-е годы, по оценкам ЦРУ, входила в десятку стран-экспортёров вооружений [4]. Наиболее крупной статьёй этого экспорта были баллистические ракеты, которые КНДР производила и для себя. В 1990-х годах КНДР требовалась новая колёсная база под ракеты - актуальные «Ынха», новейшие «Тэпходон» и «Мусудан». Отсюда проистекает один из первых сюжетов двустороннего взаимодействия – закупка КНДР продукции белорусского машиностроения.

Одними из первых контракторов КНДР в Беларуси стали заводы МАЗ (Минский автомобильный завод) и выведенный в 1991 году в отдельное

15 https://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/cd6cf900a55b0e84.html?ysclid=mhacjptdu8648926279

16 https://belta.by/politics/view/belarus-na-ploschadke-dvizhenija-neprisoedinenija-vystupila-za-aktivizatsiju-ekonomicheskogo-743075-2025/#bounce

предприятие МЗКТ (Минский завод тяжёлых тягачей), МТЗ (Минский тракторный завод), Белорусский автозавод (БелАз).

В 1990-е годы МАЗы белорусского производства фиксировались американскими шпионскими спутниками в разных частях КНДР. Официальный Минск не оспаривал сделки, подчёркивая, что не связан договорами или ограничениями на продажу тяжёлой техники для перевозки грузов и обслуживания гражданских аэропортов[17, 18]. При этом в северокорейская сторона в свойственной ей манере задерживала платежи по заключённым с МАЗом контрактам, что потребовало их пересмотра в 1994 [11, 69].

По данным на 2002 год, экспорт МАЗов в КНДР был прекращён в силу выполнения более ранних договорённостей[19]. В конце 2000-х годов стало известно, что Пхеньян продолжал закупки МЗКТ производства совместного китайско-белорусского предприятия, созданного по инициативе компании Sanjiang Space Industry Group[20]. Эти тягачи, использующие большей частью те же агрегаты, что и «оригинальные» МЗКТ, по сообщению экспертов ООН, доставлялись в КНДР на судах под флагами Камбоджи и Мьянмы под видом «лесовозов». Пхеньян не держал сделку в секрете - китайско-белорусские МЗКТ были продемонстрированы 15 апреля 2012 года, во время военного парада, посвящённого 100-летию президента страны Ким Ир Сена[21]. Едва ли, впрочем, белорусский военный персонал[22] оказывал помощь с обслуживанием и развёртыванием новозакупленных МЗКТ на тот момент.

КНДР около 2014-2015 годов также производила закупки самосвалов и грузовиков МАЗ для использования на добыче полезных ископаемых[23, 24].

17 Что, тем не менее, «не спасло» белорусские предприятия от американских санкций ещё в начале 2010-х годов – прим. // URL: https://www.polskieradio.pl/75/921/artykul/779906,fabryka-traktorow-w-minsku-objeta-sankcjami

18 North Korea's Procurement Network Strikes Again: Examining How Chinese Missile Hardware Ended Up in Pyongyang // NTI. 2023. // URL: https://www.nti.org/analysis/articles/north-koreas-procurement-network-strikes-again-examining-how-chinese-missile-hardware-ended-pyongyang

19 https://mfa.gov.by/press/news_mfa/ad31893448c6dc7f.html

20 https://www.nti.org/analysis/articles/north-koreas-procurement-network-strikes-again-examining-how-chinese-missile-hardware-ended-pyongyang/

21 Беларусь и КНДР подписали соглашение о воздушном сообщении // Naviny.by. 2012. // URL: https://naviny.by/rubrics/abroad/2012/06/25/ic_articles_118_178273. (Дата обращения: 06.12.2025)

22 https://avia.pro/news/smi-belorussiya-okazalas-prichastna-k-severokoreyskoy-yadernoy-programme

23 Северная Корея заинтересовалась грузовиками MAZ // MAZPRICE.RU. // URL: https://mazprice.ru/news/severnaja-koreja-zainteresovalas-gruzovikami-maz. (Дата обращения: 05.12.2025)

24 Пивовар Э. Беларусь намерена нарастить поставки в КНДР грузовых автомобилей и тракторов // БЕЛТА. 2015. // URL: https://belta.by/economics/view/belarus-namerena-narastit-postavki-v-kndr-gruzovyh-avtomobilej-i-traktorov-1536-2015. (Дата обращения: 04.12.2025)

Также японские[25] и ряд западных СМИ писали о грузовиках БелАз, сгружаемых с железнодорожных платформ в районе пограничной с Россией реки Туманган в 2024 году, однако нет полной уверенности в том, что этим кадрам не «добавили» 10 лет возраста. Также в западных докладах упоминалась покупка КНДР танков в Беларуси уже в XXI веке [6, 2], однако это маловероятно – Северная Корея не держит на вооружении танки Т-72, а находящиеся в Беларуси на хранении Т-54/55 сама имеет в избытке.

В самой КНДР при развитости сети заводов наземной техники и наличии собственного ВПК, производящего бронетехнику, всю номенклатуру артиллерии и стрелкового оружия, относительно неразвитым было и остаётся производство и ремонт боевых самолётов.

Участие в модернизации северокорейских МиГ-29 часто приписывается 558-му авиаремонтному заводу в Барановичах Брестской области. Завод в постсоветский период предоставлял услуги выездного ремонта и обслуживания этих боевых машин[26]. Сама КНДР также предлагала подобные услуги [3, 57] [7, 65], однако «МиГи» 4-го поколения были приобретены только в 1980-е – 1990-е годы, и Северная Корея могла не успеть организовать под них необходимую ремонтную базу. В свою очередь, 558-й авиазавод в Барановичах с 1990-х годов модернизировал как штурмовики Су-25, так и истребители Су-30К[27].

Уже в текущем десятилетии многие эксперты отмечали потенциал включения Беларуси в цепочки поставок комплектующих для северокорейской боевой авиации[28], однако такого рода действия явно бы подпадали под санкции ООН, запрещающие поставку военной техники и комплектующих к ней. Большой вопрос, насколько белорусское руководство одобрит такие действия, учитывая частичное снятие односторонних американских ограничений со страны в последние полгода[29].

Политическое взаимодействие до пандемиии COVID-19.

КНДР и Республика Беларусь установили дипломатические отношения 3 февраля 1992 года. Установлению дипломатических отношений предше-

25 Rare Satellite Images Reveal North Korea's Import Belarusian Dump Trucks // Japan Forward. 2023. // URL: https://japan-forward.com/rare-satellite-images-reveal-north-koreas-import-belarusian-dump-trucks. (Дата обращения: 02.12.2025)

26 Official website of the 558th Aircraft Repair Plant // 558arp.by. — // URL: https://www.558arp.by/eng. — Date accessed: December 3, 2025.

27 Как новые: Беларусь ремонтирует узбекские военные самолеты // Sputnik Узбекистан. 2018. // URL: https://uz.sputniknews.ru/20181025/V-Belarusi-dali-vtoruyu-zhizn-istrebitelyam-uzbekskikh-VVS-Mig-29S-9797451.html. (Дата обращения: 01.12.2025)

28 Is Russia Resurrecting the MiG-35 Fighter Program? Ukraine War and North Korea Ties Create New Opportunities // Military Watch Magazine. 2025. // URL: https://militarywatchmagazine.com/article/russia-resurrecting-mig35-ukraine-nkorea-opportunities (Дата обращения: 01.12.2025)

29 США ослабили санкции, введенные против белорусской «Белавиа» // BFM.RU. 2025. // URL: https://www.bfm.ru/news/583803 (Дата обращения: 09.11.2025)

ствовали визиты торгово-дипломатических делегаций[30]. В апреле 1991 года Минск посетила делегация КНДР во главе с замминистра внешней торговли Сок Ши Чобом. В январе 1992 года последовал ответный визит Председателя Госкомитета внешнеэкономических связей РБ. За год до этого, в 1990, было учреждено торговое представительство КНДР в Белоруссии[31].

Пери этом интересы КНДР в Беларуси продолжало до 2016 года представлять посольство в Москве, а посол Ким Хён Чжун, сегодня - член ЦК Трудовой Партии Кореи, имел в Беларуси статус посла-нерезидента вплоть до 2019 года[32]. Посольства РБ в КНДР при этом отсутствует до сих пор, хотя в апреле 2026 года, в преддверии визита А.Г. Лукашенко в Пхеньян, премьер-министр страны А.Г. Турчин подписал постановление об открытии посольства в Пхеньяне в срок до 1 августа текущего года.

24 августа 2006 года было заключено соглашение о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций [10, с.46]. За два месяца до этого было достигнуто соглашение об избежании двойного налогообложения.

Середину 2010-х годов можно считать пиковым временем в отношениях КНДР и Беларуси. В марте 2015 в Пхеньяне побывал с официальным визитом глава МИД КНДР Ли Су Ён – стороны обсуждали экономическое взаимодействие, поставки сельхозмашин, углубление политического диалога. Глава корейской дипломатии также посетил МТЗ и выразил желание корейской стороны закупить трактора из КНДР и даже привлечь белорусских специалистов для их обслуживания[33].

В 2015 году СМИ сообщали о переговорах об установлении[34] прямого авиасообщения между странами[35, 36], однако в итоге был лишь выполнен

30 О заседании Совместной белорусско-корейской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству // МИД Беларуси, Официальный сайт // URL: https://mfa.gov.by/print/press/news_mfa/aac35b2f476580fa.html

31 Протокол между Правительством Белорусской Советской Социалистической Республики и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики об открытии Торгового представительства : Протокол Правительства Белорусской ССР, 19 апр. 1991 г. // Normativka.by. // URL: https://normativka.by/lib/document/500127828. (Дата обращения: 26.11.2025)

32 Беларусь и КНДР обсудили развитие политического диалога и торгово-экономического сотрудничества // БЕЛТА. 2015. // URL: https://belta.by/politics/view/belarus-i-kndr-obsudili-razvitie-politicheskogo-dialoga-i-torgovo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-14568-2015. (Дата обращения: 30.11.2025)

33 КНДР хочет производить тракторы «Беларусь» // АТИ.СУ. 2015. // URL: https://news.ati.su/news/2015/03/18/kndr-hochet-proizvodit-traktory-belarus-601000 (Дата обращения: 21.11.2025)

34 СМИ тогда писали о «восстановлении» авиасообщения, хотя прямых перелётов из Минска в Пхеньян не осуществлялось и в советское время, и уж тем более в постсоветское. прим.

35 «Белавиа» опровергла информацию об открытии прямого воздушного сообщения Минска с Пхеньяном // АвиаПорт. 2026. // URL: https://www.aviaport.ru/news/363327. (Дата обращения: 22.11.2025)

36 Belarus may organize flights to North Korea // Euroradio. 2015 // URL: https://euroradio.fm/en/belarus-may-organize-flights-north-korea

разовый туристический рейс Минск-Пхеньян на самолёте Ту-154, приуроченный к авиашоу в аэропорту Сунан и предназначенный для любителей ретро-авиатехники[37][38]. Что интересно, полёту предшествовала «неделя КНДР» в Минске с чередой культурных мероприятий – лекций и кинопоказов[39].

Что касается публичной дипломатии, можно отметить ряд сюжетов, связанных с визитами в КНДР представителей научного сообщества из Беларуси, а также туристов. РБ входит в ограниченный список стран (вместе с Россией, Кыргызстаном и рядом других), для держателей дипломатических и служебных паспортов которых действует безвизовый режим с КНДР. По состоянию на 2026г. белорусы, как и россияне, могут посещать КНДР[40, 41], причём, по информации востоковеда А.Н. Ланькова, для граждан других стран эта возможность пока закрыта[42].

В отличие от таковых в России, партийные делегации из Беларуси редко наносят визиты в КНДР, хотя межпартийные контакты между, например, партией «Белая Русь» и Трудовой партией Кореи поддерживаются[43]. Коммунистическая партия Беларуси стабильно выражала свою поддержку ТПК[44], а с 2012 года присоединилась к Пхеньянской Декларации от 1992 года, призывавшей все коммунистические и социалистические движения мира к солидарности. В Минске также с сентября 2016 года функционирует Белорусская группа Солидарности с КНДР, сегодня формально – филиал российской Международной Группы солидарности с КНДР[45].

37 Belarus to North Korea: Ultimate tour for aviation geeks // 50SKYSHADES.com. 2016. // URL: https://50skyshades.com/news/airports-routes/belarus-to-north-korea-ultimate-tour-for-aviation-geeks. (Дата обращения: 24.11.2025)

38 «Белавиа» не будет регулярно летать в Северную Корею // Sputnik Беларусь. 2015. // URL: https://sputnik.by/20151014/1017865519.html. (Дата обращения: 23.11.2025)

39 *Романова Е.* Неделя Северной Кореи в Минске: о КНДР расскажет директор «Ляписа Трубецкого», а минчане посмотрят кино об этой стране // Комсомольская правда KP.RU. 2015. // URL: https://www.kp.ru/daily/26466/3336919. (Дата обращения: 28.11.2025)

40 Белорусам предложили «экстремальные» туры в КНДР по цене поездки на Кубу // Sputnik Беларусь. 2025. // URL: https://sputnik.by/20250220/belorusam-predlozhili-ekstremalnye-tury-v-kndr-po-tsene-poezdki-na-kubu-1093784857.html. (Дата обращения: 19.11.2025)

41 Ни шагу от гидов и марши по утрам. Белорусы рассказали, как съездили в Северную Корею. // YaPlakal. 2015. // URL: https://www.yaplakal.com/forum2/topic1383876.html. (Дата обращения: 17.12.2025)

42 Всё о туризме в СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ | Ланьков // Youtube. 2026. // URL: https://www.youtube.com/watch?v=zaYrrZEIaRk&t=1815s (Дата обращения: 17.03.2026)

43 Сотрудничество с Трудовой партией КНДР — это большая перспектива развития отношений // MinskNews.by. 2025. // URL: https://minsknews.by/o-chemodanova-sotrudnichestvo-s-trudovoj-partiej-kndr-eto-bolshaya-perspektiva-razvitiya-otnoshenij. (Дата обращения: 18.02.2025)

44 *Иванов А.* Антиимпериалистический интернационал // Коммерсантъ. 1999. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/227188. (Дата обращения: 20.11.2025)

45 О деятельности Белорусской Группы солидарности с КНДР // *Redstartv.org*. 2016. // URL: https://www.redstartv.org/blog/belarusian_solidarity/1-0-8. (Дата обращения: 17.11.2025)

КНДР и Беларусь в новом десятилетии

«Мы готовы расширять и развивать традиционные отношения дружбы и сотрудничества с Республикой Беларусь на новом высоком уровне в соответствии с велением времени.»[46]

Ким Чен Ын в письме А.Г. Лукашенко от 10 марта 2026 г.

В ноябре 2020 года, принимая верительные грамоты от нового посла КНДР в Минске, А.Г. Лукашенко отметил *«неоправданно низкий уровень»* отношений двух стран[47]. К тому моменту КНДР ограничила контакты с внешним миром, стремясь предотвратить распространение COVID-19, что в том числе привело к падению и без того мизерного товарооборота со странами Постсоветского пространства и общему уменьшению объёмов экономики КНДР [8, 271]. Было прервано авиасообщение, закрыты границы, внешняя торговля практически прекратилась.

Определённая активизация внешних контактов произошла в 2022-23 годах. В 2024 году впервые с начала десятилетия на межмидовские консультации в Пхеньян прибыл замминистра иностранных дел Беларуси Евгений Шестаков[48]. В июле в КНДР нанёс визит сам глава МИД Беларуси Максима Рыженков. Он встретился с главой МИД Северной Кореи Цой Сон Хи и премьер-министром Ким Док Хуном. Наконец, в октябре 2024 года глава МИД КНДР Цой Сон Хи прибыла в Минск[49].

В январе 2025 года в дипломатическом поле между КНДР и РБ произошло явное недопонимание, названное в ряде источников «скандалом»[50]. 17 января А.Г. Лукашенко собрал в Минске заседание по вопросам внешней торговли, на котором упомянул пять стран, готовые обсуждать новые торговые соглашения и диалог на высоком уровне, включая КНДР, Индонезию, Пакистан[51].

В ответ на это Ким Ё Чжон, член Госсовета КНДР и де-факто пресс-секретарь МИД страны, выступила с коротким заявлением[52], в котором

46 http://www.kcna.kp/ru/article/q/970eb63f8c98ea8643ac5d1d65d76aa7abafa3e78868f11ddff588f5d7f6ef24f64079380e866f8e76b656cddde82b37f2624beda8591b0e3ce0fb26963a06ed.kcmsf

47 *Браун Е.* Неоправданно низкий уровень: Лукашенко хочет активнее развивать отношения с КНДР // *Белновости*. 2020. // URL: https://www.belnovosti.by/politika/neopravdanno-nizkiy-uroven-lukashenko-hochet-aktivnee-razvivat-otnosheniya-s-kndr. (Дата обращения: 18.11.2025)

48 https://news.rambler.ru/world/52667251-zamglavy-mid-belorussii-posetil-kndr-v-ramkah-planovyh-konsultatsiy/

49 https://zviazda.by/en/news/belarus-north-korea-seek-to-expand-cooperation-in-all-areas/

50 В Северной Корее обвинили Лукашенко во лжи // Radio Signal. 2025. // URL: https://radiosignal.news/news/v-severnoy-koree-obvinili-lukashenko-vo-lzhi. (Дата обращения: 14.12.2025)

51 Лукашенко собрал совещание по торговле с зарубежными партнёрами, прежде всего на Востоке // БЕЛТА. 2025. // URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-sobral-soveschanie-po-torgove-s-zarubeznimi-partnerami-prezhde-vsego-na-vostoke-689478-2025. (Дата обращения: 13.12.2025)

52 *Ким Е Чжон*, председатель Центрального комитета Трудовой Партии Кореи, выступил с официальным заявлением по вопросам отношений Республики Беларусь и КНДР] //

опровергла направление Пхеньяном каких-либо приглашений о проведении встреч на высоком уровне белорусской стороне. Сообщение заканчивалось следующей формулировкой:

«Если вы[53] *надеетесь на развитие отношений сотрудничества с нами, важно точно определить ваши намерения. Я думаю, что этот факт и искренность должны стать отправной точкой в двусторонних отношениях между странами. Мы готовы приветствовать белорусскую сторону, если она не будет заниматься подобным впредь и будет стремиться развивать с нами отношения дружбы и сотрудничества.»*

Чем бы ни был этот эпизод – оговоркой президента Республики Беларусь, или преждевременное раскрытие планов дипломатической активности на год, которые должны были оставаться в секрете – не до конца понятно, однако более ни Минск, ни Пхеньян, ситуацию не комментировали.

Так или иначе, уже в феврале 2025 года Ким Чен Ын штатно направил А.Г. Лукашенко официальные поздравления с победой на президентских выборах[54]. В мае 2025 года в КНДР побывала делегация во главе с вице-премьером РБ Юрием Шулейко – обсуждались двусторонние торговые контакты[55]. Уже осенью 2025 года состоялась формально первая встреча глав двух государств – Александр Лукашенко и Ким Чен Ын присутствовали на торжествах по случаю 76-летия провозглашения КНР в Пекине[56]. За месяц до этого Ким Чен Ын пригласил белорусского президента посетить КНДР «в любое удобное время», на что А.Г. Лукашенко ответил с готовностью[57].

Примерно тогда же, в начале сентября 2025 года, страны провели заседание Совместного комитета по экономическому сотрудничеству[58]. В конце октября - начале ноября 2025 года в Минске с официальным визитом находилась глава министерства иностранных дел КНДР Чхве Сон Хи[59].

Наконец, в конце марта 2026 года А.Г. Лукашенко прибыл в Пхеньян с двухдневным официальным визитом. Главным итогом стало подписание

Центральное Телеграфное Агенство Кореи. 2025. // URL: http://kcna.kp/kp/article/q/7f7ecaf7174ecaf1e8c145bcb264ac048a95aca5a60c90aec107ec239d565848.kcmsf (Дата обращения: 16.02.2026)

53 Белорусская сторона – прим.

54 https://www.koreaherald.com/article/10411578

55 https://pozirk.online/ru/news/137398/

56 Как массмедиа создают искажённые образы политиков. Лукашенко объяснил на примере Ким Чен Ына // СБ-Беларусь сегодня. 2025. // URL: https://www.sb.by/articles/kak-massmedia-sozdayut-iskazhennye-obrazy-politikov-lukashenko-obyasnil-na-primere-kim-chen-yna.html. (Дата обращения: 15.11.2025)

57 Лукашенко подтвердил готовность посетить КНДР // Газета.Ru. 2025. // URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/09/09/26685230.shtml?utm_auth=false. (Дата обращения: 16.11.2025)

58 http://www.lkp.news/news/articleView.html?idxno=64037

59 *Зубарев Д.* КНДР и Белоруссия договорились углубить международное взаимодействие // Взгляд: [сайт]. 31.10.2025. // URL: https://vz.ru/news/2025/10/31/1370475.html (Дата обращения: 21.12.2025).

Договора о дружбе и сотрудничестве, который заложил правовую основу для нового этапа отношений. Стороны также заключили около десятка соглашений о сотрудничестве в сельском хозяйстве, образовании и других сферах. Самым заметным эпизодом стал обмен подарками: помимо шоколада, бальзама «Беловежская пуща» и водки, Александр Лукашенко презентовал Ким Чен Ыну белорусский автомат VSK-100 со словами *«на всякий случай, если враги появятся»*[6061]. Лукашенко по просьбе Владимира Путина также возложил цветы к монументу «Освобождение» в знак благодарности за военную помощь КНДР в ходе боёв за Курскую область России в 2023-24 годах.

Заключение

В общем и целом, отношения между КНДР и Беларусью в новом столетии даже в лучшие их годы можно охарактеризовать как слабоинтенсивные. При сопоставимых размерах экономик[62], официальный товарооборот между странами и в лучшие годы для двусторонних отношений не превышал 3,3 млн долларов. Для сравнения: пиковый товарооборот России и КНДР в середине 2010-х годов не превышал 330 млн $, товарооборот Беларуси с Грузией – около 45 млн $[63], а на фоне цифр торговли с Южной Кореей цифры торговли с КНДР выглядят статистической погрешностью.

Обе страны роднят политические позиции по ряду коренных вопросов международной повестки. Обе страны имеют аграрно-индустриальную экономическую структуру, и отдельные сектора их экономик потенциально хорошо совместимы. КНДР может быть заинтересована в ремонте техники, в том числе – авиационной – в закупке трамваев и троллейбусов белорусского производства, равно как белорусских минеральных удобрений и сельскохозяйственной продукции, на которую Минск уже предоставлял Пхеньяну дисконт[64]. Вместе с тем, главный экспортный козырь КНДР – недорогая, но надёжная рабочая сила – также может заинтересовать Минск ровно также, как и Москву.

С другой стороны, в реальности отношения КНДР и Беларуси с одной стороны находятся «в заложниках» отношений Москвы и Пхеньяна,

60 https://tass.ru/obschestvo/26896917

61 Заметим, что формально этот акт нарушил сразу два положения санкционного режима против КНДР – о запрете на импорт в КНДР предметов роскоши и на передачу/продажу стрелкового вооружения – прим.

62 ВВП КНДР в 2024 году оценивался экспертным сообществом в диапазоне 37-50 млрд $, белорусский – около 65 млрд при всех нюансах, описанных выше – прим.

63 https://www.belarus.by/ru/business/business-news/kobjakov-otmechaet-vazhnost-vzaimodopolnjaemosti-ekonomik-belarusi-i-gruzii_i_0000036825.html

64 Беларусь снизила для Северной Кореи минимальную цену молока, а для Китая – мяса // Комсомольская правда // URL: https://www.belarus.kp.ru/online/news/5399488/

а с другой сдерживаются логистическими сложностями и – что не менее важно – нежеланием Минска столь же открыто действовать вразрез с санкционным режимом ООН против Северной Кореи, как это делает Россия. Формально в КНДР всё ещё запрещена продажа любого вооружения или военное консультирование, граждан страны нельзя нанимать на работу. В 2016 году в Беларуси впервые заморозили активы банка, проводившего нарушающие санкционный режим ООН операции[65]. В общем и целом, Минск продолжает «сохранять верность» многовекторной политике, в рамках которой теоретически возможное восстановление отношений с европейскими странами и США выглядит более приоритетным, чем открытые контакты с КНДР.

Библиографический список:

1. Arasli J., Gorenburg D., Lewis D., Herd G.P. Russia End State: BRINK (Belarus, Russia, Iran, and North Korea) Links? // George C. Marshall European Center for Security Studies, 2024. 7 p. // URL: https://www.marshallcenter.org/sites/default/files/files/2024-08/fy24-scss-10-summary-final-pdf.PDF (Дата обращения: 23.02.2026)
2. Armstrong C.K. Tyranny of the weak: North Korea and the world, 1950–1992. New York: Cornell University Press. 2013. 307 p.
3. Berger A. Target markets: North Korea's military customers in the sanctions era. London: Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. 2015. 188 p.
4. North Korean activities overseas: a research paper // CIA: Directorate of intelligence. Secret: 08.1984. Approved for release 2009.
5. Yeliseyeu A. Belarus and Developing Countries: Looking for new 'Venezuelas' // Belarusian Yearbook 2014. P. 97-104.
6. A. Kegö, W. Molcean, G. Nizhnikau Belarus Arms Trade // Institute for Security and Development Policy, 2026. 24 p. // URL: https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/publications/2011_kego-molcean-nizhnikau_belarus-arms-trade.pdf (Дата обращения: 22.05.2026)
7. Абзианидзе Г.В. КНДР и страны Африки южнее Сахары: пушки, памятники, антиколониализм // Корееведение. 2024. № 3 (8). С. 57-78.
8. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021), 2022. – М.: ИКСА РАН. 440 с.
9. Батяновский В.В. Идеология Чучхе: создание, этапы развития, дальнейшие перспективы – М.: Автор. 2023. 36с.
10. Девятых С.Ю. Двусторонние договора как фактор развития внешнеэкономических отношений Республики Беларусь и КНДР // Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2020. – Витебск: ВГАВМ. С. 44-47.
11. Дудик В.Ф. Страны северо-восточной азии в контексте национальных интересов республики беларусь Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. 2008. № 1 (32). С. 65-73.
12. Поленова А.Л. КНДР и Движение неприсоединения // Проблемы безопасности и международных отношений. 2020. С. 81-87.
13. Протокол между Правительством Белорусской Советской Социалистической Республики и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики об открытии Торгового представительства : Протокол Правительства Белорусской ССР, 19 апр. 1991 г. // Normativka.by. // URL: https://normativka.by/lib/document/500127828. (Дата обращения: 26.11.2025)
14. Решение Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» // Всебелорусское народное собрание. // URL: https://minprom.gov.by/wp-content/uploads/2024/07/P924v0005_1714078800.pdf. (Дата обращения: 27.11.2025)
15. Снапковский В.Е. Анализ внешней политики Республики Беларусь. – Минск: БГУ, 2021. 243 с.
16. Кравченко В.И., Мартынова Д.А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях зарождающегося искусственного интеллекта // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 137-143.

65 *Им Чон Ё* Belarus freezes bank account for violating UNSC resolution // *The Korean Herald* // URL: https://www.koreaherald.com/article/1115555 (Дата обращения: 22.01.2026).

Reference

1. Arasli J., Gorenburg D., Lewis D., Herd G.P. Russia End State: BRINK (Belarus, Russia, Iran, and North Korea) Links? // George C. Marshall European Center for Security Studies, 2024. 7 p. // URL: https://www.marshallcenter.org/sites/default/files/files/2024-08/fy24-scss-10-summary-final-pdf.PDF (23.02.2026)
2. Armstrong C.K. Tyranny of the weak: North Korea and the world, 1950–1992. New York: Cornell University Press. 2013. 307 p.
3. Berger A. Target markets: North Korea's military customers in the sanctions era. London: Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. 2015. 188 p.
4. North Korean activities overseas: a research paper // CIA: Directorate of intelligence. Secret: 08.1984. Approved for release 2009.
5. Yeliseyeu A. Belarus and Developing Countries: Looking for new 'Venezuelas' // Belarusian Yearbook 2014. P. 97-104.
6. A. Kegö, W. Molcean, G. Nizhnikau Belarus Arms Trade // Institute for Security and Development Policy, 2026. 24 p. // URL: https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/publications/2011_kego-molcean-nizhnikau_belarus-arms-trade.pdf (22.05.2026)
7. Abzianidze G.V. The DPRK and Sub-Saharan Africa: Guns, Monuments, and Anti-Colonialism // Korean Studies. 2024. № 3 (8). P. 57-78.
8. Asmolov K.V., Zakharova L.V. Modern North Korea: The First Decade of the Kim Jong-un Era (2012–2021), 2022. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 440 p.
9. Batyanovsky V.V. The Juche Ideology: Creation, Stages of Development, and Future Prospects – Moscow: Author. 2023. 36 p.
10. Devyatykh S.Yu. Bilateral Treaties as a Factor in the Development of Foreign Economic Relations between the Republic of Belarus and the DPRK // Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. 2020. – Vitebsk: VGAVM. P. 44-47.
11. Dudik V.F. Northeast Asian Countries in the Context of National Interests of the Republic of Belarus. Scientific Journal of the Humanitarian and Grammar Sciences. 2008. № 1 (32). P. 65-73.
12. Polenova A.L. DPRK and the Non-Aligned Movement // Problems of Security and International Relations. 2020. P. 81-87.
13. Protocol between the Government of the Byelorussian Soviet Socialist Republic and the Government of the Democratic People's Republic of Korea on the opening of a Trade Representation: Protocol of the Government of the Byelorussian SSR, April 19, 1991 // Normativka.by. // URL: https://normativka.by/lib/document/500127828. (11.26.2025)
14. Resolution of the All-Belarusian People's Assembly of April 25, 2024 No. 5 "On Approval of the National Security Concept of the Republic of Belarus" // All-Belarusian People's Assembly. // URL: https://minprom.gov.by/wp-content/uploads/2024/07/P924v0005_1714078800.pdf. (11.27.2025)
15. Snapkovsky V.E. Analysis of the Foreign Policy of the Republic of Belarus. – Minsk: BSU, 2021. 243 p.
16. Kravchenko V.I., Martynova D.A. The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 137-143.

Иванов М.А.
Ассистент кафедры Всеобщей Истории и международных отношений, Институт истории, философии и политических наук, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина.

Политика сдерживания Египта как инструмент обеспечения британских интересов в средиземноморье в конце 1820-х гг.*

Аннотация. В данной статье анализируется роль Великобритании в процессе противодействия геополитическому возвышению Египта в конце 1820-х гг. Автор исследует причины, обусловившие рост влияния египетского паши на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Юго-Восточной Европе. Методологической базой исследования выступают принципы историзма и объективности, обеспечивающие научную строгость при работе с источниковой базой и историографией. В статье обосновывается тезис о необходимости рассматривать Египет 1820-х гг. не как вассальную территорию, а как формирующееся самостоятельное государство, чей суверенитет был де-факто ограничен стратегическими геополитическими интересами Великобритании.Ключевые слова: Египет, Мухаммед Али, XIX век, греческая война за независимость, Русско-турецкая война 1828-1829 гг.

Ключевые слова: всеобщая история, XIX век, Великобритания, Мухаммед Али, греческая война за независимость.

Ivanov M.A.
Assistant Professor, Department of General History and International Relations, Institute of History, Philosophy, and Political Science, Ryazan State University named after S.A. Yesenin.

Egyptian containment policy as an instrument for securing British interests in the mediterranean in the late 1820s.

Abstract. This article analyzes the role of Great Britain in counteracting Egypt's geopolitical ascendancy in the late 1820s. The author examines the causes that underpinned the growth of the Pasha of Egypt's influence in the Middle East, North Africa, and Southeastern Europe. The methodological basis of the research is constituted by the principles of historicism and objectivity, which ensure scholarly rigor when working with source

* © Иванов М.А., 2026.

materials and historiography. The article substantiates the thesis that Egypt in the 1820s should be considered not as a vassal territory, but as an emerging independent state whose sovereignty was de facto constrained by the strategic geopolitical interests of Great Britain.

Key words: general history, 19th Century, Great Britain, Muhammad Ali, Greek War of Independence.

В 1820-е годы Средиземноморье было крайне важным регионом для Великобритании. Значимость данного региона определялась тем, что через Средиземное море проходил путь в Индию, которая являлась жемчужиной британской короны. Поэтому для Англии было очень важно, чтобы в средиземноморском бассейне царил порядок. Рост влияния Египта под руководством Мухаммеда Али вызывал опасения у британских политиков. Эти опасения были связаны с ростом французского присутствия в Египте. Русская военная газета «Русский Инвалид» в 1822 году писала, что Египет уже стал заметным политическим и научным центром на Ближнем Востоке [11]. Хотя египетский правитель Мухаммед Али формально подчинялся османскому султану, в середине 1820-х годов он становился всё более независимым игроком на мировой арене. Египетская армия показала свою силу в ходе войны с Суданом в 1820-1824 гг. В результате этой войны Египет получил контроль над торговлей рабами в Северной Африке и доступ к новым ресурсам, что способствовало развитию его экономики [12, p. 50-51].

В контексте растущего могущества Египта, османский султан Махмуд II в 1824 г. инициировал обращение к египетскому паше Мухаммеду Али с запросом о военной помощи в подавлении восстания в Греции. Турецкая армия не могла самостоятельно подавить греческое восстание с 1821 г. Взамен Мухаммеду Али были предложены Крит и Пелопоннес. Однако, отправка египетских войск в Грецию создавала для паши реальную угрозу дипломатического столкновения с Великобританией, являвшейся ведущей морской державой. Особую значимость этому факту придавало заявление британского министра иностранных дел Дж. Каннинга, сделанное в 1823 году, которым Греция была фактически признана стороной, равноправной Османской империи в военном противостоянии [10, с. 107-108].

Дж. Каннинг опасался, что Египет сможет стать независимым государством и диктовать собственные условиями в Средиземном море. Английскими опасениями перехода территории Греции под власть египетского паши воспользовалась влиятельная светская дама, Дарья Христофоровна Ливен. Она была женой Христофора Андреевича Ливена, российского посла в Лондоне. В октябре 1825 г. российская сторона представила английской стороне документы из которых следовало, что командующий египетским корпусом Ибрагим паша намерен оставить завоёванные земли под

контролем Египта [18]. Эти документы были переданы намеренно британской стороне с целью заключения англо-российского союза по Греции, где египетский фактор должен был стать одним из общих интересов. Об успешном ходе переговоров в декабре 1825 г. сообщил Х.А. Ливен. Он описал, что Дж. Каннинг согласен на союз с Россией и направит в Санкт-Петербург герцога Веллингтона. Также Х.А. Ливен сообщил, что России удалось добиться переговоров более высокого уровня, нежели чем, изначально планировала английская сторона [3, л. 127].

Весной 1826 года визит герцога Веллингтона в Санкт-Петербург ознаменовался началом переговорного процесса, в ходе которого присутствие египетских войск в Греции стало ключевым предметом обсуждения. Британская и российская дипломатии сходились в своей основной цели: они стремились заставить Османскую порту прекратить военные действия на Пелопоннесе и вывести египетский корпус. Однако, опасаясь усиления российского влияния как в Восточной Европе, так и на Ближнем Востоке, герцог Веллингтон проявил настойчивость, настаивая перед императором Николаем I на предоставлении Великобританией исключительного права на вмешательство против египетской армии. Российская сторона не была готова согласиться с такой трактовкой. Николай I, в свою очередь, подчеркнул право России на ввод войск в Валахию и Молдавию как инструмент давления на Османскую империю. Герцог Веллингтон отверг этот контрпредложение, аргументируя свою позицию тем, что действия России представляют собой угрозу для существования турецкой государственности, в то время как британское вмешательство против египетского корпуса, напротив, не несет подобной угрозы для Турции [13, p. 270-273].

Итоги визита герцога Веллингтона в Россию завершились подписанием Петербургского протокола 23 марта (4 апреля) 1826 г. Соглашение предписывало использовать дипломатическое влияние на Османскую империю для прекращения боевых действий с Грецией. Султан Махмуд II отклонил Петербургский протокол и был уверен в возможности военной победы над греками. Позиция Порты была основана на превосходстве турецко-египетской армией над греками на поле боя. 10 апреля 1826 г. был взят Месолонгион, один из крупнейших городов под контролем Греции. На фоне крупных боёв за город в европейской прессе распространились новости о смерти Ибрагима-паши, командующего египетским корпусом, но в скором времени данная информация была опровергнута [17].

Но несмотря на то, что итоги военной кампании 1826 года продемонстрировали боеспособность египетского корпуса в Греции, героическая оборона Месолонгиона имела существенное политическое значение: она способствовала консолидации общественного мнения в Великобритании, Франции и России в поддержку греческого освободительного движения.

Данная общественно-политическая динамика создала благоприятные условия для продолжения Дж. Каннингом последовательного внешнеполитического курса по греческому вопросу. Логическим результатом этой линии стало подписание 6 июля 1827 года Лондонской конвенции между Великобританией, Францией и Россией. В рамках документа стороны зафиксировали необходимость прекращения огня между Османской империей и Грецией, вывода египетского корпуса с греческой территории, а также направления в Средиземное море объединённой эскадры трёх держав. Смерть Дж. Каннинга 8 августа 1827 года не повлекла за собой корректировки внешнеполитического курса Великобритании. После того как в августе и сентябре 1827 года Порта отклонила предложения англо-российско-французского посредничества, осенью 1827 года британский посол в Константинополе Стрэдфорд Каннинг в переписке с Э. Кодрингтоном, возглавлявшим британскую флотилию, обозначил необходимость усиления давления на Османскую империю посредством демонстрации военной силы [14, p. 600-604].

В рамках подобной политики 21 сентября 1827 г. эскадры Франции и Великобритании объединили свои силы. Российская эскадра продолжала осуществлять патрулирование Средиземного моря для пресечения пиратства. После объединения эскадр Франции и Великобритании было принято решение о начале переговорного процесса с представителями турецкой и египетской армий. Первая попытка была предпринята французским адмиралом Анри де Реньи, 24 сентября 1827 г. В ходе переговорного процесса представителя Франции удивило, когда Ибрагим-паша попросил удалится командующего турецким флотом Тахира-пашу. На основе этого, А. де Реньи сделал вывод о доминирующем положении египтян над турками по принятию решений на местах. В ходе последующих переговоров французской стороной был предложен безопасный вывод египетского корпуса из Греции. Ибрагим-паша отверг предложения, сославшись на подданство султану Османской империи и невозможности принимать подобные решения без санкции Махмуда II. Новая попытка достигнуть соглашения была предпринята спустя сутки, 25 сентября 1827 г., но уже со стороны Великобритании. В состав британской делегации вошли полковник Крэдок и первый секретарь британского посольства Ахилл Руан. Им было предложено Ибрагиму-паше приостановить военные действия в Греции до получения новых султанских приказов, в которых будет учтено появление англо-французской эскадры в Средиземном море. Ибрагим-паша дал согласие не использовать турецко-египетский флот для подавления греческого восстания [14, p. 608-610].

После того, как со стороны Ибрагима-паши были получены гарантии о приостановке военных действий с использованием флота, французский флот в полном составе и значительная часть британского флота снялись с

якоря и отошли на ремонт. День спустя, 26 сентября 1827 г., египтяне нарушили обещание и провели несколько судов через ослабевшую британскую блокаду. Э. Кодрингтон, командующий британской частью эскадры, был вынужден написать письмо Л.П. Гейдену, командующему российской частью эскадры, о необходимости прибытия к острову Занту для укрепления блокады. Указывая на срочность, Э. Кодрингтон подчёркивал, что блокирует флотилию из 92-х судов с одним линейным кораблём. Подобное письмо было направлено и А. де Реньи [8, л. 1-4].

Когда эскадры России, Франции и Великобритании объединились, адмиралы провели совещание. Адмирал Л.П. Гейден выразил сомнение в возможности долгой блокады турецко-египетского флота из-за плохой погоды. Поэтому 7 (19) октября 1827 года было решено совместно зайти в бухту, где находился флот противника, и разоружить его. Однако, несмотря на это решение, британский адмирал Э. Кодрингтон дал указания капитанам объединённой эскадры не открывать огонь по турецко-египетскому флоту. В то же время, чтобы быть готовыми к возможному бою, в приказе было указано, что у матросов и офицеров должны быть боевые патроны [9, л. 119-123]. Мухаммед Али также опасался военного столкновения с соединённой эскадрой России, Франции и Великобритании. В письме к своему посланнику в Константинополь о невозможности противостоять европейским державам на море из-за неразвитости египетского военного искусства [9, с. 106-107]. В конечном итоге избежать военного столкновения не удалось. После начала входа, 8 (20) октября 1827 г., соединённой флотилии в Наваринскую бухту был убит британский парламентария, следовавший для переговоров о разоружении. Также последовал выстрел из турецкого брандера по британскому флоту, что привело к крупному морскому сражению. Итогом битвы стало уничтожение основной части турецко-египетского флота. Л.П. Гейден докладывал, что в ходе битвы было уничтожено 70 военных судов и 8 транспортных кораблей [8, л. 5-5 об.].

Наваринское сражение стало важной победой для греческого национально-освободительного восстания, но не привело к завершению греческого вопроса. Египетско-турецкая армия по-прежнему сохраняла преимущество на сухопутном театре военных действий. В ноябре 1827 г. в ходе переговоров в Константинополе Османская империя отказалась от вывода египетских войск из Греции. Позднее, султан объявил о продолжении военной операции против греков. Из-за отказа со стороны Османской империи в вопросе уступок по греческому вопросу, на рубеже 1827-1828 гг. английская дипломатия начала рассматривать Каир в качестве потенциального союзника. В египетскую столицу с дипломатической миссией был направлен полковник Крэдок. Его целью было достигнуть компромисса с Мухаммедом Али о выводе египетского корпуса с территории Пелопоннеса в обмен на

признание Египта независимым государством. Египетский паша отказался от предложения, сославшись на подданство султану [16, p. 277-280].

Египту не удалось извлечь выгоду из обострения англо-российских противоречий, возникших после начала русско-турецкой войны в апреле 1828 года. Премьер-министр Великобритании герцог Веллингтон подчеркивал, что Россия не может считаться стороной Лондонского договора, поскольку данное соглашение не предполагало войны против Османской Порты. Однако в Лондоне позиция оставалась твердой: Египет по-прежнему рассматривался как главное препятствие для реализации условий договора 1827 года. В мае 1828-го, несмотря на дипломатическое напряжение с Россией, министр внутренних дел Великобритании Роберт Пиль заверил парламент в неизменности британского курса по греческому вопросу. Эта решимость подтверждалась продолжавшейся блокадой египетского корпуса на Пелопоннесе силами британского флота, что демонстрировало приверженность Лондона выполнению прежних договоренностей [15, с. 774-779].

Стремясь не допустить втягивания Египта в военный конфликт, Мухаммед Али после начала русско-турецкой войны провозгласил нейтралитет. Эта позиция позволила египетским властям разрешить российскому консульству в Александрии продолжить работу. Несмотря на требование снять флаг со здания консульства, дипломаты ответили отказом, и паша не стал применять меры принуждения, предпочтя не препятствовать деятельности миссии [7, с. 194].

В этот период времени для Египта ключевым вопросом являлось снятие блокады английского флота с греческих портов, а не помощь султану в войне против России. На фоне ухудшающегося положения египетской армии Ибрагим паша летом 1828 г. выразил готовность покинуть Грецию без согласия со стороны султана. В конце июня 1828 г. Ибрагим-паша провёл встречу с адмиралами соединённого флота. Он поставил условия, что покинет Пелопоннес только на турецких судах, а также дал гарантию, что Мухаммед-Али дарует свободу всем греческим невольникам, находящиеся на территории Греции [7, с. 135].

Переговоры с представителями Франции и Великобритании были прямым нарушением султанских инструкций. Ранее Махмуд II запретил подписывать какие-либо соглашения, направленные на вывод египетских войск с территории Греции. В июле 1828 г. Мухаммед Али в Александрии принял Э. Кодрингтона. В ходе встречи обсуждались условия вывода египетского корпуса из Греции, где египетский паша подтвердил обязательство по освобождению греческих невольников, увезённых в Египет после Наваринской битвы. Встречным условием Мухаммеда-Али было освобождение египетских пленных, которые находятся в плену у греков. Э. Кодрингтон дал обязательство, что Франция и Великобритания будут конвоировать

египетские транспортные суда до Наварина или другого порта на Пелопоннесе. Несмотря на идущие переговоры о транспортировки египетских войск, Ибрагим-паша продолжал вести войну против греков [7, с. 136-138].

В октябре 1828 г. Мухаммеду Али удалось достичь договоренности с Лондоном и Парижем относительно эвакуации египетского корпуса из Греции. Данный шаг позволил британскому кабинету исключить фактор Каира из числа препятствий на пути к урегулированию греческого вопроса. Однако согласие Египта на вывод войск обострило англо-российские противоречия: британская сторона настаивала на отсутствии у России законных оснований для продолжения войны с Портой после вывода египетских сил. В конце 1828 г. Лондон выразил крайнюю обеспокоенность действиями российского флота, приступившего к блокаде турецких портов. Особый дипломатический спор вызвала блокада Крита, где эскадра Л.П. Гейдена удерживала египетские части. В начале 1829 г. российский адмирал в официальном послании обосновал необходимость этих мер опасением, что Мухаммед Али может приказать войскам вернуться в Грецию. Подобный сценарий, по мнению Гейдена, свел бы к нулю французские дипломатические усилия конца 1828 г. и привел бы к повторной оккупации Пелопоннеса [3, л. 7].

Тем временем британское правительство опасалось, что активность российского флота нанесет чрезмерный ущерб Османской империи. В связи с этим стратегической целью английской дипломатии в первой половине 1829 г. стало ограничение территории будущего греческого государства. По инициативе Великобритании на мартовской конференции 1829 г. в Лондоне была зафиксирована северная граница Греции по Коринфскому перешейку; Крит и Кипр остались вне её состава. В данной дипломатической повестке английской дипломатии считалось, что Крит является суверенной частью Османской империи и поэтому нет необходимости оказывать давление на Египет [1, с. 16].

Позиция британского премьер-министра герцога Веллингтона относительно действий России на Крите была детально изложена в его послании графу Абердину, где операции российского флота, в частности захват египетских судов, были описаны как неправомерные. Герцог Веллингтон подчеркивал, что египетские экипажи не оказывали сопротивления и не открывали ответного огня вплоть до момента капитуляции. Характеризуя геополитический статус острова, герцог называл Крит «очагом беспорядочной войны» и настаивал на его сохранении за Османской империей. В заключение Веллингтон указывал, что, поскольку суверенитет Турции над островом неоспорим, Англия должна преследовать две цели: во-первых, не допускать появления в регионе греческих военно-морских сил, и, во-вторых, препятствовать проведению военных операций российским флотом [19]. Жёсткую линию английской стороны фиксировали и российские

дипломаты. Посол России в Париже Карл Осипович Поццо ди Борго отмечал, что британский премьер «не задумывается о смягчении последствий». Вместе с тем, согласно донесениям дипломата, именно позиция Франции выступала сдерживающим фактором, не позволяя английской дипломатии занять еще более радикальное положение по критскому вопросу [4, л. 206].

Блокада с Крита была снята в результате подписания между Россией и Османской империей Адрианопольского мирного соглашения, 14 сентября 1829 г. После завершения Русско-турецкой войны был снова поднят вопрос о статусе острова. Герцог Веллингтон настаивал, что Крит должен оставаться под властью паши Египта. Адрианопольский мирный договор закрепил военно-политическую победу России над Османской империей и юридически гарантировал автономный статус Греции. На фоне ослабления центральной власти султана в конце 1829 г. Мухаммед Али, будучи не удовлетворен итогами греческой кампании, активизировал борьбу за расширение собственных владений. В качестве компенсации за участие в подавлении восстания он выдвинул Махмуду II ультимативное требование: передать Сирию в наследственное владение Египта в обмен на финансовую помощь Порте в выплате контрибуции России. Султан отказал египетскому паше в требовании. Махмуд II потребовал от Мухаммеда Али вернуть неуплаченные налоги за несколько лет задолженности и ограничился подтверждением права египетского паши владеть Критом. Данные требования были восприняты Мухаммедом Али оскорбительными за его роль в подавлении греческого восстания [4, с. 85-89].

Переход Мухаммеда Али к открытой конфронтации с сюзереном произошел в 1831 г. Непосредственным поводом к конфликту стали противоречия между египетским пашой и Абдаллой-пашой, правителем Акры. Стремясь укрепить позиции Османской империи в Сирии, последний в 1831 г. спровоцировал мятеж в Дамаске против Селим-паши, лояльного Мухаммеду Али. Египетский правитель расценил эти события как удобный casus belli для силового закрепления в регионе. Мухаммед Али выдвинул Абдалле-паше ультиматум с требованием выдачи крестьян, бежавших из Египта, однако встретил отказ. Правитель Акры заручился поддержкой великого визиря Мехмеда Хюсрев-паши, что сделало дипломатическое урегулирование невозможным. В ответ Мухаммед Али начал формирование экспедиционного корпуса, командование которым принял его сын Ибрагим-паша. Сирийский поход египетской армии стартовал в октябре 1831 г. Попытка султана Махмуда II подавить неповиновение вассала в 1832 г. привела к полномасштабной войне. В декабре 1832 г. у Коньи египетские войска разгромили османскую армию. К весне 1833 г. стратегическое превосходство Египта стало подавляющим: его флот установил контроль над акваторией Средиземного моря, а сухопутные силы Ибрагим-паши, продвигаясь через Малую

Азию, оказались всего в нескольких днях марша от Стамбула [5, с. 111-114].

На фоне успехов египетской армии против Османской империи в Великобритании рассматривали Египет как угрозу региональной стабильности. Но в Англии опасались активного участия в конфликте. На этом фоне Россия сумела воспользоваться внутренней нестабильностью в Османской империи. Опасаясь установления контроля Мухаммеда Али над Константинополем, Николай I санкционировал Босфорскую экспедицию. В апреле 1833 года при согласии турецкого правительства российские войска высадились на азиатском берегу Босфора. Демонстрация военной силы преследовала цель показать египетскому паше бесперспективность дальнейшего наступления и принудить его к переговорам под угрозой прямого столкновения с Россией. Эта тактика увенчалась успехом: присутствие российской армии вынудило Ибрагим-пашу остановить продвижение, что привело 4 мая 1833 г. к заключению Кютахийского мира [6, с. 111-112]. По условиям соглашения Египет не получил независимость, но расширил свои владения, получив под контроль Сирию, Адану и Киликию, оставаясь при этом номинальным вассалом султана. Успешное вмешательство изменило баланс сил в регионе и было юридически закрепленоУнкяр-Искелесийским договором от 8 июля 1833 года. Согласно этому оборонительному союзу, Османская империя обязывалась закрывать проливы Босфор и Дарданеллы для военных судов всех иностранных держав в случае войны, за исключением России, которая получала исключительное право прохода своего флота в Средиземное море. Усиление позиций Российской империи в результате заключенияУнкяр-Искелесийского договора было воспринято Великобританией и Францией как прямая угроза их стратегическим интересам. Положения соглашения, предоставлявшие России исключительное право прохода через Проливы при одновременном праве их закрытия для флотов других держав, вызвали серьёзную обеспокоенность Лондона и Парижа. Это привело к незамедлительной активизации британской дипломатии, направленной на сдерживание российского влияния в Османской империи, и ознаменовало переход англо-российского соперничества из эпизодической фазы в системное противостояние за доминирование в Восточном Средиземноморье и контроль над ключевыми морскими коммуникациями [4, с. 87-89].

Оценка России как ключевого соперника в Средиземном море усилило потребность в сохранении территориальной целостности Османской империи. В этом контексте в английской политической элите было опасение, что Мухаммед Али сможет поднять новое восстание против султана. Британский министр иностранных дел лорд Пальмерстон в 1834 г. предпринял попытку предоставить ограниченную самостоятельность Криту с целью сокращения влияния египетского паши. По мнению английского министра, подобный шаг обезопасил бы Константинополь от прямого удара египет-

ского флота. Лорд Пальмерстон считал, что Мухаммед Али может согласиться на этот шаг если не замышляет новое восстание против султана. В случае если последует отказ со стороны египетского паши генеральному консулу в Александрии Патрику Кэмбеллу предписывалось постараться достичь соглашения о расширении прав жителей Крита под властью Мухаммеда Али [20]. Данный сюжет свидетельствует, что в английской политической элите Египет продолжал рассматриваться как одна из основных угроз турецкой государственности.

Данная позиция с английской стороны проявилась в 1839 г., когда Мухаммед Али поднял новое восстание против султана. Великобритания выступила против признания Египта как независимого государства и поддержала позиции России, Австрии и Пруссии. Согласованная позиция четырёх великих держав вынудили Мухаммеда Али остановить восстание. Под давлением египетский паша был вынужден вернуть под султанское управление Крит и целый ряд территорий на Ближнем Востоке. Египетская армия была сокращена со 150-200 тысяч человек до 18 тысяч человек. Помимо этого, Египет был вынужден уничтожить судоверфи. Также Мухаммед Али был вынужден признать все международные трактаты, включая англо-турецкую торговую конвенцию 1838 г., дававшее право на льготы для британских купцов на территории Османской империи [5, с. 117-118].

Таким образом, на рубеже 1820-х и 1830-х гг. именно политика европейских держав, включая Великобританию, стала основным препятствием на пути формирования независимого египетского государства. Мухаммед Али упустил возможность обеспечить независимый статус Египта на рубеже 1827-1828 гг., когда британская миссия полковника Крэдока предлагала подобный вариант, предлагая альтернативу вывода египетского корпуса из Греции. Однако, Мухаммед-Али отказался от данного предложения, рассчитывая получить от султана во владение греческие земли. Но после поражения Османской империи в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и провозглашения независимости Греции в 1830 г., внешнеполитическим приоритетом Великобритании становится сохранение империи Османов на политической карте. В этих условиях для английской внешней политики было крайне невыгодно появление независимого Египта на политической арене.

Библиографический список:

1. Аболмасов В.В. К вопросу о методах исторической информатики в изучении греческого национально-освободительного движения (1821-1829 гг.) / В.В. Аболмасов, М.А. Иванов // Философское знание в цифровую эпоху: к 95-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Международной научной конференции (19–20 марта 2026 года, г. Минск). В 3 т. Т. 3. – Минск: Издательство «Четыре четверти», 2026. С. 15-17.
2. Архив внешней политики Российской империи Ф. 133, Канцелярия Оп. 468 Д. 6998.
3. Архив внешней политики Российской империи Ф. 133, Канцелярия Оп. 468 Д. 7016.
4. Архив внешней политики Российской империи Ф. 187, Посольство в Париже Оп. 541 Д. 83.
5. Айрапетов О.Р. 1829-1839 годы. Внешняя политика России в канун событий 1839 года // Ортодоксия. 2024. № 3. С. 80-121.

6. Жантиев Д.Р. Османская Сирия и политика России в отношении конфликта между Портой и Мухаммадом Али-пашой (1831-1841 гг.) // Исторический вестник. 2015. Т. 11. № 158. С. 108-127.
7. Палеолог Г.Н. История вмешательства России, Англии и Франции в войну за независимость Греции / Сост. [по офиц. Документам и зап. Адм. Рикорда] Н. Палеолог и А. Сивинис; Под ред. [и с предисл.] В. Мельницкого. – СПб: тип. Морского министерства, 1863. 231 с.
8. Российский государственный архив военно-морского флота Ф. 170 Оп. 1 Д. 115.
9. Российский государственный архив военно-морского флота Ф. 170 Оп. 1 Д. 3856.
10. Роган Ю. Арабы. История XVI-XXI вв. / Юджин Роган ; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 763 с.
11. Русский Инвалид 1822. 15 Апреля.
12. Beška E. Muhammad Ali´s Conquest of Sudan (1820-1824) / E. Beška // Asian and African Studies, 2019. Vol. 28. № 1. P. 30-56
13. Gleig G.R. The life of the duke of Wellington. – L., NY: Dent, Dutton, 1942. 438 p.
14. Gravière E.J., Les missions extérieures de la marine: III. La station du Levant. VII. – La destruction des janissaires // Revue des Deux Mondes. 1891. Vol. 106, № 3. P. 589-613.
15. Hansard, Parliamentary Debates. 2 Ser. 1828 HC Deb Vol. 19.
16. Stern A., Colonel Cradock's Missions to Egypt // The English Historical Review. 1900. Volume 15. № 58. P. 277-287
17. The Morning Post 1826 May 2.
18. University of Southampton Special Collection: Archive Catalogue MS61/WP1/838/4
19. University of Southampton Special Collection: Archive Catalogue MS61/WP1/1014/23
20. University of Southampton Special Collection: Archive Catalogue MS62/PP/GC/CA/59
21. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 134-143.

Reference

1. Abolmasov, V.V. On the Methods of Historical Informatics in the Study of the Greek National Liberation Movement (1821-1829) / V.V. Abolmasov, M.A. Ivanov // Philosophical Knowledge in the Digital Age: On the 95th Anniversary of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus: Proceedings of the International Scientific Conference (March 19-20, 2026, Minsk). In 3 vols. Vol. 3. – Minsk: Izdatelstvo «Four Quarters», 2026. P. 15-17.
2. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire F. 133, Chancellery Op. 468 D. 6998.
3. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire F. 133, Chancellery Op. 468 D. 7016.
4. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire F. 187, Embassy in Paris Op. 541 D. 83.
5. Ayrapetov O.R. 1829-1839. Russia's Foreign Policy on the Eve of the Events of 1839 // Orthodoxy. 2024. № 3. P. 80-121.
6. Zhantiev D.R. Ottoman Syria and Russia's Policy Regarding the Conflict between the Porte and Muhammad Ali Pasha (1831-1841) // Historical Bulletin. 2015. Vol. 11. № 158. P. 108-127.
7. Paleolog G.N. History of the Intervention of Russia, England, and France in the War of Independence of Greece / Comp. [based on official documents and records of Adm. Rikord] N. Paleolog and A. Sivinis; Ed. [and with a preface] V. Melnitsky. – St. Petersburg: printing house. Ministry of the Navy, 1863. 231 p.
8. Russian State Archives of the Navy, F. 170, Op. 1, D. 115.
9. Russian State Archives of the Navy, F. 170, Op. 1, D. 3856.
10. Rogan, Yu. Arabs. History of the 16th-21st Centuries / Eugene Rogan; translated from English. – Moscow: Alpina Non-Fiction, 2024. 763 p.
11. Russian Invalid, 1822, April 15.
12. Beška E. Muhammad Ali´s Conquest of Sudan (1820-1824) / E. Beška // Asian and African Studies, 2019. Vol. 28. № 1. P. 30-56
13. Gleig G.R. The life of the duke of Wellington. – L., NY: Dent, Dutton, 1942. 438 p.
14. Gravière E.J., Les missions extérieures de la marine: III. La station du Levant. VII. – La destruction des janissaires // Revue des Deux Mondes. 1891. Vol. 106, № 3. P. 589-613.
15. Hansard, Parliamentary Debates. 2 Ser. 1828 HC Deb Vol. 19.
16. Stern A., Colonel Cradock's Missions to Egypt // The English Historical Review. 1900. Volume 15. № 58. P. 277-287
17. The Morning Post 1826 May 2.
18. University of Southampton Special Collection: Archive Catalogue MS61/WP1/838/4
19. University of Southampton Special Collection: Archive Catalogue MS61/WP1/1014/23
20. University of Southampton Special Collection: Archive Catalogue MS62/PP/GC/CA/59
21. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // Almanac «Crimea». 2025. № 49. P. 134-143.

Мусаева Г.Ф.
Аспирант. Географический факультет, Бакинский государственный университет (Азербайджан). ORCID: 0009-0001-3037-5431

Развитие древних культурных туристических ресурсов в Азербайджане и их сохранение в рамках ЮНЕСКО*

Аннотация. Данное исследование рассматривает формирование, развитие и сохранение древних культурных туристических ресурсов в Азербайджане в рамках принципов охраны наследия ЮНЕСКО. Основная цель работы – оценить, как страна интегрирует своё материальное и нематериальное культурное наследие в устойчивое развитие туризма, обеспечивая при этом его сохранение для будущих поколений. В исследовании используется смешанная методология, основанная на интеграции качественных и количественных подходов, включающая анализ официальных документов ЮНЕСКО и отчетов по национальной культурной политике, кейс-стади ключевых объектов культурного наследия, а также сравнительный анализ и пространственный анализ на основе геоинформационных систем (ГИС). Особое внимание уделяется Историческому центру Шеки с Ханским дворцом, комплексу Ичери-Шехер с Девичьей башней и Дворцом Ширваншахов, а также Культурному ландшафту наскальной живописи Гобустана, которые представляют собой выдающуюся универсальную ценность Азербайджана. Исследование также анализирует инициативы Азербайджана по продвижению культурного туризма через стратегическое планирование, развитие инфраструктуры и международное сотрудничество. Подчёркиваются государственные меры по поддержке сохранения как материального, так и нематериального наследия, включая традиционные виды искусства, такие как мугам, искусство ашыгов и ковроделие. Результаты показывают, что интеграция ресурсов наследия в туристический сектор не только укрепляет национальную идентичность и культурную преемственность, но и способствует межкультурному диалогу и устойчивому региональному развитию. В заключение отмечается, что эффективное сохранение, вовлечение сообществ и глобальные партнёрства являются ключевыми для поддержания аутентичности и международной узнаваемости культурного наследия Азербайджана.

Ключевые слова: наследие ЮНЕСКО, культурный туризм, устойчивое развитие, Дворец ханов Шеки, нематериальное наследие, туризм в Азербайджане, развитие туризма.

Musayeva G.F.
Graduate student. Faculty of Geography, Baku State University (Azerbaijan). ORCID: 0009-0001-3037-5431

* © Мусаева Г.Ф., 2026.

The development of ancient cultural tourism resources in Azerbaijan and preservation in UNESCO

Abstract. This study explores the formation, development, and preservation of ancient cultural tourism resources in Azerbaijan within the framework of UNESCO's heritage protection principles. The main objective is to evaluate how the country integrates its tangible and intangible cultural heritage into sustainable tourism development while ensuring their conservation for future generations. The study employs a mixed-methods methodology integrating qualitative and quantitative approaches, including analysis of official UNESCO documents and national cultural policy reports, case studies of key heritage sites, as well as comparative analysis and GIS-based spatial analysis. Particular attention is given to the Historic Centre of Sheki with the Khan's Palace, the Icherisheher complex with the Maiden Tower and the Shirvanshahs' Palace, and the Gobustan Rock Art Cultural Landscape, all of which represent Azerbaijan's outstanding universal value. The study further examines Azerbaijan's initiatives in promoting cultural tourism through strategic planning, infrastructure improvement, and international cooperation. It highlights the government's policies supporting the protection of both tangible and intangible heritage, including traditional arts such as mugham, ashig performance, and carpet weaving. Findings reveal that the integration of heritage resources into the tourism sector not only enhances national identity and cultural continuity but also fosters intercultural dialogue and sustainable regional development. The paper concludes that effective preservation, community engagement, and global partnerships are essential for maintaining the authenticity and visibility of Azerbaijan's cultural heritage in the international arena.

Key words: UNESCO heritage, cultural tourism, Sustainable Development, Sheki Khan's Palace, intangible heritage, Azerbaijan Tourism, tourism development.

Introduction

The Republic of Azerbaijan, located in the South Caucasus, is renowned for its rich and diverse cultural heritage that spans thousands of years. Its strategic position along the historical Silk Road and at the crossroads of East and West has endowed the country with a unique blend of cultural legacies, ranging from prehistoric petroglyphs to Zoroastrian temples and Islamic architecture. These ancient sites reflect Azerbaijan's historical significance and provide a solid foundation for cultural tourism development.

In recent decades, cultural tourism has emerged as a key sector for economic growth and international recognition. UNESCO has played a crucial role in promoting and safeguarding cultural heritage worldwide, ensuring that valuable sites are preserved for future generations. Azerbaijan has actively engaged with UNESCO to protect its intangible and tangible cultural assets, including Mugham, Ashig art, Novruz, and traditional carpet weaving.

This paper aims to analyze the development of Azerbaijan's ancient cultural tourism resources and examine how the country aligns its tourism initiatives

with UNESCO's preservation standards. The study emphasizes the importance of balancing economic development through tourism with the conservation of cultural heritage, highlighting Azerbaijan's efforts to integrate national identity, historical significance, and international cultural cooperation.

Theoretical Background

The development of ancient cultural tourism resources in Azerbaijan is intrinsically linked to the country's long-standing historical evolution, diverse cultural landscape, and strategic position at the crossroads of Eastern and Western civilizations. Azerbaijan's cultural tourism assets encompass a wide range of tangible and intangible heritage elements, including prehistoric archaeological sites, medieval urban complexes, religious and defensive architecture, traditional craftsmanship and ritual practices that reflect centuries of cultural continuity.

The role of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) is particularly significant in ensuring the preservation and sustainable use of ancient cultural resources. UNESCO frameworks provide internationally recognized standards for heritage protection, emphasizing the principles of Outstanding Universal Value, authenticity, integrity, and sustainable management. Azerbaijan's engagement with UNESCO has facilitated the integration of its ancient heritage into the global cultural heritage system, enhancing international visibility and strengthening conservation practices.

Preservation remains a core component of heritage-based tourism development. In Azerbaijan, conservation policies prioritize the protection of historical fabric while regulating tourism activities in order to prevent overuse and physical degradation. Management plans developed in accordance with UNESCO guidelines promote controlled visitor flows, continuous monitoring and the application of traditional restoration techniques. These measures aim to balance the economic benefits generated by tourism with the long-term safeguarding of cultural values.

In addition, Azerbaijan places significant emphasis on the preservation of intangible cultural heritage, including music, oral traditions, craftsmanship, and festive rituals. The inscription of numerous intangible heritage elements on UNESCO's Representative List reinforces their role in cultural tourism development and contributes to the diversification of tourism products beyond physical monuments. Overall, the development and preservation of ancient cultural tourism resources in Azerbaijan demonstrate a comprehensive and balanced approach that aligns national heritage policies with UNESCO principles, supporting sustainable tourism, regional development and cultural diplomacy.

Overview of Ancient Cultural Heritage in Azerbaijan

Azerbaijan's ancient cultural assets reflect a continuum of civilizations, including prehistoric, Caucasian Albanian, Persian, Arabic, Turkic, and Russian influences. These sites not only possess national value but also represent univer-

sal human heritage.

A significant turning point in Azerbaijan's cultural heritage policy emerged beginning in the 2000s.

UNESCO and Cultural Heritage Preservation in Azerbaijan

Azerbaijan possesses a rich and diverse cultural heritage that spans thousands of years, deeply rooted in its history and traditions. UNESCO has recognized several of the country's intangible cultural heritage elements, including Mugham, Ashig art, Novruz holiday, and traditional carpet weaving. These inscriptions not only highlight the universal value of Azerbaijani culture but also help protect it from misrepresentation on the global stage.

In 2010, during the 5th session of the UNESCO Intergovernmental Committee for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage held in Nairobi, Kenya, the traditional art of Azerbaijani carpet weaving was officially added to the Representative List, thanks to the initiatives of Mehriban Aliyeva, President of the Heydar Aliyev Foundation and UNESCO Goodwill Ambassador. The construction of the International Mugham Center and the establishment of the Azerbaijan Carpet Museum reflect the state's ongoing commitment to preserving and promoting national cultural identity.

Site Management and Legal Framework

For tangible heritage sites such as Gobustan and Sheki Khan's Palace, UNESCO recognition brings both prestige and responsibility. Management Plans are required, detailing conservation practices, visitor regulation, and risk assessment. These plans are monitored through periodic reporting and international expert missions.

Azerbaijan has aligned its laws with the 1972 UNESCO Convention, and the Ministry of Culture along with the National Commission of UNESCO in Azerbaijan coordinate efforts to ensure compliance with international standards. This legal and institutional framework strengthens the sustainable management and long-term protection of cultural heritage.

Education, Capacity Building, and International Cooperation

Through cooperation with UNESCO, Azerbaijan has developed training programs for conservation specialists, museum curators, and local administrators to enhance heritage management capabilities. These initiatives foster local expertise, promote cultural awareness, and support the integration of national heritage into global cultural discourse.

Challenges in Balancing Development and Preservation

In alignment with the "State Program for the Development of Tourism in Azerbaijan," the country has made cultural heritage tourism a core pillar of its tourism strategy. Several initiatives illustrate this commitment: Infrastructure Modernization, Digital Transformation, Community-Based Tourism, International Cooperation.

The Azerbaijani government has prioritized improving infrastructure around major historical sites – including access roads, visitor centers, and digital guides. For example, visitor facilities at Gobustan have been modernized with interactive displays and multimedia content.

Digital platforms now offer virtual tours of historical monuments, particularly valuable during and after the COVID-19 pandemic. Institutions such as the Azerbaijan National Museum of History have digitized archives and collections for global access.

Programs encouraging local participation in tourism services, such as guiding, handicrafts, and accommodation, help foster economic development in rural areas while promoting cultural continuity.

Azerbaijan has participated in regional and global initiatives, such as the UNWTO Silk Road Programme, enhancing cultural tourism narratives and cross-border heritage routes.

Despite significant progress, Azerbaijan continues to face challenges in harmonizing tourism growth with heritage protection:

1. Urbanization and Encroachment. Rapid urban development, especially in Baku and Ganja, poses risks to historical zones. Unauthorized construction and lack of heritage-sensitive planning threaten site integrity.

2. Environmental Degradation. Climate-related issues, including erosion and desertification, affect open-air archaeological sites such as Gobustan. Protective infrastructure and environmental monitoring remain insufficient.

3. Limited Local Engagement. In some cases, local communities are inadequately involved in decision-making or do not fully benefit from heritage-related tourism, reducing incentives for protection.

4. Insufficient Documentation. A number of potentially significant sites are under-researched or lack the documentation required for UNESCO nomination.

Recommendations. To strengthen the development and preservation of ancient cultural tourism resources in Azerbaijan, the following steps are recommended:

– Expand UNESCO nominations to include underrepresented regions such as Nakhchivan and Ganja.

– Enhance community engagement through heritage education and direct economic participation.

– Adopt digital conservation tools such as 3D mapping and AI-driven monitoring systems.

– Integrate sustainable tourism policies across urban planning and regional development strategies.

– Increase international collaboration in restoration and archaeological research.

Methods

This article adopts a combination of qualitative and quantitative research approaches to analyze the development of ancient cultural tourism resources in Azerbaijan and their preservation within the UNESCO framework. This integrative methodology enables a comprehensive assessment of both heritage conservation mechanisms and tourism development dynamics.

Data Collection Methods include documentary and archival analysis, statistical and secondary data analysis, and case study approach. Official documents from UNESCO, the Ministry of Culture of the Republic of Azerbaijan, and the State Tourism Agency were systematically reviewed, including World Heritage nomination files, periodic monitoring reports, conservation management plans, and national cultural heritage legislation. This approach allows for the evaluation of institutional and legal mechanisms supporting heritage preservation.

Quantitative data on tourism flows, visitor numbers, and regional tourism development indicators for the period 2019-2024 were collected from national statistical databases and international tourism reports. These data were used to identify trends in cultural tourism growth associated with UNESCO-listed and tentative heritage sites.

Selected UNESCO World Heritage properties and elements of Intangible Cultural Heritage in Azerbaijan (e.g., Icherisheher, the Gobustan Rock Art Cultural Landscape, the Historic Centre of Sheki) were examined as case studies. This method enabled an in-depth analysis of conservation practices, tourism infrastructure development, and visitor management strategies.

Analytical methods employed in the study include comparative analysis, spatial and geographical analysis, and content analysis. A comparative approach was applied to assess differences between UNESCO-inscribed sites and nationally protected cultural monuments in terms of tourism development, conservation effectiveness, and international visibility. Geographic Information System (GIS)-based cartographic analysis was used to examine the spatial distribution of cultural tourism resources and their relationship with transport accessibility, urban centers, and tourism corridors, highlighting regional disparities in heritage-based tourism development. In addition, UNESCO conventions, operational guidelines, and national cultural heritage policies were analyzed through content analysis to identify key principles related to sustainability, authenticity, integrity, and community participation in heritage management.

Results and Discussion

The research reveals that Azerbaijan's ancient cultural tourism resources are unevenly distributed across the country, with a high concentration in historically significant regions such as Absheron, Sheki–Zagatala, Guba–Khachmaz, and the Nakhchivan Autonomous Republic. Archaeological monuments, medieval urban settlements, religious architecture, and rock art sites constitute the core

of the country's tangible cultural heritage, while traditional crafts, music, and rituals enrich the intangible heritage dimension.

The analysis demonstrates that sites recognized by UNESCO exhibit higher levels of conservation, international visibility, and tourism attractiveness compared to nationally protected but non-inscribed monuments. UNESCO-listed sites benefit from structured management plans, international monitoring mechanisms, and integration into global heritage networks, which significantly enhance their sustainability and long-term protection.

The findings indicate that UNESCO recognition positively influences both preservation and tourism development by strengthening institutional capacity and attracting investment in infrastructure and visitor services. At the same time, sustainable tourism planning remains essential to mitigate the negative impacts of increased visitor flows on fragile heritage environments. The integration of tangible and intangible heritage elements enhances the competitiveness of cultural tourism destinations while reinforcing national cultural identity and supporting regional development.

Gobustan Rock Art Cultural Landscape was inscribed on the UNESCO World Heritage List in 2007. Gobustan is one of the most significant prehistoric sites in the region. Located in the southern part of the Absheron Peninsula, the Gobustan National Historical-Artistic Reserve encompasses monuments that span a vast historical period – from the Mesolithic era to the Middle Ages. It contains more than 6,000 rock engravings, dating back between 5,000 and 40,000 years, depicting scenes of hunting, dancing, and rituals.

The origins of human civilization date back to prehistoric times, and it is

Figure 1. Gobustan Rock Art Cultural Landscape.

extremely difficult to precisely determine the traces marking the beginning of human intellectual activity. In this regard, Gobustan, with its numerous rock carvings, serves as a unique stone chronicle, whose pages offer insights into the lifestyle, occupations, spiritual beliefs, and early artistic expressions of people who inhabited the area thousands of years ago. These rock inscriptions, in fact, represent one of the earliest centers of world culture.

The rock engravings of Gobustan cover various historical periods, extending from the 10th millennium BCE to the Middle Ages. Due to this exceptional continuity, the Gobustan stone record stands out for its uniqueness among other rock art monuments worldwide.

In 2011, a large modern museum was opened in Gobustan. Covering an area of 2,460 square meters, the museum houses exhibitions dedicated to World Heritage monuments, the history of petroglyph discoveries, the ancient inhabitants of Gobustan, and the region's early flora and fauna. More than 100,000 archaeological artifacts are preserved there, including tools, weapons, ornaments, talismans, animal bones, and plant remains. In 2013, the Gobustan Museum was recognized among the winners of the "European Museum of the Year" competition.

Today, the rock carvings discovered in Gobustan allow us to glimpse into the lives of our ancient ancestors, shaping our understanding of their daily existence and perception of the surrounding environment. The stone chronicle of Gobustan remains only partially deciphered – many of its pages are still undiscovered, unread, or not yet interpreted. It can only be speculated how many secrets are concealed within this written monument of millennia.

Icheri Sheher, the historic core of Baku and the cultural heart of Azerbaijan, represents a "city within a city" that has survived through the centuries. Covering an area of 22 hectares, it forms only a small part of modern Baku but embodies a remarkable concentration of historical and architectural monuments. Every corner of Icheri Sheher exudes history, hosting invaluable landmarks such as the Maiden Tower, the Palace of the Shirvanshahs, and the thousand-year-old Mohammed Mosque with its preserved minaret – all of which hold global cultural significance.

Archaeological research has revealed multiple historical layers dating back more than two millennia. Enclosed by well-preserved defensive walls measuring 8–10 meters in height and 3.5 meters in width, Icheri Sheher is often described as a fortress. Its main gates – the Shamakhi Gate, Salyan Gate, and Double Gates (Gosha Gala) – are among the most notable entrances. Beneath the city lie underground passageways stretching for several kilometers, testifying to advanced medieval urban planning. Historically, 28 bathhouses existed within the walls, several of which – including Gasim bey's bathhouse and Agha Mikayil's hamam – have survived. Built in the Middle Ages, these baths feature unique heating systems characteristic of the region's architecture.

Shirvanshah's Palace. The history of Icheri Sheher is closely linked to the Shamakhi earthquake of 1192, which prompted the ruler of Shirvan to relocate the capital to Baku. This led to the construction of one of Azerbaijan's most significant architectural monuments – the Palace of the Shirvanshahs. The complex includes the palace itself, a courthouse admired since the medieval period, and the mausoleum of the 15th-century scholar and philosopher Seyid Yahya Bakuvi. It also comprises a mosque adorned with refined decorative elements, a family tomb, an oriental-style bathhouse, and an underground water reservoir with 34 stone steps leading to its crystal-clear water. Of the 52 palace rooms originally built, 27 were on the first floor and 25 on the second; 15 rooms remain intact today. The second-floor waiting hall has been preserved in its original form.

The Maiden Tower, rising 28 meters with a diameter of 16–16.5 meters, is a unique cylindrical structure with an adjoining southern projection. Divided into eight tiers, each with domed ceilings and connected by a spiral staircase within the wall, it displays a Kufic inscription on its facade reading: Son of David, Tower of Mesut." This suggests that the upper section was constructed in the 12th century under the Seljuk Sultan Mesut, while archaeological evidence indicates that the lower portion dates back to the 7th–8th centuries BCE, making it significantly older than many comparable fortresses worldwide.

At the 24th session of the World Heritage Committee (Cairns, Australia, 2000), the "Walled City of Baku with the Shirvanshah's Palace and Maiden Tower" was inscribed on the UNESCO World Heritage List. Following the 2000 earthquake in Azerbaijan, the site suffered structural damage and was consequently added to the List of World Heritage in Danger in 2003. In response, the Government of Azerbaijan implemented extensive conservation measures. On February 10, 2005, President Ilham Aliyev issued a decree establishing the Administration of the State Historical-Architectural Reserve "Icherisheher" under the Cabinet of Ministers, strengthening institutional protection and management.

As a result of effective restoration efforts, the 33rd session of the World Heritage Committee (Seville, Spain) decided to remove Icheri Sheher from the List of World Heritage in Danger, restoring its previous status. Later, during the 8th session of the Committee for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (Paris, 2013), Icheri Sheher was granted enhanced protection" status, confirming its outstanding universal value and the success of Azerbaijan's heritage preservation policies.

The Historic Centre of Sheki, located at the foothills of the Greater Caucasus Mountains, is one of Azerbaijan's most significant cultural landscapes, where natural beauty and architectural heritage are harmoniously combined. The city, divided by the Gurjana River into two parts – the northern section built on mountain slopes and the southern section extending into the river valley – reflects a long tradition of urban planning adapted to its natural environment. Following

destructive mudflows in the 18th century, the settlement was rebuilt, forming a unique urban ensemble characterized by houses with high gabled roofs, cobblestone streets, and narrow alleys, preserving the spirit of medieval city-building.

Situated along ancient trade routes that connected the East and West, Sheki's architecture exhibits Safavid, Qajar, and Russian stylistic influences. The city emerged as a leading centre of sericulture and silk trade in the 18th–19th centuries, which brought economic prosperity and artistic refinement to the region. The architectural heritage of Sheki was officially recognized when, at the 43rd Session of the UNESCO World Heritage Committee held in Baku in 2019, the "Historic Centre of Sheki with the Khan's Palace" was inscribed on the UNESCO World Heritage List, acknowledging its outstanding universal value.

The Khan's Palace, located in the northeastern part of the city, stands as the most prominent monument within this ensemble. Built in 1763 by Huseyn Khan, grandson of Haji Chelebi Khan, the palace served as the summer residence of the Sheki Khans. The two-storey building, 30 meters in length, contains six rooms, four corridors, and two mirrored balconies. The palace is world-renowned for its exquisite shebeke stained-glass windows, assembled from thousands of tiny colored glass pieces fitted together without glue or nails. This intricate craftsmanship, along with vivid frescoes and ornamental wooden carvings, demonstrates the artistic excellence of 18th-century Azerbaijani architecture.

The surrounding landscape – with centuries-old oak and plane trees and cobblestone courtyards – complements the aesthetic unity of the palace complex. The refined wall paintings and geometric patterns adorning the ceilings and façades embody the symbolic motifs of oriental art, while the play of light through the shebeke windows creates an atmosphere of harmony between nature and architecture. These features collectively represent the mastery of local artisans and the city's historical role as a cultural bridge between different civilizations.

Sheki's urban structure has largely preserved its medieval character. The historic "Yukhari Bash" quarter, declared an architectural reserve in 1968, contains thirteen residential blocks, each traditionally organized around a mosque, bath-

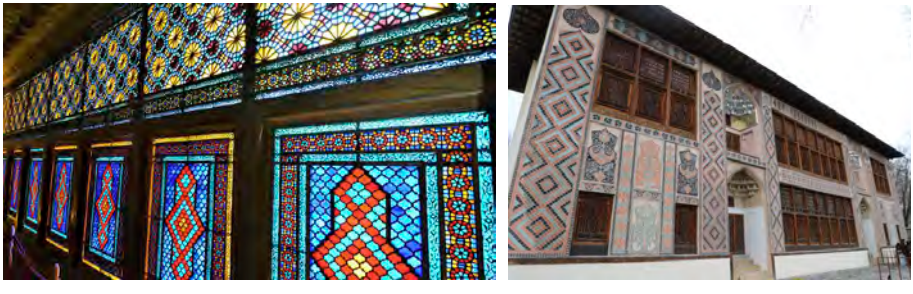


Figure 2. Historic Centre of Shaki with the Khan's Palace.

house, and neighborhood square. Other notable monuments within the city include the Shekikhanovs' House, Gilekli Mosque minaret, the Circular Temple of Sheki (17th–19th centuries), Zayzid Temple (11th–12th centuries), and the Upper and Lower Caravanserais, which were key centers of commerce during the Silk Road era.

The Sheki Fortress, built between 1743–1754, with its Shirvan and Ganja gates, and the surrounding stronghold walls, exemplifies the military architecture of the Khanate period. Historical sources such as Evliya Çelebi's travelogues describe Sheki as a prosperous city containing mosques, caravanserais, bathhouses, and bustling markets – a testament to its urban vitality. The integration of the city's natural landscape, verdant environment, and stone-paved streets strengthens the connection between architecture and nature, a defining trait of traditional Azerbaijani urbanism.

Through the inclusion of the Historic Centre of Sheki and the Khan's Palace in the UNESCO World Heritage List (2019), Azerbaijan reaffirmed its commitment to the preservation of national heritage in accordance with UNESCO's Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (1972). The site had previously been placed on the Tentative List in 2001, and following extensive restoration and management efforts by the Government of Azerbaijan, it achieved full World Heritage status. The "enhanced protection" designation granted by UNESCO underscores the global importance of Sheki as a living example of the region's architectural, artistic, and ecological continuity.

Today, the Sheki Khan's Palace functions not only as a museum but also as a vibrant tourism and educational center, promoting awareness of Azerbaijan's cultural identity and serving as a model for the integration of heritage preservation and sustainable tourism development under UNESCO guidance.

The Ateshgah Fire Temple and Yanar Dag represent Azerbaijan's unique cultural phenomenon rooted in Zoroastrian fire-worshipping traditions. Located on the Absheron Peninsula, the Ateshgah (literally "House of Fire") dates back to the 17th century and served as a place of pilgrimage and ritual worship for fire-worshippers and merchants from India and Iran, particularly followers of Hinduism and Zoroastrianism. The natural gas vents that burn perpetually at these sites symbolize the ancient belief in the sacredness of fire as a divine element.

The Ateshgah complex, with its pentagonal courtyard, central altar, and Persian, Sanskrit, and Punjabi inscriptions, reflects the multicultural character of the Silk Road era. Recognized by UNESCO as part of Azerbaijan's tentative list of cultural properties with outstanding universal value, the temple is now preserved as a State Historical-Architectural Reserve. The Government of Azerbaijan, in collaboration with UNESCO's World Heritage Centre, has implemented conservation programs emphasizing the importance of safeguarding pre-Islamic heri-

tage and integrating it into cultural tourism routes such as the "Fire and Flame Trail", which connects Ateshgah, Yanar Dag, and other Zoroastrian heritage sites in the region.

Yanar Dag ("Burning Mountain"), where flames naturally emerge from gas vents on the hillside, is another symbolic site representing the continuity of the "Land of Fire" concept in Azerbaijan's identity. The site was granted protected status by UNESCO in 2019 under the category of Natural and Cultural Heritage of Humanity, reflecting its fusion of geological and spiritual significance. Today, both Ateshgah and Yanar Dag are vital components of Azerbaijan's cultural tourism network and embody the country's efforts to balance spiritual heritage preservation with modern tourism development.

Nakhchivan's Ancient Monuments – The Nakhchivan Autonomous Republic, one of the oldest cultural regions of Azerbaijan, possesses an exceptional concentration of architectural monuments reflecting the country's ancient civilization and Islamic artistic heritage. Among these, the Momine Khatun Mausoleum (1186) and the Alinja Fortress stand out as symbols of medieval architectural excellence.

The Momine Khatun Mausoleum, designed by the renowned architect Ajami Nakhchivani, is an outstanding example of the Seljuk period's architectural school. Its intricate geometric ornamentation and Kufic inscriptions testify to the synthesis of scientific knowledge, craftsmanship, and aesthetic values that flourished in the region. The monument is currently included in UNESCO's Tentative List for potential nomination as a World Heritage Site, emphasizing its historical and artistic significance for the Islamic world.

The Alinja Fortress, located atop a steep mountain near Julfa, is often referred to as the "Machu Picchu of Azerbaijan" due to its strategic location and historical endurance. The fortress served as a defensive stronghold during the medieval period, particularly during the reign of the Shirvanshahs and the later Safavid Empire. Its ongoing preservation and archaeological research are conducted under the supervision of the National Commission of Azerbaijan for UNESCO, with the goal of preparing documentation for its future inclusion on the World Heritage List.

Nakhchivan's monuments collectively illustrate the deep historical roots of Azerbaijani statehood, science, and art, contributing to the country's broader representation within UNESCO's global heritage framework. They also support the promotion of regional tourism corridors, linking Nakhchivan with Sheki, Gobustan, and Icheri Sheher, thereby integrating the autonomous republic into the national cultural tourism network.

These sites are increasingly incorporated into tourism promotion and national cultural identity campaigns.

In addition, examples of intangible heritage – such as Azerbaijani mugham,

ashig art, Novruz celebrations, carpet weaving, and kelaghayi craftsmanship – have been inscribed at the international level. These facts have created a solid foundation for the recognition of Azerbaijan's cultural heritage both nationally and globally.

Conclusion

The analysis demonstrates that Azerbaijan, through its cooperation with UNESCO, effectively integrates the preservation of cultural heritage with the development of sustainable tourism. This approach not only strengthens national identity but also enhances the country's economic potential and fosters international cultural cooperation.

Azerbaijan's strategic initiatives, supported by UNESCO, have enabled the promotion of both tangible and intangible heritage, ranging from ancient sites to traditional arts. The country's rich cultural legacy offers considerable opportunities for education, research, and global recognition. Moving forward, continued commitment, innovative management practices, and inclusive governance are essential to ensure that these invaluable cultural assets are maintained and appreciated by future generations, securing their place in the global heritage landscape.

However, in order to ensure long-term effectiveness and measurable impact, several strategic directions should be further institutionalized.

First, the digital transformation of cultural heritage management should become a national priority. The 3D archiving and digital documentation of UNESCO-listed sites would not only strengthen preservation mechanisms but also create reliable risk-mitigation archives in cases of environmental or anthropogenic threats. Additionally, the development of integrated virtual tourism platforms would expand global accessibility to Azerbaijan's tangible and intangible heritage, enhancing international visibility while reducing physical pressure on sensitive sites. The creation of a unified digital cultural heritage map, incorporating chronological and regional data, would further improve strategic planning and monitoring capacities.

Second, stronger integration between education, research, and heritage institutions is essential. Expanding university–museum cooperation programs would facilitate applied research, conservation innovation, and professional training in heritage management. Moreover, broadening participation in UNESCO Chair initiatives would enhance interdisciplinary scholarship, promote international academic exchange, and strengthen Azerbaijan's intellectual contribution to global heritage discourse.

In conclusion, the sustainability of Azerbaijan's cultural tourism strategy depends not only on preservation efforts but also on digital innovation, regional inclusivity, and knowledge-based governance. The implementation of these practical measures would reinforce the country's position within the global heri-

tage landscape and ensure that its cultural assets remain resilient, accessible, and valued by future generations.

In this context, the research contributes to the broader discourse on sustainable heritage governance within UNESCO frameworks and offers a transferable model for other culturally rich developing countries.

Библиографический список / Reference

1. Soltanova H.B. Azərbaycan Respublikasında turizm və onun inkisafı [Tourism and its development in the Republic of Azerbaijan]. Baku: AzTU. 2015.
2. Ismayilov R. Urban growth and heritage risk in Baku. Journal of Urban Studies, 2020. № 45 (2). P. 112-128.
3. Imrani Z.T., Huseynzade A.I., & Bilalov B.A. Priority development areas of nature tourism resources in Shaki-Zagatala economic and geographic region. Geojournal of Tourism and Geosites, 2024. № 54 (2). P. 921-926. // URL: https://doi.org/10.30892/gtg.542spl16-1267
4. Мошняга Е.В. Тенденции развития культурного туризма и межкультурной коммуникации в мире. Химки: РМАТ. В III Международном форуме «Туризм: наука и образование» – Проблемы и перспективы развития туризма: сборник материалов научных конференций. 2007. С. 212-220.
5. Мошняга Е.В. Концепция «культурный туризм» в системе концепций международного туризма. Знание. Понимание. Умение, 2003. № 3. С. 173-178.
6. Azerbaijan National Library Qəzet məqaləsi arxivi [Newspaper article archive]. 2015. // URL: https://www.elibrary.az/docs/QAZET/qzt2015_174.pdf
7. Azerbaijan National Library. 525-ci qəzet məqaləsi [525th newspaper article]. 2018. // URL: (http://www.anl.az/down/meqale/525/2018/noyabr/617531.htm)
8. Heritage Azerbaijan. Basqal State Historical and Cultural Reserve. // URL: https://www.heritage.org.az/az/managed-units/basqal-dovlet-tarix-medeniyyet-qorugu-60a20212e1adb
9. UNESCO. Intangible cultural heritage. // URL: https://ich.unesco.org/en
10. National Library of Azerbaijan. UNESCO portal of Azerbaijan. // URL: https://unesco.preslib.az/en/page/pvebY7yjd4
11. UNESCO World Heritage Centre. Historic Centre of Sheki with the Khan's Palace. // URL: https://whc.unesco.org/en/list/1549/
12. Daily Sabah. Azerbaijan's UNESCO-listed Palace of Sheki Khans. // URL: https://www.dailysabah.com/gallery/azerbaijans-unesco-listed-palace-of-shaki-khans/images
13. UNESCO Azerbaijan. Qobustan – Material cultural heritage. // URL: https://unesco.az/index.php/az/articles/material_cultural_heritage/qobustan
14. UNESCO Azerbaijan. Icheri Sheher, Maiden Tower and Shirvanshahs' Palace Complex. // URL: https://unesco.az/en/articles/material_cultural_heritage/iceri-seher-qiz-qalasi-ve-sirvansahlar-saray-kompleksi

Каун С.Б.
Старший преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск.

Набока Д.Ю.
Студент факультета экономики и менеджмента, Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Республика Беларусь, г. Минск.

Пражский и франкфуртский мирные договоры в контексте венской системы международных отношений*

Аннотация. В статье анализируются Пражский и Франкфуртский мирные договоры в контексте Венской системы международных отношений. На основе сравнения условий, территориальных изменений, контрибуций и долгосрочных последствий выделены три модели посткризисного урегулирования: «включение», «наказание» и «баланс». Показано, что эффективность каждого подхода зависит от конкретной ситуации, а выбор модели определяет, станет ли бывший враг союзником или источником реваншизма.

Ключевые слова: Венская система международных отношений, Отто фон Бисмарк, Realpolitik, Пражский и Франкфуртский мирные договоры, ситуационное управление.

Kaun S.B.
Senior Lecturer at the Department of Source Studies, Faculty of History, Belarusian State University, Republic of Belarus, Minsk.

Naboka D.Y.
Student of the Faculty of Economics and Management, Educational institution "Belarusian State Economic University", Republic of Belarus, Minsk.

The Prague and Frankfurt peace treaties in the context of the Vienna system of international relations

* © Каун С.Б., Набока Д.Ю., 2026.

Abstract. The article analyzes the Prague and Frankfurt Peace Treaties in the context of the Vienna system of international relations. Based on a comparison of conditions, territorial changes, indemnities and long-term consequences, three models of post-crisis settlement are identified: "inclusion", "punishment" and "balance". It is shown that the effectiveness of each approach depends on the specific situation, and the choice of the model determines whether the former enemy will become an ally or a source of revenge.

Key words: Vienna system of international relations, Otto von Bismarck, Realpolitik, Prague and Frankfurt Peace Treaties, situational management.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях, когда международные отношения нередко проходят через периоды обострения и кризисов, исторический опыт приобретает особую ценность. Изучение Пражского (1866 г.) и Франкфуртского (1871 г.) мирных договоров в рамках Венской системы международных отношений даёт возможность увидеть, как выбор между стратегией включения и стратегией давления на государство влиял на последующую динамику межгосударственных отношений. Эти примеры помогают критически оценить современные подходы к дипломатии и спрогнозировать возможные сценарии развития ситуации в посткризисный период.

Цель исследования: проанализировать Пражский и Франкфуртский мирные договоры в контексте Венской системы международных отношений, сравнить два подхода к построению посткризисного порядка и определить их значение для современной дипломатии.

Венская система международных отношений, известная также как «европейский концерт», сложилась после завершения наполеоновских войн. Её главным архитектором стал австрийский министр иностранных дел Клеменс фон Меттерних, который стремился создать устойчивый международный порядок, способный надолго предотвратить масштабные конфликты. Нормы этой системы были закреплены на Венском конгрессе 1814–1815 гг., в котором участвовали представители практически всех европейских государств, за исключением Османской империи [1].

Конгресс не просто подвёл итоги многолетних войн, но и заложил основы принципиально нового международного порядка. Прежде всего, впервые было чётко сформулировано понятие круга великих держав: к ведущим государствам отнесли Австрию, Великобританию, Россию, Пруссию, а позже и Францию. Именно эти страны взяли на себя ответственность за поддержание стабильности в Европе. Основой европейской стабильности стал принцип баланса сил: крупные державы стремились не допустить чрезмерного усиления какой-либо одной страны, что должно было предотвратить новые войны. Наряду с этим утвердился *легитимизм* – принцип

восстановления законных монархических династий, свергнутых в ходе революций и завоеваний Наполеона Бонапарта. Эти два подхода дополняли друг друга: баланс сил обеспечивал равновесие между государствами, а легитимизм укреплял внутреннюю устойчивость режимов [1].

Для практического разрешения споров и сохранения мира был создан механизм «европейского концерта» – система регулярных международных конференций и конгрессов. Она позволяла согласовывать позиции великих держав и оперативно урегулировать возникающие противоречия. Яркими примерами работы этого механизма стали Парижский конгресс 1856 г. и Лондонская конференция 1871 г. [1].

Помимо политических принципов, Венский конгресс внёс значительный вклад в развитие институтов дипломатии. Была проведена унификация дипломатических норм: систематизированы ранги (посол, посланник, поверенный в делах) и типы консульских учреждений, закреплены понятия дипломатического иммунитета и дипломатической вализы [1].

Практические итоги конгресса также имели долгосрочное значение:

– была зафиксирована новая геополитическая карта Европы и расстановка сил между государствами. Например, Российская империя получила Финляндию и Бессарабию, расширила западные границы за счёт земель Герцогства Варшавского [1];

– поддержание баланса сил достигалось через создание коалиций и союзов, а также механизмы сдерживания. При этом государства могли менять союзников, обеспечивая собственные интересы, но старались не разрушать общую структуру международных отношений [1].

– не менее важной стала практика *интервенционизма* – право великих держав вмешиваться во внутренние дела других государств для подавления революционных движений. На практике это проявилось, например, в подавлении восстаний в Италии и Испании в 1820-х гг. Такая политика позволяла сохранять монархические режимы и предотвращать распространение идей, угрожавших установленному порядку [1].

Многие исследователи считают Венскую систему первым образцом коллективной безопасности. Благодаря заложенным механизмам на несколько десятилетий заметно сократилось число крупных вооружённых конфликтов в Европе, что подтвердило жизнеспособность созданной системы (по крайней мере, на начальном этапе её существования) [1].

Однако ни одна система не бывает совершенной, и Венская не стала исключением. Уже в первые десятилетия после её создания стали накапливаться кризисы, которые она не могла преодолеть без потери собственных принципов.

Первым серьёзным ударом стало греческое восстание 1821–1829 гг. Греция боролась за независимость от Османской империи, и внутри Священ-

ного союза произошёл раскол. Князь Меттерних требовал подавить восстание во имя сохранения легитимизма, тогда как Великобритания и Россия поддержали греков, руководствуясь собственными геополитическими интересами. В 1829 г. Греция получила независимость. Принцип единства великих держав был нарушен [2].

В 1830 г. последовал новый удар. Во Франции произошла Июльская революция: законная династия Бурбонов была свергнута, а к власти пришёл Луи-Филипп I. По логике Венской системы великие державы должны были вмешаться и восстановить прежний порядок, но они этого не сделали. Россия, Австрия и Пруссия колебались, а Великобритания и вовсе признала нового короля. Система показала свою неспособность защищать собственные принципы, когда это требовало реальных действий. Почти одновременно Бельгия отделилась от Нидерландского королевства, созданного решениями Венского конгресса. Вместо того чтобы восстанавливать «законную» власть, великие державы признали независимость Бельгии. Легитимизм вновь был принесён в жертву текущим обстоятельствам [2].

Революции 1848–1849 гг., известные как «Весна народов», прошлись по Европе как цунами. Франция, Австрия, Пруссия, Италия, германские государства – волна протестов и восстаний охватила практически весь континент. Национальные движения требовали пересмотра границ и создания собственных государств. Россия помогла Австрии подавить восстание в Венгрии (1849 г.), но в целом Венская система продемонстрировала свою уязвимость перед напором национализма [2].

На протяжении 1830–1850-х гг. постоянным раздражителем оставался Восточный вопрос. Османская империя, которую называли «больным человеком Европы», слабела, и великие державы спорили о том, кому достанется её наследство: проливы, Балканы, Кавказ. Россия, Соединённое Королевство, Австрия и Франция тянули одеяло каждая в свою сторону. К 1850 г. дипломатическая борьба шла непрерывно, а равновесие держалось буквально на волоске [2].

Финальной точкой, после которой система уже не могла оправиться, стала Крымская война 1853–1856 гг. Россия воевала против коалиции из Англии, Франции и Османской империи. Но самое показательное, Австрия, формальный союзник России по Священному союзу, не только не поддержала её, но и стала угрожать войной. Особую остроту ситуации придавало то, что всего несколькими годами ранее, в 1849 г., Россия спасла Австрийскую империю, подавив восстание в Венгрии, а последняя ответила на эту помощь предательством, требуя от России уступок по Дунайским княжествам [2].

Парижский конгресс 1856 г. по сути стал диктатом победителей. Россия

лишалась права иметь военный флот на Чёрном море, а Молдавия и Валахия переходили под совместный контроль великих держав, что ослабляло влияние России в регионе. Принцип баланса сил, которым так гордилась Венская система, обернулся против одной из её создательниц. Концерта больше не было [2].

К началу 1860-х гг. Венская система переживала нелёгкие времена. Доверие между державами было утрачено, принципы легитимизма и баланса сил работали всё хуже, а старые монархии с трудом сдерживали напор национальных движений. Особенно остро этот вопрос стоял в Германском союзе. Немецкие земли оставались раздробленными: существовали десятки небольших государств, графств, княжеств, королевств, связанных лишь формальным членством в союзе под главенством Австрии. Идея национального единения, подхваченная либералами ещё в 1848 г., не была реализована. Но именно в Пруссии созрели силы, готовые взять объединение в свои руки.

Во главе процесса, который изменил ход немецкой истории, встал ***Отто фон Бисмарк***. Ещё в 1847 г., выступая в соединённом ландтаге, он заявил о неприятии либеральных реформ и конституции и подчеркнул, что Пруссия должна руководствоваться не абстрактными идеалами, а собственными интересами и служению монархии. Позже, работая послом Пруссии во Франкфурте-на-Майне (1851–1859 гг.), он в полной мере ощутил противоречия Германского союза и увидел, как Австрия пытается сохранить своё доминирование. Именно там Бисмарк пришёл к выводу, что старые механизмы «концерта» не работают, а влияние Пруссии можно утвердить только силой и прагматичной дипломатией. Его кредо того времени точно передаёт собственная фраза: «*Единственная здоровая основа великого государства есть государственный эгоизм, а не романтика, и недостойно великой державы бороться за дело, не касающееся её собственного интереса*» [3, 4].

В 1861 г. на прусский трон взошёл король Вильгельм I. Он сразу столкнулся с глубоким политическим кризисом: либеральный ландтаг отказался утверждать бюджет на увеличение военных расходов, чтобы укрепить боеспособность армии. Палата депутатов сократила расходы, палата господ отвергла урезанный вариант. Конфликт зашёл так далеко, что Вильгельм всерьёз задумался об отречении. Для преодоления кризиса было принято решение вернуть из Парижа Отто фон Бисмарка. Встреча в Бабельсберге 22 сентября 1862 г. стала решающей: Бисмарк заверил монарха в своей безоговорочной преданности. На следующий день, 23 сентября, он был назначен министром-президентом Пруссии с широкими полномочиями [3].

Спустя неделю, 30 сентября 1862 г., Бисмарк выступил перед депутатами ландтага с решительной речью, которая стала его программой: «*Великие*

вопросы современности должны решаться не речами и резолюциями большинства, но железом и кровью» [3, 4].

На посту министра-президента, а затем и «железного канцлера», Бисмарк за три решительные войны (против Дании, Австрии и Франции) добился объединения германских земель вокруг Пруссии и создал Германскую империю. При этом дипломатия Бисмарка отличалась прагматизмом, основанным на принципе *Realpolitik* [3].

Термин ***Realpolitik*** (от нем. real – «реальный», «практический» и Politik – «политика») обозначает политический курс, основанный на прагматизме, расчёте и учёте фактических обстоятельств, а не на идеологических или моральных установках. Впервые это понятие было введено немецким публицистом и политиком Людвигом фон Рохау в 1853 г. в труде «Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands». В нём он утверждал, что политика должна опираться на анализ реальных сил, формирующих государство, а не на абстрактные принципы [8].

Однако сам Бисмарк предупреждал: *«Даже победоносная война – это зло, которое должно быть предотвращено мудростью народов»* [4]. Оба мирных договора, заключённых им на пути к объединению Германии, – ***Пражский (1866 г.)*** и ***Франкфуртский (1871 г.)*** – стали вехами этого процесса. Но по своей логике, механизмам и долгосрочным последствиям они разошлись в противоположные стороны [3].

Первым из них стал Пражский мир, завершивший австро-прусскую войну 1866 г. Этот договор и предшествовавшие ему события наглядно демонстрируют, как Бисмарк на практике реализовал свою стратегию «приручения» побеждённого.

После Датской войны 1864 г. Пруссия и Австрия совместно управляли отторгнутыми от Дании герцогствами: Шлезвигом и Гольштейном. Однако совместное управление было заведомо шатким: Гольштейн достался Австрии, но был отделён от неё прусскими землями, что делало австрийское присутствие там крайне уязвимым. Отто фон Бисмарк намеренно осложнил ситуацию, настояв на том, что права на оба герцогства остаются общими. Когда император Франц Иосиф I предложил уступить Гольштейн в обмен на небольшую территорию на прусско-австрийской границе, Бисмарк отказал. К весне 1866 г. стало ясно, что конфликт неизбежен [3, 9].

Бисмарк искусно подготовил почву для войны. Он обвинил Австрию в нарушении условий Гаштейнской конвенции (та не пресекала антипрусской агитации в Гольштейне) и вынес вопрос на рассмотрение Союзного сейма. Когда сейм продолжил обсуждение, Бисмарк аннулировал конвенцию и 8 апреля 1866 г. заключил союз с Италией, которая стремилась отторгнуть Венецию от австрийской короны. 14 июня Бисмарк объявил Германский союз недействительным, предложив создать новый союз германских

государств под главенством Пруссии с выборным общенациональным парламентом. Большинство германских монархий, напуганные радикализмом этого плана, выступили на стороне Австрии [3, 9].

Война длилась всего семь недель (с 15 июня по 26 июля 1866 г.). Технологическая отсталость австрийской армии и её вынужденная борьба на два фронта (против Пруссии в Германии и Богемии, против Италии на юге) привели к сокрушительному поражению. Решающая битва при Садовой (Кёниггреце) 3 июля 1866 г. показала полное превосходство прусской армии, оснащённой ружьями Дрейзе и использовавшей железные дороги для быстрой переброски войск [3, 9].

Победа была полной. Прусские войска вышли на подступы к Вене. Император Франц Иосиф запросил мира. Король Вильгельм I и прусский генералитет требовали продолжать наступление, взять Вену и продиктовать Австрии унизительные условия. Бисмарк, однако, видел дальше. Он понимал, что уничтожение Австрии сделает её вечным врагом Пруссии, а также спровоцирует вмешательство Франции, которая не потерпит чрезмерного усиления Пруссии. К тому же сама Австрия была заинтересована в скорейшем мире: внутри империи нарастали национальные беспорядки, а армия, занятая на двух фронтах, не могла одновременно воевать и подавлять внутренние волнения [3, 9].

Между министром-президентом Пруссии и королём возник острый конфликт. Бисмарк настаивал на немедленном мире, угрожая отставкой. В ходе одного из споров Бисмарк, по свидетельствам современников, разрыдался от бессилия, видя, что его долгосрочная стратегия наталкивается на непонимание монарха. Начальник Генерального штаба Хельмут фон Мольтке изначально выступал за продолжение военных действий ради полной и безоговорочной победы, руководствуясь исключительно военной логикой. Однако, столкнувшись с риском политического кризиса, угрозой отставки министра-президента и вероятным вмешательством третьих держав, Мольтке вместе с кронпринцем Фридрихом Вильгельмом поддержал мирные условия. Король неохотно уступил [3, 9].

Мирные переговоры начались 22 июля в Никольсбурге, а 26 июля был подписан прелиминарный договор. Окончательный мир был оформлен 23 августа 1866 г. в Праге, уже оккупированной прусскими войсками. Австрия принимала условия, которые Бисмарк назвал «миром без аннексий» (таблица 1).

Закреплённые в договоре условия не были случайным набором компромиссов. Последствия этого подхода оказались долгосрочными и во многом определили расстановку сил в Европе.

Пруссия стала безусловным лидером германских государств к северу от реки Майн. Австрия навсегда была исключена из германских дел. В

Таблица 1. Основные положения Пражского мирного договора 1866 г.

Положение	Содержание
Роспуск Германского союза	Австрия признавала роспуск Германского союза, который она возглавляла с 1815 г.
Новое устройство Германии	Австрия соглашалась на создание Северогерманского союза под главенством Пруссии.
Территориальные изменения	Пруссия аннексировала Гольштейн, Ганновер, Гессен-Кассель, Нассау и Франкфурт-на-Майне. Исконные австрийские земли не пострадали.
Венеция (Венский мирный договор 1866 г.)	Австрия передавала Венецию Италии (через посредничество Франции, поскольку формально Венеция отходила Наполеону III, а тот передавал её Италии).
Контрибуция	Австрия выплачивала Пруссии 40 млн прусских талеров (сумма была низкой, практически символической).
Статус Саксонии	Саксония, воевавшая на стороне Австрии, сохраняла свою территориальную независимость (вопреки желанию прусских генералов аннексировать её).
Северный Шлезвиг	В северной части Шлезвига должен был пройти плебисцит о воссоединении с Данией (однако под давлением Пруссии он так и не состоялся).

Примечание: Источник: собственная разработка авторов на основе данных [3, 5, 9].

1867 г. был официально оформлен Северогерманский союз – конфедерация 22 государств под руководством Пруссии, с единым парламентом (бундесратом и рейхстагом) и единой армией. Южногерманские государства (Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт) остались формально независимыми, но были связаны с Пруссией тайными военными соглашениями [3].

Однако успехи Пруссии немедленно вызвали тревогу во Франции. Император Наполеон III, который рассчитывал выступить посредником и получить компенсацию за своё невмешательство, оказался обманутым в своих ожиданиях. В 1867 г. разразился кризис вокруг Люксембурга: Наполеон III потребовал присоединить это великое герцогство к Франции в качестве «компенсации» за прусские приобретения. Бисмарк, ещё не готовый к большой войне с Францией, искусно уладил конфликт: Люксембург остался независимым, а прусский гарнизон из него вывели. Кризис стал идеальной почвой для будущего конфликта: он показал, что столкновение Пруссии и Франции неизбежно, и лишь вопрос времени, когда оно произойдёт [3].

В 1870 г. повод для давно назревавшего столкновения возник вокруг испанского престола. На освободившееся место выдвинули кандидатуру немецкого принца Леопольда Гогенцоллерна. Франция, опасаясь окружения с двух сторон, потребовала от Пруссии официальных гарантий, исключающих вступление принца на трон. Французский посол Бенедетти активно добивался от короля Вильгельма I твёрдых обязательств [3, 10].

Бисмарк, давно искавший повод для войны, увидел в этом кризисе удобную возможность. Однако его беспокоило другое: король Вильгельм I, находившийся на курорте в Эмсе, был склонен к уступкам и готов был дать французам необходимые гарантии, лишь бы сохранить мир. Бисмарка такое развитие событий расстраивало: он понимал, что упущенная возможность может отодвинуть объединение Германии на неопределённое время, а Пруссия в глазах общественности и других европейских держав станет униженной [3, 10].

К тому же, если бы Бисмарк всё же решился на войну с южногерманскими государствами без внешнего противника, Франция, Австрия и Россия наверняка вмешались бы в конфликт. Только наличие общего агрессора (Франции) позволяло объединить немецкий народ в мощную империю. Бисмарк понимал: союз, скреплённый совместной победой и силой, устойчивее любого договора, а побеждённый, униженный враг – это не фундамент для долгосрочной стабильности [3, 10].

Поэтому в его руках оказалась *Эмсская депеша* – телеграмма короля, в которой монарх вежливо сообщал об отказе принять дополнительные требования французского посла. Бисмарк сознательно пошёл на обострение, используя свой излюбленный приём: манипуляцию информацией. Он сократил и ужесточил текст, придав ему оскорбительный для Парижа тон. В опубликованном варианте говорилось:

«*После того как известия об отречении наследного принца Гогенцоллерна были официально сообщены французскому императорскому правительству испанским королевским правительством, французский посол предъявил в Эмсе его королевскому величеству добавочное требование уполномочить его телеграфировать в Париж, что его величество король обязывается на все будущие времена никогда не давать снова своего согласия, если Гогенцоллерны вернутся к своей кандидатуре. Его величество король отказался затем ещё раз принять французского посла и приказал дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имеет ничего более сообщить послу*» [6].

Искажённая депеша была опубликована в прессе и вызвала взрыв негодования в Париже. 19 июля 1870 г. Франция объявила Пруссии войну; именно этого Бисмарк и добивался [3, 10].

Франко-прусская война 1870–1871 гг. стала кульминацией диплома-

тических и стратегических усилий Бисмарка. Главным фактором победы Пруссии стало блестящее руководство союзными германскими войсками, осуществляемое фон Мольтке. Уже в первые дни войны произошли столкновения в районе Саарбрюккена (2–6 августа 1870 г.), за которыми последовали сражения при Вейсенбурге (4 августа 1870 г.) и Шпихерене (6 августа 1870 г.). Эти успешные операции подтвердили эффективность тактики, разработанной Мольтке, и подготовили почву для решающего сражения кампании – битвы при Седане 1 сентября 1870 г. Разделённость французских войск и внезапность немецкого удара сыграли решающую роль: император Наполеон III и его 83 тысячи солдат были взяты в плен. 4 сентября 1870 г. в Париже началась революция, приведшая к краху Второй империи и провозглашению Третьей республики [3, 10].

Вскоре началась затяжная осада Парижа, которая беспокоила Бисмарка. Он опасался, что длительное сопротивление столицы Франции может подтолкнуть нейтральные державы к вмешательству в конфликт либо к созыву международного конгресса по урегулированию войны. Бисмарк стремился к скорейшему завершению боевых действий, чтобы предотвратить дипломатическое вмешательство. В итоге осада Парижа завершилась капитуляцией города 28 января 1871 г. благодаря вовремя подоспевшей тяжёлой осадной артиллерии [3, 10].

Но за десять дней до этого 18 января 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца было провозглашено создание Германской империи, а Вильгельм I был коронован кайзером. С образованием нового государства произошёл переход от Конституции Пруссии к Конституции Германской империи, которая закрепила федеративное устройство государства и усилила власть рейхсканцлера Отто фон Бисмарка [3, 10].

Окончательные условия мира были закреплены Франкфуртским договором, подписанным 10 мая 1871 г. Они оказались для Франции тяжёлыми и унизительными, окончательно закрепив победу Германии (таблица 2).

Таким образом, Франция понесла значительные потери. Эльзас и Лотарингия, представлявшие собой промышленно развитые территории с богатыми месторождениями железной руды, отошли к Германии. Контрибуция в размере 5 млрд франков создала серьёзную нагрузку на французскую экономику, а северные департаменты оставались под оккупацией германских войск до момента полной выплаты. Символическое унижение Франции усугубилось провозглашением Германской империи в Версальском дворце – резиденции, имевшей для французского национального самосознания особое значение [3].

Если сопоставить этот договор с Пражским миром 1866 г., становятся очевидны различия в логике принятых решений (таблица 3).

Сравнение Пражского и Франкфуртского договоров показывает, что

Таблица 2. Основные положения Франкфуртского мирного договора 1871 г.

Положение	Содержание
Территориальные потери Франции	Уступка Германии Эльзаса (кроме территории Бельфор) и Лотарингии.
Право выбора подданства	Жители уступленных территорий могли сохранить французское подданство и переселиться во Францию до 1 октября 1872 г.
Контрибуция	5 млрд франков золотом (или равноценными бумагами).
График выплат	500 млн через 30 дней после ратификации; 1 млрд в 1871 г.; 500 млн в 1872 г.; оставшиеся 3 млрд не позднее 1874 г. (с уплатой текущих процентов).
Оккупация	Германские войска оставались на части французской территории до полной выплаты контрибуции. Сроки эвакуации привязаны к восстановлению порядка во Франции и к уплате третьего полумиллиарда.
Статус договора	Подтверждение и детализация версальского прелиминарного мира от 26 февраля 1871 г.

Примечание: Источник: собственная разработка авторов на основе данных [3, 7, 10].

результат послевоенного урегулирования зависит не от силы победителя, а от выбора модели поведения по отношению к побеждённому. Абстрактного «лучшего» подхода не существует. Даже Отто фон Бисмарк говорил: «*Политика есть искусство возможного*» [4]. Поэтому в международных отношениях действует принцип ***ситуационного управления***: решение принимается исходя из конкретных обстоятельств:

– *модель «баланс»*: применима, когда все участники конфликта примерно равны по силе, ни одна из сторон не может навязать свою волю, а цель заключается во временной заморозке конфликта без его окончательного решения. Инструменты: конгрессы, конференции, раздел сфер влияния, коалиции. Примером служит Венская система международных отношений, созданная победителями Наполеона Бонапарта для сдерживания Франции путём формирования антифранцузских коалиций и окружения её сильными соседями. Однако, как показала история, модель «баланс» страдает внутренним противоречием: она эффективна только до тех пор, пока существует общая угроза. Как только эта угроза ослабевает, каждый из партнёров по коалиции начинает преследовать собственные интересы, что разрушает хрупкое равновесие. Результат: стабильность на краткосрочную перспективу, но без устранения причин конфликта;

Таблица 3. Сравнительная таблица: Пражский и Франкфуртский мирные договоры.

Параметр сравнения	Пражский мир (1866 г.)	Франкфуртский мир (1871 г.)
Участники конфликта	На стороне Пруссии выступили Италия и ряд северогерманских государств, тогда как Австрия опиралась на поддержку большинства южногерманских монархий.	Германские государства, объединившись вокруг Пруссии, противостояли Франции, которая оказалась в дипломатической изоляции.
Непосредственная причина войны	Поводом послужил спор о совместном управлении герцогствами Шлезвиг и Гольштейн, который Пруссия использовала для вытеснения Австрии из Германского союза.	Конфликт спровоцировала Эмсская депеша – отредактированная Бисмарком телеграмма, за которой стоял кризис вокруг кандидатуры Гогенцоллерна на испанский престол и общее возвышение Пруссии.
Исконные территории проигравшего	Австрия сохранила свои исконные земли полностью, не понеся территориальных потерь.	Франция лишилась Эльзаса и Лотарингии – промышленно развитых регионов с богатыми залежами железной руды.
Контрибуция	Австрия выплатила символическую сумму в 40 млн прусских талеров, не обременительную для её экономики.	На Францию была наложена контрибуция в 5 млрд золотых франков, что создало колоссальную нагрузку на государственные финансы.
Оккупация территории проигравшего	Оккупационный режим не вводился, австрийские земли остались свободными от прусского присутствия.	Северные департаменты Франции оставались под германской оккупацией до полной выплаты контрибуции, что усиливало экономическое и моральное давление.
Публичное унижение проигравшего	Австрия избежала публичного унижения: она сохранила статус великой державы и достоинство своей армии.	Франция подверглась максимальному унижению: провозглашение Германской империи состоялось в Версальском дворце – символе французской национальной гордости.
Долгосрочные последствия для проигравшего	Сохранение территориальной целостности и военного потенциала позволило Австрии уже через 13 лет заключить с Германией Двойственный союз (1879 г.).	Потеря земель и унижение породили реваншизм как основу французской внешней политики, что привело к сближению с Россией (1891–1894 гг.) и созданию Антанты (1904 г.).

Примечание: Источник: собственная разработка авторов.

– *модель «включение»* (по образцу Пражского мира 1866 г.): её следует применять, когда побеждённый силён, но не стремится к немедленному реваншу, и когда победитель готов вкладывать ресурсы в долгосрочную

стабильность. Механизмы этой модели включают сохранение институтов власти побеждённого, символическую контрибуцию и сохранение экономических связей. Результат: бывший враг становится союзником через 10–20 лет, как это произошло с Австрией после 1866 г;

– *модель «наказание»* (по образцу Франкфуртского мира 1871 г.): эта модель применяется, когда внутренняя аудитория победителя требует немедленного наказания и любая мягкость политически смертельна, когда у победителя нет потребности в будущем союзе с побеждённым или когда побеждённый воспринимается как прямая угроза. Механизмы включают аннексию исконных территорий, тяжёлые репарации, публичное унижение и оккупация. Результат: реваншизм и новая война через поколение, как это произошло с Францией после 1871 г.

Предложенные модели на практике комбинируются, и успех урегулирования конфликта зависит от их грамотного сочетания с учётом конкретной ситуации. При этом современная дипломатия не может позволить себе выбор, основанный лишь на эмоциях или внутриполитической конъюнктуре. Поэтому история даёт подсказку: модель «включение» является единственной, которая на долгосрочный период создаёт мир. Её применение требует от лидера мужества и способности идти против собственных принципов или требований общественности. Именно это отличает дальновидного государственного деятеля от популиста.

Та же логика работает и за пределами политики. В менеджменте, проектном управлении и даже в межличностных переговорах действуют те же три модели: «наказание» даёт быструю победу, но растит врагов, «баланс» замораживает конфликт, но не решает его, а «включение» требует больших усилий и умения идти против текущей выгоды.

В заключение, следует отметить, что Венская система международных отношений, несмотря на свою начальную эффективность, не смогла предотвратить накопление кризисов, которые привели к её последующему краху. Внутри этой системы сформировались два противоположных подхода к завершению войны. Пражский мир 1866 г. продемонстрировал модель «включение»: победитель сознательно отказался от уничтожения побеждённого, сохранил его территории, армию и политический статус, что через тринадцать лет превратило Австрию в союзника Германии. Франкфуртский мир 1871 г. воплотил противоположную модель «наказание»: аннексия Эльзаса-Лотарингии, колоссальная контрибуция и публичное унижение Франции породили реваншизм на десятилетия и стали одной из причин Первой мировой войны. Эти два договора, разделённые всего пятью годами, показывают, что выбор между стабильностью и отсроченным конфликтом зависит не от военной силы, а от готовности победителя отказаться от немедленных выгод ради долгосрочного мира.

Библиографический список:

1. Кудрявцева Е.П. Венская система международных отношений и ее крушение (1815-1854 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 88-106.
2. Дударев В.С. Стала ли венская система международных отношений системой? // Преподаватель XXI век. 2024. № 4-2. С. 355-370.
3. Отто фон Бисмарк: Человек в железной каске / Николай Власов. – М.: Молодая гвардия, 2023. 441 [7] с.
4. Отто фон Бисмарк цитаты // URL: https://ru.citaty.net/avtory/otto-fon-bismark/ (Дата обращения: 24.04.2026).
5. Wawro G. The Austro-Prussian war: Austria's war with Prussia and Italy in 1866. Camb., 1996; Zimmer F. Bismarcks Kampf gegen Kaiser Franz Joseph. Königgrätz und seine Folgen. Graz, 1996.
6. Воспоминания Железного канцлера / Отто фон Бисмарк. – Москва: Издательство АСТ, 2023. 608 с.
7. Clercq J. de. Recueil des traités de la France. Leiden, 1987. Vol. 10. P. 472-480.
8. Rochau, Ludwig. Grundsätze der Realpolitik // URL: https://archive.org/details/grundstzederre00roch (Дата обращения: 24.04.2026).
9. Lettow-Vorbeck O. von, Geschichte des Krieges von 1866 in Deutschland, Bd 1–3, B., 1896-1902.
10. Moltke X. von. The history of the German-French War of 1870-1871. – Moscow, 2014.
11. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 208-212.

Reference

1. Kudryavtseva E.P. The Vienna System of International Relations and Its Collapse (1815-1854) // New and Contemporary History. 2014. № 4. P. 88-106.
2. Dudarev V.S. Has the Vienna System of International Relations Become a System? // Teacher of the XXI Century. 2024. № 4-2. P. 355-370.
3. Otto von Bismarck: The Man in the Iron Helmet / Nikolai Vlasov. - Moscow: Molodaya Gvardiya, 2023. 441 [7] p.
4. Otto von Bismarck Quotes // URL: https://ru.citaty.net/avtory/otto-fon-bismark/ (24.04.2026).
5. Wawro G. The Austro-Prussian War: Austria's War with Prussia and Italy in 1866. Camb., 1996; Zimmer F. Bismarck's Kampf gegen Kaiser Franz Joseph. Königgrätz und seine Folgen. Graz, 1996.
6. Memoirs of the Iron Chancellor / Otto von Bismarck. – Moscow: Izdatelstvo AST, 2023. 608 p.
7. Clercq J. de. Recueil des traités de la France. Leiden, 1987. Vol. 10. P. 472-480.
8. Rochau, Ludwig. Grundsätze der Realpolitik // URL: https://archive.org/details/grundstzederre00roch (24.04.2026).
9. Lettow-Vorbeck O. von, Geschichte des Krieges von 1866 in Deutschland, Bd 1–3, V., 1896-1902.
10. Moltke X. von. The history of the German-French War of 1870-1871. – Moscow, 2014.
11. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 208-212.

Назин В.Ю.
Аспирант III курса кафедры всеобщей истории. ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск.

От Шлахтерс-Нека до Манифеста Ретифа (1815–1837): системные противоречия британской колониальной политики и формирование бурской идентичности отказа*

Аннотация. В статье исследуются системные противоречия британской колониальной политики в Капской колонии в период с 1815 по 1837 год, ставшие катализатором Великого трека и сформировавшие уникальную бурскую «идентичность отказа». Целью работы является выявление институциональных механизмов, приведших к массовому исходу африканеров за пределы новой администрации. В качестве методологической основы использованы методы сравнительно-исторического анализа, исторической генеалогии и деконструкции дискурса официальных документов метрополии. В результате исследования доказано, что Великий трек не являлся архаичным бегством от модернизации, а представлял собой рациональный ответ на цепочку деструктивных реформ: принудительную девальвацию риксдаллера, языковую ассимиляцию, Ордонанс № 50 и создание непреодолимых бюрократических барьеров при выплате компенсаций. Сравнительный анализ Манифеста П. Ретифа и секретных депеш министра колоний лорда Гленелга выявил фундаментальную проблему управления: Лондон признавал дисфункциональность собственного аппарата при одновременном отказе признавать субъектность и рациональность действий колонистов.

Ключевые слова: Великий трек, Капская колония, африканеры, британская колониальная политика, идентичность, Ордонанс № 50, Манифест Ретифа, лорд Гленелг, Шлахтерс-Нек.

Nazin V.Y.
3rd-year postgraduate student, Department of General History. Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk.

From Slachter's Nek to Retief's manifesto (1815–1837): systemic contradictions of British colonial policy and the formation of Boer "Identity of Refusal"

* © Назин В.Ю., 2026.

Abstract. The article examines the systemic contradictions of British colonial policy in the Cape Colony between 1815 and 1837, which catalyzed the Great Trek and shaped a unique Boer "identity of refusal". The study aims to identify the institutional mechanisms that led to the mass exodus of Afrikaners beyond the control of the new administration. The research is methodologically grounded in comparative historical analysis, historical genealogy, and the discourse deconstruction of official documents from the metropole. The study demonstrates that the Great Trek was not an archaic flight from modernization but rather a rational response to a sequence of destructive reforms: the forced devaluation of the rixdollar, linguistic assimilation, Ordinance No. 50, and the erection of insurmountable bureaucratic barriers to receiving compensation. A comparative analysis of P. Retief's Manifesto and the secret despatches of the Secretary of State for War and the Colonies Lord Glenelg reveals a fundamental governance problem: London acknowledged the dysfunctionality of its own apparatus while simultaneously refusing to recognize the agency and rationality of the colonists.

Key words: Great Trek, Cape Colony, Afrikaners, British colonial policy, identity, Ordinance No. 50, Retief Manifesto, Lord Glenelg, Schlachter's Nek.

Введение

Великий трек 1835-1840-х годов занимает особое место в историографии южноафриканского фронтира. Массовый исход нескольких тысяч бурских семей за пределы Капской колонии традиционно рассматривается либо как героический основополагающий миф африканерской нации, либо как проявление архаичного сопротивления модернизации. Однако за этой устойчивой дихотомией остается в тени вопрос, который представляется принципиальным: что именно в логике британского колониального управления сделало трек неизбежным и как конкретные управленческие решения метрополии формировали ту систему ценностей, которую можно описать как «идентичность отказа».

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переоценки природы бурского исхода вне рамок колониального и европоцентристского дискурсов, а также потребностью в анализе механизмов, переводящих повседневные бюрократические способы управления в плоскость тотального экзистенциального противостояния.

Цель данного исследования - проследить институциональную генеалогию конфликта от восстания Шлахтерс-Нек до Великого трека, показав, как рутинные бюрократические и правовые практики метрополии породили перформативный акт тотального отказа от административного типа цивилизации.

Научная новизна работы заключается в том, что имперский административный дискурс рассматривается как внутреннее свидетельство против самого себя: официальные депеши колониальных губернаторов, пар-

ламентские документы и внутренняя переписка фиксируют те системные противоречия, которые долгое время уходили из оптики исследователей.

Материалы и методы

Методологическую основу работы составили методы институционального и сравнительно-исторического анализа, а также историко-генетический метод, позволившие проследить эволюцию конфликта от мелких правовых споров до массового исхода. Важнейшим инструментом исследования стала деконструкция дискурса первоисточников.

В качестве эмпирической базы были привлечены официальные документы колониальной администрации Великобритании, депеши губернаторов Ч. Сомерсета и Б. Д'Урбана, отчеты королевских следственных комиссий, петиции капских фермеров, тексты «Манифеста» П. Ретифа, а также макроэкономические (клиометрические) расчеты Й. Фурье и Я.Л. ван Зандена.

Литературный обзор

Британская историография рубежа XIX–XX веков подходила к этому вопросу в рамках устойчивой темпоральной оппозиции. Историк и дипломат Джеймс Брайс утверждал, что буры, уйдя в глубь континента, «отстали почти на два столетия от Западной Европы» [7, p. 7-8] и принадлежали скорее к семнадцатому столетию, чем к девятнадцатому. Писатель Артур Конан Дойл в работе «Англо-бурская война» (1900) воспроизводил ту же логику, описывая трек как реакцию людей, неспособных принять нормы цивилизованного управления, называя Великий трек «странным исходом» [4, С. 17]. Джулиан Ральф, военный корреспондент Daily Mail, прикомандированный к британским войскам, характеризовал весь бурский политический проект через образы «застоя двух столетий» [18, p. 10] и «уклада семнадцатого века» [18, p. 11], а сам Великий трек представлял как бегство людей, «возмущённых освобождением своих рабов» [18, p. 13].

Критическая историография той же эпохи разрушала этот консенсус. Британская активистка Эмили Хобхаус в своей работе «The Brunt of the war and where it fell» (1902) [13], раскрыла ужасающие условия содержания бурских военнопленных и гражданских людей в британских концентрационных лагерях. Этот взгляд позволял по-новому взглянуть на отношение империи к колониям. При этом ирландский республиканец Майкл Девитт изменил оптику этой войны в своей книге «The Boer fight for freedom» (1902) [8], показав буров прямыми жертвами этого конфликта. Для Девитта буры были не экзотическими фермерами далёкой Африки, а народом, чья борьба за независимость отражала ирландский опыт сопротивления той же Британской империи сравнимая с событиями Ирландского восстания 1798 году. Эти голоса были важны, однако и они не ставили перед собой задачи системного анализа.

Принципиально иную оптику, свободную от британского имперского дискурса, предлагала отечественная традиция. Уже современники тех событий в России видели в исходе буров не «застой двух столетий», а рациональный политический проект. Писатель И.А. Гончаров, наблюдавший за экспансией Англии в середине XIX века, дал предельно прагматичную оценку: «Они хотели иметь свои законы, управление, и надеялись, что сумеют, без помощи англичан, защититься против врагов, и не обманулись» [3, С. 65]. В советской и современной российской африканистике Великий трек получил глубокое комплексное осмысление. Отечественные исследователи ушли от романтизации конфликта, указав на его фундаментальную двойственность. С одной стороны, советские авторы указывали на экономические и административные триггеры Трека. Так немецкий историк Т. Бюттнер (ГДР) указывал на зарождение трека как закономерный процесс использования «хищнических методов» возделывания земли вместе с практикой экстенсивного скотоводства [1, С. 189]. С другой стороны, академик А.Б. Давидсон подчеркивает амбивалентность формирующейся бурской идеологии ведь защищая свои свободы от британцев, африканеры параллельно выстраивали бескомпромиссную расовую иерархию на фронтире, закрепляя за собой статус «народа господ» [2, С. 113].

Таким образом, в историографической традиции сложились определённые нарративные системы. Апологеты Британской империи объясняли Трек через архаику бурского сознания; западные критики через политическую жестокость колониальной администрации, а отечественная школа, глубоко проанализировав двойственную природу Великого трека, сосредоточилась преимущественно в макроэкономических и геополитических факторах.

Для того чтобы в полной мере осознать масштаб системного и идеологического кризиса, с которым столкнулась Британская империя, необходимо деконструировать образ её противника. Детальный анализ показывает, что бурское общество не было просто «застывшим» реликтом прошлого. Можно утверждать, что африканеры сознательно выстраивали собственный, альтернативный исторический проект, который представлял собой радикальный вызов британскому капиталистическому модерну.

Результаты

Генезис бурской идентичности начинается задолго до прихода британцев на юг Африки. Со второй половины XVII века в условиях жесткой изоляции от Европы голландские, немецкие и французские переселенцы Капской колонии слились в единый этнос африканеров, объединенных кальвинистской верой и языком африкаанс.

Фундаментальной чертой этого альтернативного проекта стал уклад

жизни «трекбуров». Британская пресса, в частности The Times, описывала их как «полукочевых пастухов» [23, p. 25], видя в этом социальную деградацию. Однако за этой внешней «простотой» скрывалась мощная идеологическая конструкция. как точно заметил правовед М. Дж. Фаррелли, буры считали себя «крестьянами-аристократами по божественному указу» [9, p. 20].

Этот мир, существовавший принципиально вне государства, британская администрация зафиксировала сразу после первой оккупации колонии. Исследовавший фронтир в 1797–1798 годах сэр Джон Барроу поражался полной институциональной независимости трекбуров: «Он [бур] является абсолютным хозяином владений протяженностью в несколько миль и безраздельно властвует над горсткой жалких рабов или готтентотов» [5, p. 28]. При этом его поражало, что эта изоляция полностью заменяла светскую культуру и государственные институты. Барроу отмечал, что «какую-либо книгу редко можно встретить в доме фермера, за исключением Библии» [5, p. 33]. Экстенсивное скотоводство и огромные наделы позволили бурам создать закрытую систему самообеспечения, не нуждающуюся во внешнем управлении. Именно это делало любое бюрократическое вмешательство метрополии не просто неудобством, а экзистенциальной угрозой.

Показательно, что базовые ценности этого уклада буры начали защищать ещё до прихода британцев. В 1795 году, устав от коррупции и непомерных налогов Голландской Ост-Индийской компании, фермеры приграничных округов Граафф-Рейнет и Свеллендам подняли восстание, изгнали правительственных чиновников (ланддростов) и провозгласили независимые республики. Как позже признавала официальная британская историография, эти «непокорные люди», не терпящие вмешательства в свои дела превратились в «независимые республиканские общины» [24, p. 52]. Это был первый масштабный политический акт «отказа», предвосхитивший логику Великого трека почти на сорок лет. Он доказал, что бурское общество фронтира способно существовать без внешней администрации.

Однако реализовать этот республиканский проект не удалось: в 1795 году Капскую колонию впервые оккупировали британские войска. Окончательно геополитический статус территории закрепился по итогам соглашений 1814–1815 годов, когда принц Оранский продал колонию Великобритании за 6 млн фунтов стерлингов. Именно этот момент, передача людей как имущества без их ведома, стал для бурской исторической памяти точкой отсчёта всех последующих обид. Будущий государственный деятель и генерал Ян Смэтс, тогда ещё молодой государственный прокурор Трансвааля и выпускник Кембриджа обвинил Британию в том, что продажа была совершена «против желания и воли самих жителей» [21, p. 5]. Для буров на смену слабой голландской администрации пришла системная имперская машина, принципиально не допускавшая компромиссов.

С этого момента имперский центр начал планомерное наступление на основы бурской идентичности. Взаимное непонимание сторон имело не политический, а фундаментальный, ценностный характер. Первой и самой болезненной точкой экзистенциального разрыва стало восстание Шлахтерс-Нек (в переводе «Мясницкий перевал», узкое ущелье в горах Капской колонии близ реки Бавиаанс) в 1815 году. Детальный анализ позволяет увидеть не просто локальный бунт, а первую попытку Британской империи навязать свою модель традиционному обществу фронтира.

Конфликт начался с обвинения фермера Фредерика Безейденхаута в жестоком обращении со слугой из племени хой-хой. Губернатор Чарльз Сомерсет, называвший буров «невежественными» и «полудикими» [20, p. 2], потребовал немедленного суда. Однако для Безейденхаута сам факт вызова в суд по доносу туземца был не просто юридической процедурой, а разрушением социальной иерархии, вследствие чего он проигнорировал повестки в суд.

Для ареста фермера британцы направили отряд туземной полиции. Губернатор Сомерсет в письмах признавал, что использование «полка готтентотов» для принуждения к закону было для буров «особенно омерзительным» (particularly obnoxious) [20, p. 5]. При попытке вооруженного сопротивления аресту Безейденхаут был убит местным сержантом.

Смерть Фредерика превратила его похороны в политический митинг. По легенде, его брат, Йоханнес Безейденхаут, поклялся прямо на могиле своего брата изгнать британцев. Его сторонники, собрав отряд повстанцев, начали рассылать по фермам воззвания, называя британскую администрацию «тиранами и злодеями» [20, p. 40]. Их план был отчаянным: они даже направили делегатов к вождю коса Гайке, предлагая язычникам союз против империи. В обмен на помощь буры обещали «отдать вождям коса область Зурвельд» [20, p. 32], намереваясь, по словам колониальной администрации: «полностью уничтожить Капский корпус за одну ночь» [20, p. 3].

Однако вожди коса отказались от участия, и лишенные массовой поддержки руководители бунта были захвачены. Ключевым фактором для формирования бурского нарратива стала показательная экзекуция 9 марта 1816 года. Как сообщали современники, в присутствии семей осужденных веревки виселицы оборвались четыре раза. В глазах, собравшихся верёвки рвались не случайно, это было знамение, в котором сам Бог помиловал осуждённых. Как отмечает исследователь Эрна Оливер, в этот момент облик имперской власти начал давать окончательную трещину [17, p. 5]. Инцидент при Шлахтерс-Неке («Мясницкий перевал») утвердился в бурской исторической памяти как абсолютный символ предательства и несправедливости метрополии.

Силовое подавление стало лишь первым этапом. В период с 1817 по

1828 год колониальная администрация перешла к политике системного демографического, экономического и культурного изменения фронтира. Первым шагом стала государственная программа переселения 1820 года. Британское правительство на свои средства доставило на восточную границу колонии (в район залива Алгоа) около пяти тысяч английских эмигрантов. Если официально этот шаг объяснялся необходимостью укрепления обороны против племен коса, то внутренняя переписка раскрывала иную логику. В докладе королевской Комиссии министру колоний лорду Батхёрсту от 30 сентября 1823 года прямо указывалось на необходимость заселения фронтира «англичанами, а не уроженцами колонии или голландскими бурами» [19, p. 197]. Авторы доклада не ограничивались декларацией, они предлагали буквально заместить (используя термин «substitute») коренных буров «более мягким и непредвзятым британским населением», обосновывая это экономически: привлекательные территории фронтира, пригодные для приложения английского капитала, находились, по их мнению, «в руках людей, которые вряд ли используют их наилучшим образом» [19, p. 198]. Для трекбуров это было прямым вторжением в их жизненное пространство.

Параллельно с демографической инженерией метрополия нанесла сокрушительный удар по финансовой автономии фермеров. Губернаторским ордонансом от 6 июня 1825 года риксдаллер (местная бумажная валюта) исторически признававшийся равным четырём шиллингам стерлингов, был принудительно переоценен из расчёта полутора шиллингов за единицу. Иными словами, накопленное имущество одномоментно обесценилось более чем вдвое. Владельцы земли, ипотечные кредиторы и фермеры потеряли значительную часть своего состояния не в результате рыночных колебаний, а по административному решению метрополии. В петиции 1825 года на имя короля (2115 подписей) отмечалось, что реформа поглотила «почти сорок миллионов риксдаллеров» [19, p. 114]. При этом возникла парадоксальная ситуация: оклады британских чиновников, номинированные в фунтах, стремительно росли за счет курсовой разницы. Содержание лишь одного гражданского губернатора выросло с 60 до 136 тыс. риксдаллеров в год [19, p. 124], а общее налоговое бремя колонии увеличилось почти в шесть раз, с 350 000 риксдаллеров в 1806 году до почти двух миллионов к 1825-му что, по словами колониальной администрации, все-равно оказалось «совершенно недостаточным» для покрытия расходов на управление колонией [19, p. 125].

Жалобы фермеров на разорение не были преувеличением. Современные клиометрические исследования полностью подтверждают масштаб этого кризиса. Как показывает анализ Й. Фурье и Я.Л. ван Зандена, если на протяжении XVIII века, в условиях изоляции и минимального государ-

ственного вмешательства, уровень благосостояния свободных капских поселенцев был сопоставим с богатыми странами того времени, то именно в британский период начался резкий спад. С рубежа XVIII–XIX веков и вплоть до 1860-х годов в колонии фиксировалось неуклонное и затяжное падение ВВП на душу населения [10, p. 483-484]. Таким образом, имперский нарратив о приобщении «отсталых» буров к благам цивилизованной коммерции расходился с реальностью. На фоне объективного падения доходов населения империя заставляла фронтир оплачивать содержание чуждого ему бюрократического аппарата.

Финальным этапом институциональной ломки стал демонтаж бурского самоуправления и языковой культуры. В 1825 году британская администрация постановила, что впредь все официальные документы должны составляться исключительно на английском языке [21, p. 9-10]. Буры больше не могли выступать в судах присяжных и на основе нового делопроизводства столкнулись с нефункционирующей традиционной голландской системой местных советов. Правосудие мгновенно превратилось для африканеров в непонятную и дорогую процедуру. Чтобы отстоять свою позицию фермеру приходилось ехать за десятки миль в британский суд и нанимать переводчиков.

Не менее болезненным стал удар по социальной иерархии фронтира. Ордонанс № 50 1828 года, официально уравнял в гражданских правах свободное цветное население с белыми колонистами. Этот акт был воспринят бурами как прямое покушение на основу их идентичности. Как показывает исследование В.К. Малхербе, буры на фронтире открыто говорили, что «правительство встало на сторону готтентотов против них» [16, p. 85].

Однако наиболее болезненным катализатором разрыва стала отмена рабства и проблема выплат за освобожденных рабов, где столкнулись абстрактный гуманизм британского парламента и экономическая реальность фронтира. Суть конфликта заключалась в выстроенном бюрократическом барьере: компенсации выдавались не в Капстаде, а в Лондоне. Британский публицист Элейн Айрленд подчеркивал, что эта ситуация «недоступных денег» стала для буров символом британского коварства [14, p. 134]. Масштаб этого бюрократического разлома осознавался даже сторонниками империи. Канадский журналист Э. Б. Биггар в 1899 году признавал обоснованность претензий африканеров, описывая появление «орды самозваных агентов», спекулировавших на лондонских выплатах. Из-за их махинаций разоренные фермеры получали треть от реальной стоимости своих компенсаций [6, p. 5-6].

Эти разделяющие тенденции, обострились к 1834 году. К этому времени конфликты на фронтире с местными племенами стали носить хронический характер. Десятилетия набегов племен коса, угона скота и

отсутствия защиты со стороны метрополии сформировали запрос на окончательное решение проблемы безопасности. В ходе Шестой пограничной войны (1834–1835 гг.) именно бурские коммандос стали основной силой, вытеснившей двенадцатитысячное войско коса за пределы колонии. Губернатор сэр Бенджамин Д'Урбан, видя в этом шанс стабилизировать границу, присоединил захваченные территории, создав «Провинцию королевы Аделаиды», что фермеры восприняли как справедливую компенсацию за военные тяготы. Однако министр колоний лорд Гленелг в депеше от 26 декабря 1835 года полностью дезавуировал действия губернатора и наложил на буров клеймо агрессоров, заявив, что «первоначальная справедливость находится на стороне побежденных, а не победившей стороны» [11, p. 470].

Как отмечал современник событий (будущий президент Оранжевого Свободного Государства) Я. Босхоф, депеша Гленелга стала моментом окончательного прозрения: «У людей открылись глаза, и они сразу пришли к выводу, что жить или существовать далее в этой колонии под такой "отцовской" опекой и защитой будет совершенно невозможно» [15, p. 508]. Босхоф подчеркивал невыносимую правовую асимметрию: кражи скота туземцами оставались безнаказанными, тогда как любая попытка фермера защитить свою собственность приводила к немедленному вмешательству британского прокурора, штрафам и тюрьме. В итоге лишенный защиты бур, по словам Босхофа: «либо бросает хозяйство, либо покидает колонию» [15, p. 511].

В результате новые правила колониального управления спровоцировали перформативный акт тотального отказа буров от административного типа цивилизации. Их недоверие теперь распространялось не только на британскую администрацию, но и на сам принцип государства как бюрократического аппарата. Этот перформативный акт материализовался в грандиозном исходе. Оставив обжитые фермы, тысячи бурских семей погрузили свое имущество, тяжелые воловьи повозки и пересекли границы Капской колонии. Воловья повозка стала не просто транспортным средством, но главным символом новой бурской идентичности, некой мобильной крепостью, защищавшей их как от дикой природы, так и от британских законов.

Обсуждение

Масштаб этого движения, получившего в истории название Великий трек, определялся не только политическим протестом, но и поиском принципиально нового жизненного пространства. Буры уходили на север и северо-восток, пересекая естественные границы в виде рек Оранжевая и Вааль. Как отмечали авторы The Times, лидеры движения «верили, что выводят свой народ из земли рабства в обетованную землю свободы» [23, p. 35].

Программным документом, в котором накопленные институциональные обиды получили своё окончательное юридически-теологическое оформление, стал «Манифест фермеров-эмигрантов», опубликованный трекбуром Питером Ретифом 2 февраля 1837 года [22]. Сам выбор жанра показателен: перед нами не петиция с просьбой о реформах, а обвинительное заключение против метрополии, объясняющее неизбежность разрыва.

Структура первых четырёх пунктов манифеста воспроизводит хронологию институциональных ударов двух предшествующих десятилетий. Первый пункт, жалоба на «буйных и нечестных бродяг», прямо адресован последствиям ордонанса № 50. Второй пункт фиксирует «тяжкие потери от эмансипации рабов и обременительных законов», что было прямой отсылкой к механизму лондонских компенсаций. Третий пункт, сообщал о непрекращающимся грабеже со стороны «цветных классов», это голос фермеров после депеши Гленелга 1835 года, публично объявившей буров агрессорами. Четвёртый пункт единственный, где речь идёт не об имущественных потерях, а о репутации. В нем буры жалуются на «неоправданное бесчестие» от людей «под плащом религии», чьи показания принимаются в Англии «в ущерб всем нашим свидетельствам». Это прямое указание на языковой и правовой барьер британских судов, где буры ощущали себя лишёнными права быть услышанными [22, p. 485].

Пункты с пятого по десятый формируют позитивную программу альтернативного политического проекта. Пятый пункт провозглашает приверженность «справедливым принципам свободы», обещая, что «никто не будет удерживаться в состоянии рабства» с намерением «поддерживать надлежащие отношения между хозяином и слугой». Это не случайная оговорка и не лицемерие, а точная формулировка того, что британский дискурс квалифицировал как архаику: свобода понималась африканерами иерархически, как привилегия «крестьян-аристократов», а не как универсальный принцип. Шестой, седьмой и восьмой пункты выстраивают контуры будущего государства, с кодексом законов, системой наказаний и принципом мирного сосуществования с туземными племенами. Девятый пункт юридически расторгает договор с империей: буры уходят «с полной уверенностью что английское правительство не имеет к ним больше никаких требований и позволит им управлять собой без вмешательства в будущем». Финальный десятый пункт переводит конфликт в регистр священной истории: апелляция к «всевидящему, справедливому и милосердному Богу» превращает Трек из эмиграции в Исход, буры уходят не просто с фронтира, они уходят из-под юрисдикции земной власти в пространство божественного провидения [22, p. 486].

Показательно, что перечисленные Ретифом проблемы позже косвенно подтвердила сама же метрополия. В депеше лорду Напиру от 28 ноября

1837 года министр по делам колоний лорд Гленелг, основываясь на донесениях местных чиновников, был вынужден признать семь реальных причин эмиграции: неоплаченные военные закупки, постоянный страх на фронтире, незавершенное оформление земельных титулов, парализованную магистратуру и запоздалую выплату компенсаций. Каждый из этих пунктов находит прямое соответствие в манифесте Ретифа, человека которого тот же Гленелг официально числил среди «невежественных и безграмотных» фермеров, ставших «жертвами систематической лжи и клеветы» [12, p. 488]. В этом проявляется фундаментальный парадокс британского колониального дискурса: метрополия признавала дисфункциональность своей администрации в колонии, но отказывала её жертвам в праве на рациональную политическую реакцию.

Заключение

Таким образом, проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, выходящих за рамки частной истории бурской эмиграции 1830-х годов. Анализ британских первичных источников, депеш колониальных губернаторов, докладов королевских комиссий, парламентских петиций и внутренней переписки, демонстрирует, что Великий трек был не архаичной реакцией на модернизацию, а рационально мотивированным ответом на последовательную цепочку институциональных ударов, каждый из которых разрушал один из базовых элементов бурской идентичности.

Шлахтерс-Нек 1815 года обнажил ценностный разрыв между обществом фронтира и британской административно-правовой машиной. Программа демографического замещения 1820-х годов, зафиксированная в докладе королевской комиссии лорду Батхёрсту, показала, что речь шла не о реформировании колонии, а о её этническом переустройстве. Валютная реформа 1825 года и языковой указ того же года одномоментно уничтожили финансовую автономию фермеров и лишили их доступа к правосудию. Ордананс № 50 1828 года разрушил социальную иерархию фронтира. Механизм лондонских компенсаций за освобождённых рабов превратил законное право в недостижимую привилегию. Наконец депеша Гленелга 1835 года публично объявила буров агрессорами в их собственной войне за безопасность.

Манифест Ретифа, прочитанный в этом контексте, перестаёт быть документом бурского национализма и становится точным юридическим резюме двадцати лет институционального давления. Каждый его пункт имеет конкретный административный прецедент и этот прецедент подтверждён британскими же архивами. Данные Фурье и ван Зандена, фиксирующие падение ВВП на душу населения именно в период британского управления,

оспаривают дискуссию об «архаике» бурского хозяйства.

Подводя итог, следует отметить, что идентичность отказа, которую несли буры в своих воловьих повозках, была не бегством от прогресса, а отказом от конкретной его версии, навязанной через бюрократические инструменты, которые сами же имперские чиновники признавали дисфункциональными. Великий трек стал не концом этого конфликта, а кульминацией и одновременно точкой отсчёта для последующих десятилетий противостояния.

Библиографический список / Reference

1. Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. 253 с.
2. Давидсон А.Б., Филатова И.И. Россия и Южная Африка: три века связей. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 331 с.
3. Заболотный В.М. Англо-бурская война 1899–1902 гг.: начало упадка Британской империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. № 3. С. 63-73.
4. Конан Дойл А. Англо-бурская война: 1899–1902. – СПб: Азбука, 2018. 736 с.
5. Barrow J. Travels into the Interior of Southern Africa. 2nd ed. London: T. Cadell and W. Davies, 1806. Vol. 1. 427 p.
6. Biggar E.B. The Boer War: Its Causes and Its Interest to Canadians. – Toronto; Montreal: Biggar, Samuel & Co, 1899. 40 p.
7. Bryce J. The historical causes of the present war in South Africa // Briton and Boer: both sides of the South African question. – New York; London: Harper & Brothers Publishers, 1900. 309 p.
8. Davitt M. The Boer fight for freedom. London and N.Y.: Funk & Wagnalls Company, 1902. 603 p.
9. Farrelly M.J. The Anglo-Boer conflict. Its history and causes. – London: Macmillan & co, 1900. 154 p.
10. Fourie J., Zanden J. L. GDP in the Dutch Cape Colony: The National Accounts of a Slave-Based Society // South African Journal of Economics. 2013. Vol. 81. P. 467-490.
11. Glenelg C. Despatch from Glenelg to D'Urban, December 26, 1835 // Select Documents on British Colonial Policy 1830-1860 / Ed. by Kenneth N. Bell and W.P. Morrell. Oxford: Clarendon Press, 1928. P. 463-476.
12. Glenelg C. Despatch from Glenelg to Napier, November 28, 1837 // Select Documents on British Colonial Policy, 1830–1860. Oxford: Clarendon Press, 1928. P. 487-488.
13. Hobhouse E. The Brunt of the war and where it fell. – London: Methuen & Co., 1902. 355 p.
14. Ireland A. The Anglo-Boer conflict. Its history and causes. – Boston: Small, Maynard & company, 1900. 141 p.
15. Letter of Mr. J. Boshof to Editor of «Graham's Town Journal», February 17, 1839 // The Annals of Natal 1495 to 1845. Vol. 1. Pietermaritzburg: P. Davis & Sons. 1888. P. 504-513.
16. Malherbe V. C. Colonial Justice and the Khoisan in the Immediate Aftermath of Ordinance 50 of 1828: Denouement at Uitenhage // Kronos. 1997. № 24. P. 77-90.
17. Oliver E. Religious Afrikaners, irreligious in conflicts // HTS Teologiese Studies. 2019. Vol. 75. Iss. 1. P. 1-7.
18. Ralph J. Towards Pretoria. – N.Y.: Frederick A. Stokes Company, 1900. 328 p.
19. Records of the Cape Colony from August to November 1825 / ed. by G.M. Theal. – London: William Clowes and Sons, 1902. Vol. XXIII. 546 p.
20. Records of the Cape Colony from November 1815 to May 1818 / ed. by G.M. Theal. – London: William Clowes and Sons, 1902. Vol. XI. 540 p.
21. Reitz F. W. A century of wrong. London: Review of reviews, 1900. 152 p.
22. Retief P. Manifesto of the Emigrant Farmers, February 2, 1837 // Select Documents on British Colonial Policy, 1830–1860. Oxford: Clarendon Press, 1928. P. 485-486.
23. The Times History of the War in South Africa 1899–1900 / ed. by L.S. Amery. Vol. I. London: Sampson Low, Marston and Company, 1900. 392 p.
24. The Times History of the War in South Africa 1899–1900 / ed. by L.S. Amery. Vol. II. London: Sampson Low, Marston and Company, 1902. 467 p.

Петрова С.И.
Кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Жидяева Е.С.
Кандидат социологических наук, доцент Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Культура и мораль: диалектика взаимосвязи и взаимообусловленности*

Аннотация. В статье рассматривается диалектическая взаимосвязь культуры и морали как двух фундаментальных феноменов человеческого бытия. Авторы анализирует проблему их взаимного обусловливания в контексте современных вызовов (глобализации, цифровой трансформации и кризиса традиционных ценностных систем). Особое внимание уделяется философскому осмыслению культуры как «второй природы» человека. И морали как ее внутреннего нравственного каркаса. На основе обращения к классической философской традиции (к этическому учению И. Канта) раскрывается роль нравственного закона в формировании культурного облика общества. И значение культуры в воспитании нравственного чувства личности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления процессов размывания моральных норм и столкновения различных культурных кодов в современном мире. Стать может представлять интерес для специалистов в области философии культуры, этики, культурологии и социальной философии.

Ключевые слова: культура, мораль, нравственность, этика, ценности, нравственный закон, И. Кант, диалектика, глобализация, культурные коды, аксиология.

Petrova S.I.
PhD in Cultural Studies, Associate Professor. Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar.

Zhidyaeva E.S.
PhD in Sociology, Associate Professor. Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar.

Culture and morality: the dialectics of interconnection and interdependence

* © Петрова С.И., Жидяева Е.С., 2026.

Abstract. The article examines the dialectical relationship between culture and morality as two fundamental phenomena of human existence. The authors analyze the problem of their mutual conditioning in the context of modern challenges (globalization, digital transformation, and the crisis of traditional value systems). Special attention is paid to the philosophical understanding of culture as a person's "second nature." And morality as its internal moral framework. Based on the classical philosophical tradition (the ethical teachings of Immanuel Kant), the article reveals the role of the moral law in shaping the cultural image of society. The article explores the role of culture in shaping a person's moral sense. The relevance of this research lies in the need for a theoretical understanding of the processes of moral norms erosion and the clash of different cultural codes in the modern world. This article may be of interest to specialists in the fields of cultural philosophy, ethics, cultural studies, and social philosophy.

Key words: culture, morality, ethics, values, moral law, I. Kant, dialectics, globalization, cultural codes, axiology.

Проблема соотношения культуры и морали относится к числу вечных вопросов гуманитарного знания. На протяжении всей истории мыслители обращались к осмыслению того, как духовно-нравственные основания общества формируют его культурный облик. И, наоборот, каким образом культура воспитывает в человеке нравственное чувство. Сегодня, в эпоху глобализации. Цифровой революции и стремительной трансформации ценностных систем. Эта проблема приобретает особую остроту. Утрата нравственных ориентиров. Размывание традиционных моральных норм. Столкновение различных культурных кодов – все это требует серьёзного теоретического осмысления.

Культура и мораль – два фундаментальных феномена человеческого бытия. Их невозможно рассматривать в отрыве друг от друга. Если культура есть «вторая природа», созданная человеком. То мораль выступает ее нравственным каркасом. Тем внутренним законом, который, по выражению Иммануила Канта, «…наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [10, с. 499]. Эта знаменитая формула стала своеобразным эпиграфом ко всем последующим размышлениям о связи нравственного и культурного в человеке.

Прежде чем говорить о взаимосвязи культуры и морали, необходимо определить эти понятия. Слово «культура» происходит от латинского cultura – «возделывание», «воспитание», «образование», «развитие». Первоначально оно обозначало возделывание земли. Однако уже у Цицерона появляется метафорическое выражение cultura animi – «возделывание души». Это положило начало пониманию культуры как духовного развития человека.

В современной науке существует более пятисот определений культуры. Один из классиков отечественной культурологии А.Я. Гуревич отмечал: «Культура – это призма, сквозь которую преломляется все человеческое существование, та матрица, на основе которой формируются модели поведения, мышления, восприятия мира» [7, с. 31].

Мораль (от лат. moralis – нравственный) представляет собой систему норм, ценностей и принципов, регулирующих поведение человека в обществе. В отличие от права, мораль опирается не на внешнее принуждение. Она опирается на внутреннее убеждение, совесть и общественное мнение. Выдающийся русский философ В. С. Соловьев определял нравственность следующим образом: «Нравственность есть внутреннее определение воли человека началом всеобщего блага, или, что то же, началом любви ко всему живому и сострадания» [15, с. 152].

Здесь важно различать понятия «мораль» и «нравственность». Если первое чаще употребляется для обозначения внешних, общепринятых норм поведения. То второе указывает на внутреннее, личностное измерение этих норм. Гегель в «Философии права» противопоставлял абстрактную мораль и конкретную (укорененную в обычаях и традициях нравственность) [6, с. 200-201].

История человечества показывает, что культура и мораль развивались в неразрывном единстве. Хотя характер их взаимосвязи менялся от эпохи к эпохе.

В архаическом обществе мораль была органически вплетена в ткань повседневной жизни, мифа, ритуала. Не существовало особой «моральной сферы». Нравственные предписания совпадали с обычаем, традицией, религиозным каноном. Й. Хейзинга в своей классической работе «Человек играющий» подчеркивал игровое, ритуальное происхождение многих культурных и нравственных форм. «Культура, - пишет он, - в ее древнейших фазах «играется». Она не происходит из игры, как живой плод отделяется от материнского тела, она развивается в игре и как игра» [18, с. 60].

В античной культуре мораль обретает рациональное обоснование. Сократ, Платон, Аристотель закладывают основы этики как самостоятельной философской дисциплины. Для греков добродетель была неразрывно связана с прекрасным. Отсюда идеал калокагатии, единства красоты и нравственного совершенства. Аристотель писал: «Добродетель есть сознательно избираемый склад души, состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким её определит рассудительный человек» [2, с. 87].

Средневековая культура подчиняет мораль религиозному канону. Нравственный закон выводится из божественного откровения. А высшей добродетелью становится любовь к Богу и ближнему. Аврелий Августин в

«Исповеди» формулирует знаменитый принцип: «Люби – и делай что хочешь» [1, с. 394]. Эта парадоксальная формула предполагает, что подлинная любовь, как высшая нравственная установка, не может породить ничего безнравственного.

Эпоха Возрождения и Нового времени возвращает в центр внимания человека. Его разум и достоинство. Просветители (Вольтер, Дидро, Руссо, Кант) стремятся найти рациональное, светское обоснование нравственности, независимое от религии. Кантовский категорический императив становится высшим выражением автономной морали: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [11, с. 260].

В XIX–XX веках связь культуры и морали проблематизируется. Ф. Ницше провозглашает «переоценку всех ценностей». Ставя под сомнение традиционную мораль как продукт ressentiment (**негодование, злопамятность, озлобление**) а: «Восстание рабов в морали начинается с того, что ressentiment сам становится творческим и порождает ценности» [14, с. 424].

XX век принес трагический опыт двух мировых катастроф, тоталитарных режимов и массового насилия. Поставив под вопрос сами основания европейской культуры и морали. Т. Адорно после Освенцима констатировал кризис гуманистической традиции.

Один из принципиальных вопросов, обсуждаемых в культурологии: «Занимает ли мораль особое место среди других сфер культуры или является лишь одной из ее подсистем?» Большинство мыслителей склоняются к тому, что мораль образует ценностное ядро культуры. Ее нравственный центр. Выдающийся русский философ Н.А. Бердяев писал: «Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – все заключено органически в Церкви, в образе еще не раскрытом и не дифференцированном» [4, с. 248]. Эта мысль о сакральных, культовых корнях культуры объясняет, почему нравственные ценности столь органично вплетены во все ее сферы (от искусства до науки).

Ю.М. Лотман, основатель тартуско-московской семиотической школы, рассматривал культуру как сложно организованную систему текстов и знаков. В ней важнейшее место занимают ценностные коды: «Культура есть устройство, вырабатывающее информацию... Культура противостоит, с одной стороны, хаосу, а с другой – неинформативной упорядоченности» [13, с. 396]. Мораль в этой системе выступает как механизм отбора и иерархизации ценностей. Как способ различения должного и сущего, добра и зла. Без морального измерения культура утрачивает свой человеческий смысл. Превращаясь в набор технологий и формальных приемов.

Д.С. Лихачёв, размышляя о судьбе русской культуры, подчеркивал ее нравственную сущность: «Если жить только для себя, своими мелкими заботами о собственном благополучии, то от прожитого не останется и следа. Если же жить для других, то другие сберегут то, чему служил, чему отдавал силы» [12, с. 14]. В этих словах раскрывается глубокая связь личной нравственности с культурным творчеством. Подлинная культура всегда направлена на других. Она есть форма дара, служения, преодоления эгоистической замкнутости.

Если мораль составляет ядро культуры. То культура является важнейшим механизмом нравственного воспитания. Через приобщение к языку, литературе, искусству, обычаям, традициям ребенок усваивает базовые нравственные представления общества. Этот процесс называется инкультурацией.

М.М. Бахтин видел в литературе и искусстве особое пространство нравственного диалога. В нем личность формируется через встречу с Другим: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [3, с. 280]. Художественная литература, по М.М. Бахтину, есть школа этического опыта. Читатель учится понимать чужое сознание. Входить в положение другого человека, что является основой нравственного отношения к миру.

Особую роль в нравственном воспитании играет религия как часть культуры. С.Л. Франк в работе «Духовные основы общества» писал: «Общественная жизнь есть по самому существу своему жизнь духовная, а не материальная... основным ее фундаментом является не что иное, как религиозная вера, понимаемая в самом широком смысле – как абсолютная преданность некой высшей ценности» [16, с. 78].

Религиозные традиции на протяжении тысячелетий вырабатывали и сохраняли нравственные нормы. Передавая их от поколения к поколению через ритуал, проповедь, священные тексты, художественные образы. Однако нравственное воспитание не сводится к религиозному. Светская культура (от античной классики до современной литературы и кино) также обладает огромным этическим потенциалом. Великие произведения искусства, как отмечал Ф.М. Достоевский, способны преображать человека: «Красота спасет мир» [8, с. 317]. Эта знаменитая фраза князя Мышкина из романа «Идиот» подразумевает не просто эстетическое впечатление. А нравственно-преображающую силу подлинной красоты. В ней неразрывно слиты этическое и эстетическое начала.

Один из острейших вопросов современной этики и культурологии – соотношение культурного многообразия и нравственных универсалий. С одной стороны, очевидно, что разные культуры выработали различные си-

стемы моральных норм. То, что в одном обществе считается добродетелью, в другом может расцениваться как порок. С другой стороны, существуют некоторые универсальные нравственные принципы, признаваемые всеми культурами. Запрет на убийство соплеменников, уважение к родителям, забота о детях, осуждение предательства.

Сторонники культурного релятивизма утверждают, что все моральные нормы относительны. Потому, что определяются конкретным культурным контекстом. М. Мид, изучая жизнь племен Океании, показала значительные различия в моральных установках разных народов. Однако крайний релятивизм ведет к опасным выводам. Если все нормы равноценны, то невозможно осудить даже самые жестокие практики.

Противоположную позицию занимают сторонники морального универсализма. А. Швейцер в своем учении о благоговении перед жизнью писал: «Я есмь жизнь, желающая жить среди жизни, желающей жить... Истинно нравственный человек повинуется внутреннему побуждению помогать всякой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред» [19, с. 217]. Этот принцип А. Швейцер считал универсальным нравственным основанием, применимым ко всем культурам и эпохам.

Современная философия стремится найти баланс между признанием культурного многообразия и поиском нравственных универсалий. Ю. Хабермас в рамках своей теории коммуникативного действия предлагает рассматривать универсальные нормы как продукт рационального дискурса. В котором участвуют представители разных культур: «Значимыми могут считаться лишь те нормы, которые могли бы получить одобрение всех заинтересованных лиц как участников практического дискурса» [17, с. 91]. Таким образом, моральные универсалии не навязываются «сверху», а вырабатываются в процессе межкультурного диалога.

XXI век поставил перед человечеством ряд новых вызовов, существенно меняющих характер взаимосвязи культуры и морали. Цифровая революция, развитие искусственного интеллекта, биотехнологий, глобализация культурных процессов. Все это требует переосмысления традиционных нравственных понятий. Массовая культура, тиражируемая через интернет и социальные сети, нередко обвиняется в нравственном релятивизме. Размывании ценностей, поощрении гедонизма и потребительства. Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления» писал: «Потребление – это виртуальная всеобщность всех предметов и сообщений, образующих более или менее связный дискурс. Потребление, поскольку оно имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками» [5, с. 164]. В обществе, где знаки и образы важнее реальности. А потребление становится главной формой социальной активности. Нравственные основания

культуры подвергаются серьезной эрозии.

Вместе с тем цифровая эпоха открывает и новые возможности для нравственного диалога. Доступ к мировому культурному наследию. Общение представителей разных культур. Развитие волонтерских и благотворительных движений в глобальном масштабе. Вопрос в том, сумеет ли человечество использовать эти возможности для нравственного роста или поддастся соблазнам цифрового нарциссизма и информационного хаоса.

Культура и мораль – два взаимосвязанных феномена, образующих фундамент человеческого бытия. Мораль выступает ценностным ядром культуры, придавая ей человеческое измерение. А культура является важнейшим механизмом формирования и передачи нравственных ценностей. Без морального содержания культура вырождается в набор технологий и развлечений. Без культурного оформления мораль остается абстрактной декларацией, не способной реально влиять на жизнь людей.

История показывает, что характер взаимосвязи культуры и морали постоянно менялся. От синкретизма архаических обществ (через рационализацию античности и сакрализацию Средневековья) к автономной этике Нового времени и кризисам XX–XXI веков. В каждую эпоху человечество заново решало вопрос о соотношении должного и сущего. Традиции и новации. Универсального и особенного. Сегодня, в эпоху глобальных трансформаций, эта проблема приобретает особое значение. Сохранение нравственных оснований культуры. Развитие межкультурного диалога. Поиск универсальных этических принципов при уважении к культурному многообразию. Таковы важнейшие задачи современности. Решение их требует не только теоретического осмысления, но и практических усилий: воспитания, образования, культурной политики, развития институтов гражданского общества. В конечном счете, как писал И.А. Ильин, «Культура без сердца не есть культура, а дурная «цивилизация», создающая гибельный жизненный уклад и ведущая человечество к крушению» [9, с. 290]. Сохранить «сердце» культуры, ее нравственное измерение – значит сохранить саму возможность человеческого в человеке. Продолжить великое дело, начатое нашими предками тысячелетия назад.

Библиографический список:

1. Аврелий Августин. Исповедь / Пер. с лат. М. Е. Сергеенко. – М.: Ренессанс, 1991. 488 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4 т. – М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53-293.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. – М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
4. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990. 288 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
6. Гегель Г.В. Ф. Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. 524 с.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.

8. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Л.: Наука, 1973. Т. 8. 510 с.
9. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. 431 с.
10. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в 6 т. – М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 311-501.
11. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Сочинения в 6 т. – М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 219-310.
12. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Сост. и общ. ред. Г.А. Дубровской. – М.: Детская литература, 1989. 238 с.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
14. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 407-524.
15. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
16. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. 511 с.
17. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2001. 380 с.
18. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. В. Ошиса. – М.: Прогресс-Академия, 1992. 464 с.
19. Швейцер А. Культура и этика / Пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского. – М.: Прогресс, 1973. 343 с.
20. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 298-306.

Reference

1. Aurelius Augustine. Confession / Transl. from lat. M. E. Sergeenko. – M.: Renaissance, 1991. 488 p.
2. Aristotle. Nicomachean Ethics // Aristotle. Works in 4 volumes – M.: Mysl, 1983. Vol. 4. P. 53-293.
3. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics. 4th ed. – M.: Soviet Russia, 1979. 320 p.
4. Berdyaev N.A. Philosophy of inequality. – M.: IMA-press, 1990. 288 p.
5. Baudrillard J. Consumption Society. His myths and structures / Trans. from fr. E.A. Samara. – M.: Republic; Cultural Revolution, 2006. 269 p.
6. Hegel G.V.F. Philosophy of Law / Translated from German; edited and compiled by D.A. Kerimov and V.S. Nersesyants. – Moscow: Mysl', 1990. 524 p.
7. Gurevich A.Ya. Categories of Medieval Culture. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Iskusstvo, 1984. 350 p.
8. Dostoevsky F.M. The Idiot // Dostoevsky, F.M. Complete Works in 30 Volumes. Leningrad: Nauka, 1973. Vol. 8. 510 p.
9. Ilyin I.A. The Path to Obviousness. Moscow: Respublika, 1993. 431 p.
10. Kant I. Critique of Practical Reason // Kant I. Works in 6 volumes. – Moscow: Mysl, 1965. Vol. 4. Part 1. pp. 311-501.
11. Kant I. Fundamentals of the Metaphysics of Morals // Kant I. Works in 6 volumes. – Moscow: Mysl, 1965. Vol. 4. Part 1. P. 219-310.
12. Likhachev D.S. Letters on the Good and the Beautiful / Comp. and general editor G.A. Dubrovskaya. – Moscow: Children's Literature, 1989. 238 p.
13. Lotman Yu.M. Semiosphere. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p.
14. Nietzsche F. On the Genealogy of Morals. Works in 2 volumes. Moscow: Mysl', 1990. Vol. 2. P. 407-524.
15. Soloviev V. Justification of the Good. Moral Philosophy. Works in 2 volumes. Moscow: Mysl', 1988. Vol. 1. 892 p.
16. Frank S. Spiritual Foundations of Society. Moscow: Respublika, 1992, 511 p.
17. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action. Translated from German by D. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka, 2001, 380 p.
18. Huizinga J. Homo Ludens: In the Shadow of Tomorrow. Translated from Dutch by W. Oschis. – M.: Progress-Academy, 1992. 464 p.
19. Schweitzer A. Culture and Ethics / Translated from German by N.A. Zakharchenko and G.V. Kolshansky. – M.: Progress, 1973. 343 p.
20. Bayhanov I.B. Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 298-306.

Савинов А.Л.
Кандидат исторических наук, доцент департамента техносферной безопасности, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Фадеев Ю.Е.
Кандидат военных наук, доцент департамента техносферной безопасности, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Купцов М.А.
Кандидат военных наук, доцент департамента техносферной безопасности, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Чернов А.М.
Кандидат психологических наук, доцент департамента техносферной безопасности, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

От доходных катеров к береговой охране: институциональное становление морской правоохранительной службы США (1790–1915)*

Аннотация. В статье исследуется процесс институционального становления Береговой охраны США (U.S. Coast Guard) как результата эволюции и слияния нескольких правительственных служб в период с 1790 по 1915 год. На основе анализа исторических источников и ведомственных материалов авторы прослеживают трансформацию Службы доходных катеров (Revenue Marine Service) от небольшого флота из десяти судов, созданного по инициативе Александра Гамильтона для сбора таможенных пошлин, до многопрофильного ведомства, интегрировавшего функции маячной службы, Службы спасения на море (Life-Saving Service) и правоохранительных органов. Особое внимание уделяется формированию двойной (военно-гражданской) идентичности службы, её участию в вооружённых конфликтах, развитию спасательной функции, арктическим экспедициям и созданию системы профессиональной подготовки кадров. Делается вывод, что объединение 1915 года стало закономерным итогом длительной институциональной эволюции, закрепившей уникальное место Береговой охраны в структуре американских вооружённых сил и правоохранительных органов.

Ключевые слова: Береговая охрана США, Служба доходных катеров, Служба спасения на море, Александр Гамильтон, морская безопасность, институциональная эволюция, Департамент внутренней безопасности.

* © Савинов А.Л., Фадеев Ю.Е., Купцов М.А., Чернов А.М., 2026.

Savinov A.L.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Technosphere Safety, Peoples' Friendship University of Russia.

Fadeev Yu.E.
Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Department of Technosphere Safety, Peoples' Friendship University of Russia.

Kuptsov M.A.
Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Department of Technosphere Safety, Peoples' Friendship University of Russia.

Chernov A.M.
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Technosphere Safety, Peoples' Friendship University of Russia.

From revenue cutters to the coast guard: the institutional formation of the US maritime law enforcement service (1790–1915)

Abstract. The article examines the institutional formation of the U.S. Coast Guard as a result of the evolution and merger of several government services from 1790 to 1915. Based on the analysis of historical sources and agency documents, the authors trace the transformation of the Revenue Marine Service from a small fleet of ten vessels, established on the initiative of Alexander Hamilton for customs collection, to a multifunctional agency integrating the functions of the Lighthouse Service, the Life-Saving Service, and law enforcement bodies. Special attention is paid to the formation of the service's dual (military-civilian) identity, its participation in armed conflicts, the development of the rescue function, Arctic expeditions, and the creation of a professional training system. The authors conclude that the 1915 merger was the logical outcome of a long institutional evolution, which secured the Coast Guard's unique place within the structure of American armed forces and law enforcement agencies.

Key words: U.S. Coast Guard, Revenue Marine Service, Life-Saving Service, Alexander Hamilton, maritime security, institutional evolution, Department of Homeland Security.

Вклад авторов:

Савинов Алексей Леонидович*:* разработка концепции и методологии исследования, анализ исторических источников по истории Службы доходных катеров и Береговой охраны США, формулирование выводов и обобщений, написание текста статьи.

Фадеев Юрий Евгеньевич*:* исследование организационной структуры

и институциональных аспектов трансформации Службы доходных катеров, анализ её участия в вооружённых конфликтах и формирования военной функции ведомства.

Купцов Максим Александрович: анализ технологической эволюции флота Службы доходных катеров, исследование развития спасательной функции и арктических экспедиций, подготовка разделов о системе подготовки офицерских кадров.

Чернов Александр Михайлович: анализ гуманитарных аспектов деятельности Береговой охраны, исследование социально-психологических факторов, влияющих на эффективность работы ведомства, изучение вопросов сохранения корпоративной культуры и профессиональных традиций.

Введение

Береговая охрана Соединённых Штатов (U.S. Coast Guard, USCG) представляет собой уникальный институт американской государственности, чьи истоки восходят к 1790 году, хотя официальное название ведомства было закреплено лишь в 1915 году. Как справедливо отмечается в исторических материалах Управления историка Береговой охраны, «Береговая охрана сформировалась в результате последовательного слияния нескольких государственных ведомств на протяжении длительного периода времени» [1]. Данное объединение затронуло три ведомства: Службу доходных катеров (Revenue Marine Service), Службу маяков (Lighthouse Service) и Службу спасения на море (Life-Saving Service) – и каждое из этих учреждений имело свою богатую историю и самобытные традиции.

Цель данной статьи – реконструировать процесс институциональной эволюции, приведший к созданию Береговой охраны как единого ведомства. В фокусе исследования находятся организационные истоки службы, формирование её двойной (военно-гражданской) идентичности, расширение функционального мандата и ключевые этапы интеграции различных служб. В работе использованы методы историко-генетического и институционального анализа, а также системный подход к изучению эволюции государственных структур.

Организационные истоки: план Александра Гамильтона и создание Службы доходных катеров (1789–1799)

Институциональная история Береговой охраны берёт начало в первые годы существования Американской Республики. После обретения независимости от Великобритании (1783) бывшие колонии столкнулись с необходимостью создания эффективной системы сбора таможенных пошлин – основного источника доходов молодого государства. Первая конституция США – Статьи Конфедерации – не смогла обеспечить национально-

го единства, и в 1787 году Конституционный конвент создал федеральную Конституцию, ратифицированную в 1788 году [1].

Президент Джордж Вашингтон, стремившийся поставить молодую нацию на прочную финансовую основу, 4 августа 1790 года подписал Акт Конгресса «о регулировании сбора пошлин, установленных законом на тоннаж судов или кораблей и на товары и продукцию, импортируемые в Соединённые Штаты» [1]. Этим актом предписывалось строительство десяти лодок «для обеспечения сбора доходов», которые стали первым военно-морским флотом США, поскольку флот, созданный во время Войны за независимость, был расформирован по её окончании.

Инициатором создания Службы доходных катеров выступил первый министр финансов Александр Гамильтон. Он направил командующим офицерам подробное «Письмо с инструкциями», в котором разъяснял их обязанности, полномочия и профессиональные качества, которые они должны проявлять: «благоразумие, умеренность и добрый нрав» [2]. Гамильтон требовал ведения регулярных журналов с описанием «всех событий, связанных с обеспечением соблюдения законодательства», а также изучения побережий, заливов и рек «так, как это может быть полезно для интересов судоходства» [2].

Как отмечает историк Халберштадт, в первые годы Республики Служба доходных катеров «служила единственной военно-морской силой, которой располагало государство... этим немногочисленным отрядом катеров с их вертлюжными пушками, мушкетами, пистолетами и саблями» [3, с. 4]. Служба 1790 года заложила основу для двойной роли будущей Береговой охраны: военная служба с дополнительной ответственностью за выполнение гражданских функций правоохранительной деятельности и защиты жизни и имущества [1].

Формирование военной функции и расширение полномочий (1797–1865)

Уже в 1794 году, когда североафриканские алжирцы начали войну против американских торговых судов, для обороны оказались доступны только доходные катера Министерства финансов, что побудило Конгресс санкционировать создание нового Военно-морского департамента (1798) [4, с. 330-331]. В 1799 году Конгресс установил прецедент, соблюдаемый с тех пор, уполномочив передачу Службы доходных катеров в состав ВМС США в военное время. В ходе Необъявленной морской войны с Францией (1798–1800) катера захватили несколько французских судов [1].

В 1832 году, в разгар конфликта вокруг нуллификации федеральных тарифных законов Южной Каролиной, президент Эндрю Джексон приказал пяти катерам направиться в гавань Чарльстона «чтобы завладеть любыми судами, прибывающими из иностранного порта». Бывший генерал с вызовом добавил: «если там будет пролита хоть одна капля крови в знак сопро-

тивления законам Соединённых Штатов, я вздёрну первого, кто попадётся мне в руки, на первом же дереве» [1].

В довоенный период (1794–1860) доходные катера активно боролись с пиратством, которое преследовало торговые суда вплоть до 1800-х годов. Катера Louisiana и Alabama захватили пиратское судно у Нового Орлеана (1819) и уничтожили штаб-квартиру морских разбойников. Они также присоединились к ВМС США и Королевскому флоту Великобритании в «крейсировании в водах Карибского моря, ознаменовавшемся захватом пяти пиратских судов и пресечением контрабандных операций» [5].

Катера несли ответственность за соблюдение непопулярного Закона об эмбарго президента Джефферсона (1807), а также предотвращали ввоз африканских рабов в порты США, захватывая рабовладельческие суда и освобождая сотни рабов [5]. Закон 1833 года требовал от морской полиции соблюдения экологических норм и защиты лесов от незаконных вырубок – обязанность, вытекавшая из Акта Конгресса 1822 года о создании лесного резерва для ВМС [1].

Развитие спасательной функции и создание Службы спасения на море (1832–1878)

Задачи по спасению судов, терпящих бедствие, и охране жизни и имущества на море на начальном этапе возлагались на частные организации, страховые компании и назначаемых штатами «аварийных спасателей». В числе этих организаций было Массачусетское гуманитарное общество (1786), которое к середине XIX столетия содержало восемнадцать спасательных станций с полным набором спасательного оборудования, включая устройства для метания линя [1].

В 1832 году министр финансов Луис Маклейн поручил катерам Службы доходных катеров совершать крейсерства в зимние месяцы и оказывать помощь судам, терпящим бедствие; эта обязанность была законодательно закреплена Конгрессом в 1837 году. Регион Великих озёр был добавлен в 1870 году [1]. В 1847 году Конгресс выделил средства на оснащение маяков и других открытых мест лодками и спасательным оборудованием; эти станции были расширены вдоль побережья Нью-Йорка и Новой Англии, побережья Мексиканского залива и Великих озёр под надзором офицеров Корпуса доходных катеров [1].

Ключевую роль в организации спасательной службы сыграл Самнер И. Кимбалл, назначенный в 1871 году начальником Отдела доходных катеров. Он расширил спасательную службу до 189 станций вдоль побережья Тихого океана, Мексиканского залива и Атлантики, а также на Великих озёрах. В 1878 году Конгресс создал Службу спасения на море США (U.S. Life Saving Service), и Кимбалл стал её суперинтендантом. Спасательные станции постепенно оснащались прибойными лодками, спасательными

шлюпками и необходимыми системами поддержки [1].

Арктические экспедиции и расширение географического горизонта (1867–1898)

С приобретением Аляски у России (1867) Служба доходных катеров приняла на себя новые обязанности: защиту морских котиков от истребления, патрулирование Берингова моря и сбор океанографической информации. Катер Lincoln был отправлен в воды Аляски в 1867 году для создания угольных станций, маяков и таможен [1].

В конце XIX века катера Bear, Corwin, Jeannette и Wayanda прославили раннюю Береговую охрану в ледяных северных водах. В 1891 году американские и британские военные корабли совместно патрулировали Берингово море; к канонерским лодкам ВМС США присоединились доходные катера. В 1895 году капитан Леонард Г. Шепард, назначенный руководителем Отдела доходных катеров в 1889 году, создал патрульный флот Берингова моря [6, с. 3-7, 9, 17].

Вершиной мужества и профессионализма стала спасательная миссия 1897–1898 годов в район Барроу на севере Аляски. Хирург Службы общественного здравоохранения Сэмюэл Дж. Колл и лейтенанты Эллсуорт Бертольф и Дэвид Х. Джарвис были награждены золотыми медалями Конгресса за выполнение 1500-мильной спасательной миссии по спасению зажатой льдами китобойной команды, доставив с собой большое стадо северных оленей [1].

Система подготовки офицерских кадров: от Школы обучения к Академии (1876–1915)

Компетентность и репутация Службы доходных катеров определялась качеством офицеров и экипажа. Опытные моряки первоначально приходили с торговых судов, из государственных и континентальных военно-морских флотов и гражданских каперских сил. Между 1799 и 1832 годами офицерские должности заполнялись политическими назначениями и переводами из ВМС США. Министр Маклейн положил конец этой практике, распорядившись о продвижении младших офицеров по компетентности и старшинству. В 1845 году законодательство потребовало демонстрации навыков мореходства и навигации для назначения офицеров [6, с. 14].

В 1876 году начальник Службы доходных катеров Самнер Кимбалл при содействии военных и гражданских властей основал Школу подготовки офицеров (School of Instruction for the Revenue Marine), по окончании которой после двух лет обучения навигации выпускникам присваивалось звание третьего лейтенанта. Первоначально кадеты проходили подготовку на шхуне Dobbin, однако в 1878 году её заменил учебный корабль Chase, приписанный к порту Арундал-Коув в Мэриленде, где практические занятия на судне сочетались с теоретическими курсами на берегу [1]. В 1910 году катер Itasca обучал кадетов в Форт-Трамбулле, а в 1914 году Hamilton стал учебным кораблём, а школа была переименована в Школу обучения доходных катеров [1].

Учебный план включал летние месяцы крейсерства в Атлантике и прагматичный график истории, математики, географии, морского дела, навигации, французского и английского языков [7, с. 95-96; 6, с. 14]. Слияние Службы спасения на море и Службы доходных катеров в 1915 году знаменует начало Береговой охраны и Академии Береговой охраны США, которая переехала на своё нынешнее место в Нью-Лондоне в 1932 году [1].

Интеграция служб и создание Береговой охраны (1911–1915)

Последние годы существования Службы доходных катеров и Службы спасения на море были ознаменованы активной подготовкой к объединению. Капитан-комендант Уорт Г. Росс ушёл в отставку по состоянию здоровья, и министр финансов Франклин Маквей выдвинул капитана Эллсуорта Прайса Бертольфа, командира катера Bear и обладателя золотой медали за спасение аляскинских китобоев. Именно Бертольфу предстояло осуществить переход от Службы доходных катеров к Береговой охране в 1911–1919 годах [6, с. 18-21].

Бертольф немедленно использовал свой административный талант, чтобы заблокировать попытку экспертов по эффективности упразднить Службу доходных катеров. Он убедительно доказывал перед комитетами Конгресса, что рассредоточение функций службы приведёт к неэффективности и увеличению затрат. Торговые ассоциации, благодарная общественность и поддерживающие газеты защищали капитана Бертольфа, а «кораблекрушение британского лайнера «Титаник» с гибелью около 1500 человек привлекло большое внимание к службе, которая называла спасение жизни и имущества в море среди своих основных обязанностей (но) теперь находилась под угрозой расформирования» [6, с. 18-21].

Бертольф подготовил меморандум о необходимости принятия Службой доходных катеров Североатлантического ледового патруля для отслеживания айсбергов. 29 марта 1913 года министр финансов Уильям Г. Макаду отдал соответствующий приказ. Международная конференция по безопасности жизни на море (Лондон, ноябрь 1913 года) признала значимость американского ледового патруля и установила распределение расходов между странами [1].

В 1913 году Министерство финансов направило в Конгресс предложение объединить Службу доходных катеров со Службой спасения на море. Сенат одобрил меру в 1914 году, Палата представителей – в 1915 году. 28 января 1915 года президент Вудро Вильсон подписал закон, и объединённая служба была названа Береговой охраной [1]. Название происходит от испанских судов «guarda costa», которые предотвращали незаконную торговлю с колониями в период меркантилизма, и использовалось в XIX веке в Великобритании [1].

Закон гласил, что Береговая охрана составляет «часть вооружённых сил Соединённых Штатов... подчинённую Министерству финансов в мирное время и часть Военно-морского флота... в военное время или когда Пре-

зидент даст такое указание» [1]. Личный состав Службы спасения на море получил военный статус: окружные суперинтенданты стали офицерами, смотрители станций – уорент-офицерами, а спасатели вошли в рядовой состав. Впервые экипажи Службы спасения на море получили право на пенсионные льготы «в размере трёх четвертей жалованья после завершения тридцати лет службы» [6, с. 22-33].

Становление авиационной составляющей и многопрофильной миссии (1915–1917)

Авиация Береговой охраны началась в 1915 году, когда лейтенанты Норман Б. Холл и Элмер Ф. Стоун, базировавшиеся на борту Onondaga в Норфолке, убедили своего капитана разрешить им использовать взятые в аренду самолёты для поисковых миссий [6, с. 42]. Холл и Стоун заручились помощью известного воздухоплавателя, капитана Болдуина, который предоставил им самолёт, «на котором они совершали разведывательные вылеты в течение лета 1915 года» [1].

В 1915 году президент Вильсон подписал Закон о моряках, который требовал, чтобы экипажи американских торговых и пассажирских судов были должным образом обучены управлению спасательными шлюпками. Министерство торговли обратилось за помощью к Береговой охране, и компетентные офицеры и рядовые БОХР выдали лицензии или отклонили сотни моряков торгового флота. Таким образом, ещё одна функция была передана Береговой охране, которая в конечном итоге приняла на себя полную ответственность за процесс лицензирования [6, с. 34–41].

К 1915 году Соединённые Штаты были разделены на 13 округов под надзором министра финансов, помощника министра финансов и капитана-коменданта, который управлял пятью отделами. Правительственный отчёт 1915 года зафиксировал, что Береговая охрана состояла из около 2000 моряков и 2300 спасателей на спасательных станциях [1]. 6 апреля 1917 года США объявили войну Германии. «ПЛАН ОДИН ПОДТВЕРДИТЕ» – таково было официальное уведомление всех подразделений Береговой охраны о том, что они теперь приписаны к Военно-морскому флоту США для выполнения опасной и продолжительной миссии [6, с. 43].

Заключение

Институциональная эволюция Береговой охраны США от Службы доходных катеров 1790 года до объединённого ведомства 1915 года представляет собой уникальный пример долгосрочной институциональной адаптации. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, с момента своего создания Служба доходных катеров сочетает военные и гражданские функции, что делает её уникальным инструментом государственной морской политики. Двойная идентичность ведомства была законодательно закреплена и подтверждена на практике в ходе

многочисленных вооружённых конфликтов и спасательных операций.

Во-вторых, служба продемонстрировала способность к быстрой адаптации при смене внешних угроз – от борьбы с контрабандой до арктических экспедиций и спасательных операций. Эта институциональная гибкость обеспечила выживание и развитие ведомства в условиях меняющейся политической и технологической среды.

В-третьих, объединение Службы доходных катеров, Службы маяков и Службы спасения на море происходило поэтапно, причём ключевую роль в процессе сыграла харизматичная и компетентная личность капитана-коменданта Бертольфа, сумевшего отстоять автономию службы перед лицом бюрократического давления.

В-четвёртых, учреждение Школы обучения в 1876 году, а затем и Академии Береговой охраны, создало надёжный фундамент для сохранения и передачи корпоративной культуры и профессиональных стандартов, обеспечив тем самым преемственность традиций и неизменно высокий уровень подготовки личного состава.

В-пятых, переход от парусных судов к пароходам, а затем к авиации, отражает стремление службы идти в ногу с технологическим прогрессом, что позволяло ей эффективно выполнять всё более сложные и разнообразные задачи.

Исторический путь Береговой охраны демонстрирует модель институциональной эволюции, в которой сочетание законодательной инициативы, технологических инноваций и профессиональной подготовки позволило создать ведомство, способное отвечать на меняющиеся вызовы. Девиз службы – «Semper Paratus» («Всегда готовы») – и неофициальный слоган «Ты должен выйти в море, но ты не обязан возвращаться» точно отражают традиции мужества и самопожертвования, заложенные ещё в 1790 году и сохранённые по сей день.

Библиографический список / Reference

1. U.S. Coast Guard Historian's Office. A Historical Overview: Aids to Navigation; Lightships. Washington, D.C.: USCG, 1999. 45 p.
2. Hamilton A. Letter of Instructions to the Commanding Officers of the Revenue Cutters. U.S. Treasury Department, 1791. 12 p.
3. Halberstadt H. The U.S. Coast Guard. New York: Crescent Books, 1990. 256 p.
4. Tindall G.B., Shi D.E. America: A Narrative History. 9th ed. New York: W.W. Norton & Company, 2016. 1512 p.
5. U.S. Coast Guard Historian's Office. U.S. Coast Guard: A Historical Overview; Law Enforcement. Washington, D.C.: USCG, 1999. 38 p.
6. Johnson R.E. Guardians of the Sea: History of the United States Coast Guard, 1915 to the Present. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 1987. 412 p.
7. Evans S.H. The United States Coast Guard, 1790–1915: A Definitive History. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 1949. 256 p.
8. Kolb R.K. Surf Soldiers // VFW Magazine. 2000. August. P. 26–30.
9. U.S. Coast Guard Historian's Office. Academy History and General Information. Washington, D.C.: USCG, 1998. 22 p.
10. USCGC Frank Drew. Welcome Aboard Brochure. Portsmouth, VA: U.S. Coast Guard, 1999. 8 p.

Самойленко И.С.
Аспирант, кафедра американских исследований. Российский государственный гуманитарный университет.

Экономическое взаимодействие России и Канады в период с 2003 по 2006 гг.*

Аннотация. В статье анализируются ключевые тенденции российско-канадских торгово-экономических отношений в 2003–2006 гг. Несмотря на снижение динамики по сравнению с концом XX века, исторические связи сохраняли влияние на внешнюю политику обеих стран до 2014 года. Стороны стремились к партнерству, преодолевая идеологические расхождения эпохи Холодной войны. Автор подчеркивает необходимость учета внутриполитической ситуации, международного контекста и баланса национальных интересов, акцентируя внимание на результатах и ограничениях взаимодействия. Теоретическую основу составили Володина Д.А., Комарова А.Н. и Григорьевой Е.Е., дополненные материалами СМИ и аналитическими обзорами. Результаты позволяют реконструировать динамику сотрудничества указанного периода и создают фундамент для дальнейшего изучения трансформации экономических связей России и Канады в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: Россия, Канада, экономическое сотрудничество, Пол Мартин, торговля.

Samoylenko I.S.
Postgraduate Student, Department of American Studies, Russian State University for the Humanities.

Economic cooperation between Russia and Canada in the period from 2003 to 2006

Abstract. This article analyzes key trends in Russia-Canada trade and economic relations from 2003 to 2006. Despite a slowdown compared to the late twentieth century, historical ties continued shaping both nations' foreign policies until 2014. Both countries pursued partnership, gradually overcoming Cold War ideological divides. The author stresses the importance of accounting for domestic politics, the international environment, and the balance of national interests, while highlighting the outcomes and limitations of bilateral cooperation. The theoretical framework draws on works by Volodin, Komarov, and Grigorieva, supplemented by media sources and analytical reviews. Find-

* © Самойленко И.С., 2026.

ings reconstruct the period's cooperation dynamics and establish a foundation for future long-term research on the evolution of Russia-Canada economic ties.

Key words: Russia, Canada, economic cooperation, Paul Martin, trade.

Начало XXI века ознаменовалось значительными изменениями в структуре и динамике экономического взаимодействия между Россией и Канадой. Этот период совпали с этапом активного восстановления и роста российской экономики после кризиса конца 1990-х годов, а также с периодом устойчивого развития канадского хозяйства. Экономические отношения двух стран в указанный промежуток времени развивались под влиянием ряда ключевых факторов: роста мировых цен на сырьевые товары, изменения геополитической ситуации, а также постепенного формирования новых институциональных основ для двустороннего сотрудничества. При этом, несмотря на официально провозглашенный курс на углубление взаимодействия и регулярные контакты на высшем уровне, потенциал двусторонних отношений был использован не в полной мере. В связи с этим возникает вопрос: в какой степени принятые в начале 2000-х гг. институциональные решения заложили основу для дальнейшего сотрудничества и какие структурные препятствия помешали перевести политическое взаимопонимание в рост конкретных экономических показателей. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что выбранный хронологический отрезок представляет собой период российско-канадских отношений, когда политическая риторика была максимально дружественной, а экономические связи успешно расширялись. Изучение причин успеха этого периода позволяет понять, какие факторы являются ключевыми для устойчивого развития двусторонних отношений. Изучение этого этапа позволяет понять, как закладывались основы современных экономических связей, какие тенденции формировались и какие препятствия существовали, а понимание причин динамики двухстороннего взаимодействия крайне важно для прогнозирования возможностей возобновления полноформатного диалога в будущем.

Основная цель исследования – систематизировать и оценить основные тенденции, достижения и препятствия в экономических отношениях между Россией и Канадой в указанный период, выявить, как политическая стабилизация в России начала 2000-х годов повлияла на изменение качества торгово-экономических отношений между Москвой и Оттавой в период пребывания на посту премьер-министра Канады Пола Мартина (2003-2006).

Объектом исследования являются двусторонние торгово-экономиче-

ские и инвестиционные отношения между Российской Федерацией и Канадой, предметом - динамика и структура институциональных механизмов экономического взаимодействия России и Канады в период с 2003 по 2006 годы.

При раскрытии темы использовался историко-хронологический метод для последовательного описания и оценки событий двусторонних отношений (визитов, встреч, подписания соглашений) в их хронологической последовательности в четко очерченном временном отрезке: 2003–2006 гг. (период премьерства Пола Мартина), а также для выявления динамики и причинно-следственных связей. Центральное место в исследовании занимает институциональный подход с целью анализа институциональных механизмов экономического взаимодействия между Россией и Канадой. Статистический и сравнительный анализ используются для определения степени экономического сотрудничества и сравнения основных показателей торгово-инвестиционного взаимодействия.

Научная новизна исследования состоит в том, что программа «Глобальное партнерство», принятая на саммите «Большой восьмерки» в 2002 г., впервые рассматривается не только с точки зрения безопасности, но и как канадский механизм экономической поддержки российского оборонно-промышленного комплекса. В статье также установлена прямая зависимость между дипломатическими визитами в период 2003-2006 гг. и ростом числа контрактов в сфере утилизации вооружений и энергетики. Кроме того, вводится анализ деятельности Российско-канадского делового совета (РКДС) в качестве ключевого института лоббирования экономических интересов, что позволяет по-новому оценить результативность двустороннего сотрудничества в указанный период.

На основе научных трудов российских и канадских исследователей и официальных документов определяются результаты экономических решений 1990-х годов и их влияние на дальнейшее развитие российско-канадских экономических отношений. Историография представлена научными трудами отечественных исследователей, таких как Минкова К.В., Комкова Е.Г., Кузьмина Т.Р., Григорьева Е.Е., Шульга П.С., Володин Д.А., Конышев В., Сергунин А. и Комаров А.Н. Среди зарубежных авторов следует выделить труды Хиллмера Н. и Аззи С., а также Желинаса К., которые отражают проблематику отношений между Россией и Канадой в период премьерства Пола.Мартина.

Установление дипломатических отношений между СССР и Канадой произошло ещё в 1942 г., когда обе страны были частью антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны. В период холодной войны, между Советским Союзом и Канадой возникали разногласия в подходах к глобальным вопросам, однако распад СССР в 1991 г. и переход России к

рыночной экономике способствовали сближению двух страны.

В 1990-е годы прошла целая череда официальных и рабочих встреч и переговоров, чётко обозначивших обоюдное стремление сторон укрепить двустороннее партнёрство.

К рубежу 2000-х гг. Канада уже обладала солидным опытом, позволявшим ей уверенно отвечать на вызовы времени, включая углубление глобализации и активизацию интеграционных процессов на двустороннем и региональном уровнях [1]. Россия же, переживая эпоху кардинальных трансформаций, стремилась не упустить исторический шанс для развития новых экономических перспектив и расширения круга международных связей. Именно в этом контексте приход В. Путина на пост Президента Российской Федерации совпал с периодом, когда отношения между Россией и Канадой требовали глубокого переосмысления для вывода российско-канадского взаимодействия на качественно новый уровень.

С 1993 г. Пол Мартин занимал пост министра финансов. Его длительное пребывание на этом посту, почти 10 лет, позволило ему оказать значительное влияние на экономику страны. Хотя не обошлось без проблем, тяжелый выход из дефицита бюджета страны был преодолен. В 1998 г., впервые за три десятилетия, канадский бюджет был сбалансирован, что привело к снижению налогов, экономическому росту, уменьшению безработицу и большей доступности социальных программ для населения. Именно с таким багажом Пол Мартин был и избран-премьер-министром Канады в 2003 г., когда Либеральная партия встала у руля [2].

65-летний мультимиллионер П.Мартин, сменив Жана Кретьена на посту главы правительства, провозгласил политику укрепления связей с США и учредил комитет по канадско-американским отношениям, пообещав расширить права парламента[1]. При этом политические взгляды П. Мартина разительно отличались от подходов его предшественника Жана Кретьена. Родившись в семье, принадлежавшей к высшим социально-экономическим слоям общества, П.Мартин пришел к власти, уже имея опыт успешного предпринимателя [3].

Рассматривая политический портрет П.Мартина, следует подчеркнуть его репутацию, которую он заработал преимущественно на основе результатов своей деятельности в период с 1993 по 2002 гг. К числу наиболее значимых достижений следует отнести: устранение дефицита федерального бюджета, составлявшего 42 млрд канадских долларов, сокращение государственного долга на 36 млрд канадских долларов, неоднократное представление профицитных бюджетов, а также инициированные в нача-

1 Новый премьер-министр Канады начал с увольнений в правительстве // Lenta.ru: официальный сайт [Электронный ресурс]. 13.12.2003 // URL: https://lenta.ru/news/2003/12/12/martin/ (Дата обращения: 16.03.2025).

ле 2000-х гг. самого масштабного в истории Канады снижения налогов для корпораций и частных лиц.

В ходе встречи с генерал-губернатором Канады Адриенн Кларксон в сентябре 2003 г., Президент России В. Путин акцентировал внимание на исторической значимости ее первого визита в Россию[2], отметив, что это является важным этапом в укреплении двустороннего диалога и потенциально может открыть новые возможности для развития российско-канадских отношений. Подчеркнув, что единство подходов к решению ключевых проблем современного мира становится все более важным, В. Путин выразил надежду на дальнейшее расширение российско-канадского сотрудничества, в том числе в сферах экономики, культуры и защиты окружающей среды.

В своем интервью в начале 2004 г., посол России в Канаде Георгий Энверович, отметил, что одним из первостепенных положений программы П.Мартина стало расширение российско-канадского сотрудничества[3].

В мае 2004 г. в Оттаве состоялись консультации на уровне первых заместителей министров иностранных дел, посвященные актуальным вопросам международной безопасности. Они послужили важным этапом в подготовке к рабочему визиту министра иностранных дел Канады в Российскую Федерацию, который состоялся в сентябре того же года [4].

В июне 2004 г. Президент РФ выразил надежду на установление крепких и продуктивных отношений с новым правительством Канады[4]. Помимо этого, Россия и Канада не только достигли договоренности об ускорении реализации совместного плана действий, принятого в 2002 г., но также договорились в кратчайшие сроки подготовить заседание межправительственной комиссии для рассмотрения актуальных вопросах торгово-экономического сотрудничества. Немаловажным итогом встречи стало подписание соглашения о сотрудничестве в рамках программы «Глобальное партнерство». Соглашение касалось ключевых направлений в ообласти ликвидации химического оружия, утилизации атомных подводных лодок (АПЛ) и защиты ядерных материалов. Канада заявила о готовности выделить более $600 тысяч на этот проект. Ответственность за реализацию соглашения с российской стороны была возложена на Федеральное агентство по атомной энергии (в части утилизации АПЛ) и Федеральное агентство по

2 Мы просто живём по другую сторону Северного полюса // Известия: официальный сайт [Электронный ресурс]. // URL: https://iz.ru/news/281580 (Дата обращения: 25.03.2025).

3 Российский посол в Канаде – о перспективах отношений // Российская газета: официальный сайт [Электронный ресурс]. // URL: https://rg.ru/2004/04/06/mamedov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Дата обращения: 22.03.2025).

4 Президент Владимир Путин встретился с Премьер-министром Канады Полом Мартином // Президент России: официальный сайт [Электронный ресурс]. // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/31140 (дата общения: 29.03.2025).

промышленности (в части уничтожения химического оружия).

Значимым событием стало проведение первой национальной выставки российских производителей под названием «Торговля и промышленность России-2004» («Russia Commerce and Industry-2004»), которая символически состоялась в День России – 12 июня 2004 г., в известном выставочном комплексе в Оттаве [5, с. 124]. В выставке приняли участие свыше 40 российских организаций, представляющих широкий спектр отраслей (в том числе отрасли аэрокосмического комплекса, агропромышленного комплекса, энергетики, туризма и др.). Как результат, более 300 специалистов канадского делового сообщества из 60 различных компаний проявили повышенную заинтересованность в российских технологиях, в особенности в области медицины и контрольно-измерительной техники.

Выставка «Russia Commerce and Industry-2004» однозначно способствовала позитивному развитию двустороннего сотрудничества, на что указывают данные по существенному росту показателей двустороннего товарооборота, начиная с 2003 г. [там же, с. 125].

12 октября 2004 г. в ходе официального визита П. Мартина в Москву состоялось обсуждение вопросов безопасности между лидерами двух стран. Главным экономическим результатом переговоров стало уточнение сторонами своих обязательств в рамках программы «Глобальное партнерство». Речь шла не только об обмене данными, но и о выделении и средств на перепрофилирование российских оборонных заводов. В ходе встречи были согласованы условия контрактов по утилизации атомных подводных лодок, что предполагало прямое вложение канадских средств в российские судоремонтные предприятия. Благодаря этому предприятия оборонно-промышленного комплекса России смогли получить валютное финансирование и сохранить свои производственные мощности в условиях экономических реформ. Сотрудничество ведомств по линии безопасности, таким образом, способствовало обеспечению загрузки мощностей промышленности в Северодвинске и других центрах атомного судостроения. Президент России отметил, что реализация данных проектов является важным этапом не только для диалога в сфере безопасности, но и для развития торговли и инвестиций в высокотехнологичных отраслях.

Также во время визита премьер-министра Канады, руководители крупнейшей канадской нефтегазовой компании «Petro-Canada» Р. Бреннеман и «Газпрома» А. Миллер подписали меморандум, определивший намерения сторон сотрудничать в сфере поставок сжиженного природного газа (СПГ) из России в Северную Америку [6]. Данный проект стоимостью $3,5 млрд предусматривал строительство завода по сжижению газа в Ленинградской области и транспортировку СПГ в Канаду для последующей регазификации и распределения на североамериканском рынке.

В апреле 2005 г. Пол Мартин отменил свою запланированную поездку в Москву на празднование 60-летия Победы. Основной причиной отмены была названа сложная политическая ситуация в Канаде, вызванная угрозой вотума недоверия правительству либеральной партии из-за финансового скандала[5].

В октябре 2005 г. в целях развития и укрепления торгово-экономических связей между РФ и Канадой был учрежден Российско-канадский деловой совет (РКДС): со стороны России в качестве сопредседателя Совета был представлен президент РСПП Александр Шохин, а со стороны Канады – глава Совета директоров Канадско-Евразийская торговая палата (CECC) Натан Хант. В РКДС функционируют рабочие группы, которые специализируются на ключевых направлениях сотрудничества, в частности сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности, энергетики, информационных и телекоммуникационных технологий, транспорта, финансового сектора и лесной промышленности [7].

К 2005 г. на территории России уже было зарегистрировано 600 канадских организаций и российско-канадских совместных предприятийй, что свидетельствовало не только об устойчивом интересе канадского бизнеса к российскому рынку, но и о продолжающемся развитии двустороннего экономического сотрудничества между странами [4].

Тем не менее, в июле 2005 г. в ходе саммита «Большой восьмерки» В.Путин выразил обеспокоенность по поводу условий вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО), выдвигаемых Канадой, отметив, что Россия считает их неприемлемыми и несоответствующими ранее достигнутым соглашениям. Он также затронул тему актуальных препятствий, с которыми сталкиваются российские компании, работающие в Канаде. В свою очередь, П.Мартин пообещал, что эти вопросы будут рассмотрены с министерством торговли Канады. Несмотря на присутствовавшие разногласия, двусторонние торговые отношения показали позитивную. динамику, демонстрируя рост объема торговли на 45% по сравнению с предыдущим годом[6].

Следует заметить, что 2005 г. стал для правительства Пола Мартина годом серьезных испытаний. Во-первых, в центре общественного внимания оказался крупный коррупционный скандал, известный как «дело о спонсорстве», который раскрыл факты нецелевого использования миллионов долларов государственных средств, направленных на пропаганду федера-

5 Канадский премьер отменил визит в Москву // Lenta.ru: официальный сайт [Электронный ресурс]. // URL: https://lenta.ru/news/2005/04/26/martin/ (Дата обращения: 28.03.2025).

6 Путин попросил Канаду не усложнять вступление России в ВТО // Lenta.ru: официальный сайт [Электронный ресурс]. // URL: https://lenta.ru/news/2005/07/08/wto/ (Дата обращения: 28.03.2025).

лизма в Квебеке[7]. Выяснилось, что контракты на рекламные услуги получали компании, близко связанные с представителями либеральной партии, которые зачастую не предоставляли эти услуги. В связи с этим премьер-министр Канады принес извинения избирателям по телевидению и согласился перенести дату следующих всеобщих выборов на более ранний срок[8]. И хотя в конечном итоге прямых обвинений против П.Мартина не было выдвинуто, и он заявлял о своей непричастности, его пребывание на посту министра финансов в период предполагаемых нарушений вызвало у многих вопросы о том, насколько он был на самом деле осведомлен о происходящем.

Во-вторых, П.Мартин стремился к обновлению и переменам во внешней политике Канады. В понимании П.Мартина новый внешнеполитический курс предполагал повышение роли Канады в мире с учетом новых реалий и угроз, в том числе развитие стратегического партнерства с США, укрепление границ и континентальной безопасности с участием Мексики.

Однако уже 6 февраля Пол Мартин завершил свои полномочия на посту премьер-министра Канады. Внутриполитические сложности, в частности, коррупционный скандал, фигурантами которого являлись члены его кабинета министров, сильно повлияли на выборы в 2006 г. [8]. Оппозиционные партии объединились, чтобы свергнуть либералов и провести выборы. 23 января 2006 г. либералы получили 103 места в парламенте, что на 21 место меньше, чем у консерваторов, в результате чего П.Мартин признал свое поражение и объявил, что уходит с поста лидера либеральной партии [9]. 6 февраля Президент России В. Путин направил послание Полу Мартину в связи с завершением его полномочий на посту премьер-министра Канады. Президент России отметил вклад канадской стороны в развитие и укрепление российско-канадского партнерства, а также оценил совместную работу по продвижению двустороннего сотрудничества в торгово-экономической и гуманитарной областях, в борьбе с терроризмом и по реализации программы Глобального партнерства[9].

В марте 2006 г. в Оттаве состоялась встреча Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Канады П. Маккеем и Пре-

7 Пол Мартин свел к минимуму знакомство с Россией // Независимая газета: официальный сайт [Электронный ресурс]. // URL: https://www.ng.ru/world/2004-10-12/8_montreal.html (Дата обращения: 24.03.2025).

8 Will Canada blame Martin? // The Economist. // URL: https://www.economist.com/news/2005/04/27/will-canada-blame-martin (Дата обращения: 26.03.2025).

9 О послании Президента России В.В. Путина П. Мартину в связи с завершением его полномочий на посту Премьер-министра Канады // МИД РФ: официальный сайт [Электронный ресурс]. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1677710/ (Дата обращения: 30.03.2025).

мьер-министром Канады С. Харпером[10]. В рамках развития двустороннего сотрудничества между Россией и Канадой особое внимание уделялось вопросам стратегической стабильности, противодействию международному терроризму, а также обсуждению актуальных проблем регионального масштаба. 15 июля 2006 года состоялась встреча глав государств в рамках саммита «Большой восьмерики» (G8), проходившего в Санкт-Петербурге.

Последовательный анализ событий 2003-2006 гг. позволяет констатировать, что даже в условиях некоторой геополитической напряженности конструктивное взаимодействие между сторонами сохраняло свою актуальность. Основополагающим фактором, который обеспечил возможность ведения продуктивного двустороннего диалога, выступили, во-первых, экономическая заинтересованность друг в друге, которая привела к расширению торговых связей и развитию инвестиционных проектов. Во-вторых, в научном и технологическом плане взаимодействие также играло ключевую роль. Это сотрудничество стимулировало совместное проведение исследований и разработку передовых решений, нацеленных на достижение общих задач и решение насущных вопросов.

Таким образом, период с 2003 по 2006 гг. ознаменовал завершение постсоветской эпохи в двусторонних связях, уступив место предметному и прагматичному сотрудничеству. Развитие экономического партнёрства, демонстрировало неуклонный и обнадеживающий рост. Заключение стратегических договоренностей в энергетике и создание межправительственных комиссий ярко свидетельствовали о решимости сторон перейти от общих деклараций к конкретным делам. Все эти шаги привели к тому, что товарооборот между РФ и Канадой к 2008 г достиг $3,2 млрд и сохранялся на этом уровне до 2014 г.[11]

Несмотря на сохранявшиеся политические разногласия, именно в эти годы очертились реальные контуры будущего взаимовыгодного сотрудничества, хотя и очевидно, что колоссальный потенциал полностью не был раскрыт. В то же время торговые барьеры и споры вокруг условий вступления России в ВТО наложили определенные ограничения на развитие двухсторонних связей. Различия в подходах к ключевым международным проблемам, а также традиционная близость Канады к союзникам в лице США, сдерживали потенциал дальнейшего развития.

В целом, данный период следует рассматривать не как время полной ре-

10 Российский посол в Канаде – о перспективах отношений // Российская газета: официальный сайт [Электронный ресурс]. // URL: https://rg.ru/2004/04/06/mamedov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Дата обращения: 22.03.2025).

11 Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Российской Федерации в Канаде. // URL: https://canada.mid.ru/ru/countries/torgovo_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/ (Дата обращения: 14.05.2026).

ализации возможностей, а скорее, как важнейший этап закладки институционального фундамента российско-канадского экономического взаимодействия. Прочность этой основы определи динамику отношений вплоть до начала украинского кризиса в 2014 г.

Библиографический список:

1. Минкова К.В. Канада и международное экономическое сотрудничество во второй половине XX – начале XXI века. Российско-канадские отношения: от экономики до культуры. – М.: Издательство «Весь Мир». 2019. 79 с.
2. Gelinas X. Portrait of a prime minister: Paul Martin // The Canadian Museum of History. 2024. // URL: https://www.historymuseum.ca/blog/prime-minister-paul-martin (Дата обращения: 31.03.2025).
3. Комкова Е.Г. Пол Мартин – 21-й премьер-министр Канады // Вестник РОИК. 2003. № 19. // URL: https://www.racs.ru/pressa/vestnik/vestnik.htm (Дата обращения: 19.03.2025).
4. Кузьмина Т.Р. Российско-канадские отношения: есть ли перспективы? Россия и Америка в XXI веке. 2017. № 3. // URL: https://rusus.jes.su/s207054760005766-9-1/ (Дата обращения: 18.03.2025).
5. Григорьева Е.Е., Шульга П.С. Некоторые эпизоды российско-канадского сотрудничества. Московский экономический журнал. 2022. № 12. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-epizody-rossiysko-kanadskogo-sotrudnichestva (Дата обращения: 31.03.2025).
6. Володин Д.А. Российско-канадские отношения после холодной войны. М.: Молодой ученый. 2009. № 3. // URL: https://moluch.ru/archive/3/205/ (Дата обращения: 31.03.2025).
7. Конышев В., Сергунин А. Стратегия Канады в освоении Арктики. Российский совет по международным делам. 2012. // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-kanady-v-osvoenii-arktiki/ (Дата обращения: 15.03.2025).
8. Комаров А.Н. Канада в системе глобального международного сотрудничества на рубеже XX–XXI веков // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 2. С. 61-68.
9. Hillmer N., Azzi S. Paul Edgar Philippe Martin // Wayback Machine. 2024. // URL: https://web.archive.org/web/20111129032044/http://www.thecanadianencyclopedia.com/index.cfm?PgNm=TCE&Params=A1ARTA0005133 (Дата обращения: 25.03.2025).
10. Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 78-84.

Reference

1. Minkova K.V. Canada and International Economic Cooperation in the Second Half of the 20th – Early 21st Century. Russian-Canadian Relations: From Economics to Culture. Moscow: Ves Mir Publishing House. 2019. 79 p.
2. Gelinas X. Portrait of a Prime Minister: Paul Martin // The Canadian Museum of History. 2024. // URL: https://www.historymuseum.ca/blog/prime-minister-paul-martin (March 31, 2025).
3. Komkova E.G. Paul Martin – the 21st Prime Minister of Canada // ROIC Bulletin. 2003. № 19. // URL: https://www.racs.ru/pressa/vestnik/vestnik.htm (March 19, 2025).
4. Kuzmina T.R. Russian-Canadian Relations: Are There Prospects? Russia and America in the 21st Century. 2017. № 3. // URL: https://rusus.jes.su/s207054760005766-9-1/ (March 18, 2025).
5. Grigorieva E.E., Shulga, P.S. Some Episodes of Russian-Canadian Cooperation. Moscow Economic Journal. 2022. № 12. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-epizody-rossiysko-kanadskogo-sotrudnichestva (March 31, 2025).
6. Volodin D.A. Russian-Canadian Relations after the Cold War. Moscow: Young Scientist. 2009. № 3. // URL: https://moluch.ru/archive/3/205/ (March 31, 2025).
7. Konyshev V., Sergunin A. Canada's Strategy for Arctic Development. Russian International Affairs Council. 2012. // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-kanady-v-osvoenii-arktiki/ (March 15, 2025).
8. Komarov A.N. Canada in the System of Global International Cooperation at the Turn of the 20th–21st Centuries // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations. 2017. № 2. P. 61-68.
9. Hillmer N., Azzi S. Paul Edgar Philippe Martin // Wayback Machine. 2024. // URL: https://web.archive.org/web/20111129032044/http://www.thecanadianencyclopedia.com/index.cfm?PgNm=TCE&Params=A1ARTA0005133 (25.03.2025).
10. Baranov A.N. Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 78-84.

Суворов Л.П.
Студент-бакалавр. Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Дирекджи А.В.
Доктор философии, кандидат культурологии, доцент кафедры индоиранских и африканских языков, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Проблема афганских беженцев в Иране после прихода к власти в Афганистане движения Талибан в 2021 году*

Аннотация. В статье рассматривается проблема афганских беженцев в Иране после вывода войск США и НАТО из Афганистана и повторного прихода движения Талибан к власти в 2021 г. Особое внимание уделяется основным маршрутам и условиям бегства афганцев в Иран, а также месту страны среди ключевых принимающих государств. Анализируются конкретные меры Ирана по решению нового миграционного кризиса, уже существовавшие механизмы поддержки беженцев, а также взаимодействие страны с международными организациями, прежде всего со структурами ООН. Рассматривается кризисное положение самого Ирана в 2020-х гг., приведшее к ужесточению миграционной политики, усилению депортационных мер и риторики безопасности в 2024–2025 гг. Авторы приходят к выводу о том, что политика ИРИ в отношении афганских беженцев имела двойственный характер: она сочетала как широкое оказание разносторонней помощи, в том числе через взаимодействие с международными организациями, так и жесткие меры по обеспечению безопасности страны в условиях усилившейся террористической угрозы и тяжелого экономического положения.

Ключевые слова: Афганские беженцы, Иран, Талибан, Миграция, Гуманитарная помощь.

Suvorov L.P.
Bachelor's student. Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

* © Суворов Л.П., Дирекджи А.В., 2026.

Direkji A.V.
PhD, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Indo-Iranian and African Languages, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

The issue of afghan refugees in Iran after the Taliban's rise to power in Afghanistan in 2021

Abstract. The article examines the issue of Afghan refugees in Iran after the withdrawal of U.S. and NATO troops from Afghanistan and the Taliban's return to power in 2021. Particular attention is paid to the main routes and conditions of Afghans' flight to Iran, as well as to the country's place among the key host states. The article analyzes Iran's specific measures aimed at addressing the new migration crisis, the already existing mechanisms of refugee support, and the country's cooperation with international organizations, primarily UN agencies. It also considers Iran's own crisis situation in the 2020s, which led to the tightening of migration policy, the strengthening of deportation measures, and the growing prominence of security rhetoric in 2024–2025. The authors conclude that Iran's policy toward Afghan refugees had a dual character: it combined broad and diversified assistance, including through cooperation with international organizations, with strict measures to ensure national security amid an increased terrorist threat and a severe economic situation.

Key words: Afghan refugees, Iran, Taliban, Migration, Humanitarian assistance.

Проблема афганских беженцев в Исламской Республике Иран остается актуальной в контексте региональной безопасности, гуманитарной политики и современных миграционных процессов на Ближнем Востоке. ИРИ на протяжении нескольких десятилетий является одним из главных направлений вынужденной миграции из Афганистана.

Новый этап развития данной проблемы начался после августа 2021 г., когда движение Талибан вновь установило контроль над Афганистаном. Смена власти сопровождалась ухудшением социально-экономической ситуации, ростом неопределенности, опасениями политических и социальных преследований, ограничением прав женщин и многими другими негативными последствиями. В результате Афганистан вновь стал источником масштабной вынужденной миграции.

Последствия вывода войск США и союзников из Афганистана

В 2021 г. из Афганистана были выведены войска США и силы НАТО, что фактически означало завершение их двадцатилетнего международного

военного присутствия в стране. 31 августа 2021 г. президент Джо Байден заявил, что «Соединенные Штаты завершили 20-летнюю войну в Афганистане – самую долгую войну в американской истории» [1]. При этом уход иностранных войск привел не к стабилизации, а к стремительному обрушению созданной при американской поддержке системы власти. В докладе Управления специального генерального инспектора США по восстановлению Афганистана отмечается, что афганское правительство рухнуло менее чем за четыре месяца, несмотря на 20-летнюю поддержку США и 145 млрд. долл., вложенных в реконструкцию страны [2].

Талибы в течение лета 2021 г. быстро заняли провинциальные центры, а 15 августа вошли в Кабул. Для населения это означало серьезную неопределенность, а для некоторых и угрозу для их будущей жизни в Афганистане.

Приход талибов к власти резко ухудшил социально-экономическую ситуацию в Афганистане. Экономика страны была крайне зависима от внешней помощи: по данным Всемирного банка, гранты финансировали около 75% государственных расходов Афганистана [3]. После смены власти эта модель фактически была разрушена. События 15 августа 2021 г. привели к резкому сокращению экономики, изменению подходов к международной помощи, снижению совокупного спроса, сбоям в предоставлении государственных услуг, потере доступа к международной банковской системе и заморозке зарубежных валютных резервов центрального банка Афганистана. По данным Всемирного банка, ВВП Афганистана сократился с 19,96 млрд. долл. в 2020 г. до 14,27 млрд. долл. в 2021 [4].

Экономический кризис быстро перерос в гуманитарный. Управление ООН по координации гуманитарных вопросов отмечало, что число нуждающихся в гуманитарной помощи выросло с 18,4 млн. [5] человек в начале 2021 г. до 24,4 млн. человек [6] в 2023 г. В таких условиях миллионы афганцев вынуждены были покинуть родину и искать убежище.

Афганские беженцы в мире после повторного прихода к власти Талибан

В 2020 году в мире насчитывалось около 2,6 млн. [7] афганских беженцев, попадающих под мандат Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН). Причем основная их часть приходилась на Пакистан (1,4 млн.) и Иран (780 тыс.). Просителей убежища было зарегистрировано около 239 тыс. [7].

Данные УВКБ ООН свидетельствуют о том, что первая пятерка стран, в которые бегут афганцы, остается неизменной. Это Иран, Пакистан, Турция, Германия и Франция. Они лишь меняются местами. Более того, заметен резкий скачок в числе беженцев в течение 2022 г., то есть в течение

года после прихода к власти в Афганистане талибов. Стоит отметить, что Иран стабильно занимает первую или вторую строчку на протяжении 2020-2025 гг. Причин тому несколько.

Таблица 1. Направления миграции и количество афганских беженцев 2020 г. [7].

Страна убежища	Беженцы под мандатом УВКБ ООН	Просители убежища	Всего
Пакистан	1 438 432	9 668	1 448 100
Иран	780 000	0	780 000
Германия	147 994	33 103	181 097
Турция	4 219	125 104	129 323
Австрия	40 096	6 473	46 569
Франция	31 546	13 560	45 106
Греция	21 456	19 706	41 162
Швеция	29 927	1 358	31 285
Швейцария	14 523	844	15 367
Индия	8 275	6 857	15 132

Таблица 2. Направления миграции и количество афганских беженцев 2021 г. [7].

Страна убежища	Беженцы под мандатом УВКБ ООН	Просители убежища	Всего
Пакистан	1,490,562	13,260	1,503,822
Иран	778,054	0	778,054
Германия	159,409	43,964	203,373
Турция	7,647	133,062	140,709
Франция	49,990	9,494	59,484
Австрия	42,685	5,600	48,285
Греция	28,543	9,142	37,685
Швеция	27,562	1,824	29,386
Италия	15,561	2,375	17,936
Швейцария	15,060	1,500	16,560

Таблица 3. Направления миграции и количество афганских беженцев 2022 г. [7].

Страна убежища	Беженцы под мандатом УВКБ ООН	Просители убежища	Всего
Иран	3,413,249	0	3,413,249
Пакистан	1,743,278	38,108	1,781,386
Германия	180,810	34,867	215,677
Турция	10,581	128,813	139,394
Франция	63,506	11,130	74,636
Австрия	45,282	7,419	52,701
Греция	35,467	2,779	38,246
Швеция	26,197	2,052	28,249
Великобритания	11,265	13,056	24,321
США	8,931	12,833	21,764

Таблица 4. Направления миграции и количество афганских беженцев 2023 г. [7].

Страна убежища	Беженцы под мандатом УВКБ ООН	Просители убежища	Всего
Иран	3,752,317	0	3,752,317
Пакистан	1,987,717	61,451	2,049,168
Германия	255,077	44,781	299,858
Турция	12,549	106,241	118,790
Франция	79,184	10,665	89,849
Великобритания	45,376	11,773	57,149
Австрия	41,456	4,723	46,179
Греция	42,301	3,647	45,948
США	32,348	11,411	43,759
Швеция	20,319	2,843	23,162

Таблица 5. Направления миграции и количество афганских беженцев 2024 г. [7].

Страна убежища	Беженцы под мандатом УВКБ ООН	Просители убежища	Всего
Иран	3,477,082	0	3,477,082
Пакистан	1,559,964	198,610	1,758,574
Германия	279,737	44,659	324,396

Франция	93,482	6,400	99,882
Турция	14,145	69,484	83,629
Великобритания	54,908	10,999	65,907
США	46,137	10,897	57,034
Австрия	44,714	4,308	49,022
Греция	24,970	4,270	29,240
Швеция	25,499	412	25,911

Таблица 6. Направления миграции и количество афганских беженцев 2025 г. [7].

Страна убежища	Беженцы под мандатом УВКБ ООН	Просители убежища	Всего
Иран	2,485,339	0	2,485,339
Пакистан	1,546,743	220,283	1,767,026
Германия	280,341	44,349	324,690
Франция	98,625	5,061	103,686
Турция	9,872	58,406	68,278
Великобритания	60,658	6,784	67,442
США	46,137	10,897	57,034
Австрия	46,232	3,553	49,785
Греция	28,602	3,834	32,436
Швейцария	26,631	1,651	28,282

Прежде всего ИРИ имеет протяженную и не полностью контролируемую сухопутную границу с Афганистаном. Не менее важным фактором при выборе беженцами именно этой страны также являются сформировавшиеся миграционные сети и многочисленные афганские диаспоры. За десятилетия миграции в Иране сложились устойчивые сообщества выходцев из Афганистана, которые помогают новоприбывшим находить жилье, работу и получать социальную поддержку.

Отдельного внимания заслуживает культурно-языковой и религиозный фактор. Для значительной части населения Афганистана, прежде всего таджиков и хазарейцев, Иран является культурно близким государством, где понимают дари. Дари и персидский являются близкородственными языками. Большинство хазарейцев – шииты-иснаашариты (двунадесятники), то есть являются представителями самого многочисленного направления в шиитском исламе, доминирующего в Иране.

Афганские беженцы в Иране после повторного прихода Талибан к власти

Бегство афганцев в ИРИ после августа 2021 г. осуществлялось двумя способами: через официальные пограничные пункты и через нелегальные переходы при помощи посредников и контрабандистов. Главными пунктами пересечения границы являются западные и юго-западные провинции Афганистана – Герат, Фарах и Нимруз. На северном участке границы ключевым является переход Ислам-Кала – Догарун, соединяющий афганскую провинцию Герат с иранской провинцией Хорасан-Резави. В центральной части границы используется переход Абу-Наср-е-Фарахи – Махируд между афганской провинцией Фарах и иранской – Южный Хорасан. На южном участке основной поток проходит через погранпост Зарандж – Милак, связывающий провинцию Нимруз с иранской провинцией Систан и Белуджистан [8].

Вместе с тем после прихода талибов к власти значительная часть афганцев не могла пересекать границу легально из-за отсутствия паспортов, виз, денежных средств или из-за страха преследования. Поэтому многие пересекали границу вне специально оборудованных участков. Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев прямо указывало, что большинство афганцев, бежавших в Иран в начале 2022 г., делали это нелегально и при помощи контрабандистов в связи с невозможностью законно пересечь границы из-за отсутствия паспорта или визы [9]. По данным Франс Пресс [8], в марте 2022 г. в районе Зарандж ежедневно выезжали около 5–6 тыс. человек. Контрабандисты в этом пункте прохода взимали с мигрантов около 6 млн. иранских туманов[1] [8] за переправку через границу в Иран.

Условия бегства были крайне тяжелыми. На афгано-иранской границе беженцы сталкивались с насилием со стороны контрабандистов и пограничных структур, суровыми погодными условиями, опасной транспортировкой, нехваткой еды и питьевой воды [10].

Политика Ирана по отношению к афганским беженцам была комбинированной. На национальном уровне уже были созданы и создавались условия для поддержки афганских беженцев. При этом страна активно взаимодействовала с международными организациями, в первую очередь различными структурами ООН.

Еще в 2015 г. был принят указ ныне покойного Верховного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи, согласно которому все афганские дети школьного возраста получали доступ к начальному и среднему образованию независимо от их правового статуса на территории Ирана [11]. Этот указ продолжил действовать и после 2021 г. УВКБ ООН подчеркивало,

1 Около 1500 долл.

что с 2016 г. специальные школьные сборы для беженцев в размере примерно 70–90 долл. были отменены, что расширило доступ афганских детей к иранской системе образования [12]. В итоге к 2024 г. более 600 тыс. афганских детей обучалось в Иране наряду с иранскими сверстниками [13]. Тем не менее доступ оставался неравномерным: школы были перегружены (не хватало помещений, материалов, оборудования) [14], семьи, сталкивающиеся с материальными трудностями, должны были покупать форму, оплачивать транспорт, страховку [14]. Существовали и административные барьеры. Для зачисления детей в школу необходимо было получить специальный документ образовательной защиты – так называемую «синюю карту», выдаваемую Бюро по делам иностранных граждан и иммигрантов МВД Ирана [8].

Что касается высшего образования, Иран также оказывал поддержку афганским беженцам, в том числе и женщинам. Посол ИРИ в Германии Махмуд Фаразандех заявлял, что «двери иранских университетов открыты для афганских женщин и девушек, лишенных права на образование в Афганистане» [13]. По оценкам, в 2024 г. в иранских вузах обучалось более 40 тыс. афганских студентов, преимущественно женского пола [13].

Схожая двойственность прослеживалась в сфере здравоохранения. Иран является государством, где беженцы с картами «Амайеш»[2] и «Хоувият»[3] могут включаться в систему Всеобщего государственного медицинского страхования [15]. Схема реализовывалась при участии Бюро по делам иностранных граждан и иммигрантов МВД ИРИ, УВКБ ООН, Организации медицинского страхования Ирана и Министерства здравоохранения ИРИ [15]. Она позволяла получать субсидии на госпитализацию, лечение, посещение врачей, лабораторные исследования и лекарства в определенных медицинских учреждениях. При этом обычные владельцы карт «Амайеш» и «Хоувият», которые не входили в категорию уязвимых беженцев по оценке Бюро по делам иностранных граждан и иммигрантов

2 Карта **«Амайеш»** – это регистрационное удостоверение, которое иранские власти выдают зарегистрированным афганским беженцам для подтверждения их временного легального пребывания в Иране. Эта система появилась в начале 2000-х гг. как способ упорядочить учет афганцев, проживавших в стране после нескольких волн миграции, и отделить зарегистрированных беженцев от незарегистрированных. Наличие карты дает доступ к базовым услугам, включая образование, медицинскую помощь и в отдельных случаях разрешение на работу, однако требует регулярного продления и не предоставляет полного равенства с гражданами Ирана.

3 Карта **«Хоувият»** (буквально «удостоверение личности») – это регистрационное удостоверение, которое иранские власти выдают **зарегистрированным иракским беженцам**. Она подтверждает временный легальный статус беженца в Иране и дает доступ к части базовых услуг, прежде всего образованию и здравоохранению, но требует регулярного продления и не равна полноценному виду на жительство или гражданству.

МВД ИРИ, должны были оплачивать участие в системе самостоятельно. По данным УВКБ, в 2022 г. ежемесячный страховой взнос для таких беженцев составлял 1 315 000 иранских риалов[4] за человека [15], причем оплатить нужно было сразу 12 месяцев страхования для каждого члена семьи. Это была существенная сумма. Для наиболее уязвимых элементов, включая лиц с особыми заболеваниями и членов их семей, страховой взнос полностью покрывало УВКБ ООН. В 2024 г. УВКБ ООН оплатило страховые взносы для 97 тыс. беженцев [12]. После включения в систему беженцы все равно оплачивали часть медицинских расходов: 10% стоимости госпитализации и 30% стоимости параклинических услуг. В то же время, согласно отчету УВКБ ООН от 2024 г, первичная медицинская помощь – вакцинация, дородовое и послеродовое наблюдение, лечение инфекционных и неинфекционных заболеваний – предоставлялась беженцам, независимо от их правового статуса, наравне с гражданами ИРИ [12]. Однако вторичная и третичная помощь, несмотря на то что также была доступна беженцам, оставалась дорогостоящей.

Особенностью иранской модели приема афганских беженцев стало то, что они не направлялись в специально созданные лагеря. Подавляющее большинство афганцев в Иране проживали среди местного населения – в городах, пригородах и рабочих районах. На май 2022 г. 96% зарегистрированных афганских и иракских беженцев в ИРИ проживали в городских районах среди иранцев, тогда как только 4% находились в 20 поселениях для беженцев, расположенных в 12 провинциях Ирана [8]. Согласно данным Всемирной продовольственной программы ООН (ВПП), в августе 2022 г. в таких поселениях проживало около 32 тыс. человек [8]. Эти поселения управлялись Бюро по делам иностранных граждан и иммигрантов МВД Ирана и в иранском административном дискурсе назывались «мехманшахр», то есть «города гостей» или «гостевые города».

Вопрос материальной помощи афганским беженцам в Иране также необходимо рассматривать не как систему всеобщих государственных пособий, а как сочетание трех механизмов: помощи со стороны иранского правительства через допуск к отдельным публичным услугам, поддержки международных организаций и гуманитарных программ для наиболее уязвимых групп.

Прямые денежные выплаты не были универсальным пособием для всех афганцев в Иране. Их предоставляли главным образом международные организации, прежде всего УВКБ ООН и ВПП, и только наиболее уязвимым категориям. В 2024 г. УВКБ ООН предоставляло беженцам и просителям убежища в ИРИ как денежную (cash-based interventions/ cash assistance), так

4 Около 30 долл.

и неденежную натуральную помощь (non-food assistance). Денежную помощь получили 56 914 человек, а 25 000 человек – неденежную натуральную помощь. В итоге за 2024 г. УВКБ было выделено 2,23 млн. долл. США на эти нужды [12]. Кроме того, УВКБ предоставляло помощь через регистрацию, юридическое сопровождение, поддержку людей с инвалидностью, лиц с медицинскими потребностями, психологическую помощь, ведение случаев детской защиты и гендерно обусловленного насилия [12].

Ужесточение риторики Ирана по отношению к афганским беженцам

В 2024 г. Постпред ИРИ при ООН Саид Иравани заявил, что ИРИ ежегодно тратит около 10 млрд. долл. на размещение более 6 млн. афганцев при «недостаточной» международной помощи [16].

С 2024–2025 гг. политика ИРИ в отношении афганских беженцев и мигрантов заметно ужесточилась: гуманитарная риторика о многолетнем приеме афганцев стала сочетаться с курсом на выдворение лиц без устойчивого правового статуса. Одним из факторов стало ухудшение социально-экономической ситуации внутри ИРИ. По данным Всемирного банка, инфляция в Иране оставалась крайне высокой: **43,4% в 2021 г., 43,5% в 2022 г., 44,6% в 2023 г.** и **32,5% в 2024 г.** [17].

Экономическое давление дополнялось масштабом афганского присутствия. По словам главы Национальной организации по миграции Ирана **Надера Ярахмади**, в апреле 2025 г. в стране на легальных и нелегальных основаниях проживало **6,1 млн**. афганцев [18].

Важным фактором стало и ослабление безопасности в ИРИ. В частности, после 2021 г. Иран столкнулся с ростом террористической угрозы. В октябре 2022 г. атака на шиитскую святыню **Шах-Чераг** в Ширазе унесла жизни 13 **человек** [19]; ответственность взяло на себя «Исламское государство». В августе 2023 г. тот же комплекс снова подвергся нападению. В январе 2024 г. в Кермане во время церемонии памяти погибшего в 2020 г. генерал-лейтенанта **Касема Сулеймани** произошел крупнейший за десятилетия теракт: погибли по меньшей мере **95 человека** [20]. Американские разведывательные спецслужбы сообщали, что за атакой стояло афганское крыло ИГИЛ – **ИГИЛ-Х (Вилаят Хорасан)** [21]**.**

В октябре 2024 г. командующий силами правопорядка Ирана **Ахмад-Реза Радан** заявил о цели «депортировать около **2 млн.** иностранных граждан, нелегально проживающих на территории ИРИ» [22] до марта 2025 г. Базирующееся за рубежом персоязычное издание Iran International писало, что под нелегально проживающими иностранными гражданами власти подразумевают именно афганских беженцев, так как именно они составляют наибольшую часть данной категории людей в Иране [22].

В 2025 г. курс на выдворение был продолжен. После нападения США и Израиля на Иран в июне 2025 года, в ИРИ еще больше были усилены меры

безопасности. По данным УВКБ, во время конфликта Иран депортировал в среднем более **30 тыс.** афганцев в день – примерно в **15 раз** больше прежнего уровня около **2 тыс.** в день [23].

В августе 2025 г. министр внутренних дел Эскандар Момени заявил, что **1.2 млн.** нелегально проживающих в Иране афганцев вернулись на родину с начала года, добавив, что более **70% из них сделали это «добровольно и на основе личного решения»** [24]**.** Однако международные организации фиксировали значительную долю принудительных возвращений: УВКБ в августе 2025 г. оценивало, что в 2025 г. более **1 млн. афганцев** были именно депортированы [25].

Таким образом, авторы приходят к выводу о том, что политика Ирана по отношению к афганским беженцам после повторного прихода к власти талибов в Афганистане и их нового наплыва носила двойственный характер. С одной стороны, ИРИ продолжила выполнять роль одного из ключевых принимающих государств для афганцев, сохранив элементы широкой гуманитарной поддержки, прежде всего в сфере образования, здравоохранения и взаимодействия с международными организациями. С другой стороны, ухудшение внутренней экономической ситуации и рост военно-политических угроз и угроз безопасности объективно ограничили возможности ИРИ проводить долгосрочную и инклюзивную политику в отношении беженцев. В результате иранская модель приема афганцев стала сочетать гуманитарные обязательства с все более жесткой логикой выдворений.

Библиографический список / Reference

1. Biden J. Remarks by President Biden on the End of the War in Afghanistan // U.S. Embassy & Consulate in the United Arab Emirates. 31.08.2021. // URL: https://ae.usembassy.gov/remarks-by-president-biden-on-the-end-of-the-war-in-afghanistan/ (Дата обращения: 22.06.2026).

2. Why the Afghan Government Collapsed // Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction. 2022. // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-S-PURL-gpo220710/pdf/GOVPUB-S-PURL-gpo220710.pdf (Дата обращения: 22.06.2026).

3. Afghanistan Development Update. Setting Course to Recovery // World Bank Group. 2021. // URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/e406b6f24c2b7fdeb93b56c3116ed8f1-0310012021/original/Afghanistan-Development-Update-FINAL.pdf (Дата обращения: 22.06.2026).

4. GDP (current US$) – Afghanistan // World Bank Open Data. // URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=AF (Дата обращения: 22.06.2026).

5. Afghanistan: Humanitarian Needs Overview 2022 // United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. 2022. // URL: https://afghanistan.un.org/sites/default/files/2022-01/afghanistan-humanitarian-needs-overview-2022_0.pdf (Дата обращения: 22.06.2026).

6. Afghanistan: Humanitarian Needs Overview 2023 // ReliefWeb. 23.01.2023. // URL: https://reliefweb.int/report/afghanistan/afghanistan-humanitarian-needs-overview-2023-january-2023 (Дата обращения: 22.06.2026).

7. Refugee Data Finder: Population statistics, 2020–2025 // UNHCR. // URL: https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download (Дата обращения: 22.06.2026).

8. European Union Agency for Asylum. Iran – Situation of Afghan Refugees: Country of Origin Information Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022. 100 p. // URL: https://www.euaa.europa.eu/sites/default/files/publications/2023-01/2023_01_COI_Report_Iran_Afghans_Refugees_EN.pdf (Дата обращения: 22.06.2026).

9. Iran: New Arrivals from Afghanistan as of 5 February 2022 // UNHCR Operational Data Portal. 05.02.2022. // URL: https://data.unhcr.org/ar/documents/download/90808 (Дата обращения: 22.06.2026).

10. Hassan N. Deadly crossings at the Afghanistan–Iran border // Forced Migration Review. 2025. № 75. // URL: https://www.fmreview.org/dangerous-journeys/hassan/ (Дата обращения: 22.06.2026).

11. Afghanistan Situation Regional Refugee Response Plan – 2024 Mid-year Report // UNHCR Operational Data Portal. 17.10.2024. // URL: https://data.unhcr.org/en/documents/details/111856 (Дата обращения: 22.06.2026).

12. Annual Results Report 2024: Iran // UNHCR. 30.05.2025. // URL: https://www.unhcr.org/sites/default/files/2025-06/Iran%20ARR%202024.pdf (Дата обращения: 22.06.2026).

13. Glinski S. 'Nothing compensates for the stolen years': the Afghan women rebuilding shattered dreams in Iran // The Guardian. 04.07.2024. // URL: https://www.theguardian.com/global-development/article/2024/jul/04/afghan-women-iran-taliban-afghanistan-education (Дата обращения: 22.06.2026).

14. Shammout R., Vandecasteele O. Inter-sectoral cooperation for Afghan refugee education in Iran // Forced Migration Review. 2019. № 60. // URL: https://www.fmreview.org/education-displacement/shammout-vandecasteele/ (Дата обращения: 22.06.2026).

15. Health Insurance for Refugees // UNHCR Iran. // URL: https://www.unhcr.org/ir/health-insurance-refugees-0 (Дата обращения: 22.06.2026).

16. Bozorgmehr N. Iran steps up mass deportation of Afghan migrants // Financial Times. 17.05.2025. // URL: https://www.ft.com/content/dd6b9f28-6672-4eb2-bf78-41adaba11019 (Дата обращения: 22.06.2026).

17. Inflation, consumer prices (annual %) – Iran, Islamic Rep. // World Bank Open Data. // URL: https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=IR (Дата обращения: 22.06.2026).

18. Over 6 million Afghan nationals residing in Iran // Tehran Times. 07.04.2025. // URL: https://www.tehrantimes.com/news/511525/Over-6-million-Afghan-nationals-residing-in-Iran (Дата обращения: 22.06.2026).

19. درک موکحم ار غارچهاش مب یتسیرورت ملم ادصکی ناهج // IRNA. 27.10.2022. // URL: https://www.irna.ir/news/84924700/درک-موکحم-ار-غارچهاش-مب-یتسیرورت-ملم-ادصکی-ناهج (Дата обращения: 22.06.2026).

20. نآ عوقو ناکم و لکش زا غراف مسیرورت تیمولحم رب ناریا ترافس دیکات // IRNA. 04.01.2024. // URL: https://www.irna.ir/news/85344003/نآکم-و-لکش-زا-غراف-مسیرورت-تیمولحم-رب-ناریا-ترافس-دیکات عوقو (Дата обращения: 22.06.2026).

21. Landay J., Holland S. Exclusive: US intelligence confirms Islamic State's Afghanistan branch behind Iran blasts // Reuters. 05.01.2024. // URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/us-intelligence-confirms-islamic-states-afghanistan-branch-behind-iran-blasts-2024-01-05/ (Дата обращения: 22.06.2026).

22. Iran plans mass deportation of 2 million Afghan migrants // Iran International. 07.10.2024. // URL: https://www.iranintl.com/en/202410063714 (Дата обращения: 22.06.2026).

23. Mackenzie J., Sediqi A. Q. Surge in Afghans driven from Iran in spy hunt after Israel attacks // Reuters. 02.07.2025. // URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/surge-afghans-driven-iran-spy-hunt-after-israel-attacks-2025-07-02/ (Дата обращения: 22.06.2026).

24. Iranian Interior Minister: About 1.2 Million Afghan Migrants Leave Iran // Qatar News Agency. 18.08.2025. // URL: https://qna.org.qa/en/news/news-details?id=iranian-interior-minister-about-12-million-afghan-migrants-leave-iran&date=19/08/2025 (Дата обращения: 22.06.2026).

25. Iran-Afghanistan Returns Emergency Response 17 // UNHCR. 13.08.2025. // URL: https://www.unhcr.org/sites/default/files/2025-08/Iran-Afghanistan%20Returns%20Emergency%20Response%2017%20-%2013%20August%202025.pdf (Дата обращения: 22.06.2026).

Зайцев А.И.
Бакалавр истории, магистр международных отношений. Кафедра всеобщей истории, Северо-Кавказский Федеральный университет.

Вартумян А.А.
Доктор политических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Северо-Кавказский Федеральный университет.

Партийно-идеологические программные установки политических партий Сербии на рубеже XX - начала XXI века*

Аннотация. В статье раскрываются особенности партийно-идеологических программных установок политических партий Сербии на рубеже XX – начала XXI веков. В Сербии существует большое количество политических партий, в связи с этим, в статье уделяется внимание ключевым субъектам партийной системы, партиям которым имеют серьезный политический вес и оказывают влияние на современную политику страны.

В статье не только приводятся программы партий Сербии, но и проводится их сопоставление, выделяются как общие идеологические установки, так и их различие. В статье уделяется внимание роли Сербской прогрессивной партии, ее значение и видоизменению.

Целью научной статьи является исследование особенностей партийно-идеологических программных установок политических партий Сербии на рубеже XX– начала XXI веков.

Методы, которые использованы в исследовании, явились такие как: метод анализа, метод сравнения, метод синтеза.

Результатами и выводами исследования являются следующие положения. Анализ партийно-идеологических программных установок политических партий Сербии позволяет указать на то, что партии нацелены на снижение роли национализма, поскольку как показывает практика это дает больше сторонников, нежели обострения национальных проблем. Приоритетом выступает построение сильного государства, на основе стабильной политики и экономики.

Ключевые слова: политическая партия, программа партии, партийно-идеологические установки, программные установки, политическая система.

Zaitsev A.I.
Bachelor of Arts in History, Master of Arts in International Relations. Department of General History, North Caucasus Federal University.

* © Зайцев А.И., 2026.

Vartumyan A.A.
Doctor of Political Science, Professor, Department of State and Legal Disciplines, North Caucasus Federal University.

Party-ideological program guidelines of political parties of Serbia at the turn of the 20th and beginning of the 21st centuries

Abstract. This article explores the specifics of the party and ideological programmatic approaches of Serbian political parties at the turn of the 20th and early 21st centuries. Serbia has a large number of political parties, so the article focuses on key actors in the party system, parties that wield significant political weight and influence the country's contemporary politics.

The article not only presents the programs of Serbian parties but also compares them, highlighting both their common ideological approaches and their differences. The article also focuses on the role of the Serbian Progressive Party, its significance, and its transformations.

The purpose of this article is to examine the specifics of the party and ideological programmatic approaches of Serbian political parties at the turn of the 20th and early 21st centuries.

The methods used in the study include analysis, comparison, and synthesis.

The results and conclusions of the study are as follows. An analysis of the party ideological platforms of Serbia's political parties suggests that they are focused on reducing the role of nationalism, as experience shows that it generates more supporters than exacerbating national problems. The priority is building a strong state based on stable politics and the economy.

Key words: political party, party program, party ideological guidelines, program guidelines, political system.

Введение

Актуальность и значимость исследования партийно-идеологических программных установок политических партий Сербии на рубеже XX – начала XXI веков обуславливается ролью ряда партий в политической системе страны. Программные документы современных партий Сербии формируют идеологическо-ценностную основу деятельности того или иного объединения. Программа партии содержит базовые принципы, направления. Это позволяет отличать партию от других субъектов политической деятельности. Важность и значимость программ обуславливается представительством партии в законодательных органах государства, что позволяет партии реализовывать программные установки.

Партии Сербии конкурируют между собой за избирателя, и программа партии – это не просто документ, это еще и инструмент для привлечения электората. В этой связи, каждая партия Сербии стремится найти механизмы взаимодействия с избирателем посредством провозглашенных идеологических ценностей. Политическая система Сербии постоянно видоизменяется под влиянием различных факторов, что оказывает влияние и на партии.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили как работы различных исследователей по исследуемой теме, так и программы конкретных партий Сербии. Метод анализа позволяет проанализировать ряд программных документов партии Сербии. Метод сравнения создает возможность для сравнения отдельных вопросов программ. Метод синтеза позволяет соединить в единое целое результат сравнительного анализа.

Литературный обзор

Проблема исследования на сегодняшний день недостаточно изучена в российской науке. В научной литературе отсутствуют комплексные труды, посвященные программным установкам сербских партий. В ходе исследования были проанализированы труды ученых, рассматривающих особенности понятия программы партии в целом в теории, что отражено в работах Е.С. Кабакаовой [7], В.И. Тимошенко [10], С.В. Решетникова, М.С. Мамекина [9]. Анализ программ, а также критики К.Боршева [6]. Д. Спасоевич [5]. В данном исследовании в большей степени анализируются программы и их содержание, в связи с чем, не ставилось целью обширного исследования мнений разных ученых.

Результаты

Результатами, полученными в ходе исследования, явились не отраженные в российской научной литературе данные об особенностях программно-идеологических установок ряда партий Сербии. Исследование позволило сравнить ряд положений программных установок и выделить общее признаки и отличия.

Обсуждение

Прежде чем перейти к обсуждению вопроса о программных установках политических партий Сербии, стоит кратко сказать о роли партийно-идеологических программных установок. Любая партия имеет ряд подсистем, обеспечивающих ее жизнедеятельность. Одной из таких подсистем выступает идеологическая. «Политические партии разрабатывают различ-

ные идеологические концепции и доктрины, включающие определенные идеалы, принципы, тактики и стратегии общественного развития, а также отражают ценности и волю тех социальных общностей, интересы которых представляют партии» [9, с. 102].

Программа партии имеет не только идеологическое значение, она является часть организации партийной структуры. Во многих государствах мира, закрепляется правило на необходимости наличия программ как обязательных элементов того или иного партийного объединения. В научной литературе при определении программы партии используется как термин политического текста, так и документа. Так, например, в энциклопедии «Дискурсологии» указывается на то, что «партийная программа – это первичный и самостоятельный тип текста в системе политической коммуникации» [8]. Однако также в данной энциклопедии указывается и на то, что программа партии выступает как «идентификационный признак» [8] политической партии, а также «документ, в котором формулируются идеологические установки партии» [8].

На позиции определения программы как определенного документа стоят и ряд других исследователей. Так, некоторые ученые указывают, что «партийные программы представляют собой уникальные сложно структурированные документы, их содержание изложено естественным нормативным языком, который рассчитан на широкое общественное восприятие» [10, с. 105]. Другие отмечают, что программа партии «представляет собой документ, в котором определяются основные цели и задачи по развитию страны, а также способы их достижения» [7, с. 515].

Таким образом, программа партии выступает как один из основных документов, закрепляющих партийно-идеологические установки партии: цели, задачи деятельности. Программа включает в себя перспективные направления развития государства, которые предлагаются партией, как субъектом политической деятельности.

Партийно-идеологические программные установки политических партий Сербии на рубеже XX – начала XXI веков имеют ряд схожих признаков в силу существующих проблем в государстве и необходимости их решения. В Сербии в силу высокой роли национального фактора в формировании и развитии политической системы, в определенный период времени было создано множество партий, представляющих национальные меньшинства. Именно этот фактор стал определенной детерминантой для разрастания партийной системы Сербии. Наличие большого количества партий порождает тенденции партикуляризма. Поскольку невозможно проанализировать каждую партию, одним из критериев выбора для анализа послужил критерий политического веса партии в рамках представленности в парламенте и количества членов партии.

Одно из центральных мест в партийной и в целом политической системе Сербии занимает Сербская прогрессивная партия (далее по тексту – СПП). Она имеет наибольшее количество членов партии в сравнении с другими партийными объединениями. Партия является доминирующей в Сербии. Это обусловлено тем, что Президент Республики Сербия А. Вучич долгое время занимал пост председателя партии и до сих пор он является членом данной партии. Программа партии была принята в 2011 г. Анализ программы показывает, что центральными векторами программы являются

экономическое развитие, верховенство права и вступление Сербии в ЕС [1]. Сербский исследователь Д. Спасоевич считает, что «СПС возникла как умеренная, проевропейская и правая партия» [5]. Одним из важных векторов программы является построение сильной экономики в Сербии. В программе также отражается позиция по Косово и Метохия как частей Сербии.

Преимущество программы партии заключается в том, что отбросив идеологический багаж военного времени, партия свела роль политики идентичности к умеренному социальному консерватизму. Партия приняла прорыночный экономический подход. Положительное значение в программе имеет национальный фактор. Партия не указывает на сербский народ, а поддерживает всех граждан Сербии. Однако партия сохранила популистские элементы для привлечения внимания и мотивации избирателей. Именно за популизм часто и критикуют СПС.

Кроме этого, в реализации программных установок есть ряд противоречий. «СПС хотела быть проевропейской, но при этом поддерживать хорошие отношения с Россией и Китаем. Найти баланс между сотрудничеством и конфликтом в регионе. И настроить против себя бывшие правящие партии и включить их членов в состав администрации» [5].

Социалистическая партия Сербии (далее по тексту – СПС) пропагандирует в своей программе социальную справедливость и равенство [2], что является основой для многих социалистический партий. «Патриотизм и социализм являются двумя столпами, на которых строится политика СПС, как отмечает лидер социалистов Ивица Дачич» [6].

Анализ программы партии показывает, что она отдает приоритет политическому развитию Сербии над экономическим развитием в отличие от СПП. К сходствам программ СПС и СПП относится вопрос Косово и Метохии как неотъемлемой части сербской идентичности и государственности.

К сходствам СПС и СПП можно отнести и умеренную позицию в отношении национального фактора. СПС заключила ряд с договоров в представителями партий национальных меньшинств.

Социал-демократическая партия Сербии (далее по тексту – СДПС) в своей программе применяет ценностный подход. Ценности являются некими точками роста в развитии Сербии. В качестве таких ценностей в

программе партии выступают «антифашизм, антинационализм, антипопулизм, патриотизм, реформизм и державный прагматизм [3].

В отличие от СПП, в программе, которой превалирует экономика, от СПС, где главным является политическое развитие, СДПС стоит на позиции антинационализма, что предполагает «запрет на этническое разделение, принципа добрососедских отношений в стране и регионе, опора на европейскую политику (ЕС) в реализации антинационализма, принцип межкультурного диалога (п.2 программы) [3]. Также в программе и встречается вопрос о Косово.

Демократическая партия Сербии (далее по тексту - ДПС) по сравнению с иными партиями имеет достаточно обширную программу, в которой в рамках идеологических ценностей есть сходство с СПС, так как партия на первое место ставит равенство и свободу [4]. ДПС выступает за сохранение Косово и Метохии в составе Сербии. Во внешней политике ДПС выступает за укрепление связей с Россией, Китаем и Индией.

Анализ программ трех политических партий Сербии показывает, что они выбрали позицию отхода от обострения национальных проблем, поскольку это дает определенное преимущество в рамках поддержки партий на выборах. Национализм и национальная идентичность, хотя попрежнему имеет значение, теперь не акцентируется партиями.

Заключение

Исследование партийно-идеологических программных установок политических партий Сербии на рубеже XX – начала XXI веков позволяет сделать следующие выводы. Программа партии выступает как один из основных документов, закрепляющих партийно-идеологические установки партии: цели, задачи деятельности, а также направления развития государства.

В ходе проведенного исследования были проанализированы программы таких партий Сербии, как: СПП, СПС, СДПС, ДПС. К сходствам партий стоит отнести наличие четкой структированности программ, приверженность политическим и экономическим целям развития. Неотъемлемым пунктом программ является решение вопроса Косово и Метохии как территорий исключительно Сербии. Кроме этого, партии не делают акцента на обострении национальных проблем. К отличиям относится ценность идеологии, которая ставиться в приоритет: для СПП – сильная экономика, для СПС сильная политика, для СДПС – антинаиционализм, для ДПС – свобода и равенство. Программы партий показывают, что партий Сербии стремятся снизить тему национализма, а также взаимодействуют с национальными меньшинствами для большего количества сторонников и победу на выборах.

Библиографический список:

1. Бела књига «Програмом до промена» Српска напредна странка. Октобар, 2011 // URL: https://www.sns.org.rs/sites/default/files/bela-knjiga_0.pdf
2. Програм Социјалистичке партије србије. Београд 11. децембар 2010 // URL: https://www.sps.org.rs/documents/PROGRAM%20SPS.pdf
3. Program Socijaldemokratske partije Srbije // URL: https://sdpsrbije.org.rs/wp-content/uploads/2023/03/PROGRAM-SDPS-12.12.2020.-Manifest.pdf
4. Програм Демократске странке // URL: https://ds.org.rs/documents/osnovni_dokumenti/ds-program.pdf
5. Spasojević Dušan From radical to mainstream: the ruling populists in Serbia // URL: https://theloop.ecpr.eu/from-radical-to-mainstream-the-ruling-populists-in-serbia/
6. Борщев К. Ивица Дачич: Социалистическая партия вечна, как и её идея // URL: https://balkanist.ru/ivitsa-dachich-sotsialisticheskaya-partiya-vechna-kak-i-eyo-ideya/
7. Кабакова Е.С. Программный документ политической партии как предмет фрейм-анализа // Документ в современном обществе: искусственный интеллект и цифровая трансформация: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024. С. 514-520.
8. Программа политической партии. Энциклопедия «Дискурсологии» // URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/728/776/cacfe7a7aac3455b2798c1916f82f4a9
9. Решетников С.В., Мамекин М.С. Понятие политической партии и партийной системы: теоретические аспекты // Труд. Профсоюзы. Общество 2022. № 1 (75). С. 98-107.
10. Тимошенко В. И.Предвыборные программы политических партий как предмет политологического анализа // PolitBook. 2021. № 4. С. 104-124.
11. Мельник С.В. Опыт преподавания дисциплин по тематике межрелигиозного диалога в российских ВУЗах // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 14-26.

Reference

1. Bela kíga “Programm do promena” Srpska napredna stranka. Oktobar, 2011 // URL: https://www.sns.org.rs/sites/default/files/bela-knjiga_0.pdf
2. Program of the Socialist Party of Srbije. Beograd 11. December 2010 // URL: https://www.sps.org.rs/documents/PROGRAM%20SPS.pdf
3. Program Socijaldemokratske partije Srbije // URL: https://sdpsrbije.org.rs/wp-content/uploads/2023/03/PROGRAM-SDPS-12.12.2020.-Manifest.pdf
4. Democratic Country Program // URL: https://ds.org.rs/documents/osnovni_dokumenti/ds-program.pdf
5. Spasojević Dušan From radical to mainstream: the ruling populists in Serbia // URL: https://theloop.ecpr.eu/from-radical-to-mainstream-the-ruling-populists-in-serbia/
6. Borschev K. Ivica Dacic: Socialist Party Eternal, like its idea // URL: https://balkanist.ru/ivitsa-dachich-sotsialisticheskaya-partiya-vechna-kak-i-eyo-ideya/
7. Kabakova E.S. The program document of a political party as a subject of frame analysis // Document in modern society: artificial intelligence and digital transformation: proceedings of the XVII All-Russian scientific and practical conference. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2024. P. 514-520.
8. Political party program. Encyclopedia of “Discourse Studies” // URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/728/776/cacfe7a7aac3455b2798c1916f82f4a9
9. Reshetnikov S.V., Mamekin M.S. The concept of a political party and party system: theoretical aspects // Trud. Trade Unions. Society 2022. № 1 (75). P. 98-107.
10. Timoshenko V.I. Election programs of political parties as a subject of political science analysis // PolitBook. 2021. № 4. P. 104-124.
11. Melnik S.V. The experience of teaching disciplines on interreligious dialogue in Russian universities // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 14-26.

Миркин В.В.
Доктор исторических наук, доцент, доцент Факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Левченко С.Е.
Магистр, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Трансформация полиграфических и коммуникационных технологий советской военной печати в 1941–1945 годах*

Аннотация. В работе рассматривается трансформация советской полиграфической системы в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Основное внимание уделяется адаптации печати к условиям военного времени, полиграфической отрасли при утрате значительной части материальной базы и мобилизации ресурсов на нужды фронта. Кроме того, в работе проводится анализ решений, которые позволили сохранить систему печати в условиях дефицита ресурсов. Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении способов адаптации, включая развитие мобильных типографий и создание специальных технических решений. Результаты исследования показывают, что советская полиграфическая системы была готова к быстрой трансформации, а также как экстремальные условия стимулировали развитие новых подходов к печати, многие из которых определили дальнейшее развитие отечественной полиграфии.

Ключевые слова: советская военная печать, полиграфические технологии, Великая Отечественная война, история науки и техники, мобильные типографии, выпуск печатной продукции, 1941–1945 годы.

* © Миркин В.В., Левченко С.Е., 2026.

Mirkin V.V.
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University. National Research Tomsk State University.

Levchenko S.E.
Master's Degree, National Research Tomsk State University.

Transformation of printing and communication technologies in Soviet military printing in 1941–1945

Abstract. This article examines the evolution of the Soviet printing system during the Great Patriotic War of 1941–1945. The focus is on technological innovations and the adaptation of the printing industry to the extreme conditions of wartime. The research problem is to study the transformation of the printing industry in the face of the loss of a significant part of its material base and the mobilization of resources for the needs of the front. The article analyzes the technical solutions that allowed the mass printing system to continue functioning in the face of severe resource constraints. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive examination of technological adaptations, including the development of mobile printing facilities and the creation of specialized technical solutions for various printing conditions. The results of the study demonstrate the ability of the Soviet printing system to rapidly transform. The study shows how extreme conditions stimulated the development of new technological approaches, many of which have shaped the future of Russian printing. This work significantly contributes to understanding the role of technological innovations in providing information support for military operations.

Key words: Soviet military printing, printing technologies, the Great Patriotic War, history of science and technology, mobile printing houses, production of printed materials, 1941–1945.

Введение

Период 1941–1945 гг. стал временем испытаний для всей советской инфраструктуры, включая полиграфическую отрасль и систему массовой печати. В условиях мобилизации ресурсов на нужды фронта и утраты значительной части производственной базы на оккупированных территориях развитие полиграфических и коммуникационных технологий в системе советской военной печати приобрело не столько научно-технический, сколько стратегический характер. Печать стала выступать важнейшим инструментом идеологического воздействия, поддержания морального духа войск и трансляции решений руководства на фронте и в тылу.

Технологические решения принимались в сжатые сроки, а критерием эф-

фективности выступали оперативность, мобильность и устойчивость к внешним воздействиям. Особый интерес переход от стационарных типографий к мобильным и подпольным печатным производствам, а также их адаптация ко фронту. Несмотря на значительное количество исследований, которые посвящены содержанию и пропагандистской роли военной печати, техническая и технологическая стороны остаются недостаточно раскрытыми. Внимание историков зачастую сосредоточено на содержании публикаций, тогда как вопросы материально-технического обеспечения типографского оборудования, логистики распространения печатной продукции и специфики работы в условиях боевых действий требуют отдельного изучения.

Результаты анализа, обзора литературы.

Из 220 издательств и 5000 полиграфических предприятий, работавших накануне войны, большое количество типографий находилось именно в Прибалтике, Белоруссии, Украине и Молдавии, в результате эвакуации техники в восточные регионы удалось передислоцировать лишь малую часть полиграфического оборудования.

В условиях начала Великой Отечественной войны, когда линия фронта смещалась в глубь страны, а экономика перестраивалась на военный лад, перед советской полиграфией встала задача обеспечить непрерывный выпуск газет, листовок и агитационных материалов в обстановке острого дефицита ресурсов. Началось форсированное развитие мобильных и адаптивных полиграфических средств. Начали создаваться походные и передвижные типографии, которые должны были следовать за частями Красной армии. Так сохранились сведения о монтаже типографского оборудования на шасси грузовых автомобилей,[1] чаще всего для указанных целей служило шасси грузовика ЗиС-5 – надёжной и ремонтопригодной машины, оптимально адаптированной к сложным эксплуатационным условиям. На базе ЗиС-5 серийно выпускался специальный армейский 2-дверный автобус, предназначавшийся для монтажа типографского, агитационного и звукового оборудования по заказу Политуправления РККА. Технические характеристики шасси определяли функциональные возможности мобильных комплексов, так грузоподъёмность составляла 3 т по шоссе и 2,5 т по грунтовым дорогам при полной массе до 6300 кг; 4-тактный карбюраторный двигатель ЗиС-5 мощностью 73л.с. (2300 об/мин); рабочий объём двигателя составлял 5,5, л., мощность двигателя в свою очередь 76 л.с. [2], которая обеспечивала максимальную скорость автомобиля до 60км/ч, а запас хода достигал 210 км. по шоссе и 150 км. по грунтовой дороге; ёмкость топливного бака 60 л. Габариты (длина–6060 мм., ширина–2335 мм., высота–2160 мм.) и проходимость позволяли использовать машину в прифронтовой полосе. При этом автомобили применялись с соблюдением мер маскировки, а подъезжать вплотную к передовой не рекомендовалось, в связи с шумом

двигателя, раскрывавшим позицию, и уязвимостью кузова.

Кроме того, для крупных фронтовых полиграфий, требовавших высокой производительности, были разработаны и введены в строй специализированные железнодорожные поезда-типографии, например, редакция газеты «Красноармейская правда» с мая 1942 года базировалась в районе станции Обнинское. Состав, включавший редакционный вагон, вагон для корреспондентов и полноценный типографский блок (наборный, стереотипный и печатный цеха), был встроен в структуру штаба Западного фронта. Ключевым техническим элементом комплекса выступала автономная электростанция мощностью 15 кВт, гарантировавшая энергоснабжение производственных процессов вне зависимости от состояния местной инфраструктуры. Набор текстов осуществлялся вручную, наборщики использовали шрифты, ориентируясь на закреплённую за каждой буквой ячейку. Стереотипный цех обеспечивал изготовление металлических форм-копий необходимых для стабильной многотиражной печати. Печатный участок с машиной малой ротации позволял выпускать четырёхполосную газету форматом 42×60 см со скоростью до 10 000 экземпляров в час-показатель значимый для оперативного снабжения войск актуальной информацией [3]. Кроме того, согласно воспоминаниям Иринарха Николаевича Колотилова газету «Северный путь» также печатали в вагоне-типографии [4].

В период Великой Отечественной войны возникла проблема острой нехватки расходных материалов, которая заставляла инженеров, технологов и редакционных работников искать нестандартные, подчас кустарные, но эффективные методы печати. Для упорядочения полиграфической деятельности и экономии ресурсов Главное политическое управление РККА согласно директиве ГЛАВПУ РККА № 75 от 12 мая 1942 г. об экономном расходовании бумаги политорганами и редакциями газет [5], ввело строгий контроль, ограничило перечень разрешённых изданий, закрепило порядок согласования тиражей и форматов, ввело отчётность по потреблению бумаги и обязательную отправку экземпляров печатной продукции в центр. Кроме того, полиграфистам приходилось осваивать нестандартные материалы, радикально пересматривая привычные представления о пригодности тех или иных основ для выпуска периодики, так, например, использовались обрывки бумаги [6] оборотная сторона обоев, ученические тетради [7], техническая бумага или же древесная кора, в условиях же лесных массивов и партизанских зон использовалась и береста, которая была приемлемой основой для печати, благодаря относительно ровной поверхности и достаточной плотности она позволяла получать читаемый оттиск даже при использовании упрощённых печатных форм и ручных приспособлений [8]. Когда заканчивались запасы типографской краски, использовались натуральные красители, данный способ хоть и уступал промышленным соста-

вам краски как по стойкости, так и по насыщенности цвета, однако позволял восполнить запасы в условиях дефицита.

Особую сложность создавало сокращение поставок комплектующих для оборудования. Износ матриц, нехватка литер и повреждение механизмов вынуждали применять методы ручного набора, а также адаптировать устаревшие устройства для нужд фронтовой печати. В ряде случаев типографии переходили на упрощённые шрифтовые гарнитуры и уменьшали формат изданий, чтобы экономить бумагу и сократить время подготовки издания. Кроме того, развивались и технологии быстрого тиражирования, так, например, использовалась трафаретная печать, которая позволила быстро выпускать листовки и сводки.

Параллельно с этим активно развивалась партизанская полиграфия, предназначенная для работы в глубоком тылу, где любое производство печати было сопряжено не только с техническими проблемами, но и с высокими рисками обнаружения [9]. Шум мог выдать расположение отряда, а громоздкое оборудование становилось обузой. От оборудования в таких условиях требовалась максимальная простота, малый вес, бесшумность и возможность быстрой эвакуации, эти критерии фактически определяли весь спектр допустимых технологических решений и нередко диктовали отказ от привычных промышленных стандартов в пользу примитивных, но максимально мобильных методов [10]. В качестве одного из таких методов получило распространение печать на восковке с помощью обычной механической пишущей машинки. Принцип заключался в том, что металлические литеры машинки оставляли на восковом слое выпуклые бороздки, которые затем прокатывались валиком с краской. Получалась хоть и примитивная, но работоспособная печатная форма, пригодная для тиражирования небольших объёмов листовок и сводок. Этот способ отличался тем, что не требовал сложного монтажа и мог быть развёрнут практически в любых условиях, а расходные материалы удавалось изготавливать или заменять с использованием подручных средств. Для повышения оперативности наборщики отказывались от громоздких стандартных касс, которые были неудобны и небезопасны в полевых условиях, и использовали набор в специальных мешочках, что позволяло быстро переносить шрифт с места на место и в любой момент свернуть работу, не оставляя следов типографской деятельности. Такая организация превращала процесс печати в гибкую, адаптированную к партизанской жизни технологию. В 1943 году, когда потребность в подобных устройствах достигла пика Ф.М. Пильциенко была создана портативная плоская печатная машина, специально спроектированная для условий подпольной печати. Ф.М. Пильциенко сумел совместить как надёжность конструкции, так и рекордно малые габариты, вес машины составлял около 12-15 кг., это позволило транспортировать её

даже в пешем строю. Она учитывала специфику партизанской работы, её можно было быстро разобрать, и также быстро собрать и запустить в работу. При этом прочность узлов и простота регулировки делали её пригодной для работы в тяжелых условиях [11]. Важным преимуществом машинки была ее совместимость с различными расходными материалами, она позволяла работать как на низкокачественной бумаге, так и использовать разведённую краску и самодельные формы. Дальнейшее совершенствование конструкции осуществлялось на основе рекомендаций, которые были даны партизанами полиграфистами, работающими в полевых условиях, в связи с чем литой барабан был заменён на пустотелый, а стальные элементы на детали из дюралюминия, что позволило снизить массу техники и повысить ее пригодность в полевых условиях. Итогом указанных доработок стала модель ППМ-3, которая отличалась мобильностью и обеспечивала оперативность развёртывания подпольных типографий. Развитие партизанской полиграфии отражало общую тенденцию военного времени, происходил переход от централизованных и ресурсоёмких производств к децентрализованным, адаптивным способам печати.

Период советской военной печати с 1944 по 1945 год сопровождался переходом к единым техническим решениям. Это было обусловлено спецификой завершающего этапа войны, в условиях наступательных операций и освобождения территорий перед полиграфией стояла задача не просто поддержать выпуск печатной продукции, а вернуть издательства на ранее захваченные территории. На освобождённых территориях активно использовалось трофейное оборудование, кроме того, воссоздавали разрушенные типографии и оперативно перебрасывали мобильные установки, что позволяло в короткие сроки наладить выпуск периодики [12].

Заключение

Таким образом, годы Великой Отечественной войны стали для советской полиграфии испытанием на прочность. Утратив две трети мощностей, отрасль в короткие сроки перешла от индустриальной модели к мобильной, адаптивной системе печати. Партизанские восковки, боевые листовки на бересте и эвакуированные в вагонах шрифты, всё было связано воедино, в тот момент когда не хватало материалов, люди своей отвагой закрывали эту брешь, а технологии помогали им с этим. К 1945 году советская полиграфия подошла с уникальным опытом, наработанным в годы войны, методы оперативной печати легли затем в основу послевоенного восстановления, а многие инженерные решения определили развитие отечественной полиграфии в мирное время. Тот факт, что несмотря на оккупацию, блокаду и тотальный дефицит, информация продолжала доходить до каждого солдата и каждого партизанского отряда, стало одной из побед, приблизивших разгром врага.

Библиографический список:

1. Попов Н.П. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941-1949 / Н.П. Попов. – М.: Воениздат, 1981. 416 с.
2. Голдина И.И. Развитие российского автомобилестроения и технической эксплуатации // АОН. 2018. № 5.
3. Прусакова Н.А. События Московской битвы. Образы времени: Музейный проект; Музей истории города Обнинска. – Калининград: Аксиос, 2015. С. 236-249.
4. Акиньхов Г.А. Северная прифронтовая Железнодорожники СЖД [Сев. ж. д.] в годы Великой Отеч. войны: Хроника [1941-1945] / Г.А. Акиньхов. – Вологда: Вологод. отд-ние СЖД, Красный Север, 1991. 244 с.
5. Директива ГЛАВПУ РККА об экономном расходовании бумаги политорганами и редакциями газет № 75 12 мая 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17(6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг.: Док. и материалы. – М.: Терра, 1996.
6. Директива ГЛАВПУ РККА об улучшении обеспечения красноармейцев почтовой бумагой и конвертами № 117 06 августа 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17(6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг.: Док. и материалы. – М.: Терра, 1996
7. Петров Ю.П. Партизанское движение Ленинградской области. 1941-1944 / Ю.П. Петров. – Ленинград: Лениздат, 1973. 454 с.
8. Чивилихин В.А. Память / В.А. Чивилихин. – Ленинград: Лениздат, 1983. 640 с.
9. Богданова И.Ф., Богданова Н.Ф. Белорусская периодическая печать в период Великой Отечественной войны. Библиография и книговедение. 2025. № 3. С. 71-90. // URL: https://doi.org/10.25281/2411-2305-2025-3-71-90 (Дата обращения 05.07.2026)
10. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1943 г.: Сб. док. / Ин-т истории партии Ленингр. обкома КПСС, Ленингр. отд-ние ин-та истории СССР АН СССР сост. А.Р. Дзенискевич [и др.]. – Л.: Лениздат, 1983. 410 с.
11. Партизанские были / Авт. – сост.: Т.А. Кляцкий, Н.П. Короткий, В.Я. Никандров, В.В. Зуева и др. – М.: Политиздат, 1965. 528 с
12. Павлова С.А. Книга и чтение в жизни партизан Беларуси: монография. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2011. 183 с.

Reference

1. Popov N.P. Soviet Military Press during the Great Patriotic War of 1941-1949 / N.P. Popov. Moscow: Voenizdat, 1981. 416 p.
2. Goldina I.I. Development of Russian Automobile Industry and Technical Operation // AON. 2018. № 5.
3. Prusakova N.A. Events of the Battle of Moscow. Images of Time: Museum Project; Obninsk History Museum. Kaliningrad: Axios, 2015. P. 236-249.
4. Akinkhov G.A. Northern Frontline Railway Workers of the Northern Railways during the Great Patriotic War: Chronicle [1941-1945] / G.A. Akinkhov. Vologda: Vologda Branch of the Northern Railways, Krasny Sever, 1991. 244 p.
5. Directive of the Glavpu of the Red Army on the economical use of paper by political agencies and newspaper editors, № 75, May 12, 1942 // Russian Archive: Great Patriotic War. Vol. 17(6). Main political organs of the USSR Armed Forces in the Great Patriotic War, 1941-1945: Documents and materials. Moscow: Terra, 1996.
6. Directive of the Glavpu of the Red Army on improving the supply of postal paper and envelopes to Red Army soldiers, № 117, August 6, 1942 // Russian Archive: Great Patriotic War. Vol. 17(6). Main political organs of the USSR Armed Forces in the Great Patriotic War, 1941-1945: Documents and materials. Moscow: Terra, 1996
7. Petrov Yu.P. The Partisan Movement of the Leningrad Region. 1941-1944 / Yu.P. Petrov. Leningrad: Lenizdat, 1973. 454 p.
8. Chivilikhin V.A. Memory / V.A. Chivilikhin. Leningrad: Lenizdat, 1983. 640 p.
9. Bogdanova I.F., Bogdanova, N.F. Belarusian Periodicals during the Great Patriotic War. Bibliography and Bibliology. 2025. № 3. pp. 71-90. // URL: https://doi.org/10.25281/2411-2305-2025-3-71-90 (July 5, 2026)
10. Behind Enemy Lines. The Fight of Partisans and Underground Fighters in the Occupied Territory of the Leningrad Region. 1943: Sat. doc. / Institute of Party History Leningrad. Regional Committee of the CPSU, Leningrad. Department of the Institute of History of the USSR, USSR Academy of Sciences comp. A. R. Dzeniskevich [and others]. – L.: Lenizdat, 1983. 410 p.
11. There were partisans / Author. – comp.: T.A. Klyatsky, N.P. Korotky, V.Ya. Nikandrov, V.V. Zueva and others – M.: Politizdat, 1965. 528 p.
12. Pavlova S.A. Book and reading in the life of Belarusian partisans: monograph. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts, 2011. 183 p.

Магсумов Т.А.
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики имени. З.Т. Шарафутдинова. Набережночелнинский государственный педагогический университет.

Становление Набережночелнинского государственного педагогического университета (1980–2002 годы)*

Аннотация. В статье рассматривается история становления Набережночелнинского государственного педагогического университета в 1980–2002 годах. Проанализированы процессы создания вуза на базе факультетов ЕГПИ, его выживания в условиях кризиса 1990-х годов, открытия новых факультетов и формирования научных школ. Особое внимание уделено роли первого ректора З.Т. Шарафутдинова, феномену выживания и развития вуза в сложных социально-экономических условиях 1990-х годов. Делается вывод о том, что заложенный в этот период фундамент позволил институту не только сохраниться, но и в дальнейшем получить статус университета.

Ключевые слова: история образования, педагогический вуз, Набережные Челны, З.Т. Шарафутдинов, педагогическое образование, Татарстан.

Magsumov T.A.
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Z.T. Sharafutdinov Department of Pedagogics, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University.

The formation of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University (1980–2002)

Abstract. The article examines the history of the formation of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University during the period from 1980 to 2002. The study analyzes the processes of establishing the university on the basis of faculties of Yelabuga State Pedagogical Institute, its survival during the crisis of the 1990s, the opening of new faculties, and the formation of scientific schools. Special attention is paid to the role of the first rector Z.T. Sharafutdinov and the phenomenon of the university's survival and development under the challenging socio-economic conditions of the 1990s. It is concluded that the foundation laid during this period not only enabled the institute to survive but also to subsequently obtain university status.

Key words: history of education, pedagogical university, Naberezhnye Chelny, Z.T. Sharafutdinov, teacher education, Tatarstan.

* © Магсумов Т.А., 2026.

Введение

История Набережночелнинского государственного педагогического университета – это удивительный пример того, как потребности динамично развивающегося индустриального центра привели к созданию одного из ведущих педагогических вузов региона. Официальная дата рождения вуза – 28 мая 1990 года, когда постановлением Совета Министров РСФСР № 172 был основан Набережночелнинский государственный педагогический институт (НГПИ). Однако, как это часто бывает в истории, судьбоносные события, предопределившие его появление, начались на целое десятилетие раньше, в 1980 году.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов Набережные Челны стали одним из наиболее динамично развивающихся городов Советского Союза, что было обусловлено масштабным промышленным строительством КАМАЗа. Стремительный прирост городского населения подтверждается официальной статистикой: порог в 200 тысяч жителей был преодолен в 1976 году, уже через три года, в 1979-м, численность достигла 300 тысяч, а к 1983 году превысила 400 тысяч человек. Столь интенсивная урбанизация сопровождалась вводом в эксплуатацию значительного числа общеобразовательных учреждений и дошкольных организаций, что создало острую потребность в педагогических кадрах высшей квалификации. Ответом на данный социальный запрос стало принятие в 1980 году решения о переводе педагогического факультета Елабужского государственного педагогического института в Набережные Челны, организационное руководство которым было возложено на Зиннура Талгатовича Шарафутдинова [1, С. 7-8]. Этот год по праву считается точкой отсчета истории университета, хотя его официальный статус был оформлен позже.

В контексте развития высшего педагогического образования в Татарстане создание НГПИ стало важнейшим событием, положившим начало формированию самостоятельного образовательного и научного центра в Закамском регионе. Вуз должен был решать двойную задачу: обеспечивать педагогическими кадрами стремительно растущий промышленный гигант и его окрестности, а также стать фундаментом для сохранения и развития национальной культуры и языков народов республики. Этот период (1980–2002 гг.) стал временем формирования базовых принципов, выбора пути и закладки того фундамента, на котором впоследствии вырос современный университет.

Историография высшего педагогического образования на рубеже в 1980-1990-х годах представлена несколькими тематическими направлениями: общей историей педагогических вузов [2; 3], историей вузов в контексте отдельных групп источников [4; 9]. Отдельную группу составляют публикации по истории НГПУ: юбилейный сборник [1], исследования о

факультете педагогики и психологии [5], а также биографическая работа о первом ректоре [7] и его очерк о вузе [8]. Газета «Укытучы» [6] выступает важным репрезентативным источником, отражающим официальную позицию администрации, студенческую повседневность и научную жизнь вуза.

Цель статьи – реконструировать процесс становления Набережночелнинского государственного педагогического университета в период 1980–2002 годов, выявив ключевые факторы, этапы и результаты его развития, а также определить вклад ведущих деятелей в создание и укрепление вуза как самостоятельного центра педагогического образования в Закамском регионе.

Результаты

1. Рождение университета в эпоху великих строек

Отсчет истории будущего вуза начинается с 1980 года. По инициативе ректора Елабужского государственного педагогического института (ЕГПИ) Т.Н. Галиуллина, первого секретаря горкома партии Набережных Челнов Р.К. Беляева и председателя горисполкома Р.Г. Гилязева было принято решение о переводе в Челны педагогического факультета ЕГПИ. Организационное сопровождение процесса передислокации педагогического факультета было поручено З.Т. Шарафутдинову, занимавшему в тот период должность декана. Первоначальным местом размещения подразделения стало здание Орловской восьмилетней школы. В 1980 году при факультете было учреждено отделение дошкольного воспитания, которое спустя четыре года трансформировалось в самостоятельный факультет. В 1984 году начал функционировать художественно-графический факультет [1, с. 8]. Именно данные три структурные единицы составили фундамент для последующего формирования независимого высшего учебного заведения. В 1983 году педагогический факультет был перемещён в новое помещение по адресу: ул. Первомайская, д. 14 (в настоящее время – учебный корпус № 1), причём возведение студенческого общежития осуществлялось при непосредственном содействии городских властей и личном участии Ю.И. Петрушина [5]. С 1980 и до 1990 года челнинские факультеты развивались обособленно от головного вуза, но их студенты получали дипломы ЕГПИ.

Активную роль в становлении и развитии материально-технической базы будущего института сыграли городские власти и промышленники градообразующего предприятия города – КАМАЗа. Инициативная группа, выступившая с предложением об учреждении в городе самостоятельного педагогического высшего учебного заведения, включала ключевые фигуры: председателя горсовета Ю.И. Петрушина, ректора Елабужского государственного педагогического института Т.Н. Галиуллина, а также З.Т. Ша-

рафутдинова. Кульминацией их усилий стало принятие 28 мая 1990 года постановления Совета Министров РСФСР № 172, которым юридически оформлялось создание Набережночелнинского государственного педагогического института. Данный нормативно-правовой акт закрепил официальный статус нового вуза и положил начало его функционированию как самостоятельной образовательной и научной структуры в системе высшего педагогического образования Российской Федерации. Это решение стало закономерным итогом десятилетней работы по созданию в городе полноценного центра педагогического образования.

Открытие института совпало с периодом глубочайшего социально-экономического кризиса в стране. В первые месяцы становления НГПИ не имел даже собственного счета в банке, что делало невозможной выплату зарплат и стипендий. Институт выжил благодаря экстренной помощи со стороны промышленных предприятий города – директоров картонно-бумажного комбината С.П. Титова и завода «Полимер» Э.А. Гасанова [1, с. 9], которые выделили материальные средства для поддержки молодого вуза.

Ректор З.Т. Шарафутдинов, впоследствии доктор педагогических наук, профессор, взял на себя руководство институтом в этот сложнейший период. Личность первого ректора во многом определила успех становления института в самые трудные годы. З.Т. Шарафутдинов (1950-2002) – выпускник филологического факультета ЕГПИ, ученый, изучавший педагогическое наследие татарского народа, и талантливый организатор. Он возглавлял педфак в Челнах в 1980-е и стал «отцом-основателем» самостоятельного института. Его отличали незаурядные организаторские способности, умение находить общий язык с городским руководством, строителями и промышленниками. Он сумел сформировать сплоченный коллектив единомышленников. Шарафутдинов лично занимался подбором кадров, приглашая в вуз талантливую молодежь и опытных ученых, в том числе из других городов. Он курировал открытие новых факультетов, аспирантуры, создание научного и редакционно-издательского советов. Его научные труды и личный вклад в развитие педагогического образования были отмечены званиями «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» и «Заслуженный деятель науки РТ».

Перед ним и его командой стояли задачи не только по выживанию, но и по развитию. В короткие сроки были сформированы ректорат, бухгалтерия, отдел кадров, административно-хозяйственная часть, библиотека и другие ключевые службы. Первым главным бухгалтером, начавшим свою работу 15 октября 1990 года, стала Ф.И. Аверьянова. Вместе с бухгалтером Е.В. Котельниковой она прошла через все трудности первых лет, когда учет велся вручную, а финансовые потоки только налаживались.

Отделом кадров в 1990-е годы руководили А.З. Хамитов и Н.Х. Гиль-

мутдинова. Канцелярию и делопроизводство возглавляла Р.М. Шафиева, а затем В.М. Гарипова. Первичная профсоюзная организация вуза, которую в разные годы возглавляли Г.Х. Самигуллин, Р.Н. Ярмиев и Н.Х. Шакирова, играла важнейшую роль в защите прав сотрудников и создании социальной поддержки. Председателем Ученого совета, высшего органа управления, являлся ректор З.Т. Шарафутдинов. Секретарями Ученого совета в этот период работали Н.Г. Хакимова (1990–1993), Н.М. Дудник (1993–1995), Р.В. Дараселия (1995–2003).

«В 1994 году, при деятельном содействии мэра города Р.З. Алтынбаева, институт получил второй учебный корпус» [1, с. 10], что позволило существенно улучшить условия для учебного процесса. Библиотека НГПИ, переехавшая в 1983 году в новое здание, имела к 1990 году фонд почти в 75 тысяч экземпляров. К 1998 году учебный фонд библиотеки насчитывал уже более 80 тысяч экземпляров. В 1993 году была открыта библиотека во втором учебном корпусе, а в 2003 году – зал периодических изданий. Заметим, что сложные 1990-е годы диктовали необходимость экономии: лекции, например, зачастую читались на неоснащенных аудиториях, а недостаток литературы частично компенсировался личными усилиями преподавателей.

2. Учебная деятельность: развитие факультетов и кафедр

Главным вектором развития института в 1990-е годы стало расширение спектра образовательных программ. Открывались новые факультеты и кафедры, отвечая на запросы региона и времени. К 1990 году в составе НГПИ уже было три факультета: педагогический, дошкольный и художественно-графический. Сразу же после обретения самостоятельности, в 1990 году, были открыты филологический и математический факультеты. В 1992 году появился географический факультет, а в 1997 году – факультет иностранных языков. Таким образом, за первое десятилетие самостоятельной жизни институт создал семь факультетов, которые и поныне остаются основой университета.

Педагогический факультет, старейший в вузе, продолжил подготовку учителей начальных классов. В 1990-е годы на факультете работали высококвалифицированные преподаватели, среди которых Х.Х. Хакимов, А.В. Миронов, Л.Г. Байкиева, Р.А. Закиров. В 1995 году на факультете была открыта специальность «Педагогика и психология». В эти годы факультет возглавляли: А.И. Сальников, З.Т. Шарафутдинов, А.В. Миронов, Л.Г. Латохина, Р.А. Закиров, Р.Г. Шакиров, Н.Г. Хакимова. Первых студентов факультета учили и воспитывали опытнейшие преподаватели, настоящие профессионалы своего дела.

Факультет дошкольного воспитания (дошфак), ставший самостоятельным еще в 1984 году, в 1990-е годы готовил воспитателей и психологов для

дошкольных учреждений. В 2000 году факультет начал осваивать специальность «Методическая работа в дошкольных учреждениях». Деканом факультета в этот период были Р.Х. Мухутдинов, Н.Г. Хасанов, Ф.Р. Юзликаев, А.И. Фукин, А.Г. Хуснуллин. В составе факультета работали кафедра дошкольной педагогики (зав. – профессор М.И. Богомолова) и кафедра теории и методики дошкольного образования (зав. – доцент Р.Х.Мухутдинов).

Художественно-графический факультет в 1990-е годы продолжал подготовку учителей изобразительного искусства, черчения и труда. В 1991 году был организован прием на татарское отделение, а в 1993 – открыта заочная форма обучения. Деканом факультета с 1995 по 2014 год был В.С. Бадаев, а заведующим кафедрой изобразительного искусства в разные годы – В.А. Клименко, А.У. Яппаров. На факультете преподавали в разное время и преподают выпускники факультета И.В. Комадорова, В.Н. Минсабирова, Л.Р. Букина, А.Х. Шайхелисламов, К.Х. Карамова, Э.Г. Ахметшина, И.В. Лебедева, А.Р. Гатина, С.М. Арефьева, Т.В.Васильева, Л.Л. Хамитова, Т.Р. Азиуллина, Д.А.Хамзина, Г.А. Лотфуллина, Ч.Д. Юсупова, М. Салахутдинов, Н.В. Амирова, Ф.Ф. Гайфутдинов, Л.Х. Кадырова, Р.З. Валиева, С.В. Большакова, Б.В. Киселев, Г.В. Ахтямова и др.

Математический факультет, открытый 1 сентября 1990 года, стал готовить учителей математики, а с 1995 года – и информатики, что было крайне своевременным шагом в эпоху компьютеризации. Первым деканом стал Р.М. Зайниев, его сменил на период 1992–2006 годов И.А. Шакиров. На факультете были созданы кафедра математики и методики её преподавания (основатель – Р.М. Зайниев) и кафедра математического анализа (основана в 1994 году, заведующий – Н.С. Габбасов (ныне доктор физико-математических наук, профессор Н.С. Габбасов работает в Набережночелнинском институте КФУ, руководит кафедрой математики.)). Важной вехой стало открытие в 1991 году татарского отделения, где преподавание велось на родном языке.

Филологический факультет, также созданный в 1990 году, готовил учителей татарского и русского языков и литературы. В 1991 году было открыто заочное отделение. Первым деканом стал доктор филологических наук, профессор А.М. Шарипов. Далее факультет возглавляли Р.А. Закиров, Р.С. Абдуллина, З.А. Казыханова, Н.С. Толстогузова (Исмагилова). В 1994 году на русском отделении ввели дополнительную специальность «Английский язык», а в 1995-м на татарском – «Учитель-филолог в условиях двуязычия». Факультет активно развивался, и к 1996 году в его составе уже были кафедры татарской филологии, русского языка и литературы, истории педагогики, педагогики и психологии, общественных наук.

Географический факультет был открыт в 1992 году по инициативе профессора А.Г. Мусина для подготовки учителей географии и биологии. Пер-

вым деканом стал доцент А.Г. Хуснуллин. В 1995 году была создана кафедра географии и методики ее преподавания, которую возглавил А.Г. Мусин. Основу факультета составили опытные специалисты А.Г. Хуснуллин, Р.С. Зарипова, М.С. Самигуллина, А.Х. Хакимова, А.М. Гайфутдинов, С.Н. Лесовая и др.

Факультет иностранных языков был создан в 1997 году. Его деканом стал кандидат педагогических наук, доцент И.А. Алишев. В состав факультета вошла кафедра английской филологии.

Не менее важным было развитие заочного отделения. В 1990-е годы на нем обучалось более 1500 студентов. Проректором по учебной работе на заочном отделении был Х.М. Нургалиев. Именно на заочное отделение возлагалась особая миссия: дать возможность получить высшее образование работающим учителям и воспитателям, повышая их квалификацию без отрыва от производства. Этому способствовали и зональные совещания, проводимые на базе института, например, в 1992 и 1995 годах, где обсуждались проблемы профессиональной направленности преподавания и перехода на новые государственные стандарты.

Приемная комиссия, работавшая под руководством ректора, на протяжении всех 1990-х годов сталкивалась с колоссальным спросом на педагогические специальности. Конкурс был стабильно высоким: от 3 до 5-6 человек на место на разных факультетах. Например, в 1999 году общий конкурс в НГПИ составил 3,3 человека на место, при этом на педагогический факультет – 5 человек, а на географический – 4-5. Качество набора было высоким, средний балл абитуриентов колебался около 4 баллов, а значительная часть студентов-выпускников школ получали награды за успехи в учебе.

Выпускники института были востребованы на рынке труда. Высокий процент трудоустройства, особенно по педагогическим специальностям, был визитной карточкой НГПИ. Многие студенты начинали работать в школах и детских садах города еще на старших курсах. Этому способствовала широкая сеть баз практик: институт заключил около 50 договоров о сотрудничестве со школами, гимназиями и лицеями Набережных Челнов и региона. В качестве примера можно привести сотрудничество со школами № 2, 21, 42, 44, 54, 56, 60, гимназией № 2 им. Мулланура Вахитова, школами Нижнекамска. Благодаря этому студенты проходили качественную практику и быстро адаптировались к профессии.

Качество образования также поддерживалось активной работой учебно-методического отдела, который в разные годы возглавляли Л.З. Егорова, Р.Г. Амиров, С.Ф. Мустафина, Р.С. Зарипова, А.Р. Хасанова. Учебную работу в НГПУ курировали проректора: А.Г. Мусин (1990-1991), Р.А. Закиров (1991-1992, 1992-1995 гг.), Х.М. Нургалиев (1995-2002 гг.).

Преподаватели активно разрабатывали учебные планы, методические пособия и спецкурсы, стремясь привести образование в соответствие с новыми государственными стандартами, а также с региональной спецификой и новыми веяниями в педагогике, такими как гуманизация и демократизация.

3. Воспитательная работа и студенческая жизнь

Студенческая жизнь в 1980-е – 1990-е годы была не менее насыщенной, чем учебная. Именно в этот период сложились многие традиции вуза.

Воспитательная работа в НГПИ всегда была неотъемлемой частью образовательного процесса. В 1990-е годы, в период крушения прежней идеологической системы и становления новых ценностей, она приобрела особое значение. В 1993 году НГПИ ввел должность проректора по работе с молодежью, на которую был назначен кандидат физико-математических наук Р.М. Зайниев. В 1997 году эту должность занял Р.Г. Шакиров, а с 2002 года воспитательную работу курировал помощник ректора по работе с молодежью В.Л. Гусев. На основе Закона Республики Татарстан «О молодежи» была разработана комплексная молодежная программа развития института на 1995–2000 годы, ставшая фундаментом всей воспитательной работы.

Для координации внеучебной деятельности был создан отдел по работе с молодежью. При проректоре регулярно проводились совещания с деканами, заведующими кафедрами и студенческим активом. Важную роль играл Совет кураторов, возобновивший свою деятельность с 1998 года. Воспитательная работа велась по трем основным направлениям: организационные мероприятия, внеаудиторная работа и работа в общежитии. С 1998 года была запущена программа по профилактике наркомании, алкоголизма и ВИЧ-инфекции под названием «Здоровье».

С первых лет существования факультетов, а затем и самостоятельного института, здесь царила атмосфера творчества и инициативы. Еще в 1980-е на педфаке студенты создали стройотряд «Дидаскалы», который участвовал в строительстве санатория и школы в Челнах. В 1990-е годы эстафету подхватили новые поколения. Проводились традиционные для того времени смотры художественной самодеятельности, конкурсы «Студенческая весна» (педагогический факультет не раз становился победителем), КВН, «Поле чудес», «Что? Где? Когда?». В 1996 году студенты географического факультета организовали первый туристический клуб. Администрация вуза выделяла средства на поощрение активистов. Центральным событием студенческой жизни был ежегодный фестиваль «Студенческая весна», в котором участвовали все факультеты. В 1996 и 1997 годах победу одерживал педагогический факультет. Проводились КВН, вечера отдыха,

конкурсы «Мисс НГПИ», встречи с писателями и деятелями культуры. В 1996 году при географическом факультете был создан туристический клуб, позже преобразованный в спелеологическую секцию. Особой популярностью пользовались походы на Южный Урал и Кавказ.

Большую роль в воспитании играла институтская газета «Укытучы», первый номер которой вышел в мае 1995 года. Она издавалась на татарском и русском языках и стала важной площадкой для обсуждения студенческой жизни. Активное участие в её работе принимали преподаватели и студенты.

Кафедра физического воспитания, которую в этот период возглавляли М.К. Галиев и А.М. Ахметов, проводила внутривузовские спартакиады. Сборные команды НГПИ занимали призовые места на городских и республиканских соревнованиях по баскетболу, волейболу, легкой атлетике, лыжным гонкам. В 1998 году команда пединститута заняла общее первое место на городской спортивной неделе. Студенты становились чемпионами по национальной борьбе «Курэш», греко-римской борьбе, армспорту. В 1999 году Ильнур Хусаинов занял 1 место на первенстве Татарстана по «Курэшу». В институте были воспитаны мастера спорта, такие как Р.Г. Хабибрахманов, который в 2001 году стал чемпионом России по греко-римской борьбе среди ветеранов.

Особое место занимало патриотическое воспитание. Традиционными стали мероприятия, посвященные Дню Победы. Значимый вклад внес доцент И.А. Алишев, инициировавший проект «Духовно-нравственное воспитание студентов на героическом наследии джалилевцев», который перерос в общегородское мероприятие у памятника Мусе Джалилю. Студенты и преподаватели участвовали в шествии, организовывали литературно-музыкальные вечера. Проводились встречи с ветеранами войны и тружениками тыла.

Особое внимание уделялось воспитательной работе в общежитии. Студенческий совет общежития совместно с профкомом следил за порядком, организовывал досуг, проводил культурные и спортивные мероприятия. Были оборудованы комнаты отдыха, спортивный зал. Установлены связи с правоохранительными органами. В 1998 году было принято решение продолжить работу студенческого отряда правопорядка.

В НГПИ была разработана и принята концепция студенческого самоуправления, включающая правила внутреннего распорядка в общежитии, положение о кураторе и Совете студентов. Ректорат и преподаватели стремились к тому, чтобы воспитание воспринималось как самовоспитание, работая в тесном контакте со студенческим профкомом, который в 1996 году возглавлял Ф.К. Шигапов. В 1996 году студенты НГПИ делегировали своих представителей на конгресс студентов Республики Татарстан.

4. Научно-исследовательская деятельность

Научная работа в НГПИ с первых дней его существования была признана одним из приоритетных направлений. В 1990 году был создан отдел, отвечающий за науку.

Общее руководство научными исследованиями осуществлял Ученый совет института под председательством ректора З.Т. Шарафутдинова. На начальном этапе научная база была скромной, но уже к середине 1990-х годов в НГПИ сформировались мощные научные школы, определявшие вектор развития педагогической науки в регионе.

Школа истории педагогики и национального образования. Основатель – первый ректор З.Т. Шарафутдинов. Его исследования посвящены педагогическому наследию Казанской лингвистической школы, педагогическому пространству татарского народа. Монографии «История и педагогические традиции Казанской лингвистической школы» (1991), «Педагогическое пространство татарского народа» (1998) стали классикой отечественной педагогической мысли.

Школа татарской диалектологии и филологии. Основатель – профессор Г.Х. Ахатов, выдающийся тюрколог, автор фундаментальных трудов по диалектологии татарского языка («Диалект западносибирских татар», «Татарская диалектология»). Его работы получили международное признание. Также в этой сфере активно работали А.М. Шарипов (история древнетюркской литературы), Р.А. Закиров (лексикология, билингвизм), Д.Н. Абрамова (история русского языка, словообразование в трудах М.В. Ломоносова).

Школа экологического и естественнонаучного образования. Основатель – профессор А.В. Миронов, автор концепции экологического образования учителя начальных классов. На географическом факультете под руководством профессора А.Г. Мусина велись фундаментальные исследования по карстоведению, геоэкологии Прикамья, гидрохимии. В 1995–1996 годах преподаватели кафедры географии участвовали в разработке государственного образовательного стандарта.

Школа математического образования. Основатель – профессор И.С. Сафуанов, разработавший генетический подход к обучению математическим дисциплинам. Его работы публиковались в международных журналах, он выступал на конференциях в Европе, Азии и США.

Профессор Л.Ю. Сироткин развивал направление семейной педагогики, организовав «Школу отцовства».

В 1990-е годы произошел качественный скачок в уровне научной квалификации преподавателей. Если в 1990 году в институте был только один доктор наук (А.Г. Мусин), то к 1997 году их стало пятеро, а к 2002 году защиты докторских диссертаций стали регулярными. В 1993 году впервые за-

щитил докторскую диссертацию «свой, коренной» преподаватель М.Ф. Ганеев. Вскоре его почин подхватили А.В. Миронов (доктор педагогических наук, 1994), Н.С. Габбасов (доктор физико-математических наук, 1996), Л.Ю. Сироткин, З.Т. Шарафутдинов (доктор педагогических наук, 1999).

В 2001 году в вузе была открыта аспирантура по специальностям «Общая педагогика, история педагогики и образования», «Теория и методика обучения и воспитания», «Геоморфология и эволюционная география». Это стало важнейшим шагом в подготовке научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Преподаватели активно публиковали свои работы, выступали на конференциях. В 1995 году издание «Вестника НГПИ» было признано важным для повышения уровня научной работы, а в постановлении Ученого совета от 1995 года было записано: «не рассматривать вопрос об избрании лиц на должность старших преподавателей, имеющих менее трех изданных работ за последние 5 лет» . Среди наиболее отличившихся в издательской деятельности в 1995 году были кафедра естествознания (26 работ), кафедра истории педагогики и психологии (21 работа), кафедра МНО (17 работ), кафедра русского языка и литературы (13 работ), кафедра общественных наук (13 работ).

В 1996 году по решению Ученого совета начал издаваться сборник научных трудов «Вестник НГПИ» (главный редактор – З.Т. Шарафутдинов). Это событие стало новым качественным скачком в повышении уровня научных исследований. Вуз стал организатором многочисленных региональных, всероссийских и международных научно-практических конференций по проблемам природопользования, экологического образования, суверенизации образования в Татарстане. В 2000–2001 годах конференции стали международными.

На всех кафедрах функционировали студенческие научные кружки и проблемные группы. С 1991 года ежегодно проводилась студенческая научная конференция, завершавшая «Неделю творческой деятельности». Студенты участвовали в республиканских и всероссийских конкурсах, публиковали тезисы докладов.

5. Внешние связи

Международная деятельность вуза в период 1980–2002 гг. находилась на этапе становления, однако именно в эти годы были заложены первые контакты. Будущее вуза напрямую зависело от его интеграции в образовательное пространство города, республики и, в перспективе, мира. Вся деятельность по налаживанию внешних контактов была подчинена главной задаче – подготовке высококвалифицированных педагогических кадров.

Уже в 1990 году институт посетил профессор Нью-Йоркского техно-

логического института Рифат Таби, который высоко оценил усилия педагогического коллектива по восстановлению преемственности татарской педагогики и исследовательскую работу З.Т. Шарафутдинова. В 1999 году преподаватели НГПИ принимали участие во Всемирном конгрессе татар, что расширило международные связи вуза, особенно в части взаимодействия с татарскими диаспорами в Турции, Германии и других странах. В 2002 году в НГПИ прошла Всероссийская олимпиада по английскому языку с участием студентов из многих регионов России.

В 1990-е годы преподаватели вуза (И.С. Сафуанов, А.Г. Мусин, Р.Д. Шакирова) начали принимать участие в международных конференциях, налаживать контакты с коллегами из стран Европы, Азии и СНГ. Вуз начал принимать иностранных студентов из стран ближнего зарубежья.

Центральным звеном внешней политики института стало тесное сотрудничество с образовательными учреждениями города и региона. Профессорско-преподавательский состав НГПИ не только читал лекции, но и активно работал по совместительству в школах, колледжах и Институте непрерывного педагогического образования (ИНПО). В свою очередь, лучшие учителя-практики (И.Г. Гилязов, Г.Н. Спирчин и др.) привлекались к преподаванию на кафедрах. Эта взаимная интеграция позволяла поддерживать высокий уровень практико-ориентированности обучения.

Преподаватели читали лекции и проводили семинары для учителей, входили в состав экзаменационных комиссий, издавали методические пособия. Среди них – работы доцента Р.Н. Мазитова «Методика опытно-исследовательской работы на учебно-опытном участке» и «Выращивание цветочно-декоративных травянистых растений в школе», которые использовались в школах республики. Кафедра педагогики и психологии проводила регулярные семинары для школьных учителей, что делало институт важным центром повышения квалификации педагогов региона.

Организация педагогической практики была основана на разветвленной сети договоров с десятками школ, гимназий и детских садов (№ 2, 21, 42, 44, 54, 56, 60, гимназия № 2 и др.). Студенты не только проходили практику, но и закреплялись на будущих рабочих местах. Особые формы практик проходили на художественно-графическом (музейная практика) и географическом (работа в оздоровительных лагерях) факультетах.

НГПИ активно взаимодействовал с крупнейшими педагогическими университетами России: МПГУ, РГПУ им. А.И. Герцена, КГПУ, Казанским государственным университетом. Это сотрудничество включало обмен опытом, стажировки преподавателей, совместные научные проекты и защиту диссертаций аспирантами в ведущих научных центрах. Преподаватели кафедры изобразительного искусства, такие как В.С. Бадаев, прохо-

дили стажировки в МПГУ, а выпускники этого вуза приезжали на работу в НГПИ.

Заключение

Период 1980–2002 годов стал временем становления и бурного роста Набережночелнинского педагогического института. Родившись из насущной потребности индустриального города, пройдя путь от небольшого филиала до крупного, признанного в регионе и стране педагогического вуза, через трудности первых лет и «лихие» 1990-е, вуз не только выжил, но и состоялся как самостоятельная единица образовательного и научного пространства России.

Ключевыми результатами этого этапа стали:

1) Создание устойчивой организационной и учебно-методической структуры, включающей семь факультетов и более двадцати кафедр, охватывающих практически все педагогические специальности; несмотря на все трудности, были построены и приобретены два учебных корпуса и общежитие.

2) Формирование высококвалифицированного кадрового корпуса, преданного своему делу, ядро которого составили «свои» выпускники и в котором 73% преподавателей имели ученые степени и звания, а также рост числа докторов и кандидатов наук.

3) Открытие аспирантуры, что позволило институту перейти на качественно новый уровень научной деятельности.

4) Стабильный высокий спрос со стороны абитуриентов и трудоустройство выпускников, что подтверждало высокое качество образования и репутацию вуза.

5) Закладка основ для будущего развития в области международного сотрудничества, информационных технологий, воспитательной и спортивной работы.

Главные вызовы, с которыми столкнулся вуз в этот период, – это острая нехватка финансирования и материально-технической базы, которые приходилось решать за счет платных услуг и поддержки социальных партнеров. Именно в эти трудные годы закалялся характер вуза, его способность адаптироваться и выживать. Этот опыт позволил институту не только дожить до нового века, но и начать новую главу своей истории, уже в статусе университета, используя заложенный в 1990-е годы фундамент для качественного прорыва в новом тысячелетии.

Библиографический список:

1. 30 лет НГПУ / ответственный редактор Т.А. Магсумов. – Елабуга, 2020.
2. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы: 50 лет созидания /

ответственный редактор Т.М. Аминов. – Уфа, 2017. 296 с.
3. Гайрабеков А.Я. Чеченский государственный педагогический университет в 1980-2020 гг. // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 28. № 2 (30). С. 94-104.
4. Ивлева Я.А., Цымбалист Д.Л. История Евпаторийского института социальных наук на страницах газет 1980-х - 1990-х гг. // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-2. С. 209-211.
5. Магсумов Т.А., Хакимова Н.Г. Полвека факультету педагогики и психологии Набережночелнинского государственного педагогического университета // Журнал Министерства народного просвещения. 2024. № 11 (2). С. 66-84. – DOI: 10.13187/zhmnp.2024.11.66.
6. Укытучы [Учитель]: газета Набережночелнинского государственного педагогического университета. Набережные Челны, 1995. № 1. 2002. № 7 (43).
7. Хакимова Н.Г., Магсумов Т.А. Зиннур Талгатович Шарафутдинов (1950-2002) – первый ректор Набережночелнинского пединститута // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12. № 1-2. С. 147-153.
8. Шарафутдинов З.Т. Становление и развитие Набережночелнинского государственного педагогического института. – Набережные Челны, 1998. 64 с.
9. Шелудько А.С. Создание Биробиджанского государственного педагогического института (по архивным документам конца 1980-х - начала 1990-х гг.) // Образование и воспитание. 2026. № 1 (64). С. 1-3.
10. Милованов А.В. Свободное воспитание как педагогическая парадигма в отечественной образовательной мысли конца XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 236-244.

Reference

1. 30 years of NSPU / executive editor T.A. Magsumov. – Yelabuga, 2020.
2. Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmully: 50 years of creation / executive editor T. M. Aminov. – Ufa, 2017. 296 p.
3. Gairabekov A.Ya. Chechen State Pedagogical University in 1980-2020. // News of the Chechen State Pedagogical University. Series 1. Humanities and social sciences. 2020. Vol. 28. № 2 (30). P. 94-104.
4. Ivleva Y.A., Tsymbalist D.L. History of the Evpatoria Institute of Social Sciences on the pages of newspapers in the 1980s - 1990s. // Problems of modern pedagogical education. 2025. № 87-2. P. 209-211.
5. Magsumov T.A., Khakimova N.G. Half a Century of the Faculty of Pedagogy and Psychology of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University // Journal of the Ministry of Public Education. 2024. № 11 (2). P. 66-84. – DOI: 10.13187/zhmnp.2024.11.66.
6. Ukytuchy [Teacher]: newspaper of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. Naberezhnye Chelny, 1995. № 1. 2002. № 7 (43).
7. Khakimova N.G., Magsumov T.A. Zinnur Talgatovich Sharafutdinov (1950-2002) – the first rector of the Naberezhnye Chelny Pedagogical Institute // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Vol. 12. № 1-2. P. 147-153.
8. Sharafutdinov Z.T. Formation and development of the Naberezhnye Chelny State Pedagogical Institute. – Naberezhnye Chelny, 1998. 64 p.
9. Sheludko A.S. Establishment of the Birobidzhan State Pedagogical Institute (based on archival documents from the late 1980s - early 1990s) // Education and Upbringing. 2026. № 1 (64). P. 1-3.
10. Milovanov A.V. Free education as a pedagogical paradigm in domestic educational thought at the end of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 236-244.

Неумоин А.М.
Аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Республика Мордовия, г. Саранск.

Роль «второстепенных» интервентов и их взаимодействие с белым движением в 1918-1920 гг.*

Аннотация. В статье рассматривается роль «второстепенных» интервентов в период Гражданской войны в России. В рассматриваемый исторический период активными участниками военного вмешательства были военные из Британии и Франции, однако такие «второстепенные» страны, как Греция, Италия, Сербия, Польша, Румыния также принимали участие в боевых действиях на территории Юга России. Греция преследовала своей целью получить территории в Малой Азии в обмен на помощь с противостоянием большевистской угрозе в России. Военные из Греции представляли собой наиболее боеспособные соединения коалиции союзников, поскольку страна достаточно поздно вступила в Первую мировую войну (летом 1917 года). В рамках выполнения союзнических обязательств греки проявили себя как дисциплинированные, ответственные военные, которые способны выполнять поставленные стратегические задачи общего командования. Однако низкая мотивация к сопротивлению со стороны представителей Белого движения, а также усталость британских и французских солдат и матросов, офицерского корпуса привели к уходу с территории Юга России коалиционных войск, в том числе и греческих военных. Участие Румынии, Сербии, Италии, Польши диктовалось различными целями и мотивами. Они касались коалиционных действий против большевиков на Юге России, национальных интересов отдельных стран, реализации геополитических притязаний, территориальных приобретений. При этом, например, установки лидеров Белого движения о неделимой России входили в противоречие с интересами Польши и Румынии, которые хотели расширить территории своих стран за счет нашей страны. Их прямой интерес заключался в ослаблении России, чтобы воспользоваться неспособностью руководства страны противопоставить ничего «союзникам» из стран Антанты. В конечном счете вклад «второстепенных» участников был достаточно скромным, поэтому они в начале 1919 года начали постепенно покидать Россию.

Ключевые слова: Гражданская война, «второстепенные» интервенты, Белое движение, большевики, Греческий корпус.

Neumoin A.M.
Postgraduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Plekhanov Russian University of Economics", Republic of Mordovia, Saransk.

* © Неумоин А.М., 2026.

Russian the role of the «secondary» interventors and their interaction with the white movement in 1918-1920

Abstract. The article examines the role of «minor» interventionists during the Russian Civil War. During the historical period under review, military personnel from Britain and France were active participants in military intervention, however, such «secondary» countries as Greece, Italy, Serbia, Poland, and Romania also participated in hostilities in Southern Russia. Greece aimed to gain territories in Asia Minor in exchange for assistance in countering the Bolshevik threat in Russia. The military from Greece represented the most combat-ready formations of the Allied coalition, since the country entered the First World War rather late (in the summer of 1917). As part of their allied obligations, the Greeks proved to be disciplined and responsible military personnel who were capable of fulfilling the strategic objectives set by the overall command. However, the lack of motivation for resistance on the part of the White movement, as well as the fatigue of the British and French soldiers and sailors, and the officer corps, led to the withdrawal of the coalition forces, including the Greek military, from the southern regions of Russia. The participation of Romania, Serbia, Italy, and Poland was driven by various goals and motivations. They concerned coalition actions against the Bolsheviks in the South of Russia, the national interests of individual countries, the realization of geopolitical ambitions, and territorial acquisitions. At the same time, for example, the White movement's leaders' vision of an indivisible Russia clashed with the interests of Poland and Romania, who sought to expand their territories at the expense of Russia. Their primary goal was to weaken Russia and take advantage of its inability to counter the «allies» from the Entente countries. In the end, the contribution of the «minor» participants was rather modest, so they began to leave Russia gradually in early 1919.

Key words: Civil War, "secondary" interventionists, White movement, Bolsheviks, Greek Corps.

Введение

После окончания Первой Мировой войны коалиционные силы стран Антанты стали разрабатывать планы, которые касались высадки своих войск на территории Юга России. В рамках иностранной интервенции преследовались различные цели, которые касались выдавливания с территории нашей страны остатков немецких военных и их союзников, а также противостояния большевикам, экономической изоляции в отношении власти советов. Дополнительно к этому рассматривались планы по информационному воздействию на новую российскую власть, поскольку требовалось привлечь как можно больше союзников из числа европейских государств. Всему миру необходимо было показать, что страны Антанты являются победителями не только в Первой Мировой войне, но и основной силой, которая позволит сдержать и уничтожить большевистскую угрозу.

В конечном счете стали привлекаться к военной операции «второстепенные» участники иностранной интервенции на Юге России, которые

преследовали свои интересы и цели. Сам факт вмешательства был не такой масштабный и весомый, поскольку Сербия, Румыния, Италия отправили на территорию России незначительное число своих военных. Однако участие в иностранной интервенции Греции и Польши было более весомым, поскольку оба государства решали идентичные задачи – аннексировать часть территорий Северного Причерноморья и Крыма, используя в качестве оправдания захватнических действий идею возвращения исторически утраченных земель. Польша хотела максимально возможно восстановить территории бывшей Речи Посполитой, а Греция – античного периода собственной государственности и могущества [8].

В отношении представителей Белого движения активное взаимодействие происходило преимущественно с военными из Греции и Польши, поскольку румыны, сербы, итальянцы были заняты охраной стратегически важных объектов в тылу (продовольственные склады, вооружение и т.д.). Их немногочисленное число не позволяло считать их серьезной военной угрозой для Красной армии, поэтому коалиционное командование использовало «второстепенных» участников интервенции как резерв. В частности, британское руководство в первую очередь осуществляло взаимодействие с французами, поляками и греками, не поддерживая активных контактов с правительствами Румынии, Сербии и Италии [6].

При помощи «второстепенных» участников союзники по Антанте продолжали обеспечивать охрану своих активов на территории Юга России во время противостояния на поле боя с войсками советской России. В конце 1919 года руководство Англии открыто выступило с инициативой прекратить поддержку Белого движения на Юге России, поскольку там были задействованы существенные людские ресурсы и материальные средства, не дававшие нужный результат. После ухода французов и «второстепенных» участников иностранной интервенции в 1920 году, практически все британские корабли и сухопутные войска покинули Юг России, тем самым прекратив военную операцию против сил Красной армии [10].

Материалы и методы

Методология исследования в рамках написания данной научной статьи базируется на основных принципах системного анализа и исторического рассмотрения событий времен Гражданской войны в России. В процессе исследования были использованы историко-генетический метод (для изучения хронологии и последовательности событий), а также сравнительный метод (при анализе мотивов и целей (дипломатических позиций) Греции, Италии, Румынии, Польши, Сербии, националистических сил Украины и Добровольческой армии А.И. Деникина). Исследование построено на основе использования в рамках научного поиска проблемно-хронологического подхода. Он позволяет в полной мере рассмотреть исторические события и

действия основных акторов, которые привели к выводу с Юга России коалиционных войск стран Антанты в 1919-1920 гг.

Литературный обзор

В исторической ретроспективе роль и вклад «второстепенных» участников освещается в рамках общего исследования действий коалиционных войск стран Антанты на Юге России. Минимальное количество источников формирует обрывочную картину происходивших в период иностранной интервенции событий с участием таких стран как Греция, Италия, Румыния, Польша и Сербия.

Л. Страховски [9] отмечает, что иностранная интервенция стала следствием желания ведущих государств Европы (Англии и Франции) ослабить Советскую Россию для ее последующего распада за небольшие государства с марионеточными правительствами. Автор пишет о том, что Россия представляла интерес в первую очередь как источник ресурсов. Ее контроль в полной мере отвечал национальным интересам англичан и французов, а «второстепенные» участники интервенции требовались для формирования весомости антибольшевистскому противостоянию на Юге России.

Д. Райт [11] пишет о том, что активный интерес к России был со стороны Великобритании. Одним из наиболее авторитетных политиков начала 1920-х годов был У. Черчилль, который предлагал на постоянной основе поддерживать очаг напряженности на Юге России для ослабления позиций Красной армии. После того, как в Англии начались волнения с участием рабочих, У. Черчилль был одним из идеологов продолжения скрытной помощи Белому движению, чтобы максимально затянуть Гражданскую войну в России.

К. Авгитилис [1] рассматривает участие Греции в интервенции в составе союзнических сил стран Антанты. Автор пишет о том, что у греческого правительства был собственный национальный интерес, который касался возвращения в состав страны территорий Одессы и Причерноморья. Отмечается, что решение о поддержке военным присутствием на территории Юга России со стороны руководства Греции было ошибочным, поскольку советская власть закономерно увидела в этом шаге недружелюбные намерения с его стороны. Сам факт возвращения «исконных греческих земель» привел к тому, что на долгие годы после интервенции большевики неохотно поддерживали дипломатические контакты с Грецией, а сама страна в итоге не получила желаемого результата в ходе вторжения.

В.А. Канторович [3] отмечал, что участие Греческого экспедиционного корпуса в оккупации Одессы было обусловлено гарантиями стран Антанты в передаче города после окончания интервенции Греции. Подобный ход событий устроил руководство страны, которое увидело в нем призрачную идею восстановления былого величия Греции, утерянного в после Античности.

В целом, следует отметить, что научная проработанность роли «второстепенных» интервентов периода Гражданской войны на Юге России характеризуется отсутствием системного исследования с учетом не только советских, российских, но и зарубежных источников. Немногочисленные представители научного сообщества рассматривают иностранную интервенцию как общероссийское явление, без отельного изучения вклада «второстепенных» интервентов на Юге России. Остаются недостаточно исследованными действия военных из Италии, Польши, Румынии, Сербии, цели и мотивы руководства данных стран. Изучение иностранной и российской историографии указывает на отсутствие унифицированной позиции, которая касается действий военных из этих стран при иностранной интервенции на Юге России. Дискуссионными продолжают оставаться вопросы, которые касаются основных мотивов и задач Греции, Италии, Польши, Румынии, Сербии, поскольку есть существенные расхождения в данном вопросе у зарубежных и российских (в большей степени советских) историков.

Результаты

Помимо основных участников иностранной интервенции на Юге России в период Гражданской войны (Франция и Англия), можно выделить ряд «второстепенных» участников, среди которых наибольший военный корпус был представлен греческими войсками.

С исторической точки следует выделить то обстоятельство, что руководивший на тот момент строй председатель правительства Греции Э. Венизелос поддержал инициативу английских и французских дипломатов о вторжении на территорию Юга России в составе союзнических военных сил. Принимая подобное решение, глава греческого правительства преследовал национальные интересы страны, а также представления о восстановлении былого величия Греции. Присоединение новых территорий прекрасно вписывалось в представления руководства данной страны о «Великой идее» расширения территории государства за счет новых территорий Юга России. Греция их считала своими, однако потеряла над ними контроль, поэтому требовалось вернуть их в состав страны. Дополнительно к этому отметим гарантии в первую очередь британских дипломатов, которые обещали в обмен на помочь в интервенции передать Греции территории Малой Азии, принадлежавшие распадавшейся на тот момент Османской Империи [5].

Первые греческие военные прибыли в Одессу в 1918-1919 г. Затем часть из них была переброшена в Севастополь. Их участие требовалось для усиления фронта в районе г. Березовка, а также г. Николаев и г. Херсон [7].

Первыми в бой с красноармейцами вступили военные из Греции, которые были переброшены в г. Херсон. На тот момент на данном рубеже обороны были французские силы в количестве 145 бойцов и офицеров. Греческие силы были представлены 23 офицерами и более 800 рядовыми,

которые были готовы вступить в бой. Доминирование греческих военных предполагало руководство их действиями со стороны своего руководства. Однако они не стали нарушать изначальные договоренности с союзниками, поэтому руководило ими французское командование.

Действия греческого корпуса отличались дисциплинированностью и слаженностью, однако указанные плюсы нивелировались общим снижением морального духа среди бойцов Белого движения, а также успешными действиями со стороны Красной армии. Наступательные действия большевиков способствовали тому, что коалиционное командование приняло решение о переброске своего контингента к Одессе. Фактически, это означало отступление и оставление ранее удерживаемых позиций. Греки не могли ослушаться французское командование, поэтому также отступили южнее – к пригороду Одессы. В результате прямых столкновений с офицерами и солдатами Красной Армии на Херсонском направлении греки потеряли убитыми 12 офицеров и более 240 солдат. Эти потери были достаточно существенны для греков, поскольку они снижали моральный дух солдат и офицеров, а также формировали пораженческие установки.

Бои и г. Николаев были достаточно короткими, поскольку союзное командование приняло решение объединить Греческий корпус для обороны Одессы. Николаевское направление решено было оставить для перегруппировки сил и средств.

В г. Березовка находилась узловая точка снабжения военных боезапасами, поскольку там проходила ветка железной дороги «Одесса – Николаев». Еще в феврале 1919 года иностранными интервентами были выстроены оборонительные рубежи, которые предполагалось использовать для защиты от наступления красноармейцев. Для усиления обороны стратегически важного объекта были переброшены боеспособные части греческих военных, однако только их участие при пассивном ведении боевых действий со стороны Белых и французов было недостаточным. Понимая, что боеспособные греческие военные могут быть обескровлены, союзное командование приняло решение силы данного направления также отвести к югу, в пригород Одессы.

В районе ст. Сербка было решено сформировать мощный очаг сопротивления большевикам, стянув туда боеспособных военных из Франции и Греции. Предполагалось, что подобные перегруппировки войск позволят поднять боевой дух белогвардейцев, которым приходилось постоянно отходить на юг, отдавая под контроль Красной армии новые территории. Перегруппировка войск могла бы дать свои результаты, если бы Красные продолжали использовать тактику встречных боев. Однако захват бронепоездов красноармейцами позволил им совершать внезапные вылазки к противнику, что существенным образом деморализовало иностранных во-

енных. Использование бронепоездов позволяло осуществлять тактические маневры, а также окружать позиции французов и греков. Французские военные в ходе боев нередко не забирали даже своих раненых, что также негативно влияло на восприятие их боеспособности со стороны греков [4].

Последующие события показали, что оставшиеся части греческих военных не участвовали в масштабных боевых действиях с большевиками в Одессе и ее ближайших пригородах. Они постепенно перебрасывались в тыл и занимались охраной общественного порядка, продовольствия и вооружения. После существенных успехов Красной армии на Южном фронте коалиционное военное руководство было вынуждено перебросить греков в Севастополь, чтобы уже там помочь Белым и французскому контингенту противостоять большевикам.

В апреле 1919 г. красноармейцы организовали наступательные действия в отношении г. Севастополь. Мощное артиллерийское сопровождение наступления большевиков позволило им заблокировать порт, вынудив тем самым союзников попросить о перемирии и выводе коалиционных войск для последующей эвакуации в Стамбул [2].

В рамках рассмотрения «второстепенных» стран следует выделить участие в иностранной интервенции в Советской России военных из Италии. Они присутствовали на Юге России, однако в незначительном количестве. После того, как Германия и ее союзники по Первой Мировой войне ушли с территории Причерноморья, морские порты на юге России заняли французы и англичане. Однако в их составе, кроме греков, были также итальянцы. Они присутствовали в незначительном количестве в портах Одессы, Севастополя, Новороссийска. Руководство Италии отказалось отправлять в Россию крупный экспедиционный корпус, поскольку правительство страны рассматривало более перспективный вариант – участие во вторжении на Кавказ (шли обсуждения с Англией в вопросе ротации войск в данном регионе – замена британских военных на итальянские боевые части). Однако события в самой Италии (рост рабочего движения, потенциальные риски смены политического строя и т.д.) способствовали пересмотру своего военного участия и возвращения военных на Родину.

Руководство Сербии направило на Юг России небольшие отряды в составе объединенных сил Антанты. Сербы и итальянцы были привлечены к охране объектов производственной и социальной инфраструктуры портов, несли гарнизонную службу. В боевых столкновениях с Красной армии принимали участие единицы сербских военных. Участие в иностранной интервенции у них носило больше символический характер, чтобы показать значительное число союзников по Антанте. Следовало показать большевикам, что против них воюет не только Франция, Англия, США, Япония, но и Греция, Румыния, Сербия, Италия, Польша.

Румынский военный корпус вошел в Бессарабию в начале 1918 года. Поводом для интервенции послужила необходимость навести порядок в регионе, а также взять под контроль узлы транспортной инфраструктуры. В процессе интервенции действия румынских военных стали носить характер аннексии: к Румынии была присоединена Бессарабия. Данные действия не встретили осуждения со стороны стран Антанты, что позволило сделать вывод руководству Румынии в правильности своих шагов. Участие Румынии, в отличие от иных «второстепенных» интервентов, носило чисто практический характер. Руководство страны не преследовало целью оказывать сопротивление Красной армии, поскольку действия румынских военных были локальны: их интересовала только Бессарабия. На Юг России и масштабный отпор большевикам планов не было.

Роль Польши как участника интервенции в данный период стоит рассматривать чуть иначе. Долгое время часть территории страны входила в состав Российской Империи, а независимость новое государство получило только в ноябре 1918 года. Практически сразу после обретения независимости руководство Польши поставило стратегические задачи, которые касались расширения границ государства. В частности, преследовалась задача вернуть территории бывшей Речи Посполитой (современные территории Беларуси, Украины и Литвы). По этой причине произошел вооруженный конфликт с Советской Россией в 1919-1921 гг.

Обсуждение

Национальные интересы «второстепенных» участников иностранной интервенции на Юге России были доминирующими в аспекте их вовлечения в военную миссию стран Антанты. Каждое из государств-союзников преследовало свои цели и мотивы, которые позволяли им претендовать на часть территории бывшей Российской Империи.

Участие греческого военного корпуса преследовало своей целью территориальные притязании в отношении Крыма и Причерноморья. Военная помощь странам Антанты рассматривалась как часть сделки в отношении расширения политического влияния Греции после окончания военных действий. При этом в самой стране многие политические силы в рамках национальной элиты изначально считали эти действия ошибочными и недальновидными.

В частности, следует отметить, что руководство Советской России сделало свои выводы в отношении греческого руководства, сместив акцент дипломатического взаимодействия в сторону турецкого государства. Взаимодействие с Ататюрком было призвано показать, что Турция воспринимается большевиками как более дружеское государство, чем Греция. Дополнительно к этому отметим, что традиционно греки воспринимались русскими как дружественные люди, поскольку православие пришло на Русь

из Византии. Много веков Россия и Греция осуществляли совместную торговлю и поддерживали дипломатические контакты, которые были разрушены за счет необдуманных действий со стороны греческого руководства.

Франция и Англия пообещали Греции по дипломатическим каналам территории Малой Азии, однако во время военного вмешательства не стали активно помогать в военном походе греков против турок. Результатом малоазийского похода стало поражение Греции от турок, что повлекло за собой этническую резню в отношении греческого населения в Малой Азии. Многие греки были вынуждены вернуться на историческую Родину.

Польша, принимая участие в иностранной интервенции со стороны стран Антанты, не столько участвовала в объединенном военном вмешательстве, сколько преследовала собственные территориальные интересы. Притязания Польши касались «исторически обусловленных территорий», поэтому данная страна активно противостояла большевикам на Юге России. Страна активно поддерживала националистические силы на территории современной Украины, чтобы сформировать очаг сопротивления большевикам, а после вытеснения их с территории Юга России, аннексировать данные территории, включив их в состав Польши.

Военные из Румынии были задействованы преимущественно в Бессарабии (она территориально-географически примыкает к Югу России), преследуя также свои национальные интересы. Основной целью Бухареста была необходимость установления контроля над данной территорией с последующей ее аннексией к Румынии. На официальном уровне заявлялось о временном характере размещения румынских войск для охрана логистических цепочек, однако по мере дальнейшего пребывания румынских войск в Бессарабии становилось понятно, что покидать территорию данного региона они не собираются.

В отношении Италии и Сербии, участие их немногочисленного контингента в иностранной интервенции было скорее проявлением лояльности (символическое участие) странам Антанты, чтобы в будущем государства-победители в Первой Мировой войне оказали им покровительство на Юге Европы.

Следует также отметить, что как основные, так и «второстепенные» участники иностранной интервенции имели непростые отношения с представителями Белого движения. В процессе коммуникации постоянно возникали проблемные вопросы, формировавшие взаимное недоверие и перекладывание ответственности за неудачи на фронте друг на друга. Иностранные военные не скрывали, что не собираются быть на передовой на первых ролях, поскольку эту миссию они отводили представителям Белого движения. Добровольческий корпус А.И. Деникина, напротив, считал, что прибытие иностранных военных должно было привести к их активному

участию в боевых действиях против красноармейцев.

«Второстепенные» участники иностранной интервенции достаточно быстро показали, что у них есть финансовые и торговые интересы в России, а участие в иностранной интервенции давало шанс защитить данные активы и снизить риски их потерь. Не скрывая этих аспектов, подобная нацеленность действий достаточно быстро стала понятна и лидерам Белого движения, которые изначально воспринимали союзников, как реальную помощь для восстановления территориальной целостности Российской Империи и борьбы с большевиками.

Более того, «второстепенные» участники активно поддерживали линию на сдерживание большевизма и продление Гражданской войны, поскольку она существенным образом ослабляла российское государство, делая его уязвимым для других стран. Сильный экономический и политический конкурент в виде России был неинтересен «союзникам», поэтому кроме помощи белогвардейцам преследовалась цель затягивания конфликта. Помимо поддержки Белых были иные мотивы, которые касались национальных интересов Польши, Румынии, Греции и других государств.

Заключение

В рассматриваемый исторический период активными участниками военного вмешательства были военные из Британии и Франции. «Второстепенные» страны, такие как Греция, Италия, Сербия, Польша, Румыния также принимали участие в иностранной интервенции на Юге России. Наиболее многочисленным был Греческий военный корпус, который состоял из боеспособных частей. Греция преследовала своей целью получить территории в Малой Азии в обмен на помощь с противостоянием большевистской угрозе в России. Военные из Греции представляли собой наиболее боеспособные соединения коалиции союзников, поскольку страна достаточно поздно вступила в Первую мировую войну (летом 1917 года). В рамках выполнения союзнических обязательств греки проявили себя как дисциплинированные, ответственные военные, которые способны выполнять поставленные стратегические задачи общего командования. Однако низкая мотивация к сопротивлению со стороны представителей Белого движения, а также усталость британских и французских солдат и матросов, офицерского корпуса привели к уходу с территории Юга России коалиционных войск, в том числе и греческих военных.

Участие Румынии, Сербии, Италии, Польши диктовалось различными целями и мотивами. Они касались коалиционных действий против большевиков на Юге России, национальных интересов отдельных стран, реализации геополитических притязаний, территориальных приобретений. При этом, например, установки лидеров Белого движения о неделимой России входили в противоречие с интересами Польши и Румынии, которые хотели

расширить территории своих государств за счет нашей страны. Их прямой интерес заключался в ослаблении России, чтобы воспользоваться неспособностью руководства страны противопоставить ничего «союзникам» из стран Антанты. В конечном счете вклад «второстепенных» участников был достаточно скромным, поэтому они в 1919 году начали покидать Россию.

Библиографический список:

1. Авгитилис К. Интервенция капиталистических стран в Россию и Греция. // URL: https://www.rizospastis.gr/story.do?id=7870571 (Дата обращения: 19.06.2026).
2. Богомолов И.К. Интервенция держав Антанты и их союзников в России в период Гражданской войны (1918–1922 гг.): современные зарубежные исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. № 4. С. 71-79.
3. Канторович В.А. Французы в Одессе. – Петроград: Былое, 1922. 27 с.
4. Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917 1922) // Российская история. 2019. № 1. С. 3-24.
5. Кургузов В.Л. Интервенция в Советской России глазами интервентов (1918–1922) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 4-5. С. 20-33.
6. Миронюк С.А. Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917–1919 гг.): дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. – М.: 2021. 200 с.
7. Пученков А.С. «Большой город дает возможность развернуться: из истории французской интервенции в Одессе // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 1. С. 125-157.
8. Рябов В.В., Нефедов А.Ю. Интервенция в России: бескорыстная помощь или собственные интересы? // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 4. С. 26-34.
9. Strakhovsky L. The Franco-British Plot in Dismember Russia // Current History. 1931. Vol. 52. P. 841.
10. Sellen R.W. The British Intervention in Russia, 1917–1920: I // Dalhousie Review. 1960. Vol. 40. P. 360-371.
11. Wright D. Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918-20. Solihul: Helion & Company, 2017. 504 p.
12. Блаженкова Н.М., Зарипов Р.Н. Методологический подход к реструктуризации промышленных предприятий на основе композитного индекса в условиях цифровой трансформации // Альманах «Крым». 2026. № 53. С. 69-73.

Reference

1. Avgitilis K. Intervention of Capitalist Countries in Russia and Greece. // URL: https://www.rizospastis.gr/story.do?id=7870571 (19.06.2026).
2. Bogomolov I.K. Intervention of the Entente Powers and Their Allies in Russia during the Civil War (1918–1922): Modern Foreign Research // Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations. 2022. № 4. P. 71-79.
3. Kantorovich V.A. The French in Odessa. - Petrograd: Byloe, 1922. 27 p.
4. Kolonitsky B.I. From World War to Civil Wars (1917-1922) // Russian History. 2019. № 1. P. 3-24.
5. Kurguzov V.L. Intervention in Soviet Russia through the Eyes of the Interventionists (1918-1922) // "Blank Spots" in Russian and World History. 2016. № 4-5. P. 20-33.
6. Mironyuk S.A. Intervention in Russia in Political Discussions of the Ruling Circles of Great Britain (1917-1919): Diss. ... Cand. Sciences (Hist.): 07.00.02. – Moscow: 2021. 200 p.
7. Puchenkov A.S. "A Big City Gives an Opportunity to Expand: From the History of the French Intervention in Odessa // Transactions of the History Faculty of St. Petersburg University. 2013. № 1. P. 125-157.
8. Ryabov V.V., Nefedov A.Yu. Intervention in Russia: Selfless Aid or Self-Interests? // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences. 2019. № 4. P. 26-34.
9. Strakhovsky L. The Franco-British Plot in Dismember Russia // Current History. 1931. Vol. 52. P. 841.
10. Sellen R.W. The British Intervention in Russia, 1917–1920: I // Dalhousie Review. 1960. Vol. 40. P. 360-371.
11. Wright D. Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918-20. Solihul: Helion & Company, 2017. 504 p.
12. Zaripov R.N., Blazhenkova N.M. A methodological approach to the restructuring of industrial enterprises based on a composite index in the conditions of digital transformation // Almanac "Crimea". 2026. № 53. P. 69-73.

Шанихина Н.Н.
Старший преподаватель. Ишимский государственный педагогический институт имени П.П. Ершова филиала Тюменского государственного университета.

Нечаева П.П.
Студент 3го курса. Ишимский государственный педагогический институт имени П.П. Ершова филиала Тюменского государственного университета.

Земцова Ю.В.
Студент 3го курса. Ишимский государственный педагогический институт имени П.П. Ершова филиала Тюменского государственного университета.

«Русская правда» как памятник права: отражение социальной иерархии древней Руси*

Аннотация. Данная статья посвящена разбору сложившейся в Древней Руси социальной иерархии на основе анализа Краткой, Пространной и Сокращённой редакций «Русской Правды». В тексте статьи описано становление памятника права и его возникновение. На основе правового статуса различных слоев древнерусского общества рассмотрено становление социального неравенства, юридическим закреплением которого стали описанные в тексте «Русской Правды» дифференцированные штрафы и круговая порука общины. Рассмотрено, как описанные в тексте документа различия правового статуса привилегированных слоев от зависимых категорий населения закрепляли «Русскую Правду» не только как свод законов, но и инструмент поддержания феодального порядка.

Ключевые слова: Русская Правда, древнерусское право, социальная иерархия, вира, штрафы, правовой статус, Киевская Русь, смерды, холопы, процессуальное право.

Shanikhina N.N.
Senior Lecturer. Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, a branch of Tyumen State University.

* © Шанихина Н.Н., Нечаева П.П., Земцова Ю.В., 2026.

Nechayeva P.P.
Third-year student. Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, a branch of Tyumen State University.

Zemtsova Yu.V.
Third-year student. Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, a branch of Tyumen State University.

«Russkaya pravda» as a legal monument: reflection of the social hierarchy of ancient Rus

Abstract. This article examines the social hierarchy that developed in Ancient Rus' based on an analysis of the Short, Long, and Abridged editions of " Russkaya Pravda." The article describes the development of this legal monument and its origins. Based on the legal status of various strata of Old Russian society, it examines the development of social inequality, legally enshrined in the differentiated fines and community responsibility described in «Russkaya Pravda». It examines how the differences in the legal status of privileged classes from dependent categories of the population, described in the text of the document, consolidated the «Russkaya Pravda» not only as a set of laws, but also as an instrument for maintaining the feudal order.

Key words: Russkaya Pravda, Old Russian law, social hierarchy, vira, fines, legal status, Kievan Rus, smerds, kholops, procedural law.

Одним из наиболее важных и показательных этапов становления государства является появление писаного свода законов. В случае древнерусского государства, древнейшим сохранившимся письменным правом является «Русская Правда», через рассмотрение которой мы можем не только изучить правовые процессы, но и узнать социальное устройство древнего общества.

Анализ статей «Русской Правды» позволяет увидеть, как социальная иерархия отражалась в системе штрафов и наказаний и как право стало инструментом поддержания существующего порядка.

Целью данной работы является систематизация сложившейся иерархии древнерусского государства, отраженная в тексте «Русской Правды». А также рассмотреть, как нормы закона защищали привилегии элиты и ограничивали правовые возможности зависимых групп населения.

Возникновение древнейшей части «Русской Правды» ознаменовало переход государства к писанным законодательным актам, которые исходили от княжеской власти. «Правда Ярослава» изданная Ярославом Мудрым в

1016 году составила первые 18 статей Краткой редакции «Русской Правды». Её издание обосновывалось необходимостью урегулировать взаимодействия дружины и населения Новгорода после восстания 1015г. В «Правде Ярослава» еще не прослеживается резких социальных разделений, для всех людей описана примерно единая система наказаний.

Сыновья Ярослава Мудрого продолжили дело отца и в 1072 году создали «Правду Ярославичей», которая в дальнейшем стала статьями 19-41 Краткой редакции «Русской Правды». В дополнении Ярославичей писанный закон принимает дифференцированный характер. Именно здесь появляется такое понятие, как «двойная вира»- повышенный штраф, назначаемый за убийство приближенных князя (огнищан, тиунов, конюших) и за покушение на имущество князя. Данные правки ознаменовали фиксацию иерархии, в которой князь и его администрация занимали верховное положение.

Следующим этапом создания «Русской Правды» стало её окончательное оформление в Пространной редакции в конце 11 века. В состав Пространной редакции входил «Устав Владимира Всеволодовича», включавший в себя устав о резах (процентах), который позволил смягчить социальные конфликты в сфере долговых отношений и ростовщичества, вводя некоторые ограничения. Пространная редакция в свою очередь стала одним из наиболее зрелых стадий правовой системы Древней Руси. Состоящая из 120 статей, Пространная редакция содержит в себе четко прописанные наказания и процессуальные нормы, которые напрямую зависели от социального статуса участников дела. Возникшая в XV веке «Сокращенная редакция» является синтезом Пространной редакции и для её анализа имеет лишь вспомогательное значение, так как не привносит новшеств в состав «Русской Правды» [7].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что с развитием текста «Русской Правды» развивалось и социальное неравенство. Произошел переход от относительной равноправия к четкой системе иерархии, закрепленной в писаном праве системой штрафов и привилегий, которые зависели от социального статуса человека.

При отсутствии в «Русской Правде» прописанного деления на различные отрасли права, в ней заложены основы уголовного и процессуального законодательства и, как было выше упомянуто, система доказательств, штрафов и наказаний напрямую зависело от принадлежности участников процесса к тому или иному социальному слою [5].

Вира являлась основным видом наказания за убийство, только её размер зависел от социального статуса потерпевшего. За приближенных князя (огнищан, тиунов, конюших) взималась двойная вира в 80 гривен, за просто свободного 40 гривен, а за женщину, чье социальное положе-

ние в то время было ниже простого свободного мужчины, полувирье в 20 гривен. Что касается зависимого населения, за убийство холопа вира не назначалась, достаточно было возместить ущерб его господину в размере 5 гривен.

Смертная казнь, как мера наказания, не упоминается в статьях «Русской Правда», поэтому высшей мерой наказания принято считать поток и разграбление - конфискация всего имущества преступника и его обращение в рабство. Такая мера наказания применялась только в особо тяжких случаях (разбой, поджог и конокрадство).

Так как в Древней Руси отсутствовали государственные органы, которые занимались бы розыском преступника и поиском доказательств, ответственность за это ложилась на самого потерпевшего или общину, к которой он относился [6]. К процессуальному праву так же относилась система формальных доказательств: присяга, ордалии, судебный поединок, показания свидетелей и собственное признание обвиняемого. Формальные доказательства так же не обошлись без дифференциации по социальному статусу. Например, присяга привилегированного человека имела большую доказательную силу, чем слово простолюдина, а для выдвижения обвинений в адрес княжеского приближенного обвинитель был обязан предоставить двух свидетелей из «княжих мужей», иначе дело решалось присягой ответчика.

Одним из доказательств неполноценной правоспособности не привилегированных слоев населения, является описанная в статьях «Русской Правды» круговая порука общины. Общинная ответственность обязывала вервь самостоятельно выдать преступника или выплачивать виру сообща, если след подозреваемого обрывался на их территории.

В статьях «Русской Правды» нет четкого деления на сословия, однако благодаря вышеописанной системе дифференциации штрафов и доказательств, в зависимости от социального статуса участников процесса, можно выделить правящий слой. Источником права выступал Князь, хотя его статус так же не описывается напрямую, но высшие меры наказаний назначались лишь за посягательство на княжеское имущество и покушение на его приближенных. Как обозначает Б.А. Рыбаков, «80-гривенная вира - это не просто сумма, а социальный маркер, ставивший княжескую администрацию выше остального свободного населения».

Боярское сословие напрямую также не упоминается в статьях «Русской Правды», однако обладали сходным статусом с «княжими мужами». Бояре имели право владеть сёлами и холопами, а их имущество так же усиленно защищалось статьями «Русской Правды», в которых описано, что кража из боярского села несла за собой двойное наказание. Одной из привилегий высших сословий являлась возможность откупится от нака-

зания за нанесение

Чаще всего в статьях «Русской Правды» упоминаются «люди» - свободные общинники, так как они на то время составляли основную массу населения древнерусского государства. Люди обладали полной правоспособностью, имели право наследовать имущество, выступать свидетелями при правовых разбирательствах и участвовать в судебных поединках.

Следующей категорий населения были смерды, чья жизнь оценивалась в 5 гривен, что описано в статье 23 Пространной правды. Смерды не обладали полноценной правоспособностью, не могли передавать имущество по наследству, а все нажито смердом за жизнь после его смерти передавалось князю. Смерды - социальный слой, напрямую зависящий от князя и занимающей промежуточное место между свободным и зависимым человеком [2].

Положение закупов (людей, попавших в зависимость из-за долгов) не сильно отличалось от положения смерда. Закуп был так же ограничен в юридических правах и мог лишь отлучаться для заработка в счет погашения долга. Закуп не мог быть продан в холопы и нес прямую ответственность за сохранность имущества своего господина. Холопом закуп мог стать лишь при неудачной попытке бегства.

Самым низшим социальным слоев было принять считать холопов и челядь, у которых полностью отсутствовали какие-либо права, не защищались законом, и были скорее «собственностью» своего господина, а не полноправными субъектами права. Холоп не имел права вступать в брак без разрешения своего господина, владеть имуществом и участвовать в процессуальных делах. В статьях «Русской Правды» рабовладельческое дело строго защищено законом, за попытки укрывательства или помощи в организации побега холопа так же полагались штрафы и присуждалось полное возмещение ущерба господину.

«Русская Правда», при детальном анализе, показывает себя не только как памятник права и древнейший источник законодательства, но и писаное подтверждение социального неравенства и расслоение древнерусского общества. Закрепление обозначенного неравенства прослеживается в эволюции «Русской Правды» от «Правды Ярослава», в которой не было дифференцированных штрафов, размер которых зависел бы от социального положения участников дела, к Пространной редакции, в которой введена система двойной виры, особая защита княжеского имущества и его приближенных и прямая зависимость доказательной силы слова человека от его положения.

Библиографический список:

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – 7-е изд. – Петроград, 1915. 699 с.
2. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
3. Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). – М.: Наука, 1973. 388 с.
4. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. Кн. 1. – М.: Мысль, 1993. 572 с.
5. Колосович М.С. Зарождение процедуры розыска и формирования доказательств в праве Древней Руси // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3 (34). С. 95-99.
6. Невский С.А., Яковлева Л.В. Первые источники уголовного судопроизводства в России (исторический очерк) // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 22-28.
7. Правда Русская: в 3 т. / под ред. Б.Д. Грекова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940–1963. Т. 1-3.

Reference

1. Vladimirsky-Budanov, M.F. Review of the History of Russian Law. 7th ed. Petrograd, 1915. 699 p.
2. Grekov, B.D. Kievan Rus'. Moscow: Gospolitizdat, 1953. 568 p.
3. Zimin, A.A. Serfs in Rus' (from ancient times to the end of the 15th century). Moscow: Nauka, 1973. 388 p.
4. Klyuchevsky, V.O. Russian History: A Complete Course of Lectures in 3 Books. Book 1. Moscow: Mysl', 1993. 572 p.
5. Kolosovich, M.S. The Origin of the Procedure for Searching for and Forming Evidence in the Law of Ancient Rus' // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3 (34). P. 95-99.
6. Nevsky S.A., Yakovleva L.V. The first sources of criminal proceedings in Russia (historical sketch) // Society and law. 2019. №3 (69). P. 22-28.
7. Russian Truth: in 3 volumes / ed. B.D. Grekova. – M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1940–1963. Vol. 1-3.

Никитина И.Ю.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и философии. Камчатский государственный университет Имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский.

Камчатская переселенческая экспедиция 1908-1909 гг.: цели, результаты, административные преобразования*

Аннотация. В статье рассматривается переломный период в истории Камчатки начала XX в., когда после неудачной Русско-японской войны полуостров стал объект пристального внимания со стороны руководства империи. Камчатская переселенческая экспедиция 1908-1909 гг., снаряженная Переселенческим управлением для выяснения колонизационного значения Камчатки и возможности развития земледелия в условиях проводившейся аграрной реформы, не оставила после себя систематизированного описания в виде отчета или какого-либо другого труда. На основе свидетельств современников (Н.В. Слюнина, П.Ф. Унтербергера и др.) и исторических документов показаны сложные климатические и бытовые условия, отсутствие инфраструктуры, в совокупности делавшие земледельческую колонизацию региона нерациональной. Однако сам факт организации и работы переселенческой экспедиции на полуострове вкупе с образованием в 1909 г. Камчатской области позволяет рассматривать ее в качестве одного из инструментов привлечения внимания к региону, который долгое время считали забытой окраиной.

Ключевые слова: Камчатка, переселенческая экспедиция, колонизация, Н.В. Слюнин, В.К. Рубинский.

Nikitina I.Yu.
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor in the Department of History and Philosophy. Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky.

Kamchatka resettlement expedition 1908-1909: goals, results, administrative changes

Abstract. The article examines the turning point in the history of Kamchatka at the beginning of the twentieth century, when, after the unsuccessful Russo-Japanese War,

* © Никитина И.Ю., 2026.

the peninsula became the object of close attention from the leadership of the empire. The Kamchatka resettlement expedition of 1908-1909, equipped with the Resettlement Administration to clarify the colonization significance of Kamchatka and the possibility of developing agriculture in the context of the ongoing agrarian reform, did not leave behind a systematic description in the form of a report or any other work. Based on the testimonies of contemporaries (N.V. Slyunin, P.F. Unterberger and others) and historical documents, complex climatic and living conditions, the lack of infrastructure, which together made the agricultural colonization of the region irrational, are shown. However, the very fact of the organization and work of the resettlement expedition on the peninsula, coupled with the formation of the Kamchatka region in 1909, allows us to consider it as one of the tools to draw attention to the region, which for a long time was considered a forgotten outskirts.

Key words: Kamchatka, resettlement expedition, colonization, N.V. Slyunin, V.K. Rubinsky.

На рубеже XIX-XX вв. Камчатка была одной из самых слабозаселенных и экономически отсталых окраин Российской империи. В 1895-1898 гг. в составе Охотско-Камчатской экспедиции на Камчатку прибыл доктор медицины Н.В. Слюнин, исследователь Дальнего Востока, автор известной работы «Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание». Инициатором экспедиции выступил С.Ю. Витте в 1895 году в связи с началом строительства Транссибирской железной дороги и необходимостью подробного исследования… «в районе означенной дороги сибирской золотопромышленности, тесно связанной с важнейшими и многочисленными интересами страны» [6]. Н.В. Слюнин указывал, что «…историческая картина Охотско-Камчатского края … носила общий отпечаток тогдашней жизни и нравов», «…высшие власти и не могли установить на них какого-нибудь определенного взгляда», рассматривая эту территорию в разные исторические периоды как «колонию звероловную», «страну горнозаводскую», место ссылки «штрафных и неблагонадежных», страну «земледельческую». Его слова позволяют сделать вывод, что у руководства страны долгое время не было четкого понимания значимости этой территории для обеспечения безопасности границ империи на Дальнем Востоке. В целом Н.В. Слюнин отмечал бедноту и отсутствие точных исследований по самым разным вопросам жизни Камчатки [6].

Несмотря на состояние отсталой окраины предпосылки для активизации переселенческой политики на Камчатке складывались еще в XIX в. Японский капитал активно проникал в экономику Камчатки, японские рыбопромышленники скупали рыбные промыслы, тем самым вытесняя русских предпринимателей. Руководство страны понимало, чтобы сохранить Камчатку за Россией, нужны были не только военные гарнизоны,

но и экономически активное русское население, которое могло бы самостоятельно осваивать природные богатства края и жить на его территории поколениями.

Несколько эпизодов правительственных переселений крестьян состоялось в середине XVIII в., и в 1830, 1850-е гг. Но успехов в разведении зерновых культур достигнуто не было. Переселенцы вынуждены были приобщиться к традиционным камчатским занятиям – рыболовству и охоте. Проблема снабжения так и не была решена. Причинами этого стали непредсказуемый и не подходящий для выращивания зерновых климат, незначительное число хлеборобов среди переселенцев и непоследовательность действий правительства, выражавшаяся в отсутствии общего подхода к обустройству переселенцев со стороны государства и местного административного аппарата [3, с. 41].

В этих условиях 1908 г. стал переломным в истории полуострова начала XX в., т.к. начали свою работу сразу две крупные экспедиции: переселенческая экспедиция Переселенческого управления и научная экспедиция Русского географического общества, организованная при поддержке мецената Ф.П. Рябушинского (последняя стала результатом всплеска научного интереса к региону после публикации результатов Охотско-Камчатской экспедиции и имела целью возможно подробное и разностороннее исследование полуострова Камчатки) [5, с. 17-18]. Возобновление исследований Камчатки было связано, в первую очередь, с возможностью военной угрозы Камчатке после русско-японской войны («японская война поставила очень резко вопрос спешного заселения нашей пустынной восточной окраины», «жизнь на Японском Сахалине в южной половине острова бьёт ключом, тогда как на русской его половине по-прежнему тихо и пустынно…) [2, с. 112, 163], а также с заинтересованностью государства и частных лиц в накоплении и систематизации данных о полуострове для использования в целях экономического развития региона, т.к. как у научного сообщества, так и у руководства страны отсутствовали полные, систематизированные данные о жизни на полуострове.

Работа Камчатской переселенческой экспедиции была инициирована Главным управлением землеустройства и земледелия для определения возможностей колонизации Камчатки и развития на ее территории земледелия в связи с проводившейся по инициативе П.А. Столыпина аграрной реформой. Руководителем экспедиции был назначен чиновник по особым поручениям, заведующий Никольск-Уссурийским переселенческим подрайоном В.И. Рубинский. Работа экспедиции заключалась в следующем: обследование территорий для определения наиболее удобных мест создания поселений и ведения хозяйства, проведение топографических работ, при этом особое внимание уделялось речным долинам для проверки воз-

можности выращивания сельскохозяйственных культур.

Участники Камчатской переселенческой экспедиции в процессе своих исследований столкнулись с рядом проблем:

- сложные погодные условия, которые характерны для камчатского климата;

- отсутствие дорог, в связи с чем приходилось перемещаться на лошадях, на лодках по рекам, на собачьих упряжках зимой;

- для обеспечения продовольствием и доступным транспортом участникам экспедиции приходилось полагаться на местных жителей.

В период работы Камчатской переселенческой экспедиции было принято важное для развития Камчатки решение о выделении ее в самостоятельную административно-территориальную единицу.

Вопрос о создании самостоятельной Камчатской области возбуждался неоднократно, начиная с 30-х гг. XIX в. Так, в 1883 г., ввиду обнаружившихся неудобств управления Камчаткой из областного центра Приморской области, как раз и был поднят вопрос о выделении Камчатки и Командорских островов, с образованием для них отдельного управления. Решение этого вопроса было отложено до того момента, пока барон А.Н. Корф, назначенный на учрежденную в 1884 г. должность приамурского генерал-губернатора, не ознакомился с потребностями края. В 1886 г. генерал-губернатор А.Н. Корф представил проект образования отдельной Камчатской области в составе территорий Камчатки, Командорских островов, Охотской и Гижигинской округ. Но проект не был реализован. Вместо этого в 1888 г. были утверждены новые штаты управления для северо-восточных округ Приморской области, а также образованы две новые округи: Анадырская, в состав которой вошли Чукотский полуостров, выделенный из Гижигинской округи, и округа Командорских островов, образованная из островов Беринга, Медного и Тюленьего. Наместник Дальнего Востока Е.И. Алексеев тоже ставил вопрос об образовании Камчатской области, рассматривавшийся в Особом комитете Дальнего Востока, но не получивший дальнейшего продвижения, поскольку и Комитет и наместничество были быстро упразднены.

Премьер-министр П.А. Столыпин, выступая 31 марта 1908 г. перед Государственной Думой, отмечал, что «На нашей далёкой окраине – и на Камчатке, и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее…» [7, с. 132-133].

В докладе Министерства внутренних дел «Об административном

переустройстве Приморской области» 29 октября 1908 г. указывалось на необходимость создания «… на Камчатке авторитарной власти для надзора за деятельностью иностранцев и ограждения от их влияния и злоупотреблений местного населения, а также для поднятия благосостояния этого населения и содействия русской колонизации» [5, с. 428], подчеркивалась важность наличия компетентного переводчика японского языка ввиду необходимости постоянных контактов новой власти с японцами [5, с. 431].

В феврале 1909 г. в Министерство внутренних дел генерал-губернатором Приамурья П.Ф. Унтербергером была подана официальная записка «Неотложные нужды Приамурья», в которой содержались предложения о необходимости принятия ряда организационных и административных мер с целью надежного закрепления за Россией Приамурского края [8]. Одним из итогов рассмотрения этой записки стал закон об образовании новой области: из состава Приморской области 17 июня 1909 г. была выделена самостоятельная Камчатская область, территория которой включала следующие уезды - Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Анадырский, Чукотский и Командорский.

Главой новой административно-территориальной единицы стал губернатор – высшее должностное лицо и официальный представитель Министерства внутренних дел. Он напрямую подчинялся приамурскому генерал-губернатору и имел широкий объемом полномочий: заведовал государственными имуществами, расположенными на территории области, руководил почтово-телеграфной частью и местной полицией, являлся попечителем учебного округа, имел право использовать все доступные средства при условии наступления чрезвычайной ситуации. Такие широкие полномочия были необходимы в условиях скорейшего решения проблем такого отдалённого региона, в том числе оперативной борьбой в случае необходимости с иностранной экспансией.

Первым губернатором Камчатки стал заведующий путевой канцелярией Приамурского генерал-губернатора, статский советник Василий Власьевич Перфильев. Будучи активным сторонником П.А. Столыпина в части решения крестьянского вопроса, он оказывал полное содействие членам Переселенческой экспедиции, стремясь найти практическое применение результатам их работы. По его инициативе в 1910 г. в Петропавловске была образована сельскохозяйственная ферма, где проводилась селекционная работа, регулярно выписывали породистых быков и коров, разведение которых было возможно в достаточно суровых условиях Камчатки.

Однако политика переселения не увенчалась успехом: заселялись небольшие территории вокруг Авачинской бухты и в долине реки Камчатки. Зачастую переселившиеся крестьяне занимались не сельским хозяйством,

а охотой и рыболовством. К примеру, в 1911 г. в Петропавловский уезд из Амурской области было переселено двести крестьян, которые поселились недалеко от селения Козыревского. Наличие на этой территории пастбищ позволяло заниматься животноводством. Но в ходе обустройства крестьян выяснилось, что более выгодно было заниматься пушным промыслом – добывать соболя, и сдавать пойманную рыбу на рыбоконсервный завод, размещавшийся в устье реки Камчатки.

В октябре 1909 г. Камчатская переселенческая экспедиция закончила свою работу. Ее участниками был сделан вывод о нерациональности сельскохозяйственной колонизации Камчатки: «…последними исследованиями специальной экспедиции Переселенческого Управления установлено, что Камчатка не обладает условиями, благоприятствующими земледелию» [1, с. 3]. Эти выводы был учтены при решении вопроса о заселении Камчатки. Выбор был сделан в пользу вольной колонизации промысловым населением.

Восточное побережье Камчатки к северу от Петропавловска осталось вне внимания участников переселенческой экспедиции. Только спустя несколько лет, в 1918 г. экспедиция Арсеньева исследовала долину р. Камчатки.

Более плодотворной в части сбора материалов и их обобщения, по сравнению с переселенческой экспедицией 1908-1909 гг., стала Камчатская экспедиция Императорского Русского Географического Общества 1908-1912 гг. (известная также как экспедиция Ф.П. Рябушинского, который выступил в качестве ее главного спонсора). Участники экспедиции проделали огромную научную работу, проведя полевые минералогические и этнографические, метеорологические исследования и создав топографическую карту большей части полуострова. Примечательны слова одного из участников этой экспедиции, начальника ботанического отдела В.Л. Комарова о Петропавловске: «Первые впечатления от Петропавловска, как отправного пункта для экспедиции, были совершенно безотрадны» [4, с. 417], не было свободных помещений для съёма, лошадей, проводников. Эти слова лишний раз подтверждали забытость и неразвитость окраины в условиях формирования представления о Камчатке как территории стратегического тыла.

Важным следствием двух экспедиций на Камчатке стало составление подробных маршрутных карт, описание рек и бух, пригодных для высадки. Впоследствии эти данные использовались для размещения постов и планирования передвижений воинских контингентов.

Актуальным вопросом истории Камчатской переселенческой экспедиции стал вопрос подготовки итогового отчета, который должен был подготовить руководитель экспедиции В.И. Рубинский. Известно, что предва-

рительный отчет он составил, но общий отчет так и не был подготовлен. В фонде канцелярии Приамурского генерал-губернатора имеется отчетный документ под названием «Соображения по поводу обработки материалов и составления отчета Камчатской экспедиции Переселенческого управления 1908–1909 гг.». Он был составлен по горячим следам в качестве плана работы по подготовке полного отчета [8].

Спустя пять лет вице-губернатор Камчатской области Чаплинский вновь инициировал решение о необходимости заселения полуострова крестьянами и обратился в Канцелярию Приамурского генерал-губернатора с просьбой предоставить отчет о работе экспедиции. В это же время подобный запрос был сформирован заведующим переселенческим делом в Приморском районе Б.Н. Клепининым, который должен был информировать переселенцев о тех условиях, которые их ждали на Камчатке. Однако отчетных материалов не нашли.

Спустя два года Б.Н. Клепинин обратился уже напрямую с тем же с вопросом к Рубинскому, который в то время руководил переселением в Амурском районе. Рубинский был готов написать отчет, но при условии посещения Камчатки, на что требовалось время и деньги. В условиях идущей мировой войны вопрос решили отложить до ее окончания.

Камчатская переселенческая экспедиция 1908-1909 гг. не дала положительного ответа на вопрос о возможности переселения крестьянского населения на полуостров, не привела к росту обороноспособности Камчатки, но в совокупности с начавшимися в то же самое время административными преобразованиями (создание в 1909 г. Камчатской области в составе Приамурского генерал-губернаторства) способствовала демографическому и хозяйственному развитию региона.

Библиографический список:

1. Амурская экспедиция (1910). Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 5: Колонизационное значение земледелия в Приамурье / сост. нач. Отряда земледельч. колонизации С.П. Шликевич; [предисл.: нач. Экспедиции, шталмейстер Н. Гондатти]. 1911. 142 с. // URL: https://www.prlib.ru/section/1346512 (Дата обращения: 17.04.2026 г.).

2. Вопросы колонизации: периодический сборник. 1907. Вып. 4. 181 с. // URL: https://www.prlib.ru/item/327568 (Дата обращения: 06.05.2026).

3. Давыдова В.О., Ильина В.А. Советская миграционная политика на Камчатке (1922-1941 гг.): монография. – Петропавловск-Камчатский, 2024. 352 с.

4. Дореволюционный Петропавловск (1740-1916). История города в документах и воспоминаниях / Серия «Из фондов музея». Петропавловск-камчатский: изд-во холд. комп. «Новая книга», 2020. 512 с.

5. Лекай Л.Л. История географического изучения Камчатки. Автореф. дисс. канд. геогр. наук. – М.: 2005. 24 с.

6. Слюнин Н.В. Охотско-камчатский край: естественно-историческое описание: (с картой): [в 2 т.] / составил д-р Н.В. Слюнин. – Санкт-Петербург: издание Министерства финансов, 1900. 2 т. // URL: https://www.prlib.ru/item/356034 (Дата обращения: 27.05.2026).

7. Столыпин П.А. Речи в Государственной Думе. 1906-1911 гг. – СПб., 1912.

8. Троицкая Н.А. Несостоявшийся отчет Камчатской переселенческой экспедиции 1908-1909 гг. // Люди великого долга: материалы междунар. ист. XXVI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 252-255. // URL: https://kamlib.ru/ethnography/dir3/lyudi_velikogo_dolga/nesostoyavshiysya_otchet_

kamchatskoy_pereselencheskoy_ekspeditsii_1908_1909_gg/ (Дата обращения: 10.05.2026).

9. Белов И.А. Сбалансированность развития регионов России факторы и перспективы развития // Альманах «Крым». 2025. № 48. С. 125-132.

10. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83-88.

Reference

1. Amur Expedition (1910). Proceedings of the Amur Expedition, Sent by Imperial Command. Part 5: The Colonization Significance of Agriculture in the Amur Region / compiled by Chief of the Agricultural Colonization Detachment S.P. Shlikevich; [Preface: Chief of the Expedition, Master of the Horse N. Gondatti]. 1911. 142 p. // URL: https://www.prlib.ru/section/1346512 (17.04.2026).

2. Colonization Issues: Periodical Collection. 1907. Part 4. 181 p. // URL: https://www.prlib.ru/item/327568 (06.05.2026).

3. Davydova V.O., Ilyina V.A. Soviet Migration Policy in Kamchatka (1922-1941): Monograph. – Petropavlovsk-Kamchatsky, 2024. 352 p.

4. Pre-revolutionary Petropavlovsk (1740-1916). History of the City in Documents and Memories / Series "From the Museum Collections". Petropavlovsk-Kamchatsky: Publishing House of the Holding Company "Novaya Kniga", 2020. 512 p.

5. Lekai L.L. History of the Geographical Study of Kamchatka. Abstract of a Cand. Sci. (Geographical) Dissertation. – Moscow: 2005. 24 p.

6. Slyunin N.V. Okhotsk-Kamchatka Krai: Natural History Description: (with map): [in 2 volumes] / compiled by Dr. N.V. Slyunin. – St. Petersburg: Ministry of Finance Publication, 1900. 2 vols. // URL: https://www.prlib.ru/item/356034 (27.05.2026).

7. Stolypin P.A. Speeches in the State Duma. 1906-1911. – St. Petersburg, 1912.

8. Troitskaya N.A. The Failed Report of the Kamchatka Resettlement Expedition of 1908-1909 // People of Great Duty: Proceedings of the International Hist. XXVI Krasheninnik Readings. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2009. P. 252-255. // URL: https://kamlib.ru/ethnography/dir3/lyudi_velikogo_dolga/nesostoyavshiysya_otchet_kamchatskoy_pereselencheskoy_ekspeditsii_1908_1909_gg/ (10.05.2026).

9. Belov I.A. Balanced development of Russian regions: factors and development prospects // Almanac "Crimea". 2025. № 48. P. 125-132.

10. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.

Тимербулатов Т.А.
Кандидат исторических наук, доцент. Башкипрский институт социальных технологий (филиал).

Исторический опыт развития системы обеспечения информационной безопасности в РСФСР в 1929–1941 годах. Часть 3. Защита информации техническими средствами*

Аннотация. Обеспечение информационной безопасности – процесс системный, и молодое советское государство формировало эту систему с первых дней существования. Однако по мере изменения условий развития государства, включая угрозы и возможности, менялась ситуация в информационной сфере. Научный интерес представляет вопрос, как менялась система обеспечения информационной безопасности в сложных реалиях 1930-х годов, когда власть противостояла серьезным внешним и внутренним угрозам государственной стабильности и независимости. Часть 3 настоящей статьи посвящена организации в СССР защиты информации техническими средствами. После прихода к власти И.В. Сталин поставил задачу – преодолеть общее отставание от Запада и научно-техническую зависимость от его достижений. Изучено, каким образом в 1930-е годы решалась поставленная задача, как создавалась научно-производственная инфраструктура обеспечения конфиденциальности проводной (телеграф, телефон) и беспроводной (радио) связи и какие результаты в деле защиты правительственной и военной информации бвли получены.

Ключевые слова: информация, защита информации, проводная связь, радиосвязь, шифровальная аппаратура, защита голосовой информации.

Timerbulatov T.A.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Bashkiria Institute of Social Technologies (branch).

Historical experience of the development of the information security system in the RSFSR in 1929–1941. Part 3. Information protection by technical means

Abstract. Ensuring information security is a systemic process, and the young Sovi-

* © Тимербулатов Т.А., 2026.

et state developed this system from its earliest days. However, as the conditions of state development, including threats and opportunities, changed, the situation in the information sphere evolved. Of scholarly interest is the question of how the information security system evolved in the complex realities of the 1930s, when the government confronted serious external and internal threats to state stability and independence. Part 3 of this article is devoted to the organization of technical information security in the USSR. After coming to power, I.V. Stalin set the goal of overcoming the general lag behind the West and its scientific and technological dependence on its advances. This article examines how this task was accomplished in the 1930s, how the scientific and industrial infrastructure for ensuring the confidentiality of wired (telegraph, telephone) and wireless (radio) communications was created, and what results were achieved in protecting government and military information.

Key words: information, information security, wired communication, radio communication, encryption equipment, voice information security.

Введение

В научно-техническом развитии Россия столетиями ориентировалась на достижения передовых западных стран. После Октября 1917 г. при участии В.И. Ленина в молодом государстве, обескровленном революциями и войнами, начали закладываться основы научно-технической и технологической самостоятельности. Сначала на уровне сохранения научных и учебных заведений и их кадров, доставшихся в наследство от предыдущей эпохи (что было объективно сложно ввиду бедности государства и идеологических установок, повлекших эмиграцию специалистов), а также создания опекаемых государством лабораторий под реализацию конкретных прогрессивных научно-технических идей. Успехи были, даже ошеломлявшие Запад. Однако в целом наука и технологии СССР в 1920-е годы оставались. в догоняющей позиции с ориентцией на западные тенденции разития.

Прийдя к власти, И.В. Сталин поставил амбициозную задачу – обеспечить независимое превосходство советской науки и технологий, объективно оценивая в 1931 г. болезненный для государства факт: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Эта вошедшая в историю фраза была адресована не ученым, а руководителям и работникам промышленности, но фактически она была обращна ко всем. Лидер государства напомнил, что старую Россию «непрерывно били за отсталость», потому что «это было доходно и сходило безнаказанно». Таков волчий закон. Если «ты могуч – значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться» [1]. Чем не посыл для всей советской системы защиты государства. Стать могучим государством в научной и технологической областях обеспечения информционной безопасости (ОИБ) и защиты инфор-

мации (ЗИ) стоило огромных усилий. Сразу оговоримся, что настоящее исследование, напрямую связанное с техническими областями научного познания, имеет прежде всего историческую направлеость. Поэтому с некоторыми пояснениями технического характера акцентируем внимани на исторческм процессе.

О подготовке кадров для сферы защиты информации

Обобщающих исследований на эту тему мы не нашли. Поэтому решили изучить биографии ученых, инженеров и конструкторов средств ЗИ, получивших образование в 1930-е годы, имена которых на сегодняшний день известны (подчеркнем, что эти специалисты работали в режиме строжайшей секретности и даже близкие не были осведомлены об их деятельности).

Например, выдающийся советский ученый В.А. Котельников, в сфере научных интересов которого окаалась в том числе покорившаяся ему криптография, получил высшее образование на электротехническом факультете Московского высшего технического училища (МВТУ) и стал обладателем свидетельства об окончании Московского энергетического института (МЭИ). Для справки: МВТУ (ныне известная «Бауманка») – одно из старейших технических учебных заведений России, основанное еще в 1830 г. при Николае I как ремесленное училище, преобразованное в 1868 г. в Императорское Московское техническое училище (ИМТУ), а в 1918 г. – в Московское высшее техническое училище (МВТУ). В 1930 г., когда В.А. Котельников учился на выпускном курсе, шла реформа высшего образования, заключавшаяся в привязке учебных заведений к конкретным научным и приозводственным отраслям. МВТУ было преобразовано в Московский механико-машиностроительный институт (ММИ) (временно), а его электротехнический факультет вместе с электропромышленным факультетом Института народного хозяйства составили основу вновь созданного МЭИ. Это штрих к представлению о высшей школе 1930-х годов, котрый, на первый взгляд, мало объясняет, как выпускник МЭИ пришел в сферу ЗИ. На самом деле спектр научных направлений электротехнического факультета был обширен. В частности, В.А. Котельников во время учебы дважды проходил практику в Нижегородской радиолаборатории (в 1928 г. переведена в Ленинград и названа Центральной радиолабораторией) [2, с. 12-13, 61-64]. А это уникальная организация, создание которой еще в 1918 г. поддержал лично В.И. Ленин и где еще тогда ученый-радиотехник М.А. Бонч-Бруевич с коллегами вел работы по созданию отечественной радиотелефонии и параллельно – по криптографической защите речевого сигнала [3, с. 92]. По окончании МЭИ В.А. Котельников получил распределение в Научно-испытательный институт связи РККА (НИИС РККА). Ра-

боал недолго – вернулся в МЭИ по настоянию его руководства в качестве аспиранта. Но в НИИС РККА закрепился его интерес к радиотехнике. В МЭИ тогда только закладывалась лабораторная инфраструктура для проведения радиотехнических исследований, и В.А. Котельников принимал в этом процессе активное участие, как и в образовании в 1938 г. радиофакультета. Параллельно с 1931 г. по приглашению начал работу в Научно-исследовательском институте связи (НИИС) Наркомата почт и телеграфа (НКПиТ) (с 1932 г. Наркомата связи (НКС)) [2, с. 74]. Опуская описание дальнейшего пути ученого, отмечаем, что в 1930-е годы он, инженер-электрик по образованию, был вовлечен в обеспечение секретности правительственной связи как признанный специалист в сфере радиотехники и криптографии.

Отметим, что В.А. Котельников – крупный ученый, в сфере научных интересов которого оказались также информатика и радиоастрономия. Биография ученого такого уровня не может быть тайной, чего нельзя сказать о многих других специалистах, биографии которых по-прежнему задокументированы в секретных документах. По редким опубликованным биографическим сведениям можно заключить, что специалисты по технической ЗИ вырастали из выпускников технических вузов или из слушателей специальных курсов и школ либо ОГПУ / НКВД, либо РККА. Основы криптографии в 1930-е годы преподавались в Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева в Москве и в Военной академии связи РККА в Ленинграде. Учебники же по криптографии писали специалисты Спецотдела. Особое место в ряду организаций, готовящих кадры для секретной сферы, заняла в 1938 г. Школа особого назначения (ШОН) НКВД [4, с. 100]. ШОН готовила в первую очередь разведчиков, а не изобретателей, но проблемам шифрования и передачи информации в ней уделялось особое внимание.

Итак, об особой системе образования в сфере ЗИ речь не шла. Но наука в данной сфере, как мы выяснили ранее, развивалась с ленинских времен [3]. В 1930-е годы исследованиями, например, в области секретной телефонии занималось несколько организаций: институты связи (с менявшимися названиями) НКПиТ / НКС, РККА, Военно-морского флота (ВМФ), а также лаборатории ОГПУ / НКВД, заводов им. Коминтерна и «Красная Заря» [4, с. 93]. Аналогично ситуация складывалась и по другим направлениям ЗИ. Многие специалисты-практики преподавали как в технических вузах, так и в школах и на курсах особого назначения. Полагаем, кадровое пополнение научных организаций не в последнюю очередь находилось в их поле зрения и зависело от способностей и интересов самих выпускников, имевших зачастую опыт партийной, военной и иной деятельности.

О развитии криптографии

Оним из древнейших методов ЗИ является криптография (тайнопись), или шифрование (и дешифрование). Криптография зародилась вместе с письменностью, т.е. изначально совершенствовалась самостоятельно и параллельно со способами передачи и перехвата информации. С развитием технических средств коммуникации криптография стала частью более широкого понятия – криптографическая деятельность, ибо технические средства передачи информации потребовали разработки адаптированных к ним приемов шифования. К исследуемому периоду в плане развития информационных коммуникаций человечество прошло путь от гонцов до проводной (телеграф, телефон) и беспроводной связи (радио). Изменилась и сама тайнопись – возможной стала ее техническая реализация. И все же выделим криптографию в по-прежнему самостоятельное явление, поскольку шифрование (дешифрование) и передача (перехват) информации – это связанные, но разные процессы.

Во время и после Первой мировой войны в странах с передовой наукой актуализировалась проблема замены ручного шифрования шифромашинами, и ряд стран (США, Великобритании, Германии и др.) в этом вопросе немало преуспел. В 1920-е годы СССР тоже стремился обзавестись шифровальной техникой, но отечественные замыслы находились в стадии разработки, а зарубежные фирмы делиться технологиями не желали (хотя некоторые образцы шифромашин СССР все-таки закупил) [3, с. 92, 93].

Напомним, что И.В. Сталин ставил задачу достичь независимости от достижений западного мира. Шифровльной техники это тоже касалось. Принцип действия шифровальной техники, отличный от зарубежных образцов, предложил в 1930 г. инженер И.П. Волосок. В 1932 г. под его руководством в технической лаборатории шифровальной службы 8-го отдела Главного штаба РККА были созданы опытный образец шифромашины ШМВ-1 (шифромашина Волоска) и образцы механических шифрующих приспособлений к телеграфным аппаратам. Серийной эта техника не стала ввиду громоздкости и механической ненадежности, но работа продолжилась. В конце 1933 г. представители командования РККА и Спецотдела ОГПУ определили предприятие, в наибольшей степени подходящее для разработки и изготовления советской шифромашины. Выбор пал на Ленинградский телефонно-телеграфный завод им. А.А. Кулакова (завод № 209). С 1934 г. при заводе шифрующий аппарат создавала группа специалистов (изначально Спецотдел утвердил группу в составе В.М. Демичева, В.Н. Рытова, О.А. Примазовой, Е.П. Изотовой, затем в группу вошли и другие специалисты) под руководством И.П. Волоска. Результат был получен в 1938 г., когда завершились все процедуры по конструированию, испытаниям и выпуску первых серийных экземпляров

шифромашины В-4. При серийном производстве усовершенствованная аппартура В-4 получила название М-100 «Спектр». Серия была небольшая. Шифромашина получилась простой в использовании, но ее вес достигал 141 кг. Проект на этом не был остановлен. Концепция В-4 с 1938 г. развивалась в двух вариантах, обусловленных требованием обеспечения разных уровней управления войсками разными моделями шифовальной техники. Разработки вели две группы специалистов, и каждая внесла свой вклад в совершенствование аппаратов. Затем с использованием всех перспективных идей под общим руководством И.П. Волоска был разработан новый образец шифрмашины М-101 «Изумруд» (В.Н. Рытов, Н.М. Шарыгин, М.С. Козлов и др.). Ее габариты в сравнении с В-4 стали меньше более чем в 6 раз, а вес – более чем в 2 раза. Машину начали серийно выпускать в 1940 году.

Описанные модели, обладавшие высокой степенью надежности и скорости, предназначались для штабов высших уровней управления вооруженными силами, которые шифровали самые большие объемы секретной информации [5, с. 20-22]. Среднему звену управления РККА также требовалась шифровальная техника, но более компактная. И такая работа велась с 1937 г., однако она была сопряжена с серьезной и практически неразрешимой проблемой. Опуская оисания процессов шифрования и оприруя отдельными терминами, необходимыми для дифференциации технических решений, уточняем, что М-100 и М-101 относились к числу машин шифрования с внешним гаммированием, в то время не раскрываемым. Шифромашина для среднего звена управления РККА не могла быть создана по такому принципу, поскольку для этого требовалось многократно большее количество индивидуальных разовых гамм (случайных последовательностей наложения на открытый текст). Проблема стояа не только перед советскими разработчиками. За рубежом делались попытки создать альтернативные дисковые шифраторы, однако на тот момент теоретически доказывалась их меньшая криптостойкость в сравнении с шифромашинами с внешним носителем шифра [6, с. 92-93].

Советский малогабаритный дисковый шифратор создавался одновременно с М-100 и М-101 группой конструкторов во главе с В.Н. Рытовым. Устройство, весившее 19 кг, в 1939 г. после испытаний было запущено в серийное производство под названием К-37 «Кристалл» (первые макеты В.Н. Рытов изготовил в 1937 г.) [5, с. 22]. В литературе отмечается, что К-37 был «полноценным изобретением». По режимным требованиям разработчикам К-37 возбранялось «обращаться к специалистам других предприятий даже для консультаций» [6, с. 93].

По заданиию НИИ связи и особой техники РККА им. К.Е. Ворошилова на заводе № 209 разрабатывались также шифрующие приборы-приста-

ки к различным типам телеграфных аппаратов: к телеграфным аппаратам Морзе с питанием от сети и его полевым аналогам с питанием от аккумуляторов; к телеграфным аппаратам Бодо и СТ-35 [5, с. 23]. Полагаем, для понимания ситуации с разнообразием телеграфных аппаратов уместен небольшой экскурс в историю их создания и применения.

Первую электромагнитную телеграфную систему придумал в 1832 г. русский изобретатель П.Л. Шиллинг. Принимать ее сигналы было сложно, поскольку в ней отсутствовало устройство записи (предполагалось визуальное наблюдение за колебаниями магнитных стрелок). Первый аппарат с записывающим прибором в 1837 г. придумал американский художник С. Морзе. Для передачи информации в этой системе использовался код (азбука Морзе), имевший вид последовательности точек и тире. Передавать и принимать сообщения могли только люди, влдеющие азбукой Морзе, что воспринималось как неудобство для широкого использования телеграфа. Поэтому дальнейшие разработки двинулись в сторону создания буквопечатающих устройств. Впоследствии был создан ряд вариантов буквопечатающих телеграфных аппаратов, среди которых выделим упомянутый выше аппарат фразцузского инженера Бодо (первый телеграф Бодо появился в 1872 г.) [7]. Со временем появлялись новые телеграфные системы, совершенствовались изобретенные ранее. Эти процессы происходили и в СССР. Ленинградский завод им. Кулакова был одним из предприятий, специализировавшихся на телеграфной технике. Со второй половины 1920-х годов он занял в отрасли особое место как главный поставщик телеграфной аппаратуры в РККА и как производственная единица с хорошим исследовательским потенциалом, где велись разработки советских телеграфных аппаратов, а также производились и совершенствовались зарубежные, включая Бодо. Аппарат Бодо к середине 1930-х годов усовершенствовали так, что стала возможной замена на него ряда других зарубежных аппаратов. К этому времени были усовершенствованы и советские модели. Наиболее удачной разработкой завода был признан телеграфный аппарат СТ-35 (Советский телетайп 1935 года). Именно он стал одним из основных телеграфных аппаратов, принятых на вооружение войск связи РККА [8, с. 57–64].

Ответственными разработчиками приставок к телеграфным аппаратам были назначены О.А. Примазова («С-306» и «С-307» к телеграфным аппаратам Морзе), Н.М. Шарыгин («С-308» к телеграфным аппаратам Бодо), В.Н. Рытов («С-309» к телеграфным аппаратам СТ-35). Разработка завершилась во втором квартале 1939 года [6, с. 95].

Но на этом не завершилось сотрудничество с НИИ связи и особой техники РККА с заводом № 209. В 1940 г. на заводе началась разработка «нового военного буквопечатающего стартстопного телеграфного аппарата

НТ-20 со съемным шифрующим прибором-приставкой». Возглавил работу конструктор П.А. Судаков. Обязанности по отделным узлам аппарата были распределены. Съемный шифрующий прибор-приставку разрабатывал В.Н. Рытов. Опытные образцы были изготовлены ближе к концу 1940 г., и после испытаний в начале 1941 г. НТ-20 был принят на вооружение [5, с. 23].

На данном этапе заключаем, что абсолютная независимость СССР от зарубежой техники в 1930-е годы не состоялась (даже РККА опиралась не только на отечественные, но также на измененные и все же зарубежные телеграфные модели). При этом разработчики аппаратуры для шифрования текстов, имевшие возможность ознакомиться с единичными образцами зарубежных шифромашин, в целом были поставлены в условия информационного вакуума, т.е. создавали шифровальную технику без профессиональных контактов с кем бы то ни было.

О развитии технических средств передачи и защиты информации

Из изложенного выше следует, что криптография в исследуемый период заметно изменилась в сравнении с недавними временами, когда в ходу были ручные шифры. Поскольку криптография в буквальном смысле слова связана с написанным или напечатанным текстом, в первую очередь мы рассмотрели ее разаитие в связке с телеграфными, т.е. печатающими устройствами. Но человечество научилось передавать голосовую информацию проводным (телефон) и беспроводным (радио) способами. И голосовая информация также требовала защиты.

Телефонная связь, являвшаяся, как и телеграфная, проводной, имела очевидные преимущества перед телеграфной, к числу которых отнесены прежде всего оперативность коммуникации без затрат времени на печатание, передачу и прочтение текстов, а также фактор голоса (живого общения). Еще в 1920-е годы немало было сделано в рамках защиты правительственной телефонной связи. В то время актуальными являлись такие меры, как обеспечение автономности правительственной связи, создание защищенных переговорных пунктов, использование прямых проводов и пр. Разработки были сосредоточены в системах ОГПУ и НКПиТ. Производство некоторых новейших устройств (например, промежуточных усилителей для обеспечения телефонной связи на большие расстояния) – на ленинградском заводе «Красная заря» [5, с. 9]. Наиболее перспективным направлением защиты считалось высокочастотное (ВЧ) телефонирование (перенос разговорного частотного спектра в область высоких частот, когда по проводам передавался ток высокой частоты, не воспринимаемый человеческим ухом) [8, с. 93]. Первая советская аппаратура ВЧ-телефонирования была создана в середине 1920-х годов на Ленинградской научно-испыта-

тельной станции НКПиТ. Руководил проектом П.А. Азбукин. Линии и станции правительственной ВЧ-связи строились на протяжении всего исследуемого десятилетия. Но гарантом конфиденциальности телефонных переговоров ВЧ-метод считался только до середины 1930-х годов [5, с. 9]. Со временем стало очевидно, что без применения аппаратуры шифрования он защищает разве что от прямого прослушивания [4, с. 93]. Во-первых, использование даже простого детекторного приемника позволяло восстановить оригинал переговоров. Во-вторых, прблему усугублял человеческий фактор – вербовка иностранными спецслужбами работников, обслуживавших разветвленную ВЧ-связь [9]. Иными словами, техническая ЗИ состояться без криптографии не смогла. Другое дело, что шифрование речевого сигнала принципиально отличалось от шифрования печатного текста. В исследуемый период шифрование речевого сигнала подразумевало использование особых технических способов его маскировки. В середине 1930-х годов в лаборатории завода «Красная Заря» инженеами К.П. Егоровым и Г.В. Старицыным была создана первая отечественная автоматическая засекречивающая аппаратура связи (ЗАС) для ВЧ-систем – инвертор ЕС [4, с. 93] (прибор, в котором осуществлялась «инверсия всего спектра речи относительно его центра» [10]). В 1937 г. прошел испытание образец ЗАС ЕС-2 (с одобрением серийного производства). Затем на заводе «Красная заря» был выпущен ряд вариаций ЗАС, как упрощенных, защищающих информацию короткое время, так и сложной аппаратуры С-1 (1938 г.), требующей «длительного инструментального времени» на рассекречивание [8, с. 106].

Параллельно с автономной правительственной развивалась телефонная связь войск. В системе РККА, как отмечено выше, большое внимание уделялось засекречиванию информации, передаваемой телеграфным способом, но на практике предпочтение отдавалось телефонной связи и, соответственно, средствам обеспечения ее секретности. С 1920-х годов совершенствовалось телефонное оборудование (телефонные аппараты, коммутаторы и пр.), продумывались методы борьбы с перехватами и одновременно разрабатывались передвижные станции подслушивания телефонных переговоров [8, с. 83, 93]. Заметных успехов в защите военной телефонной связи удалось достичь в 1927–1928 г., когда в НИИС РККА сотрудник телефонно-телеграфного отдела Н.Г. Суэтин разработал обеспечивающий секретность военно-полевой телефонный аппарат ГЭС. Шесть таких аппаратов сразу были изготовлены для пограничной охраны и войск ОГПУ [9]. Но после испытаний работа продолжилась, и в результате был создан усовершенствованный аппарат ГЭС-4, заказ на изготовление которого получил опять же завод «Красная заря» [8, с. 93]. Нам не удалось выяснить, какую техническую идею воплотил Н.Г. Суэтин, создавая теле-

фонный аппарат с засекречивающей функцией, но одно на данном этапе исследования можно утверждать со всей очевидностью – если на заводе им. А.А. Кулакова сосредоточились научные и производственные ресурсы защиты телеграфной правительственной и военной информации, то за заводом «Красная заря» закрепилась телефонная специализация.

Что касается метода Суэтина, то в начале 1930-х годов он некоторое время рассматривался как перспективный. Аппаратура на основе этого метода совершенствовались не толко в НИИС РККА, но и в военном отделе Центральной лаборатории проводной связи (ЦЛПС) ВСНХ. Отдел возглавлял А.Г. Эльсниц, и под его руководством разрабатывались аппараты серии УНА. Однако «полигонные испытания приборов продемонстрировали чрезвычайную сложность их регулирования в условиях практической эксплуатации». Работы в этом направлении были прекращены и в НИИС РККА, и в военном отделе ЦЛПС. Как оказалось, на время. В 1932 г. прошла реформа отраслевых лабораторий. Телефонные лаборатории ЦЛПС, включая лабораторию военного отдела, были объединены с лабораториями «Красной зари». Установлено, что в новом образовании «в конце 1936 г. были выпущены первые партии модифицированных телефонных аппаратов УНА-Ф-31 и УНА-И-31» [8, с. 93, 97, 101]. Надо понимать, альтернативный метод засекречивания был желателен, но его еще предстояло изобрести.

Отметим также, что в сложившейся ситуации для РККА тоже разрабатывалась аппаатура ВЧ-телефонирования. На «Красной заре» в 1936 г. была разработана, а в 1937 г. запущена в серийное производство аппаратура ВЧТ-1, отвечавшая армейским требованиям [8, с. 105].

Вместе с тем поиски нового метода засекречивания телефонных переговоров для войск не прекращались. В 1938 г. А.Г. Эльсниц переключился на научно-педагогическую деятельность в Военной электротехнической академии, где организовал группу разработчиков нового метода секретного телефонирования. Результат был получен в 1940 г., но ушло время на испытания, и до начала Великой Отечественной войны проект не реализовали. «Уже во время войны, аппарат был создан в лаборатории завода «Красная заря», эвакуированной в Уфу, и некоторое время применялся в войсках» [8, с. 107].

Об обеспечении секретности радиообмена

В исследуемый период развивалась не только проводная, но и радиосвязь, в т.ч. радиотелеграфия и радиотелефония. Но в этой сфере ситуация складывалась сложнее. Со времен гражданской войны устоялось мнение (причем справедливо), что радиосвязь слишком уязвима перед вражескими службами радиоперехвата и дешифрования, оттого тогда в высшем ру-

ководящем звене предпочитали прибегать к проводной связи. С другой стороны, радиосвязь невозможно было не развивать. Время шло и требовало современных конкурентных решений, особенно в случаях, когда провести проводную связь было невозможно.

Радиосвязью и засекречиванием радиосигнала советские ученые занимались еше за заре Советской власти (вспомним, например, над чем работал М.А. Бонч-Бруевич), но в 1930-е радиосвязь, считавшаяся незащищенной, оставалась «на начальном этапе развития». До середины 1930-х годов ею занимались в основном военные специалисты для обеспечения связи на флоте, в авиации и т.д. Затем радиолаборатории создали по инициативе НКВД, отвечавшего за правительственную связь. Аппаратура, в т.ч. аппаратура засекречивания, изготавливалась на «Красной заре». Выше упоминалась аппаратура серии ЕС (К.П. Егоров, Г.В. Старицын) для проводной телефонной связи. Добавим, что тогда же была создана засекречивающая аппаратура серии ЕИС (К.П. Егоров, М.И.Ильинский, Г.В. Старицын) для радиотелефонии. В обоих случаях использовался принцип инверсии спектра передаваемого сигнала [2, с. 96].

Особую роль в развитии радиосвязи сыграл В.А. Котельников, который, как мы знаем, по образованию был инженером-электриком и разбирался в проводной связи, но со студенческих лет проявил интерес к радиотехнике и в 1931 г. принял приглашение на работу в НИИС НКПиТ, где вплотно занялся вопросами радиотелеграфии и радиотелефонии. Котельников участвовал в разработке аппаратуры для магистралей проводной ВЧ-связи. Параллельно он продвигал идею нового способа радиопередачи («на одной боковой полосе»), не встречая особой поддержки. Однако ему удалось доказать руководству НКС, что этот способ «имеет целый ряд технических преимуществ и более выгоден экономически». Группа единомышленников Котельникова провела необходимую подготовку, после чего, как вспоминал сам автор идеи, «дали нам линию Москва–Хабаровск». А затем произошло непредвиденное – «готовую и испытанную уникальную однополосную радиотелефонную линию к эксплуатации не приняли». Комиссия сочла, что линия не обеспечивает секретность переговоров. В срочном порядке надо было создать специальную шифровальную аппаратуру. Отметим, что в силу секретности Котельников не знал, ведутся ли подобные работы в других лабораториях, и начинал «с нуля». Под его руководством был разработан первый шифратор, сочетающий частотные преобразования речевого сигнала с перестановками его отрезков по времени. Причем преобразования речевого сигнала были динамическими, т.е. менялись во времени по случайному закону. В ходе разработки аппаратуры возникали новые идеи, появлялись изобретения. Нововведения отрабатывалась на линии радиосвязи Москва – Хабаровск. А когда началась война, Котельников получил

новое задание по обеспечению секретности правительственной связи. Но к тому времени он погрузился в вопросы криптографии и попытался разобраться, возможно ли сделать шифр абсолютно стойким. Потом вспоминал: «Доказал, что возможно, но для этого шифр должен использоваться только один раз». Об этом он написал в закрытом отчете «Основные положения автоматической шифровки» (отчет был сдан за три дня до войны) [2, с. 91–92, 100]. В СССР секртные идеи ученого не могли быть опубликованы. Поэтому в мировом сообществе принято считать, что автором теории шифра абсолютной стойкости является американский инженер К. Шеннон, изложивший схожие идеи в своем закрытом докладе в 1946 г., и этот доклад в 1949 г. был опубликован [9]. А в СССР работы по созданию стойкой системы шифрования продолжились с опорой на теорию Котельникова.

В целом можно отметить, что недоверчивое отношение к радиосвязи объяснимо. Радиоперехват действительно не составлял проблему. В первой половине 1930-х годов из всей перехваченной немцами радиоинформации от РККА исходила малая часть. Причина простая – «подразделения РККА практически не использовало радиосредства». Зато порядка 70% исходила от НКВД [11], который пользовался радиосвязью более активно. Между тем проблема была не в использовании радиосредств. Притормаживание радиообмена обеспечивало ЗИ пассивно, а во второй половине 1930-х годов активизироваться в применении радиосвязи пришлось даже РККА. Проблема состояла в эффективном засекречивании радиообмена, и в вопросе его научно-производственной организации время некоторым образом было упущено. Огромные усилия и ресурсы были брошены на создание сети проводной связи, но именно на ее уничтожение противник небезуспешно нацелился с самого начала войны. К тому же «недооценка радиосвязи естественным образом тормозила развитие техники радиоперехвата и радиопеленгации» [5, с. 17].

Заключение

В 1920-е годы в вопросах ЗИ советская наука ориентировалась на западный опыт и находилась в догоняющем состоянии. В начале 1930-х глава государства обозначил задачу – достичь независимости от зарубежных достиженй. Абсолютной нзависимости не было, но ученые, конструкторы и техники, занимавшиеся проблемами ЗИ, были поставлены в условия секретности и не имели возможности взаимодействовать с коллегами из дугих организаций. В таких условиях рождалась независимая ЗИ по советскому образцу.

Приоритетной в плане возможности обеспечения секретности правительственной и военной информации считалась проводная связь (телеграф, телефон). В этих направлениях были достигнуты немалые успехи.

Отдельные виды советской шифровальной техники результативно прошли испытания в боевых условиях. Так, шифромашина В-4 была использована в 1939 г. для связи штаба армейской группы с Генштабом РККА во время событий на реке Халхин-Гол и не подвела: «Криптографы противника, а вместе с ними и японские войска потерпели поражение» [11]. Но выявлялись и слабые стороны создаваемой аппаратуры, поэтому вплоть до начала войны велись работы по ее совершенствованию.

Некоторая предвзятость проявлялась в отношении радиосвязи ввиду ее уязвимости перед вражескими службами радиоперехвата. Конечно, радио развивалось и распространялось. Нелишне учесть, что в то время радио набирало обороты как СМИ. Но радиопередача конфиденциальной инфомации, особенно правительственнй и военной, действительно была связана с рисками более значительными в сравнении с передачей информации по проводам. Во второй половине 1930-х годов не только преимущества, но и необходимость развития радиосвязи уже нельзя было игнорировать Как минимум нельзя было игнорировать потребности авиации, флота, танковых и других войск, которые в боевых условиях могли рассчитывать исключительно на беспроводную связь. Риски дешифрования способна была перекрыть только новая прорывная технология защиты радиообмена, не применяемая нигде. Идеи для такого прорыва перед самым началом войны сгенерировал В.А. Котельников. Отчасти они были апробированы на радиолинии Москва – Хабаровск.

К началу Великой Отечественной войны в плане ЗИ СССР не имел абсолютных гарантий, но, пройдя в 1930-е годы стремительный путь поисков, проб и ошибок, сформировал независимую научно-техническую и инфраструктурную базу для создания надежных средств ЗИ.

Библиографический список:

1. Сталин И.В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности от 4 февраля 1931 г.// Правда. 1931. 5 февраля.
2. Котельников В.А. Судьба, охватившая век. В 2 т. Т. 2. Н.В. Котельникова об отце. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011. 412 с.
3. Тимербулатов Т.А., Юсупов Р.Г. Криптографические и технические методы защиты информации в СССР в 1922–1929 годы // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2026. Т. 58. № 1. С. 89-96.
4. Токарева Н.Н. Об истории криптографии в России // Прикладная дискретная математика. 2012. № 4 (18). С. 82-107.
5. Великая Победа: в 15 т. Т. 10: Война в эфире. М.: МГИМО-Университет МИД России, 2015. 356 с.
6. Дадуков Н.С., Репин Г.А., Скачков М.М., Филин Ю.П. Советская шифровальная техника. Ленинградский период: 1935–1941 Ч. 4. Расширение номенклатуры шифровальной техники // Защита информации. Инсайд. 2006. № 4 (10). С. 92-96.
7. Рыжков К.В. Электрический телеграф [Электронный ресурс] // Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова: сайт. // URL: https://library.istu.edu/hoe/books/telegraph.pdf (Дата обращения: 30.03.2026).
8. Алексеев Т.В. Разработка и производство промышленностью Петрограда-Ленинграда средств связи для РККА в 20–30-е годы XX века: дис. … канд. ист. наук. СПб.: 2007. 213 с.
9. Гребенников В. Правительственная связь в СССР. История спецсвязи [Электронный ресурс]

// Картаслов.РУ: сайт. // URL: https://kartaslov.ru/книги/Вадим_Гребенников_Правительственная_связь_в_СССР_История_спецсвязи/ (Дата обращения: 18.04.2026).

10. Столпаков Б. «Слушают или нет?..» Путь советской секретной телефонии во время Великой Отечественной войны // [Электронный ресурс] // BIS Journal. 2020. № 2(37). // URL: https://ib-bank.ru/bisjournal/post/1306 (Дата обращения: 17.03.2026).

11. Столпаков Б. Сосредоточение перед взлетом. Криптографическая служба СССР в 1930-е годы [Электронный ресурс] // BIS Journal. 2021. № 3 (42). // URL: https://ib-bank.ru/bisjournal/post/1646 (Дата обращения: 17.03.2026).

12. Гаева А.В. Опыт эмпирического исследования эффективности деятельности региональной политической элиты // Культура Мира. 2026. Том 14. Вып. 1. (№ 52). С. 204-218.

Reference

1. Stalin I.V. On the Tasks of Economic Executives: Speech at the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry, February 4, 1931 // Pravda. February 5, 1931.

2. Kotelnikov V.A. Fate That Embraced a Century. In 2 volumes. Vol. 2. N.V. Kotelnikova on her father. Moscow: FIZMATLIT, 2011. 412 p.

3. Timerbulatov T.A., Yusupov R.G. Cryptographic and Technical Methods of Information Protection in the USSR in 1922–1929 // Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2026. Vol. 58. № 1. P. 89-96.

4. Tokareva N.N. On the History of Cryptography in Russia // Applied Discrete Mathematics. 2012. № 4 (18). P. 82-107.

5. The Great Victory: in 15 volumes. Vol. 10: War on the Air. Moscow: MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2015. 356 pages.

6. Dadukov N.S., Repin G.A., Skachkov M.M., Filin Yu.P. Soviet Encryption Technology. The Leningrad Period: 1935–1941. Part 4. Expansion of the Range of Encryption Technology // Information Security. Inside. 2006. № 4 (10). P. 92-96.

7. Ryzhkov K.V. Electric Telegraph // Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov: website. // URL: https://library.istu.edu/hoe/books/telegraph.pdf (30.03.2026).

8. Alekseev T.V. Development and Production of Communication Equipment for the Red Army by the Petrograd-Leningrad Industry in the 1920s and 1930s: Diss. ... Cand. of History. St. Petersburg: 2007. 213 p.

9. Grebennikov V. Government Communications in the USSR. History of Special Communications // Kartaslov.RU: website. // URL: https://kartaslov.ru/knigi/Vadim_Grebennikov_Pravitel'stvennaya_svyaz'_v_SSSR_Istoriya_spetssvyazi/ (18.04.2026).

10. Stolpakov, B. “Are They Listening or Not?..” The Path of Soviet Secret Telephony During the Great Patriotic War // [// BIS Journal. 2020. № 2 (37). // URL: https://ib-bank.ru/bisjournal/post/1306 (17.03.2026).

11. Stolpakov, B. Concentration Before Takeoff. The Cryptographic Service of the USSR in the 1930s // BIS Journal. 2021. № 3 (42). // URL: https://ib-bank.ru/bisjournal/post/1646 (17.03.2026).

12. Gaeva A.V. Theoretical analysis of the effectiveness of the regional political elite // Culture of World. 2026. Vol. 14. Issue 1. (№ 52). P. 204-218.

Антипов А.А.
Аспирант 1 курса. Московский городской педагогический университет. SPIN-код: 4184-5319

К вопросу об общественно-политическом положении академического сообщества Московского университета в 1917 году*

Аннотация. В этой статье излагается обзор историографии зарубежных и российских исследователей по вопросу положения академического сообщества и высшей школы России в конце 19-начале 20 века. Анализу подвергаются труды Никитиенко С.М., Рачковской К.А., Никс Н.Н. и ряда других исследователей, изучающих экономические, политические и социально-бытовые условия жизнедеятельности академического сообщества, его взаимоотношения с государством и обществом. Невзирая на значительное количество работ, посвящённых этому вопросу, аспект восприятия процессов 1917 года академическим сообществом Московского университета остаётся лишь частично изученным. Выявлено отсутствие последовательного и всестороннего анализа социальных процессов внутри Московского университета с февраля по октябрь 1917 года, степени активности студенческих организаций, политических видов деятельности профессорско-преподавательского состава и студенчества.

Ключевые слова: историография, академическое сообщество, Московский университет, восприятие революции, интеллигенция, источники личного происхождения, студенческие организации, материальное положение, радикализм, социальная категория.

Antipov A.A.
1st year graduate student. Moscow City Pedagogical University. SPIN-code: 4184-5319

On the socio-political situation of the academic community of Moscow University in 1917

Abstract. This article provides an overview of the historiography of foreign and Russian researchers on the situation of the academic community and higher education in Russia in the late 19th and early 20th centuries. The works of Nikitienko, Rachkovskaya, Nicks and a number of other researchers studying the economic, political and social conditions of the academic community, as well as its relationship with the state and society,

* © Антипов А.А., 2026.

are analyzed. It is illustrated that despite a significant number of works devoted to this issue, the aspect of the perception of the 1917 processes by the academic community of Moscow University remains partially studied. The absence of a consistent and comprehensive analysis of social processes within Moscow University from February to October 1917, the degree of activity of student organizations, political activities of the faculty and students has been revealed.

Key words: historiography, academic community, Moscow University, perception of the revolution, intelligentsia, sources of personal origin, student organizations, financial situation, radicalism, social category.

Высшие учебные заведения дореволюционной России были развёрнуто освещены в отечественной и зарубежной историографии в трудах, посвящённых высшей школе. Данные исследования позволяют понять, в каких социально-экономических, культурных и политических условиях находилась студенческая среда и профессорско-преподавательский состав накануне революционных событий 1917 года.

К наиболее значимым трудам в этом направлении стоит отнести работы А.Е. Иванова «Студенческая корпорация России конца XIX - начала XX века»[1] и «Высшая школа России в конце XIX - начале XX века»[2]. В своих исследованиях историк делает акцент на состоянии высшей школы в дореволюционный период, почти не касаясь ситуации 1917 года. Основываясь на источниковой базе уставов студенческих организаций, мемуаристике, полицейских отчётах и публицистике, автор рассматривает студенчество в качестве особенной категории населения, с присущей ей саморефлексией и специфическим познанием действительности. Информация, содержащаяся в работах автора, позволяет оценить структуру, численность, национальный состав студенчества и профессорско-преподавательского состава, что может быть полезно в рамках анализа предреволюционной ситуации.

Важно обратить внимание на труды, посвящённые конкретным персоналиям, которые являются очевидцами значимых социально-политических событий 1917 года. В частности, стоит отметить работу Цыганкова Д.А. «Профессор Московского университета В. И. Герье (1837-1919)»[3] и труд Вандаловской М.Г. «П.Н. Милюков, А.А. Кизиветтер: история и

1 *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX - начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации / А.Е. Иванов; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – Москва: Новый хронограф, 2004. 407 с.: ил., портр., факс.: 22 см.; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX - начале XX века / А.Е. Иванов. – М.: 1991. 392 с.,

2 *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX - начале XX века / А.Е. Иванов; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва: Б. и., 1991. – 392 с.: ил.: 21 см.; ISBN (В пер.) (В пер.).

3 *Цыганков Д.А.* Профессор всеобщей истории В.И. Герье (1837–1918) // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 219-230.

политика»[4]. Отдельно отмечу, что А.А. Кизиветтер, являясь в 1917 году членом кадетской партии и преподавателем Московского университета, оставил после себя дневниковые записи, что может служить ценным источником для понимания политических процессов того периода.

Нельзя обойти вниманием сборник, посвящённый истории Московского университета. Изданный в 1955 году, этот труд содержит в себе как аналитику, так и фактологию. Особенно значение имеет значение та часть сборника, которая посвящена событиям 1917 года[5]. Её анализ позволяет выявить ключевые события в истории университета на протяжении переломного года российской истории.

Также стоит остановиться на труде Думного В.В. «Материалы о московском Студенческом доме»[6]. Данная организация изначально была призвана объединить другие студенческие сообщества первопрестольной для отстаивания социально-экономических интересов студентов, однако в дальнейшем её руководство радикализировалось и, подпав под влияние крайних социалистических течений, приняло участие в подготовке октябрьских событий 1917 года в Москве. Этот материал характерен тем, что там наглядно проиллюстрировано влияние студенческих организаций на политические события и связь студенчества с политическими партиями.

Для оценки общественных взглядов студенчества в ту историческую эпоху полезно обратиться к работе А. Р. Маркова «Что значит быть студентом: работы 1995-2002 годов»[7]. Автор делает акцент на изучении Петербургского студенческого сообщества, в этом труде содержатся сведения, относительно общественного мнения студенчества тех лет и политических пристрастиях учащейся молодёжи.

С последовательностью и структурностью к характеристике процессов, происходящих в высшей школе, подходит Красовицкая Т.Ю. в работе «Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917-1920 год»[8]. В исследовании наглядно иллюстрируется процесс адаптации высшего образования к требованиям, выдвигаемым государством. В этом труде демонстрируется динамика взаимоотношений ака-

4 *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика, Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – Москва: Наука, 1992. 285, [2] с.

5 История Московского университета, – М.: 1955.

6 *Думный В.В.* «Материалы о московском Студенческом доме (1915-1917гг.) // Советские архивы.- 1983. № 5. С. 50-54

7 *Марков А.Р.* Что значит быть студентом: работы 1995-2002 гг. – Москва: Новое лит. обозрение, 2005 (РГУП Чебоксар. тип. N1). 255, [2] с.; 22 см. (Научная библиотека.) (Новое литературное обозрение: Научное приложение; Вып. 47)

8 *Красовицкая Т.Ю.* Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917-1920 год / Т.Ю. Красовицкая; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. – Москва: Ин-т рос. истории РАН, 2002. 415, [1] с.

демической среды и государственных органов.

Для того чтобы иметь комплексное представление об общественных настроениях, царящих в академической среде, стоит оценить позицию профессорско-преподавательского состава относительно революционных событий 1917 года. Для этого разумно обратиться к таким трудам А.В. Квакина, как «Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции»[9] и «Завоевание высшей школы: профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 - конец 1930-х годов)»[10]. В своих работах исследователь даёт подробный анализ академической среды и общественно-политических процессов революционного периода с позиции марсистско-ленинского учения и господствующих на тот исторический период идеологических установок.

Точка зрения академического сообщества на годы революции нашла своё отражение и в работе А.А. Кизиветтера ««Московский университет и его традиции»[11]. Профессор истории стоит на позициях академизма, согласно которым университет—это прежде всего научное учреждение, а политические изменения не должны сказываться на образовательном процессе.

Вопросу взаимодействия представителей студенчества и политических партий посвящена диссертация Н.Г. Завадовского «Студенчество и политические партии России в конце 19—начале 20 века»[12]. Наряду с формированием общественных воззрений молодого поколения под воздействием тех или иных идеологических течений, автор акцентирует внимание на проблеме социального неравенства представителей студенчества.

Отмечу, что социально-экономическое положение большинства членов студенческой корпорации оставляло желать лучшего: зачастую после внесения платы за обучение и жилище у студента не оставалось сколько-нибудь значительных средств и для обеспечения минимального уровня жизни, приходилось экономить и подрабатывать. И.А. Корягина в труде «О бедном

9 *Квакин А.В.* Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции: Теорет.-методол., источниковед., историогр. аспекты: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов ист. фак. / А.В. Квакин. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 77,[2] с.;

10 *Квакин А.В.* «Завоевание высшей школы» [Текст]: профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 - конец 1930-х годов) / А.В. Квакин, Е.С. Постников. – Москва: Ветераны спецслужб, Науч. журн. «Экономика-Право-Политика», 2009. 526 с.

11 *Кизеветтер А.А.* Московский университет и его традиции: роль Московскаго университета в культурной жизни России / А. А. Кизеветтер. - Прага: [б. и.], 1927. 18 с.: ил.; 24 см. - (День русской культуры).

12 *Завадский Н.Г.* Студенческое движение и политические партии России в конце XIX - начале XX века Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.ист.н., Спец. 07.00.02 / Завадский Николай Генрихович; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. 2000. 42, [1] с.; 20.

студенте замолвите слово»[13] отмечает, что бытовое неблагополучие студенческой жизни в сочетании с юношеским максимализмом являлись питательной почвой для радикализации студенчества как социальной категории.

Особенный интерес для нас представляет диссертация С.В. Павловской «Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX веков»[14]. В этой работе автор вводит в научный оборот некоторое количество источников личного происхождения, отражающих мысли, идеи, психологию и взгляды людей той исторической эпохи. Среди подобных источников для науки значительный интерес представляют те материалы личного происхождения отечественных историков, жизненный путь которых совпал со временем революционных перемен в Российском государстве. Новым в её работе, по сравнению с работами предшественников, является попытка сформировать целостный подход к воспоминаниям историков как единому тематическому комплексу.

Стоит отметить диссертацию И.В. Сидорчука «Академическое гуманитарное сообщество и политика государства в России: 1914-1930 гг.»[15]. Эта работа интересна тем, что в ней последовательно разработан вопрос о взаимосвязи академической среды с государственной политикой конца 19-начала 20 века. Здесь был выделен и проанализирован вопрос о ключевых тенденциях концептуального развития высших учебных заведений в контексте истории и психологии учёного сообщества. Также исследовался вопрос о роли академического сообщества в становлении культурной политики государства в соответствующий период. В указанной диссертации исследователь стремится пересмотреть имеющиеся стереотипы оценок истории науки в России, выдвинув собственное, авторское видение.

Следующей работой, о которой также разумно упомянуть, является диссертация Т.А. Пархоменко «Российская интеллектуальная элита в поисках «нового пути»: последняя треть XIX - первая треть XX века»[16]. В своём труде автор отмечает, что интеллектуальная элита представляет из себя суще-

13 *Корягина И.А.* «О бедном студенте замолвите слово…// Вопросы социально-экономического положения и активности российского студенчества». – М.: Менеджер, 1998. С. 28-36.

14 *Павловская С.В.* Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. – Нижний Новгород, 2006. 296 с.

15 *Сидорчук И.В.* Академическое гуманитарное сообщество и политика государства в России: 1914-1930 гг.: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Сидорчук Илья Викторович; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2012. 222 с.

16 *Пархоменко Т.А.* Российская интеллектуальная элита в поисках «нового пути»: последняя треть XIX - первая треть XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.01 / Пархоменко Т.А.; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. – Москва, 2008. 423 с.

ственный элемент русской культуры, задающий темп, характер и тенденции её развития. Акцент в исследовании делается на общекультурном процессе, разворачивающемся в конце 19—начале 20 веков, в рамках которого значительную роль играла отечественная интеллигенция. Особое внимание обращено на персоналии и объединения, которые в той или иной степени могут быть отнесены к интеллектуальной элите. Под этим термином автор понимает общественный слой, являющийся ведущей силой культурного процесса и хранителем исторического наследия. Академическая среда, образующая составную часть интеллектуальной элиты, является важным направлением исследования автора, поэтому его работа может быть актуальна при анализе общественных процессов рассматриваемого периода.

Подробно и обстоятельно профессорско-преподавательский состав дореволюционной России исследуется в диссертации Никс Н.Н. «Московская профессура второй половины 19-начала 20 в. Социокультурный аспект»[17]. В этой работе глубокому и всестороннему анализу подвергается профессорско-преподавательский состав в его социокультурном контексте, даётся оценка системе ценностей и настроений, определяются этические основы научной деятельности, выявляются наиболее характерные модели и паттерны поведения. Не обойдены вниманием вопросы о численности; правовом, имущественном и семейном положениях; возрастном и национальном составах; педагогической деятельности.

Отдельно прописывается подготовка профессорско-преподавательского состава к научной деятельности, подробно рассматривается система образования будущих профессоров, их политическая позиция, общественная и культурная деятельность на благо как общества в целом, так и молодого поколения в частности. Изучается вопрос повседневной жизни профессуры, её бытовых привычек и наклонностей, интересов. Кроме того, значительное внимание уделяется аспекту межличностных и семейных отношений как фундамента успешной профессиональной реализации и душевного равновесия. Также автор изучает мировоззренческие позиции профессоров, их отношение к религии, Богу, счастью, вопросам добра и зла.

Если мы хотим лучше понять деятельность профессорско-преподавательского состава в начале 20 века, то нам следует исследовать не только эту категорию населения в целом, но и отдельных её персоналий. Так, например, стоит остановиться на работе, посвящённой яркому представителю академического сообщества с чётко выраженной социально-политической и исследовательской позицией. Я подразумеваю диссертацию С.М. Никитенко «Научная и общественно-политическая деятельность В.И. Вернад-

17 *Никс Н.Н.* Московская профессура второй половины XIX-начала XX вв. Социокультурный аспект: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2004. 18 с

ского в период революционной эпохи 1905-1907 гг.»[18]. Подобно тому, как по капле воды можно судить об океане, так и по одному профессору можно сделать некоторые (правда, не всегда исчерпывающие) выводы о профессорско-преподавательском составе Российской империи того времени. В.И. Вернадский представляет собой интереснейшую историческую фигуру того периода: учёный и общественный деятель он делал впечатляющие попытки реализовать себя как в науке, так и в политике. Автор диссертации полагает, что выявление взаимовлияния политической и научной активности помогает более объективно оценить вклад этого общественного деятеля в исторический процесс той эпохи.

Помимо анализа политических взглядов профессуры, важно обратиться к изучению умонастроений студенческой среды, её социального положения и бытовых реалий. В этом случае можно обратиться к статье Н.Н. Юркиной «Материальное положение учащейся молодёжи Российской империи 19-начала 20 века»[19]. В труде автор анализирует повседневную действительность студенческой жизни, реакцию учащейся молодёжи на материальные трудности, изучаются всевозможные аспекты финансового положения студентов, процесс формирования бюджета и источники студенческого заработка. Подчёркивается пестрота социального состава учащихся: в университете обучались как люди весьма скромного достатка, вынужденные добывать себе пропитание постоянными уроками и подработками, так и персоны из знатных аристократических семей, которые могли позволить себе вести роскошный и праздный образ жизни.

Разумно обратить внимание на то, что студенчество являлось одной из наиболее политически активных групп населения. О том, как проявляла себя эта социальная группа в политике, о её взаимоотношениях с представителями различных политических течений повествует Ю.К. Рачковская в диссертации «Студенчество Петербурга и Москвы в освещении авторов либерального направления»[20]. В своём труде автор анализирует экономическое положение студенчества, развитие взглядов оппозиции на представителей этой социальной группы, раскрывает особенности либерального

18 *Никитенко С.М.* Научная и общественно-политическая деятельность В.И. Вернадского в период революционной эпохи 1905-1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Никитенко Сергей Митрофанович; [Место защиты: Моск. гуманитар. ун-т]. – Москва, 2009. 24 с..

19 *Юркина Н.Н.* Материальное положение учащейся молодежи Российской империи xix - начала XX века // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-polozhenie-uchascheysya-molodezhi-rossiyskoy-imperii-xix-nachala-hh-veka (Дата обращения: 04.06.2026).

20 *Рачковская К.А.* «Студенчество Москвы и Петербурга в освещении либерального направления (конец 19 - начало 20 века)»: дис. канд. ист. наук 07.00.02: Отечественная история. СПб, 1999.

влияния в этой среде. Кроме того, в работе демонстрируется активность благотворительных обществ, помогающих студентам с разрешением их бытовых проблем. Особый акцент делается на изучении правового статуса университетов, реакции студенчества на притеснения со стороны администрации, его ущемленное правовое положение.

Анализом российского академического сообщества занимались не только представители отечественной научной мысли, но и иностранные исследователи. Так, например, Susan K. Morissey в своей монографии «Heralds of revolution. Russian student and the mythologies of radicalism»[21] занимается изучением студентов как социальной категории. Она выявляет наиболее типичные сюжетные мотивы и паттерны поведения студентов, анализирует развитие протестной активности и показывает процесс солидаризации студентов в борьбе за свои права. Значительная часть работы посвящена формированию публичной идентичности студента, выработке его собственной, уникальной системы ценностей. Не обделяет вниманием автор и революционные процессы 1905—1907 годов, время, когда студенты стремились наиболее ярко продемонстрировать протестный потенциал в борьбе как за собственные права, так и за переустройство государства и общества. Гендерный аспект автор также не обходит стороной. Исследователь отмечает, что в конце 19—начале 20 века набирает популярность движение за женское образование, появляется социальная категория курсисток, девушек, получающих знания на частных курсах, не входящий в общую систему образования в государстве. Эти юные барышни стали одними из первых российских феминисток, стремившихся заявить о себе в разных областях жизни.

К наиболее ярким моментам труда стоит отнести страницы, где автор повествует о «эпидемии» самоубийств среди представителей студенчества. Какие-то из подобных актов совершались вследствие личной бытовой неблагоустроенности, финансовых проблем, разлада в романтических отношениях. Иногда суицид мог приобретать политический оттенок. Исследователь пыталась передать, что люди могут стать радикалами не только вследствие бытовой неустроенности, но также из-за усвоение некоторого господствующего в конкретной среде нарратива и паттернов поведения.

Таким образом, историография вопроса затрагивает как общие аспекты деятельности высшей школы в дореволюционный, революционный и постреволюционный периоды, так и характеристику отдельных социальных групп на определённом историческом этапе. Вместе с тем реакция академического сообщества старейшего высшего учебного заведения России на революционные события 1917 года не получила системного освещения у

21 *Morrissey Susan* **K.** Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. VIII, 288 p

упомянутых ранее авторов.

Кроме того, не достаточно полно изучен следующий перечень вопросов: расклад политических сил в Московском университете на февраль 1917 год и его видоизменение к октябрю 1917 года, судьба студенческих объединений Московского университета, социально-политическая деятельность профессорско-преподавательского состава и студенчества Московского университета, процессы адаптации вузовской интеллигенции к революционным событиям 1917 года.

Библиографический список:

1. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации / А.Е. Иванов; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – Москва: Новый хронограф, 2004. 407 с.
2. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А.Е. Иванов; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва: Б. и., 1991. 392 с.
3. Цыганков Д.А. Профессор всеобщей истории В.И. Герье (1837–1918) / Д.А. Цыганков // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 219-230.
4. Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика / М.Г. Вандалковская; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – Москва: Наука, 1992. 285, [2] с.
5. История Московского университета. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1955.
6. Думный В.В. Материалы о московском Студенческом доме (1915–1917 гг.) / В.В. Думный // Советские архивы. 1983. № 5. С. 50-54.
7. Марков А.Р. Что значит быть студентом: работы 1995–2002 гг. / А.Р. Марков. – Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 255, [2] с. (Научная библиотека; вып. 47).
8. Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917 – 1920 год / Т.Ю. Красовицкая; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва: ИРИ, 2002. 415, [1] с.
9. Квакин А.В. Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции: теорет.-методол., источниковед., историогр. аспекты: учеб. пособие по спецкурсу для студентов ист. фак. / А.В. Квакин. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 77, [2] с.
10. Квакин А.В. «Завоевание высшей школы»: профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1930-х годов) / А.В. Квакин, Е.С. Постников. – Москва: Ветераны спецслужб: Науч. журн. «Экономика-Право-Политика», 2009. 526 с.
11. Кизеветтер А.А. Московский университет и его традиции: роль Московского университета в культурной жизни России / А.А. Кизеветтер. – Прага: [б. и.], 1927. 18 с.
12. Завадский Н.Г. Студенческое движение и политические партии России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Завадский Николай Генрихович; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2000. 42, [1] с.
13. Корягина И.А. «О бедном студенте замолвите слово…» // Вопросы социально-экономического положения и активности российского студенчества. – Москва: Менеджер, 1998. С. 28-36.
14. Павловская С.В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков: дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. – Нижний Новгород, 2006. 296 с.
15. Сидорчук И.В. Академическое гуманитарное сообщество и политика государства в России: 1914–1930 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Сидорчук И.В.; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2012. 222 с.
16. Пархоменко Т.А. Российская интеллектуальная элита в поисках «нового пути»: последняя треть XIX – первая треть XX века: дис. … д-ра ист. наук: 24.00.01 / Пархоменко Татьяна Александровна; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2008. 423 с.
17. Никс Н.Н. Московская профессура второй половины XIX – начала XX вв. Социокультурный аспект: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Никс Н.Н.; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2004. 18 с.
18. Никитенко С.М. Научная и общественно-политическая деятельность В. И. Вернадского в период революционной эпохи 1905–1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Никитенко Сергей Митрофанович; Моск. гуманитар. ун-т. – Москва, 2009. 24 с.
19. Юркина Н.Н. Материальное положение учащейся молодежи Российской империи XIX – начала XX века // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-polozhenie-uchascheysya-molodezhi-rossiyskoy-imperii-xix-nachala-hh-veka (Дата обращения: 04.06.2026).
20. Рачковская К. А. Студенчество Москвы и Петербурга в освещении либерального направления

(конец XIX – начало XX века): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Санкт-Петербург, 1999.
21. Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism / S.K. Morrissey. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. VIII. 288 p.
22. Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 44-51.

Reference

1. Ivanov A.E. Student Corporation of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: An Experience of Cultural and Political Self-Organization / A.E. Ivanov; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. – Moscow: Novy Khronograf, 2004. 407 p.
2. Ivanov A.E. Higher School in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries / A.E. Ivanov; USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR. – Moscow: B. I., 1991. 392 p.
3. Tsygankov D. A. Professor of General History V.I. Guerrier (1837–1918) / D.A. Tsygankov // New and Contemporary History. 2002. № 5. P. 219-230.
4. Vandalkovskaya M.G. P.N. Milyukov, A.A. Kizevetter: History and Politics / M.G. Vandalkovskaya; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. Moscow: Nauka, 1992. 285, [2] p.
5. History of Moscow University. Moscow: Moscow University Publishing House, 1955.
6. Dumny V.V. Materials on the Moscow Student House (1915–1917) / V.V. Dumny // Soviet Archives. 1983. № 5. P. 50-54.
7. Markov A.R. What It Means to Be a Student: Works from 1995–2002 / A.R. Markov. Moscow: New Literary Review, 2005. 255, [2] p. (Scientific Library; issue 47).
8. Krasovitskaya T.Yu. Russian Education between Reformism and Revolutionarism. February 1917–1920 / T.Yu. Krasovitskaya; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. Moscow: IRI, 2002. 415, [1] p.
9. Kvakin A.V. The October Revolution and the Ideological and Political Divide of the Russian Intelligentsia: Theoretical and Methodological, Source Studies, and Historiographic Aspects: A Textbook for a Special Course for Students of the History Faculty / A.V. Kvakin. – Saratov: Saratov University Publishing House, 1989. 77, [2] p.
10. Kvakin A.V. "The Conquest of Higher Education": The Faculty and Students of Russia in the Post-Revolutionary Period (1917 – Late 1930s) / A.V. Kvakin, E.S. Postnikov. – Moscow: Veterans of the Special Services: Scientific Journal "Economics-Law-Politics", 2009. 526 p.
11. Kizevetter A.A. Moscow University and Its Traditions: The Role of Moscow University in the Cultural Life of Russia / A.A. Kizevetter. – Prague: [b. i.], 1927. 18 p.
12. Zavadskiy N.G. Student Movement and Political Parties in Russia in the Late 19th – Early 20th Century: Abstract of Doctor of History Dissertation: 07.00.02 / Zavadskiy Nikolai Genrikhovich; St. Petersburg State University. – St. Petersburg, 2000. 42, [1] p.
13. Koryagina I.A. "Put in a Word for the Poor Student..." // Issues of the Socio-Economic Situation and Activity of Russian Students. – Moscow: Manager, 1998. P. 28-36.
14. Pavlovskaya S.V. Diaries and Memories of Russian Historians as a Historical Source for the Study of the Socio-Political and Scientific-Pedagogical Life of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: Dis. … Cand. Hist. sciences: 07.00.09. – Nizhny Novgorod, 2006. 296 p.
15. Sidorchuk I.V. Academic Humanities Community and State Policy in Russia: 1914–1930: Dis. … Cand. Sci. (Hist.): 07.00.02 / Sidorchuk I.V.; St. Petersburg State University, 2012. 222 p.
16. Parkhomenko T.A. Russian Intellectual Elite in Search of a "New Path": Last Third of the 19th – First Third of the 20th Century: Dis. … Doctor of Science (Hist.): 24.00.01 / Parkhomenko Tatyana Aleksandrovna; Mosk. State Pedagogical University – Moscow, 2008. 423 p.
17. Nix N.N. Moscow Professorship in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Sociocultural Aspect: Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dis. Sciences: 07.00.02 / Niks N.N.; Moscow State Pedagogical University – Moscow, 2004. 18 p.
18. Nikitenko S.M. Scientific and socio-political activities of V.I. Vernadsky during the revolutionary era of 1905–1917: Abstract of a PhD thesis in History: 07.00.02 / Nikitenko Sergey Mitrofanovich; Moscow Humanitarian University – Moscow, 2009. 24 p.
19. Yurkina N.N. Financial situation of student youth of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries // Teacher of the 21st century. 2016. № 1. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materialnoe-polozhenie-uchascheysya-molodezhi-rossiyskoy-imperii-xix-nachala-hh-veka (04.06.2026).
20. Rachkovskaya K.A. Students of Moscow and St. Petersburg in the Light of the Liberal Movement (late 19th – early 20th centuries): dis. … Cand. of History: 07.00.02. – St. Petersburg, 1999.
21. Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism / S.K. Morrissey. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. VIII. 288 p.
22. Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 44-51.

Батура А.А.
Аспирант кафедры лингвистики, теории и практики перевода, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», г. Красноярск.

Механизмы формирования идентичности в большевистской пропаганде (на материалах енисейской губернии, 1918–1920 гг.)*

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов формирования идентичности в пропаганде большевиков на территории Енисейской губернии в годы Гражданской войны (1918–1920). На материалах газеты «Красноярский рабочий» и сборника «Документы героической борьбы» выделены три ключевых образа — героя-освободителя, защитника и народной власти — и раскрыты механизмы их конструирования: героизация через культ местных героев, защита через контраст с образом врага-зверя и легитимация через утверждение советов как единственной народной власти. Делается вывод, что комплексное использование этих механизмов позволило красным стать «своими» для населения губернии.

Ключевые слова: Гражданская война, пропаганда, идентичность, образ врага, образ «своих», Енисейская губерния, «Красноярский рабочий», большевики, советская власть, механизмы формирования идентичности.

Batura A.A.
Postgraduate Student, Department of Linguistics, Theory and Practice of Translation Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk.

Mechanisms of identity formation in Bolshevik propaganda (based on materials from the Yenisei province, 1918–1920)

Abstract. The article analyzes the mechanisms of identity formation in the propaganda of the Bolsheviks in the Yenisei Province during the Civil War (1918–1920). It examines three key images through which Bolshevik propaganda constructed the category of "us": the image of the liberator-hero, the image of the defender, and the image of popular power. The main mechanisms of their formation are identified: heroization through appeals to front-line soldiers and the creation of a cult of local heroes; defense through

* © Батура А.А., 2026.

contrast with the image of the bestial enemy and naturalistic descriptions of its atrocities; legitimation through the assertion of the soviets as the sole exponents of the working people's will, reinforced by concrete actions. The conclusion argues that the integrated use of these mechanisms allowed the Bolsheviks to become "us" for the province's population, consolidating a new identity not only during the war but also in the post-war period.

Key words: Civil War, propaganda, identity, image of the enemy, image of "us", Yenisei Province, Krasnoyarskii Rabochii, Bolsheviks, Soviet power, mechanisms of identity formation.

Введение

Гражданская война в России (1918–1920) — это период, в рамках которого трансформация социальной структуры, крушение прежних государственных институтов и военное противостояние сопровождались процессами конструирования новых коллективных идентичностей. В условиях, когда лояльность населения была изменчива, способность воюющих сторон мобилизовать симпатии и создать устойчивый образ «своих» становилась важным ресурсом. Пропаганда в этих условиях выступала не только инструментом агитации, но и смыслообразующим механизмом, формировавшим границы между социальными группами, легитимировавшим насилие и определявшим образ будущего.

Актуальность темы определяется несколькими факторами. Во-первых, современная историческая наука смещает фокус с изучения событийно-политической истории на анализ исторической субъектности, повседневных практик и механизмов конструирования идентичности. Во-вторых, исследование пропаганды Гражданской войны на региональном уровне позволяет выявить специфику локальных стратегий агитации, учитывавших ментальные особенности крестьянства, традиции самоуправления и конкретный опыт военных действий. Енисейская губерния, ставшая в 1918–1920 гг. одним из театров партизанской войны и ареной информационного противостояния, предоставляет материал для такого анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в историографии предпринят системный анализ механизмов формирования идентичности в пропаганде большевиков на материале Енисейской губернии. Выделены и проанализированы в их взаимосвязи три ключевых механизма: героизация, формирование образа защитника и легитимация власти через образ народной власти. В научный оборот введен и проанализирован в новом проблемном ключе корпус источников из сборника «Документы героической борьбы» (Красноярск, 1959) и газеты «Красноярский рабочий» (1918–1920). Как показывает анализ историографии, несмотря на значительное число работ по истории Гражданской войны в Енисейской

губернии, механизмы формирования идентичности большевиков на локальном материале остаются вне поля зрения исследователей. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили документы и периодические издания, выходившие на территории Енисейской губернии в 1918–1920 гг. Значительная часть использованных источников опубликована в сборнике «Документы героической борьбы» (Красноярск, 1959) [6]. В сборник вошли газетные публикации, листовки, воззвания, приказы партизанских отрядов, протоколы крестьянских съездов и постановления сельских сходов. Опубликованные в сборнике документы происходят из фондов Центрального партийного архива ИМЛ, Центрального государственного архива Октябрьской революции, Красноярского краевого государственного архива, Иркутского и Новосибирского государственных архивов, а также Красноярского краевого музея.

Помимо этого, привлекались материалы газеты «Красноярский рабочий», выходившей на протяжении всего рассматриваемого периода. Значительный пласт источников составили документы партизанского движения: листовки, воззвания и приказы военно-революционных штабов Манского, Тасеевского, Канского и других районов губернии. Протоколы крестьянских съездов и постановления сельских сходов фиксируют обратную связь от населения и степень усвоения им пропагандистской риторики.

В работе использованы три метода. Проблемно-тематический анализ позволил выделить из корпуса текстов три устойчивых образа, к которым постоянно апеллировала пропаганда: герой, защитник и народная власть. Описательный метод дал возможность детально охарактеризовать каждый из этих образов через конкретные цитаты, эпитеты и риторические приёмы. Контекстуальный анализ помог связать изменения в пропагандистской риторике с этапами войны: 1918, 1919 и победным 1920 годом.

Литературный обзор

В советской историографии (1920–1980-е гг.) исследования по истории Гражданской войны в Сибири, включая Енисейскую губернию, имели идеологический характер. Основное внимание уделялось партийному руководству, героизации подполья и партизанского движения. Пропаганда рассматривалась как инструмент реализации партийных решений, а не как самостоятельный объект анализа. В этот период были подготовлены документальные публикации, сохраняющие источниковедческую ценность. Среди них — сборник «Документы героической борьбы» (Красноярск, 1959), ставший основой источниковой базы данного исследования [6].

В постсоветский период расширилось исследовательское поле. Появились работы, посвященные истории Гражданской войны в Сибири, в которых акцент смещается с партийно-организационных структур на социальную историю и историю повседневности. В.И. Шишкин, А.В. Добровольский, А.В. Шевелев и другие исследователи внесли вклад в изучение крестьянского движения, военных действий и политических процессов в регионе [5; 26; 27].

Параллельно развивалось изучение пропаганды как исторического феномена. Л.А. Обухов и А.Р. Ехлакова проанализировали периодическую печать как источник по истории информационного противоборства красных и белых, выделив особенности газетной агитации в Сибири [17]. Ю.Ю. Иерусалимский обратился к листовкам периода Гражданской войны как к историческому источнику, показав, что они были важнейшим средством агитации, при этом красная пропаганда превосходила белую в четкости изложения программ и эффективности воздействия [10]. А.Л. Посадсков в ходе сравнительного анализа агитации на сибирских фронтах показал, что большевики существенно опережали белых в системности и стратегической долговременности пропаганды, что и стало залогом её эффективности [20].

Источниковедческий аспект представлен в работе А.В. Чубловой, анализирующей эго-документы (воспоминания) из фонда Сибистпарта, отложившиеся по истории революционного движения и Гражданской войны в Сибири [25]. А.А. Конкин в исследовании, посвященном северо-западу России, сопоставил агитационно-пропагандистскую деятельность советского руководства и белогвардейских сил, что позволяет расширить теоретическое осмысление пропаганды как феномена [11].

В западной исторической науке, начиная с 1990-х гг., под влиянием антропологического поворота и работ Б. Андерсона о «воображаемых сообществах» и Э. Гидденса о социальной идентичности, сформировался интерес к изучению пропаганды Гражданской войны как инструмента конструирования коллективных идентичностей [1; 4].

Таким образом, историографический анализ позволяет констатировать наличие историографического пробела: несмотря на значительное количество работ по истории Гражданской войны в Сибири и по истории пропаганды, механизмы формирования идентичности в пропаганде большевиков на уровне отдельной губернии (Енисейской) не становились предметом специального комплексного исследования.

Обсуждение и результаты

Одним из ключевых способов формирования новой идентичности было создание образа героя-освободителя. Этот образ давал населению

повод для гордости, переводил абстрактную борьбу в плоскость личного участия и встраивал текущие события в более широкую историческую перспективу.

В номерах «Красноярского рабочего» 1918 года формируется образ революции как силы, сметающей старый мир. В передовой статье от 28 января 1918 года отмечается: «Твердыни буржуазии падают. Бежал Дутов из Оренбурга, в Киеве низложена Украинская Рада. Очередь за остальными? Твердыни буржуазии падают и укрепляются твердыни рабоче-крестьянской революции» [12, с. 1]. В данном тексте красные идентифицируют себя как силу, чьи позиции укрепляются по мере падения врагов. В этом же номере использовалась метафора «революционной косы», призванной «сносить остающиеся гнезда контр-революций». Одновременно ставилась задача укрепления занятых позиций [12, с. 1].

В период активных боевых действий 1919 года героическая риторика смещается в сторону конкретных участников борьбы. В воззвании партизан Манского района, датированном 19 января 1919 года, авторы текста напрямую обращались к крестьянам, имевшим опыт участия в мировой войне. Они напоминали этой категории населения о том, что те когда-то гибли огромными массами, не понимая истинных целей боевых действий, и призывали их теперь не оставаться в стороне, а встать с оружием на защиту своих имущественных и политических прав, попранных, по мнению агитаторов, новой властью. В документе звучал призыв покончить с теми, кто чинит насилие и убийства [2, с. 136–137].

Культ конкретных героев формируется в документах того же периода. В приветствии восставших крестьян Канского уезда тасеевским партизанам (конец февраля 1919 года) говорится: «Честь вам и слава за вашу доблесть и мужество... Ваши имена не забудутся никогда. Дети ваши будут гордиться отцами-героями» [21, с. 160]. Также подчёркивалось, что успех в бою обеспечивали не винтовки и пулемёты, сколько моральные качества — отвага, сплочённость, готовность стоять друг за друга. Побеждали не оружием, а «мужеством, отвагой и единодушием». Отмечалось, что истинная сила заключается не в вооружении, а в самом народе, если он действует заодно: при первом же выстреле врага люди, кто с винтовкой, а кто и без неё, поднимались на защиту своей свободы и имущества [21, с. 161].

Идея народной силы как источника победы становится лейтмотивом красной пропаганды. В выпуске газеты «Известия Тасеевского военно-революционного штаба» от 1 февраля 1919 года авторы обращались к крестьянской аудитории с призывом не падать духом. Они утверждали, что решающая сила находится именно в руках самого народа, и призывали к сплочённости и общему единству. По их прогнозам, уже в ближайшие одну-две недели противнику-грабителю будет нанесён последний удар, по-

сле которого он исчезнет окончательно [24, с. 145].

Образ героя-мученика также играл важную роль. В листовке красноярских большевиков, изданной после расправы над их товарищами в середине 1918 года, эта идея была выражена кратко: «Вечная память мученикам... Проклятие убийцам...» [14, с. 71].

К концу 1919 года героический образ приобретает черты эпоса. Авторы обращения к населению Минусинского уезда описывали пройденный путь не только как перечисление военных трудностей, но и как доказательство стойкости и жертвенности. Упоминания о переправе через разлившиеся реки, голоде и холоде выводят повествование за рамки обычной агитации. В этом тексте борьба предстаёт не как серия тактических действий, а как героическое противостояние, где символом становится не столько победа, сколько сама стойкость и жертвенность [7, с. 286–287].

Такой способ подачи сближал текущие события с эпическими сюжетами, представляя революционную борьбу как проявление народной силы. Например, в стихотворении П. Ионова «Мы несем с собой красное», опубликованном в январе 1920 года, образ героя представлен в эпическом ключе: «Мы несем с собой красное, мы несем с собой светлое, новое. Мы несем возрождение... Мы на битву идем. Мы на битву идем с великанами. Мы не знаем бессилия. В бой последний мы ринулись с черными дикими станами» [15, с. 1].

Таким образом, образ героя-освободителя в большевистской пропаганде включал три основных элемента: апелляцию к опыту фронтовиков мировой войны, культ местных партизанских командиров и героизацию походов через описание преодоления природных трудностей. Эти приёмы формировали у населения чувство гордости и сопричастности к победам красного движения.

Образ защитника апеллировал к страху, чувству справедливости, потребности в безопасности. Этот механизм строился на контрасте: белые показаны как источник насилия, красные — как сила, способная это насилие остановить. В листовке Красноярского Комитета РКП(б) от июля 1918 года приводится описание действий карательного отряда: «За городом найдено несколько товарищей, изрубленных шашками, с кусками мяса вместо лица. У одной женщины отрезаны груди, распорот живот» [16, с. 71].

В газете «Известия Тасеевского военно-революционного штаба» содержится аналогичное описание: «Насиловали девушек и женщин... пятидесятилетнюю старуху и беременную женщину, которая при насильниках и родила» [24, с. 146]. В воззвании Тасеевского штаба от 5 апреля 1919 года перечислялось имущество, забираемое карателями: скот, хлеб, одежда, подушки, посуду [3, с. 212]. Ещё более жёсткие детали содержались в обращении Главного штаба Крестьянской армии (март 1919 года), где описыва-

лись пытки, которым подвергали пленных: их избивали плетьми, засыпали раны солью и отрезали части тела [8, с. 199].

Прямое противопоставление «белые отнимают — красные защищают» является риторическим приемом. В агитационном тексте манских партизан, вышедшем 19 января 1919 года, этот контраст раскрывался через бытовые, понятные каждому крестьянину примеры. Авторы указывали, что белые силы пополняли свои ряды за счёт чужих сыновей и братьев, облагали местное население непосильными налогами и сборами, а у красноармейцев отбирали даже верхнюю одежду [2, с. 136]. В «Красноярском рабочем» эта связка формулируется прямо: «Защита Советской власти является защитой интересов пролетариата» [13, с. 3]. Показательна в этом отношении резолюция Воробинского сельского общества, опубликованная в «Красноярском рабочем» в январе 1920 года, где красноармейцы называются спасителями города, а белые — бандой [15]. Здесь образ защитника уже не метафорический, а вполне конкретный, привязанный к недавним событиям.

Пропаганда выстраивала образ защитника через жёсткую дихотомию «свой — чужой». Белые изображались как источник насилия и грабежа, а красные — как единственный возможный противовес. Натуралистичные подробности зверств создавали эмоциональный фон, на котором простая формула «белые отнимают — красные защищают» приобретала убедительность.

Третий механизм — конструирование образа народной власти — решал вопрос о легитимности. В январе 1918 года «Красноярский рабочий» формулирует главный тезис: красные — сила, выражающая интересы народа. В передовой статье № 22 эта мысль проводится через противопоставление: «Чтобы приблизиться к народу — мы удалились от тех, от кого он уже давно отвернулся. Чтобы дышать одной грудью с трудовой массой — мы порвали с теми, кто говорит от имени народа — но без народа» [12, с. 1].

В № 113 «Красноярского рабочего» от 8 июня 1918 года эта мысль выражена следующим образом: революция — широкая трудовая, а интересы крестьянства стоят на первом плане [14, с. 1]. В выпуске газеты за 2 июня 1918 года (№ 108) авторы публикации, ссылаясь на позицию Красноярского комитета, заявляли, что наступление на советскую власть необходимо встретить решительным и организованным отпором. Подчёркивалось, что именно партия большевиков изначально выступила знаменосцем в борьбе за рабоче-крестьянскую революцию и потому обязана сделать всё возможное для сохранения её завоеваний [13, с. 1].

В документах партизанского движения 1919 года образ власти приобретает черты государственного строительства. В протоколах Объединенного Совета Канского и Красноярского уездов от 3–4 марта 1919 года обсуждается необходимость суда: «Хотя у нас еще небольшое государство, но мы

должны все-таки установить суд, дабы в будущем, когда мы захватим большую территорию, иметь основания, на которых упрочится будущая юридическая сторона государства» [23, с. 166].

Власть проявляет заботу о хозяйстве. Постановление съезда делегатов Тасеевской Народной армии от 28–29 апреля 1919 года предписывает: «Семьям, у которых бандитами все разорено и разграблено, но работники есть, общества должны давать лошадей и плуги для сева своих полей» [19, с. 240]. Приказ Исполкома Объединенного Совета от 12 мая 1919 года подчёркивалось, что земли, подготовленные под яровые, надлежало обработать и засеять силами общины, не допуская никаких отступлений от этого требования [22, с. 248].

Подтверждением легитимности служат документы, исходящие от самого населения. В постановлении крестьян деревни Нижней Кои от 6 октября 1919 года зафиксировано, что они выражают искреннюю признательность и глубокую благодарность за доброжелательное отношение и конкретные действия, а также за то, что трудовой народ был освобождён [18, с. 314]. В протоколе II крестьянского съезда Северной части Канского уезда 12–15 марта 1920 года записан лозунг: «Да здравствует власть Советов! Да здравствует единая крестьянская коммуна!» [9, с. 463].

Из этого следует, что конструирование образа народной власти в большевистской пропаганде опиралось на отмежевание от политических сил, обвинявшихся в отрыве от народа, и на акцент в конкретных действиях новой власти (учреждение судов, помощь с посевной, поддержка разорённых хозяйств). Благодарности населения и воспроизведение крестьянами большевистских лозунгов служили подтверждением легитимности этой власти.

Заключение

Проведенный анализ позволяет выявить три механизма, с помощью которых красная пропаганда в Енисейской губернии в 1918–1920 годах формировала идентичность населения.

Первый механизм — героизация. Через обращение к фронтовикам, создание культа местных героев и эпоса героического похода пропаганда давала населению возможность гордиться принадлежностью к красному движению. Бывшие солдаты империалистической войны переосмысливались как сознательные борцы за народное дело, их имена вписывались в семейную память, а преодоленные страдания становились доказательством правоты.

Второй механизм — защита. Через натуралистичные описания зверств карательных отрядов пропаганда формировала образ врага-зверя, на фоне которого красные представали силой, способной защитить семьи, женщин,

детей и крестьянские хозяйства. Прямое противопоставление «белые отнимают — красные защищают» создавало моральную схему. Защита осмысливалась и как политическая — как защита интересов народа от меньшевиков и эсеров.

Третий механизм — легитимация через демонстрацию власти. Пропаганда последовательно проводила мысль: советы — это подлинная власть, выражающая интересы трудящихся, а большевики — те, кто первым поднял знамя революции. Легитимность подкреплялась конкретными шагами: там, где белые оставляли после себя произвол, красные устанавливали суды; там, где хозяйство разорялось, новая власть помогала с посевной и инвентарём. Крестьяне начинали сами благодарить «освободителей» и повторять лозунги новой власти как свои.

Все три механизма действовали взаимосвязано, усиливая друг друга. Взятые вместе, они превращали красное движение из абстрактной политической силы в близкую, понятную категорию «своих». Об эффективности этих механизмов говорит эволюция пропаганды: приёмы, отработанные в годы войны, использовались и в мирное время. Героика военных побед перешла в героику трудовых будней, а риторика защиты от врага сменилась риторикой борьбы с разрухой. Новая идентичность закрепилась в сознании населения Енисейской губернии не только на период войны, но и на послевоенный период.

В отличие от белой пропаганды с её абстрактными лозунгами, большевистская агитация опиралась на конкретные, эмоционально близкие крестьянству образы.

Библиографический список:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – Москва: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.
2. Воззвание партизан Манского района к крестьянам и солдатам-фронтовикам. 19 января 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 136-137.
3. Воззвание Тасеевского Военно-революционного штаба к крестьянам и рабочим-ангарцам. 5 апреля 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 212-213.
4. Гидденс Э. Современность и самоидентичность / Э. Гидденс. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.
5. Добровольский А.В. Партизанское движение в Енисейской губернии в годы Гражданской войны: историография и источники / А.В. Добровольский. – Красноярск: СибГУ, 2015. 214 с.
6. Документы героической борьбы: сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. 567 с.
7. Из обращения Главного штаба Крестьянской армии к населению Минусинского уезда. Не ранее 13 сентября 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 286-289.
8. Из обращения Главного штаба Крестьянской армии ко всем иностранным подданным. Март 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 199.
9. Из протокола II крестьянского съезда представителей от волостных ревкомов Северной части Канского уезда. 12–15 марта 1920 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 462-464.

10. Иерусалимский Ю.Ю. Листовки периода Гражданской войны 1918–1920 гг. как исторический источник / Ю.Ю. Иерусалимский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 2. С. 23-31.

11. Конкин А.А. Агитационно-пропагандистская деятельность советского руководства и белогвардейских сил на северо-западе России в годы Гражданской войны / А.А. Конкин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 1. С. 101-107.

12. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета. – 1918. 28 января (№ 22).

13. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета. – 1918. 2 июня (№ 108).

14. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета. – 1918. 8 июня (№ 113).

15. Красноярский рабочий: краевая общественно-политическая газета. – 1920. 18 января (№ 8).

16. Листовка Красноярского Комитета РКП(б) с протестом против зверского убийства большевиков. Не позднее 29 июля 1918 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 71.

17. Обухов Л.А. Периодическая печать как источник по истории информационного противоборства красных и белых в Гражданской войне на востоке России (1917–1920 гг.) / Л.А. Обухов, А.Р. Ехлакова // Власть. 2020. № 6. С. 232-240.

18. Постановление общего собрания крестьян деревни Нижней Кои об объявлении благодарности партизанскому отряду. 6 октября 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 314.

19. Постановление съезда делегатов Тасеевской Народной армии об обязательном засеве полей. 28–29 апреля 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 238-240.

20. Посадсков А.Л. «Белая» и «красная» печатная пропаганда на фронтах гражданской войны в Сибири (опыт сравнения объективных характеристик) / А.Л. Посадсков // Вестник Омского университета. 1999. № 3. С. 42-46.

21. Приветствие восставших крестьян Канского уезда тасеевским партизанам. Конец февраля 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 160-161.

22. Приказ Исполкома Объединенного Совета об обязательном выполнении постановлений съезда. 12 мая 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 247-248.

23. Протокол № 13 заседания членов Объединенного Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов Канского и Красноярского уездов. 3–4 марта 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 164-166.

24. Сообщение газеты «Известия Тасеевского военно-революционного штаба». 1 февраля 1919 г. // Документы героической борьбы. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1959. С. 145-146.

25. Чублова А.В. Эго-документы Сибистпарта по истории революционного движения и военных конфликтов на востоке России (конец XIX — первая половина XX вв.) / А.В. Чублова // Труды ГПНТБ СО РАН. 2025. № 1. С. 31-39.

26. Шевелев А.В. Политическая культура сибирского крестьянства в годы Гражданской войны / А.В. Шевелев. – Томск: Издательство Томского университета, 2017. 298 с.

27. Шишкин В.И. Сибирская Вандея: вооруженное крестьянское движение в Сибири в 1919–1921 гг. / В. И. Шишкин. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2008. 386 с.

28. Юшин И.В. Управление персоналом в современной бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 29-39.

Reference

1. Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. Moscow: Canon-Press-C, 2001. 288 p.

2. Appeal of the Mansky District Partisans to the Peasants and Front-Line Soldiers. January 19, 1919 // Documents of the Heroic Struggle. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 136-137.

3. Appeal of the Taseevsky Military Revolutionary Headquarters to the Peasants and Workers of Angarsk. April 5, 1919 // Documents of the Heroic Struggle. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 212-213.

4. Giddens, E. Modernity and Self-Identity / E. Giddens. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 384 p.

5. Dobrovolsky A.V. The Partisan Movement in Yenisei Province During the Civil War: Historiography and Sources / A.V. Dobrovolsky. – Krasnoyarsk: Siberian State University, 2015. 214 p.

6. Documents of the Heroic Struggle: A Collection of Documentary Materials Dedicated to the Struggle Against Foreign Intervention and Internal Counterrevolution in Yenisei Province (1918–1920). – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. 567 p.

7. From the appeal of the General Staff of the Peasant Army to the population of Minusinsk District. No earlier than September 13, 1919 // Documents of the heroic struggle. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 286-289.

8. From the appeal of the General Staff of the Peasant Army to all foreign subjects. March 1919 // Documents of the heroic struggle. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. 199 p.

9. From the minutes of the 2nd peasant congress of representatives from the volost revolutionary committees of the northern part of Kansk District. March 12–15, 1920 // Documents of the heroic struggle. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 462-464.

10. Ierusalimsky Yu.Yu. Leaflets from the period of the Civil War of 1918–1920. as a historical source / Yu.Yu. Ierusalimsky // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2022. № 2. P. 23-31.

11. Konkin A.A. Agitation and propaganda activities of the Soviet leadership and White Guard forces in northwestern Russia during the Civil War / A.A. Konkin // Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2015. Vol. 4. № 1. P. 101-107.

12. Krasnoyarsk Worker: Regional Socio-Political Newspaper. January 28, 1918 (No. 22).

13. Krasnoyarsk Worker: Regional Socio-Political Newspaper. June 2, 1918 (No. 108).

14. Krasnoyarsk Worker: Regional Socio-Political Newspaper. June 8, 1918 (No. 113).

15. Krasnoyarsk Worker: Regional Socio-Political Newspaper. January 18, 1920 (No. 8).

16. Leaflet of the Krasnoyarsk Committee of the RCP(b) protesting the brutal murder of Bolsheviks. No later than July 29, 1918 // Documents of the Heroic Struggle. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 71.

17. Obukhov L.A. Periodicals as a Source for the History of the Information Confrontation between the Reds and the Whites in the Civil War in Eastern Russia (1917–1920) / L.A. Obukhov, A.R. Ekhlakova // Vlast. 2020. № 6. P. 232-240.

18. Resolution of the General Meeting of Peasants of the Village of Nizhnyaya Koya on Expressing Gratitude to the Partisan Detachment. October 6, 1919 // Documents of the Heroic Struggle. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. 314 p.

19. Resolution of the Congress of Delegates of the Taseyev People's Army on Mandatory Sowing of Fields. April 28–29, 1919 // Documents of the Heroic Struggle. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 238-240.

20. Posadskov, A.L. "White" and "Red" Printed Propaganda on the Fronts of the Civil War in Siberia (An Attempt to Compare Objective Characteristics) / A.L. Posadskov // Bulletin of Omsk University. 1999. № 3. P. 42-46.

21. Greetings from the rebellious peasants of Kansk District to the Taseyev partisans. End of February 1919 // Documents of the heroic struggle. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 160-161.

22. Order of the Executive Committee of the United Council on the mandatory implementation of congress resolutions. May 12, 1919 // Documents of the heroic struggle. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 247-248.

23. Minutes № 13 of the meeting of the members of the United Council of Peasants', Soldiers', and Workers' Deputies of the Kansk and Krasnoyarsk Counties. March 3–4, 1919 // Documents of the heroic struggle. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 164-166.

24. Report from the newspaper "Izvestia of the Taseevsky Military-Revolutionary Staff." February 1, 1919 // Documents of the heroic struggle. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publishing House, 1959. P. 145-146.

25. Chublova, A.V. Ego-documents of the Sibispart on the history of the revolutionary movement and military conflicts in the east of Russia (late 19th – first half of the 20th centuries) / A.V. Chublova // Proceedings of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2025. № 1. P. 31–39.

26. Shevelev, A.V. Political Culture of the Siberian Peasantry during the Civil War / A.V. Shevelev. – Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2017. 298 p.

27. Shishkin, V.I. Siberian Vendée: The Armed Peasant Movement in Siberia in 1919–1921 / V.I. Shishkin. – Novosibirsk: SB RAS Publishing House, 2008. 386 p.

28. Yushin I.V. HR management in a modern business organization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 29-39.

Важенин Д.А.
Аспирант факультета истории, политологии и права. Государственный Университет просвещения.

Советская и постсоветская историография о топливной промышленности при временном правительстве: смена парадигм и переоценка фактов*

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции отечественной историографии применительно к проблеме топливной промышленности в период деятельности Временного правительства (март–октябрь 1917 года). На основе сопоставления советских и постсоветских исследовательских подходов выявляются принципиальные парадигматические сдвиги в интерпретации топливного кризиса революционного года. Показано, что советская историческая наука, оперируя инструментарием классового анализа и телеологическими конструкциями, систематически недооценивала институциональные усилия Временного правительства в сфере топливоснабжения, игнорировала региональную специфику кризиса и не ставила контрфактических вопросов о реальных управленческих альтернативах, имевшихся у переходного государства. Постсоветская историография, опираясь на расширенную архивную базу и методологический плюрализм, реконструировала деятельность регулирующих структур - Главного экономического комитета, районных топливных уполномоченных, - обнаружила преемственность управленческих практик через рубеж 1917 года и предложила дифференцированный взгляд на кризис как на многоуровневый процесс, детерминированный совокупностью военных, инфраструктурных и административных факторов, а не исключительно классовыми противоречиями. Вместе с тем в статье фиксируются устойчивые лакуны постсоветской историографии: разрозненность локальных исследований, отсутствие синтетического нарратива, охватывающего всю полноту региональных и отраслевых измерений кризиса, а также неразвитость компаративного измерения, позволяющего вписать российский опыт в общеевропейский контекст военно-экономических потрясений начала XX века. В качестве перспективного направления обозначена интеграция микроисторических и институциональных подходов в единую аналитическую конструкцию, способную дать исчерпывающее объяснение природе топливного коллапса 1917 года в его взаимосвязи с более широкими процессами распада военно-государственного регулирования в позднеимперской России.

Ключевые слова: топливный кризис, Временное правительство, историография, государственное регулирование, революция 1917 года.

* © Важенин Д.А., 2026.

Vazhenin D.A.
Postgraduate student in the Faculty of History, Political Science, and Law. State University of Education.

Soviet and post-Soviet historiography on the fuel industry under the provisional government: a paradigm shift and a reassessment of the facts

Abstract. The article is devoted to the analysis of the evolution of Russian historiography in relation to the problem of the fuel industry during the period of the Provisional Government (March–October 1917). Based on a comparison of Soviet and post-Soviet research approaches, fundamental paradigmatic shifts in the interpretation of the fuel crisis of the revolutionary year are revealed. It is shown that Soviet historical science, using the tools of class analysis and teleological constructions, systematically underestimated the institutional efforts of the Provisional Government in the field of fuel supply, ignored the regional specifics of the crisis and did not raise counterfactual questions about the real managerial alternatives available to the transitional state. Post-Soviet historiography, relying on an expanded archival base and methodological pluralism, reconstructed the activities of regulatory structures - the Main Economic Committee, district fuel commissioners - revealed the continuity of management practices through the turn of 1917 and offered a differentiated view of the crisis as a multi-level process determined by a combination of military, infrastructural and administrative factors, rather than solely class contradictions. At the same time, the article captures the persistent lacunae of post-Soviet historiography: the fragmentation of local research, the lack of a synthetic narrative covering the full range of regional and sectoral dimensions of the crisis, as well as the underdevelopment of the comparative dimension, which makes it possible to fit the Russian experience into the pan-European context of the military and economic upheavals of the early 20th century. The integration of microhistorical and institutional approaches into a single analytical framework capable of providing an exhaustive explanation of the nature of the 1917 fuel collapse in its interrelation with the broader processes of disintegration of military-state regulation in late imperial Russia is identified as a promising area.

Key words: fuel crisis, Provisional Government, historiography, state regulation, revolution of 1917.

Изучение топливного кризиса 1917 года как самостоятельного историографического сюжета долгое время оставалось на периферии отечественной науки, уступая место более «крупным» нарративам о революции, войне и государственном строительстве. Между тем именно состояние топливной промышленности в период деятельности Временного правительства - с марта по октябрь 1917 года - во многом определяло темп экономической деградации, которая сделала дальнейшие политические потрясения если не

неизбежными, то по меньшей мере существенно более вероятными. Советская историография подходила к этой теме преимущественно сквозь призму классовой борьбы и неизбежности большевистского прихода к власти, тогда как постсоветские исследователи постепенно переключились на анализ конкретных управленческих механизмов, региональной специфики и институциональных провалов эпохи «двоевластия». Такая смена угла зрения породила не просто новые интерпретации, но и принципиально иную систему доказательств, опирающуюся на источниковую базу, которая прежде либо замалчивалась, либо трактовалась тенденциозно.

Настоящая статья ставит целью проследить эволюцию историографических подходов к проблеме топливоснабжения в России в 1917 году - от советских обобщающих схем до современных микроисторических реконструкций, - а также выявить те содержательные лакуны, которые попрежнему препятствуют созданию целостной картины энергетического коллапса революционного года. Новизна работы состоит в том, что смена историографических парадигм рассматривается не как линейный прогресс накопления знания, а как результат сложного взаимодействия идеологических установок, архивной доступности и методологических заимствований из смежных дисциплин - экономической истории, исторической географии и институционального анализа. Тем самым предлагается взгляд на историографию не как на зеркало прошлого, а как на самостоятельный объект исторического исследования, требующий критической рефлексии относительно механизмов производства исторического знания.

В советской науке проблема топлива при Временном правительстве разрабатывалась, как правило, в рамках двух концептуальных задач: доказать объективную неспособность буржуазного режима управлять экономикой страны и подчеркнуть роль рабочего класса как единственной силы, способной вывести страну из кризиса. Эти задачи обусловили высокую степень телеологизма: исследователи нередко начинали с известного им финала - октябрьской революции - и ретроспективно выстраивали причинно-следственные цепочки, в которых топливный дефицит выступал лишь одним из звеньев «общего краха» капиталистической системы.

Характерно, что при такой логике административные усилия Временного правительства в сфере топливоснабжения систематически недооценивались или интерпретировались как заведомо недостаточные. Созданные в 1917 году регулирующие структуры - Главный экономический комитет, районные топливные уполномоченные - упоминались вскользь, без анализа их реального потенциала и ограничений. Между тем архивные материалы свидетельствуют о том, что Главный экономический комитет в сентябре 1917 года проводил развёрнутые обследования положения в южном горнопромышленном районе и формулировал конкретные меры, которые

при иных обстоятельствах могли принести ощутимый результат [5, с. 104]. Советские историки, как правило, не ставили вопроса о том, были ли эти меры реалистичными или нет, предпочитая констатировать их итоговую неэффективность как свидетельство классовой ограниченности режима.

Проблема снабжения железных дорог топливом в 1917 году - один из ключевых операционных аспектов транспортного коллапса - освещалась в советской литературе преимущественно через призму статистических показателей спада, без разграничения между объективными военно-логистическими причинами и управленческими просчётами. Это разграничение принципиально важно для понимания природы кризиса: в условиях, когда фронт поглощал значительную часть угля и нефти, любое правительство - независимо от классового характера - сталкивалось бы с дефицитом. Советская историография не ставила данный контрфактический вопрос, поскольку он потенциально подрывал нарратив о специфической несостоятельности «буржуазного» режима [7, с. 12].

Отдельного внимания заслуживает вопрос об информационных коммуникациях Временного правительства применительно к топливной проблеме. Формирование системы оперативного управления экономикой в условиях революции требовало не только административных структур, но и работающих каналов передачи информации между центром и регионами. Советская историография фактически игнорировала этот аспект, тогда как изучение информационных механизмов эпохи позволяет объяснить, почему принимавшиеся решения нередко запаздывали или оставались неисполненными на местах [13, с. 78].

Региональное измерение топливного кризиса в советских исследованиях, как правило, сводилось к описанию ситуации в промышленных центрах европейской России - прежде всего в Петрограде и Москве. Сибирские города, в том числе Иркутск, оставались на периферии историографического внимания, несмотря на то что именно там управленческая несостоятельность городского самоуправления в вопросах топливоснабжения проявилась с особой наглядностью [4, с. 38]. Такая географическая избирательность определялась не столько архивными ограничениями, сколько идеологическим приоритетом: центральные промышленные районы воспринимались как основные арены классовой борьбы, тогда как провинциальная и сибирская специфика рассматривалась как вторичная.

После 1991 года в отечественной науке произошла принципиальная смена исследовательских приоритетов, которая применительно к теме топливного кризиса 1917 года выразилась в нескольких взаимосвязанных тенденциях. Во-первых, историки получили существенно более широкий доступ к архивным фондам, что позволило реконструировать деятельность регулирующих органов Временного правительства с конкретностью, недо-

стижимой в советский период. Во-вторых, деидеологизация позволила ставить вопросы о реальной эффективности принимавшихся мер, не заботясь об их соответствии заранее заданному ответу. В-третьих, методологические заимствования из западной экономической и институциональной истории дали импульс к изучению не только провалов, но и механизмов государственного регулирования как таковых.

С.Е. Руднева, систематически разрабатывающая источниковую базу по данной теме в последние годы, показала, что Временное правительство предпринимало куда более разнообразные организационные усилия в сфере топливоснабжения, чем принято было считать. Так, учредительный съезд районных уполномоченных и представителей от районов по топливу в 1917 году представлял собой попытку создать децентрализованную систему регулирования, основанную на принципе территориального самоуправления в сфере ресурсного распределения [11, с. 13]. Советская историография если и упоминала подобные инициативы, то исключительно как свидетельство беспомощности режима; постсоветский анализ позволяет рассмотреть их в контексте более широких государственных экспериментов с децентрализованным управлением в условиях военного времени.

Принципиально иначе стала трактоваться и московская топливная ситуация. Если советские исследователи описывали бедственное положение Москвы с зимы 1916–1917 годов как следствие «хищнической» политики буржуазии и бездействия Временного правительства, то современный анализ позволяет выявить сложное переплетение транспортных, климатических и управленческих факторов, ни один из которых не являлся решающим в отрыве от остальных [10, с. 190]. Рудневой удалось проследить, как в Москве на протяжении 1917 года последовательно нарастала несбалансированность между потребностью городского хозяйства в топливе и реальными возможностями его подвоза, что само по себе свидетельствует о системном, а не конъюнктурном характере кризиса.

Горнопромышленный аспект топливной проблемы в постсоветской историографии также получил самостоятельное рассмотрение. Исследование проблем горного дела в России в 1917 году позволяет установить, что добывающие отрасли к осени 1917 года оказались в состоянии острого технического и финансового истощения, восходящего ещё к первым военным годам [9, с. 185]. Это наблюдение существенно корректирует советский тезис об ответственности именно Временного правительства за упадок добывающей промышленности: фактически новое правительство унаследовало комплекс структурных проблем, сложившихся задолго до февральской революции.

Особую исследовательскую ценность представляет изучение металлургического обеспечения железнодорожного транспорта в 1917 году в

его связи с топливным вопросом. Потребность железных дорог в чёрном металле для ремонта подвижного состава и путевого хозяйства напрямую определяла пропускную способность транспортной сети, а следовательно - возможности перевозки топлива [8, с. 20]. Этот системный взгляд, при котором топливный кризис рассматривается как элемент более широкой инфраструктурной деградации, характерен именно для постсоветской историографии: советская наука, концентрируясь на классовых противоречиях, не выстраивала подобных функциональных цепочек.

Не менее значимо и то, что постсоветские исследователи начали рассматривать топливный кризис 1917 года в связи с более длительными процессами экономической трансформации. Проблема регулирования рынка в период кризиса 1916–1917 годов ставилась в контекст государственного интервенционизма военного времени - явления, характерного не только для России, но и для других воевавших держав [2, с. 95]. Такой компаративный подход принципиально нов для отечественной историографии данной темы и позволяет избежать как апологетики, так и однозначного осуждения политики Временного правительства.

Особый интерес в постсоветской историографии представляет разработка темы альтернативных энергетических стратегий в условиях кризиса. Попытки использования гидроэнергии - «белого угля» - для нужд Петрограда в годы Первой мировой войны и революции свидетельствуют о том, что элиты того времени осознавали несостоятельность традиционной топливной модели и искали нестандартные решения [1, с. 233]. Этот сюжет, фактически отсутствовавший в советской историографии, позволяет вписать российский опыт в общеевропейский контекст поиска энергетических альтернатив в условиях военного дефицита.

Что касается нефтяной отрасли, постсоветская историография рассматривает период Временного правительства как критическую паузу между имперской системой нефтедобычи и советской нефтяной политикой, причём именно в 1917 году были выработаны некоторые организационные принципы, которые впоследствии, в трансформированном виде, были восприняты советским государством [3, с. 64]. Этот вывод прямо противоречит советской концепции, согласно которой большевики строили нефтяную промышленность «с нуля» на обломках дореволюционного режима.

Также показательно, что постсоветские историки начали активно разрабатывать региональный материал, ранее недоступный или игнорировавшийся. Иркутский сюжет демонстрирует, как городское самоуправление в условиях отдалённости от центральных топливных ресурсов было вынуждено вырабатывать собственные управленческие ответы на кризис, что существенно осложняет представление о пассивности местных структур в

1916–1919 годах [4, с. 40]. Совокупность таких региональных исследований постепенно складывается в мозаику, принципиально отличную от унитарной картины, которую предлагала советская историография.

Сопоставление советской и постсоветской историографии по данной теме выявляет несколько значимых методологических разрывов, которые не сводятся к простой «деидеологизации». Первый из них касается уровня анализа: советские исследователи тяготели к макроэкономическим обобщениям, тогда как современные авторы всё чаще обращаются к конкретным институциям, документам и региональным случаям. Это порождает определённую асимметрию: постсоветская историография богаче по фактическому содержанию, но пока не предложила столь же убедительного синтетического нарратива.

Второй разрыв связан с отношением к государству как актору. Если советские историки воспринимали Временное правительство как принципиально недееспособный режим, то постсоветские исследователи фиксируют реальные попытки государственного регулирования, пусть и не достигшие своей цели [6, с. 149]. Это различие в интерпретации государственной субъектности имеет следствия далеко за пределами конкретной темы топлива: оно затрагивает более широкий вопрос о том, была ли революция 1917 года неизбежной или же являлась следствием конкретных управленческих провалов, устранение которых было теоретически возможным.

Третий разрыв относится к хронологическим рамкам. Советская историография рассматривала 1917 год как завершённую единицу, а постсоветская наука всё активнее изучает долгосрочные непрерывности через рубеж 1917 года, включая то, как топливная политика Временного правительства продолжилась, видоизменившись, в первых декретах советской власти [12, с. 176]. Тем самым преодолевается жёсткая периодизационная граница, делавшая в советской науке 1917 год абсолютным «нулевым часом» истории.

Четвёртый методологический разрыв касается трактовки соотношения между военными и революционными факторами в формировании топливного кризиса. В советской историографии доминировала концепция, согласно которой именно революционная ситуация, порождённая противоречиями капитализма, привела к срыву топливоснабжения. Постсоветские исследователи, напротив, склонны рассматривать кризис топливообеспечения прежде всего как функцию общего истощения военной экономики: деградация транспортной инфраструктуры, нехватка рабочей силы в горнодобывающих отраслях, прогрессирующий износ оборудования - всё это было порождено не революцией, а войной, революция же лишь сделала управление этими процессами ещё более затруднённым. Промышленный кризис 1917 года, таким образом, следует рассматривать не как результат

политического перелома февраля, а как кульминацию тенденций, уходящих своими корнями в 1914–1916 годы [6, с. 150-151].

Пятый разрыв - терминологический и концептуальный - состоит в различном понимании самого понятия «топливный кризис» в советской и постсоветской историографии. Советские авторы, как правило, использовали этот термин как констатацию конечного результата - дефицита топлива в ключевых отраслях и регионах страны. Постсоветские исследователи склонны трактовать топливный кризис как процесс, имеющий собственную динамику, фазы и региональные проявления, существенно различавшиеся по интенсивности и характеру. К примеру, ситуация с углём в Донбассе, с дровами в Восточной Сибири и с нефтью в Баку подчинялась различным логикам нарастания кризиса, требовала различных управленческих реакций и по-разному сказывалась на положении смежных отраслей. Такой дифференцированный и многоуровневый взгляд позволяет выйти за пределы монолитного образа «топливного коллапса» и поставить вопрос о том, какие именно звенья цепочки ресурсного снабжения были наиболее уязвимы и почему [9, с. 186-187].

Немаловажен и принципиальный вопрос о соотношении объективных ограничений и субъективных ошибок в политике Временного правительства в области топлива. Советская историография, не заинтересованная в признании объективных трудностей, которые достались режиму в наследство, акцентировала субъективные просчёты и классовую ограниченность. Постсоветские авторы, напротив, склонны к более взвешенной оценке: признавая реальные управленческие ошибки, они вместе с тем указывают на то, что значительная часть этих ошибок объяснялась не злым умыслом или классовой предвзятостью, а объективно слабыми информационными и административными возможностями переходного государства. В этом смысле изучение информационно-коммуникационного обеспечения правительственной политики приобретает самостоятельное значение как ключ к пониманию природы управленческих сбоев [13, с. 80-81].

Анализ советской и постсоветской историографии применительно к теме топливной промышленности при Временном правительстве позволяет констатировать не просто накопление нового фактического материала, но подлинную парадигматическую трансформацию. Советская историография, при всей своей систематичности, была внутренне ограничена телеологизмом классового анализа, что не позволяло ей адекватно оценить институциональные усилия режима 1917 года. Постсоветские исследования, опираясь на более широкую архивную базу и методологический плюрализм, постепенно восстанавливают картину топливного кризиса во всей её сложности - с учётом региональной дифференциации, управленческих экспериментов и структурных ограничений, унаследованных от военного времени.

Вместе с тем было бы упрощением полагать, что постсоветская историография лишена собственных слабостей. Разрозненность локальных исследований, отсутствие единой синтетической работы по теме, а также недостаточно разработанная компаративная перспектива - всё это оставляет поле для дальнейших научных усилий. Совокупность выявленных методологических разрывов указывает на то, что научная дискуссия о природе топливного кризиса 1917 года ещё далека от завершения: открытыми остаются вопросы о реальном управленческом потенциале Временного правительства, о роли регионального фактора в формировании общероссийской картины ресурсного дефицита и о степени преемственности между дореволюционными, революционными и ранними советскими механизмами управления топливной отраслью.

Перспективной представляется задача создания обобщающего труда, который интегрировал бы достижения региональной микроистории, институционального анализа и сравнительного изучения военно-экономических кризисов начала XX века в единую аналитическую конструкцию, способную объяснить топливный коллапс 1917 года не как симптом классовой борьбы, но как результат взаимодействия структурных, управленческих и конъюнктурных факторов - со всеми присущими этому взаимодействию противоречиями и случайностями.

Библиографический список:

1. Агафонова А.Б. «Белый уголь» для Петрограда: попытки энергетического перехода в условиях Первой мировой войны // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 10. С. 230-247.
2. Агеева Е.А. Роскошь. Кризис. Государство. Государственное регулирование российского рынка роскоши в период кризиса 1916–1917 годов // Россия XXI. 2015. № 4. С. 92-109.
3. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Становление основ государственной политики СССР в нефтяной сфере // Инновационная наука. 2015. № 4-3. С. 63-68.
4. Ильина А.В. Топливный кризис 1916–1919 годов и городское самоуправление в Восточной Сибири (на примере губернского Иркутска) // Актуальные вопросы истории Сибири. Тринадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. 2021. С. 37-41.
5. Руднева С.Е. Главный Экономический комитет о положении в южном горнопромышленном районе в сентябре 1917 года // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике. 2024. С. 103-107.
6. Руднева С. Е. Кризис промышленности России в 1917 году // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований: традиции и перспективы. – М.: 2024. С. 148-153.
7. Руднева С. Е. Обеспечение железных дорог России топливом в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на севере России. 2023. № 1. С. 11-15.
8. Руднева С.Е. Потребность железных дорог России в чёрном металле в 1917 году // III Международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию образования СССР (VI Губкинские Гуманитарные чтения). – М.: 2022. С. 17-25.
9. Руднева С.Е. Проблема горного дела в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 183-189. – DOI: 10.34670/AR.2023.82.61.019.
10. Руднева С. Е. Топливный кризис в Москве в 1917 году // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов III Всероссийской научной конференции с международным участием. – Чебоксары, 2023. С. 189-194.
11. Руднева С.Е. Учредительный съезд районных уполномоченных и представителей от районов по топливу в 1917 году // История и перспективы развития транспорта на севере России. 2024. № 1. С. 12-16.
12. Руднева С.Е. К вопросу о топливе в России в 1917 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 1А. С. 174-182. – DOI: 10.34670/AR.2023.50.30.018.

13. Шапошников Г.Н. Временное правительство и информационные коммуникации России в марте–сентябре 1917 г. // Февральская революция 1917 года в России: история и современность. Екатеринбург, 2007. С. 74-83.

14. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

Reference

1. Agafonova A.B. “White Coal” for Petrograd: Attempts at Energy Transition during the First World War // Scientific Dialogue. 2023. Vol. 12. № 10. P. 230-247.

2. Ageeva E.A. Luxury. Crisis. State. State Regulation of the Russian Luxury Market during the Crisis of 1916-1917 // Russia XXI. 2015. № 4. P. 92-109.

3. Bodrova E.V., Kalinov V.V. Formation of the Foundations of the USSR State Policy in the Oil Sector // Innovative Science. 2015. № 4-3. P. 63-68.

4. Ilyina A.V. The Fuel Crisis of 1916–1919 and Urban Self-Government in Eastern Siberia (Based on the Case of Irkutsk Provincial Government) // Current Issues in the History of Siberia. The Thirteenth Scientific Readings in Memory of Professor A.P. Borodavkin. 2021. P. 37-41.

5. Rudneva S.E. The Main Economic Committee on the Situation in the Southern Mining Region in September 1917 // Current Issues in the Humanities and Social Sciences: From Theory to Practice. 2024. P. 103-107.

6. Rudneva S.E. The Crisis of Russia’s Industry in 1917 // Current Issues in Social and Humanitarian Research: Traditions and Prospects. Moscow: 2024. P. 148-153.

7. Rudneva S.E. Fuel Supply to Russian Railways in 1917 // History and Prospects of Transport Development in Northern Russia. 2023. № 1. P. 11-15.

8. Rudneva S.E. The Need of Russian Railways for Ferrous Metal in 1917 // III International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Formation of the USSR (VI Gubkin Humanitarian Readings). – Moscow: 2022. P. 17-25.

9. Rudneva S.E. The Problem of Mining in Russia in 1917 // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Vol. 13. № 1-1. P. 183-189. – DOI: 10.34670/AR.2023.82.61.019.

10. Rudneva S.E. The Fuel Crisis in Moscow in 1917 // Current Issues in Archaeology, Ethnography, and History: Collection of Materials from the III All-Russian Scientific Conference with International Participation. – Cheboksary, 2023. P. 189-194.

11. Rudneva S.E. The Founding Congress of District Fuel Commissioners and Representatives from Districts in 1917 // History and Prospects for Transport Development in Northern Russia. 2024. № 1. P. 12-16.

12. Rudneva S.E. On the Fuel Issue in Russia in 1917 // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Vol. 13. № 1A. P. 174-182. – DOI: 10.34670/AR.2023.50.30.018.

13. Shaposhnikov G.N. The Provisional Government and Information Communications of Russia in March–September 1917 // The February Revolution of 1917 in Russia: History and Modernity. Ekaterinburg, 2007. P. 74–=-83.

14. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.

Гетьман Д.И.
Аспирантка кафедры истории России. ГАОУ ВО ЛО Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург.

Городская больница в системе санитарного контроля: сравнительный анализ лечебных заведений Санкт-Петербурга и крупных городов Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX веков*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу роли городских больниц в системе санитарного контроля Санкт-Петербурга и крупных городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Автор показывает, что в столице сложилась комплексная, институционализированная система, интегрирующая больницы в профилактическую, лабораторную и административную инфраструктуру. В Западной Сибири больницы оставались изолированными учреждениями, реагирующими на эпидемиологические кризисы, но не способными обеспечить системную профилактику. Контраст объясняется не столько уровнем благосостояния, сколько степенью зрелости местного самоуправления и наличием кадровых и научных ресурсов. Особое внимание уделено деятельности губернских врачебных инспекторов, городских дум и роли благотворительности на периферии. Рассматриваются также различия в организации детской медицинской помощи и санитарной культуре. Сравнительный подход позволяет выявить глубинные особенности имперских изменений.

Ключевые слова: санитарный надзор, городская больница, Западная Сибирь, Санкт-Петербург, инфекционные заболевания, городское самоуправление, губернские врачебные инспекторы, дезинфекционные станции, Городская химико-бактериологическая лаборатория, сравнительный анализ.

Getman D.I.
Postgraduate student in the Department of Russian History, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, St. Petersburg.

The city hospital in the sanitary control system: a comparative analysis of medical institutions in St. Petersburg and major cities of western Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries

* © Гетьман Д.И., 2026.

Abstract. The article provides a comparative analysis of the role of urban hospitals in the sanitary control system of St. Petersburg and major cities in Western Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries. The author shows that the capital had a comprehensive, institutionalized system that integrated hospitals into its preventive, laboratory, and administrative infrastructure. In Western Siberia, hospitals remained isolated institutions that responded to epidemiological crises but lacked the capacity for systemic prevention. This contrast can be attributed not only to the level of wealth, but also to the maturity of local self-government and the availability of human and scientific resources. Special attention is paid to the activities of provincial medical inspectors, city councils, and the role of charity in the periphery. The article also examines the differences in the organization of children's medical care and sanitary culture. A comparative approach allows us to identify the underlying features of imperial changes.

Key words: sanitary supervision, city hospital, Western Siberia, St. Petersburg, infectious diseases, city government, provincial medical inspectors, disinfection stations, City Chemical and Bacteriological Laboratory, comparative analysis.

Во второй половине XIX – начале XX вв. Российская империя переживала глубокие структурные и социальные трансформации, порожденные урбанизацией, промышленным ростом и массовыми миграциями. Эти процессы обострили проблемы общественного здоровья, особенно в городской среде, где эпидемии холеры, оспы, тифа и дифтерии приобрели хронический характер.

В подобных условиях городская больница перестала быть только местом оказания медицинской помощи и превратилась в один из ключевых элементов санитарной инфраструктуры. Однако степень ее интеграции в эту систему существенно различались в зависимости от региона. Санкт-Петербург как административный и культурный центр обладал ресурсами, позволявшими комплексную систему санитарного надзора, тогда как крупные города Западной Сибири (Томск, Омск, Тюмень, Барнаул) оставались в условиях постоянного дефицита кадров, финансирования и несформированности социальных институтов. Именно это различие, а не только разница в уровне благосостояния, определяло контраст между столичной моделью интегрированной больнично-санитарной системы и периферийной практикой реактивного, эпизодического реагирования на эпидемические кризисы.

Проблема исследования заключается в выявлении различий в интеграции городских больниц в систему санитарного контроля между Санкт-Петербургом и крупными городами Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания региональных особенностей развития санитарной инфраструктуры в условиях имперской модернизации. На фоне урбанизации и эпидемических угроз

городская больница становилась не просто лечебным, но и профилактическим институтом. Однако степень ее вовлеченности в санитарный надзор существенно варьировалась в зависимости от институциональных и ресурсных условий. В столице формировались комплексные, системные механизмы профилактики, тогда как на периферии господствовала ситуативная модель. Этот контраст отражает более широкий дисбаланс между центром и окраинами в вопросах управления общественным здоровьем.

Цель исследования – сравнительный анализ функциональной роли городских больниц в санитарных системах двух регионов.

Уже в XVIII в. в Санкт-Петербурге действовали такие системы, как физикаты – учреждения, осуществлявшие врачебный контроль и санитарную инспекцию[1]. Однако настоящий импульс к становлению института санитарной службы был дан лишь в середина XIX в. под давлением холерных эпидемий. Как свидетельствует Ю. Гюбнер. «без такого учреждения до сих пор пропадал и будет пропадать медико-полицейский и госпитальный матерьялы и вообще накопление драгоценных сведений об общественном здравии совершенно немыслимо». В 1867 г. была учреждена исполнительная санитарная комиссия, которую Ю. Гюбнер назвал «зародышем санитарной организации» в столице[2].

Ключевым поворотом стала передача врачебно-санитарной службы в ведение городской думы в 1884 г., что обеспечивало переход от полицейского контроля к муниципальному управлению здравоохранением. Уже в 1886 г. была создана самостоятельная санитарная комиссия, в состав которой вошли окружные санитарные попечители – выборные представители горожан, ответственные за санитарное состояние своих районов. Эта мера, призванная сочетать административный контроль с общественным участием, позволила улучшить мониторинг инфекционных случаев. Каждый такой случай заносился в «домовую книгу», а попечители регулярно осматривали жилые и торговые помещения[3].

Центральную роль в формировании новой системы сыграла Городская барачная (впоследствии Александровская) больница. При ней в 1880-е гг. начала работу первая в Российской империи городская дезинфекционная станция, где вещи больных обеззараживались сухим горячим воздухом, се-

1 *Гетьман Д.И.* Организация санитарного надзора в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 27.

2 *Гюбнер Ю.Ю.* Статистические исследования санитарного состояния С.-Петербурга: Статистические исследования санитарного состояния Санкт-Петербурга: 1870 год. СПб.: печ. В.И. Головина, 1872. С. 21.

3 *Гетьман Д.И.* Организация санитарного надзора в Санкт-Петербурге во второй половине XIX — начале XX веков // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 29.

рой, а позднее – хлором и формальдегидом. Для перевозки инфекционных пациентов использовались специальные санитарные кареты, что значительно снижало риск заражения окружающих[4].

В 1891 г. при поддержке городской думы была открыта Городская химико-бактериологическая лаборатория под руководством профессора С.А. Пржибытека. В отличие от московской станции, ориентированной преимущественно на научные исследования, петербургская лаборатория решала сугубо практические задачи. Ее агентами выступали торгово-санитарные врачи, которые ежегодно доставляли на анализ около 2000 образцов пищевых продуктов, а в периоды эпидемий это число достигало 3000, из которых до 40% изымалось как недоброкачественные[5].

Особое значение лаборатория придавала контролю водоснабжения. Исследования воды из Невы, Фонтанки и Обводного канала выявляли высокий уровень бактериального загрязнения, связанного с отсутствием канализации и прямым сбросом нечистот в реки. В ответ сотрудники лаборатории активно разрабатывали и внедряли методы очистки воды через коагулирование, озонирование по системе Жерара, обеззараживание гипохлоритами и метод Берже с использованием двуокиси хлора. Таким образом, в Санкт-Петербурге к началу XX в. сложилась комплексная система санитарного надзора, в которую городские больницы были органически встроены как диагностические, профилактические и административные центры.

В Западной Сибири подобной интеграции не произошло. Как показывают исследования, региональное развитие санитарной службы шло значительно медленнее и носило преимущественно реактивный характер. Эпидемия холеры 1892 г., унесшая в Томске жизни 965 человек, а в Тобольской губернии – свыше 3000[6], стала катализатором первых попыток организации системного санитарного контроля. В периодической печати отмечалось, что «самая главная первейшая потребность … – улучшение санитарного состояния города»[7]. До этого момента даже в губернских центрах отсутствовали элементарные санитарные службы, не существовало ни постоянных санитарных комиссий, ни должностей санитарных врачей. Лишь к концу XIX в. власти начали принимать постановления «об очистке города от нечистот».

4 Там же. С. 30.

5 *Шерстнева Е.В.* Первые городские санитарные станции в России: история создания и основные направления деятельности (к 125-летию со времени основания) // Гигиена и санитария. 2017. № 96 (2). С. 188.

6 *Татарникова А.И.* Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX - начале XX веков // Научный диалог. 2021. № 3. С. 455.

7 Тобольские губернские ведомости. 1893. № 9 (27 февр.).

В 1897 г. в Томске была введена должность санитарного врача, которую в 1902 г. занял известный гигиенист К.М. Гречищев. Под его началом были созданы статистические бюро, врачебный совет и постоянная санитарная комиссия, контролировавшая санитарное состояние торгово-промышленных, учебных заведений, бань, прачечных и жилых домов[8]. Однако даже в Томске «не проводилось общего санитарного обследования города»[9], а «мелкие торгово-промышленные заведения» оставались вне поля зрения властей.

Особую роль в координации санитарной политики играли губернские врачебные инспекторы. Согласно исследованиям, такие чиновники, как Н.А. Строганов и Ф.К. Зембицкий курировали медицинские учреждения, анализировали эпидемиологическую обстановку и разрабатывали рекомендации для местных властей, выступая посредниками между центром и периферией[10]. Однако их усилия нередко наталкивались на сопротивление со стороны горожан и пассивность самоуправлений. Например, в Тобольске в 1916 г. врачебный инспектор Егоров, пытавшийся улучшить санитарное состояние местной больницы, столкнулся с редкой критикой со стороны подчиненных и местной прессы, что привело к официальному расследованию и, в конечном итоге, к его отстранению. Данный эпизод наглядно демонстрирует, насколько слабы были институциональные основа санитарного контроля в сибирских губерниях.

Их деятельность ограничивалась нехваткой ресурсов и слабостью городского самоуправления. В Томской губернии в 1883 г. «заболевание глистами» составило более 8% от общего числа заболевших, что свидетельствовало о крайне низком уровне санитарной культуры среди населения[11].

Ситуация с водоснабжением была критической. Отмечалось, что «громадное большинство [жителей] помойных ям не имеет, а выливает нечистоты во двор, «в сторону»»[12]. А. Ремезов писал, что «вода содержит много органических примесей, в том числе аммиачные и азотные соединения»[13]. По свидетельству К.М. Гречищева, общественные колодцы «превратились

8 *Татарникова А.И.* Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX - начале XX веков // Научный диалог. 2021. № 3. С. 456.

9 *Татарникова А.И.* Санитарное благоустройство городов Западной Сибири в конце XIX - начале XX века // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8: История. С. 103.

10 *Андриянова Д.В., Федотова Д.Ю.* Деятельность губернских врачебных инспекторов в Западной Сибири в конце XIX - начале XX веков // Научный диалог. 2020. № 4. С. 258.

11 *Татарникова А.И.* Санитарное благоустройство городов Западной Сибири в конце XIX - начале XX века // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8: История. С. 101.

12 ГААК. Ф, 51. Оп. 1. Д. 23. Л. 184.

13 *Ремезов А.И.* Очерк санитарного состояния Западной Сибири / Сост. при Окр. западносиб. воен.-мед. упр. врачом А. Ремезовым. Омск: тип. Окр. Штаба. 1880. С. 206-207.

в резервуары вонючей жидкости», а река Ушайка стала «крайне загрязненной и почти негодной к употреблению» из-за сброса навоза и сточных вод[14]. Источники свидетельствуют, что «канавы сделаны безо всякого уклона, часто засариваются навозом, мусором и в большинстве случаев служат не для стока воды, а наоборот, хранилищем воды, которая летом часто загнивает и покрывается плесенью»[15].

Медико-санитарная отсталость региона подтверждается и статистическими данными. На одного врача из Тюмени в 1910 г. приходилось 3267 горожан, в Таре – 11613, в Бийске – 2492, а в Каинском уезда – 42000 жителей[16]. В 1892 г. в Томске, губернском центре, не существовало ни одной стационарной больницы. В Барнауле, Бийске и особенно в мелких уездных городах вроде Кузнецка лечебные заведения отсутствовали вовсе или функционировали на уровне амбулаторий[17]. О тяжелой ситуации во время эпидемий в городах Западной Сибири свидетельствуют и исторические источники: «Все госпитали переполнены … О лечении говорить не приходится, лишь бы изолировать больное население от здорового. … Валяющиеся повсюду в городе трупы собираются, свозятся за город, складываются в штабеля по 500 штук и закапываются в братскую могилу»[18].

Высокая смертность, особенно детская, была прямым следствием этой ситуации. В Бийске в 1864 г. более половины умерших составляли дети до одного года, в основном от плохого ухода, неправильного питания, отсутствия медицинской помощи. Мемуарист П.Ф. Кочнев из Тюмени приводит трагические примеры гибели собственных детей из-за невозможности получить своевременное врачебное вмешательство. Он пишет: «У нас умерло пять младенцев, и лишь шестой ребенок выжил»[19]. Только в 1910 г. в Омске была срочно построена инфекционная больница и приняты на службу санитарный врач и два участковых попечителя.

В условиях такого контраста между столицей и периферией особенно ярко проявляется различие не столько в уровне благосостояния, сколько в характере институционального вмешательства. В Санкт-Петербурге санитарный надзор развивался как системная постоянно действующая структура, тогда как в Западной Сибири он остался, по сути, ситуативной реакцией на эпидемии. Полагаем, что именно эта разница в подходе, от профилакти-

14 *Татарникова А.И.* Санитарное благоустройство городов Западной Сибири в конце XIX - начале XX века // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8: История. С. 100-101.

15 ГАТоб. Ф, 3. Оп. 4. Д. 17. Л.176.

16 Города России в 1910 г. СПб. 1910. С. 1034-1035.

17 Город Томск. Томск. 1912. С. 229.

18 ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 1. Л. 65.

19 *Кочнев П.Ф.* Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика / П.Ф. Кочнев; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Сова. 2006. С. 29.

ки к контролю в столице и от кризиса к временным мерам на периферии, определяла долгосрочные траектории развития городской среды и уровня общественного здоровья. Даже в относительно благополучных сибирских центрах, таких как Томск или Омск, где после вспышек холеры и тифа принимались меры по улучшению санитарного состояния, отсутствовала стратегическая перспектива.

Как было отмечено ранее, в Томске только после 1902 г., когда городским головой стал врач, началось системное благоустройство: появился школьно-санитарный врач, было налажено регулярное публикование сведений о санитарной ситуации, а главное – построен водопровод, что с 1906 г. привело к резкому снижению смертности от инфекционных болезней. Тем не менее, они сохранялись. В таких условиях городские думы вынуждены были прибегнуть к экстренным мерам. В Бийске в 1893 г. дума ходатайствовала о направлении трех студентов-медиков на лето для профилактики оспы, обещая платить им по 100 рублей в месяц[20]. В Барнауле в 1914 г., в условиях вспышек скарлатины и оспы, власти посредством местных больниц организовали массовую вакцинацию и бесплатно лечили больных в инфекционной больнице, но расходы на эти мероприятия носили временный характер и выделялись из запасного капитала[21].

Следовательно, в Санкт-Петербурге к началу XX в. сложилась не просто сеть учреждений, а настоящая санитарная инфраструктура, в которой больницы выступали ключевыми узлами. Городская больница была не только местом лечения, но и центром сбора эпидемиологических данных, лабораторного анализа, дезинфекции и профилактического просвещения. Считаем, что эта интеграция лечебной, диагностической, административной и профилактической функций делала петербургскую модель уникальной в масштабах империи.

В Западной Сибири больницы, даже когда они существовали, оставались изолированными «приемными пунктами» для уже заболевших, без реального влияния на санитарное состояние городской среды. Эта разница отражает более глубокую дихотомию: столица действовала как центр модернизации, где медицина становилась инструментом управления городом, тогда как на периферии здравоохранение оставалось делом выживания, а не системного развития.

Особенно показательна рол благотворительности в рассматриваемых регионах. В Санкт-Петербурге благотворительные инициативы постепенно вытеснялись муниципальными структурами. В Западной Сибири же, напротив, именно благотворительность оставалась основным источником финансирования больниц.

20 ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

21 ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 13. Л. 237-238.

Необходимо подчеркнуть различие в восприятии детского организма. В Санкт-Петербурге в 1834 г. последовательно открывались детские больницы: Николаевская, Елизаветинская и, наконец, Детская больница Принца Петра Ольденбургского, основанная педиатром К.А. Раухфусов[22]. Здесь впервые были введены холщевые халаты для персонала, обеспечено полноценное питание, предприняты попытки изолирования инфекционных больных. Однако в этой больнице изначально отсутствовала строгая сортировка по диагнозам, что вскоре привело к отказу от приемы заразных больных как «непосильной задачи». Вместе с тем, сама постановка вопроса о специфике детского организма свидетельствовала о формирующемся профессиональном подходе. В Западной Сибири подобные учреждения практически отсутствовали. Детская помощь оказывалась в рамках общих больниц, без учета возрастных и нозологических потребностей. Полагаем, что именно в этой разнице заключается суть модернизационного дисбаланса Российской империи на рубеже XIX-XX вв.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. городская больница Российской империи трансформировалась их пункта оказания помощи в элемент санитарной инфраструктуры. В Санкт-Петербурге эти изменения носили системный характер: больницы интегрировались в сеть дезинфекционных станций, лабораторий и санитарных комиссий. В Западной Сибири больницы оставались изолированными учреждениями, регулирующими их кризисы, а не предотвращающими их. Различие обусловлено не столько уровнем благосостояния, сколько уровнем зрелости институтов местного самоуправления. В столице санитарный надзор развивался как профилактическая, научно обоснованная система. На периферии – временная мера в разгар эпидемий. Отсутствие кадров, финансирования и устойчивых административных структур в сибирских городах делало системную профилактику невозможной. Также в губернских центрах санитарные инициативы носили фрагментарный характер. Благотворительность в Сибири замещала государственное участие, тогда как в Петербурге она уступала место муниципальному управлению здравоохранением. Кроме того, подход к помощи детям в столице отражал растущую профессионализацию педиатрии, чего не наблюдалось в сибирских лечебных заведениях. Контраст между Петербургом и Западной Сибирью отражает общую логику имперской модернизации: центр как лаборатория управления, периферия – как зона выживания.

Библиографический список:

1. ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 13. Л. 237-238.

22 *Мальцева А.А.* Детские больницы Санкт-Петербурга во второй половине XIX века // Проблемы науки. 2019. № 12 (48). С. 56.

2. ГААК. Ф, 51. Оп. 1. Д. 23. Л. 184.
3. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.
4. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 1. Л. 65.
5. ГАТоб. Ф. 3. Оп. 4. Д. 17. Л.176.
6. Города России в 1910 г. СПб. 1910. 1200 с.
7. Город Томск. Томск. 1912. 543 с
8. Гюбнер Ю.Ю. Статистические исследования санитарного состояния С.-Петербурга: Статистические исследования санитарного состояния Санкт-Петербурга: 1870 год. – СПб.: печ. В.И. Головина, 1872. 173 с.
9. Кочнев П.Ф. Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика / П.Ф. Кочнев; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Сова. 2006. 383 с.
10. Ремезов А.И. Очерк санитарного состояния Западной Сибири / Сост. при Окр. западносиб. воен.-мед. упр. врачом А. Ремезовым. – Омск: тип. Окр. Штаба. 1880. 264 с.
11. Тобольские губернские ведомости. 1893. № 9 (27 февр.).
12. Андриянова Д.В., Федотова Д.Ю. Деятельность губернских врачебных инспекторов в Западной Сибири в конце XIX - начале XX веков // Научный диалог. 2020. № 4. С. 253-270.
13. Гетьман Д.И. Организация санитарного надзора в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 26-32.
14. Мальцева А.А. Детские больницы Санкт-Петербурга во второй половине XIX века // Проблемы науки. 2019. № 12 (48). С. 54-57.
15. Татарникова А.И. Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX - начале XX веков // Научный диалог. 2021. № 3. С. 452-468.
16. Татарникова А.И. Санитарное благоустройство городов Западной Сибири в конце XIX - начале XX века // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 8: История. С. 96-107.
17. Шерстнева Е.В. Первые городские санитарные станции в России: история создания и основные направления деятельности (к 125-летию со времени основания) // Гигиена и санитария. 2017. № 96 (2). С. 187-189.
18. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.

Reference

1. GAAK. F. 51. Op. 1. D. 13. L. 237-238.
2. GAAK. F. 51. Op. 1. D. 23. L. 184.
3. GAAK. F. 175. Op. 1. D. 11. L. 9.
4. GANO. F. R-47. Op. 5. D. 1. L. 65.
5. GATob. F. 3. Op. 4. D. 17. L. 176.
6. Cities of Russia in 1910. St. Petersburg. 1910. 1200 p.
7. City of Tomsk. Tomsk. 1912. 543 p.
8. Gyubner Yu.Yu. Statistical studies of the sanitary condition of St. Petersburg: Statistical studies of the sanitary condition of St. Petersburg: 1870. – St. Petersburg: printed. V. I. Golovina, 1872. 173 p.
9. Kochnev P.F. Life on a Big River: Notes of a Siberian Clerk / P. F. Kochnev; Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History. Novosibirsk: Sova. 2006. 383 p.
10. Remezov A.I. Essay on the Sanitary Condition of Western Siberia / Comp. at the Okrug West Siberian Military Medical Administration by physician A. Remezov. – Omsk: Okrug Headquarters Printing House. 1880. 264 p.
11. Tobolsk Provincial Gazette. 1893. № 9 (February 27).
12. Andrianova D.V., Fedotova D.Yu. Activities of Provincial Medical Inspectors in Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries // Scientific Dialogue. 2020. № 4. P. 253-270.
13. Getman D.I. Organization of Sanitary Surveillance in St. Petersburg in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries // Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 2022. № 3 (76). P. 26-32.
14. Maltseva A.A. Children's Hospitals of St. Petersburg in the Second Half of the 19th Century // Problemy Nauki. 2019. № 12 (48). P. 54-57.
15. Tatarnikova A.I. Anti-Epidemic Measures of Local Governments in Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries // Nauchny Dialog. 2021. № 3. P. 452-468.
16. Tatarnikova A.I. Sanitary Improvement of Cities in Western Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries // Vestn. NSU. Series: History, Philology. 2016. Vol. 15, № 8: History. P. 96-107.
17. Sherstneva, E.V. The first urban sanitation stations in Russia: history of creation and main areas of activity (on the 125th anniversary of their founding) // Hygiene and Sanitation. 2017. № 96 (2). P. 187-189.
18. Goltsov A.N., Dediu E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 21-33.

Ермолаев А.Н.
Аспирант кафедры «Всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.

Ермолаева Ю.Н.
Кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.

Оцифровка якутской деревянной посуды «кытах», «кытыйа», «эт хоторор иһит» методом фотограмметрии: процесс и перспективы*

Аннотация. Предмет. Процесс бесконтактной трехмерной фиксации и сохранения объектов этнокультурного наследия народов Сибири. В качестве материала исследования выступают редкие образцы традиционной якутской кумысной и бытовой утвари из региональных музейных фондов.

Цели. Разработка и апробация комплексной методики трехмерного моделирования чаш «кытыйа», «кытах» и блюда «эт хоторор иһит» с последующим определением перспектив интеграции полученных цифровых двойников в современную научно-экспозиционную практику.

Методология. В основу работы положен метод цифровой наземной фотограмметрии, реализованный в программных средах Agisoft Photoscan и Blender. Также применялись методы сравнительно-исторического, морфологического и визуального анализа артефактов.

Результаты. В ходе исследования методом цифровой фотограмметрии осуществлена трехмерная фиксация четырех аутентичных образцов якутской деревянной посуды. Сформировано детальное описание этапов их трехмерной реконструкции, а также определены ключевые векторы внедрения полученных 3D-моделей в научно-экспозиционную деятельность музеев.

Ключевые слова: цифровизация, 3D-моделирование, фотограмметрия, культурное наследие, якутская посуда, «кытыйа», «кытах», Agisoft Photoscan, Blender.

Ermolaev A.N.
Postgraduate student of the Department of World and Russian History, Ethnology, Archeology, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.

* © Ермолаев А.Н., Ермолаева Ю.Н., 2026.

Ermolaeva Yu.N.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of World, Domestic History, Ethnology, Archeology, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.

Digitization of Yakut wooden utensils “kytakh”, “kytyya”, “et khotoror ihit” by photogrammetry: process and prospects

Abstract. Subject. The process of contactless three-dimensional fixation and preservation of objects of ethnocultural heritage of the peoples of Siberia. Rare samples of traditional Yakut kumis and household utensils from regional museum funds act as research material.

Goals. Development and testing of a comprehensive methodology for three-dimensional modeling of traditional wooden bowls and ceremonial meat serving platters with the subsequent determination of the prospects for integrating the obtained digital twins into modern scientific and exposition practice.

Methodology. The work is based on the digital ground photogrammetry method implemented in the Agisoft Photoscan and Blender software environments. Methods of comparative historical, morphological and visual analysis of artifacts were also used.

Results. During the study by digital photogrammetry, three-dimensional fixation of four authentic samples of Yakut wooden dishes was carried out. A detailed description of the stages of their three-dimensional reconstruction has been formed, and key vectors for introducing the obtained 3D models into the scientific and exposition activities of museums have been determined.

Key words: digitalization, 3D modeling, photogrammetry, cultural heritage, Yakut dishes, wooden bowls, ceremonial platters, Agisoft Photoscan, Blender.

Работа по сохранению национальной культуры сегодня напрямую зависит от развития компьютерных технологий. Если раньше удавалось переводить в цифровой формат только тексты или плоские фотографии, то современные методы позволяют фиксировать объемные предметы в их первоначальном, аутентичном виде. Главным инструментом в этой сфере стали технологии 3D-моделирования. С помощью бесконтактной съемки удается зафиксировать точные размеры, форму и малейшие детали старинных вещей, что открывает принципиально новые возможности для практики сибирских музеев.

На современном этапе возрос спрос на интеграцию инновационных решений во все сферы жизнедеятельности. Этот интерес затронул и гуманитарные дисциплины, где компьютерные методы стали важной частью научно-образовательного процесса. Так, Исторический факультет Северо-

Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова инициировал внедрение трехмерных технологий для проведения междисциплинарных исторических, археологических и этнологических изысканий. Не остались в стороне и музеи: так, у многих учреждений Республики Саха (Якутия) появились свои проекты по созданию 3D-каталогов и виртуальных выставок. Такой подход наглядно доказывает, что классическая бумажная методика учета экспонатов уже уступила место новым цифровым стандартам. Трехмерное моделирование сегодня открывает новые возможности для экспозиционной деятельности. Программное обеспечение быстро развивается и становится доступнее. Благодаря этому в ближайшие годы специалисты самых разных профилей без глубоких технических навыков смогут создавать качественные цифровые копии объектов.

Для создания 3D-моделей традиционно применяется несколько распространенных методов: полигональное моделирование, сплайновое моделирование, 3D-скульптурирование, лазерное и оптическое 3D-сканирование, цифровая фотограмметрия.

В последнее время фотограмметрию активно внедряют за рамками привычной архитектуры и геодезии[1]. Этот метод доказал свою эффективность в гуманитарных дисциплинах – прежде всего в археологии, музееведении и этнологии. Главным преимуществом бесконтактной съемки является точное воспроизведение мельчайших деталей поверхности и текстуры объекта в высоком разрешении.

В методику входит фотографирование экспоната со всех ракурсов. Полученные снимки обрабатываются в специализированном софте для автоматической генерации пространственных объектов. Система ищет сходные точки на разных кадрах. С помощью триангуляции программа вычисляет, где именно в пространстве находилась каждая метка во время съемки, и собирает из них плотное облако, служащее основой для финальной полигональной сетки.

В качестве примера рассмотрим процесс создания 3D-моделей экспонатов якутской посуды «кытах», «кытыйа» и «эт хоторор иһит» из «Чурапчинского музея истории и этнографии им. А.А. Саввина», а также из музея «Переселение» села Хатылы Чурапчинского улуса РС(Я).

«Кытыйа» – это традиционная якутская деревянная чаша. Такие экспонаты часто встречаются в местных краеведческих и сельских музеях. Сама чаша имеет средние размеры и украшена резным орнаментом. Объём такой посуды обычно составляет от 2 до 4 литров. Некоторые старинные экземпляры мастера оковывали латунными, медными или серебряными ободками, а иногда украшали подвесками. В быту эту чашу использовали для

1 *Neukum G.* et al. The high resolution stereo camera (HRSC) // Proceedings of SPIE. 2017. Vol. 10569. P. 1056921. – DOI: 10.1117/12.2307899.

самой разной еды. Из неё ели кашу, мясо, супы и уху.

Предварительный этап оцифровки всегда начинается со сбора информации в самом музее. На этом шаге мы налаживаем рабочий контакт с руководством и сотрудниками учреждения. Как показывает практика, музеи охотно поддерживают волонтерские и партнерские проекты с университетами или отдельными исследователями. Хранители фондов предоставляют доступ к экспонатам, а также активно помогают организовать фотосъемку и собрать архивные данные.

I этап – техническая подготовка проекта

Необходимо следующее оборудование: компьютер с установленными ппрограммами Agisoft Photoscan и Blender, камеры для фотосъемок объектов с высокой четкостью изображения и сбалансированным фокусом (допускается использование камер смартфона), хромакей или однотонный фон, инструменты для фиксации и расположения объектов, а также осветительные приборы (штативы, лампы, софиты и т. д.).

Для съемки объектов необходимо подобрать подходящее помещение, например однотонную просторную комнату с хорошим освещением. При отсутствии такого пространства можно изготовить хромакей из подручных средств: картонной коробки, обклеенной белой бумагой формата А3, или белых плакатов. Камеру или телефон следует устанавливать на штатив. Перед началом работы с экспонатами целесообразно провести тестовую фотосъемку, проверив обработку полученных кадров в программе Agisoft PhotoScan, чтобы убедиться в полной работоспособности оборудования и софта.

Если музей расположен в удаленной местности, а время экспедиции жестко ограничено, критически важно правильно рассчитать нагрузку и график работы с коллекцией. При этом необходимо учитывать нюансы как естественного, так и искусственного освещения, поскольку возможности провести повторную съемку у исследователей уже не будет. Данный этап является ключевым в процессе оцифровки, так как именно от него зависит финальное качество создаваемых трехмерных моделей.

II этап – проведение фотосъемки экспонатов

Первым объектом исследования стала деревянная орнаментированная тарелка «эт хоторор иһит» на четырех ножках. Именно на этом предмете мы тестировали рабочие инструменты. Сначала подготовили однотонный белый фон, выполняющий роль хромакея, и сделали серию снимков с разных ракурсов. Затем чашу установили на стол, приподняв её с помощью импровизированных подставок. Это позволило выполнить круговую съемку со всех сторон, включая ракурсы сверху и снизу для получения полной геометрической информации. После нескольких попыток удалось подобрать оптимальные точки съемки, надежно зафиксировать объект и выставить корректные настройки в программе Agisoft PhotoScan. В результате

получилась качественная трехмерная модель. При визуализации в интерфейсе софта её можно вращать в любом направлении и детально изучать под разным углом. При масштабировании на экране компьютера отчетливо прослеживаются все мельчайшие особенности деревянной поверхности.

Вторым объектом трехмерной оцифровки выступила традиционная чаша «кытыйа» без опорных ножек. Данный предмет по своим линейным параметрам и общему объему практически полностью сопоставим с ранее описанным образцом. Процесс фиксации этого экземпляра занял значительно меньше времени. Сказался накопленный опыт: мы уже знали эффективные ракурсы, правила расстановки техники, способы фиксации посуды и оптимальные параметры компьютерной обработки кадров.

Третий экспонат – большая деревянная чаша «кытах» с латунным ободком и подвесками. Из-за крупных размеров её было сложно снимать. Нам пришлось установить этот сосуд на массивный деревянный ящик и закрепить тонкими палочками. Только так получилось аккуратно отснять дно предмета. Эту чашу мы фотографировали без использования хромакея. Всего под разными углами сделали около 700 кадров. Данный предмет стал для нас первым опытом работы с крупными вещами.

Последним объектом стал «кытыйа» из музея «Переселение», использовавшийся в быту чурапчинскими переселенцами. Истоки появления данных экспонатов в коллекции сельских музеев уходят к трагическим событиям военных лет. Осенью 1942 года по указу бюро Якутского обкома ВКП(б) началась принудительная депортация жителей Чурапчинского улуса в арктические районы для развития рыбного промысла. На север отправили свыше сорока колхозов – это почти пять тысяч человек, среди которых около тысячи составляли дети[2]. Людям разрешалось взять с собой минимум вещей и еды – строго до 16 килограммов на человека. Из-за ранних заморозков и крайне тяжелых условий транспортировки (люди неделями ждали погрузки на баржи в Нижнем Бестяхе прямо на берегу) переселение обернулось катастрофой[3]. В пути и на необорудованных местах высадки погибло более 1700 чурапчинцев[4].

Официальная статистика на 1 января 1947 года фиксирует возвращение в родные улусы 1108 бывших переселенцев. Остальная часть выживших чурапчинцев, несколько сотен человек, закрепилась на постоянное жительство в арктических районах.

---

2 Чурапчинская трагедия // Википедия. // URL: https://wikipedia.org (Дата обращения: 26.05.2026).

3 Переселение чурапчинцев: массовая гибель на северной земле в военные годы // ИА YakutiaMedia. // URL: https://yakutiamedia.ru/news/491617/ (Дата обращения: 26.05.2026).

4 *Шинкарёв Л.* Необъявленная депортация // Новая газета. 2014. 12 декабря. // URL: novayagazeta.ru (Дата обращения: 26.05.2026).

Процесс фотографирования объекта оцифровки происходит следующим образом: экспонат располагается в центре хромакея, его фон остается строго статичным, а сам предмет обеспечивается равномерным освещением. Сбор фотоматериалов представляет собой серию снимков с разных ракурсов. При создании 3D-моделей важно соблюдать правила перемещения камеры. Ошибки в шаге съемки или резкая смена ракурса приводят к тому, что программа теряет общие точки на соседних кадрах. Число фотографий всегда влияет на точность передачи формы объекта. Однако избыток кадров серьезно перегружает память компьютера и увеличивает время финальной обработки. Практика показывает, что для оцифровки посуды средних размеров нет необходимости делать слишком много снимков, но, чтобы получить качественную модель, потребуется выполнить около 600–800 фотографий. При работе с большими и сложными объектами необходимо более 1000 снимков, что, соответственно, требует много времени на процесс вычислений. Для мелких и несложных предметов (например, шаров, простых круглых или прямоугольных изделий) достаточно около 100 кадров.

III этап – компьютерная сборка моделей

Данный шаг включает в себя импорт и программную обработку всех полученных снимков. На начальном этапе мы загружаем фотографии объекта оцифровки в приложение Agisoft Photoscan. Первой операцией является автоматическое выравнивание кадров. Программные алгоритмы вычисляют пространственное положение камеры в момент съемки, находят идентичные пиксели на пересекающихся изображениях и формируют из них разреженное облако точек. Для чаш средней сложности этот процесс занимал от 45 до 70 минут, тогда как на обработку крупных экспонатов требовалось несколько часов. Параметры точности и плотности точек были оставлены по умолчанию, поскольку базовые алгоритмы программы оптимально сбалансированы. В результате вычислений на мониторе отображается массив дискретных пространственных координат. В них уже визуально угадываются контуры исследуемой посуды, хотя для получения финальной 3D-модели необходимо выполнить еще несколько технологических шагов.

IV этап – расчет плотного облака точек

На этом шаге программа генерирует карты глубины для каждого кадра, опираясь на вычисленное ранее положение камер. В результате Agisoft Photoscan строит высокоточную и плотную точечную структуру. По своей детализации она практически не уступает результатам профессионального лазерного сканирования. Полученный массив мы вручную очищаем от лишних шумов и артефактов прямо в рабочем окне софта. Эти вычисления необходимы для последующего создания карт высот. Но главная их цель –

построение сплошного полигонального каркаса, который и станет основой цифрового двойника.

Длительность этого процесса напрямую связана с габаритами предмета, его геометрией и общим объемом загруженных фотографий. Кроме того, скорость расчета опирается на плотность уже готового разреженного облака. Разумеется, обилие исходных данных повышает итоговую точность цифрового двойника. Наш опыт показывает, что в параметрах генерации вполне достаточно выставить низкое качество (Low quality) – для музейной посуды средних размеров этого хватает. К средним настройкам мы переходили лишь тогда, когда на тестовой сборке прослеживались явные геометрические изъяны или шумы. После завершения этого шага контуры чаши в окне Agisoft Photoscan становятся отчетливыми, хотя массив попрежнему состоит исключительно из разрозненных точек. Если же на этапе плотного облака все равно вылезают грубые ошибки деформации, проблему приходится решать комплексно: менять конфигурацию алгоритмов, переставлять студийный свет или полностью переснимать экспонат. Лишние точки и артефакты заднего плана можно убирать в Agisoft Photoscan вручную. Чаще всего этот визуальный мусор образуется вокруг посуды из-за структуры самого фона. Чтобы не тратить время на ручную чистку облака, можно использовать маскирование снимков. Процесс этот довольно монотонный: приходится обрабатывать каждый кадр отдельно, закрашивая силуэт чаши белым цветом, а всю окружающую обстановку – черным.

V этап – построение полигональной сетки

На этом шаге мы превращаем облако разрозненных точек в сплошное трехмерное тело. Программа связывает отдельные маркеры друг с другом. В результате получается прочный каркас из полигонов. В настройках генерации мы сами выбираем тип поверхности, исходные массивы данных и плотность будущей сетки. Высокополигональные модели обладают высокой четкостью и реализмом. Но важно учитывать, что они сильнее нагружают память компьютера и затягивают работу в сторонних 3D-редакторах. В итоге получается полностью готовая объемная фигура. На данном этапе она еще не имеет текстурной карты и отображается в стандартном сером цвете.

VI этап – наложение текстурной карты

Чтобы перенести на цифровую копию точный внешний вид и цвета оригинала, мы запускаем текстурирование. В программе Agisoft Photoscan этот шаг идет на автомате. Как показала наша практика, базовые настройки софта и так дают отличный результат. Время расчетов здесь напрямую зависит от количества снимков. На обработку простых чаш у нас уходило около 30 минут. Для крупных предметов кумысной утвари технике требовалось до полутора часов. После финального рендеринга мы получаем полностью готовую трехмерную модель.

VII этап – экспорт и финальная оптимизация

Готовые трехмерные объекты мы сохраняем преимущественно в универсальном формате .obj, который без проблем открывается в любых современных 3D-редакторах. Одновременно с геометрическим каркасом система экспортирует карту текстуры в формате .png или .bmp. На этом базовый цикл фотограмметрии завершается. Если при первичном осмотре мы обнаруживали мелкие дефекты, то дорабатывали файлы в программе Blender. Мы задействовали этот софт, чтобы скорректировать пространственную ориентацию и точку привязки посуды. Дело в том, что Agisoft Photoscan часто выгружает объекты в перевернутом виде, и в Blender это легко исправить. Кроме того, в данном редакторе мы проводили процедуру ретопологии, то есть снижали число полигонов для оптимизации веса моделей.

Таким образом, итогом работы стало создание 3D-моделей якутских тарелок «кытыйа», «кытах», «эт хоторор иһит», которые будут использоваться для популяризации якутской культуры, а также занесены в 3D-фонд и, тем самым, будут сохранены на случай утраты или разрушения оригинала.

Развернутое описание предметов и их основных признаков:

1. «Эт хоторор иһит» – Блюдо для мяса и рыбы на поддоне. Первый исследуемый образец занесен в каталоги под следующим официальным музейным описанием: «Тарелка орнаментированная на 4 ножках от Саввина А. А. 1947. И No114 9.5х26.5. ЧМИЭ». Находится этот экспонат в Чурапчинском музее истории и этнографии имени А. А. Саввина.

Мастер сделал данное изделие из цельного дерева. Внешне это орнаментированная деревянная утварь, которая похожа на плоский сосуд на четырех опорах. Снизу ножки чаши имитируют лошадиные копыта. Сами опоры мы видим ближе к центру, они стоят квадратом друг напротив друга. Лицевая сторона ножек получила четыре грани, а тыльная – всего две. Элементы выполнены из единого массива древесины с легким наклоном и изгибом у основания. Дно предмета покрывают резные линии. Среди них четко выделяются две полосы, которые пересекаются под углом 90° в виде креста. Окрас посуды – темно-коричневый. В местах орнамента дерево заметно потемнело, а изнутри чаша выглядит более светлой. Размеры: высота блюда – 9,5 см; диаметр – 26,5 см. Высота ножек составляет 2,8 см, а высота чаши без их учета – 6,7 см. Экспонат отлично сохранился, трещин на нем нет. Мы не обнаружили здесь утерянных фрагментов или следов поздней реставрации.

Экспонат орнаментирован следующими узорами (по направлению снизу вверх): Двойная толстая прямая линия, одинарная тонкая прямая линия, узор в виде солнца в окаймлении из линий, узор в виде муравья в окаймлении из линий (без деления на сегменты), повторяющийся узор в виде солнца в окаймлении из линий, разделительный пробел, одинарная средняя

прямая линия, повторяется узор в виде солнца в окаймлении из линий.

Рис. 1. Результат трехмерной реконструкции блюда «эт хоторор иһит» (экспонат № ИNo114) в программной среде Agisoft PhotoScan.

Орнаментальный комплекс характеризуется «шнуровидной» текстурой, имеет замкнутую круговую направленность и полностью укладывается в рамки геометрической узорной традиции. Подобные мотивы и элементы по праву считаются древнейшей основой традиционной якутской культуры. Полосы «дьураа» и поясной орнамент «курдааһын ойуу» выполняют охранительную функцию, ограждая владельца от проникновения злых духов. Солярные мотивы крайне популярны в прикладном искусстве якутского народа. Композиции из простых окружностей и точек традиционно служили божественной защитой от природных бедствий и темных сил, обозначая очищающую силу огня. По мнению исследователя Т.П. Тишиной, данная группа орнаментов повсеместно встречается на вещах из дерева, кожи, бересты, глины, на деталях одежды, а также на ювелирных изделиях из серебра. Включение точек в орнаментальную композицию напрямую связано с древними космогоническими и солярными представлениями якутов[5]. На основе этого можно предположить, что крест на дне экспоната выполняет аналогичную апотропеическую (охранительную) функцию (рис. 1).

2. «Кытыйа» без ножек. Второй исследуемый экспонат занесен в каталоги под следующим официальным музейным описанием: «чаша деревянная кытыйа от Ноева А. Н., 1950, 30х10.5. ЧМИЭ КП ОФ 599». Находится этот экспонат в Чурапчинском музее истории и этнографии имени А.А. Саввина.

Мастер выполнил это изделие из цельного дерева. Внешне это орнаментированная деревянная утварь, по своей форме напоминающая глубокую округлую чашу. По краю чаша окована латунным ободком, который прочно держится на трех заклепках. На дне сосуда мы не обнаружили видимых повреждений структуры. На внутренних стенках дерево заметно потемнело. Такие следы обычно остаются от долгого нахождения жидкостей внутри сосуда. Общий окрас предмета неравномерный – местами светло-коричневый, а местами сильно потемневший. Размеры: высота чаши – 10,5 см; диаметр – 30 см. Экспонат хорошо сохранился, трещин на нем нет, хотя древесина частично потеряла свой первоначальный оттенок. Все детали оригинальные, следов реставрации мы не нашли. Мастер украсил чашу

5 *Тишина Т.П.* Якутское орнаментальное искусство // Наука и техника в Якутии. 2005. № 1 (8). С. 105.

Рис. 2. Результат трехмерной реконструкции чаши «кытыйа» без ножек (экспонат № КП ОФ 599) в программной среде Agisoft PhotoScan.

Рис. 3. Результат трехмерной реконструкции крупного сосуда «кытах» (экспонат № КП ОФ 1136) в программной среде Agisoft PhotoScan.

комбинацией из двойных и тройных резных линий, которые опоясывают её по всему кругу (рис. 2).

3. «Кытах» – большая деревянная орнаментированная посуда, в быту использовавшаяся для семейных трапез. В каталоге исследуемой коллекции данный предмет зарегистрирован под следующим музейным описанием: «чаша деревянная кытах от Корякиной Е., 1950, 74х27. ЧМИЭ КП ОФ 1136». Находится этот экспонат в Чурапчинском музее истории и этнографии имени А. А. Саввина.

Мастер изготовил данный сосуд из цельного капокорня. Судя по технологии изготовления, заготовку предварительно проварили в густом настое лиственничной коры. Это позволило придать дереву глубокий темный цвет. Размеры: высота экспоната – 27 см; диаметр – 74 см. При осмотре чаши выявились выраженные дефекты структуры. На внутреннем дне мы зафиксировали две глубокие трещины. Одна из них оказалась сквозной, поскольку её разлом отчетливо виден и с наружной стороны. На внешнем основании также присутствуют два раскола, причем один из них полностью пересекает дно предмета (рис. 3).

4. «Кытыйа» без ножек. При первичном осмотре деревянной чаши с латунным ободком (мастер и год создания неизвестны) инвентарный шифр обнаружить не удалось. Однако при детальной фиксации дна экспоната мы заметили старую бумажную наклейку. На ней от руки чернилами нанесен номер 46 и сокращение «Кыт.». Находится этот экспонат в музее «Переселение» села Хатылы Чурапчинского улуса РС(Я).

Мастер выдолбил данную чашу вручную из цельного куска древесины. По своей форме это небольшая традиционная кытыйа с латунной оковкой. Древесина имеет темно-коричневый окрас, а на отдельных участках она сильно почернела. Металлический ободок по краю сосуда сохранился лишь частично. В настоящее время он состоит из разрозненных пластин разной длины, которые держатся на простых заклепках. Дополнительные

подвески на оковке отсутствуют. При этом на самой латуни отчетливо прослеживаются следы окисления и вековая патина.

Орнаменты (по направлению снизу вверх):

1. В трудах Уллы Йохансен гребенчатый орнамент («тараах ойуу») связывается с культурой бурят, тунгусов и палеоазиатских народов. Помимо этого, зафиксирована практика использования данного узора в Древнем Китае, где локальные ремесленники украшали им края бронзовых и иных металлических зеркал[6]. Данный орнамент выполняет упорядочивающую роль, тем самым показывая стремление якутов к порядку, гармонии. В данном случае гребенчатый узор достаточно широкий (примерно 3 см), с окантовкой из одинарных прямых линий.

2. Ромбовидный орнамент («Илим хараҕа ойуу»). По мнению исследователей, это древнейший орнамент, который был распространен у тюркских и северных народов.

3. Орнамент в виде неба (косая насечка, «таҥалай ойуу»). Считается традиционным для изделий из дерева, в дальнейшем его стали использовать для украшения традиционной якутской одежды. В нашем случае орнамент скомбинирован мастером с латунным ободком и окантован прямой линией по краям. «Таҥалай ойуу» трактовался как путь к Божествам («Айыы суола»).

4. Растительный узор в виде волнистой линии. Является одним из самых популярных мотивов в якутской материальной культуре. Некоторые виды растительного узора широко применялись для оформления чоронов и другой деревянной посуды. В нашем случае этот орнамент также окаймлен прямой линией и расположен на горловине изделия.

В сравнении с другими рассмотренными нами экспонатами, данная посуда орнаментирована более разнообразно: кроме геометрических мотивов, она украшена и криволинейным растительным орнаментом. Сочетание латунного ободка и ребристого узора, качество выполнения ромбовидного, волнистого и гребенчатого рисунка свидетельствуют о высоком уровне мастерства и художественного восприятия изготовителя. Возможно, данный экспонат был изготовлен для зажиточной семьи или для обрядовых целей. Сохранность: экспонат с трещиной на

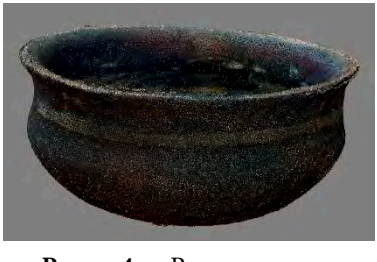


Рис. 4. Результат трехмерной реконструкции чаши «кытыйа» с латунной оковкой (экспонат № 46) в программной среде Agisoft PhotoScan.

6 *Йохансен У.* Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. – 2-е изд., доп. – Якутск: Дани-Алмас, 2012. С. 37.

горловине, с утраченными частями латунного ободка (рис. 4).

Можно отметить следующие преимущества использования 3D-моделей на основе фотограмметрии. Перевод музейных коллекций в 3D-формат сразу решает две большие проблемы. Первая – это доступность. Далеко не у каждого человека есть возможность лично поехать в отдаленные улусы Якутии. Создание открытых сайтов и виртуальных каталогов полностью снимает этот барьер. Теперь любой пользователь интернета может рассмотреть редкие экспонаты. Вторая проблема – физическая сохранность предметов. Старинные вещи из дерева и бересты неизбежно портятся от времени, влажности и перепадов температур[78]. Цифровая копия не подлежит износу и может храниться вечно в своем первоначальном виде. Более того, на основе таких моделей мы можем делать точные копии на 3D-принтерах. Такой подход делает музей по-настоящему доступным для всех гостей. Например, благодаря пластиковым репликам незрячие и слабовидящие посетители смогут тактильно изучить форму и резной орнамент якутской чаши, абсолютно не подвергая опасности хрупкий оригинал. С помощью 3Д-моделирования мы также способны восстанавливать утраченные детали экспонатов. Метод фотограмметрии дает настолько качественную картинку, что цифровой объект визуально почти не отличается от исторического оригинала. Данный материал также может быть использован в исследовательских работах, когда нет возможности лично посетить музей, поскольку позволяет проводить полноценный научный анализ дистанционно по его 3D-модели.

Таким образом, 3D-технологии и фотограмметрия отлично подходят для сохранения национальной культуры. Этот метод очень полезен и для обычных научных исследований. Сегодня цифровая фотосъемка стала надежным и эффективным инструментом в нашей работе.

Библиографический список:

1. Agapiou A., Alexakis D.D., Lysandrou V. Impact of urban sprawl to cultural heritage monuments: The case study of Paphos area in Cyprus / A. Agapiou, D. D. Alexakis, V. Lysandrou [et al.] // Journal of Cultural Heritage. 2015. Vol. 16. № 5. P. 671-680. – DOI: 10.1016/j.culher.2014.12.006.

2. Neukum G., Jaumann R., Scholten F., Gwinner K. The high-resolution stereo camera (HRSC): acquisition of multi-spectral 3D-data and photogrammetric processing // Proceedings of SPIE. 2017. Vol. 10569. P. 1056921. – DOI: 10.1117/12.2307899.

3. Йохансен У. Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. – 2-е изд., доп. – Якутск: Дани-Алмас, 2012. 416 с.

4. Переселение чурапчинцев: массовая гибель на северной земле в военные годы // Информационное агентство YakutiaMedia: [сайт]. 2024. 19 апреля. // URL: https://yakutiamedia.ru/news/491617/ (Дата об-

7 Agapiou A. et al. Impact of urban sprawl to cultural heritage monuments: The case study of Paphos area in Cyprus // Journal of Cultural Heritage. 2015. Vol. 16. № 5. P. 671-680. – DOI: 10.1016/j.culher.2014.12.006.

8 Чулин А.В., Парфенов В.А. Использование лазерных технологий для реставрации металлических объектов истории и культуры // Оптический журнал. 2007. Т. 74. № 8. С. 56.

ращения: 26.05.2026).
5. Тишина Т. П. Якутское орнаментальное искусство // Наука и техника в Якутии. 2005. № 1 (8). С. 102-110.
6. Чулин А. В., Парфенов В. А. Использование лазерных технологий для реставрации металлических объектов истории и культуры // Оптический журнал. 2007. Т. 74. № 8. С. 56-60.
7. Чурапчинская трагедия // Википедия: свободная энциклопедия. // URL: wikipedia.org (Дата обращения: 26.05.2026).
8. Шинкарёв Л. Необъявленная депортация. За пять лет на войне погибнет 925 чурапчинцев, а за два года в низовьях Лены погибнет 1747 их жен, детей, стариков // Новая газета: [сайт]. 2014. 12 декабря. // URL: novayagazeta.ru (Дата обращения: 26.05.2026).
9. Беляева Н.Н. К вопросу организации индивидуальных занятий в классе баяна и аккордеона в ВУЗе // Культура Мира. 2025. Том 13. Вып. 3. (№ 46). С. 48-54.

Reference

1. Agapiou A., Alexakis D.D., Lysandrou V. Impact of urban sprawl to cultural heritage monuments: The case study of Paphos area in Cyprus / A. Agapiou, D.D. Alexakis, V. Lysandrou [et al.] // Journal of Cultural Heritage. 2015. Vol. 16. № 5. P. 671-680. – DOI: 10.1016/j.culher.2014.12.006.
2. Neukum G., Jaumann R., Scholten F., Gwinner K. The high-resolution stereo camera (HRSC): acquisition of multi-spectral 3D data and photogrammetric processing // Proceedings of SPIE. 2017. Vol. 10569. P. 1056921. – DOI: 10.1117/12.2307899.
3. Johansen U. Ornamental art of the Yakuts: a historical and ethnographic study. – 2nd ed., add. – Yakutsk: Dani-Almas, 2012. 416 p.
4. Resettlement of the Churapchin people: mass death in the northern land during the war years // Information agency YakutiaMedia: [website]. 2024. April 19. // URL: https://yakutiamedia.ru/news/491617/ (05.26.2026).
5. Silence T.P. Yakut ornamental art // Science and technology in Yakutia. 2005. № 1 (8). P. 102-110.
6. Chulin A.V., Parfenov V.A. “Use of Laser Technologies for the Restoration of Metal Historical and Cultural Objects” // Optical Journal. 2007. Vol. 74. № 8. P. 56-60.
7. Churapcha Tragedy // Wikipedia: The Free Encyclopedia. // URL: wikipedia.org (26.05.2026).
8. Shinkarev L. “Undeclared Deportation. 925 Churapcha Residents Will Die in the War in Five Years, and 1,747 of Their Wives, Children, and Elderly Will Perish in the Lower Lena in Two Years” // Novaya Gazeta: [website]. 2014. December 12. // URL: novayagazeta.ru (26.05.2026).
9. Belyaeva N.N. On the issue of organizing individual lessons in the bayan and accordion class at a university // Culture of World. 2025. Vol. 13. Issue 3. (№ 46). P. 48-54.

Иванов С.Е.

Аспирант 3 курса кафедры истории и методики. Педагогический институт Иркутского государственного университета, г. Иркутск.

Профсоюзная документация как источник региональной школьной повседневности: иркутский учитель 1960-1970-х гг.*

Аннотация. Статья реконструирует повседневную жизнь иркутского учителя 1960–1970-х гг. через сопоставление двух принципиально различных корпусов источников: публикаций «Учительской газеты» как транслятора всесоюзного нормативного образа советского педагога и профсоюзной документации, хранящейся в ЦДНИ ГАИО. Выявлен структурный разрыв между официальным всесоюзными нормами и реальными условиями труда и быта педагогов Иркутской обл.. Прослежена динамика профиля профсоюзных жалоб: от тарифных проблем первой половины 1960-х гг. к бытовым и снабженческим во второй половине десятилетия. Показано, что устойчивость советской школы в регионе обеспечивалась не только государственными институтами, а разветвлённой сетью неформальных компенсаторных практик - промышленного шефства, профсоюзной взаимопомощи, системы «опорных школ» и горизонтального методического обмена. Настоящая статья является прямым продолжением опубликованного исследования образа советского учителя на страницах «Учительской газеты» и предлагает «встречный взгляд» на то, что оставалось невидимым в официальном нарративе, становится различимым через материалы архива.

Ключевые слова: Иркутская область; народное образование; профсоюз просвещения; повседневность учителя; региональная образовательная политика; «Учительская газета».

Ivanov S.E.

Third-year graduate student, Department of History and Methodology, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, Irkutsk.

Trade union documentation as a source of regional school routine: Irkutsk teacher of the 1960s-1970s.

Abstract. The article reconstructs the everyday life of a teacher in Irkutsk during the 1960s–1970s by juxtaposing two fundamentally different bodies of sources: publications of

* © Иванов С.Е., 2026.

Uchitelskaya Gazeta (Teachers' Newspaper) as a conveyor of the all-Union normative image of the Soviet educator, and trade union documentation from the Centre for Documentation of Contemporary History of the State Archive of Irkutsk Oblast. The study identifies a structural gap between the official all-Union ideal and the actual working and living conditions of teachers in Irkutsk Oblast. It traces the shifting profile of trade union grievances – from wage and tariff disputes in the first half of the 1960s toward everyday welfare and supply problems in the second half of the decade. The article demonstrates that the resilience of the Soviet school in the region was sustained not by state institutions in their official capacity, but by an extensive network of informal compensatory practices: industrial patronage, trade union mutual aid, a system of "model schools," and horizontal methodological exchange. This article is a direct continuation of a previously published study on the image of the Soviet teacher in Uchitelskaya Gazeta, and offers a "counter-perspective": what remained invisible in the official narrative becomes discernible through archival sources.

Key words: Irkutsk Oblast; public education; education workers' trade union; teacher's everyday life; regional education policy; Uchitelskaya Gazeta.

Советская образовательная система 1960–1970-х гг. производила два принципиально различных типа текстов об учителе: официальный нормативный образ, транслировавшийся «Учительской газетой» как органом Министерства просвещения СССР и ЦК профсоюза работников просвещения. На газетных полосах учитель представал носителем ценностей служения и компетентности: он «находил время» для каждого ученика, организовывал кружки, выстраивал связи с предприятиями и органично вписывался в систему коммунистического строительства. Его бытовые трудности если и упоминались, то исключительно в регистре героического преодоления как профессионального подвига, а не как предмета, требующего системного решения.

Другой тип текстов – это архивные документы профсоюзных комитетов регионального уровня. В них та же профессия выглядит иначе, с множеством сложностей и ограничений. Разрыв между этими двумя типами текстов и составляет главный предмет настоящей статьи. Опираясь на архивные материалы Центра документации новейшей истории Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО) и сопоставляя их с публикациями «Учительской газеты», мы задаёмся следующим вопросом: в каких именно точках всесоюзный нормативный образ советского учителя расходился с реальными условиями труда и быта педагогов Иркутской обл. и что профессиональное сообщество делало в таком случае?

Актуальность этого вопроса определяется состоянием историографии. Повседневная жизнь советских учителей как самостоятельная историческая проблема сформировалась в отечественной науке относительно недавно. Наталья Андреевна Белова, реконструируя бытовые и профессио-

нальные практики педагогов на материале Костромского края, показала, что именно на региональном уровне обнаруживается то «скрытое разнообразие», которое принципиально недоступно через официальные нормативные источники [12]. Исследователь Маслинский К.А. убедительно продемонстрировал продуктивность микроисторического подхода применительно к провинциальной школьной повседневности. [15] Теплова Е.Ф., анализируя антропологию советской школы, показала, что официальные символы и ритуалы наполнялись содержанием именно на уровне живых практик, а не нормативных предписаний [16, 17]. Шамсутдинов Д.З. на материале Татарской АССР зафиксировал характерное противоречие между официальным статусом советского педагога и его реальным материальным положением [17]. Исследователи Астафьев Д.А. и Годовова Е.В. в историографическом обзоре 2022 г. констатировали, что комплексные региональные исследования учительской повседневности на конкретных архивных материалах остаются исключительной редкостью [11].

На этом фоне Иркутская обл. представляет особый исследовательский интерес. Регион обладал чертами, делавшими его положение принципиально отличным от центральных регионов страны. Стремительная индустриальная урбанизация опережала возможности социальной инфраструктуры, кадровый голод в школах был одним из самых острых в РСФСР, жилищный вопрос и проблема, огромные расстояния отрезали сельские районы от методических центров настолько, что иные учителя видели инспектора раз в несколько лет. Всё это означало, что разрыв между всесоюзной нормой и местной реальностью здесь был особенно наглядным.

Настоящая статья является прямым продолжением опубликованного исследования образа советского учителя на страницах «Учительской газеты» [14]. В предыдущей публикации автор реконструировал представление о том, каким должен был быть образ идеального педагога. Обе публикации образуют аналитическую взаимосвязь: всесоюзная норма и региональная практика, официальный дискурс и живые голоса из архивных документов. Научная новизна работы состоит в целенаправленном сопоставлении всесоюзного нормативного образа советского учителя с региональной профсоюзной документацией применительно к Иркутской обл., а также во введении в научный оборот неопубликованных документов ЦДНИ ГАИО, позволяющих реконструировать ту сторону советской педагогической повседневности, которая в официальных источниках не отражалась.

Источниковую основу статьи составляют два корпуса документов, принципиально различных по природе и функции. «Учительская газета» главный информационный Министерства просвещения СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, выходивший трижды в неделю для учительства всего Советского Союза. В настоящей статье она используется

не как источник фактических сведений о советской школе, а именно как нормативный текст, через который транслировался официальный образ педагога. Архивные документы ЦДНИ ГАИО образуют второй, качественно иной корпус. Фонд Р-3197 (Иркутский областной комитет профсоюза работников просвещения) охватывает протоколы областных конференций и пленумов, доклады руководства, переписку с облОНО и районными отделами народного образования, отчёты по всеобучу и успеваемости, материалы по оплате труда, заявки на учебники и пособия, документацию по жилищным условиям и бытовому снабжению педагогов [1]. Опись 1 содержит дела 10, 25 и 37, суммарно перекрывающие три хронологических среза: конец 1950 - начало 1960-х гг., середину и конец десятилетия. Фонд 342 включает дела 67 и 79 - материалы совещаний с участием партийных и профсоюзных структур [4, 5]. Принципиально важна жанровая неоднородность этого корпуса, заключающаяся в официальных протоколах конференций и личного обращения с жалобами.

Методологически статья опирается на сравнительно-исторический анализ и контент-анализ. Сопоставление двух корпусов источников позволяет выявить не отдельные «ошибки» системы, а структурный разрыв между двумя уровнями советского образовательного дискурса [20]. Контент-анализ профсоюзной документации направлен на отслеживание тематических приоритетов на протяжении времени и того, какие проблемы в какие годы занимали наибольшее место в протоколах и переписке. Такой подход превращает архивные папки в индикатор реальной педагогической повседневности.

Необходимо сразу оговорить принципиальную позицию настоящей статьи. Сопоставление «нормы» и «практики» не означает изобличения официальной позиции во лжи. «Учительская газета» не фальсифицировала действительность, она выбирала, о чём писать. Учителя-подвижники, о которых она рассказывала, действительно существовали. Но и проблемы, которые фиксировали профсоюзные протоколы, тоже были реальными.

«Учительская газета» газета культивировала установку на самоотдачу как норму, а не как исключение. Так выстраивался образ учителя в трех конструкциях: 1) как культурного лидера своей страны, своего города, поселка или микрорайона; 2) человека, к которому обращаются за советом не только в учебных делах; 3) с наступлением реформ начала 60-х гг. газета активно формировала образ педагога-реформатора, самостоятельно выстраивающего связи с предприятиями, творчески осваивающего политехнизацию, ведущего учеников на производство [7, 10]. Но полное отсутствие материального измерения объединяет все три представленные конструкции. Учитель существует в пространстве педагогических идей и профессиональных отношений, но не в пространстве материальных трудностей и дефицитов.

Профсоюзные протоколы Иркутской обл. возвращают нас именно в это

материальное пространство с конкретными цифрами. В начале 1960-х гг. из 16 200 учителей области лишь около 4 000 имели высшее педагогическое образование, ещё 2 800 - незаконченное высшее, а около 8 000 работали только со средним [1]. Почти половина учительского корпуса области не имела полноценной профессиональной подготовки по своему предмету. В Тулунском районе из 619 учителей диплом о высшем образовании был у 99 - то есть примерно у каждого шестого. Об этом «Учительская газета» в это же время выпускает такие публикации во второй половине 70-х гг.

Тема производственного обучения один из ключевых нарративов «Учительской газеты» начала 1960-х гг., но в архивных документах Иркутской обл. предстаёт в совершенно ином свете. Газета описывала педагогов, творчески выстраивавших связь школы с жизнью. Протоколы фиксировали другое: «самовольно выбрасывая из программы целые разделы… учащихся начальных классов заставляют мыть полы… учителя… колют дрова, подносят уголь и топят печи» [1]. Реформа, задуманная как обогащение педагогического труда, на практике нередко оборачивалась его хозяйственной деформацией. Это не злоупотребление, это системная картина, воспроизводившаяся в документах разных лет и разных районов.

Столь же показательно сопоставление двух источников по жилищному вопросу. В «Учительской газете» бытовые трудности педагога существовали исключительно в одном регистре, что он стойко преодолевает. Ни один очерк не описывал учителя, годами живущего в аварийном доме и не получающего никакой помощи от городского совета. Профсоюзные документы называли это прямо: в г. Зиме 13 учителей жили в аварийных домах, часть снимала углы, «а городской совет не принимает никаких мер». В Тулуне 76 педагогов снимали жильё у частных лиц. В Мамско-Чуйском и Бодайбинском районах учителям перечисляли деньги вместо дров [2].

Показательна и история с повышением заработной платы 1964 г. Постановление № 620 было реальным шагом государства - ставки выросли в среднем на 25%. «Учительская газета» освещала это как значимое достижение, но профсоюзные протоколы фиксировали то, что осталось за кадром. Повышение зарплаты сопровождалось неправильным учётом стажа, неоплаты больничных, жалобами на неоплаченные праздничные дни и облком профсоюза был вынужден специально готовить сборник «Вопросы и ответы по заработной плате» и требовать довести его до каждого работника [3]. Государственная мера, правильная, по существу, терялась на региональном уровне и именно этот зазор между директивой и её исполнением профсоюзные документы фиксируют с той точностью, которой в официальной повестке нет.

Если смотреть на профсоюзную документацию не как на собрание отдельных фактов, а как на хронику меняющихся приоритетов, обнаружива-

ется важная закономерность: на протяжении исследуемого периода то, что беспокоило иркутских учителей и профсоюзных работников, менялось и это изменение само по себе является историческим свидетельством.

Если в первой половине 1960-х гг. центральной темой профсоюзных конференций была реализация образовательной реформы и тарификация труда. То во второй половине 1960-х - начале 1970-х гг. акцент сместился. Тарифная тема не исчезла, но отошла на второй план. Реформа была административно разъяснена, откорректирована и доведена до исполнителей. На первый план вышли проблемы более фундаментальные и куда менее поддающиеся быстрому административному решению: жильё, снабжение школ и педагогов, инфраструктура. Именно в документах этого периода появляется интонация, которую можно охарактеризовать как управленческий реализм: «...мы, инспектора, очень плохо влияем на кадровые вопросы», «план ввода в эксплуатацию сорван», «Главснабпрос – на наши замечания не реагирует». Появился тон фиксации того, что система не справляется и что давление снизу не приводит к результату [3, 4].

Эта смена тональности документально фиксирует то, что трудно увидеть в официальных источниках: накопленную усталость от воспроизводящихся год за годом дефицитов, которые не решаются или решаются крайне медленно административными мерами. «Учительская газета» при этом в обоих периодах неизменно избегала тематики бытовых дефицитов как системной проблемы. Именно этот контраст между профсоюзной документацией и официальным нарративом и делает региональные архивы незаменимым источником для понимания того, как ощущалась советская школьная повседневность изнутри.

Архивные документы ЦДНИ ГАИО ценны не только тем, что фиксируют дефициты, но и тем, что показывают, как с ними справлялись. За строчками протоколов и докладов угадывается живая система практик, через которые иркутское учительское сообщество воспроизводило свою профессиональную жизнь вопреки хронической недостаточности государственных ресурсов.

Наиболее весомым, с материальной точки зрения, из этих механизмов было промышленное шефство над школами. В условиях Иркутской обл. система шефства приобретала особую интенсивность. Масштабы этого механизма впечатляют уже по документам конца 1950-х гг.: только в 1958 г. силами шефских предприятий было построено 26 теплиц, 14 учебных мастерских, 7 гаражей, а за два года 340 спортивных площадок и 34 физкультурных зала [1]. Материальная база советской школы в Иркутской обл. создавалась в значительной мере не за счёт государственных капитальных вложений, а через мобилизацию шефских ресурсов. Там, где эта система работала, учитель мог рассчитывать на ремонт и оборудование

без обращений к родителям или вышестоящим органам.

Профсоюз в свою очередь выполнял роль, которая далеко выходила за рамки его официального статуса. На бумаге он был инструментом государственного управления, важным звеном между министерством и педагогическим коллективом. На практике он был реальным институтом социальной защиты. Через профсоюзные фонды выделялась материальная помощь при болезни, потере кормильца, других форс-мажорных обстоятельствах. Областной комитет систематически добивался от городских советов исполнения нормативных обязательств перед педагогами - жилищных льгот, топливоснабжения, коммунальных льгот [2, 3].

Не менее важным был методический обмен, через который профессиональное сообщество компенсировало слабость официальной системы повышения квалификации. Профсоюзные конференции конца 1960-х гг. признавали, что формальные курсы нередко страдали оторванностью от реальной школьной практики, кафедры педагогики вузов «демонстрировали низкую степень участия в процессах перестройки школьной деятельности». Живой ответ на это обнаружился снизу. К концу десятилетия сеть «опорных школ» стала практически повсеместной [3]. Через неё передовой педагогический опыт транслировался менее опытным коллегам не в форме лекций, а в форме непосредственного наблюдения и совместного разбора, то есть именно так, как профессиональные знания и передаются эффективнее всего. Совместные выезды методистов ИУУ и инспекторов облОНО в районные школы были признаны наиболее результативным форматом для работы с отстающими педагогическими коллективами.

Наконец, нельзя не сказать о той функции профсоюза, которую труднее всего увидеть в официальных документах, но она была самой значимой. Профсоюз умел превращать разрозненные индивидуальные жалобы в коллективно сформулированные требования. Например, когда системой игнорировались претензии по поводу учебников, профсоюз фиксировал это игнорирование в протоколе [4]. Документальный след, который создавался в результате, сегодня позволяет историку видеть то, с чем советский региональный учитель реально сталкивался каждый день.

Анализ всей совокупности этих практик приводит к выводу, который существенно усложняет привычный образ советской образовательной системы. Официальный нарратив представлял советскую школу как единую иерархическую систему, управляемую сверху вниз через нормативные предписания и финансирование. Реальность, фиксируемая профсоюзными документами, была значительно более сложной. Государственные ресурсы систематически не покрывали реальных потребностей, и именно поэтому устойчивость системы обеспечивалась не государственными институтами как таковыми, а разветвлённой сетью неформальных практик: шефством,

взаимопомощью, горизонтальным обменом, профессиональной солидарностью. Профсоюз занимал в этой системе двойственное место. Будучи одновременно частью государственного аппарата и реальным институтом защиты педагогических интересов, он действовал именно там, где государство не дотягивалось.

Сопоставление «Учительской газеты» и профсоюзной документации ЦДНИ ГАИО это попытка объективного сопоставления и анализа официальной, нормативной позиции и позиции снизу, со стороны педагогического коллектива. Именно в пространстве между этими двумя позициями и располагается то, что мы можем называть повседневностью иркутского учителя 1960–1970-х гг.

Главный вывод настоящей статьи состоит в том, что профсоюзные документы Иркутской обл. обнаруживают то измерение советской школьной реальности, которое официальный нарратив последовательно делал невидимым: конкретные дефициты материальной базы, жилищную неустроенность педагогов, перебои со снабжением учебниками, сбои при реализации тарифных норм. При этом было бы неверно интерпретировать эти документы как свидетельство провала системы. Советская образовательная система в Иркутской обл. функционировала достаточно устойчиво. Но устойчивость эта обеспечивалась не государственными институтами в их официальном понимании, а разветвлённой сетью неформальных компенсаторных практик, складывавшихся снизу как органичный ответ профессионального сообщества.

Региональное измерение иркутского материала важно для понимания советской образовательной системы в целом. Иркутская обл. не была исключением из общесоюзных тенденций, те же дефициты воспроизводились во многих регионах страны.

Настоящая статья открывает перспективы для сравнительных региональных исследований и сопоставления иркутских архивов с аналогичными материалами других регионов Восточной Сибири. Это позволило бы установить, в какой мере выявленные закономерности являются специфически иркутскими, а в какой общесибирскими или общесоюзными.

Библиографический список:

1. ЦДНИ ГАИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 10. Протоколы конференций и пленумов Иркутского областного комитета профсоюза работников просвещения.
2. ЦДНИ ГАИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 25. Материалы по бытовым условиям педагогов: жильё, топливоснабжение, материальная помощь.
3. ЦДНИ ГАИО. Ф. Р-3197. Оп. 1. Д. 37. Протоколы, доклады и переписка областного комитета профсоюза.
4. ЦДНИ ГАИО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 67. Материалы конференций и совещаний с участием партийных и профсоюзных структур.
5. ЦДНИ ГАИО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 79. Материалы конференций и совещаний.
6. Разговор о всеобуче // Учительская газета. 1962. 10 апреля. № 43 (4943).

7. Вчера, сегодня, завтра // Учительская газета. 1965. 9 октября. № 121 (5482).
8. В. Котляр. Слушатели увлечены, но... // Учительская газета. 1967. 1 августа. № 91 (5752).
9. С коллегии Министерства просвещения СССР // Учительская газета. 1969. 3 июля. № 78 (6058).
10. О тиражах, снабжении и браке // Учительская газета. 1978. 11 июля. № 83 (7469).
11. Астафьев Д.А., Годовова Е.В. Историография истории советской школьной повседневности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 1. С. 8-23.
12. Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей / отв. ред. М.Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с.
13. Зверев В.А. Не труд, а отреченье. Педагогический быт 1960–1970-х годов в мемуарах сибирских учителей // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 37-43.
14. Иванов С.Е. Образ советского учителя в 60-70-е гг. XX в. на страницах «Учительской газеты» // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 116-121.
15. Маслинский К.А. Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт социально-антропологического исследования: дис. … канд. ист. наук: 07.00.07. СПб., 2017. 236 с.
16. Теплова Е.Ф. Пространство советской школы 1970–1980-х: практики повседневности // Этнодиалоги. 2018. № 2 (56). С. 269-281.
17. Теплова Е.Ф. Символ советской школы // Этнодиалоги. 2017. № 2 (53). С. 135-141.
18. Шамсутдинов Д.З. Повседневная жизнь советского учителя в 1960–1970-е гг. (по материалам ТАССР) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4-2. С. 110-113.
19. Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. – М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.
20. Burnham P., Gilland K., Grant W., Layton-Henry Z. Research Methods in Politics. New York: Palgrave, 2004.
21. Ренкас А.В. Особенности развития циркулярной экономики в зарубежных странах: анализ институциональных реформ // Альманах "Крым". 2026. № 54. С. 143-149.

Reference

1. CDNI GAIO. F. R-3197. Op. 1. D. 10. Minutes of conferences and plenary sessions of the Irkutsk Regional Committee of the Education Workers' Trade Union.
2. CDNI GAIO. F. R-3197. Op. 1. D. 25. Materials on teachers' living conditions: housing, fuel supply, financial assistance.
3. CDNI GAIO. F. R-3197. Op. 1. D. 37. Minutes, reports, and correspondence of the regional trade union committee.
4. CDNI GAIO. F. 342. Op. 1. D. 67. Materials of conferences and meetings with the participation of party and trade union structures.
5. CDNI GAIO. F. 342. Op. 1. D. 79. Materials of conferences and meetings.
6. A Conversation on Universal Education // Uchitelskaya Gazeta. April 10, 1962. № 43 (4943).
7. Yesterday, Today, Tomorrow // Uchitelskaya Gazeta. October 9, 1965. № 121 (5482).
8. V. Kotlyar. The Listeners Are Captivated, but... // Uchitelskaya Gazeta. August 1, 1967. № 91 (5752).
9. From the Board of the USSR Ministry of Education // Uchitelskaya Gazeta. July 3, 1969. № 78 (6058).
10. On Circulation, Supply, and Defects // Uchitelskaya Gazeta. July 11, 1978. № 83 (7469).
11. Astafyev D.A., Godovova E.V. Historiography of the History of Soviet School Life // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2022. Vol. 28. № 1. P. 8-23.
12. Belova N.A. Everyday Life of Teachers / Ed. M.Yu. Martynov. – Moscow: IEA RAS, 2015. 228 p.
13. Zverev V.A. Not Labor, but Renunciation. Pedagogical Life in the 1960s–1970s in the Memoirs of Siberian Teachers // Siberian Pedagogical Journal. 2013. № 1. P. 37-43.
14. Ivanov S.E. The Image of the Soviet Teacher in the 1960s–1970s on the Pages of the "Teacher's Newspaper" // Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. № 7. P. 116-121.
15. Maslinsky K.A. Discipline in Everyday School Life in the 1950s–1980s: A Socio-Anthropological Study: Cand. Sci. (Hist.) Dissertation: 07.00.07. St. Petersburg, 2017. 236 p.
16. Teplova E.F. The Space of the Soviet School in the 1970s–1980s: Everyday Practices // Ethnodialogues. 2018. № 2 (56). P. 269-281.
17. Teplova E.F. The Symbol of the Soviet School // Ethnodialogues. 2017. № 2 (53). P. 135-141.
18. Shamsutdinov D.Z. Everyday Life of a Soviet Teacher in the 1960s–1970s. (Based on materials from the Tatar ASSR) // Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts. 2013. № 4-2. P. 110-113.
19. Ewing E.T. Teachers of the Stalinist Era: Power, Politics, and School Life in the 1930s. Moscow: ROSSPEN, 2011. 359 p.
20. Burnham P., Gilland K., Grant W., and Layton-Henry, Z. Research Methods in Politics. New York: Palgrave, 2004.
21. Renkas A.V. Features of the development of the circular economy in foreign countries: analysis of institutional reforms // Almanac "Crimea". 2026. № 54. P. 143-149.

Игнатенко С.В.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры Международного морского права. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет».

Состояние судоремонтной промышленности на северо-западе СССР накануне великой отечественной войны и ее преобразование с началом военных действий*

Аннотация. В статье рассматриваются состояние судоремонтной промышленности накануне Великой Отечественной войны и основные направления ее преобразования в 1941 – 1945 гг. Сделаны выводы, что к лету 1941 г. отрасль располагала определенным производственным потенциалом, сформированным в ходе индустриализации, при этом, сохраняя структурную раздробленность, дефицит кадров и нехватку оборудования, а также зависимость от кооперации с предприятиями смежных отраслей.

Ключевые слова: судоремонтная промышленность, Великая Отечественная война, Военно-Морской Флот, Краснознаменный Балтийский флот, Северный флот, судоремонтные мастерские, мобилизационная перестройка.

Ignatenko S.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Maritime Law. Saint Petersburg State Marine Technical University.

The state of the ship repair industry in the northwest of the USSR on the eve of the Great Patriotic War and its transformation with the outbreak of hostilities

Abstract. This article examines the state of the ship repair industry on the eve of the Great Patriotic War and the main directions of its transformation in 1941–1945. It concludes that by the summer of 1941, the industry possessed a certain production potential formed during industrialization, while maintaining structural fragmentation, a shortage of personnel and equipment, and dependence on cooperation with enterprises in related industries.

Key words: ship repair industry, Great Patriotic War, Navy, Red Banner Baltic Fleet, Northern Fleet, ship repair workshops, mobilization perestroika.

* © Игнатенко С.В., 2026.

История Великой Отечественной войны, как правило, исследуется через призму боевых действий, мобилизации ресурсов и деятельности ведущих отраслей оборонной промышленности. Между тем устойчивость Военно-Морского Флота СССР в условиях войны в значительной степени определялась состоянием судоремонтной базы, способной восстанавливать корабли и вспомогательные суда, устранять боевые и эксплуатационные повреждения и, кроме того, быстро приспосабливать суда к нуждам фронта и тыла. Именно поэтому изучение истории тыла, в частности судоремонтной промышленности, представляет собой самостоятельный сюжет отечественной военной истории, а также истории науки и техники. В.М. Гаврилов в своей работе, посвященной роли тыла в морских операциях справедливо отмечал: «…всестороннее освещение этого вопроса необходимо не только потому, что оно имеет специальное и притом важнейшее значение для определения лучшей организации тыла и лучших методов управления им в современных условиях… Без такого освещения не может быть уяснен самый характер операций, ведущихся теперь на море, и то новое, что отличает их от операций прошлых войн…»[1].

В течение 1930-х гг. в СССР создавалась и модернизировалась сеть судоремонтных заводов, мастерских, доков и вспомогательных производств, обслуживавших как военные, так и гражданские суда. Так, 1935 год для судоремонтных мастерских Ленинградского военного порта уже характеризовался определенными сдвигами в деле увеличения как общего объема производства в ценностном выражении, так и объема самого судоремонта, что особенно наглядно видно из таблицы:

Год	Объем всего производства	Объем судоремонта	% к предыдущему году		% к 1933 году	
			Общий объем	Судоремонт	Общий объем	Судоремонт
1933	390 682	168 758	-	-	-	-
1934	467 980	240 607	119,79	142,58	119,79	142,58
1935	742 546	491 311	158,67	204,20	190,06	291,13
1936	1 095 221	985 993	147,49	200,69	280,34	584,26

(по материалам РГА ВМФ. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.)

Одновременно рос и, как видно из сравнений с планом 1936 года, продолжал расти объем судоремонтных работ, что вместе с резко выраженным переходом в 1935 году к работам капитального характера изменяло суще-

1 *Гаврилов В.М.* Роль флотского тыла в современных морских операциях // Морской сборник. 1941. № 5. С. 20.

ство производственного профиля мастерских[2].

Удельный вес судоремонтных работ в общем выпуске мастерскими готовой продукции в разрезе отдельных лет составлял:

Год	Удельный вес судоремонта в общем ценностном объеме производства (в %)
1933	43,2
1934	51,4
1935	66,1
1936 (план)	90,0

(по материалам РГА ВМФ. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.)

Однако судоремонтная промышленность не представляла собой полностью целостную и одинаково функционирующую систему, так как она была распределена между различными ведомствами – Наркоматами судостроительной промышленности, Военно-Морского Флота, рыбной промышленности, Главного управления Северного морского пути и др., что создавало определенные особенности организации судоремонта, не удовлетворявшие интересам военного времени.

Кроме того, существенным фактором предвоенного периода являлось преобладание интереса правительства страны к строительству новых кораблей. На рубеже 1930-х – 1940-х гг. внимание управленческих структур флота во многом концентрировалось на строительстве боевых кораблей новых классов и расширении кораблестроительных программ. Вследствие этого судоремонт, несмотря на его очевидную практическую значимость, нередко оказывался во второстепенном положении по отношению к строительству новых боевых единиц. Это сказывалось как на темпах обновления оборудования, так и на развитии докового хозяйства и обеспеченности запасными частями и материалами. Так, в своем обращении к заместителю Народного комиссара оборонной промышленности И.Ф. Тевосяну управляющий трестом № 14 Народного комиссариата оборонной промышленности Н.М. Разин писал: «… за весь период строительства нашего боевого флота, при стремлении сосредоточить в течение последних лет исключительно все внимание на разговорах о развертывании постройки больших кораблей прежним морским командованием и руководством судостроительной промышленности все время совершенно сознательно и вредительски смазывались важнейшие вопросы… об обе-

2 РГА ВМФ. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

спечении флота судоремонтными средствами…»[3].

Предвоенное состояние отрасли определялось и кадровым фактором. Судоремонт требовал большого числа квалифицированных инженеров, судомехаников, технологов, корпусников, слесарей, сварщиков и специалистов по энергетическим установкам. Так, основной причиной недокомплекта рабочей силой в 1940 году на судоремонтных мастерских вспомогательного флота ТУ КБФ являлось отсутствие базы комплектования в условиях Кронштадта, а также отсутствие жилищного фонда в распоряжении мастерских в необходимом количестве[4]. На отдельных направлениях ремонтная база отставала от оперативных потребностей флота. Судоремонтные предприятия не были в полной мере оснащены техническими средствами, что напрямую влияло на готовность к напряженной военной эксплуатации. Кроме того, как отмечает А.В. Платонов, новая техника требовала новых технологий: высокой точности механической обработки деталей, большой динамической уравновешенности отдельных узлов и механизмов и т.п[5].

К лету 1941 г. судоремонтная промышленность подошла с неоднозначным результатом. Не стоит отрицать тот факт, что индустриализация создала для нее значительный материальный и организационный фундамент: существовали крупные заводы и судоремонтные мастерские, налаженная система профессиональной подготовки, а также мобилизационные возможности, предполагавшие использование части мощностей в интересах войны. При этом, отрасль сохраняла внутреннюю и территориальную неравномерность, а также зависимость от материального снабжения, что стало особенно ощутимо уже в первые месяцы боевых действий.

Организационные изменения конца 1930-х гг. свидетельствовали о стремлении государства укрепить судостроение как особый сектор оборонной экономики и выделить судостроительную промышленность в самостоятельное направление, однако, этот процесс еще не успел завершиться к июню 1941 г. Отрасль находилась в стадии ускоренного роста, при этом, судоремонтные предприятия еще не достигли требуемого уровня технологической устойчивости.

Отдельной проблемой предвоенного периода была децентрализация судоремонтной отрасли. Несмотря на то, что организационно судоремонт выглядел как взаимосвязанный комплекс, в практическом отношении ремонт кораблей и судов выполнялся разными ведомствами. В мирное время подобная дифференциация не всегда воспринималась как критиче-

3 РГА ВМФ. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3. Л.Л. 6,7.

4 РГА ВМФ. Ф. 1223. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

5 *Платонов А.В.* База военного судоремонта 1938 – 1945 гг. // Судостроение. 2004. № 2. С. 49.

ская. Уже в первые дни войны вышли ряд совместных приказов: 1) Наркома ВМФ СССР и начальника ГУСМП при СНК СССР № 0537 от 25 июня 1941 г., предписывавший в целях ускорения ремонта боевых кораблей и вспомогательных судов Северного флота Мурманским судоремонтным заводом ГУСМП «производить вне всякой очереди в самые короткие сроки межоперационные, плановые и аварийные ремонты боевых кораблей и вспомогательных судов Северного флота, в том числе и призванных из гражданских Наркоматов и НКВД»; 2) Наркома ВМФ СССР и Наркома рыбной промышленности СССР № 0438/0534 от 24 июня 1941 года «О ремонте боевых кораблей и вспомогательных судов Северного флота», в соответствии с которым плановый, аварийный и межоперационный ремонт боевых и вспомогательных судов Северного флота, а также крупный и аварийный ремонт призванных по мобилизации судов Наркомрыбпрома было указано производить на Мурманской судоверфи Главрыбсудстроя. Межоперационный навигационный ремонт остальных судов, призванных по мобилизации предполагалось производить в судоремонтных механических мастерских Главсеврыбпрома по нормативам, установленным для ремонта промыслового флота; 3) Наркома ВМФ СССР и Наркома тяжелого машиностроения СССР от 27 июня 1941 года № 0543/394с «О высылке рабочих бригад для ремонта кораблей ЧФ, КБФ и СФ», который содержал указание директорам заводов «Русский дизель», «Двигатель революции» и «Коломенского машиностроительного завода им. Куйбышева» по требованию НКВМФ производить вне всякой очереди посылку квалифицированных рабочих бригад не более 2% от количества работающих на заводе слесарей и монтажников для ремонта боевой техники кораблей и частей береговой обороны Северного флота, Краснознаменного Балтийского флота и Черноморского флота; 4) Наркома ВМФ СССР и Наркома Морского флота СССР от 27 июня 1941 года № 0542/24с «О ремонте боевых кораблей и вспомогательных судов Северного флота, Черноморского и Краснознаменного Балтийского флота». Директорам судоремонтных заводов: Мурманского, Архангельского – «Красная кузница», Канонерского завода и заводам черноморского региона предписывалось производить межоперационные и аварийные ремонты боевых кораблей и вспомогательных судов указанных флотов, в том числе призванных из гражданских Наркоматов и НКВД; 5) Наркома ВМФ СССР и Наркома ЭПр № 0544/141С «О высылке рабочих бригад для ремонта кораблей СФ, КБФ и ЧФ». Заводы «ХЭМЗ им. Сталина» и «Электросила» обязывались по требованию НКВМФ производить вне всякой очереди посылку квалифицированных рабочих бригад для ремонта боевой техники кораблей и частей береговой обороны флотов. Военные советы флотов, при этом, обязывались оказывать полное содействие рабочим бригадам при выполнении работ и предоставлять им место

в общежитиях флотов[6]. Условия военного времени показали, что именно использование возможностей предприятий, не относящихся к Наркомату ВМФ СССР позволила частично компенсировать утрату части крупных заводов и сформировать систему судоремонта, ориентированную на конкретные театры военных действий.

С началом войны основные задачи, выполняемые судоремонтной промышленностью, изменились. На первый план вышли аварийно-восстановительные работы, срочный ремонт боевых повреждений, переоборудование гражданских судов в боевые корабли и вспомогательные суда, установка вооружения и средств связи, изготовление дефицитных деталей и выполнение оборонных заказов, не связанных непосредственно с ремонтом. Судоремонтные предприятия обслуживали одновременно и армию и флот. При этом, в процессе ремонта кораблей было внедрено значительное количество рационализаторских мероприятий и оригинальных производственных методов, способствовавших своевременному и досрочному выполнению работ[7].

В 1941 – 1942 гг. происходила «военная перестройка» судоремонтной промышленности. Так, изменилась сама производственная иерархия: капитальный ремонт, требовавший значительного времени и ресурсов, часто уступал место ускоренному восстановлению кораблей и судов, необходимому для немедленного возвращения их в строй. Кроме того, широкое распространение получили упрощенные технологические решения, взаимозаменяемость деталей, восстановление узлов из имеющегося задела и переработка снятого оборудования. Возросла роль местной инициативы, рационализаторства и оперативных инженерных решений, что нашло отражение уже в военном сборнике 1944 г., обобщившем опыт судоремонта и освоения новых производств на отдельных предприятиях[8].

Одновременно отрасль переживала тяжелые территориальные и ресурсные потери. Боевые действия, блокада и оккупация привели к утрате либо резкому ограничению работы значительной части предприятий на Балтике, и в ряде западных районов страны. Это заставило государство перераспределять нагрузку между уцелевшими заводами, а также разворачивать эвакуацию оборудования и специалистов. В результате территориальная система судоремонта изменилась, так как отрасль стала менее ориентированной на традиционные довоенные центры и в большей степени зависимой от смежных производств.

6 ЦВМА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 126. Л.Л. 45 – 48.

7 ЦВМА. Ф. 3681. Оп. 035715. Д. 6. Л. 2.

8 Опыт судоремонта и освоение новых видов производства на судоремонтных предприятиях ВМФ в Отечественную войну / Нар. ком. Воен.-Мор. Флота СССР. Тех. упр. – М., Л.: Военмориздат, 1944. 122 с.

Характерным признаком военного времени стало совмещение судоремонта с выпуском новых видов продукции. Предприятия осваивали изготовление боеприпасов, корпусных элементов, запасных частей, вспомогательного оборудования и иной военной номенклатуры, требовавшейся армии и флоту. Для отдельных заводов это стало устойчивой частью производственной программы. Такая практика предприятий позволяет говорить о высокой степени адаптивности отрасли.

Не менее важным было изменение критериев качества и завершенности работ. Если в довоенной хозяйственной практике судоремонт стремился к полному выполнению регламентов, заводских циклов и межремонтных требований, то военное время навязало иной подход: на первый план вышел приоритет обеспечения достаточной технической надежности для немедленного использования корабля или судна по назначению. Подобная переориентация требовала от инженеров и производственников высокой ответственности, поскольку ускорение работ не должно было привести к недопустимому снижению их качества. Тем самым судоремонтные предприятия фактически работали на пределе компромисса между сроками и качеством и выполнением бюрократических процедур. Участник военного судоремонта, инженер-капитан 2 ранга Н.А. Жуков в своей статье в «Морском сборнике» отмечает по этому поводу: «Работы, на выполнение которых в мирное время затрачивалось большое количество времени, сейчас сплошь и рядом укладываются в весьма сжатые сроки, причем, качество ремонта отнюдь не снижается…»[9].

Важнейшим условием перестройки стала реорганизация труда. Судоремонтные предприятия переходили на 2-х и 3-х сменную работу, шире привлекали женщин, подростков и работников, прошедших ускоренную подготовку непосредственно на производстве. Возникали фронтовые и ударные бригады, развивались социалистическое соревнование, стахановское движение, наставничество и внутрипроизводственное обучение.

Отдельные исследования позволяют увидеть, как общие тенденции проявлялись на местах. Так, на Мурманском судоремонтном заводе ремонт кораблей и транспортных судов сочетался с выпуском оборонной продукции и выполнением работ в исключительно сложных условиях Севера[10]. Подобные примеры свидетельствуют о том, что военная перестройка превращала судоремонтный завод в универсальное предприятие технического обеспечения флота и армии. В конечном счете преобразование отрасли но-

9 *Жуков Н.А.* Из практики судоремонта в военное время // Морской сборник. 1942. № 10,11. С. 30.

10 См.: *Федулов, С.В., Половинкин, В.Н., Барбанель, Б.А.* Мурманский судоремонтный завод в годы войны / С.В. Федулов, В.Н. Половинкин, Б.А. Барбанель // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 52-57.

сило не только производственный, но и институциональный характер. Судоремонт в годы войны действовал как часть системы военной экономики.

Библиографический список:

1. Гаврилов В.М. Роль флотского тыла в современных морских операциях / В.М. Гаврилов // Морской сборник. 1941. № 5. С. 20-37.
2. Жуков Н.А. Из практики судоремонта в военное время / Н.А. Жуков // Морской сборник. 1942. № 10, 11. С. 30-38.
3. Опыт судоремонта и освоение новых видов производства на судоремонтных предприятиях ВМФ в Отечественную войну / Нар. ком. Воен.-Мор. Флота СССР. Тех. упр. – М.: Л.: Военмориздат, 1944. 122 с.
4. Платонов А.В. База военного судоремонта 1938 – 1945 гг. / А.В. Платонов // Судостроение. 2004. № 2. С. 49-55.
5. РГА ВМФ Ф. 918. Оп. 1. Д. 3. (Материалы о состоянии судоремонтных предприятий и обеспеченности флота судоремонтными средствами (постановления, протоколы, доклады, сведения, переписка и др.).
6. РГА ВМФ. Ф. 1223. Оп. 1. Д. 1. (Отчет судоремонтных мастерских вспомогательного флота ТУ КБФ за 1940 год).
7. РГА ВМФ. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 1. (Годовой отчет судоремонтных мастерских № 1237 за 1935 год)
8. Федулов С.В., Половинкин В.Н., Барбанель Б.А. Мурманский судоремонтный завод в годы войны / С.В. Федулов, В.Н. Половинкин, Б.А. Барбанель // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 52-57.
9. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина). Ф. 5. Оп. 1. Д. 120.
10. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина). Ф. 3681. Оп. 035715. Д. 6.
11. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина). Ф. 5. Оп. 1. Д.126.
12. Ананченкова П.И. Возраст как предмет философского дискурса // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 78-86.

Reference

1. Gavrilov V.M. The Role of the Naval Logistics in Modern Maritime Operations / V.M. Gavrilov // Marine Collection. 1941. № 5. P. 20-37.
2. Zhukov, N.A. From the Practice of Ship Repair in Wartime / N.A. Zhukov // Marine Collection. 1942. № 10, 11. P. 30-38.
3. Ship Repair Experience and Development of New Types of Production at Navy Ship Repair Yards during the Great Patriotic War / People's Commissariat of the Military-Navy Fleet of the USSR. Technical Management. – Moscow: Leningrad: Voenmorizdat, 1944. 122 p.
4. Platonov A.V. Military Ship Repair Base 1938–1945 / A.V. Platonov // Shipbuilding. 2004. № 2. P. 49-55.
5. RGA Navy F. 918. Op. 1. D. 3. (Materials on the state of ship repair facilities and the provision of the fleet with ship repair facilities (resolutions, minutes, reports, information, correspondence, etc.).
6. RGA VMF. F. 1223. Op. 1. D. 1. (Report of the ship repair workshops of the auxiliary fleet of the Territorial Administration of the Baltic Fleet for 1940).
7. RGA VMF. F. R-2100. Op. 1. D. 1. (Annual report of ship repair workshops № 1237 for 1935)
8. Fedolov S.V., Polovinkin V.N., Barbanel B.A. Murmansk Ship Repair Plant during the War Years / S.V. Fedolov, V.N. Polovinkin, B.A. Barbanel // Military History Journal. 2020. № 5. P. 52-57.
9. Branch of the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Navy Archives, Gatchina). F. 5. Op. 1. D. 120.
10. Branch of the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Navy Archives, Gatchina). F. 3681. Op. 035715. D. 6.
11. Branch of the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Navy Archives, Gatchina). F. 5. Op. 1. D. 126.
12. Ananchenkova P.I. Age as a subject of philosophical discourse // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 78-86.

Корогодина Е.А.
Кандидата исторических наук, соискатель на ученую степень. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

Летописание как инструмент политической борьбы в правление Ивана III: рецепция образа Дмитрия Донского и риторики «задонщины» в контексте Шелонской битвы*

Аннотация. В исследовании затрагивается вопрос о роли летописания при формировании политической идеологии Московского государства в период правления Ивана III. Был проведен текстологический анализ различных летописных сводов (Московский летописный свод конца XV века, Львовская летопись, Софийская первая летопись, четвертая Новгородская летопись), на основе которого демонстрируется процесс перехода летописных сводов с лишь фиксации событий в инструмент легитимации централизации власти, а также обоснования династических прав. Примечательно, что летописцы периода правления Ивана III довольно активно обращались к дискурсу «Задонщины» и образу Дмитрия Ивановича Донского, включая Шелонскую битву в героическую традицию Куликовской битвы, формируя сакральный образ правителя Москвы в роли защитника Русской земли. Особое внимание уделено редакционной политике: отбору, интерполяции, которые позволили летописцам адаптировать историческое прошлое под задачи настоящего политического момента.

Ключевые слова: «Задонщина», Дмитрий Донской, Иван III летописи, Куликово поле, Шелонская битва.

Korogodina E.A.
PhD candidate in history, PhD candidate. A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

Chronicle as a tool of political struggle during the reign of Ivan III: reception of the image of Dmitry Donskoy and the rhetoric of "zadonshchina" in the context of the Battle of Shelona

* © Корогодина Е.А., 2026.

Abstract. The study raises the issue of the role of chronicling in shaping the political ideology of the Moscow state during the reign of Ivan III. A textual analysis of various chronicles was carried out (the Moscow Chronicle of the end of the 15th century, the Lviv Chronicle, the Sofia First Chronicle, and the Fourth Novgorod Chronicle), which demonstrates the process of chronicle transition from a mere record of events to a tool for legitimizing the centralization of power and establishing dynastic rights. It is noteworthy that the chroniclers of the reign of Ivan III quite actively addressed the discourse of "Zadonshchina" and the image of Dmitry Ivanovich Donskoy, including the Battle of Shelon in the heroic tradition of the Battle of Kulikovo, forming the sacred image of the ruler of Moscow in the role of defender of the Russian land. Special attention is paid to editorial policy: selection, interpolation, which allowed chroniclers to adapt the historical past to the tasks of the present political moment.

Key words: "Zadonshchina", Dmitry Donskoy, Ivan III chronicles, Kulikovo field, Battle of Shelon.

Гипотеза исследования: летописание в правление Ивана III заложило основы государственной идеологии, которая в свою очередь определила направление политического мышления на последующие столетия. Одним из главных приемов в проведении идеологической линии стала рецепция «Задонщины» и самого образа Дмитрия Донского: основная мысль произведения о Куликовской битве была перестроена летописцами для осмысления битвы на реке Шелони, что в свою очередь трансформировало князя Ивана III в законного наследника победителя Мамая и усиливало легитимность княжеской власти.

Актуальность исследования обусловлена особенностью рассматриваемого периода, а именно объединения разрозненных княжеств в единое централизованное государство. В частности, в этот период происходит активное переустройство исторического сознания. Летописные своды в XV веке становятся главным инструментом идеологического конструирования.

Цель исследования: провести анализ механизмов использования летописания как политического инструмента в годы правления Ивана III. В центре внимания данного исследования стоит вопрос о том, каким образом исторический нарратив был скорректирован под задачи московского правителя. Также исследуются какие текстологические приемы были использованы для создания образа самодержавного, избранного богом правителя. В исследовании особое место отводится параллелям текстов «Задонщины» и летописными нарративами о битве на реке Шелони.

Изучаемый вопрос поднимался в трудах А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Б.М. Клосса, В.А. Кучкина, О.Л. Новиковой. Все же, несмотря на базисный характер этих трудов, роль «Задонщины» как политического и

идеологического ресурса летописцев времен Ивана III (в том числе, формирование образа Дмитрия Донского как идеологическую модель для легитимации победы в Шелонской битве) осталась за пределами их исследований. Также стоит отметить, что вопрос об использовании летописей как инструмента политики остается мало изученным, это определяет научную новизну данного исследования.

Эпоха правления Ивана III была ознаменована важнейшими событиями, наметившими вектор дальнейшего развития как отдельных регионов, так и всего Русского государства. К таким событиям относятся: присоединение Новгорода (1478), стояние на р. Угре (1480), присоединение Тверского княжества (1485), присоединение Вятки (1489), также принятие великим князем титула «государь всея Руси» [1, с. 15–17]. Летописная традиция имела разрозненный характер, в зависимости от региона; каждое княжество имело свой особенный взгляд на события, действия властей. Такое положение не соответствовало задачам консолидации и политической идеологии Ивана III [2, с. 42–45; 17, с. 10–14].

Политика Ивана III нуждалась в обосновании основных позиций:

1. Неминуемость падения раздробленности, а также легитимности подчинения земель Москве [2, с. 46; 20, с. 55–58].

2. Божественный характер происхождения власти московского правителя [3, с. 89–92; 18, с. 49–52].

3. Москва – наследница Киевского и Владимирского княжеств [1, с. 20–22; 17, с. 18–21].

В данном исследовании проводится анализ Московского летописного свода конца XV века, Львовской летописи, Софийской первой летописи, четвертой Новгородской летописи. Выбор данных летописных сводов обусловлен их территориальной локализацией, а также установленным влиянием географического положения центров летописания на идеологическую репрезентацию описываемых событий [2, с. 48–50; 4, с. 112–115; 21, с. 14–17]. Особое внимание уделяется рецепции «Задонщины» – произведения, посвященного победе Дмитрия Ивановича на Куликовом поле, риторика и система образов которого были переняты и адаптированы летописцами при Иване III с целью создания идеологической связи между победой в 1380 году и присоединением Новгорода после битвы на реке Шелони 1471 года [5, с. 39–46; 6, с. 74–78; 19, с. 60–66].

В настоящем исследовании предпринимается попытка верификации выдвинутой гипотезы на основе анализа репрезентации в различных летописных сводах одного из ключевых событий эпохи Ивана III – присоединения Новгорода к Москве, с акцентом на отражение первого похода и сражения на реке Шелони. Следует отметить, что данная работа носит предварительный характер и находится на начальной стадии разработки;

полученные выводы представляют собой рабочую модель, требующую дальнейшей апробации, расширения привлекаемого корпуса списков и методологической доработки в последующих этапах исследования [7, с. 5–8; 20, с. 120–123].

В рамках источниковедческого анализа Московского летописного свода конца XV века, представляющего собой общерусский по содержанию и московский по локализации написания памятник, целесообразно рассмотреть особенности репрезентации событий битвы на реке Шелони (1471 г.) [8, с. 215–218; 17, с. 102–108]. Летописный нарратив характеризуется системным использованием оценочной лексики, выполняющей идеологическую функцию легитимации политики великокняжеской власти и делегитимации новгородской политической элиты [5, с. 40–42; 21, с. 20–23]. Стоит обратить внимание на то, что риторический замысел уходит своими корнями к «Задонщине», где победа Дмитрия Донского преподносилась как сакрализация московского войска и обвинение врага: «… за обиду великого князя Дмитрия Ивановича» [5, с. 39–46; 10, с. 132–135; 19, с. 62–64].

Москва:

«*яко львы рыкающие*» – зооморфная метафора, означающая силу и доблесть «*побили новгородскую рать с божьей помощью*» – сакрализация победы [8, с. 216; 17, с. 104].

Новгород:

«*ужаснутися полком великого князя*» – указание на деморализацию «*измениции*» – преступные деяния новгородцев «*гонимы гневом божьим за свою неправду и за отступление не только от своего государя, но и от самого господа бога*» – обоснование поражения божественным промыслом «*яко до 40 тысящь*» [8, с. 217; 21, с. 24–25].

Как видим, летописец возвышает роль и статус Москвы в этом сражении, посредством усиления вины новгородцев. Для усиления значимости победы Москвы, летописец указывает на численное превосходство новгородцев. Но новгородцы ретировались сразу же после первого удара Москвы.

Москва:

«*благоверный великий князь*» – сакрально-легитимный статус правителя [8, с. 217; 17, с. 106].

Новгород:

«*за ихъ неправды и за ихъ отступление к Латынству*» – обвинения в политической измене «*договор с королем латинским*» – подтверждение измены через внешнеполитический контекст [8, с. 217–218; 12, с. 10–12].

В описании отсутствуют детали тактического плана, напротив летописец говорит о моральном превосходстве московской стороны и измене новгородской элиты. Обвинение в союзе с католическим королем непо-

средственно имеет сходство с риторикой «Задонщины», где темник Мамай и его союзники предстают в роли иноверцев: «…в борьбе за землю Русскую, за веру христианскую!» [9, с. 316; 19, с. 63]. Таким образом, Иван III проецирует на себя образ Дмитрия Ивановича – защитника православной веры, а Новгород отождествляется с Ордой [6, с. 76–77; 18, с. 88–92].

Описание Шелонской битвы в Московском летописном своде служит прежде всего идеологическим целям, а не простой фиксации фактов. Используя религиозно-оценочную лексику, летописец представляет поражение Новгорода как божественное наказание за «неправду», тем самым обосновывая присоединение новгородских земель к Москве. В данном случае образ Дмитрия Ивановича предстает как идеальная модель московского государя: ликвидация самостоятельности Новгорода представляется как новое Куликово поле, а Иван III – наследник победителя Мамая [5, с. 44–46; 6, с. 77–78; 17, с. 110–114].

Согласно источниковедческой концепции Я.С. Лурье, Софийская первая летопись занимает центральное место в генезисе общерусского московского летописания второй половины XV–XVI вв., выступая в функции нормативного прототипа для последующих сводов. В нарративной структуре данного памятника фиксируется тенденция к риторической сдержанности: текст характеризуется минимизацией экспрессивной оценочной лексики. В данном контексте прослеживается связь с традицией «Задонщины», но интерпретированная из плоскости эмоционально-религиозной в правовую.

Москва:

«*воеводам великого князя поможет бог*» – в средневековом юридическом языке выступает как божественное покровительство «*воины великого князя по божьей милости*» – сакрализация победы, не посредством доблести «*благочестивый князь, государь русских земель*» [11, с. 89–91; 20, с. 70–73].

Новгород:

«*лукавые*» – моральная оценка без агрессивной экспрессии «*неправду делают*» – установление нарушения правовой нормы «*окаянные изменники, зло задумали*» – преднамеренность политического выбора [11, с. 89–91; 21, с. 28–30].

Представленная лексическая модель свидетельствует о рационализации летописного дискурса в Софийской первой летописи. В отличие от более ангажированных московских сводов, Софийская первая летопись трансформирует религиозно-публицистическую риторику в правовой нарратив: победа Москвы обосновывается не через эмоциональное противопоставление «святого» и «грешного», а через демонстрацию соответствия действий великого князя нормам божественного и земного права. При этом механизм легитимации власти сохранятся в той же форме, что и в «Задон-

щине»: противника обвиняют в нарушении правды, а победа – восстановление справедливости. Употребление терминов «неправда», «лукавство», «измена» отсылает к юридической лексике средневекового русского права, что позволяет интерпретировать текст как инструмент легитимации через правовую аргументацию, а не через идеологическую поляризацию.

Таким образом, в Софийской первой летописи Шелонская битва представлена как событие, оцениваемое прежде всего с точки зрения законности и божественного правосудия. Автор стремится не столько вызвать у читателя эмоциональный отклик, сколько сформировать представление о власти великого князя как о легитимной силе, действующей в соответствии с нормами божественного и земного права. Тогда образ Дмитрия Донского предстает в качестве гаранта легитимности: победа над Новгородской республикой законна, потому что одерживает ее наследник победителя на поле Куликовом.

Львовская летопись была издана уже в конце XVIII века, рукопись которой была обнаружена Н. А. Львовым в суздальском Спасо-Евфимьевом монастыре [12, с. 7–9]. Изучив текст летописи можно прийти к выводу о том, что многие события резко расходятся с известиями официального великокняжеского летописания.

Нарратив Львовской летописи сочетает признание легитимности московской власти с конкретными обвинениями Новгорода. Аргументом становится политический шаг новгородцев – союз с католическим королем. В данном случае Львовская летопись наиболее близка к «Задонщине», в которой также присутствует обвинение противника в союзе с «погаными». Но, в отличие от «Задонщины» при Иване III характер мотива носит политизированный характер. Львовская летопись представляет собой переход от идеологической ангажированности московского летописания к более дифференцированной, но все же промосковской трактовке событий, где переплетаются политические и религиозные аспекты [12, с. 17–18; 18, с. 95–99].

Новгородская четвертая летопись по списку П.П. Дубровского представляет собой одну из редакций Новгородской четвертой летописи, сохранившуюся в единственном списке рубежа XVI–XVII веков. Свое наименование памятник получил по фамилии последнего владельца – Петра Петровича Дубровского, занимавшего должность хранителя «Депо манускриптов» в Императорской публичной библиотеке [13, с. 3–6].

В отличие от Московского великокняжеского свода, трактующего события Шелонской битвы 1471 года в религиозно-провиденциалистском ключе, Новгородская четвертая летопись предлагает иную интерпретацию сражения. Новгородский летописец фиксирует реальный боевой эпизод: «погнаша новгородци москвич за Шолону реку», свидетельствующий о

первоначальном тактическом успехе новгородцев [13, с. 146]. Решающим же фактором поражения, согласно летописному тексту, стала внезапная атака засадного татарского отряда («западная рать татарове»). Московская версия, напротив, объясняет исход битвы божественным вмешательством: «устрашишася зело, возмутишася и восколебашася, яко пьяни… гонимые гневом Божиим».

Таким образом, Новгородская четвертая летопись рисует трагическую картину произошедшего: за первоначальным успехом новгородского войска последовало сокрушительное поражение, вызванное атакой засадного полка. Причиной случившегося, по мысли летописца, стал внутренний раскол внутри новгородского общества. В целом новгородская версия носит апологетический характер, стремясь оправдать поражение республиканского войска и представить его как следствие объективных обстоятельств, а не военной или моральной несостоятельности новгородцев. Настоящее исследование показывает, как летописные нарративы XV-XVI веков трансформируются из просто фиксации событий в инструмент политической идеологии. Главным механизмом представленной трансформации является рецепция «Задонщины» и образа Дмитрия Донского: риторика Куликовского цикла ловко адаптируется для осмысления битвы на реке Шелони, превращая Ивана III в наследника победителя Мамая, а победу над Новгородской республикой – новое легитимное «Куликово поле» [5, с. 44–46; 6, с. 77–78; 19, с. 65–68].

На материале Шелонской битвы (1471 г.) выявлены принципиальные различия в риторических стратегиях летописных памятников.

Московский свод сакрализирует победу через религиозную лексику и обвинение новгородцев в «неправде», напрямую воспроизводя образную систему «Задонщины» [8, с. 215–218; 17, с. 102–110].

Софийская первая летопись рационализирует дискурс, используя правовую аргументацию, однако сохраняет глубинный механизм легитимации, унаследованный от Куликовского цикла [11, с. 89–91; 20, с. 70–74].

Львовская летопись сочетает промосковскую позицию с конкретными политическими обвинениями (союз с «латинским королём»), что также восходит к риторике «Задонщины», но переводит её в политическую плоскость [12, с. 17–18; 18, с. 95–100].

Новгородская IV летопись (список Дубровского) фиксирует первоначальный успех новгородцев и поражение от засадного полка, полемически переворачивая аргументы «Задонщины» и оправдывая трагедию объективными обстоятельствами [13, с. 146; 21, с. 32–34].

Перспективы дальнейшего исследования:

1. Расширение корпуса источников – включение других списков Новгородской летописи, агиографии, актового материала, а также других памят-

ников Куликовского цикла для более полной реконструкции механизмов рецепции [14, с. 54–56; 17, с. 118–121].

2. Сравнительный анализ других ключевых событий эпохи (присоединение Твери, стояние на Угре, русско-литовские отношения) в контексте использования риторики «Задонщины» [15, с. 88–90; 19, с. 70–74].

3. Анализ «молчащих зон» – того, что намеренно опускалось летописцами, включая возможное «замалчивание» или трансформацию неудобных элементов куликовского нарратива [16, с. 112–114; 18, с. 130–133].

Библиографический список:

1. Полное собрание русских летописей. Т. 4, 5, 6, 20, 25, 43. – М.; СПб.; Л.: Наука, 1848–2004.
2. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. Подгот. О.Л. Новиковой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Лурье Я.С. Летописные известия о победе над Новгородом в 1471 г., сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», 1991. 144-150 с.
4. Новикова О.Л. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского: [текст, исследование, примеч.] Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Рос. нац. б-ка. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»: закат боярской республики в Новгороде / Ю.Г. Алексеев. – 2-е изд. – Москва: Гнозис, 2020. 608 с.
6. Новикова О.Л. Новгородские летописи XVI века: диссертация кандидата филологических наук: 10.01.01 /Новикова Ольга Львовна. – СПб, 2000. 252 с.
7. Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А. А. Шахматов; подгот. текста, предисл. и примеч. А.А. Зимина, Я. С. Лурье. – М; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1938. 373 с.
8. Клосс Б.М. (отв. ред.) Полное собрание русских летописей: Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. / под ред. Б. М. Клосса; Ин-т рос. истории РАН. – М.: Языки русской культуры; Археографический центр, 1994–2000. 488 с.
9. «Слово Древней Руси»/ составитель, вступительная статья О.В. Гладковой. – М.: Панорама, 2000. 496 с.
10. Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв.: курс лекций / М.Д. Присёлков; подгот. текста, предисл. и примеч. Я.С. Лурье. – СПб: Дмитрий Буланин, 1996. 326 с.
11. Корецкий В.И. История русского летописания XV–XVI вв. – М.: Наука, 2010. 412 с.
12. Иванов А.В. Львовская летопись: текстология и идеология // Летописи и хроники Руси. 2014. № 3. С. 7-22.
13. Новикова О.Л. Новгородские летописи и проблема местной традиции // Русская летопись: новые подходы. – М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 140-155.
14. Соколов А.М. Рецепция Куликовского цикла в летописании Ивана III // Вестник исторической филологии. 2019. Т. 12. № 2. С. 50-62.
15. Петров Д.А. Политическая риторика и летописный нарратив в эпоху Ивана III // Средневековая Русь. 2021. Вып. 15. С. 82-95.
16. Морозова Е.С. «Молчащие зоны» в летописях XV века: идеологическое замалчивание и трансформация нарратива // Историческая филология. 2023. № 4. С. 108-120.
17. Беляева Н.В. Рецепция Куликовской темы в московских летописных сводах XV–XVI вв.: текстологический аспект. – М.: Индрик, 2022. 216 с.
18. Захаров М.Л. Образ Дмитрия Донского в позднелетописной традиции: епическая семантика и политическая интерпретация. – М.: Языки славянской культуры, 2025. 260 с.
19. Григорьев А. Ю. «Задонщина» и государственная идеология Московии конца XV века. – Санкт-Петербург: Наука, 2023. 184 с.
20. Кузнецов Д.И. Летописные маркеры легитимации власти в эпоху Ивана III (1470–1505). // Российская история. 2021. № 6. С. 45-67.
21. Петрова С.А. Шелонская битва в летописях и политической пропаганде Москвы: локальные традиции и централизованная риторика. // Вестник средневековой истории. 2024. Т. 8. № 1. С. 1234.
22. Королёва Э.В., Волынчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 62-73.

Reference

1. Complete Collection of Russian Chronicles. Vols. 4, 5, 6, 20, 25, 43. – Moscow; St. Petersburg; Leningrad: Nauka, 1848–2004.
2. Novgorod Chronicle According to the List of P.P. Dubrovsky. Prepared by O.L. Novikova. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 368 p.
3. Lurye Ya.S. Chronicle Accounts of the Victory over Novgorod in 1471, in the collection "Auxiliary Historical Disciplines," 1991. 144–150 p.
4. Novikova O.L. Novgorod Chronicle According to the List of P.P. Dubrovsky: [text, research, notes] Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian National Library. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 368 p.
5. Alekseev Yu.G. "We Want to Go to Moscow": The Decline of the Boyar Republic in Novgorod / Yu.G. Alekseev. – 2nd ed. – Moscow: Gnosis, 2020. 608 p.
6. Novikova O.L. Novgorod Chronicles of the 16th Century: Candidate of Philological Sciences Dissertation: 10.01.01 / Novikova, Olga Lvovna. – St. Petersburg, 2000. 252 p.
7. Shakhmatov A.A. Review of Russian Chronicle Collections of the 14th–16th Centuries / A.A. Shakhmatov; text preparation, foreword, and notes by A.A. Zimina, Ya. S. Lurye. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1938. 373 p.
8. Kloss B.M. (ed.) The Complete Collection of Russian Chronicles: Vol. 25: Moscow Chronicle Collection of the Late 15th Century / edited by B.M. Kloss; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Moscow: Languages of Russian Culture; Archaeographic Center, 1994–2000. 488 p.
9. The Word of Ancient Rus' / compiled by, with an introduction by O.V. Gladkova. Moscow: Panorama, 2000. 496 p.
10. Prisyolkov M.D. History of Russian Chronicling in the 11th–15th Centuries: A Lecture Course / M.D. Prisyolkov; text preparation, foreword, and notes by Ya.S. Lurye. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1996. 326 p.
11. Koretsky V.I. History of Russian Chronicling of the 15th–16th Centuries. Moscow: Nauka, 2010. 412 p.
12. Ivanov A.V. "The Lviv Chronicle: Textual Criticism and Ideology." Chronicles and Chronicles of Rus'. 2014. № 3. P. 7-22.
13. Novikova O.L. "The Novgorod Chronicles and the Problem of Local Tradition." Russian Chronicle: New Approaches. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2018. P. 140-155.
14. Sokolov A.M. "The Reception of the Kulikovo Cycle in the Chronicles of Ivan III." Bulletin of Historical Philology. 2019. vol. 12. № 2. P. 50-62.
15. Petrov D.A. Political Rhetoric and Chronicle Narrative in the Age of Ivan III // Medieval Rus'. 2021. Issue 15. P. 82-95.
16. Morozova, E.S. "Silent Zones" in 15th-Century Chronicles: Ideological Silence and Narrative Transformation // Historical Philology. 2023. № 4. P. 108-120.
17. Belyaeva N.V. Reception of the Kulikovo Theme in Moscow Chronicle Vaults of the 15th–16th Centuries: Textual Aspect. Moscow: Indrik, 2022. 216 p.
18. Zakharov M.L. The Image of Dmitry Donskoy in the Late Chronicle Tradition: Epic Semantics and Political Interpretation. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2025. 260 p.
19. Grigoriev A.Yu. "Zadonshchina" and the State Ideology of Muscovy at the End of the 15th Century. – Saint Petersburg: Nauka, 2023. 184 p.
20. Kuznetsov D.I. "Annalistic Markers of the Legitimization of Power in the Reign of Ivan III (1470–1505)". // Russian History. 2021. № 6. P. 45-67.
21. Petrova S.A. "The Battle of Shelon in the Chronicles and Political Propaganda of Moscow: Local Traditions and Centralized Rhetoric". // Bulletin of Medieval History. 2024. Vol. 8. № 1. P. 1234.
22. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a "political person" // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 62-73.

Кузнецов Д.А.
Аспирант департамента истории. ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет».

«Учебники истории» 1920-х гг. как средство государственно-партийной пропаганды*

Аннотация. Статья посвящена особенностям учебных пособий по истории в 1920-х гг. как средства проведения и распространения государственной идеологии среди широких масс обучающихся. Цель работы заключалась в выявлении особенностей учебных пособий, способствовавших эффективности внедрения государственной идеологии и 1920-х гг. Методы работы составляют историко-сравнительный анализ и диахронический анализ изменений в текстах пособий, их структуре. В результате исследования сделан вывод, что особенности изложения исторического материала в рассмотренных пособиях одновременно способствовали как быстрой индоктринации обучающихся, так и, фактически, разрушению исторического образования.

Ключевые слова: единая трудовая школа, образовательная политика в 1920-х гг., обществоведение, рабочая книга, учебник истории, школьная реформа.

Kuznetsov D.A.
Postgraduate Student, Department of History, Moscow City Pedagogical University.

«History textbooks» of the 1920s as a means of state and party propaganda

Abstract. The article examines the specific features of history textbooks in the 1920s as instruments for disseminating and entrenching state ideology among broad masses of students. The aim of the study was to identify the characteristics of textbooks that enhanced the effectiveness of ideological indoctrination during the 1920s. The research methods include historical-comparative analysis and diachronic analysis of changes in both the content and structure of the textbooks. The study concludes that the distinctive manner of presenting historical material in the textbooks under review simultaneously facilitated the rapid indoctrination of students and effectively led to the dismantling of history education.

Key words: unified labor school, educational policy in the 1920s, social studies, workbook, history textbook, school reform.

* © Кузнецов Д.А., 2026.

Введение

Широко известен тезис об отсутствии исторического образования в Советской России и СССР в 1917 – начале 1920-х гг. Однако исторический материал как таковой не был полностью изгнан из школы, а переподчинен интересам новой идеологии. Преимущественный акцент делался теперь на истории классовой борьбы, истории труда, бывших угнетенных классов, истории общественных форм и т.д. Однако эти вопросы не могли быть освещены без создания новых учебных пособий, которые выступали бы опорой, как для учителя, так и для ученика в процессе обучения.

Материалы и методы

Работа выполнена на основе анализа текстов учебных пособий по истории и обществоведению, созданных и выпущенных в конце 1910-х – начале 1930-х гг, т.е. в течение «формативного» периода развития советской школы и апробации в ее рамках различных подходов (в первую очередь, комплексного) к преподаванию истории и определению ее содержания.

Литературный обзор

Впервые анализ учебных пособий, использовавшихся в советской школе 1920-х гг., а также недостатков существовавших подходов к преподаванию истории, был предпринят методистами из общества историков-марксистов в конце 1920-х гг. [15, passim]. В дальнейшем уже научный анализ учебников был предпринят Л.П. Бущиком в 1961 г. Автор рассмотрел содержание пособий и дал им критическую оценку с точки зрения соблюдения постулатов марксизма при изложении исторического материала, однако, отметил и отдельные достоинства учебных пособий, особенно авторских первой половины 1920-х гг. [1, с. 186-189]. Анализ учебников 1920-х гг. как историографического феномена был фундаментально проведен А.Н. Фуксом. В результате исследования автор пришел к выводу о соответствии, в целом, изложения материала в пособиях по истории концепции М.Н. Покровского, что, однако, не в полной мере устраивало партийно-государственные органы уже в течение 1920-х гг. Автором показаны дискуссии как среди профессионального сообщества, так и среди лидеров государства по вопросу о содержании исторического образования [33, с. 228-260]. Также история изучения вопроса представлена рядом статей, которые, в целом, приходят к тем же выводам, что и указанные выше авторы монографических исследований [см., например: 15, с. 169-173].

Результаты исследования

Весь период истории советской школы конца 1910-х – начала 1930-х гг. не представляется возможным рассматривать как единый этап. Школьная

система в целом претерпевала значительные метаморфозы и неоднократно перестраивалась. Вместе с ней преобразовывалась и система преподавания истории.

Первый этап реформы системы школьного образования связан с формированием единой трудовой школы (с 1918 г.). В системе единой трудовой школы еще сохранялась предметная система преподавания, нацеленная на формирование широкого представления о мире и существующей социальной реальности у детей и подростков на основе марксистской идеологии и мировоззрения. История в этот период еще сохранялась как предмет под названием истории общественных форм, истории труда, истории классовой борьбы и т.д. [7, с. 381] При этом цель преподавания истории декларировалась следующим образом (в программе 1920 г.): «История должна преподаваться как очерк исторической эволюции различных сторон человеческой культуры в их взаимной связи и обусловленности; школьное изучение истории должно быть введением в понимание исторического процесса как процесса развития, и в понимание движущих сил этого развития, причем должно быть выяснено обусловливающее все стороны этого процесса значение экономической эволюции» [19, с. 5]. В приведенном пассаже ясно видна довольно конкретная привязка к марксистской методологии и историософии – в первую очередь, в части экономического детерминизма. Эта же привязка прослеживается и в самом содержании программы – в частности, в широком освещении как классового устройства общества, так и масштабных революционных и антиправительственных выступлений в разных странах. В то же время в содержании программ этого времени сохраняется представление о необходимости полного освещения истории человеческого общества, начиная с первобытности, через древность и средние века к новому времени и современному социалистическому строительству.

Второй этап в истории системы школьного исторического образования представляется возможным отсчитывать с 1923 г., когда в школы начал массово внедряться комплексно-проектный метод обучения, заимствованный из работ и практики американского педагога Джона Дьюи. К этому моменту также было осознано критическое положение в вопросе преподавания истории в школе в качестве основы нового мировоззрения. Причины этого объяснялись руководителями советского образования (в первую очередь, А.В. Луначарским, Н.К. Крупской и М.Н. Покровским): а) отсутствием истинно марксистских учебников и б) сохранением в программах традиционного содержания исторического образования [1, с. 190, 194]. Сочетание этих факторов положило начало новому предмету в советской школе – обществоведению, в состав которого должна была органически войти история. Программы по обществоведению 1925 и 1927 гг. предусматривали изучение, в первую очередь, современной окружающей ученика

действительности. Каждый год делился на три блока («природа», «труд», «общество») [1, с. 191], из которых истории прямо или косвенно был посвящен только третий. Большая же часть исторического материала, изучавшегося в школе, концентрировалась в старших классах второй ступени, а также ограничивалась теперь преимущественно вопросами развития форм производства и классовой борьбы. Исходя из этого, выстраивалось и содержание учебных пособий, которые в этот период обычно назывались «рабочими книгами» и содержали в себе не только учебный текст, но и задания к нему, либо же вообще только задания. Этот период, когда история как полноценный предмет отсутствовала в школе вообще, продлился до 1934 г. и известного постановления «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [18].

Говоря собственно об учебниках, нельзя пройти мимо книги М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» [17]. Сам подход Покровского и основные его взгляды сложились еще до революции и отразились в «Очерках по истории русской культуры» и «Русской истории» в пяти частях. В историографии много и подробно разбирались тексты Покровского, его теория торгового капитала и адаптация им марксистской методологии к русской истории [см., например: 32]. Применительно к школе нужно сказать, что Покровский, являясь, фактически, лидером советских историков, составлял и редактировал программы по истории, а его «Русская история в самом сжатом очерке» с 1921 г. фактически стала основным учебником, получив крайне высокую оценку В.И. Ленина [13, т. 52, с. 24].

В остальном же среди учебников, использовавшихся на этих двух этапах, можно выделить существенную разницу между книгами, издаваемыми и использовавшимися в эти периоды.

В конце 1910-х – первой половине 1920-х гг. в школах по-прежнему во многом продолжали использовать дореволюционные учебники, изучение материала которых корректировалось по ходу образовательного процесса. В частности, ряд дореволюционных изданий или книг дореволюционных авторов (в особенности по древней и средневековой истории) были рекомендованы в качестве пособий примерной программой 1920 г. (например, учебники Р.Ю. Виппера, М.М. Хвостова и др.) [19, с. 20]. Однако нельзя забывать и о том, что марксистская методология начала распространяться в историческом сообществе еще до революции, а потому ряд авторов (начиная с того же М.Н. Покровского) уже написали книги, которые можно было бы использовать в качестве учебных пособий. Такими авторами стали, в частности, М.Н. Коваленский и Н.А. Рожков, которые переиздали свои курсы, несколько скорректировав их, для использования в новых условиях.

Учебник Коваленского «Русская история» [11] в двух частях содержит

в себе краткий систематический очерк отечественной истории, написанный с позиций марксистской методологии. Вопросы, освещаемые в учебнике – это, в первую очередь, социально-экономическая история и смена различных форм общественного строя в России. Коваленский, будучи учеником Ключевского, еще до революции воспринял марксистские взгляды, однако в своем учебнике синтезировал их с традиционным изложением отечественной истории, характерным для государственно-правовой школы. Хотя в учебнике отсутствует какой-либо методический аппарат, а изложение довольно сложно по своему языку, пособие могло использоваться с «Хрестоматией по истории классовой борьбы», переделанной Коваленским из его же дореволюционной «Хрестоматии по русской истории». Хрестоматия была издана в пяти томах и рекомендована к использованию программами 1920 г. [19, с. 20].

Учебник Рожкова [23], еще более краткий и вмещающий в себя изложение как отечественной, так и всеобщей истории, по словам самого автора, предназначен для систематического изучения истории в старших классах. Текст учебника также написан с позиций марксистской методологии, с особым акцентом на смену различных способов производства. С точки зрения теоретической периодизации исторического процесса учебник явно отсылается к труду Покровского, особо постулируя роль торгового капитала. Примечательным фактом является также выделение Рожковым периодов феодализма и торгового капитализма в рамках древней истории, которой Покровский не занимался. Впрочем, это объясняется хорошим знакомством историков начала XX века с циклической концепцией древней истории немецкого историка Э. Мейера, подвергшейся, однако, марксистской обработке с акцентированием феодального и капиталистического характера соответственно древневосточного и античного обществ [7, с. 384-385]. Однако недостаток пособия заключался также в отсутствии методического аппарата к тексту, а также сложном стиле изложения.

Один из наиболее распространенных в этот период учебников для 1 ступени был учебник Е.К. Замысловской [8]. Как отмечает А.Н. Фукс, учебник соответствует традиционному изложению отечественной истории в учебниках, существовавших до этого, периодически являя связь с марксистской методологией [33, с. 244-245]. Учебник критиковался за излишнюю простоту, однако стоит помнить, что текст писался для детей 11-12 лет. К числу достоинств можно отнести наличие крайне простого методического аппарата в форме вопросов репродуктивного характера, подразумевающих пересказ текста учебника. При этом сама автор в предисловии акцентирует внимание на необходимости использовать вовлекающие методы обучения (например, экскурсии, диалоги, обсуждения и т.д.).

Также в этот период был допущен к использованию учебник К.В. Сив-

кова [26; 27], впервые изданный еще в 1912 г. и полностью следующий традиционному нарративу учебных пособий дореволюционного периода. Структура пособия выстроена в соответствии с традиционно выделяемыми периодами отечественной истории, зачастую связанными с определенными правлениями. Методический аппарат в книге отсутствует, но, в то же время, содержится большое количество иллюстраций. В целом, учебник может быть охарактеризован как полностью дореволюционный по своему содержанию и стилю изложения, чем и объясняется его скорое исключение из числа рекомендованных пособий в программах по истории (уже в программе 1920 г. учебника К.В. Сивкова нет).

Отдельно стоит остановиться на также допущенном к использованию в первой половине 1920-х гг. пособии Е.А. Звягинцева и А.Г. Бернашевского «Века и труд людей» [9]. Это пособие скорее могло бы быть охарактеризовано как книга для чтения, а не как полноценный учебник: текст сильно беллетризован, отсутствует системное последовательное изложение. Так, повествование о Столетней войне, Жакерии и восстании Уота Тайлера соседствуют с рассказами о восстаниях Степана Разина и Емельяна Пугачева [9, с. 112-136]. Однако несомненным достоинством пособия, учитывая, что оно написано для школы I ступени, т.е. младших подростков, является яркость и красочность изображаемых в нем отрывочных картин из истории разных стран.

Более новаторским с точки зрения внедрения марксистской методологии является учебник А.И. Тюменева «История труда» [31]. Основной фокус сосредоточен на развитии и смене форм общественного производства от первобытности до начала XX в. Большое внимание в разделах, посвященных древности, к обоснованию циклического характера развития древней экономики, в особенности капиталистического характера экономики античности, обосновываются, по-видимому, также знакомством антиковеда Тюменева с трудами Э. Мейера.

В этом же направлении работал и Н.А. Рожков, чей учебник по всеобщей и российской истории, хотя написанный с марксистских позиций, по-видимому, не до конца соответствовал представлениям о правильном изложении исторического процесса. Не соглашаясь с позицией о необходимости «растворения» истории в курсе обществоведения [33, с. 252-252], Н.А. Рожков издал собственный «Учебник истории труда» [24]. В этом учебнике автор, фактически, отстаивал необходимость последовательно хронологического изложения истории, пусть и в отдельных ее аспектах. Рожков рассматривает историю развития производственных отношений, начиная с первобытности, продолжая «феодальным хозяйством» (выпуская древнюю историю) и подробно останавливается на характеристике капиталистического общества в стадиях, по М.Н. Покровскому, торгового

и производственного капитализма в странах Европы и Америки, а также в России, давая также характеристику основных этапов, связанных с социальной борьбой и революционным движением.

С середины 1920-х гг. в школах начинает внедряться преподавание обществоведения на основе комплексного подхода. Для его осуществления появилась целая серия пособий, наиболее массовыми из которых становятся рабочие книги по обществоведению, составленные авторским коллективом под руководством И.И. Минца, С.М. Моносова и А.И. Стражева при общем руководстве М.Н. Покровского [20, 21, 22]; А.А. Введенского и А.В. Предтеченского [2] (в двух частях, выдержала четыре издания); О.В. Трахтенберга, А.И. Гуковского и В.Н. Бернадского [30] и предшествовавший этому пособию учебник О.В. Трахтенберга и А.И. Гуковского «Фазы общественного развития» [29].

Рабочие книги по обществознанию под редакцией Покровского были полностью выдержаны в русле его концепции отечественной истории, что выразилось как в построении структуры пособий, так и в используемой терминологии. Так, в рабочей книге для 8-9 годов обучения, полностью посвященной изучению исторического материала, структура была выстроена от феодализма через «торговый капитализм» к «производственному капитализму» и его дальнейшему развитию в империализм. Вторая сквозная тема пособия – развитие революционного движения в России и на Западе (отдельные разделы в пособии Покровский писал сам). Рабочая книга для 7 года обучения рассматривала события, непосредственно предшествовавшие революции 1917 г., сама революция, а также события Гражданской войны и особенности современного советского строя. Рабочая книга 6 года обучения излагала события Французской революции XVIII в., развития рабочего и революционного движения в Европе в XIX в. и в России начала XX в., завершая изложение событиями революции 1905-1907 гг. Таким образом, рабочие книги излагали основные, с точки зрения концепции Покровского, события мировой и отечественной истории, которые были необходимы для формирования мировоззрения учащихся. Методический аппарат пособий включает в себя источники к каждому разделу, а также вопросы, направленные на проработку материала, а также вопросы после основного учебного текста. Наиболее полно такой формат работы представлен в рабочей книге для 8-9 годов обучения, в меньшем объеме – в книге для 7 года, в книге для 6 года обучения источники отсутствуют, что объясняется методическими установками, декларировавшими неспособность подростков 12-14 лет к самостоятельной работе с текстом исторического источника [5, с. 138]. Таким образом, пособия, хотя и предназначены для преподавания обществоведения, фактически содержали в значительном объеме именно исторический материал, который, однако, излагался очень

отрывочно и не систематизировано.

Пособия Трахтенберга, Гуковского и Бернадского отличались наибольшей степенью теоретизации и социологизации излагаемого исторического процесса. В особенности это справедливо для первого варианта пособия «Фазы общественного развития» Трахтенберга и Гуковского, вышедшего под редакцией П.И. Кушнера – автора вузовского пособия по сходной теме [12], – изложение выстраивалось последовательно через смену «фаз общественного развития» (от первобытности через феодализм к капитализму). Однако пособие было раскритиковано, в том числе Н.К. Крупской: «От всякой трахтенберговщины социологической, от этого больше, чем от старого учителя истории, надо обороняться, потому что когда начинаются социологические выводы вместо истории, то у ребят получается совершенное смешение всех понятий» [цит. по: 33, с. 253]. После этого пособие было переработано и вышло в 1931 г. под названием «Рабочая книга по истории». В нем были переработаны как структура (добавлены разделы по истории рабовладельческого общества в античности, а также по истории феодализма в России), так и само изложение, несколько сместившееся от социологизированного изложения в сторону большей фактографичности. Оба пособия полностью соответствуют основным положениям концепции Покровского. Методический аппарат пособий состоит только из вопросов к учебному тексту, источники не используются.

В формате именно рабочей книги, т.е. с почти полным отсутствием авторского текста (он представлен лишь в виде пояснений к заданиям и небольших авторских лемм в начале и в конце темы) написано пособие А.А. Введенского и А.В. Предтеченского. Задания включают в себя тексты источников и ряд вопросов к ним, в том числе нацеленных на проработку дополнительного материала (список дополнительного чтения также представлен в конце каждой темы). Представляется, что именно рабочая книга такого формата может считаться наиболее последовательным воплощением комплексного и проектного похода в контексте развития советской школы 1920-х гг.

Несмотря на отдельные достоинства рассмотренных выше пособий, уже к концу 1920-х гг. они попали под критику научно-педагогического сообщества. Критиковалось (с несомненным основанием) как содержание пособий, дающее лишь отрывочное представление о развитии исторического процесса, так и методическая структура рабочих книг, не соответствующая познавательным возможностям подростков и задачам формирования системы исторических взглядов у учащихся [см.: 3, 10, 28].

Такая ситуация с учебными пособиями объяснялась необходимостью для молодого советского государства выстроить систему идеологической работы с подрастающим поколением и в кратчайшие сроки добиться эф-

фективности ее результатов, что было невозможно без коренного слома старой системы и полного отрицания прежних основ школьного образования. На этом вопросе было сфокусировано внимание первых лиц государства [3, с. 238-239]. Добиться этого можно было только путем полной переработки существующих пособий для школы, что и было предпринято уже в середине 1920-х гг. Именно их выстраивание полностью на основе марксистского подхода и исторического материализма (в интерпретации Покровского) позволило сформировать прочное знание учащимися основ идеологии новой власти, передавшееся как ученикам, так и учителям и ученым нового поколения [6, с. 195]. Это знание достигалось при помощи двух основных средств.

Первое – почти полное исключение материала по истории докапиталистических формаций из учебных пособий, начиная с середины 1920-х гг. (в конце 1910-х – первой половине 1920-х, из-за обучения по дореволюционным или новым, но написанным в том же русле, что и старые, учебникам, т.к. еще не было в достаточном количестве авторов, могущих написать учебник истории с позиции марксистского подхода в желательном для партийно-государственных органов русле). К концу 1920-х гг. сведения о феодальном или рабовладельческом обществе если и появлялись в учебных пособиях, то были лапидарны и не систематизированы. Полноценных же пособий, посвященных собственно истории докапиталистических стадий развития общества, практически не было в широком пользовании (в качестве исключений можно привести следующие учебные книги: [4, 25]). Это было, соответствии с высказанным А.В. Луначарским еще в 1918 г. мнением, необходимо, т.к. история в традиционном дореволюционном плане как учебный предмет не только не способствовала формированию классового сознания, но и составляла откровенно лишний груз в багаже детских знаний, а также, не будучи никак связана в повседневной жизнью, противоречила самой сути трудовой школы, и потому должна была быть исключена из программы обучения [14, с. 439-440]. Однако, как можно судить по рекомендованным программам Накромпроса (см. выше), до 1923 г., когда начали вводиться программы по обществоведению, это осуществлено не было – историю, так или иначе, продолжали преподавать по старым учебникам, которые Ленин в 1922 г. гневно оценил как «буржуазный хлам» [13, т. 36, с. 491]. Впоследствии новые учебные пособия уже были выстроены полностью на основе марксистского подхода. Полная же замена курсов истории обществоведением и фактическое «растворение» истории в нем, с одной стороны, действительно фактически уничтожали систематическое историческое образование в школе; с другой же стороны, именно форсированное и массированное внедрение основных идеологических постулатов через специализированные курсы в рамках школьного образования способство-

вало максимально быстрому достижению желаемого пропагандистского результата.

Второе средство, которое, как подразумевалось, должно было стать средством идеологического воздействия на учащихся – это методический аппарат пособий. Однако в действительности он был реализован с разным качеством. Уже к концу 1920-х гг. советские методисты отмечали, что учебный процесс, выстраиваемый вокруг полностью самостоятельной работы еще не подготовленных подростков с историческим материалом или же подразумевающий лишь репродуктивное воспроизведение самого текста пособия путем ответа на вопросы (к тому же, сформулированные сложно и непонятно для учащихся), не только не способствует усвоению систематизированных исторических знаний, но и выхолащивает само содержание предмета, переводя обучение в состояние схоластического заучивания прописанных истин, что само по себе являлось отступлением от задач советской школы [10, 28].

Таким образом, учебные пособия по истории и обществоведению в 1920-х гг. преследовали вполне конкретную пропагандистскую задачу – в кратчайшие сроки привить всем обучающимся советской школы основы новой идеологии и марксистского понимания исторического процесса, в основе которого лежала классовая борьба и история производственных отношений. Эта задача выполнялась полностью с опорой на концепцию отечественной и – отчасти – всемирной истории, выработанной в трудах М.Н. Покровского. Однако уже в середине и тем более к концу 1920-х гг. стало ясно, что преподавание исторического материала на основе схемы Покровского, хотя и способствует быстрому освоению основ идеологии, полностью при этом выхолащивает само содержание исторического процесса и не дает его понимания обучающимся. В контексте же политических перемен в конце 1920-х гг. обозначилась смена приоритетов партийно-государственных органов в вопросе исторического образования: теперь необходимо было воспитывать в детях не классовое интернациональное сознание, а патриотизм, невозможный без глубокого знания истории своей страны. Эти перемены способствовали началу процесса реформирования исторического образования, связанного с восстановлением истории в школе как предмета с 1934 г., и подготовки новых, полноценных учебников, без которых этот процесс был невозможен.

Библиографический список / Reference

1. Бущик Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. – М.: Изд-во Ак. пед. наук РСФСР, 1961. 540 с.
2. Введенский А.А., Предтеченский А.В. Рабочая книга по истории. В 2-х ч. – М.: ГИЗ, 1928. Ч. 1. 260 с. Ч. 2. 267 с.
3. Гордон Г.О. Обществоведение и история // Основные вопросы преподавания истории в школе

II ступени. Под ред. С.С. Кривцова. – М.: Изд-во Ком. ак., 1928. С. 21-32.
4. Гуковский А.И., Трахтенберг О.В. История. Эпоха феодализма: учебник для 6–7 классов средней школы. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1934. 255 с.
5. Дзюбинский С.Н. Вперед или назад // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 134-140.
6. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 798 с.
7. Емельянов В.П. Проблема периодизации всеобщей истории в советском обществоведении 1920-х гг. // Научный диалог. 2019. № 10. С. 380-395.
8. Замысловская Е.К. Учебник истории. – М.; Пг.: ГИЗ, 1923. 152 с.
9. Звягинцев Е.А., Бернашевский А.Г. Века и труд людей. 5-е изд. – М.: ГИЗ, 1925. 280 с.
10. Иоаннисиани А.З. Учебно-рабочие книги // Основные вопросы преподавания истории в школе II ступени. С. 46-69.
11. Коваленский М.Н. Русская история. В 2-х чч. – М.: ГИЗ, 1922. Ч. 1. 158 с. Ч. 2. 232 с.
12. Кушнер П.И. Очерк развития общественных форм. – М.: Ком. у-т им. М.Я. Свердлова, 1924. 178 с.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Изд. полит. лит-ры, 1970. Т. 36. Т. 52.
14. Луначарский А.В. О преподавании истории в коммунистической школе // Луначарский А.В. О воспитании и образовании. – М.: Педагогика, 1976. С. 437-356.
15. Огоновская И.С. Авторы школьных учебников русской истории / истории СССР: коллективный портрет на фоне исторических эпох (1918 – 1950-е) // История и современное мировоззрение. Т. 5. № 3. С. 167-179.
16. Основные вопросы преподавания истории в школе II ступени. Под ред. С.С. Кривцова. – М.: Изд-во Ком. ак., 1928. 264 с.
17. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. 4-е изд. – М.: ГИЗ, 1924. 251 с.
18. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» 15 мая 1934 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР за 1934 г. Отдел первый. – М.: 1948. С. 368-369.
19. Примерные программы по истории для школ 2-й ступени. – М.: ГИЗ, 1920. 95 с.
20. Рабочая книга по обществоведению. История Запада и России. 8-9-й годы обучения. – М.; Л.: ГИЗ, 1930. 491 с.
21. Рабочая книга по обществоведению для седьмого года обучения. 5-е изд. – М.; Л.: ГИЗ, 1929. 352 с.
22. Рабочая книга по обществоведению для шестого года обучения. 2-е изд. – М.; Л.: ГИЗ, 1928. 351 с.
23. Рожков Н.А. Учебник истории всеобщей и русской. В 4 вып.. – М.: ГИЗ, 1922.
24. Рожков Н.А. Учебник истории труда. – Л.: ГИЗ, 1925. 131 с.
25. Сергеев В.С. Рабовладельческие общества: рабочая книга по истории древнего Рима. – М.: ГИЗ, 1924. 120 с.
26. Сивков К.В. Русская история. Курс элементарный. Ч. 1. – М.: Задруга, 1917. 125 с.
27. Его же. Русская история. Курс элементарный. Ч. 2. – М.: Задруга, 1918. 238 с.
28. Слуцкий А.Г. Какой нам нужен учебник // Основные вопросы преподавания истории в школе II ступени. С. 33-45.
29. Трахтенберг О.В., Гуковский А.И. Фазы общественного развития / Под ред. П.И. Кушнера. 4-е изд. – М.; Л.: ГИЗ, 1928. 148 с.
30. Трахтенберг О.В., Гуковский А.И., Бернадский В.Н. Рабочая книга по истории. – М.: ГИЗ, 1931. 183 с.
31. Тюменев А.И. История труда: краткое руководство политической экономии. – М.: ГИЗ, 1922. 208 с.
32. Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. – М.: Лит, 1992. 234 с.
33. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. 420 с.

Аннотации

Ян Минтянь

Символическая система русской исторической песни как код национального духа

Русская историческая песня, в отличие от былин и лирических песен, фиксирует реальные исторические события. Исследование показывает, что её ландшафтные образы (реки, степи, леса), пространственные структуры (города, дороги) и ключевые символы (солнце, орлы, вороны) образуют целостную художественно-семиотическую систему. Эта система служит не фоном, а активным механизмом осмысления истории. Через неё кодируются и передаются базовые черты русского национального самосознания: глубокое переживание страдания и трагизма, дух сопротивления и борьбы, фаталистическое принятие судьбы, устойчивая идентичность, основанная на сакральных понятиях «Русь» и «земля», а также неугасимая жажда свободы. Таким образом, историческая песня выступает важнейшим носителем коллективной памяти и инструментом формирования национального духа.

Ключевые слова: историческая песня, русский национальный дух, символика ландшафта, коллективная память, народное сознание, пространственные структуры, образная система, страдание и сопротивление, фатализм, национальная идентичность.

Ашрапов (Ашрафзода) Б.П.

Морфологических особенностей и словообразовательного потенциала таджикского наречного префикса no- и его английских эквивалентов

В статье рассматриваются проблемы, связанные со сравнительным анализом словообразования таджикского наречного префикса no- и его английских эквивалентов. Отмечается, что наречие признается самостоятельной частью речи в сравнительно изучаемых языках. Однако его классификация как особой категории в этих языках неопределенна, их лексические границы широки, а функциональные типы разнообразны.

Основываясь на анализе соответствующих работ, таких как «Англо-таджикский словарь» А. Мамадназарова (2021), «Краткий словарь словарей таджикской литературы» (1983), «Темур Малик – герой таджикского народа. Восстание Муканны» (2022), «Гуломон» С. Айни (2019) и «Книга золотых дел» Джима Маниса (2004), автор статьи рассматривает словарный потенциал таджикских наречных приставок «но-» и их английских эквивалентов.

Приводя результаты анализа исследуемой темы, можно прийти к выводу, что словарный потенциал рассматриваемой приставки, образующей таджикские наречия, имеет много сходств и различий в отдельных случаях. Исходя из приведенной выше диаграммы, можно подчеркнуть, что большинство английских эквивалентов таджикских производных наречий, образованных с помощью рассматриваемого префикса, являются смешанными по структуре (64%) и производными (17%). При этом мы можем остановиться на тех английских эквивалентах таджикских производных слов, образованных с помощью префикса no-, которые не идентичны, и некоторые из них используются и переводятся как простые, производные, сложные, смешанные по структуре и составные.

Ключевые слова: наречия, префикс, производные наречия, сравнительный анализ, морфологические особенности, английские эквиваленты, словообразующий потенциал.

Ли Цзяси

Механизмы метафоризации в конструкции глаголов-сложений

В статье подробно рассматриваются механизмы метафоризации в конструкции глаголов-сложений современного русского языка. Цель исследования – выявление системных моделей метафорического переосмысления и определение роли метафоры как когнитивного и словообразовательного инструмента в развитии глагольной лексики. Методология базируется на теоретическом анализе когнитивных концепций, включая концептуальную метафору, слияние фреймов и образные схемы, а также на типологическом моделировании и структурно-семантическом анализе современных текстов публицистического, художественного и интернет-дискурса. Результаты исследования позволили выделить четыре основные модели метафоризации в глаголах-сложениях: перенос характеристик «действие – действие», «действие – состояние», метафору через образ субъекта или объекта действия, а также пространственно-временные ассоциации. Описаны ключевые когнитивные механизмы семантического переосмысления, среди которых концепты «мышление – движение», «эмоция – огонь» и образные схемы «путь», «баланс», «контакт». Установлены

экспрессивные и прагматические функции метафорических глаголов-сложений, такие как языковая игра, усиление образности и стилистические приёмы в авторской и медийной речи. Делается итоговый вывод, что метафоризация выступает ключевым фактором обновления словообразовательной системы русского языка, обеспечивая динамику лексики, расширение полисемии и формирование новых смыслов.

Ключевые слова: метафоризация, глаголы-сложения, словообразование, когнитивные механизмы, семантический анализ, языковая экспрессия, русский язык.

Басте З.Ю.
Батурьян М.А.

Идентификация и категоризация метафор на основе их когнитивных структур

В статье описывается как устойчивое развитие часто концептуализируется с помощью метафор, т.е. мощных когнитивных инструментов, которые формируют то, как люди воспринимают сложные проблемы и сообщают о них. Метафоры связывают абстрактные понятия со знакомым опытом, делая их более доступными, также как люди концептуализируют устойчивое развитие с помощью метафор, опираясь на неформальные беседы со студентами. В ходе открытых дискуссий были выявлены устойчивость языковых структур и более глубокие когнитивные закономерности, лежащие в основе этих выражений. Для анализа этих метафор использовалась методология иерархии типов с помощью искусственного интеллекта, классифицируя их на основе их когнитивных структур.

Ключевые слова: когнитивные закономерности, искусственный интеллект, метафоры, устойчивое развитие, когнитивно-лингвистический подход, исследования, дискуссия, мысли.

Губин А.Ю.

«Новая женщина» в литературе и жизни: гендерный эксперимент Федора Гладкова и женское самосознание эпохи

В статье рассматривается образ Дарьи Чумаловой из романа Ф. Гладкова «Цемент» не только как литературный тип, но и как смысловой узел, в котором пересекаются гендерная политика молодого Советского государства, художественное конструирование «новой женщины» и процессы формирования женского самосознания. Автор предлагает интерпретировать литературный женский образ как «гендерную конструкцию», одновременно отражающую и формирующую социальные представления о женском предназначении. На материале романа «Цемент» и его позднейших рецепций в критике показывается, как художественный текст участвует в выработке гендерной повестки дня, предлагает читательницам модели идентификации, но при этом вскрывает внутренние противоречия эмансипационного проекта. Особое внимание уделяется эпизоду с помещением дочери главной героини в детский дом и ее гибелью. Этот сюжетный ход рассматривается как художественное предвестие краха радикального «обобществления» материнства и как симптом перехода к консервативной гендерной политике 1930-х гг. Статья вносит вклад не только в литературоведческое, но и в историко-социологическое изучение советской литературы и может быть полезна для исследователей гендерных аспектов русской прозы XX в.

Ключевые слова: Ф. Гладков, «Цемент», Дарья Чумалова, гендерная повестка, женское самосознание, эмансипация, советская литература, детский дом, гендерные исследования, литературный канон.

Девидовская П.А.
Танчук А.С.

Функционально-прагматические особенности коммуникативных стратегий в жанре англоязычного делового медиа интервью

В статье рассматриваются функционально-прагматические особенности коммуникативных стратегий в жанре англоязычного делового медиа интервью. Цель исследования – выявить ведущие стратегии интервьюера и интервьюируемого, определить их прагматические функции и описать языковые средства реализации. Материалом послужили 120 англоязычных бизнес-интервью, опубликованных в 2019–2026 гг. на платформах Bloomberg, CNBC, Financial Times, BBC Business, Forbes и Harvard Business Review. На основе дискурсивного, прагмалингвистического, контент-аналитического и количественного анализа установлено, что интервьюер чаще использует проблематизацию, уточнение и провокацию институциональной ответственности, а интервьюируемый – репутационную самопрезентацию, контролируемую прозрачность, смягчение рисков и смену фокуса. Полученные результаты уточняют жанровую модель делового медиа интервью как гибридного формата институциональной коммуникации.

Ключевые слова: деловой дискурс, медиа интервью, прагматика, коммуникативная стратегия, англоязычная медиакоммуникация, институциональный дискурс, речевое воздействие.

Зайцева Е.А.
Жарова Э.М.
Гинзбург О.В.
Новикова И.В.

Оценка освоенности английской лексики у младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности как условие формирования лексических навыков

В статье рассматривается проблема формирования лексических навыков английского языка у младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности. Помимо вопросов предъявления и закрепления новой лексики, особое внимание уделяется оценке степени её освоенности, поскольку именно диагностика уровня сформированности лексических единиц позволяет определить эффективность применяемых методических подходов и адаптировать процесс обучения к когнитивным особенностям данной категории учащихся.

Ключевые слова: английский язык, младший школьный возраст, СДВГ, лексический навык, лексическая единица, освоенность слова, степени освоенности слова, рабочая память, внимание, обучение лексике.

Золотарёв Я.А.

Название статьи: Проект создания литературной нормы для старосибирского старожильческого диалекта

Статья посвящена проекту кодификации литературной нормы для сибирского старожильческого диалекта XVII-XIX веков. Актуальность данного исследования определяется необходимостью сохранения лингвистической культуры русского народа во всем ее многообразии.

Целью исследования является разработка литературного стандарта на основе реконструкции речи старожилов XVII–XIX веков. Практическим результатом является издание учебника двух уровней (A1 и A2), а также сводного словаря диалектного материала. Апробация проекта проходит в цифровой среде сети Интернет.

Ключевые слова: сибирский диалект, кодификация, литературная норма, лингвистическая реконструкция, старожильческие говоры, региональная идентичность, искусственный интеллект в лингвистике, культурное наследие, ревитализация, восточнославянские языки.

Козлова Г.В.

Особенности вариативности грамматической нормы (на материале английского языка)

Статья посвящена изучению специфики явления грамматической вариативности, тесно связанным с понятием нормы. Общие и частные проблемы языковой вариантности исследуются продолжительное время, что позволило накопить и обобщить огромный практический языковой материал, предполагающий возможность по-новому взглянуть на традиционные вопросы языковой вариантности. Разное проявления одной и той же сущности понимается в противопоставлении инварианта (языка) и варианта (речи) и является одной из ключевых особенностей сосуществования множества грамматических субсистем, характеризующихся особыми лингвистическими признаками и коммуникативными функциями. Некоторые типы вариативной грамматической организации реализованны в речевых конструкциях, что является предпосылкой возникновения нового аспекта грамматических исследований, направленных на выявление уникальных особенностей коммуникативных норм, свойственных речевому этикету современного интернет-пространства, где приемлемость вариантов грамматического проявления определяется целями, ситуативностью и коммуникативной установкой.

Ключевые слова: норма, вариативность, грамматика, приемлемость, грамматические конструкции.

Кунгурова И.М.
Залевская В.Ю.
Колесова Я.А.
Лоншакова Д.Д.
Червова А.А.

Формирование языковой креативности: интеграция креативного письма в программу изучения английского языка

Статья посвящена исследованию проблемы формирования языковой креативности обучающихся в контексте изучения английского языка посредством имплементации креативного письма в образовательный процесс. Также в рамках исследования представлен анализ теоретических предпосылок креативного письма как педагогической технологии, выявлены его сущностные отличия от традиционного академического письма, разработана модель интеграции творческих письменных заданий в языковую учебную программу. Особое внимание уделяется конкретизации методических решений, включающих применение технологии перевода между семиотическими системами, использование современных цифровых инструментов и организацию рекурсивного процесса порождения речи. В заключительной части статьи рассматриваются вопросы оценивания креативных работ и предлагаются критерии, обеспечивающие сбалансированное развитие лингвистической компетенции и творческого потенциала учащихся.

Ключевые слова: языковая креативность, креативное письмо, обучение английскому языку, педагогическая технология, рекурсивная модель, семиотический перевод, критериальное оценивание.

Резник В.А.

Эволютивный и социальный контекст становления лингвокультурного типажа «British Lord»

Статья посвящена рассмотрению истории развития и становления лингвокультурного типажа “British lord”, появлению аристократических титулов, содержащих общее обозначение «лорд» и выявлению связи исследуемого типажа с работой Палаты лордов парламента Великобритании. Отмечается, что лорд является не только обладателем титула, но и яркой модельной личностью, сочетающий в себе разных представителей британского привилегированного класса и отличающийся исключительным набором типологических признаков.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, модельная личность, лорд, этнокультурная уникальность, Палата Лордов.

Содикова Р.А.

Некоторые проблемы, связанные с эквивалентностью и синтаксическими преобразованиями при переводе сложных предложений на английский и таджикский языки

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с эквивалентностью и синтаксическими преобразованиями при переводе сложных предложений между английским и таджикским языками. Основная цель исследования – выявление, анализ и систематизация типов синтаксических преобразований, используемых при переводе сложных предложений с таджикского на английский и наоборот, с особым акцентом на достижение функциональной эквивалентности. Результаты показывают несколько основных типов синтаксических преобразований: преобразование простых предложений в сложные, сложных предложений в сложные, сложных предложений в простые, преобразование личного в безличное, синтаксическое сокращение и расширение, семантическая спецификация и обобщение, а также сдвиги в информационном фокусе. В исследовании особо подчеркивается ключевая роль универсального таджикского союза «ки» (ki), который выполняет функции многочисленных английских относительных местоимений и подчинительных союзов. Исследование приходит к выводу, что успешный перевод сложных предложений требует от переводчика применения различных синтаксических и семантических преобразований для обеспечения логического единства и коммуникативной эффективности целевого текста, при этом искусство переводчика заключается в выборе соответствующей стратегии преобразования, которая сохраняет как семантическое содержание, так и стилистические нюансы.

Ключевые слова: синтаксические преобразования, эквивалентность, сложные предложения, составные предложения, теория перевода, перевод с английского на таджикский, контрастивная лингвистика, союз «ки», функциональная эквивалентность, синтаксическая редукция, литературный перевод.

Нораева Е.М.
Чубарова Ю.Е.
Орлова Т.А.
Резепова Н.В.

Зооморфная метафора как когнитивный механизм терминообразования в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе

Статья ставит целью изучение когнитивных механизмов осмысления экономической реальности,

где зооморфные метафоры выполняют не только стилистическую, но и терминологическую функцию. В работе выявляются способы словообразования и фразообразования новых метафорических терминов на основе зооморфной метафоры в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе. Исследование показывает, что наиболее частотной является бинарная оппозиция «быки и медведи», новые термины в рамках которой создаются через атрибутивную модификацию и терминологическую деривацию при неизменности основ.

Ключевые слова: зооморфная метафора, экономический дискурс, концептуальная метафора, терминообразование, неологизм, публицистика, когнитивная лингвистика.

Уральский К.Ю.

Роль окказиональных фразеологизмов в создании художественного образа в английской литературе

Статья посвящена исследованию роли окказиональных фразеологизмов в создании художественного образа английской литературы. Рассматриваются особенности функционирования устойчивых выражений, их особенности передачи эмоциональной окраски, характерных черт персонажей и атмосферы произведения. Анализируются конкретные примеры из произведений известных английских писателей, демонстрируя значимость окказиональных фразеологизмов как средства художественной выразительности и усиления эстетической ценности литературного творчества. В результате исследования составлена авторская таблица с примерами окказиональных фразеологизмов из английской художественной литературы, определен контекст выделенных примеров и описано авторское понимание значения.

Ключевые слова: окказиональный фразеологизм, фразеологизм, художественный текст, художественный образ, английский текст.

Ли Цзяси

Особенности словообразовательных моделей глаголов-сложений в современном русском языке

В статье рассматриваются особенности словообразовательных моделей глаголов-сложений в современном русском языке. Цель исследования – выявление основных структурных типов сложных глаголов, их семантических особенностей, формальных признаков, включая ударение, морфемные границы и аффиксацию, а также определение продуктивности данных моделей в современной речи. Методология базируется на структурно-семантическом анализе, сопоставительном методе с привлечением данных других славянских языков, а также на анализе медиатекстов и интернет-коммуникации. Результаты позволили выделить три основных типа семантических отношений между компонентами сложных глаголов: равноправие действий, характеристика способа действия и причинно-следственная связь. Подробно раскрыта эмоционально-оценочная функция глаголов-сложений, которая делает речь более образной, выразительной и эмоционально насыщенной. Выявлены основные сферы употребления: разговорная речь, художественная литература, профессиональный жаргон и индивидуально-авторская речь. Установлена значительная роль медиатекстов и социальных сетей в формировании и популяризации новых глаголов-сложений. Описаны современные тенденции развития, включая активный рост неологизмов и гибридизацию с англицизмами в цифровой среде. Делается итоговый вывод о специфике и важном значении глаголов-сложений в развитии словообразовательной системы современного русского языка.

Ключевые слова: глаголы-сложения, словообразование, русский язык, семантика, морфология, неологизмы, языковая динамика, славянские языки, медиатексты, социальные сети.

Рябова Е.Л.
Терновая Л.О.

«Управляемая фрагментация»: макрорегионы и новые правила мировой игры

Статья посвящена анализу феномена макрорегионализации как ключевого тренда трансформации международных отношений к 2026 г. Вводится концепция «управляемой фрагментации» – состояния, при котором глобальное единство уступает место сосуществованию устойчивых региональных блоков, зон турбулентности и «линий разлома». На основе теории региональных комплексов безопасности (Копенгагенская школа) рассматриваются четыре основных макрорегиона (Глобальный Запад, Глобальный Восток, Глобальный Юг, Большая Евразия), их институциональное оформление (БРИКС, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН и др.) и конкурентные взаимодействия. Особое внимание уделяется пяти особенностям современного этапа:

деконцентрации силы, формированию «зон ответственности», конкуренции норм, «управляемой нестабильности» и пересборке понятия безопасности. Делается вывод, что ключевым вызовом 2026 г. является способность «мирового большинства» превратить количественную консолидацию в качественную стабильность, избежав перманентной турбулентности.

Ключевые слова: макрорегионализация, управляемая фрагментация, Глобальный Юг, Глобальный Восток, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, многополярность, региональные комплексы безопасности, международные отношения, институциональная конкуренция, Большая Евразия.

Шумский М.Р.

Французская знать в эпоху гугенотских войн: конфессиональная идентичность, восприятие конфликта и политический выбор

В статье рассматривается дискурс идентичностей французской знати второй половины XVI века. На основе историографии обобщается структура сословия, выделяются основные группы. С опорой на «Мемуары» Клода Атона и труды русских и французских историков исследуется влияние Итальянских войн и их последствий на политический и конфессиональный выбор. На основе эпистолярного материала из архива П.П. Дубровского прослеживаются личные и политические взаимосвязи между представителями различных групп знати. Применение просопографической методологии позволяет создать «оживлённую» картину идентитарных вопросов французской знати в эпоху религиозных войн.

Ключевые слова: гугенотские войны, конфессиональная идентичность, французская знать, «Мемуары» Клода Атона.

Абзианидзе Г.В.

Двусторонние отношения КНДР и Республики Беларусь в новом тысячелетии: ретроспектива и современное состояние

В данной статье анализируется история двустороннего взаимодействия Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Беларусь с начала 1990-х годов по нынешнее время.

Автор предпринимает попытку периодизации двусторонних отношений, разделяя их хронологически на три этапа, основываясь на интенсивности как политического, так и экономического взаимодействия. В силу скудности данных о двустороннем товарообороте и в целом недостатка количественной информации по теме, статья преимущественно фокусируется на отдельных сюжетах взаимодействия. В их числе – продажа в КНДР белорусских тягачей МАЗ и МЗКТ, возможное обслуживание белорусскими техниками северокорейских боевых истребителей.

Автор также анализирует доктринальную основу внешней политики двух стран – идеи чучхе как основу северокорейского внешнеполитического мышления и нормативно-правовую базу внешней политики Беларуси. Оценивается аспект «публичной дипломатии» в двусторонних отношениях, подсвечивается сюжет с межпартийным сотрудничеством и туризмом.

Статья завершается констатацией активизации двусторонних связей между КНДР и Беларусью в новом десятилетии. Отмечается повышенная частота визитов делегаций из Пхеньяна в Минск и перспективы двустороннего сотрудничества. Вместе с тем, автор приходит к выводу о том, что международный санкционный режим всё ещё выступает основным сдерживающим фактором для развития торговли между странами, равно как и слабая заинтересованность белорусского бизнеса в северокорейском рынке.

Ключевые слова: Беларусь, КНДР, Северная Корея, санкции, торговля оружием, СНГ, Александр Лукашенко.

Иванов М.А.

Политика сдерживания Египта как инструмент обеспечения британских интересов в средиземноморье в конце 1820-х гг.

В данной статье анализируется роль Великобритании в процессе противодействия геополитическому возвышению Египта в конце 1820-х гг. Автор исследует причины, обусловившие рост влияния египетского паши на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Юго-Восточной Европе. Методологической базой исследования выступают принципы историзма и объективности, обеспечивающие научную строгость при работе с источниковой базой и историографией. В статье обосновывается тезис о необходимости рассматривать Египет 1820-х гг. не как вассальную территорию, а как формирующееся самостоятельное государство, чей суверенитет был де-факто ограничен стратегическими геополитическими интересами Великобритании.

Ключевые слова: Египет, Мухаммед Али, XIX век, греческая война за независимость, Русско-турецкая война 1828-1829 гг.

Ключевые слова: всеобщая история, XIX век, Великобритания, Мухаммед Али, греческая война за независимость.

Мусаева Г.Ф.

Развитие древних культурных туристических ресурсов в Азербайджане и их сохранение в рамках ЮНЕСКО

Данное исследование рассматривает формирование, развитие и сохранение древних культурных туристических ресурсов в Азербайджане в рамках принципов охраны наследия ЮНЕСКО. Основная цель работы – оценить, как страна интегрирует своё материальное и нематериальное культурное наследие в устойчивое развитие туризма, обеспечивая при этом его сохранение для будущих поколений. В исследовании используется смешанная методология, основанная на интеграции качественных и количественных подходов, включающая анализ официальных документов ЮНЕСКО и отчетов по национальной культурной политике, кейс-стади ключевых объектов культурного наследия, а также сравнительный анализ и пространственный анализ на основе геоинформационных систем (ГИС). Особое внимание уделяется Историческому центру Шеки с Ханским дворцом, комплексу Ичери-Шехер с Девичьей башней и Дворцом Ширваншахов, а также Культурному ландшафту наскальной живописи Гобустана, которые представляют собой выдающуюся универсальную ценность Азербайджана. Исследование также анализирует инициативы Азербайджана по продвижению культурного туризма через стратегическое планирование, развитие инфраструктуры и международное сотрудничество. Подчёркиваются государственные меры по поддержке сохранения как материального, так и нематериального наследия, включая традиционные виды искусства, такие как мугам, искусство ашыгов и ковроделие. Результаты показывают, что интеграция ресурсов наследия в туристический сектор не только укрепляет национальную идентичность и культурную преемственность, но и способствует межкультурному диалогу и устойчивому региональному развитию. В заключение отмечается, что эффективное сохранение, вовлечение сообществ и глобальные партнёрства являются ключевыми для поддержания аутентичности и международной узнаваемости культурного наследия Азербайджана.

Ключевые слова: наследие ЮНЕСКО, культурный туризм, устойчивое развитие, Дворец ханов Шеки, нематериальное наследие, туризм в Азербайджане, развитие туризма.

Каун С.Б.

Набока Д.Ю.

Пражский и франкфуртский мирные договоры в контексте венской системы международных отношений

В статье анализируются Пражский и Франкфуртский мирные договоры в контексте Венской системы международных отношений. На основе сравнения условий, территориальных изменений, контрибуций и долгосрочных последствий выделены три модели посткризисного урегулирования: «включение», «наказание» и «баланс». Показано, что эффективность каждого подхода зависит от конкретной ситуации, а выбор модели определяет, станет ли бывший враг союзником или источником реваншизма.

Ключевые слова: Венская система международных отношений, Отто фон Бисмарк, Realpolitik, Пражский и Франкфуртский мирные договоры, ситуационное управление.

Назин В.Ю.

От Шлахтерс-Нека до Манифеста Ретифа (1815–1837): системные противоречия британской колониальной политики и формирование бурской идентичности отказа

В статье исследуются системные противоречия британской колониальной политики в Капской колонии в период с 1815 по 1837 год, ставшие катализатором Великого трека и сформировавшие уникальную бурскую «идентичность отказа». Целью работы является выявление институциональных механизмов, приведших к массовому исходу африканеров за пределы новой администрации. В качестве методологической основы использованы методы сравнительно-исторического анализа, исторической генеалогии и деконструкции дискурса официальных документов метрополии. В результате исследования доказано, что Великий трек не являлся архаичным бегством от модернизации, а представлял собой рациональный ответ на цепочку деструктивных реформ: принудительную девальвацию риксдаллера, языковую ассимиляцию,

Ордонанс № 50 и создание непреодолимых бюрократических барьеров при выплате компенсаций. Сравнительный анализ Манифеста П. Ретифа и секретных депеш министра колоний лорда Гленелга выявил фундаментальную проблему управления: Лондон признавал дисфункциональность собственного аппарата при одновременном отказе признавать субъектность и рациональность действий колонистов.

Ключевые слова: Великий трек, Капская колония, африканеры, британская колониальная политика, идентичность, Ордонанс № 50, Манифест Ретифа, лорд Гленелг, Шлахтерс-Нек.

Петрова С.И.
Жидяева Е.С.

Культура и мораль: диалектика взаимосвязи и взаимообусловленности

В статье рассматривается диалектическая взаимосвязь культуры и морали как двух фундаментальных феноменов человеческого бытия. Авторы анализирует проблему их взаимного обусловливания в контексте современных вызовов (глобализации, цифровой трансформации и кризиса традиционных ценностных систем). Особое внимание уделяется философскому осмыслению культуры как «второй природы» человека. И морали как ее внутреннего нравственного каркаса. На основе обращения к классической философской традиции (к этическому учению И. Канта) раскрывается роль нравственного закона в формировании культурного облика общества. И значение культуры в воспитании нравственного чувства личности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления процессов размывания моральных норм и столкновения различных культурных кодов в современном мире. Стать может представлять интерес для специалистов в области философии культуры, этики, культурологии и социальной философии.

Ключевые слова: культура, мораль, нравственность, этика, ценности, нравственный закон, И. Кант, диалектика, глобализация, культурные коды, аксиология.

Савинов А.Л.
Фадеев Ю.Е.
Купцов М.А.
Чернов А.М.

От доходных катеров к береговой охране: институциональное становление морской правоохранительной службы США (1790–1915)

В статье исследуется процесс институционального становления Береговой охраны США (U.S. Coast Guard) как результата эволюции и слияния нескольких правительственных служб в период с 1790 по 1915 год. На основе анализа исторических источников и ведомственных материалов авторы прослеживают трансформацию Службы доходных катеров (Revenue Marine Service) от небольшого флота из десяти судов, созданного по инициативе Александра Гамильтона для сбора таможенных пошлин, до многопрофильного ведомства, интегрировавшего функции маячной службы, Службы спасения на море (Life-Saving Service) и правоохранительных органов. Особое внимание уделяется формированию двойной (военно-гражданской) идентичности службы, её участию в вооружённых конфликтах, развитию спасательной функции, арктическим экспедициям и созданию системы профессиональной подготовки кадров. Делается вывод, что объединение 1915 года стало закономерным итогом длительной институциональной эволюции, закрепившей уникальное место Береговой охраны в структуре американских вооружённых сил и правоохранительных органов.

Ключевые слова: Береговая охрана США, Служба доходных катеров, Служба спасения на море, Александр Гамильтон, морская безопасность, институциональная эволюция, Департамент внутренней безопасности.

Самойленко И.С.

Экономическое взаимодействие России и Канады в период с 2003 по 2006 гг.

В статье анализируются ключевые тенденции российско-канадских торгово-экономических отношений в 2003–2006 гг. Несмотря на снижение динамики по сравнению с концом XX века, исторические связи сохраняли влияние на внешнюю политику обеих стран до 2014 года. Стороны стремились к партнерству, преодолевая идеологические расхождения эпохи Холодной войны. Автор подчеркивает необходимость учета внутриполитической ситуации, международного контекста и баланса национальных интересов, акцентируя внимание на результатах и ограничениях взаимодействия. Теоретическую основу составили

Володина Д.А., Комарова А.Н. и Григорьевой Е.Е., дополненные материалами СМИ и аналитическими обзорами. Результаты позволяют реконструировать динамику сотрудничества указанного периода и создают фундамент для дальнейшего изучения трансформации экономических связей России и Канады в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: Россия, Канада, экономическое сотрудничество, Пол Мартин, торговля.

Суворов Л.П.
Дирекджи А.В.

Проблема афганских беженцев в Иране после прихода к власти в Афганистане движения Талибан в 2021 году

В статье рассматривается проблема афганских беженцев в Иране после вывода войск США и НАТО из Афганистана и повторного прихода движения Талибан к власти в 2021 г. Особое внимание уделяется основным маршрутам и условиям бегства афганцев в Иран, а также месту страны среди ключевых принимающих государств. Анализируются конкретные меры Ирана по решению нового миграционного кризиса, уже существовавшие механизмы поддержки беженцев, а также взаимодействие страны с международными организациями, прежде всего со структурами ООН. Рассматривается кризисное положение самого Ирана в 2020-х гг., приведшее к ужесточению миграционной политики, усилению депортационных мер и риторики безопасности в 2024–2025 гг. Авторы приходят к выводу о том, что политика ИРИ в отношении афганских беженцев имела двойственный характер: она сочетала как широкое оказание разносторонней помощи, в том числе через взаимодействие с международными организациями, так и жесткие меры по обеспечению безопасности страны в условиях усилившейся террористической угрозы и тяжелого экономического положения.

Ключевые слова: Афганские беженцы, Иран, Талибан, Миграция, Гуманитарная помощь.

Зайцев А.И.
Вартумян А.А.

Партийно-идеологические программные установки политических партий Сербии на рубеже XX - начала XXI века

В статье раскрываются особенности партийно-идеологических программных установок политических партий Сербии на рубеже XX – начала XXI веков. В Сербии существует большое количество политических партий, в связи с этим, в статье уделяется внимание ключевым субъектам партийной системы, партиям которым имеют серьезный политический вес и оказывают влияние на современную политику страны.

В статье не только приводятся программы партий Сербии, но и проводится их сопоставление, выделяются как общие идеологические установки, так и их различие. В статье уделяется внимание роли Сербской прогрессивной партии, ее значение и видоизменению.

Целью научной статьи является исследование особенностей партийно-идеологических программных установок политических партий Сербии на рубеже XX– начала XXI веков.

Методы, которые использованы в исследовании, явились такие как: метод анализа, метод сравнения, метод синтеза.

Результатами и выводами исследования являются следующие положения. Анализ партийно-идеологических программных установок политических партий Сербии позволяет указать на то, что партии нацелены на снижение роли национализма, поскольку как показывает практика это дает больше сторонников, нежели обострения национальных проблем. Приоритетом выступает построение сильного государства, на основе стабильной политики и экономики.

Ключевые слова: политическая партия, программа партии, партийно-идеологические установки, программные установки, политическая система.

Миркин В.В.
Левченко С.Е.

Трансформация полиграфических и коммуникационных технологий советской военной печати в 1941–1945 годах

В работе рассматривается трансформация советской полиграфической системы в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Основное внимание уделяется адаптации печати к условиям военного времени, полиграфической отрасли при утрате значительной части материальной базы и мобилизации ре-

сурсов на нужды фронта. Кроме того, в работе проводится анализ решений, которые позволили сохранить систему печати в условиях дефицита ресурсов. Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении способов адаптации, включая развитие мобильных типографий и создание специальных технических решений. Результаты исследования показывают, что советская полиграфическая системы была готова к быстрой трансформации, а также как экстремальные условия стимулировали развитие новых подходов к печати, многие из которых определили дальнейшее развитие отечественной полиграфии.

Ключевые слова: советская военная печать, полиграфические технологии, Великая Отечественная война, история науки и техники, мобильные типографии, выпуск печатной продукции, 1941–1945 годы.

Магсумов Т.А.

Становление Набережночелнинского государственного педагогического университета (1980–2002 годы)

В статье рассматривается история становления Набережночелнинского государственного педагогического университета в 1980–2002 годах. Проанализированы процессы создания вуза на базе факультетов ЕГПИ, его выживания в условиях кризиса 1990-х годов, открытия новых факультетов и формирования научных школ. Особое внимание уделено роли первого ректора З.Т. Шарафутдинова, феномену выживания и развития вуза в сложных социально-экономических условиях 1990-х годов. Делается вывод о том, что заложенный в этот период фундамент позволил институту не только сохраниться, но и в дальнейшем получить статус университета.

Ключевые слова: история образования, педагогический вуз, Набережные Челны, З.Т. Шарафутдинов, педагогическое образование, Татарстан.

Неумоин А.М.

Роль «второстепенных» интервентов и их взаимодействие с белым движением в 1918-1920 гг.

В статье рассматривается роль «второстепенных» интервентов в период Гражданской войны в России. В рассматриваемый исторический период активными участниками военного вмешательства были военные из Британии и Франции, однако такие «второстепенные» страны, как Греция, Италия, Сербия, Польша, Румыния также принимали участие в боевых действиях на территории Юга России. Греция преследовала своей целью получить территории в Малой Азии в обмен на помощь с противостоянием большевистской угрозе в России. Военные из Греции представляли собой наиболее боеспособные соединения коалиции союзников, поскольку страна достаточно поздно вступила в Первую мировую войну (летом 1917 года). В рамках выполнения союзнических обязательств греки проявили себя как дисциплинированные, ответственные военные, которые способны выполнять поставленные стратегические задачи общего командования. Однако низкая мотивация к сопротивлению со стороны представителей Белого движения, а также усталость британских и французских солдат и матросов, офицерского корпуса привели к уходу с территории Юга России коалиционных войск, в том числе и греческих военных. Участие Румынии, Сербии, Италии, Польши диктовалось различными целями и мотивами. Они касались коалиционных действий против большевиков на Юге России, национальных интересов отдельных стран, реализации геополитических притязаний, территориальных приобретений. При этом, например, установки лидеров Белого движения о неделимой России входили в противоречие с интересами Польши и Румынии, которые хотели расширить территории своих стран за счет нашей страны. Их прямой интерес заключался в ослаблении России, чтобы воспользоваться неспособностью руководства страны противопоставить ничего «союзникам» из стран Антанты. В конечном счете вклад «второстепенных» участников был достаточно скромным, поэтому они в начале 1919 года начали постепенно покидать Россию.

Ключевые слова: Гражданская война, «второстепенные» интервенты, Белое движение, большевики, Греческий корпус.

Шанихина Н.Н.
Нечаева П.П.
Земцова Ю.В.

«Русская правда» как памятник права: отражение социальной иерархии древней Руси

Данная статья посвящена разбору сложившейся в Древней Руси социальной иерархии на основе анализа Краткой, Пространной и Сокращённой редакций «Русской Правды». В тексте статьи описано становление памятника права и его возникновение. На основе правового статуса различных слоев древнерусского

общества рассмотрено становление социального неравенства, юридическим закреплением которого стали описанные в тексте «Русской Правды» дифференцированные штрафы и круговая порука общины. Рассмотрено, как описанные в тексте документа различия правового статуса привилегированных слоев от зависимых категорий населения закрепляли «Русскую Правду» не только как свод законов, но и инструмент поддержания феодального порядка.

Ключевые слова: Русская Правда, древнерусское право, социальная иерархия, вира, штрафы, правовой статус, Киевская Русь, смерды, холопы, процессуальное право.

Никитина И.Ю.

Камчатская переселенческая экспедиция 1908-1909 гг.: цели, результаты, административные преобразования

В статье рассматривается переломный период в истории Камчатки начала XX в., когда после неудачной Русско-японской войны полуостров стал объект пристального внимания со стороны руководства империи. Камчатская переселенческая экспедиция 1908-1909 гг., снаряженная Переселенческим управлением для выяснения колонизационного значения Камчатки и возможности развития земледелия в условиях проводившейся аграрной реформы, не оставила после себя систематизированного описания в виде отчета или какого-либо другого труда. На основе свидетельств современников (Н.В. Слюнина, П.Ф. Унтербергера и др.) и исторических документов показаны сложные климатические и бытовые условия, отсутствие инфраструктуры, в совокупности делавшие земледельческую колонизацию региона нерациональной. Однако сам факт организации и работы переселенческой экспедиции на полуострове вкупе с образованием в 1909 г. Камчатской области позволяет рассматривать ее в качестве одного из инструментов привлечения внимания к региону, который долгое время считали забытой окраиной.

Ключевые слова: Камчатка, переселенческая экспедиция, колонизация, Н.В. Слюнин, В.К. Рубинский.

Тимербулатов Т.А.

Исторический опыт развития системы обеспечения информационной безопасности в РСФСР в 1929–1941 годах. Часть 3. Защита информации техническими средствами

Обеспечение информационной безопасности – процесс системный, и молодое советское государство формировало эту систему с первых дней существования. Однако по мере изменения условий развития государства, включая угрозы и возможности, менялась ситуация в информационной сфере. Научный интерес представляет вопрос, как менялась система обеспечения информационной безопасности в сложных реалиях 1930-х годов, когда власть противостояла серьезным внешним и внутренним угрозам государственной стабильности и независимости. Часть 3 настоящей статьи посвящена организации в СССР защиты информации техническими средствами. После прихода к власти И.В. Сталин поставил задачу – преодолеть общее отставание от Запада и научно-техническую зависимость от его достижений. Изучено, каким образом в 1930-е годы решалась поставленная задача, как создавалась научно-производственная инфраструктура обеспечения конфиденциальности проводной (телеграф, телефон) и беспроводной (радио) связи и какие результаты в деле защиты правительственной и военной информации бвли получены.

Ключевые слова: информация, защита информации, проводная связь, радиосвязь, шифровальная аппаратура, защита голосовой информации.

Антипов А.А.

К вопросу об общественно-политическом положении академического сообщества Московского университета в 1917 году

В этой статье излагается обзор историографии зарубежных и российских исследователей по вопросу положения академического сообщества и высшей школы России в конце 19-начале 20 века. Анализу подвергаются труды Никитиенко С.М., Рачковской К.А., Никс Н.Н. и ряда других исследователей, изучающих экономические, политические и социально-бытовые условия жизнедеятельности академического сообщества, его взаимоотношения с государством и обществом. Невзирая на значительное количество работ, посвящённых этому вопросу, аспект восприятия процессов 1917 года академическим сообществом Московского университета остаётся лишь частично изученным. Выявлено отсутствие последовательного и всестороннего анализа социальных процессов внутри Московского университета с февраля по октябрь 1917 года, степени активности студенческих организаций, политических видов деятельности профессорско-преподавательского состава и студенчества.

Ключевые слова: историография, академическое сообщество, Московский университет, восприятие революции, интеллигенция, источники личного происхождения, студенческие организации, материальное положение, радикализм, социальная категория.

Батура А.А.

Механизмы формирования идентичности в большевистской пропаганде (на материалах енисейской губернии, 1918–1920 гг.)

Статья посвящена анализу механизмов формирования идентичности в пропаганде большевиков на территории Енисейской губернии в годы Гражданской войны (1918–1920). На материалах газеты «Красноярский рабочий» и сборника «Документы героической борьбы» выделены три ключевых образа — героя-освободителя, защитника и народной власти — и раскрыты механизмы их конструирования: героизация через культ местных героев, защита через контраст с образом врага-зверя и легитимация через утверждение советов как единственной народной власти. Делается вывод, что комплексное использование этих механизмов позволило красным стать «своими» для населения губернии.

Ключевые слова: Гражданская война, пропаганда, идентичность, образ врага, образ «своих», Енисейская губерния, «Красноярский рабочий», большевики, советская власть, механизмы формирования идентичности.

Важенин Д.А.

Советская и постсоветская историография о топливной промышленности при временном правительстве: смена парадигм и переоценка фактов

Статья посвящена анализу эволюции отечественной историографии применительно к проблеме топливной промышленности в период деятельности Временного правительства (март–октябрь 1917 года). На основе сопоставления советских и постсоветских исследовательских подходов выявляются принципиальные парадигматические сдвиги в интерпретации топливного кризиса революционного года. Показано, что советская историческая наука, оперируя инструментарием классового анализа и телеологическими конструкциями, систематически недооценивала институциональные усилия Временного правительства в сфере топливоснабжения, игнорировала региональную специфику кризиса и не ставила контрфактических вопросов о реальных управленческих альтернативах, имевшихся у переходного государства. Постсоветская историография, опираясь на расширенную архивную базу и методологический плюрализм, реконструировала деятельность регулирующих структур - Главного экономического комитета, районных топливных уполномоченных, - обнаружила преемственность управленческих практик через рубеж 1917 года и предложила дифференцированный взгляд на кризис как на многоуровневый процесс, детерминированный совокупностью военных, инфраструктурных и административных факторов, а не исключительно классовыми противоречиями. Вместе с тем в статье фиксируются устойчивые лакуны постсоветской историографии: разрозненность локальных исследований, отсутствие синтетического нарратива, охватывающего всю полноту региональных и отраслевых измерений кризиса, а также неразвитость компаративного измерения, позволяющего вписать российский опыт в общеевропейский контекст военно-экономических потрясений начала XX века. В качестве перспективного направления обозначена интеграция микроисторических и институциональных подходов в единую аналитическую конструкцию, способную дать исчерпывающее объяснение природе топливного коллапса 1917 года в его взаимосвязи с более широкими процессами распада военно-государственного регулирования в позднеимперской России.

Ключевые слова: топливный кризис, Временное правительство, историография, государственное регулирование, революция 1917 года.

Гетьман Д.И.

Городская больница в системе санитарного контроля: сравнительный анализ лечебных заведений Санкт-Петербурга и крупных городов Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX веков

Статья посвящена сравнительному анализу роли городских больниц в системе санитарного контроля Санкт-Петербурга и крупных городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Автор показывает, что в столице сложилась комплексная, институционализированная система, интегрирующая больницы в профилактическую, лабораторную и административную инфраструктуру. В Западной Сибири больницы оставались изолированными учреждениями, реагирующими на эпидемиологические кризисы, но не способными обеспечить системную профилактику. Контраст объясняется не столько уровнем благо-

состояния, сколько степенью зрелости местного самоуправления и наличием кадровых и научных ресурсов. Особое внимание уделено деятельности губернских врачебных инспекторов, городских дум и роли благотворительности на периферии. Рассматриваются также различия в организации детской медицинской помощи и санитарной культуре. Сравнительный подход позволяет выявить глубинные особенности имперских изменений.

Ключевые слова: санитарный надзор, городская больница, Западная Сибирь, Санкт-Петербург, инфекционные заболевания, городское самоуправление, губернские врачебные инспекторы, дезинфекционные станции, Городская химико-бактериологическая лаборатория, сравнительный анализ.

Ермолаев А.Н.
Ермолаева Ю.Н.

Оцифровка якутской деревянной посуды «кытах», «кытыйа», «эт хоторор иһит» методом фотограмметрии: процесс и перспективы

Предмет. Процесс бесконтактной трехмерной фиксации и сохранения объектов этнокультурного наследия народов Сибири. В качестве материала исследования выступают редкие образцы традиционной якутской кумысной и бытовой утвари из региональных музейных фондов.

Цели. Разработка и апробация комплексной методики трехмерного моделирования чаш «кытыйа», «кытах» и блюда «эт хоторор иһит» с последующим определением перспектив интеграции полученных цифровых двойников в современную научно-экспозиционную практику.

Методология. В основу работы положен метод цифровой наземной фотограмметрии, реализованный в программных средах Agisoft Photoscan и Blender. Также применялись методы сравнительно-исторического, морфологического и визуального анализа артефактов.

Результаты. В ходе исследования методом цифровой фотограмметрии осуществлена трехмерная фиксация четырех аутентичных образцов якутской деревянной посуды. Сформировано детальное описание этапов их трехмерной реконструкции, а также определены ключевые векторы внедрения полученных 3D-моделей в научно-экспозиционную деятельность музеев.

Ключевые слова: цифровизация, 3D-моделирование, фотограмметрия, культурное наследие, якутская посуда, «кытыйа», «кытах», Agisoft Photoscan, Blender.

Иванов С.Е.

Профсоюзная документация как источник региональной школьной повседневности: иркутский учитель 1960-1970-х гг.

Статья реконструирует повседневную жизнь иркутского учителя 1960–1970-х гг. через сопоставление двух принципиально различных корпусов источников: публикаций «Учительской газеты» как транслятора всесоюзного нормативного образа советского педагога и профсоюзной документации, хранящейся в ЦДНИ ГАИО. Выявлен структурный разрыв между официальным всесоюзными нормами и реальными условиями труда и быта педагогов Иркутской обл.. Прослежена динамика профиля профсоюзных жалоб: от тарифных проблем первой половины 1960-х гг. к бытовым и снабженческим во второй половине десятилетия. Показано, что устойчивость советской школы в регионе обеспечивалась не только государственными институтами, а разветвлённой сетью неформальных компенсаторных практик - промышленного шефства, профсоюзной взаимопомощи, системы «опорных школ» и горизонтального методического обмена. Настоящая статья является прямым продолжением опубликованного исследования образа советского учителя на страницах «Учительской газеты» и предлагает «встречный взгляд» на то, что оставалось невидимым в официальном нарративе, становится различимым через материалы архива.

Ключевые слова: Иркутская область; народное образование; профсоюз просвещения; повседневность учителя; региональная образовательная политика; «Учительская газета».

Игнатенко С.В.

Состояние судоремонтной промышленности на северо-западе СССР накануне великой отечественной войны и ее преобразование с началом военных действий

В статье рассматриваются состояние судоремонтной промышленности накануне Великой Отечественной войны и основные направления ее преобразования в 1941 – 1945 гг. Сделаны выводы, что к лету 1941 г. отрасль располагала определенным производственным потенциалом, сформированным в ходе индустриализации, при этом, сохраняя структурную раздробленность, дефицит кадров и нехватку оборудо-

вания, а также зависимость от кооперации с предприятиями смежных отраслей.

Ключевые слова: судоремонтная промышленность, Великая Отечественная война, Военно-Морской Флот, Краснознаменный Балтийский флот, Северный флот, судоремонтные мастерские, мобилизационная перестройка.

Корогодина Е.А.

Летописание как инструмент политической борьбы в правление Ивана III: рецепция образа Дмитрия Донского и риторики «задонщины» в контексте Шелонской битвы

В исследовании затрагивается вопрос о роли летописания при формировании политической идеологии Московского государства в период правления Ивана III. Был проведен текстологический анализ различных летописных сводов (Московский летописный свод конца XV века, Львовская летопись, Софийская первая летопись, четвертая Новгородская летопись), на основе которого демонстрируется процесс перехода летописных сводов с лишь фиксации событий в инструмент легитимации централизации власти, а также обоснования династических прав. Примечательно, что летописцы периода правления Ивана III довольно активно обращались к дискурсу «Задонщины» и образу Дмитрия Ивановича Донского, включая Шелонскую битву в героическую традицию Куликовской битвы, формируя сакральный образ правителя Москвы в роли защитника Русской земли. Особое внимание уделено редакционной политике: отбору, интерполяции, которые позволили летописцам адаптировать историческое прошлое под задачи настоящего политического момента.

Ключевые слова: «Задонщина», Дмитрий Донской, Иван III летописи, Куликово поле, Шелонская битва.

Кузнецов Д.А.

«Учебники истории» 1920-х гг. как средство государственно-партийной пропаганды

Статья посвящена особенностям учебных пособий по истории в 1920-х гг. как средства проведения и распространения государственной идеологии среди широких масс обучающихся. Цель работы заключалась в выявлении особенностей учебных пособий, способствовавших эффективности внедрения государственной идеологии и 1920-х гг. Методы работы составляют историко-сравнительный анализ и диахронический анализ изменений в текстах пособий, их структуре. В результате исследования сделан вывод, что особенности изложения исторического материала в рассмотренных пособиях одновременно способствовали как быстрой индоктринации обучающихся, так и, фактически, разрушению исторического образования.

Ключевые слова: единая трудовая школа, образовательная политика в 1920-х гг., обществоведение, рабочая книга, учебник истории, школьная реформа.

Abstracts

Yang Mingtian

The symbolic system of the Russian historical song as a code of the national spirit

The Russian historical song, distinct from epics and lyrical songs, documents real historical events. This study reveals that its landscape imagery (rivers, steppes, forests), spatial structures (cities, roads) and core symbols (sun, eagles, ravens) form an integrated artistic-semiotic system. This system functions not as mere background but as an active mechanism for interpreting history. It encodes and transmits fundamental traits of the Russian national consciousness: a profound experience of suffering and tragedy, a spirit of resistance and struggle, a fatalistic acceptance of fate, a stable identity based on sacred concepts like "Rus" and "the land," and an unquenchable thirst for freedom. Therefore, the historical song serves as a crucial carrier of collective memory and an instrument for shaping the national spirit.

Key words: historical song, Russian national spirit, landscape symbolism, collective memory, national consciousness, spatial structures, imagery system, suffering and resistance, fatalism, national identity.

Ashrapov (Ashrafzoda) B.P.

Morphological peculiarities and word-building potential of Tajik adverbial prefix no- and its English equivalents

The article dwells on the issues beset with the comparative analysis of word-building potential of Tajik adverbial prefix no- and its English equivalents. It is noted that adverb is recognized as an independent part of speech in the comparative languages. However, its classification as a special category in these languages is uncertain, their lexical boundaries are wide, and their functional types are diverse.

Designing on the premise of the relevant traces entitled as "English-Tajik Dictionary" by A.Mamadnazarov (2021), "A Brief Word-Building Dictionary of Tajik Literary Language" (1983), "Temur Malik – Tajik People`s Hero. Muqanna`s Rebellion" (2022), "Ghulomon" by S.Aini (2019) and "A Book of Golden Deeds" by Jim Manis (2004) the author of the article considers word-building potential of Tajik adverbial prefixes no- and its English equivalents properly.

Adducing the results of the analysis of the theme explored one can come to the conclusion that word-building potential of the prefix in question forming Tajik adverbs is of many similarities and differences in certain cases. Designing on the premise of the above-adduced diagram we can emphasize that the majority of English equivalents of Tajik derivative adverbs formed by the prefix in question are mix structural (64%) and derivative ones (17%) ones. Hereby, we can dwell on those English equivalents of Tajik derivative words formed by no- that are not identical and some of them are used and translated as simple, derivative, compound & mix structural and composite ones.

Key words: adverbs, prefix, derivative adverbs, comparative analysis, morphological peculiarities, English equivalents, word-building potential.

Li Jiaxi

Mechanisms of metaphorization in the construction of verb-additions

The article examines in detail the mechanisms of metaphorization in the construction of verb-additions of the modern Russian language. The purpose of the study is to identify systemic models of metaphorical reinterpretation and to determine the role of metaphor as a cognitive and word–formation tool in the development of verbal vocabulary. The methodology is based on the theoretical analysis of cognitive concepts, including conceptual metaphor, the fusion of frames and figurative schemes, as well as on typological modeling and structural and semantic analysis of modern texts of journalistic, artistic and online discourse. The results of the study allowed us to identify four main models of metaphorization in verb-additions: the transfer of the characteristics "action – action", "action – state", metaphor through the image of the subject or object of action, as well as spatial and temporal associations. The key cognitive mechanisms of semantic rethinking are described, including the concepts "thinking – movement", "emotion – fire" and the figurative schemes "path", "balance", "contact". Expressive and pragmatic functions of metaphorical verb-additions are established, such as language play, image enhancement and stylistic techniques in author's and media speech. The final conclusion is that metaphorization is a key factor in updating the word-formation system of the Russian language, ensuring the dynamics of vocabulary, the expansion of polysemy and the formation of new meanings.

Key words: metaphorization, compound verbs, word formation, cognitive mechanisms, semantic analysis, linguistic expression, Russian language.

Baste Z.Yu.
Baturyan M.A.

Identification and categorization of metaphors based on their cognitive structures

The article describes how sustainable development is often conceptualized using metaphors, i.e. powerful cognitive tools that shape how people perceive and communicate complex problems. Metaphors connect abstract concepts with familiar experiences, making them more accessible. This study examines how people conceptualize sustainable development through metaphors based on informal conversations with students. During the open discussions, the stability of language structures and deeper cognitive patterns underlying these expressions were revealed. To analyze these metaphors, we used the methodology of type hierarchy using artificial intelligence, classifying them based on their cognitive structures.

Key words: cognitive patterns, artificial intelligence, metaphors, sustainable development, cognitive-linguistic approach, research, discussion, thoughts.

Gubin A.Yu.

The "new woman" in literature and life: Fyodor Gladkov's gender experiment and female self-awareness of the era

This article examines the character of Darya Chumalova from F. Gladkov's novel Cement not only as a literary type but also as a semantic node intersecting the gender policy of the young Soviet state, the artistic construction of the "new woman," and the processes of shaping female self-awareness. The author proposes interpreting the literary female character as a "gender construct" that simultaneously reflects and shapes social notions of women's destiny. Using the novel Cement and its later critical receptions, the article demonstrates how the literary text contributes to the development of a gender agenda, offering readers models of identification while simultaneously revealing the internal contradictions of the emancipatory project. Particular attention is paid to the episode involving the placement of the protagonist's daughter in an orphanage and her death. This plot device is viewed as an artistic harbinger of the collapse of the radical "socialization" of motherhood and as a symptom of the transition to the conservative gender policy of the 1930s. This article contributes not only to literary studies but also to the historical and sociological study of Soviet literature and may be useful for researchers studying the gender aspects of 20th-century Russian prose.

Key words: F. Gladkov, "Cement," Daria Chumalova, gender agenda, female self-awareness, emancipation, Soviet literature, orphanage, gender studies, literary canon.

Devidovskaya P.A.
Tanchuk A.S.

Functional and pragmatic features of communication strategies in the English-language business media interview genre

This article examines the functional and pragmatic characteristics of communication strategies in the English-language business media interview genre. The study aims to identify the leading strategies of interviewers and interviewees, define their pragmatic functions, and describe the linguistic means of their implementation. The material is based on 120 English-language business interviews published between 2019 and 2026 on the platforms of Bloomberg, CNBC, Financial Times, BBC Business, Forbes, and Harvard Business Review. Based on discourse, pragmalinguistic, content-analytical, and quantitative analysis, it is established that interviewers more often use problematization, clarification, and provocation of institutional responsibility, while interviewees tend to use reputational self-presentation, controlled transparency, risk mitigation, and a shift in focus. The obtained results refine the genre model of the business media interview as a hybrid format of institutional communication.

Key words: business discourse, media interview, pragmatics, communication strategy, English-language media communication, institutional discourse, speech influence.

Zaitseva E.A.
Zharova E.M.
Ginzburg O.V.
Novikova I.V.

Assessment of English vocabulary acquisition in primary school children with attention-deficit/hyperactivity disorder as a condition for developing lexical skills

The article addresses the issue of developing English lexical skills in primary school children with Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD). In addition to the issues of presentation and consolidation of new vocabulary, particular attention is paid to the assessment of the degree of its mastery, since it is precisely the diag-

nosis of the level of lexical competence that allows determining the effectiveness of the teaching methods employed and adapting the learning process to the cognitive characteristics of this category of learners.

Key words: English as a second language, primary school children, ADHD, lexical skills, lexical units, vocabulary mastery, levels of vocabulary knowledge, working memory, attention, vocabulary instruction.

Yaroslav A.Z.

Article title: a project to create a literary norm for the Old Siberian Old-Timers dialect

The article is devoted to the project of codification of the literary norm for the Siberian old-timers dialect of the XVII-XIX centuries. The relevance of this research is determined by the need to preserve the linguistic culture of the Russian people in all its diversity.

The purpose of the research is to develop a literary standard based on the reconstruction of the speech of old–timers of the XVII-XIX centuries. The practical result is the publication of a textbook of two levels (A1 and A2), as well as a consolidated dictionary of dialect material. The project is being tested in the digital environment of the Internet.

Key words: Siberian dialect, codification, literary norm, linguistic reconstruction, old-fashioned dialects, regional identity, artificial intelligence in linguistics, cultural heritage, revitalization, East Slavic languages.

Kozlova G.V.

The peculiarities of grammar-norms` variation (with regard to English content)

The article deals with the features of grammatical variation, which is closely related to the linguistic norm concept. The fact that the notion of linguistic variation has been being studied for a long time, allows to accumulate a vast amount of practical issues, offering the opportunity to take a fresh look at its traditional views. The rendering of one and the the same entity is understood in terms of the opposition between the invariant (language) and the variant (speech), that is one of the key peculiarities of the multiple grammatical subsystems` coexistence characterized by specific linguistic and communicative features. Some types of variable grammatical organization are found in speech constructions, which presupposes the new aspect of grammar research aimed at the identifying the unique features of communicative norms. Modern internet space speech manners embrace the grammatical variants acceptability that is determined by the purpose of utterance, situational context, and communicative intention.

Key words: norm, variation, grammar, acceptability, grammatical construction.

Kungurova I.M.
Zalevskaya V.Yu.
Kolesova Ya.A.
Lonshakova D.D.
Chervova A.A.

Development of linguistic creativity: integrating creative writing into the English language curriculum

The article is devoted to the study of developing the students' language creativity in the context of learning English through the implementation of creative writing in the educational process. The study also analyzes the theoretical background of creative writing as a pedagogical technology, identifies its essential differences from traditional academic writing, and develops a model for integrating creative writing tasks into the language curriculum. Special attention is given to the specification of methodological solutions, including the use of translation technology between semiotic systems, the use of modern digital tools, and the organization of a recursive process of speech generation. The final part of the article discusses the evaluation of creative works and proposes criteria that ensure the balanced development of students' linguistic competence and creative potential.

Key words: linguistic creativity, creative writing, English language teaching, pedagogical technology, recursive model, intersemiotic translation, criteria-based assessment.

Reznik V.A.

Evolutive and social context of the development of lingua-cultural type "British Lord"

The article is devoted to consideration of the history of development and formation of lingua-cultural type "British lord", emergence of noble titles, which contain general designation "lord", as well as defining the link between analyzed type and work of the House of Lords of United Kingdom Parliament. It is noted that lord is not only a title holder but also outstanding model personality that combines different representatives of British privileged class and characterized by an exceptional set of typological features.

Key words: lingua-cultural type, model personality, lord, ethnocultural unicity, House of lords.

Sodiqova R.A.

Some issues beset with equivalence and syntactic transformations in the translation of complex sentences in English and Tajik

The given article dwells on some issues beset with equivalence and syntactic transformations in the translation of complex sentences between English and Tajik. The main purpose of the study is to identify, analyze, and systematize the types of syntactic transformations employed in translating complex sentences from Tajik into English and vice versa, with particular focus on achieving functional equivalence. The findings reveal several major types of syntactic transformations: transformation of simple sentences into complex ones, compound sentences into complex ones, complex sentences into simple ones, personal-to-impersonal transformation, syntactic reduction and expansion, semantic specification and generalization, and shifts in informational focus. The study particularly highlights the pivotal role of the universal Tajik conjunction "ки" (ki), which performs the functions of numerous English relative pronouns and subordinating conjunctions. The study concludes that successful translation of complex sentences requires the translator to employ various syntactic and semantic transformations to ensure the logical unity and communicative effectiveness of the target text, with the translator's art lying in selecting the appropriate transformation strategy that preserves both semantic content and stylistic nuances.

Key words: syntactic transformations, equivalence, complex sentences, compound sentences, translation theory, English-Tajik translation, contrastive linguistics, conjunction "ки", functional equivalence, syntactic reduction, literary translation.

Norayeva E.M.
Chubarova Yu.E.
Orlova T.A.
Rezepova N.V.

Zoomorphic metaphor as a cognitive mechanism of term formation in English economic publicistic discourse

The article aims to study the cognitive mechanisms of understanding economic reality, where zoomorphic metaphors perform not only a stylistic but also a terminological function. The paper identifies the ways of word formation and phrase formation of new metaphorical terms based on zoomorphic metaphor in English economic publicistic discourse. The research shows that the most frequent is the binary opposition «bulls and bears», within which new terms are created through attributive modification and terminological derivation while the stems remain unchanged.

Key words: zoomorphic metaphor, economic discourse, conceptual metaphor, term formation, neologism, media discourse, cognitive linguistics.

Uralskiy K.Y.

The role of occasional phraseological units in the creation of artistic images in English literature

The article examines the occasional phraseological unit, the processes of its formation, its place in the phraseological system of the language and its role in the context. The research material is modern English-language fiction. As a result of the study, the author's table with examples of occasional phraseological units from English fiction has been compiled, the context of the selected examples has been determined and the author's understanding of the meaning has been described. The table is a selection of occasional phraseological units from various works of English fiction. These phraseological units are unique and were invented by the authors to enhance the expressiveness and depth of their works. They often carry symbolic meaning, helping readers to more deeply understand the ideas and images of the text, and also leave an indelible mark on the literary tradition. Expanding the boundaries of the usual language through such expressions gives literary works a special brightness and versatility, allowing authors to push the boundaries of the narrative and influence the emotional perception of the reader.

Key words: historical thinking, historical consciousness, knowledge, historical source, historical problem, analytical thinking, university education.

Li Jiaxi

Features of word-formation models of verb-additions in modern Russian

The article examines the features of word-formation models of verb-additions in modern Russian. The purpose of the study is to identify the main structural types of complex verbs, their semantic features, formal features, including stress, morphemic boundaries and affixation, as well as to determine the productivity of these models in modern speech. The methodology is based on structural and semantic analysis, a comparative method involving

data from other Slavic languages, as well as on the analysis of media texts and Internet communication. The results allowed us to identify three main types of semantic relations between the components of complex verbs: equality of actions, characterization of the mode of action and causality. The emotional-evaluative function of verb-additions, which makes speech more imaginative, expressive and emotionally intense, is revealed in detail. The main areas of use are revealed: colloquial speech, fiction, professional jargon and individual author's speech. The significant role of media texts and social networks in the formation and popularization of new verb-additions has been established. Current development trends are described, including the active growth of neologisms and hybridization with Anglicisms in the digital environment. The final conclusion is made about the specifics and important significance of verb-additions in the development of the word-formation system of the modern Russian language.

Key words: complex verbs, word formation, Russian language, semantics, morphology, neologisms, language dynamics, Slavic languages, media texts, social networks.

Ryabova E.L.
Ternovaya L.O.

"Managed Fragmentation": macroregions and the new rules of the global game

This article analyzes the phenomenon of macroregionalization as a key trend in the transformation of international relations by 2026. It introduces the concept of "managed fragmentation" – a state in which global unity gives way to the coexistence of stable regional blocs, zones of turbulence, and "fault lines." Drawing on the theory of regional security complexes (the Copenhagen School), it examines four main macroregions (the Global West, the Global East, the Global South, and Greater Eurasia), their institutional structure (BRICS, SCO, EAEU, ASEAN, etc.), and competitive interactions. Particular attention is paid to five characteristics of the current stage: the deconcentration of power, the formation of "zones of responsibility," competition between norms, "managed instability," and the reassembling of the concept of security. It is concluded that the key challenge of 2026 is the ability of the "global majority" to transform quantitative consolidation into qualitative stability, avoiding permanent turbulence.

Key words: macroregionalization, managed fragmentation, Global South, Global East, BRICS, SCO, EAEU, multipolarity, regional security complexes, international relations, institutional competition, Greater Eurasia.

Shumsky M.R.

The French nobility in the era of the Huguenot wars: confessional identity, perception of the conflict and political choice

The article examines the discourse of identities among the French nobility of the second half of the sixteenth century. Drawing on historiography, it outlines the structure of the estate and identifies its principal groups. Relying on the «Mémoires» of Claude Haton and the works of Russian and French historians, the article investigates the influence of the Italian Wars and their consequences on political and confessional choices. Using epistolary materials from the P.P. Dubrovsky archive, it traces the personal and political interconnections between representatives of various noble groups. The application of prosopographical methodology makes it possible to create a nuanced picture of the identitarian questions of the French nobility during the era of the Wars of Religion.

Key words: Huguenot Wars, confessional identity, French nobility, «Mémoires» of Claude Haton.

Abzianidze G.V.

Bilateral relations between the DPRK and the Republic of Belarus in the new millennium: retrospective and current state

This article analyzes the history of bilateral relations between the Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Belarus from the early 1990s to the present.

The author attempts to periodize these bilateral relations, dividing them chronologically into three stages based on the intensity of both political and economic interactions. Due to the paucity of data on bilateral trade and the general lack of quantitative information on the topic, the article focuses primarily on specific aspects of interaction. These include the sale of Belarusian MAZ and MZKT tractors to North Korea and the possible servicing of North Korean fighter jets by Belarusian equipment.

The author also analyzes the doctrinal basis of the two countries' foreign policies – the Juche idea as the foundation of North Korean foreign policy thinking – and the legal framework for Belarusian foreign policy. The "public diplomacy" aspect of bilateral relations is assessed, highlighting interparty cooperation and tourism.

The article concludes by noting the intensification of bilateral ties between the DPRK and Belarus in the new decade. The article notes the increased frequency of visits by Pyongyang delegations to Minsk and the prospects

for bilateral cooperation. However, the author concludes that the international sanctions regime remains the main constraint on the development of trade between the countries, as does the low interest of Belarusian businesses in the North Korean market.

Key words: Belarus, DPRK, North Korea, sanctions, arms trade, CIS, Alexander Lukashenko.

Ivanov M.A.

Egyptian containment policy as an instrument for securing British interests in the mediterranean in the late 1820s.

This article analyzes the role of Great Britain in counteracting Egypt's geopolitical ascendancy in the late 1820s. The author examines the causes that underpinned the growth of the Pasha of Egypt's influence in the Middle East, North Africa, and Southeastern Europe. The methodological basis of the research is constituted by the principles of historicism and objectivity, which ensure scholarly rigor when working with source materials and historiography. The article substantiates the thesis that Egypt in the 1820s should be considered not as a vassal territory, but as an emerging independent state whose sovereignty was de facto constrained by the strategic geopolitical interests of Great Britain.

Key words: general history, 19th Century, Great Britain, Muhammad Ali, Greek War of Independence.

Musayeva G.F.

The development of ancient cultural tourism resources in Azerbaijan and preservation in UNESCO

This study explores the formation, development, and preservation of ancient cultural tourism resources in Azerbaijan within the framework of UNESCO's heritage protection principles. The main objective is to evaluate how the country integrates its tangible and intangible cultural heritage into sustainable tourism development while ensuring their conservation for future generations. The study employs a mixed-methods methodology integrating qualitative and quantitative approaches, including analysis of official UNESCO documents and national cultural policy reports, case studies of key heritage sites, as well as comparative analysis and GIS-based spatial analysis. Particular attention is given to the Historic Centre of Sheki with the Khan's Palace, the Icherisheher complex with the Maiden Tower and the Shirvanshahs' Palace, and the Gobustan Rock Art Cultural Landscape, all of which represent Azerbaijan's outstanding universal value. The study further examines Azerbaijan's initiatives in promoting cultural tourism through strategic planning, infrastructure improvement, and international cooperation. It highlights the government's policies supporting the protection of both tangible and intangible heritage, including traditional arts such as mugham, ashig performance, and carpet weaving. Findings reveal that the integration of heritage resources into the tourism sector not only enhances national identity and cultural continuity but also fosters intercultural dialogue and sustainable regional development. The paper concludes that effective preservation, community engagement, and global partnerships are essential for maintaining the authenticity and visibility of Azerbaijan's cultural heritage in the international arena.

Key words: UNESCO heritage, cultural tourism, Sustainable Development, Sheki Khan's Palace, intangible heritage, Azerbaijan Tourism, tourism development.

Kaun S.B.
Naboka D.Y.

The Prague and Frankfurt peace treaties in the context of the Vienna system of international relations

The article analyzes the Prague and Frankfurt Peace Treaties in the context of the Vienna system of international relations. Based on a comparison of conditions, territorial changes, indemnities and long-term consequences, three models of post-crisis settlement are identified: "inclusion", "punishment" and "balance". It is shown that the effectiveness of each approach depends on the specific situation, and the choice of the model determines whether the former enemy will become an ally or a source of revenge.

Key words: Vienna system of international relations, Otto von Bismarck, Realpolitik, Prague and Frankfurt Peace Treaties, situational management.

Nazin V.Y.

From Slachter's Nek to Retief's manifesto (1815–1837): systemic contradictions of British colonial policy and the formation of Boer "Identity of Refusal"

The article examines the systemic contradictions of British colonial policy in the Cape Colony between 1815 and 1837, which catalyzed the Great Trek and shaped a unique Boer "identity of refusal". The study aims to identify the institutional mechanisms that led to the mass exodus of Afrikaners beyond the control of the new administra-

tion. The research is methodologically grounded in comparative historical analysis, historical genealogy, and the discourse deconstruction of official documents from the metropole. The study demonstrates that the Great Trek was not an archaic flight from modernization but rather a rational response to a sequence of destructive reforms: the forced devaluation of the rixdollar, linguistic assimilation, Ordinance No. 50, and the erection of insurmountable bureaucratic barriers to receiving compensation. A comparative analysis of P. Retief's Manifesto and the secret despatches of the Secretary of State for War and the Colonies Lord Glenelg reveals a fundamental governance problem: London acknowledged the dysfunctionality of its own apparatus while simultaneously refusing to recognize the agency and rationality of the colonists.

Key words: Great Trek, Cape Colony, Afrikaners, British colonial policy, identity, Ordinance No. 50, Retief Manifesto, Lord Glenelg, Schlachter's Nek.

Petrova S.I.
Zhidyaeva E.S.

Culture and morality: the dialectics of interconnection and interdependence

The article examines the dialectical relationship between culture and morality as two fundamental phenomena of human existence. The authors analyze the problem of their mutual conditioning in the context of modern challenges (globalization, digital transformation, and the crisis of traditional value systems). Special attention is paid to the philosophical understanding of culture as a person's "second nature." And morality as its internal moral framework. Based on the classical philosophical tradition (the ethical teachings of Immanuel Kant), the article reveals the role of the moral law in shaping the cultural image of society. The article explores the role of culture in shaping a person's moral sense. The relevance of this research lies in the need for a theoretical understanding of the processes of moral norms erosion and the clash of different cultural codes in the modern world. This article may be of interest to specialists in the fields of cultural philosophy, ethics, cultural studies, and social philosophy.

Key words: culture, morality, ethics, values, moral law, I. Kant, dialectics, globalization, cultural codes, axiology.

Savinov A.L.
Fadeev Yu.E.
Kuptsov M.A.
Chernov A.M.

From revenue cutters to the coast guard: the institutional formation of the US maritime law enforcement service (1790–1915)

The article examines the institutional formation of the U.S. Coast Guard as a result of the evolution and merger of several government services from 1790 to 1915. Based on the analysis of historical sources and agency documents, the authors trace the transformation of the Revenue Marine Service from a small fleet of ten vessels, established on the initiative of Alexander Hamilton for customs collection, to a multifunctional agency integrating the functions of the Lighthouse Service, the Life-Saving Service, and law enforcement bodies. Special attention is paid to the formation of the service's dual (military-civilian) identity, its participation in armed conflicts, the development of the rescue function, Arctic expeditions, and the creation of a professional training system. The authors conclude that the 1915 merger was the logical outcome of a long institutional evolution, which secured the Coast Guard's unique place within the structure of American armed forces and law enforcement agencies.

Key words: U.S. Coast Guard, Revenue Marine Service, Life-Saving Service, Alexander Hamilton, maritime security, institutional evolution, Department of Homeland Security.

Samoylenko I.S.

Economic cooperation between Russia and Canada in the period from 2003 to 2006

This article analyzes key trends in Russia-Canada trade and economic relations from 2003 to 2006. Despite a slowdown compared to the late twentieth century, historical ties continued shaping both nations' foreign policies until 2014. Both countries pursued partnership, gradually overcoming Cold War ideological divides. The author stresses the importance of accounting for domestic politics, the international environment, and the balance of national interests, while highlighting the outcomes and limitations of bilateral cooperation. The theoretical framework draws on works by Volodin, Komarov, and Grigorieva, supplemented by media sources and analytical reviews. Findings reconstruct the period's cooperation dynamics and establish a foundation for future long-term research on the evolution of Russia-Canada economic ties.

Key words: Russia, Canada, economic cooperation, Paul Martin, trade.

Suvorov L.P.
Direkji A.V.

The issue of afghan refugees in Iran after the Taliban's rise to power in Afghanistan in 2021

The article examines the issue of Afghan refugees in Iran after the withdrawal of U.S. and NATO troops from Afghanistan and the Taliban's return to power in 2021. Particular attention is paid to the main routes and conditions of Afghans' flight to Iran, as well as to the country's place among the key host states. The article analyzes Iran's specific measures aimed at addressing the new migration crisis, the already existing mechanisms of refugee support, and the country's cooperation with international organizations, primarily UN agencies. It also considers Iran's own crisis situation in the 2020s, which led to the tightening of migration policy, the strengthening of deportation measures, and the growing prominence of security rhetoric in 2024–2025. The authors conclude that Iran's policy toward Afghan refugees had a dual character: it combined broad and diversified assistance, including through cooperation with international organizations, with strict measures to ensure national security amid an increased terrorist threat and a severe economic situation.

Key words: Afghan refugees, Iran, Taliban, Migration, Humanitarian assistance.

Zaitsev A.I.
Vartumyan A.A.

Party-ideological program guidelines of political parties of Serbia at the turn of the 20th and beginning of the 21st centuries

This article explores the specifics of the party and ideological programmatic approaches of Serbian political parties at the turn of the 20th and early 21st centuries. Serbia has a large number of political parties, so the article focuses on key actors in the party system, parties that wield significant political weight and influence the country's contemporary politics.

The article not only presents the programs of Serbian parties but also compares them, highlighting both their common ideological approaches and their differences. The article also focuses on the role of the Serbian Progressive Party, its significance, and its transformations.

The purpose of this article is to examine the specifics of the party and ideological programmatic approaches of Serbian political parties at the turn of the 20th and early 21st centuries.

The methods used in the study include analysis, comparison, and synthesis.

The results and conclusions of the study are as follows. An analysis of the party ideological platforms of Serbia's political parties suggests that they are focused on reducing the role of nationalism, as experience shows that it generates more supporters than exacerbating national problems. The priority is building a strong state based on stable politics and the economy.

Key words: political party, party program, party ideological guidelines, program guidelines, political system.

Mirkin V.V.
Levchenko S.E.

Transformation of printing and communication technologies in Soviet military printing in 1941–1945

This article examines the evolution of the Soviet printing system during the Great Patriotic War of 1941–1945. The focus is on technological innovations and the adaptation of the printing industry to the extreme conditions of wartime. The research problem is to study the transformation of the printing industry in the face of the loss of a significant part of its material base and the mobilization of resources for the needs of the front. The article analyzes the technical solutions that allowed the mass printing system to continue functioning in the face of severe resource constraints. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive examination of technological adaptations, including the development of mobile printing facilities and the creation of specialized technical solutions for various printing conditions. The results of the study demonstrate the ability of the Soviet printing system to rapidly transform. The study shows how extreme conditions stimulated the development of new technological approaches, many of which have shaped the future of Russian printing. This work significantly contributes to understanding the role of technological innovations in providing information support for military operations.

Key words: Soviet military printing, printing technologies, the Great Patriotic War, history of science and technology, mobile printing houses, production of printed materials, 1941–1945.

Magsumov T.A.

The formation of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University (1980–2002)

The article examines the history of the formation of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University during

the period from 1980 to 2002. The study analyzes the processes of establishing the university on the basis of faculties of Yelabuga State Pedagogical Institute, its survival during the crisis of the 1990s, the opening of new faculties, and the formation of scientific schools. Special attention is paid to the role of the first rector Z.T. Sharafutdinov and the phenomenon of the university's survival and development under the challenging socio-economic conditions of the 1990s. It is concluded that the foundation laid during this period not only enabled the institute to survive but also to subsequently obtain university status.

Key words: history of education, pedagogical university, Naberezhnye Chelny, Z.T. Sharafutdinov, teacher education, Tatarstan.

Neumoin A.M.

Russian the role of the «secondary» interventors and their interaction with the white movement in 1918-1920

The article examines the role of «minor» interventionists during the Russian Civil War. During the historical period under review, military personnel from Britain and France were active participants in military intervention, however, such «secondary» countries as Greece, Italy, Serbia, Poland, and Romania also participated in hostilities in Southern Russia. Greece aimed to gain territories in Asia Minor in exchange for assistance in countering the Bolshevik threat in Russia. The military from Greece represented the most combat-ready formations of the Allied coalition, since the country entered the First World War rather late (in the summer of 1917). As part of their allied obligations, the Greeks proved to be disciplined and responsible military personnel who were capable of fulfilling the strategic objectives set by the overall command. However, the lack of motivation for resistance on the part of the White movement, as well as the fatigue of the British and French soldiers and sailors, and the officer corps, led to the withdrawal of the coalition forces, including the Greek military, from the southern regions of Russia. The participation of Romania, Serbia, Italy, and Poland was driven by various goals and motivations. They concerned coalition actions against the Bolsheviks in the South of Russia, the national interests of individual countries, the realization of geopolitical ambitions, and territorial acquisitions. At the same time, for example, the White movement's leaders' vision of an indivisible Russia clashed with the interests of Poland and Romania, who sought to expand their territories at the expense of Russia. Their primary goal was to weaken Russia and take advantage of its inability to counter the «allies» from the Entente countries. In the end, the contribution of the «minor» participants was rather modest, so they began to leave Russia gradually in early 1919.

Key words: Civil War, "secondary" interventionists, White movement, Bolsheviks, Greek Corps.

Shanikhina N.N.
Nechayeva P.P.
Zemtsova Yu.V.

«Russkaya pravda» as a legal monument: reflection of the social hierarchy of ancient Rus

This article examines the social hierarchy that developed in Ancient Rus' based on an analysis of the Short, Long, and Abridged editions of " Russkaya Pravda." The article describes the development of this legal monument and its origins. Based on the legal status of various strata of Old Russian society, it examines the development of social inequality, legally enshrined in the differentiated fines and community responsibility described in «Russkaya Pravda». It examines how the differences in the legal status of privileged classes from dependent categories of the population, described in the text of the document, consolidated the «Russkaya Pravda» not only as a set of laws, but also as an instrument for maintaining the feudal order.

Key words: Russkaya Pravda, Old Russian law, social hierarchy, vira, fines, legal status, Kievan Rus, smerds, kholops, procedural law.

Nikitina I.Yu.

Kamchatka resettlement expedition 1908-1909: goals, results, administrative changes

The article examines the turning point in the history of Kamchatka at the beginning of the twentieth century, when, after the unsuccessful Russo-Japanese War, the peninsula became the object of close attention from the leadership of the empire. The Kamchatka resettlement expedition of 1908-1909, equipped with the Resettlement Administration to clarify the colonization significance of Kamchatka and the possibility of developing agriculture in the context of the ongoing agrarian reform, did not leave behind a systematic description in the form of a report or any other work. Based on the testimonies of contemporaries (N.V. Slyunin, P.F. Unterberger and others) and historical documents, complex climatic and living conditions, the lack of infrastructure, which together made the agricultural colonization of the region irrational, are shown. However, the very fact of the organization and work

of the resettlement expedition on the peninsula, coupled with the formation of the Kamchatka region in 1909, allows us to consider it as one of the tools to draw attention to the region, which for a long time was considered a forgotten outskirts.

Key words: Kamchatka, resettlement expedition, colonization, N.V. Slyunin, V.K. Rubinsky.

Timerbulatov T.A.

Historical experience of the development of the information security system in the RSFSR in 1929–1941. Part 3. Information protection by technical means

Ensuring information security is a systemic process, and the young Soviet state developed this system from its earliest days. However, as the conditions of state development, including threats and opportunities, changed, the situation in the information sphere evolved. Of scholarly interest is the question of how the information security system evolved in the complex realities of the 1930s, when the government confronted serious external and internal threats to state stability and independence. Part 3 of this article is devoted to the organization of technical information security in the USSR. After coming to power, I.V. Stalin set the goal of overcoming the general lag behind the West and its scientific and technological dependence on its advances. This article examines how this task was accomplished in the 1930s, how the scientific and industrial infrastructure for ensuring the confidentiality of wired (telegraph, telephone) and wireless (radio) communications was created, and what results were achieved in protecting government and military information.

Key words: information, information security, wired communication, radio communication, encryption equipment, voice information security.

Antipov A.A.

On the socio-political situation of the academic community of Moscow University in 1917

This article provides an overview of the historiography of foreign and Russian researchers on the situation of the academic community and higher education in Russia in the late 19th and early 20th centuries. The works of Nikitienko, Rachkovskaya, Nicks and a number of other researchers studying the economic, political and social conditions of the academic community, as well as its relationship with the state and society, are analyzed. It is illustrated that despite a significant number of works devoted to this issue, the aspect of the perception of the 1917 processes by the academic community of Moscow University remains partially studied. The absence of a consistent and comprehensive analysis of social processes within Moscow University from February to October 1917, the degree of activity of student organizations, political activities of the faculty and students has been revealed.

Key words: historiography, academic community, Moscow University, perception of the revolution, intelligentsia, sources of personal origin, student organizations, financial situation, radicalism, social category.

Batura A.A.

Mechanisms of identity formation in Bolshevik propaganda (based on materials from the Yenisei province, 1918–1920)

The article analyzes the mechanisms of identity formation in the propaganda of the Bolsheviks in the Yenisei Province during the Civil War (1918–1920). It examines three key images through which Bolshevik propaganda constructed the category of "us": the image of the liberator-hero, the image of the defender, and the image of popular power. The main mechanisms of their formation are identified: heroization through appeals to front-line soldiers and the creation of a cult of local heroes; defense through contrast with the image of the bestial enemy and naturalistic descriptions of its atrocities; legitimation through the assertion of the soviets as the sole exponents of the working people's will, reinforced by concrete actions. The conclusion argues that the integrated use of these mechanisms allowed the Bolsheviks to become "us" for the province's population, consolidating a new identity not only during the war but also in the post-war period.

Key words: Civil War, propaganda, identity, image of the enemy, image of "us", Yenisei Province, Krasnoyarskii Rabochii, Bolsheviks, Soviet power, mechanisms of identity formation.

Vazhenin D.A.

Soviet and post-Soviet historiography on the fuel industry under the provisional government: a paradigm shift and a reassessment of the facts

The article is devoted to the analysis of the evolution of Russian historiography in relation to the problem of the fuel industry during the period of the Provisional Government (March–October 1917). Based on a comparison of Soviet and post-Soviet research approaches, fundamental paradigmatic shifts in the interpretation of the fuel crisis

of the revolutionary year are revealed. It is shown that Soviet historical science, using the tools of class analysis and teleological constructions, systematically underestimated the institutional efforts of the Provisional Government in the field of fuel supply, ignored the regional specifics of the crisis and did not raise counterfactual questions about the real managerial alternatives available to the transitional state. Post-Soviet historiography, relying on an expanded archival base and methodological pluralism, reconstructed the activities of regulatory structures - the Main Economic Committee, district fuel commissioners - revealed the continuity of management practices through the turn of 1917 and offered a differentiated view of the crisis as a multi-level process determined by a combination of military, infrastructural and administrative factors, rather than solely class contradictions. At the same time, the article captures the persistent lacunae of post-Soviet historiography: the fragmentation of local research, the lack of a synthetic narrative covering the full range of regional and sectoral dimensions of the crisis, as well as the underdevelopment of the comparative dimension, which makes it possible to fit the Russian experience into the pan-European context of the military and economic upheavals of the early 20th century. The integration of microhistorical and institutional approaches into a single analytical framework capable of providing an exhaustive explanation of the nature of the 1917 fuel collapse in its interrelation with the broader processes of disintegration of military-state regulation in late imperial Russia is identified as a promising area.

Key words: fuel crisis, Provisional Government, historiography, state regulation, revolution of 1917.

Getman D.I.

The city hospital in the sanitary control system: a comparative analysis of medical institutions in St. Petersburg and major cities of western Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries

The article provides a comparative analysis of the role of urban hospitals in the sanitary control system of St. Petersburg and major cities in Western Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries. The author shows that the capital had a comprehensive, institutionalized system that integrated hospitals into its preventive, laboratory, and administrative infrastructure. In Western Siberia, hospitals remained isolated institutions that responded to epidemiological crises but lacked the capacity for systemic prevention. This contrast can be attributed not only to the level of wealth, but also to the maturity of local self-government and the availability of human and scientific resources. Special attention is paid to the activities of provincial medical inspectors, city councils, and the role of charity in the periphery. The article also examines the differences in the organization of children's medical care and sanitary culture. A comparative approach allows us to identify the underlying features of imperial changes.

Key words: sanitary supervision, city hospital, Western Siberia, St. Petersburg, infectious diseases, city government, provincial medical inspectors, disinfection stations, City Chemical and Bacteriological Laboratory, comparative analysis.

Ermolaev A.N.
Ermolaeva Yu.N.

Digitization of Yakut wooden utensils "kytakh", "kytyya", "et khotoror ihit" by photogrammetry: process and prospects

Subject. The process of contactless three-dimensional fixation and preservation of objects of ethnocultural heritage of the peoples of Siberia. Rare samples of traditional Yakut kumis and household utensils from regional museum funds act as research material.

Goals. Development and testing of a comprehensive methodology for three-dimensional modeling of traditional wooden bowls and ceremonial meat serving platters with the subsequent determination of the prospects for integrating the obtained digital twins into modern scientific and exposition practice.

Methodology. The work is based on the digital ground photogrammetry method implemented in the Agisoft Photoscan and Blender software environments. Methods of comparative historical, morphological and visual analysis of artifacts were also used.

Results. During the study by digital photogrammetry, three-dimensional fixation of four authentic samples of Yakut wooden dishes was carried out. A detailed description of the stages of their three-dimensional reconstruction has been formed, and key vectors for introducing the obtained 3D models into the scientific and exposition activities of museums have been determined.

Key words: digitalization, 3D modeling, photogrammetry, cultural heritage, Yakut dishes, wooden bowls, ceremonial platters, Agisoft Photoscan, Blender.

Ivanov S.E.

Trade union documentation as a source of regional school routine: Irkutsk teacher of the 1960s-1970s.

The article reconstructs the everyday life of a teacher in Irkutsk during the 1960s–1970s by juxtaposing two fundamentally different bodies of sources: publications of Uchitelskaya Gazeta (Teachers' Newspaper) as a conveyor of the all-Union normative image of the Soviet educator, and trade union documentation from the Centre for Documentation of Contemporary History of the State Archive of Irkutsk Oblast. The study identifies a structural gap between the official all-Union ideal and the actual working and living conditions of teachers in Irkutsk Oblast. It traces the shifting profile of trade union grievances – from wage and tariff disputes in the first half of the 1960s toward everyday welfare and supply problems in the second half of the decade. The article demonstrates that the resilience of the Soviet school in the region was sustained not by state institutions in their official capacity, but by an extensive network of informal compensatory practices: industrial patronage, trade union mutual aid, a system of "model schools," and horizontal methodological exchange. This article is a direct continuation of a previously published study on the image of the Soviet teacher in Uchitelskaya Gazeta, and offers a "counter-perspective": what remained invisible in the official narrative becomes discernible through archival sources.

Key words: Irkutsk Oblast; public education; education workers' trade union; teacher's everyday life; regional education policy; Uchitelskaya Gazeta.

Ignatenko S.V.

The state of the ship repair industry in the northwest of the USSR on the eve of the Great Patriotic War and its transformation with the outbreak of hostilities

This article examines the state of the ship repair industry on the eve of the Great Patriotic War and the main directions of its transformation in 1941–1945. It concludes that by the summer of 1941, the industry possessed a certain production potential formed during industrialization, while maintaining structural fragmentation, a shortage of personnel and equipment, and dependence on cooperation with enterprises in related industries.

Key words: ship repair industry, Great Patriotic War, Navy, Red Banner Baltic Fleet, Northern Fleet, ship repair workshops, mobilization perestroika.

Korogodina E.A.

Chronicle as a tool of political struggle during the reign of Ivan III: reception of the image of Dmitry Donskoy and the rhetoric of "zadonshchina" in the context of the Battle of Shelona

The study raises the issue of the role of chronicling in shaping the political ideology of the Moscow state during the reign of Ivan III. A textual analysis of various chronicles was carried out (the Moscow Chronicle of the end of the 15th century, the Lviv Chronicle, the Sofia First Chronicle, and the Fourth Novgorod Chronicle), which demonstrates the process of chronicle transition from a mere record of events to a tool for legitimizing the centralization of power and establishing dynastic rights. It is noteworthy that the chroniclers of the reign of Ivan III quite actively addressed the discourse of "Zadonshchina" and the image of Dmitry Ivanovich Donskoy, including the Battle of Shelon in the heroic tradition of the Battle of Kulikovo, forming the sacred image of the ruler of Moscow in the role of defender of the Russian land. Special attention is paid to editorial policy: selection, interpolation, which allowed chroniclers to adapt the historical past to the tasks of the present political moment.

Key words: "Zadonshchina", Dmitry Donskoy, Ivan III chronicles, Kulikovo field, Battle of Shelon.

Kuznetsov D.A.

«History textbooks» of the 1920s as a means of state and party propaganda

The article examines the specific features of history textbooks in the 1920s as instruments for disseminating and entrenching state ideology among broad masses of students. The aim of the study was to identify the characteristics of textbooks that enhanced the effectiveness of ideological indoctrination during the 1920s. The research methods include historical-comparative analysis and diachronic analysis of changes in both the content and structure of the textbooks. The study concludes that the distinctive manner of presenting historical material in the textbooks under review simultaneously facilitated the rapid indoctrination of students and effectively led to the dismantling of history education.

Key words: unified labor school, educational policy in the 1920s, social studies, workbook, history textbook, school reform.

Авторы

Абзианидзе Г.В. - аспирант, Институт Китая и стран Азии Российской Академии наук. ORCID: 0009-0005-6855-2172

Антипов А.А. - аспирант 1 курса. Московский городской педагогический университет. SPIN-код: 4184-5319

Ашрапов (Ашрафзода) Б.П. - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", г. Худжанд, Республика Таджикистан.

Басте З.Ю. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар. SPIN-код: 7401-6601

Батура А.А. - аспирант кафедры лингвистики, теории и практики перевода, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», г. Красноярск.

Батурьян М.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар. SPIN-код: 8262-0135

Важенин Д.А. - аспирант факультета истории, политологии и права. Государственный Университет просвещения.

Вартумян А.А. - доктор политических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Северо-Кавказский Федеральный университет.

Гетьман Д.И. - аспирантка кафедры истории России. ГАОУ ВО ЛО Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург.

Гинзбург О.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.

Губин А.Ю. - аспирант Литературного института имени А.М. Горького.

Девидовская П.А. - магистрант 2 курса, Российский университет дружбы народов.

Дирекджи А.В. - доктор философии, кандидат культурологии, доцент кафедры индоиранских и африканских языков, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Ермолаев А.Н. - спирант кафедры «Всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.

Ермолаева Ю.Н. - кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.

Жарова Э.М. - учитель иностранного языка. Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа №16», г. Тверь.

Жидяева Е.С. - кандидат социологических наук, доцент Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Зайцева Е.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии, Тверской государственный университет, г. Тверь.

Зайцев А.И. - бакалавр истории, магистр международных отношений. Кафедра всеобщей истории, Северо-Кавказский Федеральный университет.

Залевская В.Ю. - обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Земцова Ю.В. - студент 3го курса. Ишимский государственный педагогический институт имени П.П.Ершова филиала Тюменского государственного университета.

Золотарёв Я.А. - закончил филологический факультет ТГУ в 1999 году по специальности «Русский язык и литература», самозанятый.

Иванов М.А. - ассистент кафедры Всеобщей Истории и международных отношений, Институт истории, философии и политических наук, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина.

Иванов С.Е. - аспирант 3 курса кафедры истории и методики. Педагогический институт Иркутского государственного университета, г. Иркутск.

Игнатенко С.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры Международного морского права. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет».

Каун С.Б. - старший преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск.

Козлова Г.В. - преподаватель. Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск.

Колесова Я.А. - обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Корогодина Е.А. - кандидата исторических наук, соискатель на ученую степень. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург.

Кузнецов Д.А. - аспирант департамента истории. ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет».

Кунгурова И.М. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и методик их преподавания, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Купцов М.А. - кандидат военных наук, доцент департамента техносферной безопасности, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Левченко С.Е. - магистр, Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Ли Цзяси - аспирант. Московский педагогический государственный университет.

Лоншакова Д.Д. - обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Магсумов Т.А. - доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики имени. З.Т. Шарафутдинова. Набережночелнинский государственный педагогический университет.

Миркин В.В. - доктор исторических наук, доцент, доцент Факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Мусаева Г.Ф. - аспирант. Географический факультет, Бакинский государственный университет (Азербайджан). ORCID: 0009-0001-3037-5431

Набока Д.Ю. - студент факультета экономики и менеджмента, Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Республика Беларусь, г. Минск.

Назин В.Ю. - аспирант III курса кафедры всеобщей истории. ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск.

Неумоин А.М. - аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Республика Мордовия, г. Саранск.

Нечаева П.П. - студент 3го курса. Ишимский государственный педагогический институт имени П.П.Ершова филиала Тюменского государственного университета.

Никитина И.Ю. - кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и филосо-

фии. Камчатский государственный университет Имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский.

Новикова И.В. - андидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии, Тверской государственный университет, г. Тверь.

Нораева Е.М. - магистр факультета иностранных языков. Мордовский государственный университета имени Н.П. Огарева.

Орлова Т.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков 2 отделение языковой подготовки ОАФ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Резепова Н.В. - доцент кафедры русского и иностранного языков Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК), Российского государственного геологоразведочного университета имени С. Орджоникидзе.

Резник В.А. - кандидат филологических наук, доцент. Институт Высшего и Дополнительного Образования ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Савинов А.Л. - кандидат исторических наук, доцент департамента техносферной безопасности, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Самойленко И.С. - аспирант, кафедра американских исследований. Российский государственный гуманитарный университет.

Содикова Р.А. - андидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета восточных языков ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", Республика Таджикистан, г. Худжанд.

Суворов Л.П. - студент-бакалавр. Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Танчук А.С. - кандидат филологических наук, старший преподаватель.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти».

Тимербулатов Т.А. - кандидат исторических наук, доцент. Башкипрский институт социальных технологий (филиал).

Уральский К.Ю. - аспирант кафедры лингвистики и перевода, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, г. Саранск.

Фадеев Ю.Е. - кандидат военных наук, доцент департамента техносферной безопасности, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Червова А.А. - обучающаяся 4 курса, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Чернов А.М. - кандидат психологических наук, доцент департамента техносферной безопасности, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Чубарова Ю.Е. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода. Мордовский государственный университета имени Н.П. Огарева.

Шанихина Н.Н. - старший преподаватель. Ишимский государственный педагогический институт имени П.П.Ершова филиала Тюменского государственного университета.

Шумский М.Р. - магистр. Санкт-Петербургский государственный университет.

Ян Минтянь - доктор филологических наук. Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай. ORCID: 0000-0001-2345-6789

Authors

Abzianidze G.V., Postgraduate Student, Institute of China and Asian Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0005-6855-2172

Antipov A.A., 1st year graduate student. Moscow City Pedagogical University. SPIN-code: 4184-5319

Ashrapov (Ashrafzoda) B.P., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand-city.

Baste Z.Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages. I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar. SPIN-code: 7401-6601

Batura A.A., Postgraduate Student, Department of Linguistics, Theory and Practice of Translation Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk.

Baturyan M.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages. I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar. SPIN-code: 8262-0135

Chernov A.M., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Technosphere Safety, Peoples' Friendship University of Russia.

Chervova A.A., Fourth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University".

Chubarova Yu.E., Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of Speech Theory and Translation, N.P. Ogarev Mordovian State University.

Devidovskaya P.A., Masters' degree student. Peoples' friendship university of Russia.

Direkji A.V., PhD, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Indo-Iranian and African Languages, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Ermolaev A.N., Postgraduate student of the Department of World and Russian History, Ethnology, Archeology, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.

Ermolaeva Yu.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of World, Domestic History, Ethnology, Archeology, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.

Fadeev Yu.E., Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Department of Technosphere Safety, Peoples' Friendship University of Russia.

Getman D.I., Postgraduate student in the Department of Russian History, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, St. Petersburg.

Ginzburg O.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.

Gubin A.Yu., Graduate student of the Literary Institute named after A.M. Gorky.

Ignatenko S.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Maritime Law. Saint Petersburg State Marine Technical University.

Ivanov M.A., Assistant Professor, Department of General History and International Relations, Institute of History, Philosophy, and Political Science, Ryazan State University named after S.A. Yesenin.

Ivanov S.E., Third-year graduate student, Department of History and Methodology, Pedagogical Institute, Irkutsk State University, Irkutsk.

Kaun S.B., Senior Lecturer at the Department of Source Studies, Faculty of History, Belarusian State University, Republic of Belarus, Minsk.

Kolesova Ya.A., Fourth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov

(branch) of Tyumen State University.

Korogodina E.A., PhD candidate in history, PhD candidate. A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

Kozlova G.V., Lecturer. Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation.

Kungurova I.M., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Teaching Methods, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Kuptsov M.A., Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Department of Technosphere Safety, Peoples' Friendship University of Russia.

Kuznetsov D.A., Postgraduate Student, Department of History, Moscow City Pedagogical University.

Levchenko S.E., Master's Degree, National Research Tomsk State University.

Li Jiaxi, Postgraduate student. Moscow State Pedagogical University.

Lonshakova D.D., Fourth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Magsumov T.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Z.T. Sharafutdinov Department of Pedagogics, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University.

Mirkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University. National Research Tomsk State University.

Musayeva G.F., Graduate student. Faculty of Geography, Baku State University (Azerbaijan). ORCID: 0009-0001-3037-5431

Naboka D.Y., Student of the Faculty of Economics and Management, Educational institution "Belarusian State Economic University", Republic of Belarus, Minsk.

Nazin V.Y., 3rd-year postgraduate student, Department of General History. Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk.

Nechayeva P.P., Third-year student. Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, a branch of Tyumen State University.

Neumoin A.M., Postgraduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Plekhanov Russian University of Economics", Republic of Mordovia, Saransk.

Nikitina I.Yu., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor in the Department of History and Philosophy. Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatsky.

Norayeva E.M., Master of Science in the Faculty of Foreign Languages, N.P. Ogarev Mordovian State University.

Novikova I.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Hermeneutic Linguodidactics and English Philology, Tver State University, Tver.

Orlova T.A., Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, 2nd Language Training Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Petrova S.I., PhD in Cultural Studies, Associate Professor. Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar.

Rezepova N.V., Associate Professor, Department of Russian and Foreign Languages, S.A. Gerasimov All-Russian State University of Cinematography (VGIK), and S. Ordzhonikidze Russian State Geological Prospecting University.

Reznik V.A., PhD in Philological sciences, an Associate Professor of the Institute of Higher and Continuing Education of "Serbsky National Medical Research Medical Centre for Psychiatry and Narcology".

Ryabova E.L., Doctor of Political Science, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Samoylenko I.S., Postgraduate Student, Department of American Studies, Russian State University for the Humanities.

Savinov A.L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Technosphere Safety, Peoples' Friendship University of Russia.

Shanikhina N.N., Senior Lecturer. Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, a branch of Tyumen State University.

Shumsky M.R., Master's degree. Saint Petersburg State University.

Sodiqova R.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov", Tajikistan Republic, Khujand.

Suvorov L.P., Bachelor's student. Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Tanchuk A.S., Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "The Power of History and History of Power".

Timerbulatov T.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Bashkiria Institute of Social Technologies (branch).

Uralskiy K.Y., Postgraduate student of the Department of Linguistics and Translation, Mordovian State Pedagogical University, Saransk.

Vartumyan A.A., Doctor of Political Science, Professor, Department of State and Legal Disciplines, North Caucasus Federal University.

Vazhenin D.A., Postgraduate student in the Faculty of History, Political Science, and Law. State University of Education.

Yang Mingtian, Doctor of Philological Sciences. Shanghai International Studies University, Shanghai, China. ORCID: 0000-0001-2345-6789

Yaroslav A.Z., Graduated from the Faculty of Philology of TSU in 1999 with a degree in Russian Language and Literature, self-employed person.

Zaitseva E.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Hermeneutic Linguodidactics and English Philology, Tver State University, Tver.

Zaitsev A.I., Bachelor of Arts in History, Master of Arts in International Relations. Department of General History, North Caucasus Federal University.

Zalevskaya V.Yu., Fourth-year student, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University.

Zharova E.M., Foreign Language Teacher, Municipal Secondary School No. 16, Tver.

Zhidyaeva E.S., PhD in Sociology, Associate Professor. Academy of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar.

Zemtsova Yu.V., Third-year student. Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, a branch of Tyumen State University.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»
Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов;
помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.
Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.
Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.
Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:
* допечатная доработка (по желанию автора);
* редактирование;
* корректура;
* подготовка электронного макета;
* присвоение ISBN;
* присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
* разработка дизайна обложки;
* печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
* передача 16 экземпляров в Книжную палату;
* рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru